

HN NV9P %

XS 78.25

Harvard College Library

BOUGHT FROM THE FUND

BEQUEATHED BY

FRANCIS SALES

INSTRUCTOR IN SPANISH AND FRENCH

1816-1854

12-260

Aug
a. a.

1211

РУССКАЯ
БЕСЪДА.

І.

РУССКАЯ
БЕСѢДА.

=

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ ЛИТЕРАТОРОВЪ.

ИЗДАВАЕМОЕ

ВЪ ПОЛЬЗУ А. Ф. СМЕРДИНА.

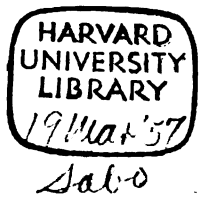
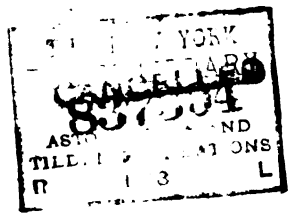
ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1841.

△
XS 78-25

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. 30 Сентября 1841 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

Цензоръ *А. Очкинъ.*

ВЫСОЧАЙШЕ ОСОБЫ

УДОСТОВЕРИЛИСЯ ПОДПИСАТЬСЯ

на

РУССКУЮ БЕСѢДУ.

Доклада.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ.	5
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ Ве- ликий Князь Константинъ Николаевичъ.	3
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ Ве- ликий Князь Николай Николаевичъ.	3
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ Ве- ликий Князь Михаилъ Николаевичъ.	3

Морзе 7

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

Гг. ПОДПИСАВШИХСЯ

до 1-го Октября, 1841 года.

Экземп.л.

АВЕРИНЪ, СТЕПАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ.	1
АКИМОВЪ, Корпуса Корабельныхъ Нижен. Капитанъ. <i>Въ Николаевъ.</i>	1
АЛЕКСѢЕВЪ, НИКОЛАЙ СТЕПАНОВИЧЪ. <i>Въ Бѣлозерскъ.</i>	1
АЛЕКСѢЕВЪ, ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, Гвардіи Поручикъ.	1
АЛЕЩЕВЪ, ПАВЕЛЪ РОДІОНОВИЧЪ, Подполковникъ.	1
АЛЕФРОВСКІЙ, ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Почетный Гражданинъ.	1
АНАШИНЪ, АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, Его Высокоблагородіе.	1
АНДРЕЕВЪ, АЛЕКСѢЙ СИМОНОВИЧЪ, Надв. Совѣтникъ.	1
АНДРЮКОВЪ, МИХАЙЛА НИКОЛАЕВИЧЪ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Оренбургъ.</i>	1
АПАРИНЪ, ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ, Книгопродавецъ. <i>Въ Харьковъ.</i>	2
АРХИВЪ ГЛАВНЫЙ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.	1
АСЫСЛОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ АФАНАСЬЕВИЧЪ. Сиб. пунецъ.	1
АСТАФЬЕВЪ, НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.	1
АСТАШЕВЪ, ИВАНЪ ДМИТРИЕВИЧЪ, Коллеж. Совѣтникъ. <i>Въ Томскъ.</i>	1
АФАНАСЬЕВЪ, АЛЕКСѢЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, Надв. Совѣтникъ.	1
БАЛКАШИНЪ, ПАВЕЛЪ ДМИТРИЕВИЧЪ, Капитанъ 1-го ранга.	1

БАРТЕМѢВЪ, ЮРІЙ НИКИТИЧЪ, Статскій Совѣтникъ.	1
БАЧМАНОВЪ, ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ. Его Высокоблагородіе.	1
БЕЗКАРОВАЙНИЙ, ИГНАТІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Дѣйстви- тельный Статскій Совѣтникъ.	1
БЕКЛЕШОВЪ, А. Б.	1
БИБИКОВА, АННА ИВАНОВНА, Ея Превосходительство.	1
БИБЛИОТЕКА Главнаго Инженернаго Училища.	1
БИБЛИОТЕКА Императорскаго Казанскаго Универси- тета. <i>Въ Казани.</i>	1
БИБЛИОТЕКА Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго Полка.	1
БИБЛИОТЕКА Публичная. <i>Въ Симферополь.</i>	1
БИБЛИОТЕКА Студентская Императорскаго Казан- скаго Университета. <i>Въ Казани.</i>	1
БИБЛИОТЕКА Флотская Кронштатская. <i>Въ Кронштадтъ.</i>	5
БЛИНОВЪ, НИКИТА СТЕПАНОВИЧЪ, Сиб. купецъ.	5
БОЛГАРОВЪ, МИХАЙЛА ФЕДОРОВИЧЪ, Губ. Секретарь, по- мѣщикъ. <i>Въ Прилукахъ.</i>	1
БОГОСЛОВСКІЙ, П., Докторъ Медицины.	1
БОЛОТНИКОВА, СОФІЯ ВЪГРАФОВНА, Полковница.	1
БОРЩОВЪ, МИХАЙЛА АНДРЕЕВИЧЪ, Полковникъ. <i>Въ Бл- городь.</i>	1
БОЯРИНОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, Чинovníкъ 5го класса.	1
БРОВЦЫНЪ, Генералъ-Маіоръ.	1
БУНЯКОВСКІЙ, ВИКТОРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ. Академикъ.	1
БУТКЕВЪ, ЛЕОНТІЙ ПЕТРОВИЧЪ.	1
БЪЛЯЕВЪ, ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ, Его Высокоблагородіе.	1
БЪЛЯЕВЪ, КОЗЬМА ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Коммисіонеръ питей- наго сбора. <i>Въ Яранскъ.</i>	1
ВАГИНЪ, ИВАНЪ СЕМЕНОВИЧЪ.	1
ВАСИЛЬЕВЪ, ЛЬСНИЧИЙ. <i>Въ Камсковоткинскомъ Заводъ.</i>	1
ВЕЙДЕЛЬ, ДМИТРІЙ ПАВЛОВИЧЪ, Надворный Совѣтникъ.	1
ВИТГЪ, ГРАФЪ АЛЕКСАНДРЪ ОСИПОВИЧЪ, Полковникъ.	1

Виттъ, Хрестьянъ Яковлевичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Владимирскій, Викторъ Александровичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Бѣлозерскъ.</i>	1
Владимировъ, Николай Николаевичъ, Кол. Ассесоръ.	1
Война, Петръ Ивановичъ, Помѣщикъ: <i>Въ Бажмутъ.</i>	1
Воробьевъ, Алексѣй Петровичъ, купеческій сынъ.	1
Воровицъ, Михайла Федоровичъ, Надв. Совѣтникъ.	1
Воротниковъ, Семенъ Сергѣевичъ, Его Высокобл. <i>Въ Калугу.</i>	1
Вотчинное Его Свѣтлости Кнзя Варшавскаго, Графа Паскевича Эриванскаго Управленіе. <i>Въ Вѣлицу.</i>	1
Всеволожская, Палагея Николаевна.	1
Всеволожскій, Николай Васильевичъ, Его Высокобл.	1
Выткинъ, Алексѣй Федотовичъ, Переяславкой 1. гильдіи Купеческій сынъ. <i>Въ Шуу.</i>	1
Галенинъ, Михайла Николаевичъ.	1
Геслингъ, Николай Николаевичъ, Коллеж. Совѣтникъ	1
Глаголевъ, Андрей Гавриловичъ, Статскій Совѣтникъ.	1
Глинка, Владимиръ Андреевичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Екатеринбургъ.</i>	1
Голенищевъ-Кутузовъ, Михайла, Титулярный Совѣтникъ, помѣщикъ. <i>Въ Торопу.</i>	1
Голицына, Княгиня Авдотья Ивановна.	1
Голицынъ, Его Сіятельство, Князь Александръ Николаевичъ, Дѣйствительный Тайн. Совѣт. 1-го класса	1
Горностаевъ, Его Высокоблагородіе.	1
Графа, Иванъ Ивановичъ, Статскій Совѣтникъ.	1
Громовъ, Сергѣй Алексѣевичъ, Его Превосходительство.	1
Гуляевъ, Егоръ Ивановичъ, 2. гильдіи купецъ. <i>Въ Сель Кійскомъ, Толск. Губ.</i>	1
Давыдовскій, Михайла Ивановичъ, Подпоручикъ. <i>Въ Данковъ.</i>	1

ДАЛЕРЪ, ИВАНЪ КРЕСТЬЯНОВИЧЪ.	1
ДЕ ЛИВРОНЪ, АЛЕКСАНДРЪ ФРАНЦОВИЧЪ, НАДВОРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ДМИТРИЕВЪ, МИХАЙЛА ДМИТРИЕВИЧЪ, ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.	1
ДРУЖИНИНЪ, ВАСИЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ЕВРЕЙНОВЪ, АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ, КОЛЛЕЖ. СОВѢТНИКЪ.	1
БЛАСЪЕВЪ, ПАВЪЛЪ, КАЛУЖСКІЙ ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. <i>Въ Києвъ.</i>	1
ЕЛЬЧАНИНОВЪ, НИКОЛАЙ МАТВѢЕВИЧЪ, ПРЕДВОДИТЕЛЬ ДВОРЯНСТВА. <i>Въ Бѣломъ.</i>	1
ЖИВОТОВСКІЙ, ПЕТРЪ ФИЛИПОВИЧЪ, ЧИТОВНИКЪ 9-го КЛАССА.	1
ЖУКАНОВЪ, АЛЕКСѢЙ ГЕРАСИМОВИЧЪ, ВГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЕ. <i>Въ Бобруйскъ.</i>	1
ЗАГРЕЖСКІЙ, МИХАЙЛА АНДРЕЕВИЧЪ, ПОЛКОВНИКЪ. <i>Въ Воронежъ.</i>	1
ЗАКЕВИЧЪ, МАТВѢЙ ИВАНОВИЧЪ, Спб. Книгопродавецъ.	1
ЗЕЛЕНЫЙ, СЕМЕНЪ ИЛЬИЧЪ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.	1
ЗЕНКВИЧЪ, МИХАЙЛА ПЕТРОВИЧЪ, ТИТУЛАРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ЗОТОВЪ, ИВАНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, ТИТУЛАРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	2
ИВАНОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, ПОРУЧИКЪ, 1 го Оренб. Казачьяго Полка, Полковой Казначей. <i>Въ Уфѣ.</i>	1
ИВАНОВЪ, АРДАМОНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, КОЛЛЕЖСКІЙ АССЕССОРЪ.	1
ИВАНОВЪ, ПАВЕЛЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, ОБЕРЪ-БЕРГЪ-ГАУПТМАНЪ 5-го КЛАССА. <i>Въ Пермь.</i>	1
ИВАНОВЪ, ПЕТРЪ КАРПОВИЧЪ, ТИТУЛАРНЫЙ СОВѢТНИКЪ. <i>Въ Нытванскомъ заводѣ.</i>	2
ИКОРНИКОВЪ, ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ, Почет. Гражданинъ.	1
ИЛЬИНЪ, НИКИТА ИВАНОВИЧЪ, НАДВОРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ИМПЕРАТОРСКОЕ УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДЕНІЯ.	1

Иренинъ, Василій Федоровичъ, Капитанъ-Лейтенантъ.	1
Искрнѣевъ, Николай Михайловичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Одессѣ.</i>	1
Истоминъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Варшавѣ.</i>	20
Іасафъ, Иеромонахъ, Инспекторъ Семинаріи. <i>Въ Одессѣ.</i>	1
Іогансонъ, Александръ Ивановичъ, Его Благородіе.	1
Камемскій, Федоръ Ивановичъ.	1
Караевъ, Петръ Афанасьевичъ.	1
Карновъ, Василій Николаевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.	1
Кастерцинъ, Алексѣй Ивановичъ, Сиб. Купеческій сынъ.	1
Кивертъ, Татьяна Кононовна. <i>Въ Пенѣ.</i>	1
Кирѣевъ, Александръ Дмитриевичъ.	1
Климовичъ, Моисей Романовичъ, Коллежскій Ассесоръ. <i>Въ Кизлярѣ.</i>	1
Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, Его Превосходительство.	1
Княжевичъ, Владиславъ Максимовичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Симферополь.</i>	1
Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Одессѣ.</i>	1
Княжевичъ, Николай Максимовичъ, Его Превосходительство. <i>Въ Рязани.</i>	1
Кобылинскій, Петръ Николаевичъ, Стат. Совѣтникъ	3
Козловъ, Иванъ Ивановичъ, Купецъ.	2
Колобовъ, Петръ Афанасьевичъ, Спб. Купецъ.	1
Кологривова, Варвара Николаевна. <i>Въ Туль.</i>	1
Комаровъ, Дѣйствительный Стат. Совѣтникъ. <i>Въ Одессѣ.</i>	1
Кондратьевъ, Петръ Степановичъ, Купецъ.	1
Контора нитейнаго откуза. <i>Въ Перми.</i>	1
Коробановъ, Владиміръ Петровичъ, Генераль-Маіоръ, Предводитель Дворянства. <i>Въ Смоленскѣ.</i>	1
Корытковъ, Ефимъ Ивановичъ, Купеческій братъ. <i>Въ Валдаѣ.</i>	1

Кошкинъ, Павелъ Петровичъ, Сиб. Купецъ.	1
Крейсъ, Яковъ Ивановичъ, Иностранецъ.	1
Кроноткинъ, Князь Михайла Алексѣевичъ. <i>Въ Рязани.</i>	1
Крумингъ, Мартынъ Давыдовичъ, Титул. Совѣтникъ.	1
Кублицкій, Николай Потаповичъ, Полковникъ.	1
Кузнецовъ; Алексѣй Андреевичъ, Сиб. купецъ.	1
Купряновъ, Иванъ Антоновичъ, Капитанъ 1. ранга.	1
Куприяновъ, Михайла Ивановичъ, Почет. Гражданинъ.	1
Ладыженскій, Михайла Васильевичъ, исправляющій должность Тобольскаго Гражданскаго Губернатора. <i>Въ Тобольскъ.</i>	1
Ланнинъ, Василій Сергѣевичъ, Коллежскій Совѣтникъ.	1
Лашкаревъ, Григорій Сергѣевичъ, Его Превосходителство. <i>Въ Житомиръ.</i>	1
Лебединскій, Валеріанъ Степановичъ.	1
Левницкій, Николай Ивановичъ, Титул. Совѣтникъ.	1
Лентюжниковъ.	1
Лермантовъ, Михайла Николаевичъ, Контръ-Адмиралъ.	1
Леръ, Александръ Ивановичъ.	1
Лесковъ, Александръ Васильевичъ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Бѣлозерскъ.</i>	1
Литовъ, Степанъ Ивановичъ, Книгопродавецъ. <i>Въ Кіевъ.</i>	2
Лукашевичъ, Владиміръ Акимовичъ, помещикъ. <i>Въ Золотоношъ.</i>	1
Львицкій, Сергѣй Львовичъ, Его Высокоблагородіе.	1
Любавинъ.	1
Мазаракій, Семенъ Семеновичъ, Артиллеріи Генераль-Маіоръ.	1
Майеръ, Александръ Львовичъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ.	1
Максимовичъ, Иванъ Корниловичъ, Генераль-Маіоръ, Командующій Резервною Дивизією отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. <i>Въ Таганрогъ.</i>	1

МАРКОВЪ, ИВАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, Тайный Совѣтникъ.	1
МАРТЫНЦОВЪ, ЮЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Коллеж. Ассесоръ.	1
МАСАЛЬСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ ПЕТРОВИЧЪ, Стат. Совѣтникъ	1
МАТУШКИНЪ, АЛЕКСѢЙ СЕМЕНОВИЧЪ, Поручикъ.	1
МЕКЕШИНЪ, ЧИЛОВНИКЪ.	1
МЕЛЬГУНОВЪ, НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Штабсъ-Капитанъ.	1
МЕНШАКОВЪ, ДМИТРІЙ ИВАНОВИЧЪ, Купецъ.	1
МЕНЬЩИКОВЪ, ПАВЕЛЪ НИКИТИЧЪ.	1
МИКЛАШКОВСКІЙ, ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ, Маіоръ. <i>Въ Лебединь.</i>	1
МИЛОРАДОВИЧЪ, ДМИТРІЙ, Полковникъ. <i>Въ Лоселъ.</i>	1
МИТУСОВЪ, ГРИГОРІЙ ПЕТРОВИЧЪ, Тайный Совѣтникъ.	1
МОИСѢЕВЪ, НИКОЛАЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Коллежскій Совѣт- никъ. <i>Въ Казани.</i>	1
МОРДВИНОВЪ, Графъ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ.	1
МОРОЗОВЪ, АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ.	1
МУРАВЬЕВЪ, ПАВЕЛЪ МАТВѢЕВИЧЪ, Директоръ Училища Торговаго Мореплаванія.	1
МЫСЛОВСКІЙ, ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, Протоіерей.	1
Начальникъ Штаба Инженерова дѣйствующей Ар- міи. <i>Въ Варшавѣ.</i>	1
НЕИЗВѢСТНАЯ.	1
НЕИЗВѢСТНЫЯ.	4
НЕПЛОЕВЪ, ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ, Полковникъ.	1
НЕРАТОВЪ, Артиллеріи Генераль-Лейтенантъ. <i>Въ Ниссе- скомъ оружейномъ Заводѣ.</i>	1
ОЛЬХИНЪ, МАТВѢЙ ДМИТРИЕВИЧЪ, Курьеръ Министра Финансовъ.	1
П. И. Б.	1
ПАЛЬМИНА, Клеопатра Викторовна, Ея Высокоблavo- родіе. <i>Въ Ярославль.</i>	1
ПАСКЕВИЧЪ, Его Свѣтлость Г. Генераль-Фельдмаршалъ Князь ИВАНЪ ФЕДОРОВИЧЪ Варшавскій, графъ Эри- ванскій. <i>Въ Варшавѣ.</i>	1

Пахомовъ, Майоръ Вгерскаго Его Высочества Вели- каго Князя Михаила Павловича Полка. <i>Въ Нерехтѣ.</i>	1
Петрежитскій, Севастьянъ Ивановичъ, Коллежскій Ассесоръ.	1
Петъ, Гаврила Васильевичъ, Его Превосходительство.	1
Пихельштейнъ, Полковникъ, Командиръ 10 ^а Артил- лерійской Бригады. <i>Въ М. Богуславѣ.</i>	1
Подгорновъ, Иванъ Андреевичъ, Комиссiонеръ. <i>Въ Рыбинскѣ.</i>	1
Политковскій, Петръ Семеновичъ, Надв. Совѣтникъ.	1
Половцовъ, Александръ Андреевичъ, Стат. Совѣтникъ	1
Польновъ, Дмитрій Васильевичъ, Его Высокоблагородіе.	1
Поновъ, Василій Михайловичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Похвисневъ, Иванъ Дмитриевичъ. <i>Въ Суммѣхъ.</i>	1
Прокофьевъ, Иванъ Васильевичъ, Комм. Совѣтникъ.	1
Протасьевъ, Иванъ Александровичъ, Поручикъ. <i>Въ Воронежѣ.</i>	1
Протопоповъ, Сimeнъ Александровичъ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
Прияшниковъ, Федоръ Ивановичъ, Тайн. Совѣтникъ.	10
Радченко, Федоръ Парфентьевичъ, Подполковникъ. <i>Въ Гамель.</i>	1
Ракитинъ, Иванъ Михайловичъ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
Раннигеръ, Коллежскій Секретарь. <i>Въ Екатеринбургѣ.</i>	1
Ремгальдъ, Иванъ Егоровичъ, Коллежскій Ассесоръ, Инспекторъ Главнаго Нѣмецкаго Училища.	1
Решевъ, Петръ Андреевичъ, Коллежскій Ассесоръ.	1
Рефельдъ, Полковникъ, Командиръ 15 Полевой Артил- лерійской Бригады. <i>Въ Никополь.</i>	1
Рижордъ, Петръ Ивановичъ, Вице-Адмиралъ.	1
Роговъ, Николай Анкудиновичъ.	1
Рзвинъ, Платонъ Ивановичъ, Почет. Гражданинъ. <i>Въ Вяткѣ.</i>	1
Савицкій, Лукьянъ Лаврентьевичъ, Аудиторъ. <i>Въ Шкловѣ.</i>	1

САГАТОВСКИЙ, ВИКЕНТІЙ ОСИПОВИЧЪ Коллежскій Ассесоръ, Смотритель Царскосельскаго Военнаго Госпиталя. <i>Въ Царскомъ Сель.</i>	1
САДОЛЬСКИЙ, АНДРЕЙ КУЗМИЧЪ.	1
САФРОНОВЪ, ЮЛІЙ, ПОДПОЛКОВНИКЪ. <i>Въ Волыскъ.</i>	1
СВѢЧНИЧЪ, КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Капитанъ. <i>Въ Ефремовъ.</i>	1
СЕЛЕЗНЕВЪ, ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ, Губернскій Секретарь.	13
СЕЛВАНОВЪ, ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, Штабсъ-Капитанъ. <i>Въ Зарайскъ.</i>	1
СЕЛУНСКИЙ, КСЕНОФОНЪ ИВАНОВИЧЪ, Полковникъ. <i>Въ Нижнемъ Ламосъ.</i>	1
СЕНЯВИНЪ, ЛЕВЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, Его Превосходительство.	1
СЕРЕБРЕННИКОВЪ, ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ, Кунеческій сынъ. <i>Въ Крестцахъ.</i>	1
СЕРЕДА, АННИЙ ИВАНОВИЧЪ, Его Высокоблагородіе. <i>Въ Оренбургъ.</i>	1
СИДОРОВЪ, ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ, Спб. Кунеческій сынъ.	1
СИПАЙЛОВИЧЪ, ПАВЕЛЪ МАТВѢЕВИЧЪ, Титулярный Советникъ. <i>Въ Бирскъ.</i>	1
СОКОЛОВЪ, ВАСИЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Секретарь Таможи. <i>Въ Троицкъ, Оренб. Губ.</i>	1
СОЛОВЬЕВЪ, АЛЕКСАНДРЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ, Спб. Кунецъ.	1
СОЛОДОВНИКОВЪ, НИКОЛАЙ НАЗАРОВИЧЪ.	1
СПИРИДОВЪ, АЛЕКСѢЙ АЛЕКСѢЕВИЧЪ. <i>Въ Москвѣ.</i>	1
СТЕПАНОВЪ, ПОЛКОВНИКЪ.	1
СТРУКОВЪ, ПЕТРЪ АНАШЬЕВИЧЪ, Полковникъ.	1
СТЫГИНСКИЙ, ВИКЕНТІЙ ЕГОРОВИЧЪ, Статскій Советникъ. <i>Въ Гроднѣ.</i>	1
СУМЕРКИНЪ, ВАСИЛІЙ ФЕДОРОВИЧЪ.	1
СУШКОВЪ, НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ, Его Высокородіе. <i>Въ Пензѣ.</i>	1
ТАТАРИНОВЪ, АНТИПЪ МАКСИМОВИЧЪ.	1

ТАТАРИНОВЪ, ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ, ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ТИШЬКОВЪ, СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ. ПОЛКОВНИКЪ.	1
ТУЛИНОВЪ, КАНДИДАТЪ СІБ. УНИВЕРСИТЕТА.	1
ТЮРИНЪ, ФЕДОРЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ, КОЛЛЕЖСКІЙ СОВѢТ- НИКЪ. <i>Въ Харьковѣ.</i>	1
УКЛОНСКІЙ, П. А., ПОЧТМЕЙСТЕРЪ. <i>Въ Гатчинѣ.</i>	1
УЛЯНИНЪ, АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ, ЕГО ВЫСОКОБЛА- ГОРОДИЕ.	1
УНГЕБАУЕРЪ, АЛЕКСАНДРЪ АНДРЕЕВИЧЪ, ГЕНЕРАЛЬ- МАЙОРЪ. <i>Въ Гроднѣ.</i>	1
УПРАВЛЯЮЩІЙ ИНЖЕНЕРНОЮ КОМАНДОЮ. <i>Въ Севеборгѣ.</i>	1
УЧИЛИЩЕ, ГЛАВНОЕ НѢМЕЦКОЕ.	1
УЧИЛИЩЕ УЪЗДНОЕ. <i>Въ Волчанскѣ.</i>	1
УШАКОВЪ, ИВАНЪ ЕГОРОВИЧЪ, ТИТУЛЯРНЫЙ СОВѢТНИКЪ. <i>Въ Гельсингфорсѣ.</i>	1
ФИЛИМОНОВЪ, АПОЛОНЪ МАТВѢЕВИЧЪ, ПОЧЕТ. ГРАЖДАНИНЪ.	1
ФИЛОСОВОВЪ, АЛЕКСѢЙ ИЛАРИОНОВИЧЪ, ГЕНЕРАЛЬ-МАЙОРЪ.	1
ФИЛАКОВСКІЙ, АЛЕКСѢЙ ФИЛИППОВИЧЪ, ЕГО ПРЕВОСХОДИ- ТЕЛЬСТВО.	1
ФОЛЬКВЕЙНЪ, КАРЛЬ, НАДВОРНЫЙ СОВѢТНИКЪ. <i>Въ Вла- дімирѣ, Волын. Губ.</i>	1
ФОНЪ ВІЛЬКЕНЪ, ПОДПОЛКОВНИКЪ. <i>Въ Полтавѣ.</i>	1
ФОНЪ ДЕРНИГЪ, ГЕОРГІЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ, НАДВОРНЫЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ХАРКЕВИЧЪ.	
ХИТРОВО, НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, НАДВ. СОВѢТНИКЪ.	1
ХМЕЛЕВЪ, НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧЪ, ГВАРДІИ - КАПИТАНЪ- ЛЕЙТЕНАНТЪ. <i>Въ Великихъ Лукахъ.</i>	1
ХРИСТИАНОВИЧЪ, ГРИГОРІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ.	1
ХРИСТОФОРОВЪ, ГРИГОРІЙ КСЕНОФОНТОВИЧЪ, ЛЕЙТЕНАНТЪ.	1
ЦВѢТКОВЪ, ВАСИЛІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, ПОДПОЛКОВНИКЪ.	1

Цыбалистовъ, Герасимъ Васильевичъ, Дѣйствитель- ный Статскій Совѣтникъ.	1
Червонный, Подполковникъ. <i>Въ Саратовъ.</i>	1
Четыркинъ, Романъ Сергѣевичъ, Статскій Совѣтникъ. <i>Въ Варшаву.</i>	1
Чутинъ, Николай Ивановичъ, Титул. Совѣтникъ.	1
Шамшевъ, Петръ Александровичъ, Статскій Совѣт- никъ. <i>Въ Миргородъ.</i>	1
Шапошниковъ, Александръ Григорьевичъ, Его Высо- коблагородіе. <i>Въ Витебскъ.</i>	1
Шестаковъ, Алексѣй Антиповичъ, Кап.-Лейтенантъ.	1
Шиловъ, Дмитрій Михайловичъ, Чистовольскій Купецъ. <i>Въ Архангельскъ.</i>	1
Шимановскій, Николай Викторовичъ, Предводитель Дворянства. <i>Въ Шуу</i>	1
Шуеинъ, Александръ Васильевичъ, Помѣщикъ.	1
Шульгинъ, Петръ Ивановичъ, Коллежскій Совѣтникъ <i>Въ Новгородъ.</i>	1
Шушинъ, Григорій.	1
Эссенъ, Кирилла Федоровичъ, Надвор. Совѣтникъ.	1
Юнгмейстеръ, Юлій Андреевичъ, Сиб. книгопродав.	10
Юрьевичъ, Семенъ Алексѣевичъ, Генераль-Майоръ.	1
Юханцовъ, Николай Ивановичъ, Коллеж. Совѣтникъ.	1
Яковлевъ, Алексѣй Ивановичъ, Корнетъ.	1
Яковлевъ, Иванъ Тарасовичъ, Сиб. Купецъ.	1
Яковлевъ, Павелъ Николаевичъ, Коллеж. Ассесоръ.	1

О Г Л А В Л Е Н І Е :

- ✓ **АЛЕКСАНДРИНА**, небольшой романъ, взятый изъ записокъ Юрія З***, соч. Федора Фав-Дима.
- ✓ **БАРЫНЯ**, соч. Никола Шапегов.
- ВИДѢНІЕ НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ**, соч. К. Батюшкова.
- ИЗЪ ПОВѢДКИ ВЪ КРЫМЪ**, соч. В. Бемедиктова.
- ✓ **ЛАНДЫШИ**, разсказъ старушки, соч. М. Жуковой.
- ✓ **СЛѢПОЙ СЛУЧАЙ**, соч. Г. Р. Держанина.
- ✓ **КНЯЗЬ МАРГЕРЬ ПИЛОНСКІЙ**. Разсказъ Цвиркуна, великаго попомшаго, Великаго Княжества Литовскаго. Историческая повѣсть XIV вѣка, соч. Н. В. Кукальника.
- РУССКАЯ ПѢСНЯ**, соч. Князя Д. Кропоткина.
- ИЗМѢННИЦА**, соч. Бернета.
- ✓ **КОЧУБЕЙ**, драма въ 3 дѣйствіяхъ, соч. Н. Кульжипскаго.
- НА СМЕРТЬ МОЕЙ ПЛЕМЯННИЦЫ**, соч. Князя Шаховскаго.
- ✓ **ФУЛЬТОНЪ**, повѣсть, соч. П. Каменскаго.
- КОМАРЪ**, басня, соч. Б. М. Федорова.
- ЖАЛОБА**, соч. Э. Губера.
- МЕЧТА**, соч. Князя Кузнецова.
- ✓ **СМЕРТЬ ДАНТА**, соч. Автора путешествія въ Святые мѣста.
- ВИДѢНІЕ ІЕЗЕКІИЛЯ**, соч. Бародны.

АЛЕКСАНДРИНА.

АЛЕКСАНДРИНА.

(НЕБОЛЬШОЙ РОМАНЪ, ВЗЯТЫЙ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЮРІЯ З*)

There are more things in heaven and
earth, Horatio,
Than are dreamt of in your philosophy.
Shakspeare. Hamlet.

Есть многое въ природѣ, другъ Го
раціо,
Что и не снилось нашимъ мудрецамъ.
Переводъ Вронченки.

I.

ТАЙНА НЕВѢСТЫ.

=

Семейный обѣдъ нашъ кончился среди задушевныхъ разговоровъ, въ которыхъ весело и непринужденно выливались всѣ думы, всѣ желанія' бесѣдующихъ. Тепло и привѣтно бывало мнѣ всегда въ кругу милыхъ и до-
Алекс.

брыхъ сестеръ, въ присутствіи снисходительной матери, но въ этотъ день было веселіе обыкновеннаго. Юлія и Надина сочувствовали мнѣ въ полной мѣрѣ, потому что, кромѣ особой причины *моей* веселости, и кромѣ обычной беззаботной радости, происшедшей отъ сердечнаго довольства, въ этотъ день насъ всѣхъ оживляло приятное ожиданіе: очаровательный для юнаго, неутомленнаго воображенія призракъ — балъ въ перспективѣ, не далѣе какъ въ тотъ же самый, благополучный вечеръ.

Вы не поймете меня, охлажденные, состарѣвшіеся прежде времени, посѣтители баловъ большаго свѣта, гдѣ вы такъ величаво павлинитесь своимъ принужденнымъ *bon ton* и непринужденною зѣвотою! И вы, гордые царицы этихъ баловъ, съ сердцами закованными въ тройныя латы кокетства, пресыщенія и чванства! Для васъ каждое собраніе — битва, и не всякое увѣнчивается побѣдой, а между тѣмъ, сколько часовъ, проведенныхъ передъ зеркаломъ, сколько изученныхъ движеній, сколько заботъ о тайнахъ туалета предшествуютъ рѣшительной минутѣ! И сколько думъ, сколько расчетовъ, сколько военныхъ хитростей перекружится въ щой завитой головкѣ прежде, нежели красавица, увѣрившись въ исправности своего вооруженія, съ улыбающимся лицомъ, съ свѣтлыми, увѣренными взорами, ступитъ маленькой ножкой на скользкое, натертое воскомъ поприще ожидаемаго торжества!

И если всѣ эти умственные, пластическіе и туалетныя труды возобновляются почти каждый вечеръ въ продолженіе цѣлой зимы? — это ужасно! О! я по-

нимаю, милостивыя государыни, какъ вы должны презирать, ненавидѣть эти балы, которые достаются вамъ такою дорогой цѣною! Я вѣрю, что въ душѣ вы точно ненавидите ихъ, хотя въ нихъ проходитъ вся ваша жизнь, и тѣмъ болѣе я изумляюсь передъ чуднымъ талантомъ, съ какимъ вы такъ неподражаемо разыгрываете сцены непринужденной, всеувлекающей веселости: право, никто лучше меня не отдаетъ справедливости вашему артистическому притворству. Когда возвратившіеся изъ Париза знакомые приводятъ меня въ зависть, рассказывая, какъ совершенна была Mlle Magz въ роли Селимены, я утѣшаю себя воспоминаніемъ, что и я видѣлъ B** на такомъ-то балѣ, слышалъ неподражаемую по своей *causerie de salon* B** на извѣстномъ шикникѣ. Только мнѣ часто бываетъ жаль васъ, трогательныя, великодушныя жертвы кокетства, какъ бываетъ жаль хорошаго актера, которому навязываютъ дрянную роль.

Къ счастью, ни я, ни сестры мои не принадлежимъ къ большому свѣту, ни къ числу людей, разочарованныхъ пошлымъ и безжизненнымъ повтореніемъ тѣхъ удовольствій, которыя должны служить только минутнымъ отдохновеніемъ отъ настоящихъ занятій. Для насъ балъ имѣлъ еще очаровательную прелесть, даже поэтическую сторону, и отъ мысли провести вечеръ въ танцахъ, танцовало воображеніе, а за нимъ и молодое сердце.

Вотъ почему мнѣ было весело и хорошо въ ожиданіи бала.

Жду вечера; вечеръ на этотъ разъ былъ не ле-

*

гокъ на поминѣ: въ ожиданіи, время ползеть на костыляхъ, будто разбитое парализчемъ.

Ждать пождать, бьетъ пять часовъ — еще четыре часа ждать, вѣчность!

Зову будущее, гоня прочь настоящее: ему нѣтъ мѣста, когда двадцатипятилѣтній влюбленный молодой человекъ собирается на балъ. Еще четыре часа, а сердце мое уже давно у Долнскихъ, и вѣрно первымъ гостемъ явилось на вечерѣ. Почему нѣтъ крыльцевъ у меня, чтобы вслѣдъ за сердцемъ упорхнуть туда же, и услужливымъ геніемъ невидимкою участвовать въ веселыхъ приготовленіяхъ праздника? О! если бы волшебству любви, проявлявшемуся только въ духовной жизни, дана была власть и на предметы внѣшняго міра, я бы огнемъ душевнаго счастья освѣтилъ храмину, гдѣ увижу милую, и убралъ бы ее сокровищами моего воображенія! Какъ бы мнѣ хотѣлось создать магическій островокъ радости, и на немъ отдѣлится отъ всего прочаго міра мою Ольгу! мою! да, она будетъ моею, будетъ сегодня же... Непопятная робость до сихъ поръ оковывала признаніе на устахъ моихъ, но глаза были смѣлые; они высказывали ей многое, и она не отвергала нѣмыхъ откровеній: на мои взоры, ея голубые глазки отвѣчали такъ пріятно! о, она будетъ моею, будетъ, будетъ!...

Чу! бьетъ семь часовъ! Ужъ не ошибкой ли седьмой часъ опередилъ меньшаго брата, шестой часъ?

Нѣтъ, точно семь часовъ. Видно за картинами воображенія незамѣтно пробѣжали два часа. Всѣ любящія или любившіе поймутъ, какъ время то, кажется,

ползётъ, не доползётъ до урочнаго часа, то летомъ передвинетъ часовую стрѣлку на часъ ожиданія, ухватясь за хвостъ блестящей кометы-мечты.

Да! вотъ будущее словно превратилось въ настоящее, существенное случилось съ воображаемымъ, и я уже среди шумнаго собранія. Нетерпѣливо пробираюсь сивозъ толпу, убѣгая встрѣчи съ знакомыми, чтобы поскорѣе отыскать милую хозяйку дома и — моего сердца. Вотъ она порхнула мимо меня, какъ райская птичка въ вихрѣ быстрого вальса, но успѣла замѣтить меня, и прिवѣтствуя наклопеніемъ головы, тайнымъ для всѣхъ, кромѣ меня, она, казалось, высказала: «здравствуй, желанный гость!» Но все же видѣть милую въ вальсъ съ другимъ, можетъ быть съ соперникомъ, пренепріятная картина, даже въ мечтѣ, и — по мановенію магической воли воображенія, вальсъ кончился, и я съ нею — не знаю какъ, не знаю гдѣ? какого же отчета можно потребовать у своенравной мечты — рука съ рукой... Не чувствуя подъ собой земли, въ упоеніи страсти, я не свожу глазъ съ милой; ея щеки алѣютъ отъ жаркаго соприкосновенія моихъ взоровъ; ея сердце бьется отвѣтно на требованія моего сердца; полусловами, полумолчаньемъ мы высказываемъ другъ другу безконечную поэму первоначальныхъ впечатлѣній любви, эту поэзію разсвѣта чувствъ, которая только одинъ разъ въ жизни пробуждаетъ душу!

Стройно льется шепотъ любви изъ сердецъ, переполненныхъ чувствомъ, словно сладкая пѣснь влюбленнаго соловья; весело и звучно отзывается чарующее эхо взаимности, словно сердца наши вылиты природою

по одному ликалу. Въ самомъ молчаніи были рѣчи: за насъ говорили сердца, и говорили очи, и пожатіе руки и тайный трепеть, а тамъ снова уста рвались досказывать то, чего не высказывали очи, или вѣмыя рѣчи души. Но вотъ снова вѣтъ ни звуковъ, ни знаковъ для выраженія чувствъ, и снова, то замирають слова, то очи, утомленные пылкою рѣчью, застилаются слезою, то разливъ рѣчи перерывалъ молчаніе, то молчаніе ложилось снова на уста...

Радость въ рѣчахъ, радость въ молчаніи, радость во взорахъ, въ сердцахъ — рай, душа на устахъ, уста дрожать!...

О! поцѣлуй меня, милая, и выслушай въ моемъ лобзаніи то, чего не могли высказать слова, очи, трепеть! Стыдливая, ты на груди моей хочешь скрыть отвѣтное желаніе твоего сердца: я слышу, ты шепчешь — твоя, твоя!...

О, доживу ли я до такого счастья!

А пережили я его?

Мгновеніе — и мечты мои разсыпались; кто-то дотронулся до меня. «Юрій Александровичъ! не прикажете ли подавать одѣваться? Ужъ двѣнадцатый часъ; барыня давно уѣхала съ барынями, а вы все изволите почивать, да еще какъ странно, съ открытыми глазами!»

Я очнулся, будто послѣ глубокаго сна. Передо мною стоялъ мой камердинеръ, Павликъ, съ запулыми отъ настоящаго долгаго сна глазами, и онъ же упрекалъ меня въ сонливости! Опомившись, смотрю съ недоувѣрчивостію: стрѣлка перешла за одиннадцатъ!...

Бѣдный! давно ли упрекалъ я время въ медленномъ ходѣ, а время опередило мое желаніе. И какъ же могъ я забыть настоящую Ольгу для Ольги моего воображенія? Какъ могъ я такъ живо видѣть ее передъ собою, говорить съ нею, слышать ея голосъ, и — чуть, чуть не поцѣловать ее?

Черезъ пять минутъ прозябшіе кони несли меня въ миллионную; черезъ десять я былъ уже на мраморной лѣстницѣ, унизанной сонными лакеями въ разнородныхъ ливреяхъ. Вхожу, нѣтъ, вбѣгаю въ залу: балъ конитъ жизнью и, какъ недавно еще въ моей мечтѣ, я вижу, сотни паръ кружатся въ вальсѣ и мелькаютъ передъ моими очами, еще не опомнившимися послѣ фантастическаго бала; цвѣты, ленты, газъ, кудри волосъ, эпалеты и фраки, все это пестрой тесьмой вилося передо мною.

Въ числѣ вальсирующихъ различилъ я первую — младшую сестру мою, Надину. Кончивъ туръ, она угрозила мнѣ пальчикомъ: «Что это значить, Жоржъ, такъ поздно? *patan* начинала беспокоиться, сказала она громко, и потомъ тихо прибавила: *Olga te boude lambin!*

Вглядываюсь — и что же? въ самомъ дѣлѣ, мое красное солнышко немилостиво взглянуло на меня изъ за тучи длинныхъ рѣсницъ. Я ближе: умышленно разсѣянный видъ замѣнилъ вспышку гѣва, но надутыя губки измѣняли притворницѣ. Легкое наклоненіе головки отвѣчало на мой поклонъ, ни полслова упрека, ни взора для меня: все вниманіе для другихъ.

Сестры осыпали меня вопросами: гдѣ былъ? что

дѣлалъ? почему опоздалъ? Ольга была съ ними, но отвернулась, будто не желая слушать моихъ оправданій. Да и что могъ я отвѣчать? Гдѣ былъ? — сидѣлъ дома. — Что задержало? — ничего. — Что дѣлалъ? — ничего. — Отъ чего же было не пріѣхать раньше?

На этотъ послѣдній вопросъ, за неимѣніемъ ни какого отвѣта, ни хорошаго, ни дурнаго, я оставался нѣмъ какъ рыба... Ольга не могла долѣе выдержать своего притворнаго равнодушія.

«Стало быть, Mr Georges, вы предпочли ничего тому, что надѣялись найти въ нашемъ обществѣ. Это очень лестно слышать для хозяйки! И очень вѣжливо со стороны гостя!»

— Наружность обвиняетъ меня, Ольга Дмитриевна, но я не заслужилъ вашего упрёка; увѣряю васъ.

«Не заслужили! когда вы сами сознаетесь, что оставались дома, такъ, изъ ничего, только бы у насъ не быть?»

— «Неожиданные вопросы Юліи меня смущали: передъ вами лишь думалъ я оправдываться, потому что однѣ вы можете оцѣнить мою защиту.»

«Въ самомъ дѣлѣ? Такъ начнемъ же новый допросъ: отчего вы просидѣли дома до двѣнадцатаго часа, на перекоръ обѣщанію — пріѣхать къ намъ прежде всѣхъ?»

— «Я увлекся разговоромъ.»

«Стало, вы были — не одни!»

— Не одинъ, — отвѣчалъ я, засмѣявшись.

Улыбка исчезла на устахъ Ольги.

Губка опять надулась, въ нахмуренныхъ бровяхъ ясно выразилось неудовольствіе; въ это время заиграли

контрдансъ, и за Ольгой явился ея партнеръ на этотъ танецъ: я едва успѣлъ напомнить о давно обѣщанной мазуркѣ.

«И лучше вѣсь помню свои обѣщанія,» отвѣчала она насмѣшливо, подавая руку своему кавалеру.

Этотъ кавалеръ былъ молодой человекъ высокаго роста, черноволосый и весьма пріятной наружности; его бы можно было назвать красавцемъ, если бь чрезвычайная блѣдность и ужасная худоба не наложили на лице его страшной безжизненности.

Слѣдя за движеніями Ольги, я замѣтилъ, что она съ удовольствіемъ, даже съ увлеченіемъ, казалось, разговаривала съ нимъ. Досада веянула во мнѣ, а ревнивыя очи готовы были увѣрять меня, что въ разговорѣ Ольги было даже чувство пріязни, даже что-то нѣжное... меня бросило въ жаръ: «кто онъ? что онъ? по какому праву любитъ онъ мою цвѣткомъ?»

— Кто это танцуетъ съ Долинскою? спросилъ я у сосѣда зрителя.

— Григорій Становъ, отвѣчалъ мнѣ зритель сосѣдъ.

Я слыхалъ о Становѣ, но нигдѣ не встрѣчался съ нимъ. Онъ слылъ извѣстнымъ вертопрахомъ, вѣчной декорацией всѣхъ возможныхъ баловъ, постояннымъ посѣтителемъ клубовъ, шпрокомъ, охотникомъ до лошадей, до разгульной жизни, однимъ изъ тѣхъ свѣтскихъ людей, которые всякій день ставятъ вабанкъ жизни, здоровье, время. Вспомнивъ о такой незавидной извѣстности Станова, я еще болѣе удивился ласковому съ нимъ обращенію Ольги; раждающаяся ревность жестоко меня мучила; мнѣ казалось, что не будетъ конца

вѣчному, мучительному кадрили; но, какъ все вѣчное на землѣ, и онъ кончился. — Я бросился къ Ольгѣ, и, къ довершенію моей душевной нитки, нашелъ ее опять въ томъ же обществѣ. Она продолжала разговаривать съ Становымъ, и казалась растроганною почти до слезъ; лице Станова было тоже подернуто печалью, странно противорѣчившею мѣсту и времени разговора. Когда я подошелъ, и онъ и она вдругъ замолкли. Что за тайные переговоры могутъ быть у Ольги съ такимъ человѣкомъ? — подумалъ я; что за причина привѣтливости, вниманію и даже явному участию къ существу, такъ мало ихъ заслуживающему? Цѣлый рой противорѣчащихъ предположеній и мучительныхъ мыслей за клубился въ моей головѣ. Съ трепетомъ и нѣмой досадою ожидалъ я минуты завѣтной мазурки.

— Чью же пріятную бесѣду предпочли вы нашему вечеру, Юрій Александровичъ? — спросила меня Ольга, окончивъ первую фигуру.

«Ни чью,» былъ отвѣтъ, которому я старался придать тонъ холодной вѣжливости, не смотря на то, что въ голосѣ, какимъ былъ сдѣланъ ея вопросъ, высказывались и участіе, и вроткая снисходительность, и желаніе повѣрить мнѣ на-слово.

— Опять за прежнее! — сказала Ольга, покачавъ головой — не сами ли вы сознались, что вы увлеклись разговоромъ?

«Да, но это не значитъ, чтобы я предпочелъ чью нибудь бесѣду вашей, потому что это невозможно, потому еще, что я именно разговаривалъ съ вами!»

— Не старайтесь отдыматься шуткой, обвинение очень важно, вы, *chevalier felon*, нарушили обещание: для благородного человека обещание — все равно, что клятва, а клятвопреступление смертельный грѣх такимъ, по крайней мѣрѣ, его считали отъ созданія міра у всѣхъ народовъ, по законамъ всѣхъ религій. Очистите же вашу совѣсть отъ этого ужаснаго обвиненія, объяснивъ темныя обстоятельства съ откровенностію, безъ увертокъ, или... или...

Тутъ она вдругъ остановилась, смѣшалась, и румяною зарей подернулось милое личико строгаго судьи.

Какая досада устояла бы въ эту минуту передъ милымъ созданіемъ? сердце опять забилось любовью и надеждою.

«Договаривайте, Ольга Дмитриевна, договаривайте, ради Бога, ваше или... положимъ, я великій преступникъ, и ничто не можетъ оправдать меня, тогда что же будетъ?»

Она посмотрѣла на меня недовѣрчиво; въ глазахъ ея выразилось твердое убѣжденіе, что передъ ней, я не могу, не хочу и не долженъ остаться неоправданнымъ. Хитро улыбнулась шутковка, и продолжала съ забавною важностію:

— Или вы заставите меня раскашваться, что я желала оправдать законсѣлаго грѣшника!

«О мѣтѣ! въ такомъ случаѣ неумолимый судья сдѣлается вѣрно для меня ангеломъ, и своей небесной благодатию исхититъ бѣдную душу изъ тмы грѣха и преступленія... вѣдь вы не отказались бы подать мнѣ руку помощи?»

— Я подаю вамъ руку — начинать оигуру : и легче воздушной мечты она уже неслась по огромной залѣ.

Милая шутка Ольги сбила меня съ ходуль восторженной рѣчи, но мнѣ не хотѣлось даромъ уступить ей побѣду. Обративъ противъ прекрасной непріятельницы моей ея собственное орудіе, я уже шутками, безъ досады, старался вывѣдать отъ нее что нибудь для объясненія привѣтливаго обращенія ея съ Становымъ.

Мое любопытство видимо было непріятно Ольгѣ. Сначала шуткой, а потомъ съ нѣкоторою важностью ссымалась она на обязанность хозяйки дома, показать какое нибудь вниманіе каждому изъ своихъ гостей; но когда я упрямо изъявилъ желаніе узнать предметъ занимательнаго разговора ея съ Становымъ, замѣтивъ ей, что отъ меня не укрылось сильное участіе, которое она принимала въ этомъ разговорѣ, тогда исчезъ шутливый тонъ, и я примѣтилъ на лицѣ Ольги безпокойство, даже невольное содроганіе. Тутъ сильнѣе разыгралось мое ревнивое воображеніе. Оставя на этотъ разъ всѣ шутки и словесную войну, я просилъ, умолялъ, заклиналъ Ольгу разрѣшить ужасныя сомнѣнія. Она упорствовала въ своемъ молчаніи, и принужденно смѣялась надъ ребяческимъ, какъ она называла, любопытствомъ.

Ревность, досада, опасенія кипѣли въ душѣ моей: откуда взялась рѣшимость объясниться съ Ольгой, между тѣмъ какъ до сихъ поръ, при одной мысли объ этомъ, меня бросало въ холодъ! Я принялъ твердое намѣреніе, во что бы ни стало, доказать ей, что не пустое любопытство владѣло мною, и что я цѣною моего

сердца купилъ право ревниво стеречь ея сердце, и трепетать за каждое его впечатлѣніе.

«Вы напрасно обвиняете меня въ ребяческомъ любопытствѣ: я имѣю на это важныя причины. Моя давшая бесѣда, которую я хотѣлъ утаить отъ васъ...»

— А! наконецъ мы узнаемъ вашу тайну, — сказала она улыбувшись, вѣроятно въ надеждѣ переимѣнить неприятный для нея разговоръ.

«Да! узнаете, Ольга Дмитриевна, но, ради Бога, не сердитесь, если вамъ что нибудь не понравится въ моей откровенности.»

— Не сердитесь? — замѣтила она безпокойно и задумавшись, какъ бы стараясь угадать смыслъ этихъ словъ.

«Да! я увлекся пріятною, очаровательною бесѣдою, и время прошло быстро и незамѣтно.»

— Варю; потому что вы не замѣтили даже, какъ прошелъ вечеръ, обещанный для другихъ.

«Это правда, но правда и то, что очарованіе бесѣды искупаетъ мою вину,» продолжалъ я, внимательно смотря на Ольгу.

Она покраснѣла, но принудила себя улыбунуться, между тѣмъ какъ въ глазахъ ея чуть не слезы навернулись. Я продолжалъ:

«Вы не повѣрили мнѣ, когда я говорилъ, что бесѣдовалъ съ вами?»

— Да, я думаю, что это было невозможно, когда васъ не было здѣсь, и вы были подъ вліяніемъ какого-то очаровательнаго разговора, — отвѣчала Ольга съ обиженною гордостью.

«Что же, если я повторю вамъ, что я точно вамъ посвятилъ весь вечеръ?»

Она молчала, но взоръ ея выражалъ безпокойное любопытство.

«Я точно говорилъ съ вами,» продолжалъ я — «вамъ это кажется непонятнымъ? хорошо, я скажу яснѣе: Развѣ не случалось вамъ, въ минуты, когда желаетъ сердце: и тишина кругомъ не разрываетъ нити вашей думы, олицетворять передъ очами души тѣ предметы, къ которымъ стремится ваше желаніе? Слѣдя за игривою мечтою, развѣ не случалось вамъ заводить разговоры съ тѣми, кого звало ваше сердце?»

Ольга вспыхнула — я продолжалъ.

«Это бываетъ со мною; и съ нѣкотораго времени, съ тѣхъ поръ особенно, какъ мнѣ показалось — обманъ сердца, можетъ быть — что на мою долю судьба вынимала счастливыя билеты изъ лоттерей жизни, это повторяется чаще. Не спросясь васъ, не спросясь, можетъ быть, разсудка — послушный только голосу сердца, увлекаемый будто предопредѣленіемъ, я избралъ васъ предметомъ моей мечты...

Ольга дрожала; то блѣдность, то яркій румянецъ смѣнялись на щекахъ ея. Минуту, казалось, она была въ нерѣшимости, остаться ли ей, или уйти; но, или у ней не достало силъ, или сердце ея было въ заговорѣ со мною — она осталась.

«Ради Бога, дослушайте меня,» продолжалъ я. «Вы, въ мечтѣ моей, были снисходительнѣе, вы слушали меня, и не сердились. Нѣтъ, она, дитя мечты моей, моя Ольга не измѣнила ожиданію моего сердца: на голосъ

мой я слышалъ желанный отголосокъ созвучный, сердечный! на признаніе моего сердца, она отвѣчала мнѣ пожатіемъ руки. Да! на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ вы сидите — она шепнула: «твоя навѣки, твоя!» о! подтвердите же то, что мнѣ сказалъ вашъ двойникъ, вы вѣрно знаете, вы помните...

— Ради Бога, Юрій Александровичъ! — прервала Ольга дрожащимъ голосомъ — вы не знаете, въ какое содроганіе приводитъ меня ваша странная шутка, особливо послѣ разговора объ этомъ Становѣ. Мнѣ страшно... перестаньте хоть изъ жалости!

Я взглянулъ на Ольгу. Она была въ ужасномъ смущеніи, блѣдна, какъ полотно, губы ея дрожали. Но я уже слишкомъ далеко зашелъ, и не могъ остановиться.

«Почему же вамъ страшно повѣрить, что я говорю съ вами? Развѣ нѣтъ чувствъ довольно сильныхъ, чтобы уничтожить разстояніе? и развѣ страшны эти чувства?»

— Не чувства... нѣтъ... но этотъ разговоръ заочно... этотъ Становъ... о, вы не можете понять, какой ужасъ вселяетъ въ меня подобная мысль. Грустные воспоминанія... три года тому назадъ, ровно три года... бѣдная Александрина!...» Тутъ голосъ ея замеръ, и она чуть чуть не залилась слезами.

«Le souvenir ou la mort?» спросила ее дама, подводя къ ней двухъ кавалеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ Становъ. Видъ его какъ громомъ поразилъ уже безъ того смущенную дѣвушку. Глаза ея остановились, на лицѣ изобразился въ сильной степени ужасъ, она какъ будто припомнила что-то, и дѣлалась все блѣднѣе и

блѣднѣ... *Souvenir de mort!* проговорила она вставая, едва слышнымъ голосомъ, вмѣсто того, чтобы вы-
 браться, какъ слѣдовало, одно изъ предлагаемыхъ словъ,
 и упала почти безъ чувствъ на стулъ. «Ей дурно!»
 закричали со всѣхъ сторонъ, и всѣ забыли недавно
 шумную мазурку, засуетились около блѣдной, похо-
 лодѣвней дѣвушки. Трудно было въ ней узнать ту
 самую Ольгу, которая, за нѣсколько минутъ передъ
 тѣмъ, такъ мило оживляла все собраніе своею рѣзвой,
 любезной веселостью.

Не знаю, какъ перетолковали причины этого обмо-
 рока заисные присяжные для обсуживанія всѣхъ дѣлъ
 великихъ и малыхъ, происходящихъ въ гостиныхъ; но
 конечно, это почтенное сословіе не упустило такого
 прекраснаго случая поострить свое краснорѣчіе на
 счетъ бѣдной Ольги. Что касается до меня, я не ви-
 далъ и не слышалъ ничего. Положеніе мое было невы-
 носимо: я терялся въ догадкахъ на счетъ безпечно-
 ства, а потомъ ужаса, въ который приведена была Оль-
 га; изъ всѣхъ моихъ предположеній не было ни одного
 для меня отраднаго; ни одно не могло утѣшить, ни да-
 же хоть сколько нибудь успокоить меня. Не полупри-
 знаніе ли мое произвело на нее такое ужасное впечат-
 лѣніе? Но отношенія наши должны были приготовить
 ее къ моему объясненію; къ тому жъ не одно самолю-
 біе шело мнѣ, что Ольга раздѣляла мои чувства.
 Мысль о Становѣ опять закипятила мою ревность:
 въ минуту испуга она произнесла его имя, и говорила
 что-то о заочныхъ разговорахъ, объ Александринѣ; по-
 томъ приближеніе Станова привело ее въ совершенное

смятеніе. Тутъ что-то кроется и въ ихъ короткомъ обращеніи, и въ постоянномъ смущеніи Ольги, когда я разспрашивалъ о Становѣ; есть даже, вѣроятно, какая нибудь страшная тайна!... обманъ ли дѣйствительный, кокетство ли, внезапная ли страсть къ другому? куда ни обращалось мое сердце, вездѣ встрѣчало оно страшное чувство ревности. Куда бѣжать отъ него? а вокругъ меня толпа съ несноснымъ любопытствомъ, съ допросомъ, будто вся она собралась производить слѣдствіе, и свидѣтельствовать противъ меня и Ольги.

Я ушелъ въ отдаленную, уединенную комнату, и скоро услышалъ, что общество занято было другою новѣйшею новостію — приготовленіемъ къ ужину. Вскорѣ послѣ движенія стульевъ наступило молчаніе, прерываемое только звономъ ножей, вилкокъ, хрусталя, откупориваемыхъ бутылокъ; общество кушало.

Въ уединеніи я не устыдился чувствъ, и плакалъ какъ ребенокъ. Да, я плакалъ, горько плакалъ надъ разбитою надеждой... Не знаю, долго ли сидѣлъ я одинъ, долго ли текли мои слезы, часы нейдуть во время душевныхъ переворотовъ; вдругъ меня назвали по имени, я оглянулся: передо мной стояла Ольга, еще блѣдная, еще слабая; ея прелестная блондура голова опиралась на плечо сестры моей Надины.

«Мнѣ стало полегче,» сказала больная, «и я рѣшилась оставить свою комнату: отыскать и усвоюкъте васъ, Юрій Александровичъ; чувствую, что мнѣ нужно передъ вами оправдаться! Мои разговоры, мое смущеніе, непонятныя для васъ воспоминанія, могли показаться вамъ странными, загадочными... можетъ

Алекс.

быть, я не желая оскорбляла васъ... но если бъ вы знали... о, вы вѣрно бы простили меня!...»

Слушая ея милый голосъ, я былъ похожъ на чело-
вѣка, который во снѣ готовится къ ужасной казни, и
при видѣ эшафота спасается внезапнымъ пробужде-
ніемъ.

«Но не сейчасъ, не въ этомъ болезненномъ состо-
яніи, могу я отважиться на объясненія, потому что объ-
ясненія мои заключаютъ въ себѣ длинную и печальную
повѣсть. Прощайте же,» продолжала Ольга, протяги-
вая ко мнѣ слабую, дрожащую руку, «прощайте; да,
теперь,» прибавила она съ очаровательнымъ смуще-
ніемъ, «вы въ правѣ требовать всего отъ моей откровенности! Пріѣзжайте завтра!»

Не скажу, сколько вѣковъ прожилъ я до этого ро-
кового *завтра*. Въ первомъ часу, я былъ уже у До-
линскихъ. Отецъ Ольги встрѣтилъ меня пріятнымъ
извѣстіемъ, что она совершенно здорова, и ожидаетъ
меня съ нетерпѣніемъ, извиниться въ томъ, что такъ
неучтиво оставила меня безъ дамы въ мазуркѣ.

«Поспѣшите же успокоить ея совѣсть, любезный
Georges, вы найдете *каючуюся*, въ средней гостиной
за фортепиано.»

Я нашелъ Ольгу воелъ роля; еще издали отрыви-
стые аккорды, прерываемые длинными наузанами, обна-
ружили мнѣ волненіе, въ которомъ она находилась. Не
скоро рѣшился я отворить послѣднюю дверь, отдѣ-
лявшую меня отъ нее; сердце мое невольно трепетало
передъ рѣшительной мѣнутой.

Увидѣвъ меня, Ольга вздрогнула и проговорила что-

то такъ невнятно, что я только могъ угадывать вопросъ о сестрахъ и матушкѣ.

Послѣ этого общезначительнаго вопроса, она опять услышала за Фуртешано, и заиграла *le vol d'oiseau*, но заиграла такъ несвязно, такъ судорожно, что во всякое другое время мы бы вмѣстѣ расхохотались подобной музыкѣ, но теперь я съ такимъ же напряженіемъ дослушалъ всю пѣсню до конца, съ какою она ее доиграла, на зло гармоніи и прекрасному созданію Гензельта.

«Вы хотѣли говорить со мною, Ольга Дмитріевна!» рѣшился я наконецъ спросить.

— «Я... нѣтъ... вы сами вчера что-то мнѣ рассказывали...»

«Но я боюсь, чтобъ слова мои опять не произвели печальнаго дѣйствія... тогда какъ я готовъ бы, жертвою жизни, счастья, искупить каждую минуту вашей печали.»

— «Такъ вы не сердитесь на меня за вчерашнее? и не смотря на уворное мое молчаніе, вы сохранили ко мнѣ прежнюю дружбу? не правда ли?... скажите?»

«Нѣтъ! я нѣмѣлъ дружбѣ, или, лучше сказать, дружба измѣнила мнѣ, и отдала мѣсто другому, сильнѣйшему чувству.»

Ольга не поблѣднѣла, а только сильный румянецъ выступилъ на ея щекахъ, и глаза спрятались подъ длинныя рѣсницы, когда я говорилъ ей о моей любви и о моихъ надеждахъ.

Не стану досказывать всего: ни мнѣ, ни даже другому, болѣе могучему въ дарѣ слова, не высказать

невыразимаго; скажу только, что на этотъ разъ фантастическій мой разговоръ осуществился такъ вѣрно, что послѣ, я съ трудомъ могъ различить, что было говорено въ мечтательномъ мірѣ, отъ того, что высказали мы другъ другу наяву. вмѣсто поцѣлуя, однако жъ, въ этотъ день я получилъ только дозволеніе, выговоренное дрожащимъ голосомъ, просить руки ея у старика Долинскаго.

Онъ былъ легокъ на поминѣ.

«Простилъ ли тебя оскорбленный твой партнеръ?» спросилъ онъ съ улыбкою, обращаясь къ Ольгѣ. Она взглянула на меня, взглянула на отца, и закрыла лице руками.

Я взялъ на себя отвѣтъ, и коротко объяснилъ, въ чемъ было дѣло. Старикъ слушалъ меня съ удовольствіемъ. Ольга, румяная какъ утренняя зара, сидѣла, потупивъ очи.

«Богъ да благословитъ васъ, милыя дѣти, какъ благословляетъ отецъ, утѣшенный вашей взаимной любовью!» сказалъ наконецъ добрый отецъ, соединяя насъ въ своихъ объятіяхъ и утирая радостныя слезы. «Люби ее, Юрій Александровичъ: у нея добрая, любящая душа,» и старикъ нѣжно обнималъ Ольгу, цѣловалъ ея руки, русые локоны и пылающія щеки. Мнѣ стало завидно.

«А что,» продолжалъ Долинскій, «давно ли вы составили заговоръ противъ отцовской власти, милые бунтовщики? — Я уже давно кое-что замѣтилъ, и только вамъ въ угоду притворялся слѣпымъ. Но теперь

пришло время взаимной откровенности; извольте же признаться!»

«Вчера уже все было рѣшено,» сказалъ я, совершенно увлекаясь своимъ воспоминаніемъ о мечтательномъ объясненіи передъ баломъ: «вчера я сказалъ ей, что люблю ее, и она мнѣ призналась въ томъ же.»

— «Только сегодня, папа, я узнала, что онъ меня любить, и что я... также люблю его...»

Мы отвѣчали почти въ одно время. Долинскій захохоталъ.

«Что это?» говорилъ онъ, продолжая смѣяться; «изъ одного города не одніи вѣсти. Кому же изъ васъ вѣрить въ такомъ важномъ вопросѣ? ха, ха, ха!»

Мы съ изумленіемъ обратились другъ къ другу.

«Развѣ ты забыла, милая Ольга!»

— «Развѣ вы обезумѣли, Юрій Александровичъ!»

Послѣ этого взаимнаго вопроса, мы вдругъ оба остановились: въ думѣ намъ изъ насъ разрѣшилъ задачу. Я покраснѣлъ отъ своей ошибки и отъ докучнаго воспоминанія о Становѣ, совершенно забытомъ мною въ продолженіе слишкомъ увлекательнаго объясненія... Ольга поблѣднѣла отъ намека на мой фантастическій разговоръ, и можетъ быть, отъ того же самаго воспоминанія...

«Ненестинимо!» сказалъ я съ невольнымъ выраженіемъ досады.

«Что вамъ за радость возобновлять неумѣстную шутку, которая меня огорчаетъ?» съ упрекомъ и слезами на глазахъ возразила Ольга.

«Ужъ и ссора! такъ скоро!» шутя сказалъ Долин-

скій, «да вы пресчастливые люди: вамъ предстоитъ вся прелесть примиренья.»

Отецъ скоро вышелъ, и съ моей стороны снова посыпались вопросы, разрѣшенія которыхъ я считала себя уже въ правѣ требовать. Со стороны Ольги возобновилось вчерашнее безпокойство и будто чувство страха.

— Въ обращеніи моемъ съ Становымъ было одно состраданіе, милый Жоржъ, — говорила она: — мнѣ бы и въ голову никогда не пришло, что ты издаешь ревновать!

«Но Становъ не можетъ быть предметомъ состраданія,» возразилъ я нетерпѣливо: «всѣмъ извѣстно, что онъ проводитъ всѣ часы жизни своей въ самыхъ шумныхъ удовольствіяхъ; онъ богатъ и счастливъ, можетъ удовлетворять свою глупую страсть къ мотовству и къ игрѣ, и вѣрно не нуждается ни въ чемъ состраданія.»

— Наружность часто обманываетъ.

«Почему же вы такъ хорошо проникли въ его тайныя чувства?» сказалъ я, едва удерживая досаду.

Вмѣсто отвѣта, Ольга взглянула на меня печально, и въ ея взорѣ было столько благородной искренности; столько снисхожденія къ оскорбительнымъ для нее подозрѣніямъ, и такъ много нѣжной любви къ самому оскорбителю, что порывъ ревности уничтожился предъ чарующимъ взоромъ.

На колѣняхъ молилъ я Ольгу о прощеніи, но чувство упрямаго деспотизма такъ сильно въ сердцѣ любящаго мужчины, что въ самомъ смиреніи я имѣлъ духъ настаивать объ удовлетвореніи моего любопытства.

«Между нами не должно оставаться ни каких загадок, моя милая, несравненная невеста!» говорилъ я ей умоляющимъ, но рѣшительнымъ, настоячивымъ голосомъ. «Загадки слишкомъ мучительны, когда дѣло идетъ о любимомъ существѣ.»

Ольга задумалась.

— Тутъ заключается печальная тайна, — сказала она наконецъ: — не могу безъ содроганія вспомнить объ ужасныхъ проществіяхъ; вѣрю имъ только потому, что сама была свидѣтельницею всего, и что съ тѣхъ поръ горькій зародышъ печали пустилъ глубокіе корни въ этотъ сердцѣ.

И Ольга, къ крайнему изумленію моему, слова зашлаась слезами.

— «Послушай, милый Georges, оставь безумныя ревнивыя подозрѣнія. Развѣ я не люблю тебя? развѣ еще за минуту ты не вѣрилъ моей любви? думаешь ли ты, — продолжала она, рыдая, — что твоя Ольга осмѣлилась бы подвѣяться съ тобою сердцемъ, запятнаннымъ нечистыми воспоминаніями?»

И взоры Ольги, съ нѣжнымъ беззастѣнчивымъ слѣдомъ за моими взорами, будто умоляли объ отвѣтѣ.

Онъ весь заключался въ двухъ словахъ: «люблю и вѣрю!»

Съ благодарностью схватила она мою руку, прижала ее къ сердцу, и я увѣрился еще сильнѣе, что оно бьется — для меня, для одного меня!

«Другъ,» говорила она, «неужели ты думалъ, что у меня могутъ быть тайны для тебя? нѣтъ! причина моего упорнаго молчанія на твои вчерашніе вопросы

заклучалась въ сближеніи одного ужаснаго случая, котораго я была свидѣтельницей, съ твоимъ разсказомъ о заочномъ разговорѣ со мною, а сегодня, сегодня потому, что мнѣ не хотѣлось отравить счастливаго дня возмутительными воспоминаніями. Въ другое время ты все узнаешь, а до тѣхъ поръ вѣрь, что я никого еще не любила кромѣ тебя, и что въ ужасномъ происшествіи, о которомъ ты мнѣ напоминаешь, заключается только страшное воспоминаніе и горе о потерѣ несравнимаго друга.»

Я успокоилась; ревнивыя опасенія улеглись, а любопытство легко было убаюкано райскими мечтами, для меня осуществившимися. Потому и не трудно было мнѣ сдержатъ слово, данное моею милою невѣстѣ, не беспокоить ее болыне вопросами объ этомъ предметѣ.

День нашей свадьбы приближался.

Разъ вечеромъ, мы сидѣли въ той самой диванной, гдѣ когда-то, въ часъ ревниваго отчаянія, Ольга явилась мнѣ свѣтлымъ ангеломъ утѣшителемъ.

Насъ было четверо: Ольга, сестры мои, и я; мы наперерывъ весело строили великолѣпные воздушные замки для близкаго будущаго. Мы уже рѣшили, какіи разнородныя веселости должны послѣдовать за нашимъ праздникомъ сердца, и послѣ долгихъ переговоровъ составлено такое окончательное положеніе о туалетѣ каждой изъ совѣтницъ мудраго арсенага на всѣхъ предполагаемыхъ, по этому случаю, балахъ.

«О! это будетъ прелесть!» сказала рѣзвушка Надина. «Мы натаицуемся досыта. Знаешь ли, милая Олимпья, безнодобная моя сеструшка, *chère future* ^{M^{me}} Georges

(и Надина при каждомъ новомъ названіи громко чмокала большими щеками будущей невѣстки), знаешь ли ты, съ которыхъ поръ мнѣ не доводилось танцевать мазурку?)»

«Развѣ я теперь знаю что нибудь, кромѣ любви моей къ Жоржу?» улыбаясь спросила Ольга.

— Ну, да, ты все забыла, — возразила Надина, — правда, и мы все забыли на это время, кромѣ вашего счастья, *милая дѣти*; только мнѣ очень памятно, что моя послѣдняя мазурка была та самая, которой мы не дотанцевали, на томъ вечерѣ у васъ, помнишь, когда ты такъ испугала насъ своимъ нечаяннымъ обморокомъ? Это было передъ радостью! на другой день васъ помолвилъ. Да ты меня не слушаешь, *méchante belle soeur*!

Ольга въ самомъ дѣлѣ перестала слушать веселую болтуню, и по мѣрѣ припоминаній Надины, все болѣе и болѣе погружалась въ глубокую думу.

Юлія дасково взяла ее за руку, шуточно напѣвая начало известной аріи Фрейшица. «Тебѣ ль, невѣстѣ столь прелестной?...»

«Да! сегодня или никогда!» сказала Ольга, какъ будто отвѣчая на свои собственные мысли: «теперь пришло время выполнить обѣщаніе, *милый другъ*,» повторила она обращаясь ко мнѣ. «Присутствіе сестеръ придаетъ мнѣ больше смѣлости. То, что я должна вамъ рассказать, будетъ такъ странно, такъ неправдоподобно, что я впередъ смущаюсь при мысли о вашемъ изумленіи, можетъ быть, даже недовѣрчивости къ моему повѣствованію. Но я рѣшилась: ты справедливо заметилъ, мой добрый Жоржъ, что между невѣстой и женихомъ ничто не должно оставаться загадочнымъ,

чтобы у жены отъ мужа не было даже и прежнихъ тайнъ. Повторяю, что та, которую должна я открыть тебѣ, не относится прямо до меня, но случай привелъ меня быть свидѣтельницею неостыжимыхъ происшествій. Впечатлѣнія, оставленныя мнѣ, неизгладимы, и то, что я невольно выказала передъ тобой, было только слабый остатокъ ужаса и душевнаго смутенія, закрывшихся въ мой разумокъ послѣ видѣнныхъ мною горестныхъ событій.»

Мысль услышать что-то таинственное и ужасное заставила присмирѣть даже шалуню Надю.

• Три дѣвушки поѣхали на низенькомъ четырехугольномъ оттоманѣ. Ольга прильнула головой къ плечу Юліи; Юлія обвилась около гибкой талии Ольги. Надя усѣлась за ними, на подушкѣ, и прильнула къ нимъ также головой, чтобы съ дѣтскимъ выраженіемъ любопытства смотрѣть въ глаза рассказщицѣ. Въ этомъ положеніи онѣ составляли восхитительную группу.

Я расположился на табуретѣ, у ногъ Ольги.

II.

РАЗСКАЗЪ ОЛЬГИ.

Вы знаете, что я не всегда жила въ столицѣ; мама Ольга — полу-провинціалька, какъ по воспитанію, такъ и по сердцу. Въ деревнѣ, такъ мирно протекло мое дѣтство, такъ свѣтлы и радостны были всѣ дни его, что еще теперь свѣжо въ душѣ воспоминаніе объ немъ, какъ прекрасный цвѣтокъ былаго; а благодарность, вѣчно зеленымъ плещомъ обвилась около него и время не въ силахъ вырвать ихъ корней изъ моего сердца! Когда я имѣла несчастіе лишиться матери, мнѣ было только девять лѣтъ. Бабушка всегда была противъ пансіонна, и никакъ не могъ рѣшиться ввѣрить дочь совершенно посторонней женщинѣ, обязанной дѣлить свои намеченія между цѣлой толпой воспитанницъ. Образованіемъ братьевъ онъ самъ занимался; но для меня необходимо

былъ надзоръ женщины; для моей пользы добрый отецъ отказался отъ моего присутствія. Онъ поручилъ меня своей невѣсткѣ, Еленѣ Андрѣевнѣ Долинской. По смерти мужа, эта женщина, одаренная рѣдкимъ умомъ и необыкновенными достоинствами, поселилась въ деревнѣ; ей надо было привести въ порядокъ хозяйство, и въ то же время она желала посвятить себя совершенно воспитанію дѣтей. Съ покойной матерью моей она была связана болѣе, нежели родствомъ, — нѣжкѣйшей дружбою. Въряя меня ея попеченіямъ, батюшка былъ увѣренъ что я найду въ ней вторую мать, способную по своему высокому образованію, и по любви ко мнѣ, совѣстливо и удовлетворительно окончить мое воспитаніе. Я часто, милые друзья, рассказывала вамъ съ сердечнымъ удовольствіемъ о счастливыхъ годахъ моего дѣтства, чѣмъ обязана я моей милой, доброй, достойной обожанія тетинькѣ; вы знаете также изъ чего именно состояло маленькое общество выросшее вѣстѣ со мною подъ кровожь ея нѣжной и попечительной любви; но я никогда не касалась настоящаго предмета моего разсказа: этотъ печальный эпизодъ набросилъ черную пелену на всѣ свѣтлыя воспоминанія былаго.

Воспоминанія объ этомъ ужасномъ случаѣ будто страшныя привидѣнія тяготеютъ надъ моею памятью, и мнѣ надобно большое усиліе, чтобы уклониться отъ нѣкакого вліянія въ разсказѣ о предшествовавшихъ событіяхъ.

Это было три года назадъ. Я, — припомните — жила въ это время у тети въ селѣ Ольковцѣ. Были святки: для васъ, городскихъ дѣвушекъ, эти праздники означаютъ

только утроенное количество неизбежных, довольно скучных визитовъ, ежедневные балы и маскарады, гдѣ думаютъ только о блескѣ костюмовъ и о многочисленности собраний, стало быть городскіе святки отличаются отъ прочихъ дней зимы только усланеннымъ шумомъ, лишними заботами, и тѣснѣ толпящимися на улицахъ экипажами. Не такъ бываетъ въ деревняхъ, но крайней мѣрѣ въ отдаленныхъ, такъ называемыхъ «степныхъ губерніяхъ.»

Тамъ, дѣвушки, большія и маленькія, (въ деревнѣ возрасты какъ то не такъ рѣзко отдѣляются одна отъ другаго) ждуть не дождутся святокъ — этой привилегіи *любоваться*. Простите мнѣ это провинціальное слово; здѣсь, въ гостинной мебелированной Гамбургъ, уставленной дорогими бронзами, и въ устахъ дѣвушки которую одѣваетъ мадамъ Лянкуръ, это выраженіе можетъ показаться чрезвычайно смѣшнымъ; но право, оно лучше выражаетъ то, что мы подъ этимъ разумѣли, нежели чопорное, полинявшее отъ пошлаго употребленія слово: *повеселиться*. О! въ надеждѣ *любоваться* заключалось для насъ многое. Во первыхъ свиданье съ подругами, живущими верстахъ въ 50 или въ 100 отъ насъ: какъ рѣдкія гости, онѣ уже однимъ своимъ присутствіемъ привозили съ собой праздникъ. Для дѣтей и для молоденькихъ дѣвушекъ, святки приносили освобожденіе отъ уроковъ; вообще необыкновенный пріѣздъ гостей, хлопоты о ихъ пріемѣ, всегда нѣсколько ослабляютъ надзоръ за молодежью. На святкахъ обыкновенно наши домашніе танцы оживлялись присутствіемъ нѣсколькихъ ошмеровъ, приглашаемыхъ

по случаю праздниковъ. А подблюдныи пѣсни, а гаданья? а тѣснота въ домѣ, вѣсильное размѣщеніе цѣлаго узда по возрастамъ; ужь такъ было заведено: кабинетъ для пожилыхъ мужицъ, зала и гостинная для молодыхъ; — (съ ними не совѣстятся, разбудить, и приберуть комнаты;) въ спальнѣ хозяйки, ея самыя короткія пріятельницы; особая комната для шеголанхъ; въ дѣтской, цѣлый рой шумныхъ ребятишекъ; а на антресоляхъ, въ комнатѣ старшей дочери, обыкновенно смежной съ классвою, раздольная повалка молодыхъ сверстницъ отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ. О! надобно участвовать хоть однажды въ этихъ деревенскихъ сборищахъ — иначе не понять всю прелесть царствующей на нихъ непринужденной веселости, всю сельскую поэзію простыхъ нравовъ, которая удерживаетъ, въ обычаяхъ святой старины, людей, даже далеко ушедшихъ отъ этой старины по образованію.

Обыкновенно, къ Рождеству, къ новому году и Крещенію, преимущественно собираются въ такіе дома, гдѣ независимое состояніе, соединяясь съ извѣстною склонностію къ гостепримству, даетъ хозяевамъ всю возможность приютить у себя большой кругъ веселыхъ гостей. Домъ тетиньки Елены Андреевны считался въ этомъ отношеніи первымъ по всему уезду. Кромѣ радушнаго пріема и роскошнаго угощенія, у нея всегда можно было найти общество, избранное ея строгими и утонченными вкусомъ, и замѣчательное своимъ единодушіемъ; этимъ были обязаны ея здравому образу жизни. Она съ большимъ затрудненіемъ (и только въ слѣдствіе строгаго разбора) подавалась на новыя зна-

комства, но къ старымъ придерживалась всею силою своего любящаго сердца, постоянного въ своихъ дружескихъ связяхъ. Быть допущеннымъ въ избранный кругъ знакомыхъ Елены Андреевны, почиталось за такую честь, что многіе домогались этого счастья будто какого нибудь выгоднаго мѣста.

Въ то время когда начинается мой рассказъ, домъ тетиньки, кромѣ упомянутыхъ преимуществъ, имѣлъ еще одно — очень важное! насъ тогда было три дѣвушки невѣсты, какъ это всегда говорится въ деревнѣ о всѣхъ дѣвицахъ переступившихъ за пятнадцатилѣтній возрастъ. Одна была въ самомъ дѣлѣ невѣста.

За мѣсяць передъ тѣмъ старшая изъ моихъ кузинъ, единственная по красотѣ своей, Александрина, была помолвлена за Князя Павла Свирскаго. Въ половинѣ января назначили свадьбу; по совершеніи ея молодые должны были отправиться въ Петербургъ, гдѣ князь служилъ тогда въ лейбъ-улавахъ. Присутствіе невѣсты и жениха въ домѣ придавало новую жизнь нашему обществу. Всѣ принимали искреннее участіе въ судьбѣ Александрины, потому что всѣ безъ исключенія обожали этого кроткаго ангела; и въ самомъ дѣлѣ изумительная красота была еще самымъ послѣднимъ изъ достоинствъ этой чудной дѣвушки. Милая, добрая кузина! какъ снисходительна она была ко всѣмъ моимъ недостаткамъ! какъ краснорѣчива для оправданія всѣхъ насъ въ нашихъ дѣтскихъ шалостяхъ, а сама какъ разсудительна! нѣтъ! земля была недостойна долго обладать такимъ небеснымъ существомъ, и ангелы Божіи сманили отъ насъ неземную подругу. Но въ то время,

никакое предчувствіе не предвѣщало намъ неожиданной, невѣроятной печали.

Предполагаемый бракъ былъ основанъ на взаимной любви; женихъ и невѣста были знакомы съ дѣтства, по деревенскому сосѣдству; князь Павелъ пользовался также полной довѣренностію и уваженіемъ тѣтишки и остальныхъ членовъ семейства. Мы всѣ уже давно любили его какъ брата, радовались, что будущее родство присоединяло названіе къ чувствамъ и только водсмѣивали Александрина, говоря, что это будетъ очень странно, когда, считавшійся до сихъ поръ наравнѣ со всѣми нами Польшъ, сдѣлается чрезъ нѣсколько недѣль господиномъ и повелителемъ самой разсудительной изъ всѣхъ насъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы заключали изъ словъ тѣтишки, всегда строго преповѣдывавшей покорность, какъ непремѣнную обязанность всякой женщины въ супружествѣ. Мнѣ -- подобныя правила не со всѣмъ нравились. Я тогда была большая бунтовщица, мильи Георгесъ, и никакъ не хотѣла вѣрить чтобы можно было добровольно пожертвовать своею независимостію кому нибудь кромѣ тѣтишки; ея же законныя права на наше повиновеніе я признавала въ силу душевной конституціи, скрѣпленной со всѣми сердцами ей подвластными по любви.

Согласія Александрины, сдѣлаться женою Польшъ; я не осуждала только потому, что увѣрена была въ страстной любви къ ней князя; ея воля для него была всегда закономъ: «Она будетъ ему покорна во всемъ что онъ ни пожелаетъ по ея же велѣнію;» такъ думала я, и подъ рукою смѣялась строгимъ наставленіямъ Елены

Андрѣевны. Такое разсужденіе примиряло меня съ мыслию о вступленіи любимой кузины въ рабское состояніе. Такимъ казалось мнѣ тогда замужство, милый другъ; я еще не понимала, что душа можетъ сама попроситься въ эту сладостную неволю, что съ несказаннымъ блаженствомъ, можно позволить себѣ оковать сердце, мысли, чувства, и принести ихъ въ жертву шлому властителю, безъ условій и безъ возврата! Теперь я твоя -- твоя и воля! а либеральныя идеи мои разсыпались въ прахъ. Богъ съ ними! мнѣ теперь понятны слова тѣтишки: «для насъ женщинъ любовь — есть покорность, мы не можемъ отдѣлять разсудка и воли отъ сердца; способность любить поглощаетъ въ насъ всѣ другія способности, и уступая во всемъ прочемъ первенство мужчинамъ, мы съ гордостью сознаемъ въ себѣ больше высокой поэзіи въ чувствахъ! мы лучше васъ умѣемъ любить, а любя — весело быть покорной!»

Тутъ я не могъ удержать неодолимаго желанія перервать милую разскащицу. Прекрасная, любящая душа такъ сильно отразилась въ оживленныхъ очахъ Ольги, она съ такимъ упорительнымъ самозабвеніемъ глядѣла на меня, что я забылъ ея повѣсть, забылъ все, кромѣ нашей любви, кромѣ своего блаженства, и прижалъ милую невѣсту къ волнуемой сладостнымъ трепетомъ груди. Говорливая Надина воспользовалась этимъ минутнымъ молчаніемъ, высказала и свое мнѣніе объ обязанностяхъ женщинъ въ отношеніи къ мужчинамъ.

— Нѣтъ, Ольга, сказала она, я съ тобой не могу согласиться; ты уже слишкомъ исключительна въ своихъ

Алекс.

3

мѣнѣяхъ, и слишкомъ легко переняла изъ одной крайности въ другую. Положимъ, часть независимости можно охотно уступить за удовольствіе носить новое имя, ѣздить одной въ каретѣ, убирать голову въ очаровательныя накладки съ перьями и цвѣтами, и въ прибавокъ ко всему этому — приобрести челоуѣка, готоваго доставлять всѣ возможныя удовольствія и безпрестанно говорить нѣжности. Это все чрезвычайно пріятно и стоитъ маленькой жертвы самолюбія. Но вѣдь не хорошо также черезъ чуръ баловать этихъ господъ мужей, и для того не надобно ихъ слишкомъ много любить.

— Это очень неблагоразумно! съ важностію заключила премудрая Надина.

Мы всѣ разохотались ея философическому выводу.

— Какъ же. — продолжала она раскраснѣвшись отъ сильнаго желанія убѣдить, — вы всѣ знаете Анну Петровну Вольскую? я сама слышала, какъ ее осуждаютъ за то, что она слишкомъ много любитъ своего Кокошу. Всѣ говорятъ, что она готовитъ ему гибель своей любовью; маминька третьяго дня не вытерпѣла и сказала ей самой: «любить сына очень похвально, но зачѣмъ же баловать, и во всемъ покоряться его волѣ?» Видишь ли, милая Оленька! а ты помѣнялась на своей покорности, какъ будто нельзя любить безъ памяти, но и не слишкомъ баловать?

— Я обо всемъ этомъ посоветуюсь съ тобой на канунѣ твоей свадьбы, благоразумная моя сестрица, — шуточно отвѣчала ей Ольга, — а теперь, позволь мнѣ зажать тебѣ ротикъ поцѣлуемъ.

— Давно бы такъ унять неслосную болтуню, прибавила Юлія, я горю нетерпѣніемъ узнать тайныя происшествія, о которыхъ ты, любезная Ольга, такъ упорно скромничала, даже въ задушевныхъ разговорахъ съ нами.

— Продолженіе моего страннаго повѣствованія объяснить тебѣ причину моей скромности. Ты, добрая Юлія, поймешь чего стоитъ мнѣ тревожить такія грустные, ужасныя воспоминанія.

Ольга поцѣловала Юлію, ласково протянула мнѣ руку, и обратилась къ прерванному разсказу.

«И такъ, были святки, и на этотъ разъ съездъ былъ необыкновенный: сверхъ всегдашнихъ гостей тѣтишки, къ намъ прѣѣхало много родныхъ изъ отдаленныхъ деревень, даже изъ Москвы; они были приглашены къ свадьбѣ, и рѣшились ускорить свой прѣѣздъ, чтобы провести новый годъ вмѣстѣ съ нами и покороче познакомиться съ нашимъ женихомъ. Замѣтьте это выраженіе: *нашъ женихъ*, такъ мы всѣ простодушно называли князя; намъ еще какъ то трудно и неловко было отдѣлать себя отъ Александрины въ чемъ нибудь, какъ бываетъ тяжело тѣлу разстаться съ душой. Мысль, что эта прекрасная душа въ послѣдній разъ оживляетъ наши святочные забавы своимъ присутствіемъ, придавала особенную прелесть этимъ послѣднимъ вечерамъ. Чувства были различны, но слѣдствія ихъ одинаковы: шпыя изъ подругъ нашихъ, ощущая въ сердцѣ неодолимую тоску отъ приближающейся разлуки съ Александриной, усиливались шумною радостію заглушить тайную скорбь. Другія, забывая себя самихъ, искренно

и непринужденно радовались счастию Александрины.. Были и такія, что ни о чемъ не думали и прыгали отъ радости и ожиданія скоро имѣть удовольствіе одѣвать къ вѣнцу невѣсту. Я больше всѣхъ другихъ веселилась, и не безъ причины. Мнѣ одной не предстояла разлука съ милой кузиной, тѣтишка рѣшалась отпустить меня съ молодыми въ Петербургъ для свиданія съ батюшкою. Желаніе обнять отца, надежда увидѣть столицу, навеселиться тамъ досыта, насмотрѣться всего, всего, и вмѣстѣ съ тѣмъ не разставаться съ кузиной, сколько радостей вдругъ! надобно вамъ сказать, что дружба моя къ ней доходила до обожанія; я не знаю, мой другъ, какъ бы я могла полюбить тебя, если бъ была жива Сашенька. — Она тогда была для меня все, я готова была за нее положить душу, и глядѣть на нее безпрестанно, не сводя глазъ, какъ въ эту минуту ты глядишь на меня, Georges! Послѣ этого вы можете вообразить, сколько наслажденій было у меня въ виду при началѣ этого памятнаго года. Я была чуть чуть не сумасшедшая отъ восхищенья, и не простила бы никому, на комъ бы замѣтила въ то время длинное лице или задумчивую фізіономію. Къ счастию мнѣ и не встрѣчалось ничего подобнаго, семейная радость будто заразилась всѣ сердца, и отражалась яркими чертами на всѣхъ лицахъ. Я была всѣми довольна, и готова была всѣхъ любить отъ переполненнаго радостію сердца.

На канунѣ новаго года мы обѣдали одни, то есть безъ жениха; все прочее общество было на лице.

Князь уѣхалъ на нѣсколько часовъ къ себѣ въ деревню подъ предлогомъ разныхъ, необходимыхъ рас-

пораженій; а въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы на досугъ разобрать выписанные къ Новому году подарки для невесты и для будущихъ родныхъ. Мы въ свою очередь готовили ему сюрпризъ, на этотъ разъ противъ обыкновенія были даже очень рады его кратковременной отлучкѣ. Мы съ кузинами и всѣ прочія дѣвушки уже цѣлую недѣлю по утрамъ тайно занимались приготовлениями къ этому вечеру. Цѣлыя связки розовыхъ гирляндъ были сдѣланы на скоро; работа эта всегда идетъ очень проворно; но въ этомъ случаѣ мы были еще одушевлены желаніемъ устроить хорошенькій праздникъ въ честь нашихъ милыхъ обрученныхъ, и соревнованіе въ работѣ приводило въ движеніе не только самолюбіе художницъ, но также и желаніе ихъ, одной передъ другой, доказать свою дружбу къ милой невестѣ. Никогда не забуду я эти веселыя приготовления. О! какъ дружно всѣ мы выкраивали и раскрашивали нѣжные батистовые листочки! какъ заботливо хранили нашу тайну отъ тѣхъ, съ кѣмъ не хотѣли или не могли ее раздѣлить! Одна изъ насъ всегда стояла на часахъ, готовая извѣстить другихъ о приближеніи когонибудь изъ непосвященныхъ профановъ. Такими считались у насъ всѣ мужчины. Они были исключены, какъ союзники жениха, исключены были дѣти, изъ опасенія, что все выболтаютъ, наконецъ — какъ ни смѣшно покажется это сближеніе двухъ противоположныхъ возрастовъ, — были исключены также всѣ старшіе; мы разочли, что они не могли участвовать въ нашемъ трудѣ, то лучше ужъ ихъ оставить въ незнакоміи и умножить число удивленныхъ зрителей. Одна тѣтишка бы-

ла въ разговоръ: безъ нее не возможно было ничего устроить. Она сама снабдила насъ всѣмъ нужнымъ и, съ рѣдкою снисходительностію, всѣми силами помогала намъ привести въ исполненіе наши великолѣпныя затѣи. Все шло какъ нельзя лучше. Гирлянды наши успѣли во время, ни одинъ нескромный взоръ не проникъ въ тайницу нашихъ приготовленій, и мы торжествовали.

Какъ скоро звуки князева колокольчика затихли въ отдаленіи, мы всѣ закричали отъ радости, и засуетились: одна только Александрина стояла неподвижно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ простилась съ женихомъ. Напрасно ее звали веселыя рѣзвухи, напрасно онѣ манили ее въ свою шумную бесѣду, и какъ рой пчелъ, собираясь на работу, жужжали около нее будто около царь-пчелы. Александрина, прежде очень охотно участвовавшая въ нашихъ хлопотахъ, теперь оставалась въ странномъ бездѣйствіи. Терять время однако же было нѣкогда, надобно было пользоваться отсутствіемъ Поля: все устроить къ семи часамъ вечера, а мы предполагали драпировать цѣлую большую галерею. Я, въ качествѣ главной распорядительницы работъ, разослала всѣхъ за разными вещами, и назначивъ общій сборъ въ известной галереѣ, осталась одна съ задумчивой Александриной.

— Не стыдно ли тебѣ, милая Сашенька, отнимать у всѣхъ насъ руки своей странной печалью? не сама ли ты съ нами вмѣстѣ радовалась сегодня утромъ, что отъѣздъ Поля дастъ намъ случай спокойно окончить всѣ нужныя распоряженія?

— Это правда, Ольга; но... не знаю почему у меня сердце замерло, когда мы простились.

— *Простились!* повторила я насмѣшливо, — простились на пять часовъ, двадцать минутъ, девять секундъ и семь полу-секундъ! какъ это жалко!

— Все знаю, другъ мой, и охотно бы съ тобой вмѣстѣ посмѣялась своему ребячеству, но право не въ силахъ побѣдить непонятной тоски.

— Развѣ въ первый разъ постигла тебя такая ужасная разлука, что ты стоишь будто прикованная къ этой двери, какъ изгнанная Перн передъ вратами рая?

— Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую будто бы мой рай затворился для меня безъ возврата. Не шути надъ моей печалью, Ольга! Чѣмъ неопредѣленнѣе это ощущеніе, тѣмъ болѣе оно приводитъ меня въ уныніе. Если бы я знала что огорчаетъ меня, я бы знала также, гдѣ и въ чемъ искать утѣшенія; теперь же, когда все радостно для меня и въ настоящемъ и въ будущемъ, особенно сегодня, когда ваша дружба готовитъ мнѣ очаровательный праздникъ, моя странная тоска безъ всякой причины, кажется мнѣ совершеннымъ безуміемъ! Не правда ли что я безумная...

И Александрина рыдая склонилась ко мнѣ на плечо.

Не смотря на мое легкомысліе, на мою неопытность въ жизни и на развлеченіе моихъ мыслей важными приговорами, я не могла не примѣтить сильнаго волненія души бѣдной кузины. Какъ ей самой, оно мнѣ казалось безумнымъ, и особенно удивляло меня въ твоей разсудительной дѣвушкѣ, какою мы справедливо всегда считали Александрина: но вмѣсто того, чтобы бранить

ее, я безотчетно сама расплакалась вмѣстѣ съ нею, будто кто нибудь шепнулъ мнѣ, что это лучшее средство унять ея собственныя слезы. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы досыта наплакались, Александрина первая еще сквозь слезы начала смѣяться.

— О чемъ же мы такъ горько плачемъ? спросила она смѣясь.

— О томъ, что Поль уѣхалъ за десять верстъ — отвѣчала я ей прихлипывая, и утирая слезы, — и пробудетъ тамъ до семи часовъ вечера.

И послѣдняя тѣнь печали разсѣялась на лицѣ моемъ и въ сердцѣ. Я бросилась обнимать Александрину и продолжала смѣшить ее разными выходками. Она съ чувствомъ отвѣчала на мои ласки.

— Ты добра какъ ангелъ, моя безцѣнная Оливька, — сказала она, — а я право стыжусь моею глупости. Поспѣшимъ къ нашему обществу. Боюсь что всѣ «наши» сердятся на меня; я очень могла показаться имъ капризною, не правда ли?

— Со всѣмъ не правда! ни у одной изъ насъ не пошевелится языкъ для такого обвиненія. И кого же называть капризною? тебя — лучшую изъ насъ всѣхъ, неподобную, ... единственную! ... Полно же беспокоиться о пустякахъ, Сашенька; мнѣ же теперь такъ много хлопотъ!

— Это правда, а я отвлекла тебя отъ твоихъ важныхъ дѣлъ, милая учредительница всѣхъ нашихъ увеселеній!

— Мое первое дѣло служить царицѣ праздника — возразила я низко присѣдая.

— А мамъ очень пріятно изъяснить вамъ наше милостивое благоволеніе, — отвѣчала Александрина въ томъ же шутливомъ тонѣ.

За которое я съ благодарностію припадаю къ стопамъ вашимъ, — прибавила я, и соединяя движеніе съ словами, наклонила передъ смѣющеюся Александриною, и обнявъ ее колѣна, заставила ее также растянуться на паркетѣ.

Громкій хохотъ привѣтствовалъ это паденіе, меньшая моя кузина Анета съ подлюжничью другихъ дѣвицъ водоспѣла къ этой забавной развязкѣ нашего слезнаго разговора. Онѣ бѣжали ко мнѣ съ извѣстіемъ, что все уже принесено въ галерею, гдѣ драпировщикъ дожидается только чтобъ я указала, гдѣ, что и какимъ образомъ надобно помѣстить.

Теперь надобно вамъ разказать въ чемъ заключались наши приготовленія. Елена Андреевна отдала въ наше расположеніе большую залу и смежную съ ней галерею. Эту послѣднюю комнату назначили мы для нашего бала. Убрали ее прелестно: всѣ стѣны были драпированы бѣлой кисеей и живописно увѣшаны розовыми гирляндами; переметенные вензеля обрученныхъ изъ такихъ же гирляндъ, были симметрически расположены между кисейными складками. Подъ каждымъ вензелемъ прибитъ былъ бронзовый стѣнной шандаль о шести свѣчахъ, такъ что яркій и пріятный свѣтъ прозрачныхъ спермацетныхъ свѣчъ окружалъ драгоценныя буквы ослѣпительными лучами.

На дальнемъ концѣ галереи было сдѣлано возвышеніе для обрученныхъ; на немъ, подъ маленькой палат-

кой изъ вышитаго серебромъ тюля, убранный также цвѣтами, былъ поставленъ двухъ - мѣстный диванъ на вышитомъ коврѣ рѣдкой работы, такъ же какъ и самый диванъ. Вся палатка была окружена оранжерейными деревьями въ полномъ цвѣтѣ; подъ ихъ тѣнью были красиво расположены разныя шитыя подушки, вѣертѣли, ларчики и проч., усердное принеженіе всѣхъ насъ милой царичѣ праздника, будущей княгинѣ Свирской. Это было приготовлено сюрпризомъ отъ самой Александрины; мы очень искусно умѣли вывести ее изъ галлерей, какъ только стѣны были отдѣланы. Въ залѣ были устроены также три небольшія возвышенія и поставлены золоченыя рамы, обтянутыя флеромъ для живыхъ картинъ.

Избраніе предметовъ для картинъ было поводомъ къ долгимъ спорамъ. Мы перерыли всѣ альмахахи, всѣ коллекціи гравюръ, прежде нежели остановились на окончательномъ рѣшеніи. Всякая изъ насъ предлагала свой выборъ, и мы ни когда бы не кончили, если бы не вздумали наконецъ помолиться на большинство голосовъ. Мнѣніе каждой изъ насъ было балатировано, какъ балатпрують кандидатовъ въ исправники или уѣздные предводители; только наши выборы, почти столько же шумные, были гораздо веселѣе дворянскихъ. Прежде нежели рассказъ мой достигнетъ ужаснаго переворота, позвольте мнѣ, мои милые, отдохнуть сердцемъ, въ этомъ рассказѣ всѣхъ подробностей, всѣхъ малѣйшихъ обстоятельствъ незабвеннаго вечера, послѣдняго, яркаго луча радости, блеснувшего надъ мирнымъ, дотѣхъ поръ всегда счастливымъ семействомъ. Не сердитесь

на меня, если я, какъ дитя, которому предстоитъ неизбежное наказаніе, постараюсь отдалить тяжелую для меня минуту.

— Зачѣмъ снѣшить — сказала Надина, — мнѣ же очень любопытно узнать всѣ подробности вашихъ приготовленій. То, что ты уже намъ описала, приводитъ меня въ совершенный восторгъ. Съ какимъ бы наслажденіемъ я потанцевала въ вашей прелестно убранной галлерей!

— А мнѣ бы хотѣлось знать какимъ образомъ вы могли составлять живыя картины, — спросилъ я въ свою очередь, — вѣдь ты кажется говорила, милая Ольга, что никто изъ мужчинъ не участвовалъ въ вашихъ тайныхъ приготовленіяхъ? Кто же представлялъ мужскія лица?

— George думаетъ, что безъ мужчинъ ужъ не возможно обойтись — сказала Юлія смѣясь; а я такъ увѣрена, что обидныхъ и рѣчи не было среди дѣвичьяго общества. На зло самолюбію мужчины, увѣрь его въ этомъ, Ольга, сдѣлай одолженіе.

— Не могу, не отступя отъ истины, чего избави Боже. Напротивъ, мы долго объ этомъ думали и совѣтовались, какъ бы замѣнить недостатокъ; нѣныя предлагали кого нибудь изъ насъ нарядить въ мужскія платья и для пробы кузина Анета убиралась въ блузу одного изъ своихъ братьевъ, а Варинька Вильморская въ богатый французскій кафтанъ, оставшія послѣ прадѣдушки: но онѣ были такъ смѣшны, такъ неловки и такъ малы (а еще изъ всѣхъ насъ онѣ самыя рослыя), что съ

горемъ и смѣхомъ по поламъ; мы должны были отъ этого отказаться.

— Почему же было не выбрать для картинъ когонибудь изъ вашихъ кавалеровъ? перервала Надина. Я предупредилъ Ольгу отвѣтомъ.

Развѣ ты забыла, вѣтренница, что амазонское общество заградилло врата своей тайны всему нашему бѣдному полу?

— Не совсѣмъ, продолжала Ольга, потому что предложеніе открыть часть нашего плана нѣсколькимъ мужчинамъ, нужнымъ для составленія картинъ, чуть чуть было не одержало верхъ надъ тѣми кто былъ противнаго мнѣнія.

— Какой же стороны держалась моя милая невѣста?

— Ужъ конечно той, которая исключала мужчинъ?

— Ты угадала Юлія! Я даже взялась быть ораторомъ настоящей амазонской партіи, какъ ее называетъ этотъ насмѣшникъ, и сильно, краснорѣчиво говорила въ пользу нашего мнѣнія. Мнѣ удалось подкрѣпить его такими убѣдительными доводами, что предложеніе, враждебное духу нашего общества, было наконецъ отринуто почти единодушно. Рѣшились избирать только такіе предметы, гдѣ группы могли бы состоять изъ однихъ женщинъ и дѣтей.

— Расскажи же намъ, какимъ образомъ происходила ваша балатировка, кто и что предлагалъ, и какимъ образомъ одобряли или отвергали предложенія.

Надина и я присоединились къ просьбѣ Юлія, а Ольга охотно согласилась удовлетворить возбужденному въ насъ любопытству.

— Первая, — сказала она, — подала свое мнѣніе Александрина. Разбирая прекрасное изданіе Капитолійской Галлерей, вниманіе ея остановилось на лучшемъ украшеніи этого собранія картинъ, на святой Петрониллѣ. Это чудное созданіе Гверчино должно было поразить ея возвышенную душу. Когда Александрина развернула передъ нами гравированную копию этого мастерскаго произведенія, оно возбудило всеобщій восторгъ. Въ то время еще не было положено, рѣшительно не допускать мужчинъ въ наши картины, а прелесть рисунка увлекла почти всѣхъ на согласіе завербовать нужныя лица для выполненія нижней части знаменитой картины. Стали уже разбирать роли. Первый вопросъ, кто будетъ представлять Петрониллу?

— Кому же кромѣ Александрины? — закричали всѣ въ одинъ голосъ — она только одна одарена ослѣпительною красотою, достойною этой чудной дѣвы! Напрасно скромная красавица усиливалась отклонить отъ себя роль, предлагаемую такимъ исключительнымъ предпочтеніемъ. Всѣ настаивали, возражая, что безъ нее нельзя и думать объ этой картинѣ. Она принуждена была уступить общему желанію. Всѣ прочія лица были скоро разобраны и къ великому моему неудовольствію уже назначали на кого именно изъ мужчинъ возложить роли жениха и гробокопателей. Вдругъ меня поразила нечаянная мысль.

— Подождите рѣшать, — закричала я, — развѣ мы всѣ сумасшедшія? что за пріятный сюрпризъ будетъ для Поля увидѣть Сашеньку мертвецомъ, и еще въ лицѣ невесты, умершей за три дня до свадьбы?

Всѣ замолкли и посмотрѣли другъ на друга съ изумленіемъ; всѣмъ казалось страннымъ, что ни кто до сихъ поръ объ этомъ не подумалъ, хотя подобное сближеніе должно было очень естественно придти всякому въ голову.

Въ самомъ дѣлѣ, содержаніе картины Гверчино было самое неумѣстное въ настоящемъ положеніи тѣхъ, для кого устраивался праздникъ.

Святая Петронилла была помолвлена и страстно любила своего жениха; такъ страстно, что благочестивая душа ея смутилась при мысли, что можетъ быть эта земная любовь отвлечетъ ее совершенно отъ небесной любви къ Создателю. Въ ужасномъ для нее сомнѣніи, юная Петронилла прибѣгла къ молитвѣ. Искренно и пламенно молила она Бога, отозвать ее отъ міра, прежде нежели она забудетъ небесное блаженство для земнаго. Молитва ея была услышана. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, который былъ назначенъ для ея брака, когда женихъ отлучился чтобы ускорить приготовленія желаннаго союза, Петронилла, ослѣпленная свыше божественнымъ лучемъ надежды, свято и безмятежно перешла въ иной міръ, назначивъ любезному свиданію тамъ — въ горнемъ жилищѣ праведниковъ.

Когда возвратился женихъ съ сердцемъ разцвѣтшимъ отъ радостныхъ ожиданій и надежды, немедленно вести къ олтарю обожаемую невѣсту, надъ прахомъ Петрониллы уже нѣсколько дней тяготѣла земля. Изъ этого простаго и трогательнаго сказанія почерпнулъ Гверчино идею своего лучшаго произведенія. Картина имѣетъ двѣ отдѣльныя части: въ низу изображенъ от-

чаявший женихъ: онъ хотѣлъ послѣдній разъ увидѣть ту, которую любилъ такъ нѣжно, дѣву унесшую въ гробъ всѣ его радости! Покорные волѣ несчастливца, три гробоконателя достаютъ изъ свѣжей могилы усопшую Петрониллу. *)

Цвѣты, увѣнчивающія ея голову, уже заблекли, а она сама все еще прекрасна, все очаровательна, но это — красота смерти и тлѣнія, безжизненная и унылая, — печальный урокъ для всего живущаго!

На верху, въ лучезарныхъ облакахъ, изображена также Петронилла, вы ее сей часъ узнаете; тѣже черты, что у мертвой красавицы, тоже выраженіе, но лице ея уже просвѣтлено новою жизнью, новою любовью; она восходитъ на небеса, не смертными ногами, но какъ будто несомая невидимой силой на крылахъ священнаго восторга. Съ высоты самъ Искупитель простираетъ ей руку, а хоръ ангеловъ и херувимовъ ликуетъ вступленіе Петрониллы, уже святой, на небеса. Изъ этого слабого очерка вы можете понять, до какой степени прелесть величественнаго предмета, такъ чудно переведеннаго художникомъ на языкъ живыхъ изображеній, могла обаять въ нѣсколько минутъ пылкія головы молодыхъ восторженницъ. Мы съ начала все забыли и не подумали, какъ не шла эта картина къ нашему празднику. Къ тому же, не забудете, что составить ее, предложила Александрина, чьи слова были для всѣхъ насъ закономъ.

---

*) Въ галлерей нашей Академіи художествъ есть превосходная копія этой картины

Признаться ли вамъ въ моемъ суевѣрїи? мнѣ послѣ часто приходило въ голову, что мысль о Петрониллѣ поразила бѣдную Александрину, какъ печальное предзнаменованіе будущаго, посланное свыше. Это было удивительное предчувствіе ея собственной участи. Впрочемъ, тогда это обстоятельство не обратило на себя нашего вниманія, мы преспокойно продолжали заниматься своимъ дѣломъ. Второе мнѣніе было представить лежащую Магдалину по оригиналу Корреджіо.

— Оленька Долинская какъ будто создана для того чтобы подтвердить собою возможность существованія очаровательной Корреджіевой Магдалины. Посмотрите, какъ эти темноглазые глаза будутъ чудно оттѣнены густыми волнами свѣтлорусыхъ шелковыхъ волосъ!

Это говорила Лузанская, молодая дама, лѣтъ двадцати двухъ, родная племянница тетиньки, въ честь ея названная Еленой. Мы всѣ любили ее безъ памяти, потому что она никогда не важничала передъ нами своимъ *челчиномъ* и всегда готова была раздѣлять наши забавы, оживлять общество новыми играми; правда, никто лучше ее и не умѣлъ ихъ устроить. Мы любили также ея живыя описанія всего видѣннаго ей въ продолженіи двухъ лѣтъ, съ пользою проведенныхъ за границей.

Я испугалась одной мысли, что должна буду одна однихонька составлять цѣлую картину и тѣмъ сдѣлаться исключительнымъ предметомъ общаго вниманія.

— Вы меня губите, Елена Александровна! — сказала я Лузанской умоляющимъ голосомъ — какъ вамъ не грѣхъ приводить меня въ краску своими сраженіями.

Что жъ за картина выйдетъ изъ одной моей фигуры? мнѣ будетъ ужасно скучно, — да и что я за Магдалина?

— Я никогда не видывала сходства, болѣе разительнаго, — продолжала безжалостная Лузанская — посмотрите, она похожа даже на гравированную Магдалину; но если бы вы видѣли настоящую картину, вы бы вѣрно сказали, что Оливька ея оригиналь.

Въ пятнадцать лѣтъ слезы легки на поминѣ. Мнѣ было совѣстно и досадно. Я прослезилась.

— Теперь еще больше похожа! съ этой кругленькой слезинкой на розовой щекѣ, — умирая со смѣху сказала Елена Александровна.

— Одному заступленію ангела Сашеньки я была обязана своимъ избавленіемъ; она скалилась надъ моимъ горемъ и убедила всѣхъ, замѣтивъ, что лучше выбрать предметы допускающіе большее число лицъ. Выборы кончились наконецъ ко всеобщему удовольствію. Первая картина была взята изъ женитьбы Фигаро. Вы помните ту сцену, гдѣ молодой шалунъ поетъ свой романсъ въ присутствіи графини Альмавива. Пажъ стоить на колѣняхъ передъ графиней, она слѣдуетъ за пѣніемъ во нотамъ, и Сусанна, одной рукой опершись на ея кресла, другой небрежно аккомпанируетъ на гитарѣ пѣсню Херубино.

Лузанская, въ черномъ бархатномъ платьѣ съ висящими широкими рукавами, убранная просто въ волосахъ, приколотыхъ брильянтовыми булавами, была прелестна въ роли графини.

Смуглое кругленькое личико Анеты, ея большіе, черные, огненные глаза — для олицетворенія Сусан-

Алекс.

4

ны не лзя было желать лучшаго. Я на этотъ разъ съ удовольствіемъ согласилась выпустить свои русые локоны изъ подъ чернаго берета повѣсы Херубино; — а тетинька подарила мнѣ восхитительный костюмъ изъ павскаго Пажа.

Другая картина, pendant первой, была составлена по рисунку Камучини. Корпелія, мать Гракховъ, представляетъ своихъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей гостей, которая просила ее показать свои драгоценныя уборы.

«Вотъ моя единственная сокровища, другихъ украшеній мнѣ не нужно!» говоритъ благородная Римлянка въ минуту избранную художникомъ.

Средняя картина, большаго размѣра, и лучшая, потому что въ ней должна была участвовать Александрина, была составлена по моему предложенію, и даже по моему собственному плану. Я въ то время читала поэму: Лалла Рукъ и меня сильно поразило одно мѣсто, необыкновенно живописное; я сей часъ прочитаю вамъ его въ оригиналъ — сказала Ольга, протягивая руку, и достала съ подвижной этажерки богато переплетенный томъ Мура.

«Прѣзжая по заходженіи солнца мимо пустынной рѣчки, они увидѣли на берегу молдую Индіанку; занятіе ея показалось имъ до такой степени страннымъ, что они остановили свои паланкины, и стали наблюдать за нею. Она затеплила небольшую лампаду, наполненную кокосовымъ масломъ, и поставивъ ее въ глиняную чашку, украшенную вѣнкомъ цвѣтовъ, дрожащей рукой ввѣрила ее потоку; и вотъ она съ безпокойствомъ слѣдитъ за нею вдоль рѣки, не замѣчая пышную ва-

валькаду съ ней поровнявшуюся. Лалла Рукъ вспыхнула любопытствомъ; одна изъ ея прислужницъ, долго обитавшая на берегахъ Гангеса (гдѣ этотъ обрядъ такъ обыкновененъ, что часто, въ сумракѣ ночи, рѣка вся бываетъ усыяна огнями, подобно *Отонталль* или звѣздному морю,) объяснила принцессѣ, что таковъ обычай этихъ странъ, приносить жертвы для благополучнаго возвращенія друзей, кошедшихъ въ далекій и опасный путь. Если лампада сей часъ погружалась въ волны, предзнаменованіе было ужасное, но если она продолжаетъ свѣтить, уносимая потокомъ и горитъ до тѣхъ норъ, пока совершенно скроется изъ вида, возвратъ любимаго существа почитается несомнѣннымъ.)

As they passed along a sequestered river after sunset, they saw a young Hindoo girl upon the bank, whose employment seemed to them so strange that they stopped their palankeens to observe her. She had lighted a small lamp filled with oil of cocoa, and placing it in an earthen dish, adorned with a wreath of flowers, had committed it with a trembling hand to the stream, and was now anxiously watching its progress down the current, heedless of the gay cavalcade which had drawn up beside her. Lalla Rook was all curiosity; — when one of her attendants, who had lived upon the banks of the Ganges, (where this ceremony is so frequent, that often, in the dusk of the evening, the river is seen glittering all over with lights, like the *Oton-tala* or *Sea of Stars*) informed the Princess that it was the usual way, in which the friends of those who had gone on dangerous voyages offered up vows for their safe return.

If the lamp sunk immediately, the omen was disastrous, but if it went shining down the stream, and continued to burn till entirely out of sight, the return of the beloved object was considered as certain.

— Я не понимаю, какую же картину можно почерпнуть изъ этого простаго разсказа! — сказала Надина, когда Ольга кончила чтеніе.

— Прелестную! чудно поэтическую, — отвѣчала Ольга съ жаромъ — я не знаю предмета болѣе счастливаго для картины, если бы какойнибудь великій художникъ умѣлъ имъ воспользоваться. О! для чего я не живописецъ! для чего не могу осуществить свѣтлой идеи этого созданія! продолжала она почти съ горемъ.

— Ты осуществила идею счастья для живаго созданія; развѣ для тебя этого мало?

— Ревнивецъ! — отвѣчала мнѣ Ольга и съ улыбкой на устахъ строго на меня погрозилась.

— Я вамъ разскажу — продолжала она, — какимъ образомъ я составила свою картину индійскаго гаданья. Однакожъ, не хочу брать на себя лишняго, и должна признаться, что разстановка лицъ, въ приличныя позы и расположеніе всѣхъ неодушевленныхъ предметовъ принадлежали не мнѣ; мы возложили эту обязанность на особу, болѣе свѣдущую въ этомъ дѣлѣ. У насъ въ домѣ жила молодая артистка, французенка, ученица знаменитаго Вернета. Ее привезла изъ Парижа Лузанская, предложивъ ей воспользоваться удобнымъ случаемъ, посмотреть неизвѣстную ей землю; она вмѣстѣ съ тѣмъ ей доставила возможность сдѣлать это не только безъ издержекъ, но даже съ выгодною. Тѣтенька давно же-

лала найти для насъ хорошаго учителя рисованья. Мы были уже довольно хорошо подготовлены и когда Лузанская увѣдомила изъ Парижа, что Mlle Esther Dumonteil соглашается съ ней ѣхать въ Россію, тетинька охотно предложила ей платить извѣстную сумму въ годъ. Уже полтора года она жила у насъ въ домѣ и подъ ея руководствомъ развернулись прекрасныя способности Сашеньки къ живописи.

Эсэиръ была художница въ душѣ, и сверхъ того необыкновенно добрая и умная дѣвушка. На ея-то искусство надѣялись мы, когда затѣяли живыя картины. Въ этихъ приготовленіяхъ она была въ своей сферѣ и искренно радовалась случаю доставить намъ удовольствіе. Долго сидѣла я съ ней наединѣ запершись въ ея комнату, потому что среди нашей шумной, неугомонной толпы, это былъ единственный способъ высказать ей безостановочно мою идею о составленіи картины. Она совершенно поняла мою мысль, и принялась обдумывать ея выполненіе съ артистическимъ восторгомъ. Мы рѣшились не щадить трудовъ, только бы не упустить ни малѣйшей подробности.

Трудная задача заключалась въ мѣстности, нужна была рѣка; къ счастью, Эсэиръ выучилась также у извѣстнаго Чичери тайнамъ его магическихъ оперныхъ декораций. Подъ ея кистью картинныя волны потекли обманчивой струей и между ними мы устроили проводочныя сѣтки, на которыхъ роковыя лампадки могли раскачиваться какъ на настоящихъ волнахъ.

На первомъ планѣ картины — большая группа дѣвушекъ; каждая изъ нихъ гадаетъ, или готовится га-

дать. Одна стоитъ въ отчаянномъ изступленіи, не сводя глазъ съ потухшей уже лампы; другая наклонилась всѣмъ тѣломъ надъ рѣкой, какъ бы готовая броситься въ волны и поддержать заветный свѣтъ своей лампы, готовой погаснуть. Еще одна дѣвушка, въ отдаленіи, сложивъ руки на грудь, слѣдитъ свою лампаду таинными взорами, въ которыхъ ясно выражается отрадная и теплая вѣра въ милость Провидѣнія. Четвертая, преклонивъ колѣно на берегу, одной рукой съ трепетомъ повѣряетъ свою лампаду волнамъ, другою закрываетъ глаза, изъ боязни увидѣть слишкомъ скоро страшный приговоръ судьбы. Двѣ дѣвушки въ сторонѣ спокойно плетутъ еще вѣнки для украшенія своей гадательной флотилии. Впереди ихъ всѣхъ стоитъ одна, юная, прелестная, съ небеснымъ лучемъ радости во взорѣ; ея лампадка почти готова уже скрыться изъ вида и бросаетъ яркій отливъ свѣта на темныя волны. Она склонилась головой на плеча обнявшей ее подруги, участницы всѣхъ ея чувствъ, радостныхъ и печальныхъ; въ эту минуту кажется онѣ обѣ превратились въ олицетворенное счастье! Вы я думаю догадались, что эту главную фигуру представляла Александрина; для отѣнки ея красоты отлитой природою въ формы совершенно греческаго типа, ей выбрали въ подруги свѣтлорусую головку съ свѣжимъ, какъ майское утро, личекомъ; все это съ прибавленіемъ стройной и гибкой талии, принадлежало шестнадцатилѣтней сестрѣ Лузанской, живой и веселой Вѣрочкѣ. Она была въ своей роли, потому что въ самомъ дѣлѣ всегда боготворила свою помолвленную кузину; а съ тѣхъ поръ какъ Сашенька сдѣлалась невѣстой, она на нее смотрѣла какъ

на небеснаго ангела, готоваго вспорхнуть крылышками и, пошнувъ насъ, скрыться въ высотѣ, потому она будто боялась отойти отъ нее на минуту. Вѣрочка пришла бы въ совершенное отчаяніе, если бы ее помѣстили не въ ту картину, гдѣ будетъ Александрина; каково же было ея восхищеніе, когда ее оставили при ней и еще приказали стоять съ ней обнявшись! мы всѣ ей завидовали, но пора довершить описаніе моей картины. Возлѣ главной группы, въ сторонѣ, пять маленькихъ дѣвочекъ, съ свойственными имъ возрасту обезьянствомъ, также гадали, пусая въ рѣку маленькіе охотничьи замочки въ орѣховыхъ скорлупахъ. Разумѣется, ихъ лица и позы выражали только удовольствіе отъ новой для нихъ забавы, особенно мила была дѣвочка съ поднятыми въ верхъ руками, какъ бы готовая вспрыгнуть отъ радости.

— Въ самомъ дѣлѣ эта мысль, переведенная на полотно рукою великаго художника, была бы мастерскимъ произведеніемъ, замѣтила Юлія: жаль что ты не имѣешь случая сообщить ее Брюлову.

— У меня бы никогда не достало на это смѣлости, возразила Ольга; — чтобы представить въ настоящемъ видѣ всю прелесть предмета, нужно говорить съ увлеченіемъ, въ непринужденномъ расположеніи духа; а говорить съ постороннимъ, да еще и съ художникомъ... съ творцомъ послѣдняго дня Помпей... это вѣдь очень страшно!

— Этому можно пособить! — вскричала Надина, весело всплеснувъ руками. — Знаешь ли что, Ольга? я непременно выйду за мужъ за какаго нибудь чуде-

снано живописца; тогда онъ тебѣ будетъ не посторонній, тебѣ не будетъ совѣстно съ нимъ говорить, а я велю ему непременно написать такую картину, по твоему плану.

Надина живетъ въ очарованномъ царствѣ возможнаго; ея семнадцать лѣтъ, ея домашнее воспитаніе, не опытность, незнаніе свѣта и свѣжее воображеніе, все соединилось, чтобы лелѣять ея дѣвственное сердце всеми обольщеніями молодости. Она еще живетъ не рассуждая, какъ золотая пчелка, ея сердце высасываетъ медъ изъ всего, горечь для нее не существуетъ. По этому Надина была простодушно убѣждена, что ничего не можетъ быть легче, какъ выдти за мужъ за живописца, да еще и за *великаю*, какъ будто ихъ также много въ мірѣ, какъ въ Петербургѣ булочниковъ! Мы такъ много и такъ долго смѣялись новой затѣй Надины, украшая ее разными дополненіями, что когда снова хотѣли обратиться къ разсказу, было уже поздно, и волею или не волею мы должны были разойтись. На другой день рано утромъ, тѣ же слушатели окружили Ольгу съ убѣдительною просьбою безъ отлагательства продолжать занимательный разсказъ.

III.

Въ семь часовъ вечера, все было готово; кончилась бѣготня съ лѣстницы на лѣстницу, мы всѣ были уже въ костюмахъ, и избѣгая встрѣчи съ кѣмъ нибудь изъ чужихъ, принуждены были сидѣть въ одной комнатѣ. Во время приготовленій, мы все боялись, что женихъ слишкомъ скоро пріѣдетъ, и мы не будемъ готовы къ его пріѣзду. Теперь, когда уже намъ ничего не оставалось дѣлать, казалось, мы вѣкъ не дождемся этого несноснаго Поля; безпрестанно то та, то другая изъ насъ подбѣгала къ окну, прислушиваясь къ звону колокольчика, звучаваго только въ воображеніи; инныя, забывъ предосторожность, бѣгали даже въ сѣни.

— Ужъ 10-ть минутъ восьмага, — говорила печально Вѣрочка, посмотрѣвъ на часы Александрины, около которой она уже обвилась заблаговременно, почти въ томъ положеніи какъ нужно для картины. Ожиданіе приводило все маленькое общество въ сильное волненіе, и это легко понять. У всѣхъ насъ шевелилась на сердцѣ

тайна, приближалась минута ея открытія, и мы имѣли право надѣяться, что наши долги, усердныя хлопоты увѣнчаются желаннымъ успѣхомъ. Одна только невѣста была спокойна; пріятное ожиданіе любимаго, заставляло ее забывать, что она также участвуетъ въ представленіи и готовится предстать передъ многочисленными зрителями; можетъ быть, она уже и видѣла Поля очами души, — не знаю, только она не раздѣляла нашего суевѣливаго безпокойства. Можете вообразить, каково было наше положеніе, когда пробило восемь часовъ; прошло еще полчаса, а князя нѣтъ — какъ нѣтъ! Миѣ уже стало жарко подъ бархатнымъ беретомъ и до того грустно, что вѣрно Херубино ни въ комедіи Бомарше, ни въ столько же знаменитой оперѣ Моцарта, никогда, ни на минуту не случалось такъ присмирѣть, какъ присмирѣла его представительница. Зная всегдашнюю исправность князя и его нетерпѣніе возвратиться къ невѣстѣ, мы не знали что подумать. Никто изъ насъ не догадался навѣдаться о погодѣ. Мы ломали себѣ головы, а ларчикъ, впросто-открывался! часа за два началась ужасная метель. Такимъ образомъ объяснилась намъ медлительность жениха. Онъ наконецъ пріѣхалъ, но не одинъ, а съ пріятелемъ — будущимъ своимъ шаферомъ. Когда они выѣхали изъ князева села, было еще тихо, но на половинѣ дороги застигла ихъ вьюга, да такая, что въ мигъ завесла дорогу; они потеряли изъ вида вѣжки, болѣе двухъ часовъ кружились около самаго Ольховца, и ни какъ не могли понасть на настоящую дорогу; къ счастью, на ихъ выручку понался имъ одинъ изъ тетешкиныхъ крестьянъ, онъ также возвращался

изъ ближней деревни, но былъ счастливѣе князя Свирскаго въ своемъ путешествіи. Его простая лошадка имѣла необыкновенное достоинство инстинктомъ отыскивать дорогу, какъ бы ни была занесена снѣгомъ; такія лошади въ деревняхъ — настоящее сокровище, и не разбирая наружности, за нихъ платятъ очень дорого; часто, одна подобная лошадь спасаетъ цѣлый обозъ. Утомленная тройка, перепряженная гусемъ, поплелась въ слѣдъ за крестьянской умною лошадкой, и такимъ то образомъ около девяти часовъ ожидаемый гость прибылъ въ Ольховецъ.

— «Женихъ пріѣхалъ! женихъ пріѣхалъ!» разда-лось громкимъ раскатымъ живаго эха по нашей залѣ. Въ первомъ движеніи, Сашенька забыла все, и бросилась было къ своему Полю на встрѣчу, но мы поймали ее въ дверяхъ, и воротили, напоминая, что она въ костюмѣ, и должна явиться жениху только en respective, въ картинѣ индійскаго гадавъя. Она послушалась, но ея спокойствіе смѣнилось сильнымъ волненіемъ, тогда какъ наше тревожное ожиданіе и безпокойство, въ минуту перешло въ самую шумную веселость. Такъ и слѣдовало: она ждала сердцемъ — а мы воображеніемъ.

Послѣ первыхъ вопросовъ тетеньки о причинѣ поздняго возвращенія, князь Павелъ представилъ ей своего друга, Григорья Дмитріевича Станова.

«Онъ же и нареченный мой шаферъ» — прибавилъ онъ весело, и оставивъ тетиньку въ разнѣнн пріѣтствій съ новопрїѣзжимъ, бросился съ нетерпѣніемъ влюбленнаго жениха, отыскивать свою Александрину.

— Гдѣ же она? — спросилъ онъ наконецъ, удивленный ея отсутствіемъ, оглядываясь на всѣ стороны.

— Вы заставили ее ждать до девяти часовъ, — отвѣчала ему одна изъ дамъ, — и по дѣломъ вамъ — должны быть наказаны. На ея мѣстѣ, я бы отложила свиданіе до завтрашняго утра, или лучше сказать, до будущаго года.

— О! она вѣрно этого не сдѣлаетъ, и мнѣ даже странно, -- противъ обыкновенія, она не встрѣтила меня.

Въ слѣдъ за этими словами князь не бѣгомъ, а лѣтомъ, очутился на знакомыхъ ему антресоляхъ. Все тихо и темно. Не смѣя отыскивать ее въ другихъ комнатахъ, гдѣ жили постороннія дамы, онъ печально воротился въ гостиную.

— Гдѣ же Александрина? — спросилъ онъ у тетиньки, — возвратите мнѣ мою невѣсту, я уже и такъ съ ней полвѣка не видался. Не грѣхъ ли вамъ шутить надъ любовью?

Покуда Поль ходилъ на верхъ, тетинька уже успѣла навѣдаться, все ли у насъ готово.

— Александрина, съ прочими дѣвцами въ большой залѣ, спѣшитъ приготовить чай для прозяблыхъ путешественниковъ, — отвѣчала она князю и подавая ему руку, пригласила все общество слѣдовать за ними.

Пришли въ залу. Чайный приборъ и кипящій самоваръ были въ самомъ дѣлѣ на столѣ, но Александрины не было, и никого изъ ея многочисленной, неизбѣжной свиты. Князь было опять съ безпокойствомъ началъ поглядывать на свою будущую тещу; тогда она, вмѣ-

сто отвѣта, засмѣявшись указала ему на огромныя рамы, задернутыя зелеными шелковыми занавѣсами; въ тоже время, заиграла невидимая музыка. Елена Андреевна размѣстила все общество на нѣсколькихъ рядахъ стульевъ, поставленныхъ передъ картинами. Поднялись сначала занавѣсы только двухъ боковыхъ рамъ. Въ общемъ совѣтѣ было рѣшено оставить Александрину, какъ говорится, *roug la bonne bouche* — на закуску; къ тому же мнѣ и Лузанской страхъ какъ хотѣлось быть уже свободными; когда откроется индѣйское гаданіе, и присоединиться къ зрителямъ. Насъ оглушили рукоплесканія; нѣсколько разъ по требованію *благосклонной публики* закрывали и открывали занавѣсъ, и можетъ быть еще долѣе бы насъ промучили если бы не сильное нетерпѣніе Поля видѣть последнюю картину, въ которой сердце его угадывало Александрину.

Она явилась, и на этотъ разъ зрители уже не аплодировали, — они будто онѣмѣли отъ восторга. И было отъ чего. Никогда еще красота Александрины не являлась въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ.

По плечамъ ея бѣлымъ и нѣжвымъ, словно лебяжіи пухъ, длинныя, черныя атласистыя волосы расходились въ безчисленномъ множествѣ заплетенныхъ косъ и, перемѣшиваясь съ русыми косами обнявшей ее подруги, составляли разительную и пріятную противоположность. Подъ золотымъ вѣвчикомъ красовалось высокое чело, отгѣненное черными, правильно окруженными бровями. И кто опишетъ обаятельную прелесть очей и общаго выраженія чуднаго лица? Сквозь обычную, сродную ей одной, кротость, просвѣчивался тогда приличный

ея ролю, радостный восторгъ; онъ горѣлъ огнемъ души подъ темною опушкою необыкновенно длинныхъ рѣсницъ. Божественная улыбка царствовала на полуоткрытыхъ устахъ, свѣжихъ какъ первое дуновение весны. Но можно ли описывать, когда впередъ знаемъ что все напрасно?

О! наша Сашенька была такая красавица, что только видѣвъ ее собственными глазами можно было повѣрить, что это дѣйствительно смертное созданіе, а не мифическое олицетвореніе самой красоты.

Не могу однако же не прибавить, что у нее какъ у всѣхъ греческихъ лицъ въ лучшихъ древнихъ статуяхъ, верхняя часть головы нѣсколько выдавалась впередъ; ея наружность предупреждала о ея высокихъ умственныхъ способностяхъ. Носъ, несчастная черта лица, которая, по большой части, портитъ множество прекрасныхъ лицъ, у Александрины былъ необыкновенно правильной формы, а прелесть выраженія довершала чудную гармонию ея очаровательной наружности. Полудикій индійскій костюмъ, слишкомъ не нарядный на женщинѣ обыкновенной, для Александрины сдѣлался настоящимъ торжествомъ. На ней былъ только коротенькій тюникъ изъ остъ-индской кисеи; бѣлый какъ снѣгъ, онъ былъ расшитъ полосками изъ узенькихъ атласныхъ ленточекъ яркаго цвѣта райской птички, окаймленныхъ по обѣимъ сторонамъ блестящими серебряными шурками; на ногахъ, покрытыхъ тѣлеснаго цвѣта шелковыми чулками, — восточныя туфли или бабушы, шитыя также серебромъ. Тюникъ застегивался на плечахъ бриліантовыми аграфами, а чудныя ея

руки, съ совершенными ихъ формами, какъ бы вышедшія изъ мастерской Кановы, были совсѣмъ обнажены, только въ нѣсколькихъ мѣстахъ перевязаны разнообразными браслетами. На шеѣ нитка крупнаго жемчуга. Когда она явилась среди толпы другихъ дѣвицъ, также прекрасныхъ, но оставленныхъ въ тѣни ея лучезарною красотою, когда яркій свѣтъ искусно освѣщенной картины, разлился на ея небесныхъ чертахъ, о! она была очаровательна, дивно мила, не выразиимо прелестна! и всѣ, мушны, если бъ еще не любили Александрину, въ эту минуту должны бы полюбить, какъ свѣтлаго гостя инаго, лучшаго міра. А что женихъ? въ нѣмомъ упоеніи, то онъ цѣловалъ руки тетеньки, какъбы впервые изъявляя ей пламенную благодарность за ангела, ему вѣримаго, то опять съ новымъ удивленіемъ обращалъ страстные взоры къ обворожительному созданію, то забывая, что Александрина въ эту минуту только дѣйствующее лицо въ картинѣ, простиралъ къ ней руки, улыбаясь ей съ любовью, вызывалъ симпатическую улыбку на уста милой.

Не онъ одинъ забывался отъ востора. Не знаю, что чувствовали другіе, но я совершенно обезумѣла. Я не могла свести глазъ съ картины, даже когда зававѣсь опустился для отдыха дѣйствующимъ лицамъ. Когда же въ другой разъ открылось неземное видѣніе, восторгъ мой переступилъ всѣ границы, глаза наполнились слезами, словно въ изнеможеніи, я склонилась на спинку кресель. Я глядѣла на Александрину съ чувствомъ, похожимъ на идолопоклонство; это была неумышленная, невольная дань, принесенная душой изящному

въ его совершеннѣйшемъ олицетвореніи. Тутъ не было пристрастія дружбы; я видѣла въ ней тогда уже не обожаемую мной кузину, которой я всегда готова была поклоняться за ея ангельскую доброту; но совершенно забывая свои отношенія къ ней, я смирилась восторженной душою передъ чуднымъ Божиимъ созданіемъ. Въ эту минуту, я вѣрно чувствовала бы тоже самое, если бы даже видѣла въ Александринѣ злѣйшаго своего врага.

Всѣ были до такой степени увлечены истинно волшебнымъ зрѣлищемъ, что никто меня не замѣтилъ, и я смѣло могла предаваться удовольствію восхищаться своею картиной.

Вдругъ я чувствую, что кто-то наклонился надо мной, и въ тоже время чье-то пламенное дыханіе повѣло на меня словно пальцимъ зноемъ. Такъ неожиданно, такъ странно было для меня это ощущеніе, что я сначала не смѣла оглянуться, и оставалась какъ бы скованная не смѣя поднять головы. Когда же я наконецъ украдкою оглянулася, я изумилась, увидѣвъ лице совершенно мнѣ незнакомое. Молодой прекрасный собой офицеръ, стоялъ за мной стуломъ какъ околдованный, не сводя глазъ съ картины. — Глаза его, какъ два луча солнца сосредоточенные въ одну точку зажигательнымъ стекломъ, были устремлены на главную фигуру. Онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ, а высокая грудь его колыхалась какъ могучая волна бунтующаго моря. Кто бы могъ быть этотъ незнакомецъ? и откуда онъ явился? была первая моя мысль; потомъ сильный восторгъ, въ который его по видимому привела красота Алексан-

Арины, вселить въ меня сочувствіе къ человѣку, умѣющему до такой степени понимать изящное. Въ эту минуту, незнакомецъ былъ мнѣ уже не чужой, — онъ чувствовалъ, — онъ поклонялся вмѣстѣ со мною, — душа моя открылась для него какъ для брата! Но кто же онъ, этотъ невѣдомый братъ души моей? Предавшись совершенно новому раздумью, я забылась на своемъ мѣстѣ и все оставалась въ томъ же положеніи, сложа руки на грудь, устремивъ глаза на то мѣсто, гдѣ была картина, и не замѣчая, что занавѣсъ уже послѣдній разъ опустился, и всѣ суетятся, встаютъ . . . вдругъ, громкій шумъ рукоплесканій раздался въ залѣ.

— Bravo, Херубино! bravo! bravo! кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ. Всѣ вообразили, что я, войдя въ настоящую роль влюбчиваго Херубино, вздумала представить его внѣ картины, сдѣлавъ то, что онъ вѣроятно бы сдѣлалъ, увидѣвъ прекрасную дѣвушку. Надобно покаяться вамъ въ тяжкомъ грѣхѣ: я безсовѣстно воспользовалась этимъ общимъ заблужденіемъ и приняла незаслуженныя похвалы. Правда, я очень покраснѣла, но и это было перетолковано въ хорошую сторону; смущеніе мое приписали скромности, приличной моимъ лѣтамъ. Теперь еще иногда меня мучитъ совѣсть при воспоминаніи объ этомъ необдуманномъ обманѣ, но вы согласитесь, что искушеніе было слишкомъ велико. Мнѣ неожиданно давали возможность скрыть слишкомъ нескромное выраженіе моего ребяческаго восторга подъ личиною остроумной и забавной выдумки: кто же бы на моемъ мѣстѣ отказался этимъ воспользоваться? Князь откомендовалъ намъ Станова, также какъ и тетенькѣ. Алек-

Алекс.

сандрина приняла его, какъ друга своего жениха, а у меня чуть чуть не сорвалось съ языка, что мы уже знакомы; я удержалась, но была очень рада, узнавъ наконецъ имя этого знакомаго незнакомца. Покуда запоздалыхъ гостей угощали чаемъ, всѣ участвовавшія въ картинахъ и остальные дѣвицы незамѣтно одна за другой скрылись изъ залы, спѣша перемѣнить свои костюмы или всеневныя платья на щегольскій бальный нарядъ. Мы сговорились одѣться всѣ одинаково. Только одна невѣста должна была отдѣлиться отъ насъ пышностію одежды. Мы всѣ убрались въ бѣлыя платья изъ швейцарской кисеи, сшитыя по тогдашней модѣ тюниками съ отдѣлкой изъ кружева и розовыхъ лентъ.

Для Александрины было приготовлено платье изъ филейнаго тюля на атласѣ; тюникъ — обшитый прелестной гирляндой мелкихъ розъ; на головѣ прикомоты. Клотильды изъ такихъ же цвѣтовъ, придерживаемыя изумруднымъ bandeau, осыпаннымъ бриліантами. Долго отговаривалась скромная Александрина отъ такого пышнаго наряда, говоря, что ей гораздо пріятнѣе быть одѣтой точь въ точь какъ мы всѣ. Мы заспорили, закричали, говоря, что такое упрямство ни на что не похоже, что это совершенное безуміе, что она невѣста, что она царица праздника, царица насъ всѣхъ, и что намъ будетъ очень обидно, если наша прекрасная повелительница не явится на этотъ торжественный случай во всемъ возможномъ блескѣ. Когда мы всѣ одѣлись и, чрезъ другой ходъ, пробрались въ освѣщенную уже галерею, двери въ залу вдругъ растворились, и многочисленная депутація дѣвицъ отправилась приглашать поч-

тенное общество на балъ. Всѣ наши гости спѣшили наперерывъ расхвалить красивое убранство галлерей, удивляясь въ тоже время проворству и таинственности, съ которой были сдѣланы всѣ наши сборы. Мы начали тѣмъ, что окруживъ обрученныхъ, торжественно возвели ихъ на приготовленное для нихъ возвышеніе, и, усадивъ рядомъ на красивомъ диванѣ, стали по очереди подносить подарки, приготовленные для молодой невѣсты. Александрина была тронута до глубины души такимъ неожиданнымъ прибавленіемъ къ извѣстнымъ ей сюрпризамъ. Она смѣялась и плакала въ одно время, и со слезами, нѣжно обнимала каждую изъ насъ. Мы всѣ не помнили себя отъ восхищенія.

— И это все мнѣ? говорила Александрина, и еще, и еще! ахъ, Боже мой, какія прелестныя вещи! и все тайкомъ! дайте васъ всѣхъ разцѣловать!

Мы всѣ также невнятно бормотали ей новыя увѣренія въ вѣчной привязанности, но такія ощущенія не терпятъ описанія.

Мы непремѣнно хотѣли начать балъ польскимъ. Его отрыли, какъ слѣдуетъ, женихъ съ невѣстой; за ними нововрѣзжій гость съ тетинькой, а тамъ и всѣ. Послѣ двухъ или трехъ круговъ польскаго, Становъ подошелъ и ко мнѣ. У меня сердце забилось отъ радости. Съ самой первой минуты моей странной встрѣчи съ этимъ молодымъ человѣкомъ, во мнѣ родилось ребяческое желаніе поговорить съ нимъ объ Сашенькѣ. Очень понятное чувство. Онъ одинъ изъ всего общества видѣлъ ее въ этотъ вечеръ первый разъ, всѣмъ остальнымъ она была знакома съ дѣтства; передъ ними развивалась по-

степенно эта рѣдкая дѣвушка, исподоволь приучая ихъ къ каждому новому очарованію; потому никого совершенство ея красоты немогло поразить, такъ сильно какъ Станова. Ни въ комъ, стало быть, немогла я надѣяться найти такого свѣжаго, благоухающаго впечатлѣнія послѣ оборотлившаго меня видѣнія. Слишкомъ полныя чувства жаждутъ излиться, и, какъ настоящій Херубино, я была тогда готова говорить объ ней воишь на свѣтъ:

Al'aqua, al'ombra, ai monti,
Ai fiori, al'erba, ai fonti,
Al'osè al'aria, ai venti.

Становъ началъ разговоръ вѣжливымъ комплиментомъ, который бы онъ вѣроятно почелъ себя обязаннымъ сказать каждой дѣвушкѣ на моемъ мѣстѣ.

— Vous avez été le plus délicieux chérubin qu'il soit possible de rêver, non seulement de voir en réalité dans ce monde prosaïque !

— Я не благодарю васъ за прѣвѣтствіе; заключеніе его мнѣ не нравится.

Онъ поглядѣлъ на меня съ удивленіемъ, и будто хотѣлъ спросить взоромъ.

— Да, — продолжала я, — можно ли называть прозаическимъ міръ, вмѣщающій въ себя эту живую вдохновляющую поэзію, которой вы еще такъ не давно удивлялись вмѣстѣ со мною? Не правда ли, наша невѣста, чудо красоты?

— О! она божественна! — отвѣчалъ онъ, вспыхнувъ отъ восторга, — я хорошо понялъ ваше чувство, когда вы глядѣли и не могли наглядѣться на нее въ чудной картинѣ! я понялъ васъ: вы забылись — не изъ умышленной

шалости, какъ подумали другіе, но въ порывѣ настоящаго, непреодолимаго восхищенія. Оно дѣлаетъ почти равную честь и предмету его, и той, которая могла такъ сильно имъ увлечься, къ подобной же дѣвушкѣ, съ которою — въ этомъ всѣ согласны — юная восторженница могла бы вѣрно посоперничать въ красотѣ.

— Это непростительная лесть, М^г Становъ! съ Александриной не только соперничать, даже сравнивать когонибудь, есть уже святотатство.

Онъ скоро, однакоже, приширѣлъ меня съ собой. Въ продолженіе первой кадрили и окончательной мазурки, мы сдѣлались большими друзьями. У насъ былъ одинъ только предметъ разговора — Сашенька. Я такъ была счастлива, найдя человѣка, которому могла за новость рассказать, какими рѣдкими и безчисленными достоинствами одарена любимая моя кузина! онъ такъ внимательно меня слушалъ! онъ удерживалъ дыханіе, боясь проронить одно мое слово. Я не уставала описывать, — онъ не уставалъ слушать. Въ ослѣпленіи моей дружбы, и съ пятнадцати-лѣтней моею склонностью къ восторгу, я находима весьма естественнымъ сильное участіе, принимаемое Становымъ во всеобщее, что я ни рассказывала ему объ Александринѣ. — Онъ премилый молодой человѣкъ, думала я, и въ полной мѣрѣ достоинъ узнать покороче нашего ангела; онъ будетъ умѣть вполне оцѣнить ее!

Становъ танцевалъ также два раза съ Александриной, не знаю, о чемъ они разговаривали, только всякой разъ, когда онъ отводилъ ее на мѣсто, я замѣчала, что онъ долго оставался задумчивымъ. Это мнѣ также по-

казалось очень понятнымъ: можно ли не призадуматься послѣ сближенія, хотя минутнаго, съ такимъ необыкновеннымъ существомъ?

Въ полночь музыка грянула громкій тушь, наступилъ новый 1836 годъ. Ни одного еще нового года не встрѣчали мы такъ весело: вездѣ блескъ, цвѣты, граціозно развѣвающіеся, легкія шатя и непринужденно-смѣющіяся лица; въ сердцахъ разцвѣтали юныя надежды, радость и раздольная свобода! Казалось, однимъ общимъ чувствомъ довольства блились всѣ сердца въ галлерей, убранныхъ цвѣтами; казалось — и въ этихъ сердцахъ все было также легко и прозрачно, какъ красивое убранство этой галлерей, когда въ ней раздались громкія поздравленія съ новымъ годомъ! Такъ начинался онъ, — а будущее скрыто было непроницаемою завѣсою. Когда Становъ подошелъ въ свою очередь съ бокаломъ шампанскаго къ князю и Александринѣ, выпить за ихъ здоровье и пожелать имъ счастья, Польдасово протянулъ ему руку.

— Что это значить, Grégoire, твоя рука холодна, какъ ледъ, — и послѣ танцовъ! — вотъ диво! — да и самъ ты, посмотри, какъ блѣднѣешь, на себя не похожъ?

— Мудрено ли, что страстному жениху возлѣ милой невѣсты все кажется холодно! — отвѣчалъ Становъ съ принужденной улыбкой; — блѣдность, ты знаешь, давно уже введена въ моду героями Байрона.

— Нѣтъ, не отдѣлаешься отъ меня шуткой; ты болѣнъ, это по всему видно, тебѣ не хорошо.

— Опять такъ повторяю, что тебѣ это кажется только по сравненію съ собою.

— Предоставьте мнѣ рѣшить вашъ споръ, — сказала Александрина.

— Готовъ признать васъ посредницею, — отвѣчалъ Становъ — если только, вы обѣщаете быть безпристрастной.

— О! какъ сама справедливость! Поль думаетъ, что вы нездоровы, вы утверждаете противное, а мнѣ кажется, вы оба правы. М' Становъ не болѣтъ, — продолжала она обращаясь къ князю — его вѣроятно утомила продолжительная скачка на почтовыхъ; а мы вмѣсто того, чтобы доставить спокойствіе дорогому гостю, встречаемъ его балагомъ и бесѣдою за полночь!

— Ты разсудила какъ Ангелъ, милѣйшій изъ всѣхъ судей въ мірѣ! — подхватилъ князь, — Становъ точно долженъ умирать отъ усталости; какъ это я не подумалъ прежде! послѣ шестидневной дороги въ трескучіе морозы, я, величайшій эгоистъ, не далъ тебѣ ни минуты отдыха, и, еще въ добавокъ, угостилъ трехчасовой прогулкой въ родѣ жмурокъ, въ мятель! надо исправить мою ошибку: извольте, сударь, сейчасъ же на покой, и постарайтесь проспять богатырскимъ сномъ до полудня, а завтра опять явиться къ намъ молодцомъ.

Становъ не отвѣчалъ ни слова, и, раскланявшись съ дамами, последовалъ за княземъ въ приготовленную для него комнату. Какъ друга жениха, какъ прѣзжаго изъ Петербурга, непривычнаго къ деревенскому простому обхожденію, его отдѣлили отъ прочей молодежи.

Мы ни мало не тужили, что нездоровье гостя такъ неожиданно сократило нашъ танцевальный вечеръ. При-

готовленія этого дня, а еще болѣе, волненіе и долгая служба въ костюмахъ, утомили самыхъ неутомимыхъ танцовщицъ и, сверхъ того, мы имѣли еще свои причины, и очень важныя, желать пораньше обратиться въ свои комнаты. Старая няня тѣтеньки, а вмѣстѣ, няня и всѣхъ ея дѣтей, сказывала намъ, что на канунѣ новаго года всего лучше гадать. Мы никакъ не хотѣли пропустить этой ночи и убедительно просили опытную старушку припасти все нужное для *самаго вѣрнаго* гаданья.

Въ слѣдствіе сего, когда князь, проводя Стакова, воротился и предложилъ намъ возобновить танцы, мы всѣ въ голосъ просили пощады, отказались и отъ ужина. Веселой гурьбой, какъ стадо молодыхъ серъ, понеслись мы по широкой лѣстницѣ на антресоли:

— Вотъ, мчится рать сила великая! — заворчала про себя нянюшка Ульяна Терентьевна, вслушавшись въ нашъ веселой топотъ и говоръ; старушка была великая сказочница и любила говорить и даже мыслить сказочнымъ слогомъ. Мы же подлинно часто ополчались на нее ратью, когда ей бывало вздумается тушить у насъ прежде времени огонь, или унимать нашу веселую ночную бесѣду. О! за подобное враждебное намѣреніе, нянюшка всегда бывало съ пуховикомъ съѣдетъ съ кровати и прокатится разъ десять по обѣимъ комнатамъ, прежде нежели уснѣетъ взаимной уступкой купить себѣ пощаду и покой. Въ этотъ вечеръ, однакожъ, она не боялась, ни *вражьей силы*, то есть всей нашей честной компаніи, ни даже *пострѣлять*, какъ она обыкновенно называла меня и кузину Анету, потому что мы

были шаловливѣ другихъ и больше всѣхъ ей надоѣдали. Въ этотъ вечеръ она была для насъ могучая сивилла: съ помощію ея искусства мы надѣялись подглядѣть кое-что сквозь темную завѣсу будущаго и Ульяна Терентьевна очень хорошо это понимала и пользовалась всею своею важною.

Еще съ утра, мы всѣ уживались около нее какъ лисы и даже выслушивали, — сколько доставало терпѣнья — безконечные рассказы ея о старинѣ, о томъ, что *въ старину бывало*. Вечеромъ мы всѣ спѣшили къ нашей сивиллѣ. Весело перепрыгнувъ, прежде всѣхъ, черезъ порогъ общей комнаты, вторымъ скачкомъ я уже очутилась возлѣ сидѣвшей въ углу няни, повисла у нее на шеѣ, и цѣловала ее въ щеки, покрытыя безчисленными морщинами.

— Ну что, Ольга Дмитриевна, свѣтъ ты мой пострѣленочекъ! — говорила мнѣ ласково добрая старушка, — али тебѣ сердечной больше всѣхъ о суженомъ то перещитая?

— Какъ же, няинька голубушка! хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на суженаго.

— Охъ! ужъ вы мнѣ барышни вострушки, молодо, — зелено, — и неразумно то, — а туда же, женишкоть смышляють!

— Что же я за молоденькая такая, мѣсяцъ черезъ десять мнѣ будетъ шестнадцать-лѣтъ, а вѣдь ты сама намъ рассказывала, какъ Сашенькина прабабушка вышла одиннадцати лѣтъ за мужъ.

— Оно, что правда, то правда, да времена то другія тогда были! Люди были тогда смышленѣе, степен-

нѣе. Право слово! хотъ бы вотъ и прабабушка ишла, что изволите говорить, вышла за мужъ молодешенька, да она развѣ была вамъ чета въ одиннадцать то лѣтъ? День-деньской бывало изволить сидѣть за рукодѣльемъ, сама съ мѣста не встаетъ, и насъ бывало не пускаетъ. Я тогда еще вовсе маленька была, такъ она матушка, сама меня чулокъ вязать учила, и уроками ряды задавала; что изволить бывало проснуться, такъ и кличетъ: «Уляшка! сколько ты, молъ, рядовъ связала?» Нѣтъ! прошло времячко. У нынѣшнихъ барынь такихъ хозяйственныхъ заведеній ужъ не будетъ. Бывало года четыре, сидитъ насъ, красныхъ дѣвушекъ, цѣлая дюжина, выстегиваемъ одно одѣяло, да ужъ что и за работа, на дивованье! Сюдно бурмицкимъ жемчугомъ вынизано. А сама барыня, такъ вотъ и сидитъ надъ нами, — спины не дастъ разогнуть: и объдать то пойдешь, такъ бѣжишь безъ оглядки, чтобы поскорѣй воротиться!

— Вотъ вспомнила добро, нянюшка! я думаю вы въ душѣ то бранили-бранили господъ за такую египетскую работу.

— И, Ольга Дмитриевна! наше дѣло рабское, воля боярская, а бранить господъ языкъ не поворотится.

— Но за что же ты насъ-то поречишь, что мы не такъ рукодѣльны, какъ наши прабабушки, развѣ намъ есть когда заниматься работою? ты сама знаешь, едва-едва достаетъ время на уроки.

— О — о — охъ! за уроками-то васъ много сердечныхъ морятъ, ужъ какимъ и такимъ и сѣкимъ за тѣлямъ не учать! Учены то вы учены, и по французскому и по нѣмецкому и по англискому, а все посмотрю

я на васъ — молодёхоньки, глупёхоньки! а туда же объ суженыхъ.

Я обрадовалась, что она наконецъ сбилась на то, что васъ въ эту минуту занимало.

— Мой ли суженый, — сказала я — или чужой, мнѣ право все равно, нянюшка, мнѣ бы хотѣлось только узнать, точно ли можно видѣть какогонибудь суженаго, или вы, старые люди, только морочите насъ, молодыхъ?

— И, что ты это? что ты моя сударыня, Христось съ тобою! уже мнѣ лгать не модъ лѣта, того и гляди — не нынче такъ завтра умру окаянная, а вѣдь на томъ свѣтѣ, матушка, за каждое праздное слово придется отвѣтъ дать!

— Такъ ты, нянюшка, безъ празднаго слова, можешь сказать утвердительно, что сама, собственными глазами, видѣла суженаго? — спросила вѣтревница Авета, забывъ, что нянюшка никогда не была за мужемъ.

Старая дѣва сдѣлала крестное знаменіе.

— А что же мнѣ и видѣть, коли ужъ Богъ не судилъ? — отвѣчала она съ нѣкоторой досадою; потомъ, расправивъ изъ подъ платка свои сѣдые волосы, продолжала съ спокойнымъ и даже гордымъ выраженіемъ: — видно ужъ мнѣ такъ на роду написано, цѣлый вѣкъ вѣковать въ дѣвницахъ; а дѣвницамъ и на этомъ свѣтѣ и на томъ будетъ почетъ. Такъ и въ Апостолѣ сказано.

— Такъ почему же вы, Ульяна Терентьевна, знаете, что можно увидѣть суженаго? — спросила въ свою очередь Вѣрочка.

— Хмъ! очень свѣтъ, а не очень тьма! — съ са-

модовольствіемъ отвѣчала няня, — какъ мнѣ не знать, матушка Вѣра Александровна! поживи-ка съ мое, и сама все узнаешь. А вотъ я вамъ расскажу, хоть про свою невѣстуху, покойницу Фенюшку.

Мы всѣ въ это время раздѣвались, завивали волосы, и очень рады были укоротить скучный ночной туалетъ занимательнымъ для насъ разговоромъ о гаданьѣ, прежде нежели приступимъ сами къ этому таинственному дѣлу.

— Расскажи, нянюшка, Расскажи! раздалось со всѣхъ сторонъ. Няня начала по своему обыкновенію, отъ сивца отъ бурца, какъ начинались большой частью всѣ ея сказки.

— А вотъ, о ту пору Фенюшка — дай Богъ ей царствіе небесное! — была еще молодешенька — дѣвочка, какъ бы вамъ не солгать, лѣтъ тринадцати, ее только что и на сѣмѣ взяли, а привезли то изъ степной деревни; господь она и *отродась* не видывала. Вотъ какъ теперь помню, какъ ее привезли, да пришла она въ дѣвичью, то-то набрались мы смѣху, все то ей дико, все то ей ново, все то ей въ диковинку! И мы — согрѣшили окаянныя, — много ей вращи всякой небывальщины забавы ради. Только старшей барышни, сестрицы нашей то Елены Андрѣвны, а вашей-то, Вѣра Александровна, матушки, Фенюшка съ перваго раза такъ приглянулася, что она сейчасъ же ее изволила спросить: «Хочешь, миленькая, за мной ходить?» Дѣвка было стала въ туникъ, да уже кто то изъ сѣнныхъ надумилъ. «Если на то будетъ воля ваша, сударыня!» отвѣчала Фенюшка, и пошла прямехонько за барышней въ гостиную; мы было ее удерживать, такъ куда! такъ и вырвалась,

словно бѣсенокъ какой! — «Сударыня то велѣла мнѣ за собой ходить, что же я за дура такая, чтобы ее не слушаться!» — Такая-то была еще покойница простуха; ну, да оно и все такъ, вѣдь только овомо господъ мы можемъ полнѣе понатереться, ужъ что же за житье, когда господскихъ свѣтлыхъ очей не видишь — тьма, да и только!»

— Да что же Фенюша, видѣла ли своего суженаго? спросила я нетерпѣливо.

— О — о — охъ, хо — хо! Распрорванная ты моя штатша! скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается.

Мы не могли удержаться отъ смѣха при этой простодушной выходкѣ говорливой старушки. Анета не выдержала и замѣтила Ульянѣ Терентьевнѣ, что ея сказка совсѣмъ не скоро сказывается, и что мы ни на шагъ еще не подвинулись въ исторіи о гаданьѣ. Во всякое другое время старая няня разгропоталась бы за подобное замѣчаніе и ушла бы отъ насъ съ сердцемъ, но на этотъ разъ ей такъ же хотѣлось рассказывать, какъ намъ слушать. Она продолжала.

— Вотъ и пришли святки, Фенюшка уже понавострилась, и вышла славная, проворная дѣвка, и изъ лица-то она была посмазливѣе всѣхъ другихъ, да и барышня ее очень жаловала, съ своего господскаго плеча изволила одѣвать. Женихи то за ней, такъ и плелись вереницею, что стая воршунувъ, тьма тьмушая! ухаживалъ за ней и Гриша поварь, и буфетчикъ Трифонъ и самъ камардинъ молодого барина, что съ нимъ тогда былъ въ отпуску. Тетка Фенюшки тогда ходила въ ключахъ, и

куда была разумна покойница! Бывало, что ни случись, у Мишишны на все совѣтъ и привѣтъ! словно изъ писанія, такъ бывало отрѣжетъ, и ужъ коли что сказала Мишишна, такъ тому и быть, и языкъ не повернется прекословить.

— Что Феня, — сказала она племянницѣ, — ты у насъ дѣвка невѣста, и хороша, и пригожа, и досужа, жениховъ не оберешься, а кто изъ нихъ суженой, — Богъ вѣсть! и тотъ хорошъ, и другой не дурень, и третьему отказать не приходится — еще такъ пожалуй и ошибешься. Теперь *благо* святки, загадай-ка ты объ суженомъ, и кто тебѣ привидится, за того и выходи, хорошъ ли, дурень ли, а ужъ какова ни есть доля, ее не миновать, а суженаго конемъ не объѣдешь! Фенюшка послушалась, право слово: накрыла въ чуланъ столъ, поставила на немъ хлѣбъ соль, положила приборъ, только, какъ водится, безъ ножа, зажгла свѣчу воску яраго, и, не кладя на себя креста, сѣла за столъ, и сказала три раза: «*Кто мой суженой, кто мой руженой, тотъ придетъ ко мнѣ ужинать!*» — Вотъ и ждетъ она, что кто нибудь изъ ея жениховъ почувдится ей; молвить правду, я чай покойница сильно мѣтила на камардина Сережу! Такъ нѣтъ же, какъ не суждено, такъ и не сбудется: пришелъ къ ней суженый, да только не Сережа, да и не одинъ изъ тѣхъ, кого ей прочли въ женихи, а отъ куда ни возмись, шастъ въ чуланъ — вотъ, ни дать ни взять, словно вылитый, братецъ мой Абрамъ. Дѣвка такъ и обмерла: онъ тогда объ ней и не думалъ, а она его видѣла много-много раза два; жилъ то онъ, вѣдаете, на винокуренномъ заводѣ. Что же вышло послѣ этого? Кто

ни посватается, кто ни зашлетъ свахъ, какъ ни уговариваютъ Фенюшку, а она все свое: «Нейду, да нейду, онъ мнѣ не суженый! — И самому Сережѣ на отрѣзъ отказала, да какъ зальется слезами, да какъ обомретъ, да послѣ того цѣлыхъ семь недѣль, сердечная, промаялась въ горячкѣ, чуть чуть на тотъ свѣтъ не отправилась. А братъ мѣсяца черезъ три самъ задумалъ жениться; за него шла вольная вдова, и ужъ совсѣмъ было и по рукамъ, да я спохватилась, вотъ словно кто надоумилъ; я и говорю брату: «Что ты это задумалъ на чужой-то жениться, Абрамушка! за что такую охулу положить на нашихъ стѣнныхъ дѣвушекъ, будто ужъ изъ нихъ ты себѣ и невѣсты не выберешь; ну, чѣмъ тебѣ не суженая наша Федосья? и хороша, и была, и румяна, и барышня въ ней души не слышитъ, и приданое обѣщаетъ дать.» — А про то, что грѣха таить, я и ни гу-гу, что дѣвка то его о святкахъ видѣла. Абрамъ нашъ думать подумать, да и бросилъ свою вдову, въ Петровъ день ихъ помолвили, а къ Покрову мы и свадьбу сыграли. Вотъ барышни, какъ-же послѣ этого не вѣрить въ гаданье?»

Разсказъ Терентьевны привелъ насъ однако же не совсѣмъ къ одному заключенію съ ней: мы улыбаясь поглядывали другъ на друга, когда она такъ просто-душно сознавалась въ своемъ участіи въ рѣшеніи судьбы бѣдной Фенюши, которая можетъ быть, была бы гораздо счастливѣе, если бы не гадала и не повѣрила слѣпо въ невозможность *конемъ обѣзжать суженаяго*. Но, это не удержало насъ отъ желанія погадать въ свою очередь; какъ шалость, гаданье чрезвычайно занимало насъ, и никому не пришло въ голову отъ него отка-

заться. Цѣлое общество, въ ночныхъ чашахъ и точкахъ окружило няню, въ нетерпѣннѣмъ приступитъ къ дѣлу. Тогда старая Терентьевна приняла на себя торжественный видъ, вынула изъ шкафчика всѣ свои припасы, во первыхъ, нѣсколько восковыхъ огарковъ, потомъ цѣлую колоду королей бубновыхъ, тресовыхъ и червонныхъ, (одни пиковые были исключены;) въ слѣдъ за тѣмъ нѣсколько чайныхъ блюдечекъ съ водой, переложенныхъ прутиками.

Наводить зеркало и гадать по Фенюшкиному — было, по словамъ нянюшки, уже поздно: суженый на яву можетъ приходить только въ самую полночь, и надобно его звать по крайней мѣрѣ съ десяти или одиннадцати часовъ. Стало быть мы на этотъ разъ могли надѣяться увидѣть своихъ суженыхъ только во снѣ, съ помощію положенаго подъ головы короля или чулка (въ послѣднемъ случаѣ должно приговаривать, ложась спать: «Кто меня любить, тотъ меня обуесть.») или еще чрезъ подмощенный подъ кровать мостъ. — «Кто мой суженый, кто мой ряженой, тотъ переведетъ меня черезъ рѣку!» 4. Мосты состояли изъ блюдечекъ съ водой и прутиками. Мы рѣшились все это испробовать; но прежде просили Ульяну Терентьевну отлить для каждой изъ насъ воскъ. Она растапливала бѣлой воскъ въ большой соусной ложкѣ, заставивъ напередъ ту, для кого ворожила пошептать о чемъ гадаютъ надъ стаканомъ холодной воды, и вдругъ выливая туда кипящій растопленный воскъ. Выходили странныя фигуры, въ которыхъ мы видѣли только разнообразныя впадины или выпуклости: но опытная ворожея, надѣвъ на носъ очки, долго разсматривала

вылитый воскъ противъ свѣчки и потомъ на тѣни, прежде нежели рѣшалась дать названіе каждой закорючкѣ восковой завитой фигуры.

«Вотъ матушка церковь, да еще — погодите — одна, — двѣ — три, четыре, пять главъ! соборная церковь, а вотъ къ ней дорога, вотъ и кареты шестернями, съ *фелеторами*, ну нечего сказать, тутъ быть добру, веселая свадьба!»

Инымъ изъ насъ, по ея словамъ, ничего не вышло; — ну да это отъ того, говорила она, что мы еще молоды, объ нашей долѣ еще и *судъ* не вышелъ, а что Богъ дастъ на будущія святки. Оставалась только одна Сашенька, но для нее Ульяна Терентьевна на отрѣзъ отказалась выливать воскъ.

— Что ей за слѣдъ еще гадать, когда уже все разгадаю? Слава Богу, по милости его, Создателя, есть у нее суженый, у моей радости, да еще не простой, а сятельный, да пригожий — что твой красный день!

— То то мы и вѣрнѣ узнаемъ, справедливы ли твои гаданья, нянюшка! Если ей не вылетѣтъ вѣнецъ, такъ мы убѣдимся, что ты насъ только морочишь, сказала ей съ умысломъ Анета.

Такой намекъ вывелъ старуху изъ себя.

— Охъ, ужъ мнѣ эти *толмы* невѣрные! воскликнула она съ сердцемъ; только изъ того чтобъ вотъ доказать вѣшь, что гаданье сушая правда — такъ и быть, вылью для будущей ея сятельства.

Мы всѣ съ удвоеннымъ любопытствомъ окружили свиллу. Съ сердцовъ она, не замѣчая, положила мокрого воску въ ложку, отъ чего когда вылила, онъ весь

пошелъ комомъ во дну. Старуха смутилась, но скоро, послѣ минутнаго размышленія, по видимому успокоилась, но за то принялась она ворчать на насъ, — зачѣмъ мы ее заставляли сдѣлать то, чего бы не слѣдовало.

— Вотъ, развѣ я вамъ не говорила, что не слѣдъ гадать о томъ, что уже извѣстно всему міру. Что жъ, вѣдь только вы, разумницы, не хотите вѣрить старынь людямъ, а вышло таки по моему! Какъ на зло не вышло ничего.

Мы отъ души посмѣялись увертливости ворожен, и начали дѣлать между собой разныя гаданія на ночь.

— Положите и мнѣ короля подъ подушку, сказала Александрина, я еще ни разу не видала во снѣ Поля; и это будетъ въ самомъ дѣлѣ лучшей способъ увѣриться, точно ли снится женихъ.

— Это непременно надобно сдѣлать, — закричали всѣ въ одинъ голосъ.

Только на этотъ разъ оказалась сильная оппозиція со стороны старухи. Она вросла насъ съ сердцемъ, потому со слезами заклинала оставить это намѣреніе. У Сашеньки цѣловала руки, умоляя ее не соглашаться на гаданье.

— Сокровище мое! ненаглядная ты моя барышня! не пытай своей судьбы, вѣрь мнѣ старухѣ, — что въ рукахъ, о томъ гадать не приходится! Не слушай этихъ угорѣлыхъ головунекъ, несмысленныхъ, неразумныхъ — онѣ тебя и ни въсь чему научать!

— Чтобы отвязаться отъ старухи, мы притворились, что совершенно убѣждены ея совѣтами; но ее не такъ то легко было провести; она очень хорошо знала

насъ всѣхъ, и не удовольствовалась словами. Она отобрала отъ насъ всѣхъ лишннихъ королей, унесла всѣ тулчи и оставила такое число мостовъ, что каждой изъ насъ доставалось на долю только одно гаданье. Ульяна Терентьевна, знала что ни одна отъ своего не откажется. Послѣ этихъ мудрыхъ предосторожностей, няня спокойно потушила свѣчи, пожелала намъ хорошихъ суженыхъ, князьевъ и графовъ, и ушла спать.

Но молодежь хитра на выдумки, когда дѣло идетъ на то чтобы обмануть старшихъ; мы рѣшили, что Вѣрочка ляжетъ на одну постель и на одно наголовье съ Александринной; у обѣихъ будетъ одинъ король подъ головами. Можете себѣ представить какъ мы хохотали и радовались нашей чудной выдумкѣ.

На другой день утромъ мы всѣ еще спали, когда къ намъ вошла Лузанская.

Пора вставать, мой милый вчерашній пажъ! шепнула она мнѣ, разбудивъ поцѣлуемъ. Я вздрогнула:

— Ахъ, это только вы, Елена Александровна? Я такъ было испугалась... я право думала, что это суженой. Вѣдь мы эту ночь гадали, — прибавила я таинственно.

— Ну что же выгадали? — съ любопытствомъ спросила молодая яженщина, всегда готовая принять живое участіе во всѣхъ нашихъ забавахъ.

— Не знаю, — отвѣчала я — что приснилось другинѣ, я точно видѣла во снѣ мужчину, молодого или старого, не знаю, не рассмотрѣла въ лицо, только знаю на вѣрное, что это не былъ мой суженой.

— Почему же?

*

— А потому что онъ былъ во фракѣ, а я ужъ вѣрно выйду за военнаго.

— Вотъ что! а я и не знала, что у тебя такіе воинственныя наклонности! Что же будетъ, если ты, въ самомъ дѣлѣ, выдешь за мужъ за статскаго?

— Ничего, потому что этого никогда не будетъ.

Вотъ какъ говорила я три года назадъ, мой милый Georges, съ такою же самоувѣренностію, какъ теперь наша Надина собирается избрать себѣ въ мужья великаго живописца. Боюсь, послѣ собственнаго опыта, что бы какой нибудь счастливый смертный не изгладилъ изъ ея воображенія артистическаго идеала, такъ же, какъ ты заставилъ меня забыть все побѣдоносное воинство!

Но здѣсь, встати, я должна защитить себя, или лучше сказать, не одну себя, а всѣхъ насъ, бѣдныхъ деревенскихъ дѣвушекъ, противъ общаго обвиненія. Насъ укоряютъ въ безотчетномъ, глупомъ пристрастіи къ мундиру. Не ужели въ самомъ дѣлѣ въ насъ предполагаютъ столько легкомыслія, что было бы лишь золотое или серебряное шитье, шпоры, усы, эпюлеты — и съ насъ довольно: мы уже убѣждены въ высокиихъ достоинствахъ счастливца украшеннаго ими. Нѣтъ! это жестокая несправедливость; конечно, нельзя не признаться, — точно въ насъ есть сильное предубѣжденіе въ пользу военныхъ, но это предубѣжденіе не безотчетное и не такъ безтолково какъ всѣ полагаютъ. Объяснить его очень легко: въ губерніи статскіе мужичины бываютъ только или пожилые и женатые помѣщики, или недоросли, или земскіе и гражданскіе чиновники,

Первые, ужъ видѣ нашего разбора, вторыхъ мы, какъ и всѣ, почитаемъ еще дѣтьми, а послѣдніе, то есть мѣстные чиновники, не во гнѣвъ будь никому сказано, слѣшкомъ не опасные соперники для прїѣзжающихъ въ отпускъ офицеровъ.

Молодые люди, служащіе при министерствахъ, можетъ быть, лучшей цвѣтъ нашего дворянства, рѣдко оставляютъ Петербургъ, и, по своему кратковременному появленію въ деревняхъ или губерніяхъ, не могутъ составлять многочисленныхъ исключеній; тогда какъ тѣ же, знакомые намъ недоросли, возвращаясь черезъ нѣсколько лѣтъ офицерами, уже, конечно, своей развязностію въ обществѣ, своимъ знаніемъ свѣта должны неизбежно затмить всю прочую губернскую молодежь. Вотъ почему и я раздѣляла общее, какъ его называютъ, чувство пристрастія къ мундиру, не отличивъ еще впрочемъ никого въ особенности.

Не стану подробно описывать всѣхъ разочарованій обнаруженныхъ пробуждавшимися, одна за другой гадальщицами. Иная видѣла сѣдаго старика, другая медвѣдя, третья упала во снѣ въ пропасть, и никакой суженой, ни хорошей ни дурной не приспѣлъ къ ней на помощь. Нѣкоторые видѣли точно молодыхъ мужчинъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, только они не обували ихъ и не переводили черезъ рѣку, какъ водится, — чѣмъ же удостовѣриться, что они точно суженые? Нянюшкѣ Ульянѣ Терентьевнѣ не было пощады; къ довершенію ея бѣдственнаго положенія не доставало только пробужденія Александрины и Вѣрочки. Онѣ еще спали крѣпкимъ сномъ, прижавшись другъ къ другу. Два спя-

щихъ ангела не могли быть прекраснѣе. Мы всѣ вскочили съ постелей, въ юпочкахъ и туфляхъ безъ чулокъ, принялись тормошить бѣдную старушку; мы безжалостно заставляли ее вертѣться вмѣстѣ съ нами, приговаривая, что если ужъ Сашенькѣ не приснился *точный* женихъ, то обманщицѣ нянюшкѣ придется на томъ свѣтѣ точно такъ танцовать за всѣ праздныя слова, которыми она насъ обморочила.

— А вы таки подложили ей короля, проказницы? — вскричала съ непритворной досадою и горестью Ульяна Терентьевна, опустивъ руки и переставъ защищаться отъ нашихъ нападеній. Мы всѣ вдругъ отъ нее отступили — до такой степени мы были поражены ея внезапнымъ смущеніемъ.

— Охъ! не къ добру, не къ добру вѣщуешь сердце, — говорила она заливаясь слезами... Выдумала я, окаянная, — за грѣхи Богъ попустилъ научить несмышленныхъ малыхъ дѣтушекъ страшному дѣлу, гаданью — имъ все потѣха! онѣ и святую обрученницу въ это поганое гаданье припутали. Наше мѣсто свято, — продолжала старуха, творя безъ числа кресты надъ спящею невѣстой, — Мати Божія! ангели хранители! батюшка угодникъ господній Николай чудотворецъ! да сохранятьъ рабу Божию болярышню Александру!

Не понимая ея суевѣрнаго страха, мы однако же были растроганы ея истинной, сильною скорбью, и почти раскаявались въ шалости, такъ сильно ее огорчившей. Всѣ наши утѣшенія остались тщетными. Ничто не могло успокоить встревоженную няню, она съла

у ногъ Сашенькиной постели, и продолжала ее крестить и молиться, не сводя съ нее глазъ.

Одно движеніе разбудило обѣихъ кузинъ. Освѣженный сномъ, съ розовыми, пылающими щеками, почти въ одно время открыли обѣ различно прелестные глаза. Какъ въ картинѣ, волны черныхъ волосъ были перемѣшаны съ русыми, блескъ черныхъ очей отразился въ небесной лазури другихъ, когда взоръ Александрины встрѣтился съ дружескимъ взоромъ Вѣрочки. Нѣжными поцѣлуемъ привѣтствовали онѣ свое пробужденіе.

— Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази его... шептала въ полголоса Терентьевна, когда замѣтила, что Сашенька открыла глаза.

Какъ ни боялись мы слова опечалить бѣдную добрую старушку, но, въ эту минуту, любопытство пересилило всякое другое чувство.

— Видѣла ты своего Поля? — спросили у Александрины единодушно всѣ присутствующія.

— Нѣтъ! я не видала князя, — отвѣчала она немедленно на вопросъ, но за отвѣтомъ послѣдовала глубокая задумчивость.

— Стало быть ты ничего не видала? — этотъ второй вопросъ былъ сдѣланъ съ недовольнымъ чувствомъ обманутаго ожиданія.

— Слава Богу! Милосердому Создателю, — крестясь прошептала нянюшка, перетолковывая, также какъ и мы недоконченный отвѣтъ Александрины, но, черезъ нѣсколько минутъ, она вывела насъ изъ заблужденія.

— Вотъ вамъ доказательство, что гаданья всѣ сущій вздоръ, — сказала она, — знаете ли кто мнѣ приснился вмѣсто Поля? — Офицеръ — котораго онъ вчера привезъ съ собою, нашъ будущій шаферъ!

— Становъ! вскричала я съ удивленіемъ?

— Да! мнѣ снилось что мы съ нимъ одни въ какомъ то пустынномъ мѣстѣ, что я стою какъ прикованная, и, что онъ глядитъ на меня пристально, не сводя глазъ и взоры его жгутъ меня, какъ тропическое солнце. — Мнѣ стало страшно, я хотѣла бѣжать, ноги — ни съ мѣста. — Не убѣжишь! сказали мнѣ страшныя очи; не убѣжишь! повторило тысячу разъ пустынное эхо; тоже повторило и сердце въ ускоренномъ отъ страха біеніи. Потомъ все покрылось передомной непрозрачнымъ мракомъ, не помю что послѣ стало со мною, куда дѣвался Становъ, не помню ничего... только мнѣ было очень, очень тяжело.

Всѣ слушали этотъ сонъ съ удивленіемъ, я невольно вспомнила, какъ большіе, черные глаза Станова были устремлены на Сашеньку во время представленія живою картины. Ульяна Терентьевна стояла будто пораженная громомъ, самыя молитвы замерли на ея дрожащихъ устахъ. Александрина взглянула на насъ, и начала смѣяться.

— Что за длинныя лица? — сказала она, — развѣ вы всѣ видѣли такихъ чудныхъ суженыхъ, что вамъ жаль разстаться съ обольстительной вѣрой въ справедливость гаданья? О! въ такомъ случаѣ простите меня, что я, нехотя васъ разочаровала, рассказавъ, что вмѣсто жениха, видѣла только нашего шафера!

— Вообразите, что вѣдь и я также видѣла во снѣ вздоръ, сказала Вѣрочка.

— Что такое?

— Ну право, такая глупость, — совѣстно рассказать.

— Да будто можно ожидать отъ сна чего нибудь, кромѣ нелѣпости. Рассказывай скорѣе!

— Мнѣ приснилось будто бы я за мужемъ, — сказала Вѣрочка покраснѣвши до самыхъ ушей.

— Каковъ же былъ твой мужъ? Какого онъ роста? блондинъ или съ черными волосами?... какъ его зовутъ?... старикъ?... молодой?... что жъ, онъ хорошенькой? вѣрно съ усиками! Такіе вопросы, и множество другихъ, столько же важныхъ, какъ градъ разразились надъ бѣдной Вѣрочкой. Она не знала какъ и на что отвѣчать.

— Стоитъ только назвать его и я бы удовлетвори-ла заразъ всѣ ваши вопросы, сказала она наконецъ; но право не знаю, мнѣ совѣстно,... или лучше сказать, смѣшно назвать.

— Кого же?

— Да вѣдь это былъ князь Павелъ Алексѣевичъ, — вымолвила наконецъ Вѣрочка и закрыла лице руками и заразительный хохотъ въ одну минуту сообщился всему собранію. Только Ульяна Терентьевна дрожащими устами продолжала шептать:

— Это не къ добру! съ нами крестная сила!...

IV.

Первое свиданіе съ Становымъ, послѣ сна гдѣ онъ разыгрывалъ такую странную ролю, было нѣсколько тяжело для Александрины; потому и обращеніе ея съ нимъ казалось такъ принужденно, такъ холодно, что князь не могъ этого не замѣтить. Его весьма удивляло такое дурное расположеніе къ человѣку, котораго онъ рекомендовалъ ей какъ лучшаго своего друга. Онъ откровенно изъявилъ свое неудовольствіе Александринѣ; она не могла не согласиться, что жалобы его справедливы, и слова князя только усилили въ ней желаніе побѣдить и совершенно изгнать впечатлѣніе безотчетнаго страха — слѣды нелѣпаго сновидѣнія. Одно изъ самыхъ примѣчательныхъ ея достоинствъ была необыкновенная сила характера: не было еще такого случая, гдѣ бы ея здравому разсудку не удалось восторжествовать надъ всѣми возможными чувствами. Еще, бывши ребенкомъ, она всегда ободряла всѣхъ другихъ

дѣтей и мужественно шла на встрѣчу къ предполагаемой опасности, разумѣется, по большой части, заключавшейся въ паническомъ страхѣ, который она всегда уничтожала своимъ смѣлымъ любопытствомъ.

И въ этомъ случаѣ она осталась вѣрна своему характеру. Въ угодность жениху, и въ удовлетвореніе своего собственнаго разсудка, она желѣзной волею вытѣснила изъ души неопредѣленный страхъ ощущаемый ею въ присутствіи Станова, и, черезъ нѣсколько дней, обращеніе ея съ нимъ сдѣлаюсь столько же дружескимъ, сколько сначала, оно было принужденно и непріязненно. Въ самомъ дѣлѣ, странно же бы поступать иначе; оставя уже то, что молодой человекъ, пріѣхавъ нарочно для ихъ свадьбы, что истинно братская дружба связывала его съ княземъ, онъ самъ по себѣ заслуживалъ особенное вниманіе и скоро былъ отличенъ всѣми, кто тогда имѣлъ случай съ нимъ сблизиться. Князь сказывалъ намъ, что въ полку, Станова цѣнили очень высоко, не смотря на то, что онъ прослылъ гордецомъ и педантомъ; — и не мудрено: необыкновенная жажда познаній съ самыхъ юныхъ лѣтъ, мучила этого человека. Умъ его былъ глубокъ и склоненъ преимущественно къ изысканіямъ; такая наклонность въ немъ сопровождалась необыкновеннымъ терпѣніемъ и настойчивостію: для изученія какого нибудь предмета, ему неизвѣстнаго, онъ не щадилъ ни времени ни трудовъ. Страстный отъ природы, но не находя во внѣшнемъ мірѣ предмета достойнаго привлечь его страстныя чувства, онъ всѣ ихъ обратилъ въ міръ умственный, на изученіе самого себя и великихъ тайнъ природы. Если бы онъ жилъ въ то время

когда въ Греціи процвѣтали философскія школы, вѣроятно бы онъ былъ основателемъ одной изъ нихъ. Въ среднихъ вѣкахъ, Становъ можетъ быть сдѣлался бы другимъ Фаустомъ. Въ нашъ вѣкъ, запутанности всякихъ началъ, онъ всего легче могъ сбиться съ благотворнаго направленія и сбившись, — гибнуть и губить. Онъ не былъ созданъ для обыкновенной свѣтской жизни. Слишкомъ пламенная кровь текла въ его жилахъ; онъ не могъ безропотно покоряться уставамъ общества, и мудро ли, что уставы эти казались ему тягостными узами когда они наложены безстрастіемъ цѣлой массы. Въ этой массѣ, конечно включаются нѣсколько частныхъ, проявляющихъ неподдѣльное теплое чувство, но отъ столкновенія съ другими они съеживаются, какъ растѣніе «не тронь меня», и ревниво скрывая всѣ свои ощущенія подъ наружной безжизненностію, оставляютъ дѣйствовать другія головы менѣе разборчивыя и воли менѣе упругія. Вотъ почему Становъ не любилъ общества, хотя соединялъ въ себѣ всё, что могло обѣщать ему самыя блистательныя успѣхи въ большомъ свѣтѣ, и обольстить самолюбіе юноши. Богатый, молодой, прекрасный собою, онъ пренебрегалъ всѣми этими преимуществами и проводилъ все свободное отъ службы время запершись у себя въ кабинетъ, съ грудой книгъ старыхъ и новыхъ. Товарищи его часто забавлялись на счетъ молодого философа въ шитомъ мундирѣ, замѣчая насмѣшливо, какъ рѣзокъ долженъ быть переходъ его идей отъ порядка военнаго фрунта къ ныльному легіону древнихъ фоліантовъ и къ фестоническому ходу новѣйшей идеологіи. Въ тайнѣ, можетъ быть, они и радовались, что

странная въ его лѣта страсть къ наукамъ избавляла ихъ отъ такого опаснаго соперника на ихъ свѣтскомъ поприщѣ. Дня XIX вѣка, — вѣка энциклопедическихъ стремленій, Становъ не могъ ограничить своего любознанія одними обычными предметами, которые составляютъ общій кругъ познаній всѣхъ, — даже самыхъ образованныхъ свѣтскихъ людей. Системы Галя, Месмера, Лафатера и даже бредни среднихъ вѣковъ о черной магіи, все сдѣлалось для него источникомъ глубокаго, постояннаго изученія. Впрочемъ, это все я рассказываю вамъ единственно по слухамъ, для насъ, вся эта странная ученость Станова какъ будто бы не существовала. Разнородныя его познанія проявлялись только тогда, когда ихъ вызывали для разрѣшенія какой нибудь любопытной задачи, занимавшей все общество. И тогда онъ говорилъ такъ ясно, изъясненія его были такъ хорошо приспособлены къ понятіямъ каждаго, онъ былъ такъ далекъ отъ всякаго нежданства, такъ снисходителенъ къ нашему невѣжеству, что самые отвлеченные предметы дѣлались доступны любопытству. Не было такаго сухаго предмета котораго бы онъ не умѣлъ облечь въ поэтическія формы, оживить своимъ творческимъ рассказомъ и сдѣлать для насъ пріятнымъ чрезъ то шлюе простодушіе съ какимъ онъ дѣлился съ нами выодами долгихъ и постоянныхъ трудовъ. Обращеніе его было чрезвычайно просто и привлекательно; но въ характерѣ часто выказывалась неровность. Никогда и ни въ комъ не встрѣчала я подобной измѣчивости въ расположеніи духа: порою, онъ бывалъ такъ веселъ, что его свѣтлая радость проникала всѣ сердца недо-

лимыми сочувствіемъ, безъ различія лѣтъ и характеровъ, волею или не волею всѣ увлекались его веселостію, какъ буйнымъ порывомъ вихря; но нерѣдко, послѣ подобныхъ порывовъ, слѣдовало странное измѣненіе: вдругъ, улыбка на устахъ его смѣнилась мрачною думою, говорливость упорнымъ молчаніемъ, и никто не узнавалъ болѣе въ немъ того живаго энергическаго существа, которое за минуту, силою одной своей воли, заставляло всѣхъ предаваться безотчетной, всеувлекающей веселости. Часто также сидѣлъ онъ цѣлые часы погруженный въ тихую задумчивость, въ забвеніе настоящаго, и всего что его окружало. Въ такія минуты, слова вырывались у него какъ бы противъ воли, будто вымолвленные съ трудомъ и только на вопросы упорно возобновляемые. Но въ такомъ расположеніи онъ рѣдко подвергалъ себя наблюденіямъ постороннихъ — почти всегда, онъ, или незамѣтно скрывался изъ гостиной, или находилъ благовидный предлогъ раскланяться съ обществомъ.

Изъ этого слабого очерка замѣчательнаго лица Григорья Дмитріевича, вы можете легко вообразить, что для насъ, молодыхъ дѣвушекъ, не опытныхъ еще, не жившихъ, но жаждущихъ жизни и ея первыхъ впечатлѣній, Становъ неизбежно долженъ былъ составить таинственный идеалъ. Въ воображеніи нашихъ мечтательницъ онъ скоро сдѣлался героемъ еще несозданныхъ романовъ. Кто изъ насъ не творилъ себя подъ чашъ кумира изъ своей фантазіи, не облакалъ этого кумира въ чудную ткань изъ чистаго воображенія и не возносилъ, съ помощію окрмленной думы, высоко, далеко, туда гдѣ

блѣмя, какъ снѣгъ, облава стройно и величаво плаваютъ въ лазури небесной?

Да! небесной потому, что въ небѣ всегда витаетъ мечта дѣвушки! туда ея первыя думы увлекаютъ все воздушное существо! тамъ — наша родина, тамъ — наше свѣтлое жилище, тамъ — дышемъ мы беззаботнымъ весельемъ, покуда, какой нибудь завистливый Дивъ не уловитъ въ свои опасныя сѣти оплошную Перн, не сманить ее изъ областей идеальнаго рая въ миръ земнаго блаженства. Тогда, бѣдная Перн должна сказать вѣчное прости всему что радовало ее прежде! не порхать больше ей беззавѣтно съ одного цвѣтка радости на другой! отпадутъ ея крылышки, отяжелѣютъ нѣжныя члены, а перелетную волю захватитъ злобный Дивъ въ могучую длань, принудитъ ее бѣдную цѣпью всесильнаго чувства и скоро изгнанница забываетъ свой рай, — свою свободу, — воздушный полетъ, — своихъ свѣтлыхъ подругъ, и прильнетъ къ груди врага съ безпредѣльной любовью! невозвратно повергается она съ мнѣлымъ въ бездну этой любви, не мѣряя глубока ли бездна, не взвѣсивая велика ли ея жертва! Что же тамъ ждетъ ее? — будущее безмолвно и темно! Что ждетъ бѣглянку рая въ бездонной глубинѣ? Статье или горе? кто знаетъ? молчатъ глубина — и чернѣется какъ глухая осенняя ночь! бѣдная! бѣдная Перн!

Увлеченная порывомъ своихъ воспоминаній, Ольга оставовилась: глаза ея будто вперлись въ даль прошедшаго, а можетъ, и въ неопредѣленную перспективу будущаго, не берусь рѣшить, что именно занимало ее больше; только она смолкла, на длинной рѣсницѣ пови-

сла бриллиантовая слезинка, головка въ задумчивости склонилась на плечо. Очаровательно мила, сидѣла Ольга въ этомъ положеніи, и долго ни кто изъ насъ не имѣлъ духа прервать ея раздумье, и вызвать къ разсказу, часть отъ часу болѣе насъ увлекавшему.

— Мнѣ кажется, — продолжала наконецъ Ольга, — что приступая къ этому печальному разсказу, я снова вызываю въ существенный міръ всѣ призраки былаго. Я будто въ другой разъ призвана быть свидѣтельницею ужасныхъ происшествій. Но все равно, я должна, я хочу все сказать. — Скоро Становъ сдѣлался предметомъ общихъ разговоровъ, и сталъ занимать насъ, сначала почти на равнѣ съ женихомъ и невѣстой, а потомъ можетъ быть и побольше. Замѣчали всѣ его движенія, повторяли каждое слово съ ребяческимъ восхищеніемъ; онъ сдѣлался для насъ чѣмъ то завѣтнымъ, увлекательнымъ, словно первый романъ, прочитанный украдкой съ сердцемъ трепещущимъ отъ опасенія быть пойманною. Одно только существо во всемъ домѣ не раздѣляло общаго расположенія въ пользу пріѣзжаго, это была старая няня. Ульяна Терентьевна ни какъ не могла простить Григорію Дмитріевичу, что онъ такъ не кстати приснился Александринѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ, *разила врага*. — Я помню, однажды, завтракая съ нами въ класной, гдѣ всегда прислуживала намъ нянюшка, — Становъ разсказывалъ намъ, что въ Юнкерской Школѣ — да и въ другихъ заведеніяхъ — товарищи иногда называютъ другъ друга по номерамъ.

Какимъ же номеромъ васъ называли? — спросила одна изъ насъ.

— Небось 666-мъ? — грозно проворчала няня, не дождавшись его отвѣта; и глаза ея засверкали изъ подъ морщинъ, когда она въ тоже время устремила ихъ на Станова.

— А ты почему знаешь, нянюшка? — спросили мы всѣ въ одинъ голосъ съ удивленіемъ.

— Да такъ, ужъ вижу не вижу, слышу не слышу, а смекаю себѣ на умѣ. 666, вѣдь такъ написано: мнѣ *анамнясь* отецъ дьяконъ вычиталъ въ Четыи Миней объ антихристѣ. А ужъ что то за страсти Господни! Охъ-охъ-охъ! горе намъ грѣшникамъ, окаяннымъ! — скоро, скоро быть преставленію свѣта! Какъ подумашь, такъ косточки занюютъ, такъ бы вотъ, кажется, хоть бы и умереть поскорѣе, только бы живой въ руки не достаться мучителю, змѣю горыничу, дракону крылатому! 666, 666! продолжала бормотать няня уже про себя, все искоса и злобно поглядывая на Станова.

Никто изъ насъ въ то время не имѣлъ понятія объ Апокалипсисѣ, а Становъ, не вѣдая таинственно-враждебнаго расположенія къ себѣ нянюшки, не могъ и подозрѣвать настоящаго смысла, который она придавала этимъ словамъ.

— A qui en a-t-elle donc, cette brave femme? спросилъ онъ наконецъ, едва удерживаясь отъ смѣха, *est elle souvent sujette à de pareilles divagations?*

— Je crois que c'est une reminiscence des contes bleus, qu'elle nous récite parfois, et qui sont pour cette bonne vieille ce, que la poésie de Byron est pour nous, сказала Сашенька.

Алекс.

7

— Oui, ils la font rêver, à ce que je vois, пришло-видѣ Становъ.

— Вы досказали мою мысль.

Подобныя сцены повторялись не рѣдко; кажется даже всякой разъ, когда случайно сталкивались двѣ непріязненные силы.

Скоро и неуловимо летѣло время; мы не успѣли опомниться, какъ уже прошла цѣлая недѣля съ памятнаго для насъ перваго января. Всѣ были веселы и развѣтали полнотой счастья; только около этого времени няня стала замѣчать, что Сашенька всякое утро просыпается блѣднѣе и блѣднѣе, съ впалыми глазами, и долго не можетъ опомниться, какъ бы послѣ внезапнаго пробужденія. Но эта блѣдность скоро исчезала, и, въ шумѣ оживленной бесѣды, смѣнялась яркимъ и свѣжимъ румянцомъ, и всѣ толки и разсужденія няни *о дурномъ глазѣ, о воротѣ, и еще Богъ знаетъ о чемъ, оставались безъ вниманія.* Правда и Александрина сама, по временамъ, стала жаловаться на сильное, почти болѣзненное бѣненіе сердца; тѣтишка приписывала это ощущение безпокойству духа, очень свойственному дѣвушкамъ, приступающей къ такому рѣшительному перевороту своей судьбы.

Важный консилиумъ лейбъ-медиковъ подругъ рѣшалъ этотъ вопросъ иначе: по нашему мнѣнію у неедерде было, то — отъ нечаяннаго появленія жениха, то — при видѣ восхитительныхъ чепцовъ, беретовъ, и отъ мысли, что скоро будетъ она имѣть право ихъ надѣвать. Какъ бы то ни было, но дѣйствительно въ Александринѣ замѣчали перемѣну.

Отъ того ли, что эта перемена, часъ отъ часу болѣе усиливаясь, наконецъ вселила невольно уныніе, или отъ того, что нетерпѣливо ожидая дня, назначеннаго для свадьбы, мы уже иначе измѣряли время? не знаю, — только послѣдніе дни казались намъ вѣками. Общество наше нѣсколько поразстроилось. Становъ былъ боленъ и дней пять не выходилъ изъ своей комнаты, Князь часто оставлялъ насъ, навѣщая больнаго друга; всѣ приготовленія къ свадьбѣ были сдѣланы, даже приданное уложено въ симметрическомъ порядкѣ, украшено, по обычаю, лентами и заперто въ трехъ комнатахъ, нарочно отдѣланныхъ для будущей княгини Свирской. Однимъ словомъ, намъ рѣшительно не оставалось ничего дѣлать: обыкновенныя наши занятія были прерваны, веселость наша подернулась какимъ то туманомъ, и, не привыкшимъ къ праздности, такое состояніе было не весьма пріятно. Настоящее не занимало насъ больше, въ ожиданіи будущаго. Пасмурное расположеніе каждаго, — отъ одного къ другому — по очереди зачумляло всѣхъ, и, наконецъ, за два дня до свадьбы, всѣ въ домъ ходили повѣся носъ, кромѣ жениха, который не могъ раздѣлять странной апатіи, овладѣвшей всѣми, и, съ новой энергіей счастливаго ожиданія, пріветствовалъ мыслію наступающій желанный день. Къ удивленію нашему няня Ульяна Терентьевна также повеселѣла, расправила свои морщины и, съ новою дѣятельностію, неуслынно охорашивала свое ненаглядное дитяго-свѣтъ Александру Петровну!

Не видя болѣе Станова, суевѣрная старушка успокоила свои опасенія, и, съ легкомысліемъ, равно свой-

ственнымъ двумъ крайностямъ возраста человеческого, позабыла о некошномъ снѣ, что приснился барышнѣ подь новый годъ.

Одинъ день только оставался до свадьбы...

Было пять часовъ утра: рой дѣвушекъ, всегда шумный и говорливый, давно уже смолкъ въ забытѣ дремоты, и слышалось только тихое, ровное дыханіе и, во временамъ, легкое движеніе кого нибудь изъ усыпленныхъ рѣзвущекъ. Комната была освѣщена только измѣнчивымъ мерцаніемъ уже потухающей лампы.

— Ты не спишь, Ольга? — въ полголоса спросила меня Александрина, когда я, пробужденная слишкомъ душнымъ воздухомъ нашей общей спальни, приводнялась и сбросила съ себя лишнюю одежду.

— Не ужели пора вставать? — спросила я въ свою очередь, не имѣя еще силъ открыть полусонные глаза.

— Нѣтъ, кажется еще не скоро будетъ разсвѣтать, но я проснулась, и мнѣ сегодня такъ хорошо, такъ привольно дышать, мысли мои такъ свѣтлы, — не хочется опять погрузиться въ сонъ, въ эту живую могилу ума и чувствъ. Если ты меня любишь, ангелъ мой, постарайся разгулять свою сонливость, и мы побесѣдуемъ съ тобой, подѣлимся мыслями, въ этотъ сладкій часъ тишины, когда никакое суетное эхо земли не подслушиваетъ и не повторитъ задушевныхъ звуковъ.

И теперь еще, подь часъ, мнѣ слышится этотъ милый голосъ, и душа рвется летѣть на ласковый призывъ, хотя бы онъ манилъ меня и за предѣлы гроба; а въ то время, малѣйшее желаніе Александрины было для меня закономъ. Передъ ея волею, какъ передъ магиче-

скичь жезломъ, разорвались вдругъ оковы сна, и пробужденная, я встрепенулась, какъ ранняя пташка; въ минуту надѣла пеньюаръ и туфли, Александрина сдѣлала тоже, мы зажгли свѣчку, и, чтобы не тревожить покой другихъ дѣвицъ, потихоньку прокрались вонъ изъ комнаты въ крошечную уборную, гдѣ было мѣсто только для большого стоячаго зеркала и маленькаго дивана. На этомъ диванѣ расположились мы, и Александрина гнѣжно склонилась на мое плечо. Она была прелестна, не смотря на небрежность своего ночнаго туалета. Въ широкихъ складкахъ своей бѣлой кисейной блузы она являлась какъ ангелъ небесный въ прозрачныхъ бѣлыхъ облакахъ, а лицо ея сіяло всѣми лучами радости.

— Ты не можешь себя вообразить, кузина, — говорила она мнѣ, — какая благодатная переменъ произошла во мнѣ сего дня. Давно, давно уже мнѣ не было такъ хорошо. Не знаю, что за нездоровье томилло меня все это время. Днемъ, какъ вы меня видѣли, я была здорова, — бѣненіе сердца нельзя назвать болѣзнію; но по ночамъ мнѣ было очень тяжело: сонъ не освѣжалъ меня, не служилъ для меня, какъ прежде, подкрѣпленіемъ силъ, мой сонъ былъ томителенъ, какъ неволя, страшенъ, какъ невѣдомая даль. Не даромъ, когда я просыпалась, няня замѣчала блѣдность и истому на лицѣ моемъ, я въ самомъ дѣлѣ страдала и чувствовала всѣ слѣды страданья.

— Развѣ тебя мучили страшныя грезы? спросила я съ искреннимъ участіемъ.

— Нѣтъ, кажется мнѣ не снилось ничего, по крайней мѣрѣ я не помню; но только дремота моя была такъ

тяжела, такъ не выносимо мучительна, что одно воспоминаніе о ней помѣшало бы мнѣ на другую ночь закрыть глаза, если бы сонъ не былъ необходимымъ условіемъ природы. Всякой вечеръ я ложилась со страхомъ, иногда съ содроганьемъ; всякій вечеръ, я давала себѣ слово не засыпать, долго противилась одолевашей дремотѣ и всякой разъ, только противъ воли, уступала побѣдительной силѣ. Тѣже болѣзненные ощущенія возобновлялись каждый разъ, хотя я не понимаю, отъ чего они происходили и въ чемъ именно состояли.

— Можетъ быть это всегда бываетъ со всѣми невѣстами — замѣтила я съ дѣтскимъ простодушіемъ, — надобно потолковать объ этомъ съ Еленой Александровной, она сама не такъ давно вышла за мужъ.

— Развѣ ты думаешь, что невѣсты чувствуютъ иначе, какъ другія дѣвушки? послѣ этого ты, можетъ быть, вообразишь, что мое сердце стѣснилось для дружбы, отъ того только, что я невѣста; — что я вась люблю меньше прежняго, отъ того, что я невѣста; — и что вы меня также должны любить холоднѣе, — все потому, что я невѣста? Посмотри на меня хорошенько, Ольга, вѣдь я, право, все таже Александрина: положи руку мнѣ на сердце — оно бьется тѣми же чувствами и бьется также сильно, также свято, какъ билось прежде. Не правда ли? Скажи!

Она ласково и весело обѣими руками охватила мою голову, обратила ее прямо противъ своего лица, заставляла меня смотреть себѣ прямо въ глаза, потомъ, положивъ руку мою къ себѣ на сердце, нѣжно обняла меня, и улыбнулась, приподнявъ:

— Видишь ли, премудрая Ольга, что невеста не какойнибудь заморскій зверь, ожидающій новаго Бюффона для своей классификаціи?

Моя пятнадцати-лѣтняя важность порядочно обсорбилась ея маленькой насмѣшкой, но, не имѣя силы серьёзно рассердиться на Александрина, я, также шутовско, погрозила ей пальцомъ.

— Ужъ отплачу тебѣ за эту обиду, насмѣшница! всѣ силы употреблю разсмѣшить тебя подъ выцощъ.

— Это очень страшно: ты имѣешь даръ всегда меня смѣшить, когда захочешь.

— Да и не одну тебя, Сашенька, помнишь ли, дней пять тому назадъ, когда Григорью Дмитриевичу вздумалось разыгрывать *le beau ténébreux*? Когда онъ сидѣлъ мраченъ и недвижимъ и хранилъ молчаніе упорнѣе всякаго трапезета? кто извлекъ его изъ продолжительнаго спянна? и чѣмъ же? самой дѣтской шалостію! Я станцала съ тебѣмъ шарфъ и, подавая ему, проговорила цѣлую рѣчь въ героическомъ тонѣ донъ Кихота: я объявила ему, какъ рыцарю печальнаго образа, во время искуса его въ известной долинь, что этотъ шарфъ присланъ ему отъ несравненной Дульциней, смалившейся надъ страданіями своего вѣрнаго рыцаря. О, я никогда не забуду, какъ онъ отъ души смѣялся моей выдумкѣ, какъ скоро и ловко онъ умѣлъ войти въ сообщничество моей шутки!... помнишь Александрина?

— Помню, помню, отвѣчала она, какъ бы въ раздумьи.

Я продолжала.

— Онъ также отвѣчалъ мнѣ, какъ истинный влюбленный рыцарь: На колѣнахъ я приемлю безцѣнный

даръ отъ той, кого не смѣю назвать! Это щедрая милостыня, брошенная ею убогому счастиемъ, но вѣрному ея рыцарю! Скажи ей, прекрасная посланница, скажи несравненной, что даръ сей буду я хранить вѣчно вотъ здѣсь, на сердцѣ, и что его отнять у ея рыцаря, развѣ только вмѣстѣ съ жизнію. Движеніе подтвердило слова и, съ тѣхъ поръ, кажется, Становъ не шутя завладѣлъ твоимъ шарфомъ.

— Да, онъ никакъ не хотѣлъ мнѣ его возвратить, говоря, что не имѣетъ привычки отдавать назадъ подареннаго, особенно когда какаянибудь вещь можетъ служить воспоминаніемъ пріятныхъ для него минутъ.

— О, онъ весьма логически доказывалъ, что шарфъ законно принадлежитъ ему, подхватила я со смѣхомъ. Онъ говорилъ: «я поклялся хранить его, и, какъ благородный человѣкъ, обязанъ сдержать клятву!» Да твои мысли заняты чѣмъ то другимъ, Александрина! гдѣ ты теперь? признайся!

— Здѣсь, съ тобою, только мнѣ что то странно, какъ это сдѣлалось, что нашъ разговоръ, начавшись мной, кончился Становымъ?

— Что жъ тутъ удивительнаго? развѣ разговоръ не есть перелетный мячикъ, который можно перебросить въ одно мгновеніе изъ одного угла въ другой, высоко и низко, близко и далеко? И развѣ не въ этой именно подвижности, не въ этомъ разнообразіи, состоитъ вся прелесть непринужденнаго разговора? Теперь опять твоя очередь, къ тебѣ снова обращаю мой легкой, рѣзвой мячикъ — ты должна мнѣ досказать начатое. Ты,

помнится, сказала, что въ эту ночь ты не чувствовала того непріятнаго ощущенія?...

— О совсѣмъ нѣтъ! я заснула спокойно, тихо; мой сонъ былъ безмятеженъ, какъ мысль младенца! И сладко было мнѣ дышать во время такого освѣжительнаго сна, казалось цѣлый вѣкъ прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ я не пользовалась такимъ благодѣтельнымъ покоемъ! Я не дождалась когда разсвѣнетъ, и всѣ встанутъ; со всѣми, со всѣми милыми моему сердцу, хотѣлось бы мнѣ раздѣлить неизяснимо пріятное ощущеніе этого утра, я желала бы поскорѣ увидѣться съ Подемъ, я чувствую себя виноватою передъ нимъ; всѣ эти дни, я была какъ сонная, или, лучше сказать, такъ безчувственна, что сама себя удивлялась. Ты не замѣтила, Ольга?

— Нисколько, обращеніе твое съ княземъ ни мало не измѣнилось, также какъ и со всѣми.

— Такъ стало быть и онъ могъ не замѣтить? — спросила она съ робостію.

— Я въ этомъ увѣрена, потому, что замѣчать было нечего.

— Наружность, видно, не измѣнила мнѣ... но внутри, во въ душѣ моей, происходило что то странное... что то такое... что я напрасно стараюсь истолковать себя разсудкомъ. — Но, слава Богу, все прошло. — все... я теперь снова та же самая Александрина, любящая невеста Поля, я жду свиданья съ нимъ, какъ искупленья, и скоро увижу его; о! я счастлива, я счастлива!

Долго продолжали мы разговаривать о разныхъ, болѣе или менѣе занимательныхъ, предметахъ; скоро, одна во одной, къ намъ стали приставать просыпающіяся по-

други и *защобетали чочотки*, по слованъ Ульяны Терентьевны, которая, на этотъ разъ, сама готова была съ нами разшебетаться съ радости, что ея свѣтъ Александра Петровна изволила проснуться въ вожделинномъ здравіи, свѣжа какъ наливчатое яблочко.

Этотъ разговоръ происходилъ наканунѣ дня, назначеннаго для свадьбы, и, признаюсь, тогда я обратила на него не болѣе вниманія, какъ на всякую другую задушевную бесѣду съ милой кузиной.

Въ это утро, нетерпѣніе Александрины увидѣться съ женихомъ было не выразиимо; дѣятельность ея также: одѣвшись прежде всѣхъ, она сама помогала каждой изъ нашихъ горничныхъ, уговаривая насъ поспѣшить туалетомъ; противъ обыкновенія, въ десять часовъ всѣ были готовы, комнаты прибраны и князю былъ высланъ *sauf conduit* въ дѣвичье царство.

Никогда еще Александрина не была такъ увлекательно вѣжна съ княземъ, не принимала его ласки съ такой милою признательностію. За минуту передъ его приходомъ, въ нашемъ кругу, она была говорлива, весела, при немъ она смолкла, задумалась, но на лицѣ ея краснорѣчиво выражалось чистое счастье. Склонясь съ доверчивою любовью на плечо Поля, она какъ бы вѣряла себя его новровительству, будто умоляла сохранить ее въ этомъ спокойствіи духа. Не стану говорить о его чувствахъ. Взгляните на Жоржа. Сколько любви въ его взорахъ! любви ко мнѣ, — и что же я въ сравненіи съ тѣмъ небеснымъ ангеломъ, что мы гѣкогда звали Александриной!

Незамѣтно приблизилась часъ деревенскаго обеда; когда мы, дружною толпою, сошли въ гостиную, насъ

встрѣтила пріятная неожиданность: возлѣ тѣтишки сидѣлъ Становъ; его прівѣтствовали со всѣхъ сторонъ громкія поздравленія съ выздоровленіемъ. Сашенька дружески протянула ему руку, и взоромъ присоединилась къ поздравляющимъ. Онъ оставался безъ словъ. Она прервала молчаніе.

— Я душевно рада, Григорій Дмитріевичъ, что и вы сего дня разстались съ болѣзнію и съ затворничествомъ.

— Какъ исправный шаферъ, я поспѣшилъ выздоровѣть къ вашей свадьбѣ, и сего дня вышелъ попытать свои силы. Надѣюсь, завтра рука моя не дрогнетъ подъ вѣнцемъ надъ вашей головой!

На устахъ его была улыбка, когда онъ произносилъ эти слова! но они вырывались у него черезъ силу. Впрочемъ, мы всѣ уже свыклись съ его странностями, и, не удивляясь принужденному тону его разговоровъ, старались завербовать его въ нашу веселую болтовню. Намъ ли удалось побѣдить его хандру, или онъ самъ одержалъ побѣду надъ своей молчаливой фантазіей, только къ вечеру онъ опять сдѣлался душой всего общества. Вечеромъ начались танцы, — не принужденные, не смѣшно важные, какъ здѣсь они бываютъ на большихъ балахъ, гдѣ танцами занимаютъ словно государственнѣмъ дѣломъ — наши танцы были непритворно веселые, и ожидался разнообразіемъ, даже дѣтскими шалостями. Кажется въ этотъ вечеръ мы веселились на счетъ будущихъ, долгихъ, печальныхъ дней!

Какъ невеста, Сашенька по обычаю была опять парією вечера; по серапу, также, каждый готовъ былъ признать ея владычество и каждая охотно уступала ей

первенство. Вся мужчины спышши ангажировать ее, всякій изъ нихъ хотѣлъ въ свою очередь, послѣдній разъ, быть партнеромъ Александрины Долинской, признавшой единодушно за перлъ всѣхъ молодыхъ дѣвицъ К...ской губерніи. Становъ держалъ себя въ отдаленіи и сходился съ ней только въ мазуркѣ, когда случай или чей нибудь выборъ сблизжалъ его съ нею. Танцуя съ другими, онъ былъ разговорчивѣе обыкновеннаго; остроты явились у него рѣкой, онъ очень удачно смѣялся другимъ, и самъ охотно смѣялся, однимъ словомъ, былъ любезенъ до невозможности.

— Вамъ очень выгодно быть больнымъ, замѣтила я ему во время мазурки.

— Изъ чего слѣдуетъ такой оптимическій выводъ, Ольга Дмитриевна?

— Къ чему притворяться? вы сами чувствуете, что, послѣ болѣзни, вы сдѣлались вдвое любезнѣе и повеселѣли такъ, что и другимъ весело на васъ смотрѣть!

— Не ужели вы это приписываете радости, что я избавился отъ ничтожнаго тѣлеснаго страданія? Нѣтъ! у меня сего дня душевный праздникъ, великій, торжественный праздникъ.

— Имѣю честь поздравить, а вы за то скажите мнѣ поскорѣе, съ чѣмъ?

— Не спрашивайте. Теперь я не могу объяснить вамъ этой загадки; да и вы, беззаботное, милое дитя, не могли бы теперь понять мои слова. Передъ нами будущее: со временемъ вы узнаете многое; новыя, невѣдомыя вамъ чувства развернутся въ душѣ; тогда вы выслушаете меня съ любопытствомъ, съ участіемъ, и, не-

жетъ быть, со слезой вспомните о моей *веселости* послѣ болѣзни!...

— Вы зло играете моимъ любопытствомъ, и напрасно предсказываете, будто я когда нибудь сдѣлаюсь умнѣе. Развѣ умъ можетъ перерости тѣло?

— Не умъ, — а опытность можетъ созрѣть, а чувство разростись отъ невидимаго зародыша.

— Я вамъ вѣрю, потому что въ эту минуту во мнѣ уже разрослось чувство досады, за то, что вы нѣсколько минутъ съ ряду меня безъ жалости мистифируете. Что жъ по вашему, я должна поскорѣе состариться, чтобы услышать отъ васъ исповѣдь какой то небывалой тайны?

— Не состарьтсья, Ольга Дмитриевна, а начать жить, выучиться языку страстей, — иначе вамъ не понять истинную, не вымышленную тайну, которую теперь я долженъ утаить отъ всѣхъ.

Не смотря на мое тогдашнее легкомысліе, этотъ разговоръ врѣзался въ моей памяти.

Настало утро. Не буду вамъ описывать сборовъ къ вѣнцу. Въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда бываетъ такая суматоха, такая суетливая дѣятельность, истраченная, но большей части, по пустому, что трудно сообразить свои воспоминанія, еще труднѣе передать ихъ.

— Противъ нынѣшняго обыкновенія, тѣтенька назначила свадьбу утромъ, чтобы избѣгнуть цѣлаго дня безпокойнаго ожиданія. Въ часъ по полудни всѣ были уже въ церкви и усердно молились за будущихъ молодыхъ супруговъ. Началось обрученіе. Станову, какъ шаферу жениха, слѣдовало подавать кольца. Въ это

время невольно вниманіе всѣхъ присутствующихъ обратилось на него и многіе замѣтили съ состраданьемъ, что недавняя болѣзнь оставила ужасные слѣды на лицѣ его. Впрочемъ оно было важно, какъ прилично мѣсту и времени; но никакого другаго чувства нельзя было прочесть въ его выразительныхъ чертахъ. Послѣ размѣна кофеемъ, всѣ взоры единодушно устремились снова на обрученныхъ, и самое присутствіе Станова было забыто.

Когда разостлали подножье, я и многія другія изъ нашихъ пріятельницъ, стремительно выдвинулись изъ толпы впередъ; насъ влекло неодолимое любопытство узнать, кто изъ новобрачныхъ ступитъ первый на подножье? — вамъ, конечно, всѣмъ извѣстна суевѣрная примѣта, что тотъ изъ супруговъ, кто ступитъ прежде, будетъ имѣть сильнѣйшее вліяніе на другаго. Въ ту минуту, когда мы такъ внимательно глядѣли на ноги Александрины, они у нея сильно затряслись, и только, опершись на руку жениха, она имѣла силу переступить на бархатъ. По всему ея тѣлу мгновенно пробѣжало судорожное движеніе. Скоро священникъ подошелъ къ вѣнчающимся съ обычными вопросами. Послѣ перваго отвѣта князя, неистѣ былъ повторенъ тотъ же извѣстный вопросъ. Странно задрожали ея вдругъ замертвѣвшія губы, опущенные глаза поднялись и остановились въ прямомъ направленіи съ неподвижнымъ взоромъ, безъ цѣльи, безъ души, — почти безъ чувствъ. Изумленный священникъ принужденъ былъ повторить вопросъ.

«Нѣтъ!» — проговорила она едва слышно.

Никто не вѣрилъ своимъ ушамъ. Священникъ третій разъ, громче прежняго, возобновилъ вопросъ.

«Нѣтъ!» повторила она еще слабѣе.

— Князь схватилъ ее за руку; она вырвала руку, какъ бы невольнымъ движеніемъ, и продолжала дико глядѣть въ пустоту.

— Что это значитъ? — сказалъ наконецъ священникъ. — Александра Петровна, подумали ли вы о томъ, что теперь неожиданно разрываете однимъ легкомысленнымъ словомъ? Вы волею пришли въ этотъ храмъ Божій, вошли рука объ руку съ этимъ человѣкомъ, съ вашего согласія, съ согласія вашей матушки, я, какъ служитель церкви, совершилъ надъ вами первый обрядъ — обрученіе, и теперь, — предъ лицомъ Бога и людей, — вы отрываетесь отъ своего собственнаго желанія, отъ благословенія матери, отъ полу-совершеннаго обряда? Если это былъ болѣзненный припадокъ минутнаго затмѣнія разсудка, опомнитесь, — придите въ себя, духовная дочь моя!

Послѣ нѣкотораго молчанія, вотще ожидая отвѣта, онъ сказалъ торжественнымъ, почти повелительнымъ голосомъ.

— Последній разъ вопрошаю васъ! — и онъ проинесъ снова обрядный вопросъ . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 Бурная пятна выступили на лицѣ Александрины, до сихъ поръ покрытомъ смертною блѣдностію.

«Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ!» — вскричала она громко, сорвала съ пальца обручальное кольцо, и съ дикимъ, прон-

зительнымъ воплемъ, безъ чувствъ поверглась на каменный полъ...

Это сдѣлалось неизвѣрно скоро и неожиданно, всѣ предстоящіе были уже какъ громомъ поражены ея первыми отрицаніями. Никто не поспѣлъ въ первую минуту къ ней на помощь. Когда ее подняли, струя крови потекла съ головы на пышное вѣнчалное платье; номертвѣлая, окровавленная, бѣдная Александрина казалась безжизненнымъ трупомъ! Боже! что за ужасный переходъ отъ радости къ неутѣшному горю, отъ веселаго брачнаго обряда къ ожиданію погребальнаго!

Не требуйте отъ меня: я не въ силахъ изобразить вамъ страшную сцену, послѣдовавшую за неожиданной развязкой... Долго никто не могъ опомниться, со многими сдѣлалось дурно. Мы всѣ бросились помогать несчастной, но въ наши лѣта подобныя потрясенія бываютъ свыше силъ. Увидя кровь, струящуюся изъ раны, и лице, искаженное страшнымъ нервическимъ припадкомъ, мы были въ состояніи только громко рыдать надъ безчувственнымъ тѣломъ. Лузанская прежде всѣхъ возвратила утраченное присутствіе духа, платкомъ перевязала на скоро сильно разбитую голову страдальцы, и всѣми возможными мѣрами приводя ее въ чувство, она первая вспомнила о тѣтиныхъ, и просила ихъ общую родственницу, посрѣдничать въ домъ; не равно ужасный слухъ неожиданно поразить несчастную мать. Ужъ было поздно.

— Гдѣ, гдѣ она? — кричала Елена Андреевна, растворяя дверь церкви и, какъ изступленная, бросилась къ лежащей дочери. Сердце обливается кровью, какъ вспо-

мню о невыразимой скорби этой почтенной женщины. Она оцѣмѣла отъ ужаса и страха, когда увидѣла жалкое состояніе своей Александрины, не давно цвѣтущей райской красотой. Двѣ крупныя слезы остановились въ ея глазахъ, но больше слезъ ужъ не было: онѣ изсякли отъ неслыханной печали, и сердце бѣдной матери сокрушилось надъ бременемъ отчаянія. Напрасно другія дочери ея, Лузанская, Вѣрочка и я, окружали ее самыми нѣжными попеченіями, она не видала, не слыхала нашихъ словъ, не чувствовала нашихъ ласкъ, взоръ ея постоянно оставался прикованнымъ къ одному предмету.

Вдругъ, легкое, едва замѣтное движеніе больной привело всѣхъ въ электрической трепетъ ожиданія, во всѣхъ сердцахъ молніей блеснула надежда.

«Она спасена! она спасена!» — раздалось со всѣхъ сторонъ, и каменные своды жертви откликнулись перекатнымъ гуломъ на этотъ первый крикъ раждающейся надежды.

У.

Домъ тётиньки незамѣтно опустѣлъ, веселые постьтители удалились, домашніе жильцы скитались какъ печальныя тѣни; мы носили въ сердцѣ такой трауръ, который мрачнѣе всякаго чернаго платья ложится тѣнью на всѣ окружающіе предметы. Александрина была жива; но ея жизнь перестала радовать ближнихъ. Не стану однако же нарушать порядка происшествій. Мы воротимся въ домъ священника, куда перенесена была Александрина по приведеніи ея въ чувство; первое движеніе больной заставило насъ внезапно перейти отъ совершеннаго отчаянія къ отрадной надеждѣ. Эта радость была не надолго: ужасныя, невѣроятныя судороги терзали нашу бѣдную страдалицу, одинъ видъ ея мученій былъ страшною пыткой для всѣхъ окружавшихъ ее. Мы не знали на что рѣшиться, нѣсколько разъ подходили къ больной въ надеждѣ пособить ей, но всякій разъ, какъ кто-либо дотрогивался до нее, она пуще вздрагивала, лице ея страшно искажалось въ страданія удвоивались; кончилось тѣмъ, что послѣ многихъ попытокъ, равно бе-

зуспѣшныхъ, никто болѣе не имѣлъ духу приблизиться къ бѣдной Александринѣ, всѣ стояли кругомъ поодаль, безмолвные, въ грустномъ, томительномъ ожиданіи. Въ это время дикій, не человѣческій вопль раздался на другомъ концѣ комнаты; невольно всѣ обратились въ ту сторону, и увидѣли что Калмычка Варвара, горничная Сашеньки, какъ изступленная выбѣжала изъ дому. Всѣ знали сильную привязанность ея къ барышнѣ, знали также ея необузданный пылкій характеръ, наслѣдіе азіатскаго происхожденія. Поэтому никого не удивило такое шумное и неумѣстное изъявленіе горя. Между тѣмъ проходило время, а мы рѣшительно не знали что дѣлать съ больной. Оставить ее у священника невозможно, — перенести также не было средствъ; изъ боязни усилить ея страданія давно уже никто не рѣшался къ ней подойти. Наконецъ Становъ, протѣснившись сквозь толпу, прежде нежели кто либо успѣлъ остановить его, подошелъ къ лежащей дѣвушкѣ, схватилъ ее на руки. Къ крайнему изумленію, и къ удовольствію всѣхъ, больная на этотъ разъ не оказала ни малѣйшаго сопротивленія. Становъ вышелъ изъ дому съ своей драгоценной ношей, мы всѣ за нимъ послѣдовали съ сердцемъ трепещущимъ отъ страха и надежды. Разстояніе до дому было довольно значительно. Когда Григорій Дмитріевичъ донесъ Александрину до постели, усиліе его было такъ велико, что онъ самъ едва могъ удержаться на ногахъ; мы не знали какъ благодарить его.

Удаливши мужчинъ, раздѣли Александрину, уложили ее, и въ болѣзненномъ ожиданіи окружили ея постель.

Корчи прекратились, больная уснула, по-крайней-мѣрѣ намъ такъ казалось, и мы, оставивъ ее подъ надзоромъ двухъ добрыхъ родственницъ, вывели изъ комнаты несчастную мать.

Тѣтенька совершенно потерялась, князь былъ не лучше ее, мы только умѣли плакать; Елена Александровна Лузанская одна умѣла сохранить присутствіе духа, одна за всѣхъ бодрствовала. Еще въ домѣ священника она распорядилась отправленіемъ гонцовъ во всѣ мѣста въ сосѣдству, гдѣ были медики, и велѣла изготовить лошадей для отправленія дальше, если встрѣтится необходимость. Скоро пріѣхалъ докторъ, и въ ожиданіи приговора мы собрались всѣ въ одной комнатѣ; несчастный князь Свирскій и Становъ присоединились къ намъ. Всѣ молчали, но это безмолвіе было мучительно; каждый изъ насъ съ робостію будто выжидалъ другихъ взорами, не смѣя словомъ выразить мертвящее сомнѣніе: стройно сливались всѣ души въ одно чувство тревожнаго ожиданія, какъ вдругъ дверь отворилась... всѣ вздрогнули... Ульяна Терентьевна вбѣжала въ комнату въ странномъ, разстроенномъ видѣ. Обычной повязки на ней не было, распущенная по плечамъ клоки сѣдыхъ жесткихъ волосъ, нахмуренныя, сѣдыя же брови, явные признаки помѣшательства въ стекляннo-видныхъ глазахъ, все въ ней было ужасно; вѣки ея, воспламененныя отъ горючихъ слезъ, казались кровавыми полосами, всѣ черты лица сжались, и придавали ему ужасное выраженіе. Сверхъ того она вся дрожала отъ изступленія, переднихъ зубовъ ея со скрежетомъ стучали другъ о друга.

друга; голова качалась какъ у автомата. Безмолвный ужасъ овладѣлъ нами при видѣ этого ужаснаго явленія. Между тѣмъ оно, какъ страшное сновидѣнье — не исчезало; все болѣе и болѣе искажалось морщиноватое лице, все сильнѣе щелкали зубы старухи, а дрожащія ноги плохо повиновались ея волѣ. Наконецъ ей удалось сдвинуться съ мѣста и тогда, словно заведенная пружина, она не останавливаясь дотащилась до того мѣста, гдѣ стоялъ Становъ поникнувъ головой. На эту голову положила она руку.

— Вотъ убійца! произнесла она торжественнымъ гробовымъ голосомъ.

Остолбенѣли мы отъ безумныхъ словъ старой няни. Очевидно было, что неожиданный ударъ такъ сильно потрясъ ея дряхлый составъ, что разумъ не могъ устоять противъ душевнаго сокрушенія о ненаглядной вѣтомницѣ. Съ душевнымъ участіемъ стали уговаривать бѣдную Терентьевну успокоиться, и оставить пустой бредъ, который можетъ только повредить ея здоровью.

— Нѣтъ! это не бредъ, возразила она. Онъ, точно онъ ея убійца! Когда барышня то покатила, я сначала свѣта не взвидѣла, какъ будто Божій гнѣвъ надо мною грѣшной разразился. Вдругъ, слышу голосъ, слышу съ того свѣта, не человѣчій, не христіанскій, а прости Господи мои прегрѣшенія, какъ будто мертвеца какого: — «Я ее убилъ, говоритъ, — я извергъ! я злой духъ!...» А я, ни жива ни мертва, какъ открыла глаза, такъ и увидѣла его — злодѣя, убійцу съ искаженнымъ лицомъ, страшнаго какъ сатанинское навожденіе!

Чѣмъ болѣе мы всё усиливались убѣдить ее, что все это ей почудилось въ минуту несказаннаго испуга, тѣмъ упорнѣе она настаивала въ своемъ обвиненіи; наконецъ, чтобы поразить насъ послѣднимъ, и по ея мнѣнію побѣдительнымъ доказательствомъ, она изобразила намъ, въ живописно-нелѣпомъ разсказѣ, какъ она сама видѣла, что Григорій Дмитріевичъ все становился выше и выше, какъ наконецъ онъ превратился въ огненнаго великана, потомъ выросли у него огромныя крылья обтянутыя кожей, словно у летучей мыши, какъ крылатое чудовище взвилось на воздухъ и зашипѣло подобно завыванью бури.

Во всякое другое время мы вѣрно бы расхохотались слушая такую сказку, но тогда ни кто уже не смѣялся въ нашемъ домѣ. Анета съ помощію другихъ дѣвчатъ вывела изступленную старуху, но едва прошло нѣсколько минутъ, какъ она опять вбѣжала, волоча за собой блѣдную, полумертвую Варвару.

— Вотъ — кричала Терентьевна — Калмычка Варя! она также слышала то самое, что слышала я; отъ того-то она, сердечная и заголосила какъ кликуша! Говори Варя! увѣрь ихъ, что старая старуха еще изъ ума не выжила.

Варвара стояла какъ вкопанная, взоры ея дико были устремлены на Станова, къ которому ее подводила старуха. Лице Калмычки было болѣе чѣмъ блѣдно, оно приняло зеленоватый, страшный отливъ, по лицу капали градомъ крупныя капли холоднаго пота, все тело дрожало будто въ предсмертныхъ судорогахъ. Наконецъ всѣхъ поразили такія невѣроятныя слѣды недавняго еще горя.

— Что съ тобой Варвара? — спросила я, и съ уча-
 тіемъ взяла ее за руку; это прикосновеніе заставило
 меня содрогнуться до глубины души — рука была хо-
 лодна и сыра какъ ледъ..

Между тѣмъ Терентьевна не выпускала изъ рукъ
 притащенную ею жертву.

Говори, — повторила она ей повелительнымъ
 голосомъ, — говори правду, если ты боишься Бога!

Варвара сдѣлала усиліе говорить. Помертвѣлыя уста
 ея слушались. Еще разъ ея взоры обратились въ ту
 сторону, гдѣ былъ тотъ, противъ котораго требовали ея
 свидѣтельства. Никто изъ присутствовавшихъ не умѣлъ
 понять страннаго выраженія этого взора, хотя трепе-
 щущее вниманіе всѣхъ было невольно устремлено на
 главныхъ дѣствующихъ лицъ этой плачевной драмы.

— Что ты слышала? закричала снова безжалост-
 ная старуха; скажи!

— Ни — че — го! проговорила съ неимоверными
 силами несчастная Калмычка, и казалось съ этими
 силами она истратила послѣднія жизненные силы.
 Изнеможенная, она склонилась къ ногамъ старухи, все
 еще удерживавшей ее своими костлявыми руками. Я не
 смѣю описать вамъ остальное, хотя никогда не за-
 буду этого ужаснаго зрѣлища: Варвара умерла въ на-
 шихъ глазахъ: ужасныя терзанія — пѣна у рта — ско-
 рая помощь доктора оказалась бесполезною.

— То наказаніе Божеское за кривду! промозгъ
 ободовой голось съумасшедшей няни, когда упала Вар-
 ра.

Такою внезапную, мучительную смерть трудно бы-

лю приписать одному горю. Князь Саврекій и мать Александрины впрямую болѣе цоконницы болѣди душой объ Александринѣ, однакоже хотя и упали духомъ, но переносили посланное горькое испытаніе. При первомъ взглядѣ на умирающую, докторъ значительно покачалъ головой, и сказалъ нѣсколько словъ на ухо Еленѣ Александровнѣ. Обыскивая тѣло несчастной, нашли у нее на крестѣ пустую коробочку, въ которой остались еще слѣды опиума. Отъ куда она взяла его, для чего держала его въ запасъ? — это осталось не объяснимою тайной. Решимость ея на самоубійство не такъ сильно изумила насъ въ ней, какъ должна бы изумить во всякой другой; жизнь этой бѣдной дѣвки съ самаго ея дѣтства до вступленія ея въ домъ Елены Андреевны была сдѣвленіемъ страданій. Она родилась въ какомъ то бѣдномъ улусѣ, лишилась матери при самомъ рожденіи, отца по третьему году; потомъ досталась дальнему дядѣ, который едва ли цѣнилъ ее на ровнѣ съ своей послѣдней собакой. При первомъ удобномъ случаѣ онъ бесовѣстно продалъ сироту одному русскому проѣзжему. Калмычка, привыкшая къ дикой свободѣ, не могла сдружиться съ требованіями дворовой службы: въ восемнадцать лѣтъ ею овладѣло совершенное отчаяніе. Въ то время намъ случилось цѣлымъ семействомъ проѣзжать мимо того села, гдѣ жили господа Варвары. Мы ѣхали на долгихъ и во время лѣтнихъ жаровъ, стоянки были продолжительныя. Покуда старшіе отдыхали въ сараѣ, мы пошли за грибами въ близъ лежащую рощу. Деревья были часты и густы, всѣ дѣти разбрелись по чащѣ, условившись перекликаться ру-

скимъ ау! Я, однако, не хотѣла отстать отъ Александрины. Вдругъ, надъ нами послышался сильный шорохъ, въ зелени развѣсистаго клѣна; я хотѣла бѣжать, и тащила за собой Александрину, но она съ своимъ обыкновеннымъ мужествомъ, рѣшилась непремѣнно узнать причину шума; движеніе, замѣчаемое въ вѣтвяхъ дерева было, слишкомъ сильно для птицы. Неустрашенная Александрина, вопреки всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, рѣшилась обойти дерево, и осмотрѣть его съ другой стороны. Каково же было ея удивленіе, когда она увидѣла дѣвушку, съ накинутой петлей на шеѣ, которая тщательно укрѣпляла остальные концы веревки къ толстой вѣткѣ. Ужасное намѣреніе ея было очевидно.

Александрина закричала, чтобы остановить несчастную; та было испугалась, но увидѣвъ только двѣнадцати лѣтнее дитя, она, не внимая ея крику, снова принялась за исполненіе ужаснаго дѣла. О! если бы вы видѣли въ эту минуту Александрину! какъ сильно въ ней было желаніе добра! какая вѣра въ помощь свыше одушевляла этого ангела! Не мѣшкая ни минуты, не размышляя объ опасности, она опершись на довольно высокій пень, вспрыгнула на нижнюю вѣтку дерева, и съ немовѣрными усиліями, до крови обдирая руки, свѣшшиа взобраться на дерево, но скоро, слабыя силы ея измѣнились, она едва могла держаться на высотѣ, а ей еще далеко было до той вѣтки, гдѣ стояла отчаянная калмычка; сострадательное сердце однакоже болѣло о будущей самоубійцѣ. Съ отчаяннымъ усиліемъ ухватилась она обѣими руками за дерево, и подняла глаза къ небу въ нѣмой, но теплой молитвѣ. Она просила у Госпо-

да Бога только возможности довершить доброе дѣло, и — оно совершилось. Первое движеніе ея обратило уже вниманіе калмычки, она изумилась смѣлости дѣвочки, испугалась опасности, которой великодушное дитя подвергало себя для ея спасенія, и въ эту минуту чувство добра проникло въ ея необразованную, но теплую душу, это божественное чувство освѣтило ее лучемъ невѣдомаго свѣта, и она забыла на время свою ужасную рѣшимость, готовая въ свою очередь заплатить добромъ за добро и не допустить, чтобы за нее пострадало единственное существо, которое можетъ быть показало ей участіе. Она сняла петлю съ своей шеи, и спустившись до Александрины, помогла ей сойти съ дерева. Почти окостенѣлая отъ своихъ усилій, съ окровавленными руками и ногами, Александрина однакоже и не подумала о себѣ.

— Что ты хотѣла сдѣлать! сказала она несчастной.

— Повѣситься, — отвѣчала та съ убійственнымъ равнодушіемъ.

— Какъ это можно рѣшиться на такой грѣшный поступокъ.

— А на что мнѣ жить? у меня нѣтъ ни роду, ни племени, ни отца, ни матери!

— Отецъ есть у всѣхъ, онъ одинъ — и передъ нимъ мы съ тобою — сестры!

— Живи себѣ пока живется, а мнѣ не мѣшай умереть. Свѣтъ опостылѣлъ мнѣ, на сердцѣ тяжело-тяжело, а въ глазахъ все желтѣетъ и мутится.

Много стоило труда и терпѣнія Александринаѣ убѣдить бѣдную калмычку оставить свое намѣреніе. во

всѣхъ понятіяхъ ея преобладала привычка дикой воли, на которой она была вскормлена въ улусть: все, что она претерпѣла съ младенчества заглушало въ ней всякое чувство любви, и ожесточило ее противъ людей. Не смотря однако же на все это, краснорѣчіе чистаго дѣтскаго сердца умѣло проникнуть сквозь эту зачерствѣлую кору невѣдѣнія и озлобленія; чего бы, можетъ быть, не сдѣлали никакія логическія убѣжденія разсудка болѣе зрѣлаго, то совершили простодушіе и пламенная любовь къ ближнему, а такую любовь хорошо умѣла посѣять достойная Елена Андреевна, и въ сердцѣ дочери нашла благодатную почву. Всѣ обстоятельства этого примѣчательнаго случая неизгладимы въ моей памяти; съ этого дня, дружба моя къ несравненной кузинѣ возвысилась до благоговѣнія.

Варвара въ тоже время прониклась такимъ же чувствомъ и предалась ему совѣми порывами изступленной благодарности. Она обѣщала не думать болѣе о смерти, но объявила также, что ни что на свѣтѣ не разлучитъ ее съ ея благодѣтельницей.

— Я пойду за вами на край свѣта, говорила она, и вмѣстѣ съ нами пришла на станцію.

Тѣтинька однакожь отказалась взять ее, представляя Александринѣ, что незаконно и не благоразумно увезти тайкомъ отъ господъ крѣпостную дѣвку. Варвара снова пришла въ отчаяніе, Сашенька въ слезы, мы всѣ туда же въ слезы — наконецъ старшему брату Александрины первому пришла счастливая мысль откупить Варвару; у всѣхъ насъ были небольшія суммы денегъ, даренныхъ въ рожденіе и именины, тетинька одобрила

намѣреніе, и дополнила чего не доставало. Дѣло скоро было улажено черезъ управителя, и съ тѣхъ поръ калмычка Варвара, уже вольная, жила у тѣтишки, и скоро сдѣлалась горнишною Сапёнки. Привязанность ея къ барышнѣ не знала границъ, порывы буйной воли по временамъ только проглядывали въ ея характерѣ. Но во всякомъ случаѣ одно кроткое слово Александрины умирало случайныя вспышки молодой азіатки. Мы все полюбили ее; за добро ей сдѣланное, она служила чрезвычайно усердно, была прилежна къ работѣ и ловка на всякое услугу, но другія горничныя ей завидовали, а женихи обѣгали некрасивую калмычку, и казалось это огорчало ее, потому что намъ часто случалось заставлять ее въ слезахъ; впрочемъ ласковое обхожденіе съ ней господъ заставляло ее все забывать и она день ото дня сильнѣе привязывалась къ Александринѣ. Въ послѣднее время, передъ свадьбой, все замѣтили, что Варвара была гораздо довольнѣе и веселѣе, чѣмъ когда либо, а мы были ей благодарны за такое сочувствіе въ нашей радости.

Изъ всего этого вы можете судить что Варвара была пылка и чувствительна въ высочайшей степени и сверхъ того рѣшительна и своеобразна: и такъ страстно любя свою несчастную барышню, ей не мудрено было въ другой разъ покуситься на самоубійство; въ отсутствіи Александрины не было благотѣльнаго вліянія, всегда державшаго въ уздѣ ея дикую волю. Но — откуда она могла взять опиумъ? — почему не дождалась она приговора докторовъ на счетъ больной? — это

было тогда для насъ непостижимо, и до сихъ поръ осталось въ неизвѣстности.

Два несчастія уже послѣдовали за первымъ, и послѣдовали такъ близко, что никто не успѣлъ опомниться; со всѣхъ сторонъ зрѣлище бѣдствія и ужаса: въ одной комнатѣ бѣшенствовала сумасшедшая няня, въ другой тѣло самоубійцы, между тѣмъ какъ мы еще ничего не знали вѣрнаго объ Александринѣ.

Наконецъ вышелъ докторъ и объявилъ, что никакъ не можетъ взять на себя одного отвѣтственности въ такой странной и внезапной болѣзни. У больной оказывались признаки опаснаго воспаленія въ головной ранѣ и, къ большей сложности ужаснаго недуга, присоединились сильные и продолжительные нервные припадки. Ни одного слова, ни даже слова не могли добиться отъ больной; она была совершенно нечувствительна ко всему вѣшнему. Только подъ вечеръ звукъ колокольчика заставлялъ ее вздрогнуть: по желанію всѣхъ и по просьбѣ князя и тѣтишки, Становъ отправился на почтовыхъ въ губернской городъ за докторомъ; ему поручено было также послать оттуда эстафетъ въ Москву съ письмомъ Лузанской къ ея мужу; она просила его бросить всѣ свои дѣла и съѣхать въ Ольховецъ съ однимъ изъ лучшихъ московскихъ медиковъ для консультаціи.

При судорожномъ движеніи больной, всѣ обрадовались этому первому знаку какого нибудь ощущенія, но скоро она опять впала въ совершенную безчувственность. Одинъ за другимъ, медики съѣхались со всѣхъ сторонъ, всѣ возможныя пособія были истощены, — лучше не было. Дни проходили за днями, и время ока-

залось бессильно надъ упорною болѣзнію нашей бѣдной страдальцы. Она все еще никого не узнавала, питалась только одной ложечкой бульона въ день, и ту заставляли ее проглатывать безъ ея вѣдома; глазъ она не открывала, и лежала безъ всякаго движенія, болѣе похожая на прекрасную мраморную статую нежели на живое существо. Страданія, въ самомъ дѣлѣ, повидимому прекратились, рана была залѣчена, воспаление прошло, и судорожные припадки успокоились. Что же удерживало ея тѣло въ этой странной неподвижности? что оковывало духъ ея непостижимымъ безчувствіемъ? Продолжительность летаргическаго состоянія больной сводила съ ума весь собранный факультетъ, всѣ предсказанія по законамъ науки оказались неутѣрны; всѣ средства уничтожены опытомъ совершенно безуспѣшнымъ. Наконецъ рѣшились прибѣгнуть даже къ магнетизму. Но при первомъ мановеніи магнетизёра больная вдругъ очуствовалась, и съ тѣмъ вмѣстѣ вскрикнула такимъ болѣзненнымъ, дикимъ, душу раздражающимъ голосомъ, что всѣмъ показалось будто въ слѣдъ за этимъ воплемъ и душа ея вырвется изъ тѣла. Возобновить подобный опытъ было бы безчеловѣчно, на нѣсколько дней ее оставили въ покоѣ; потомъ снова принялись пытаться искусство, и всѣ попытки кончились тѣмъ же неуспѣхомъ. Въ послѣдній разъ собрали консилиумъ, доктора полдня проговорили по латыни, остальное полдня провели, значительно поглядывая другъ на друга и кивая головой, и наконецъ рѣшились объявить страшную истину: *«что имъ болѣе нечего дѣлать!»*

Елены Андреевны не случилось въ комнатѣ когда было

вымолвлено ужасное слово. Князя такъ оглушило этимъ ударомъ что онъ не въ состояннн былъ даже плакать. Но Лузанская и ея мужъ не удовольствовались одними изъясненннми печали. Они умоляли докторовъ подумать еще день, два, если нужно, испытать еще разъ самыя отчаяннныя средства, и не отнимать послѣдняго слабого луча надежды, которая еще намъ оставалась въ довѣрнн къ ихъ искусству.

— Всѣ доселѣ извѣстныя пособнн были испытаны, и къ сожалѣнню оказались безсмысленны. Ужасное дѣйствн магнетизма вы видѣли — а это было послѣднее средство...

Не ужели теперь уже не осталось ни какихъ другихъ средствъ? — спросила дрожащнмъ голосомъ Елена Александровна.

— Ни одного! былъ отвѣтъ, проникнувшнй словно предсмертнмъ холодомъ всѣ сердца. Одинъ только горестннй женихъ, не понялъ его, или, лучше сказать, не слыхалъ, — онъ еще до этого лишился чувствъ.

— Ради Бога! измѣните вашъ убнйственннй приговоръ! — рыдая повторяла Лузанская, переходя отъ одного доктора къ другому, и въ отчаяннн ломая себѣ руки. Анета и я умоляли ихъ объ томъ же на колѣняхъ, Вѣрочка молилась Богу. Лузанскнй повторилъ вопросъ жены.

— Право нѣтъ никакихъ болѣе средствъ — отвѣчалъ ему снова, и со слезами на глазахъ, московскнй докторъ.

— Есть еще одно! произнесъ мужественннй, но трепетннй голось.

Всѣ обратились въ ту сторону, откуда слышался голосъ: то былъ Становъ. Я и забыла вамъ сказать, что князь Свирскій чувствуя, что онъ совершенно теряется духомъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, когда твердость духа была ему болѣе нежели когда либо необходима, уговорилъ своего друга остаться съ нимъ на все время его отпуска: мы всѣ очень обрадовались, когда онъ согласился; въ самомъ дѣлѣ онъ могъ служить для насъ опорой. Лузанскаго необходимымъ дѣла снова призывали въ Москву, только на Елену Александровну да на Григорья Дмитриевича мы и полагали всю нашу надежду.

Мнѣніе его, высказанное на этотъ разъ, вопреки приговору цѣлаго консилиума медиковъ, привлекло все наше вниманіе; это было — если не спасеніе — по крайней мѣрѣ отсрочка, и мы какъ осужденные, съ отчаянною радостію прильнули къ утѣшительной надеждѣ. Доктора также обратились къ нему съ удивленіемъ; но къ чести ихъ я должна прибавить — съ чувствомъ невольной радости, не смотря на то, что противорѣчіе Станова въ такомъ важномъ вопросѣ было оскорбительно для самолюбія каждаго изъ нихъ.

— Говорите — сказалъ главный докторъ, обращаясь къ Станову, — назовите ваше средство.

— Гальанизмъ — отвѣчалъ Становъ.

Докторъ ударилъ себя по лбу.

— Вы правы, сказалъ онъ, въ такомъ безнадежномъ случаѣ позволительно и это средство. Терять — ничего, можетъ быть опытъ удастся.

Мы съ изумленіемъ поглядывали другъ на друга и

не знали уже, надѣяться ли намъ, или съ этой же минуты оплакивать нашу неизбежную потерю.

— Что они хотятъ съ нею дѣлать, какой опытъ! и онъ его присоветывалъ! Боже мой! — рыдая говорила Вѣрочка. На ея воображеніе сильно подѣйствовала выходка помѣшанной няни; какъ я уже вамъ сказывала, Вѣрочка чуть чуть не боготворила свою кухню, и какъ всѣ кроткія и любящія души, она предавалась легко суевѣрью, когда дѣло шло о такомъ любимомъ существѣ. Послѣ этой ужасной сцены, за которую мы всѣ старались вознаградить Станова самымъ дружескимъ обращеніемъ, услышавъ изгладить изъ души его малѣйшіе слѣды непріятности, отъ страннаго безсмысленнаго обвиненія помѣшанной женщины, Вѣрочка одна стала замѣтно его чуждаться, при видѣ его всякій разъ вздрагивала, и не могла спокойно видѣть возрастающую кроткость его въ нашемъ домѣ. Въ этотъ разъ, когда другихъ поразило только страшное слово гальанизмъ, о которомъ мы имѣли всѣ самое неясное понятіе, Вѣрочку поразило еще сильнѣе то обстоятельство, что это средство было предложено *Становымъ*. Но это самое напротивъ рѣшило князя Свирскаго въ пользу опыта. Онъ имѣлъ высокое понятіе о познаніяхъ своего друга, зналъ, что онъ послѣдовательно и съ успѣхомъ занимался между прочими науками и высшей теоріей медицины. Доктора единодушно совѣтывали испытать это послѣднее средство; рѣшились, и все дѣло стало за тѣмъ, что нужно было какъ можно скорѣе устроить гальваническую батарею и ввести больную въ ея цѣпь.

Переговоривъ объ этомъ съ Григорьемъ Дмитрие-

Алекс.

вичемъ, медики увидѣли, что онъ опытиче ихъ всѣхъ въ практикѣ физическихъ опытовъ, и пригласили его быть имъ помощникомъ въ необходимыхъ приготовленіяхъ, а въ самомъ — то дѣлѣ они и все сложили на его пошеченіе. Онъ тотчасъ распорядился и всѣ бросились по всему дому и селу, искать цинкъ, мѣдь, куноросъ, за крѣпкой водкой и ртутью послали въ городъ. Приискали большой мѣднй горшокъ, другой глиняный новый, слабо обожженный — всѣ эти приготовленія, и нугали насъ своею таинственностью, для насъ непонятною, и радовали надеждой успѣха, и ужасали безуспѣшностью. Между тѣмъ, по этому случаю, Становъ первый разъ вошелъ въ комнату, гдѣ лежала Александрина; четырнадцать дней прошло послѣ ужаснаго дня прерванной свадьбы, и юная, прелестная невеста теперь лежитъ чуть не бездыханнымъ труномъ! Онъ содрогнулся, и долго, долго стоялъ безмолвный и неподвижный, какъ будто и его на это время окувала безчувственность.

Приготовленія къ гальванизму требовали времени и трудовъ, а Становъ отъ перваго взгляда на больную совершенно лишился обыкновенной своей дѣятельности. Все шло у него медленно, часто онъ даже совсѣмъ останавливался и опять съ искреннимъ состраданіемъ казалось, глядѣлъ на жалкій предметъ общихъ заботъ и печали.

Впрочемъ, никто не обвинялъ его въ медленности: мы имѣли мало надежды, а неудача этого послѣдняго опыта должна была погасить и этотъ слабый лучъ. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Мы съ Вѣрочкой помѣстались въ ногахъ постели, и не сводили глазъ съ боль-

ной, будто жаждавшая насмотрѣться на нее послѣдній разъ; сердца у насъ такъ трепетали отъ страха, что сидя обнявшись, каждая изъ насъ слышала бѣшеніе въ груди другой, и прерывающееся дыханіе замирало...

Послѣ страшныхъ недоумѣній, тѣтишка рѣшилась провести эти минуты въ теплоѣ молитвѣ, и силою увлекла за собою сокрушеннаго Поля. Онъ то плакалъ какъ дитя, то въ изступленіи, дикимъ голосомъ кликалъ Александрина, на колѣняхъ умолялъ лежащую безъ чувствъ дѣвушку воскресить для него погибшее счастье: горесть его и волненіе были такъ сильны, что опасно было бы его оставить въ комнатѣ больной во время гальваническаго опыта. Тѣтишка и Апета вывели его, Лузанская взяла на себя не отходить отъ Александрины ни на секунду.

Приготовленія приходили къ концу, волненіе наше часъ отъ часу усиливалось. Какъ страшный судъ, грозою висѣлъ надъ нами роковой опытъ.

— Скоро ли? — спросила наконецъ Елена Александровна, и этимъ вопросомъ выразила общія чувства, въ эту минуту дошедшія уже до той степени, когда, по словомъ Данте, «самый страхъ превращается въ желанье. — Скоро ли? — повторили за нею всѣ.

— Почти готово, — отвѣчалъ Становъ, — но, прибавилъ онъ, пристально вглядываясь въ больную, кажется, этотъ опытъ будетъ уже не нуженъ. Смотрите! и выразительнымъ взоромъ онъ указалъ на Александрина. Лице ея точно оживилось лучемъ чувства, всѣ члены затрепетали, на блѣдныхъ щекахъ выступилъ слабый румянецъ.

*

Что мы чувствовали въ эту минуту, — передать невозможно. Въ радостномъ изумленіи, въ робости перваго восторга всѣ стояли молча, ни кто не рѣшался даже приблизиться къ постели. Становъ одинъ осмѣлился наклониться надъ Александринной, наблюдая за ходомъ постепеннаго оживленія существа, въ которомъ всѣ ощущенія были погружены въ такую долгую дремоту. Наконецъ онъ рѣшился взять ее за руку. Она открыла глаза, и приподнявъ немного голову, съ любопытствомъ стала оглядываться кругомъ; Становъ все стоялъ прямо передъ нею, на немъ остановился ея блуждающій взглядъ и не искалъ болѣе другихъ предметовъ.

Въ комнатѣ опять воцарилась тишина, но уже не мертвая, сердца оживали для надежды и радости.

Съ этого дня, Григорій Дмитріевичъ продолжалъ постоянно навѣщать больную, и даже иногда выѣзъ съ нами чередовался въ неусыпномъ наблюденіи за ея малѣйшими требованіями. Черезъ нѣсколько дней послѣ неожиданнаго перелома, Александрина уже была въ состояніи сидѣть на своей постели, иногда раскрывала глаза и могла по видимому различать предметы; а что всего важнѣе, день ото дня она становилась крѣпче. Улучшеніе было несомнѣнно, но умственныя и душевныя ея способности находились въ совершенномъ бездѣйствіи, она какъ будто не понимала ничего, что происходило въ ея присутствіи. Когда съ ней говорили, она внимательно выслушивала, пристально смотрѣла въ глаза говорящему, но напрасно стали бы ожидать отъ нее отвѣта; выслушавъ досказанный вопросъ, она спокойно обращалась въ другую сторону, и выра-

женіе лица ея было при этомъ такъ беззаботно, что невозможно было полагать, чтобы она что нибудь поняла изъ словъ участія, часто раздиравшихъ душу. Не смотря на все это, мы уже не унывали; одинъ чудный переломъ совершившійся въ глазахъ нашихъ, давалъ право ожидать новаго чуда, и — всѣ ждали, и надѣялись.

Прошло еще нѣсколько недѣль, и новая радость оправдала наши ожиданія. Въ одно свѣтлое утро, озаренное первымъ лучемъ весенняго солнца, когда мы вошли въ комнату Александрины, она узнала всѣхъ, и привѣтствовала насъ святымъ порывомъ несказанной радости и тѣмъ чуднымъ выраженіемъ любви, которое такъ сильно высказаться могло только въ ея небесномъ взорѣ.

Нѣсколько часовъ прошло, и среди общаго восторга никто еще не рѣшился сдѣлать Александринѣ ни одного вопроса о минувшемъ; довольствовались тѣмъ, что могли уже не безответно глядѣть на ея милыя черты, такъ долго задевшия въ отсутствіи мысли и чувства. Теперь, уста ея улыбались снова, она раздѣляла съ нами несказанную радость свиданія, она съ упоеніемъ произносила каждое имя, какъ будто протверживая назусть любимые звуки. Мы въ свою очередь не уставали называть ее нашей милою несравненной Александриной и, стараясь болѣе и болѣе убѣдиться, что ей точно возвращена способность чувствовать и говорить, заставляли ее безсчетное число разъ повторять, что она любить насъ всѣхъ по прежнему. Но въ послѣдствіи у каждого зашевелилось на сердцѣ желаніе узнать отъ нее

самой подробности о ея ощущеніяхъ во время болѣзни. У всѣхъ висѣли на устахъ одни вопросы; но докторъ предупредилъ ихъ, властію медика, потребовавъ молчанія. Радостный говоръ смолкъ. Тогда онъ прибавилъ, что внезапная радость и долгіе разговоры могутъ легко повредить едва пришедшей въ себя больной, что теперь для нее нужнѣе всего спокойствіе, а самое присутствіе людей, близкихъ ея сердцу, есть уже препятствіе къ совершенному успокоенію духа. Нельзя было не признать справедливости его замѣчанія и добровольно, хотя и съ сожалѣніемъ, всѣ расположились выдти изъ комнаты.

Черезъ нѣсколько часовъ къ намъ пришелъ докторъ; по его словамъ, больная была близка къ совершенному выздоровленію, но только ощущенія неумѣренной радости произвели въ ней лихорадочное волненіе. Онъ съ трудомъ могъ удержать ее отъ излишнихъ разговоровъ: столько вопросовъ лежало у нее на душѣ! пробужденныя чувства такъ жаждали излиться!

— Вамъ, Григорій Дмитріевичъ, — сказалъ докторъ — теперь лучше всего смѣнить меня при больной: я уже предупредилъ ее, что не допущу къ ней никого изъ ея близкихъ, боясь подвергнуть ее сильнѣйшему искушенію.

Мы такъ были счастливы отъ одной мысли о скоромъ выздоровленіи Александрины, что не имѣли духу и въ тайнѣ посердиться на строгаго медика. Онъ самъ старался утѣшить насъ, говоря: что если часа черезъ два найдетъ ее нѣсколько покойнѣе, то позволить намъ

вѣтъ но одиначкѣ повидаться съ нею, вѣтъ, крогѣ князя.

— Такому сильному испытанію я не смѣю подвергнуть ее прежде завтрашняго утра, — говорилъ благоразумный врачъ.

Когда онъ пришелъ опять на сибну, Александрина была погружена въ глубокой сонъ, не болѣзненный, не летаргическій, какъ въ продолженіе ея безчувственного состоянія; теперь, она спала тихо, дыханіе ея было свободно, на лицѣ — ни тѣни ни слѣдовъ страданія, а на щекахъ проглядывалъ свѣжій румянецъ, давно не бывалый гость. Докторъ позвалъ насъ всѣхъ полюбоваться этимъ оживляющимъ цвѣткомъ.

— Видите — сказалъ онъ весело, — что значить неслушаться стараго, несноснаго врача, и укротить порывы неумѣстнаго восторга? Дай волю вамъ давеча досыта парадничаться и наговориться, лихорадка непременно сибнула бы ея прежнее нездоровье и тогда — конецъ опять вашимъ радостямъ! Чтоже? теперь, я надѣюсь, вы помирились со мною!

Весь вечеръ прошелъ чрезвычайно пріятно, хотя мы и не наслаждались присутствіемъ Александрины. На другое утро она встала съ постели, къ ней допустили родныхъ и даже князя; но по требованію доктора, никто не напоминалъ ей о прошедшемъ, она также ни о чемъ не спрашивала, и только на третій день замѣтила съ удивленіемъ отсутствіе своей няни и Варвары. Принуждены были солгать, увѣривъ ее, что Ульяна Терентьевна, во время ея болѣзни, дала обѣтъ съѣздить на богомолье, и отправилась въ Воронежъ при

первой надеждѣ на ея выздоровленіе: про Варвару сказали, что она занемогла, и Сашенька безпрестанно посылала навѣдываться о минной болѣзни.

Такимъ образомъ прошло еще нѣсколько дней. Для бѣднаго князя Свирскаго было тягостно молчаніе, когда прошедшее заключало для него мучительную загадку. Одна только любовь заглушала въ его душѣ невольныя требованія; онъ смирялся передъ опасеніемъ повредить едва выздоровѣвшей невѣстѣ, и силою воли удерживалъ бунтовавшія чувства. Александрина сама какъ будто чего то ждала съ безпокойствомъ. Радость, которую она оказала въ первую минуту, когда пришла въ память, продолжалась не долго. Ее смѣнила тихая грусть, робость, и наконецъ совершенное уныніе. Это уныніе усиливалось всякій разъ, когда съ Александриною говорили о князѣ, какъ о женихѣ ея. Чаявъ отъ часу она казалась къ нему равнодушною. Такая перемѣна разумна всѣхъ. До тѣхъ поръ никому не приходило въ голову, чтобы отрицательный ея отвѣтъ у брачнаго алтара происходилъ отъ чего либо иного, какъ отъ начинающагося уже припадка горячки. Всѣ были такъ убеждены въ искренности любви ея къ князю и въ томъ, что она добровольно вѣряла ему свою будущность! Странное обращеніе ея съ нимъ послѣ болѣзни, повергло всѣхъ ея окружавшихъ въ ужасное недоумѣніе, а его довело до отчаянія!

Прошло еще нѣсколько дней, здоровье Александрины совершенно укрѣпилось.

— Я не въ силахъ болѣе сносить этого душевнаго

встязанія, — сказалъ князь Свирскій доктору, — ручаетесь ли вы, что ей не повредитъ объясненіе?

— Она совсѣмъ здорова тѣломъ — отвѣчалъ докторъ, — но душа ея, по видимому, страдаетъ; впрочемъ, теперь илп послѣ..., князь, я очень понимаю какую сердечную пытку вы терпите. Пускай поговоритъ съ ней Елена Андреевна. Одна только мать имѣетъ право нарушить это таинственное молчаніе.

Не смотря на изнеможеніе, въ которое привели тѣтвишку огорчительные и радостные перевороты въ судьбѣ и здоровьѣ дочери, она не отказалась отъ тягостнаго порученія. Никто не былъ свидѣтелемъ ихъ разговора; тѣтвишка вышла съ заплаканными глазами, съ сокрушеніемъ въ сердцахъ, и отложила до другаго дня всѣ дальнѣйшія объясненія.

Александрину нашли въ сильномъ обморокѣ.

— Я не могу, мнѣ не должно... мнѣ *запрещено* быть его женой! были первыя слова ея, когда она начала приходить въ себя, но въ продолженіе дня мы напрасно спрашивали у нее, что она хотѣла сказать этими словами.

— Вы не поймете ихъ — отвѣчала она, — потому что я сама себя не понимаю!

— Что же ты чувствуешь?

— Не спрашивайте, ради Бога! я ничего не смѣю сказать! — отвѣчала Александрина, заливаясь горькими слезами.

На нее смотрѣли съ безпокойствомъ, боялись возобновенія горячки, и — призвали доктора; онъ пощупалъ пульсъ, приложилъ къ головѣ руку, и объявилъ,

что она сонія не основательны. После втораго разговора съ матерью, Александрина захотѣла переговорить наединѣ съ княземъ, и просила только часъ отсрочки, чтобы приготовить себя къ этому свиданію.

— Останься, Ольга! — сказала она мнѣ, когда я хотѣла выдти въ слѣдъ за другими, — останься, ты помолнись вмѣстѣ со мною и за меня!

Александрина упала на колѣни передъ образомъ Спасителя, и долго, долго молилась, заливаясь слезами; наконецъ и слезъ не стало, но глухія рыданія все еще продолжали волновать грудь ея.

Она встала, отерла глаза, подняла голову. Взоры наши встрѣтились.

— Ольга! — сказала она, посмотрѣвъ на меня пристально — я вижу, ты любишь меня, и жалѣешь — но и ты, какъ всѣ другіе, осуждаешь меня! не говори: вы правы... осужденіе заслужено мною, и я ничѣмъ не могу оправдать себя ни передъ людьми, ни даже передъ собственною совѣстью... Одинъ только Богъ всевѣдущій... на него вся моя надежда! Онъ защититъ меня! и очи Александрины снова обратились къ небу.

— Никто не осуждаетъ тебя Александрина! но всѣ любящіе тебя трепещутъ за твое счастье... Успокойся, душа моя; не спѣши рѣшать свою судьбу опрометчивымъ словомъ, ты теперь еще больна... твои мысли разстроены...

Не давъ мнѣ договорить Александрина, бросилась ко мнѣ на шею.

— Да! я больна! не правда ли? Ольга! милый другъ, увѣрь меня, что я сумасшедшая. Увѣрь, если любишь!

Я испугалась этой мысли и той дикой радости съ какую бѣдная Александрина ухватилась за нее.

— Ты дурно поняла мои слова, — отвѣчала я. Мы всё думаешь только, что ты еще не совсѣмъ опомнилась послѣ долгой болѣзни, въ продолженіе которой, можетъ быть, тебѣ видѣлись мучительные странные сны, и теперь на тебя еще дѣйствуетъ вліяніе болѣзненныхъ грезъ.

— Правда, мнѣ снились странныя небывалыя вещи, вся моя будущность одѣлась туманомъ, въ прошедшее я не смѣю и заглянуть — у меня какую то невоспостижимую силой вырвали прошедшее изъ сердца... мнѣ страшно заглянуть въ это сердце... тамъ темно, больно... и холодно какъ въ могилѣ... а голова горитъ и воля повинуется противъ убѣжденія...

Въ безмолвіи слушала я эти странныя рѣчи и смотрѣла прямо въ глаза говорящей.

— Ольга! продолжала она въ отчаяніи, схвативъ мою руку, скажи, что мнѣ дѣлать? — я погублю себя... и его...

— Отложи объясненіе...

— Отъ меня его требуютъ.

— Не безпокойся, я поговорю съ княземъ, мы упроемъ тѣтеньку отложить свадьбу хоть на годъ. Только успокойся... я иду сейчасъ же...

— Погоди, сказала съ нетерпѣніемъ Александрина, и въ ту же минуту, глаза ее закрылись и она какъ будто къ чему то внимательно прислушивалась. Минуть съ пять продолжалось это молчаніе, послѣ этого Александрина, открывая глаза, содрогнулась и понижавъ уныло

головой, сказала протяжно, грустно-торжественнымъ голосомъ:

— Свадьбы не будетъ! и объясненія отсрочить не позволяютъ. Я просила, умоляла... все было тщетно... не велятъ... просила смерти... умираю... рвалась въ могилу... не пустили. О! горе мнѣ бѣдной!...

Въ испугъ я обнимала трепещущую Александрину, осыпала ее крестнымъ знаменіемъ, обливала горячими слезами...

— Полно говорить, моя душка! ты опять больна, говорила я, стараясь унять безумныя рѣчи, до глубины души меня смутившія.

— Нѣтъ! я не больна къ сожалѣнію, я и не сумасшедшая, но со мной дѣлается что то ужасное.

— Воля можетъ побѣдить многое, а у тебя она сильна бывала, милая Александрина. Употреби въ пользу силу своего характера противъ этого страннаго нравственнаго недуга!

— Добрый ангелъ мой навѣялъ тебѣ эту мысль. Благодарю, благодарю!

Глаза Александрины заблестали огнемъ внезапной рѣшимости, и въ ту же минуту закрылись снова; а движеніемъ руки она подала мнѣ знакъ молчанія. Въ изумленіи, въ страхѣ, я едва смѣладохнуть, и не сводила глазъ съ Александрины: вдругъ вижу, уста ее зашевелились, но недосказанное слово замерло, а бѣдную дѣвушку начало корчить ужаснымъ образомъ; она застонала хриплымъ голосомъ, и хлопнулась бы объ полъ, если бы я не подоспѣла и не поддержала ее; но отъ моего прикосновенія корчи еще усилились, и я только

могла съ трудомъ притащить ее до дивана, а сама до того оробѣла при видѣ невыразимыхъ ея страданій, что совсѣмъ потерялась и стояла среди комнаты, не смѣя ни выдти, ни кликнуть къ себѣ на помощь. Между тѣмъ Александрина посиѣла отъ сильныхъ судорожныхъ напряженій... но къ крайнему моему изумленію, этотъ страшный припадокъ вдругъ прекратился и никакого слѣда не осталось на лицѣ Александрины послѣ всего, что она претерпѣла въ моихъ глазахъ.

Она встала, поправила волосы, и долго стояла въ задумчивости.

— Ольга! сказала она обращаясь ко мнѣ, позови сюда... и она вдругъ остановилась, смущеніе и, какъ мнѣ показалось, онущеніе — родъ боязни, нарисовалось на ея лицѣ; позови же, прибавила она, кого нужно...

— Какъ! теперь — послѣ всѣхъ твоихъ страданій ты хочешь еще подвергнуть себя тягостному испытанію?

— Это нужно, непременно нужно! Ради Бога позови его.

— Александрина! поцади себя!

— Меня не шадятъ *другіе!*

— Кто же? кто? есть ли одно существо на свѣтѣ, которое бы, зная тебя, не любило, не жалѣло о тебѣ.

— Не говори о любви, Ольга! любовь — эгонизмъ! смерть!... пагуба! грѣхъ!...

— Ты ли это говоришь, милый другъ Сашенька?

— Говоритъ осужденная, готовая подписать собственной рукой свой приговоръ!

Она схватила себя обѣими руками за голову и прибавила умоляющимъ, нетерпѣливымъ голосомъ:

— Зови его, зови скорѣе! я не смѣю терять время; можетъ быть, такое свиданіе мнѣ позволено въ послѣдній разъ!...

Я невольно повиновалась, и поспѣшила выполнить ея волю, но она сама воротила меня и прибавила: — Ты будешь здѣсь во время нашего разговора. Я не могу съ нимъ быть наединѣ!

Я сочла нужнымъ предупредить князя о вѣроятномъ заключеніи этого тягостнаго свиданія, въ тоже время умоляя его пощадить страдающую душу бѣдной кухни; намекнула даже и о томъ, что почитала Александрина не въ полномъ разумѣ. Больно мнѣ было высказать такую догадку; но каково же было ее слушать несчастному жениху. Онъ обѣщаль однако же быть твердымъ, изъявляя великодушную готовность жертвовать собою для спокойствія Александрины.

Мы вошли вмѣстѣ. Увидѣвъ князя, Александра вспыхнула, вскочила съ дивана и почти подбѣжала къ нему протягивая дрожащую руку; но въ тоже время ее какъ будто что то оттолкнуло отъ него, съ судорожнымъ движеніемъ она отступила на нѣсколько шаговъ, поблѣднѣла, и опустила взоры.

— Вы меня выслушаете, — сказала она умоляющимъ голосомъ; непривычное между ими мѣстоименіе вы она произнесла съ нѣкоторымъ принужденіемъ — вы поймете несказанную муку, которая довела меня до этого объясненія.

— Говорите, я слушаю — отвѣчалъ князь, усили-

ваясь придать нѣкоторую твердость голосу, колеблемому внутреннимъ волненіемъ.

— Мы должны забыть все, что было прежде... а въ будущемъ, надежды ваши должны измѣниться...

— Такая перемена... не заслужена мною... моя любовь...

— Ни слова о любви... изъ состраданья! — вскричала Александрина, и я замѣтила такую внезапную перемену въ ея лицѣ, что имѣла полное право опасаться новаго припадка; все однакоже кончилось минутною дрожью, послѣ чего она прибавила.

— Я не могу... я не хочу быть вашею женою!

— Послѣ этихъ словъ она опять вздохнула свободно, но душу бѣднаго князя сжала тоска, онъ не въ силахъ былъ болѣе выдержать.

— Ангель! ты не покинешь меня! Ты извлечешь меня изъ бездны отчаянія. Скажи! вѣдь все это было только сонъ, страшный сонъ, но столько же и лживый! Не правда ли, Александрина?

— Ахъ! если бы это подлинно былъ сонъ, хотя бы и вѣчный! Съ какой бы радостію я легла въ могилу...

— Тебѣ ли умирать? если бы ты видѣла что было съ нами, когда мы боялись лишиться тебя, сколько бы людей похоронили съ тобой все свое будущее счастье!

— Остановись! не говори о счастьѣ! Этотъ безсмертный цвѣтокъ не растеть на землѣ, слабая почва не выдержитъ могучаго ствола, не напойтъ его жажды бѣдные источники нашихъ чувствъ.

— Ты не всегда предавалась такому безвѣрью въ

счастье, и меня только совершенное забвеніе прошлаго можетъ лишитъ усладительной вѣры.

— Храни ее, другъ, если она еще живетъ въ тво-емъ сердцѣ, можетъ быть, я и ошибаюсь, думая, что истиннаго счастья нельзя обрѣсти въ этомъ преходящемъ мірѣ, гдѣ все такъ измѣнчиво, и люди, и природа, и времена, и нравы... даже самыя души... недавно еще... такъ счастливы...

Послѣ этихъ прерывавшихся словъ, она впала въ задумчивость, въ глазахъ ея выразилось нѣжное умилительное чувство.

-- Продолжай, сказалъ князь, и трепетъ сердечной послѣдней надежды выразился въ этомъ словѣ.

— Не могу, отвѣчала Александрина; то, что я готова была сказать, не выскажется... я это знаю, и потому молчу. Молчите и вы, ради Бога, не сокращайте горькихъ и сладостныхъ минутъ этого свиданія.

Я уже начинала нѣсколько понимать тайный смыслъ странныхъ рѣчей Александрины, и шепнула, чтобы онъ не говорилъ съ ней ни о любви, ни о будущихъ надеждахъ. Онъ удержалъ слова, которыя были уже на устахъ, но подошелъ ближе къ Александринѣ и хотѣлъ взять ее за руку. Она ее стремительно отдернула, и убѣжала въ противоположный конецъ комнаты.

— Не подходите — кричала она повелительнымъ отчаяннымъ голосомъ — не подходите, не губите меня!

Этого несчастный женихъ не въ силахъ былъ перенести. Онъ громко зарыдалъ.

— Ты никогда не любила меня! простоналъ онъ, закрывая лице руками.

— Я, не любила тебя! — съ упрекомъ сказала вышедшая изъ себя Александрина: развѣ ты не чувствуешь, что я и теперь люблю...

Конецъ слова замеръ въ дикомъ воплѣ. Бѣдная дѣвушка поверглась на землю. Я опять поддержала ее, и вмѣстѣ съ княземъ и съ другими созванными на помощь, была снова свидѣтельницею такой же сцены, какая предшествовала ихъ свиданію, и можетъ быть еще ужаснѣйшей.

VI.

Со дня этого объясненія, Александрина рѣшительно объявила, что не можетъ болѣе видѣться съ княземъ.

— *Мнѣ запрещено*, — говорила она, когда мы оставались съ ней наединѣ.

Князь, въ отчаяніи, собирался скоро уѣхать, не дожидаясь конца выпрошенной острочки; но уѣхать не повидавшись послѣдній разъ съ нею, казалось ему невыносимо. Мы съ своей стороны, желая избѣжать огласки страннаго состоянія бѣдной Сашеньки, желали, чтобы она хоть изъ приличія согласилась выдти проститься съ княземъ. Она, всегда разсудительная, всегда готовая покориться малѣйшему желанію матери и другихъ родныхъ, готова была и въ этомъ случаѣ сдѣлать все, что отъ нее требовали, но, по ея словамъ, всѣ усилія ея будутъ напрасны; она рѣшилась однакоже испытать всю силу своей воли.

Теперь, мои милые слушатели, я должна предвартить васъ, что все, что я ни стану рассказывать, со-

вершалось въ глазахъ моихъ и можетъ быть подтверждено свидѣтельствомъ многихъ самовидцевъ — безъ этого я бы, можетъ быть, сама усомнилась въ дѣйствительности непонятныхъ событій.

Наступилъ день отъѣзда князя Свирскаго; Становъ долженъ былъ отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Рѣшено было, что Александрина сойдетъ прежде въ гостиную, гдѣ съ ней раскланяется Григорій Дмитріевичъ, и потомъ уже войдетъ въ комнату тѣтенки, гдѣ ее будетъ дожидаться бывшій женихъ ея. Всѣ трепетали въ ожиданіи ихъ свиданія :

Я пошла вмѣстѣ съ нею въ гостиную, между тѣмъ какъ Вѣрочка и Лузанская истощали все свое краснорѣчіе, чтобы возродить въ сердцѣ бѣднаго Поля дальнюю надежду на будущее. Встрѣча Александрины съ Становымъ обошлась по видимому очень просто, но я такъ хорошо научилась понимать Александрину, что отъ меня не укрылось многое въ этомъ свиданіи. Она помедлала ему счастливаго пути, и — кавая то, съ трудомъ удерживаемая радость, мелькнула въ ея взорѣ, а онъ долго глядѣлъ на нее пристально и сказалъ ей :

— Надѣюсь, однакожъ, что мимоетный гость, уѣзжая, не все увезетъ съ собою, что могло бы о немъ напомнить здѣсь.

Александрина взглянула на него съ чувствомъ невыразимаго страха, но въ то же время краска выступила на ея лицѣ, и она отвѣчала съ улыбкой на устахъ.

— Конечно, вы должны оставить намъ залогъ: пріятное обѣщаніе возвратиться при первой возможности.

Я уже вамъ сказала, что она улыбалась; но Боже!

что это была за улыбка! мое сердце раздиралось. Глаза Станова засверкали, онъ также улыбался, но его физиономія выражала дикое торжество, которое заставило меня содрогнуться. Въ первый разъ странное, неприязненное чувство возникло въ душѣ моей противъ этого человѣка. До этого дня я крѣпко стояла за него противъ неопредѣленныхъ обвиненій Вѣрочки. Это заставило меня внимательнѣе наблюдать за каждымъ его движеніемъ. Онъ сѣлъ возлѣ Александрины и нѣсколько минутъ поддерживалъ разговоръ о постороннихъ предметахъ, но въ тоже время онъ не спускалъ съ нее глазъ, прощаясь долго держалъ ее руку, прежде нежели поцѣловалъ ее и совсѣмъ раскланялся съ Александриной. Вышедъ въ диванную, она казалось вздохнула свободнѣе.

— Ольга — сказала она мнѣ. Бываютъ иногда тяжкіе сны, но вѣдь и имъ бываетъ конецъ. Съ пробужденіемъ грезы исчезаютъ, не правда ли?

— По крайней мѣрѣ, со мной всегда такъ бывало, — отвѣчала я, стараясь войти въ ее мысль.

Лице ея просіяло.

— Можетъ быть и мое пробужденіе близко, — прибавила она, но едва успѣла выговорить послѣднія слова, какъ голова ея упала ко мнѣ на плечо и она задремала. Между тѣмъ ее звали изъ другой комнаты; не получая отвѣта, Лузанская сама пришла за нею. Я сдѣлала ей знакъ, чтобы не тревожила спящую. Дверь спальни растворилась и князь Свирскій остановился на порогѣ. Онъ затрепеталъ увидѣвъ Александрину и готовъ былъ броситься къ ней.

— Не входите, ради Бога, — сказала я, опасаясь послѣдствій. Впрочема удержала его на порогѣ.

— О! дайте мнѣ по крайнѣй мѣрѣ послѣднѣй разѣ полюбоваться ангеломъ! — и онъ, не входя въ комнату, преклонилъ колѣна передъ спящей Александринной.

Скоро изъ спокойной дремоты она перешла въ тревожный сонъ; очевидно было, что ей что то приснилось. Наконецъ она заговорила во снѣ, сначала невнятно, потомъ, съвозъ неясный лепетъ можно было различить изрѣдка и слово. Она мечтала о любви, на устахъ ея проглянула улыбка, такая, какой давно уже не видали мы отъ печальной Александринны. За улыбкой явилось на устахъ имя... имя не давно еще милое... и теперь слова она произнесла его съ любовью. Князь не смѣлъ вѣрить своимъ ушамъ... но мы все слышали отъ него дѣйствѣ, какъ она сказала въ откровеніи сна: «Поль... — я люблю тебя!»...

Счастливецъ не въ силахъ былъ совладѣть съ сердцемъ, оно пробивало грудь, и вынудило его вскрикнуть. Спящая вздрогнула, но не пробудилась.

— Уйдите теперь, сказала я, дайте ей проснуться спокойно.

Въ своемъ восторгѣ онъ сдѣлался послушливъ какъ доброе дитя. Онъ вышелъ и дверь въ спальню затворилъ.

— Вотъ ты и проснулась, сбылось твое желаніе, сказала я, приветствуя поцѣлуемъ проснушуюся Александринну.

— А мнѣ теперь вовсе не-хотѣлось просыпаться. Мы часто сами не знаемъ чего желать. Ольга! если бы я могла опять заснуть!

— Но прежде чѣмъ отправиться на покой, надобно, я думаю, раскланяться съ обществомъ, пожелать и другимъ покойнаго сна или хоть добраго пути. Какъ ты думаешь Александрина?

— Ахъ, да! онъ ѣдетъ: мнѣ во снѣ видѣлось совсѣмъ не то.

— Что же? тебѣ только стоитъ сказать слово.

— Ты, думаешь, Ольга?

— Какое же въ томъ сомнѣніе!

— Пойдемъ! сказала она рѣшительно и взявъ меня за руку пошла въ спальню.

Дверь растворилась, но Александрина не переступила черезъ порогъ. Она вдругъ остановилась будто окаменѣлая. Князь носившись къ ней на встречу, на лицѣ его была радость и надежда.

Александрина отступила на другой конецъ комнаты.

— Остановитесь! — закричала она князю. — Я сама пойду къ вамъ. Съ этими словами она снова подошла къ двери, и снова ее какъ будто невидимая сила оттолкнула отъ порога.

Я не въ состояніи передать вамъ всего, что затѣмъ последовало. Александрина дѣлала невозможныя, не человѣческія усилія войти въ комнату тѣтеньки, но казалось дверь была заколдована для несчастной страдальницы, тогда какъ во всѣ другія двери она проходила такъ же легко какъ и мы. Черезъ нѣсколько минутъ тщетныхъ усилій, она ушла въ свою комнату въ изнеможеніи, съ отчаяніемъ въ сердцѣ.

Князь рѣшился звать и прислать еще докторовъ изъ Москвы, изъ Петербурга если нужно; болѣзнь Алек-

сандрины принимала такой странной видъ, что всѣ начали невольно склоняться къ печальной мысли, которая одна могла объяснить всѣ несообразности ея поступковъ въ последнее время. «Она помѣшалась!» говорили мы другъ другу, заливаясь горькими слезами. Но отпуская князя, для котораго точно видъ больной былъ слишкомъ тягостенъ, тетенька упростила Станова остаться у нее, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, куда князь успеетъ выслать къ намъ напеньку и старшаго ея сына, тогда только что вышедшаго изъ лица. Становъ сначала отговаривался тѣмъ, что ему жалко разстаться съ своимъ другомъ, который имѣетъ нужду во всѣхъ утѣшеніяхъ дружбы; но когда самъ князь присоединилъ свои просьбы къ тетенькинымъ, онъ уступилъ. Мы съ Вѣрочкой грустно переглянулись, но не смѣли сообщить своихъ безотчетныхъ опасеній старшимъ.

Съ каждымъ днемъ новыя странности открывались въ нашей больной. Давно уже мы замѣтали, что она не смѣла произносить имя Поля, но съ нѣкотораго времени это имя, произнесенное другими въ присутствіи Александрины, было поводомъ къ припадкамъ. Малѣйшій намекъ о минувшемъ также производилъ корчи, и часто такія же корчи начинались варагъ отъ причинъ намъ неизвѣстныхъ; но видимо отъ какого нибудь слова, котораго не могла слышать Александрина. Иногда она вдругъ переставала отвѣчать, и знаками давала знать, что она отвѣбла; въ тоже время обращаясь къ другимъ, она свободно владѣла языкомъ, но какъ только хотѣла опять обратиться къ той же, чье слово разстрои-

ле ее, она снова чувствовала что являть ей свидѣть. Это продолжалось часъ, два, иногда и цѣлый день; но когда мы допытывались отъ нее, какое именно слово ей не нравилось, у нее бывалъ всегда одинъ отвѣтъ: «Не ситно сказать!» Отъ тѣтеньки она старалась скрывать всѣ свои страшни и просила насъ помогать ей въ томъ.

Въ обращеніи ея съ Становымъ было что то необыкновенное. Казалось она боялась его присутствія, при малѣйшей возможности старалась убегать его, но когда случай или необходимость сводила ихъ, тогда онъ дѣлался исключительнымъ предметомъ ея вниманія, она всегда увлекалась его мнѣніями, и никогда первая не уходила изъ той комнаты, гдѣ былъ Становъ.

Папеньку и двоюроднаго брата ожидали со дня на день, а съ ними и доктора, котораго они пригласили изъ Петербурга. Это ожиданіе, какъ я уже сказала, тревожило Сашеньку; припадки ея сдѣлались чаще, она не рѣдко заперлась съ своей комнатѣ по цѣлымъ часамъ и даже избѣгала всякаго задумчиваго разговора съ нами. Мы присматривали за ней втайнѣ, и часто дорого платили за свое любопытство. Страшно бывало смотреть на нее: то забивалась она подъ диванъ и лежала тамъ по цѣлымъ часамъ, въ самомъ неестественномъ положеніи, бросая вокругъ оторопѣлые взоры, то распустивъ длинныя косы, она по цѣлымъ часамъ влясала и кружилась какъ восточный дervинь и потомъ съ пѣною у рта, въ совершенномъ изнеможеніи повергалась на полъ. Когда мы ее разспрашивали, она иногда отвѣчала: «это было наказаніе!»

— За что же?

— За непослушаніе.

— Кому?

Молчаніе.

— Кто же называлъ тебя?

Опять молчаніе.

Таимъ образомъ оканчивались всѣ наши разговоры. Наконецъ Александрина сама вызвала меня на откровенность. Я заговорила съ ней о Становѣ; она перемѣнилась въ лицѣ, но скоро оправилась.

— Я сама хотѣла съ тобой поговорить объ немъ. Ты можешь оказать мнѣ большую услугу.

— Что такое?

— Отдай ему это письмо, и она вынула изъ за пояса замечтанный пакетъ. Я поглядѣла на нее съ изумленіемъ.

— Александрина! — сказала я не воздержавшись: не ужели наши подозрѣнія справедливы и услужливый шаферъ повредилъ въ твоемъ сердцѣ другу-жениху?

Она запыкала.

— Ольга — отвѣчала она съ своей обычной кротостію. Ты когда то уважала меня! правда, съ тѣхъ норъ я, своими странными поступками, потеряла можетъ быть право на прежнее уваженіе...

— Александрина, прости меня за необдуманное слово!

— Прости меня прежде за необдуманную просьбу.

— Она распечатала пакетъ и подала мнѣ письмо.

— Задѣсь, сказала она, ты узнаешь многое, чего я не въ силахъ была высказать тебѣ на словахъ, ни даже на

бумагъ: это письмо было писано къ нему и рука моя была свободна. Но прежде, поклянись мнѣ, Ольга, что эти строки умрутъ въ твоей памяти, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, когда все откроется.

Я поклялась; обстоятельства еще досихъ поръ не сняли съ меня обѣта, и эту часть моей печальной повѣсти я должна оставить подъ завѣсою неизвестности. Скажу вамъ только одно: прочитавъ письмо я долго не могла придти въ себя отъ изумленія, и въ тотъ же вечеръ, спросившись у строгой моей совѣсти, передала письмо по адресу: Александрина заклинала Станова удалиться, заклинала такъ, какъ можно только молиться о спасеніи своей души.

Онъ отвѣчалъ мнѣ изустно: вотъ собственные слова его:

— Ваша кузина — помѣшана: ея письмо для меня загадка; вѣхать тенерь мнѣ нельзя; я дамъ слово дожидаться вашего батюшки — и дождусь.

Я въ свою очередь стала умолять этого человека, и когда убѣдилась, что всѣ мольбы мои напрасны, грозила ему открытіемъ страшной тайны...

Онъ захохоталъ.

— Тогда пріѣзжаемъ доктору будетъ двойной трудъ, лѣчить двухъ вмѣсто одной, но каково же будетъ вашему отцу. Вы приготовите ему самую пріятную неожиданность!

Какъ ни обдумывала я планъ своихъ будущихъ дѣйствій, заключеніе было всегда одно; меня, какъ говорилъ Становъ, сочтутъ за сумасшедшую, и въ самомъ дѣлѣ я такъ много и тщетно утомляла свою пятнадцатилѣтнюю жизнь.

ти-лѣтнюю голову тревожными думами, что можетъ быть и подлинно не далеко было и до сумасшествія. Ожидая папеньку, я долго колебалась между желаніемъ призвать на помощь его опытность, и опасеніемъ проговориться ему о томъ, что знала только изъ письма Александрины, и чего въ слѣдствіе моего обѣщанія, я не имѣла права открыть. Между тѣмъ положеніе Сашеньки съ каждымъ днемъ дѣлалось хуже и хуже. Припадки были безпрестанные и такого рода, что она старалась отдалять отъ себя свидѣтелей; меня одной она не боялась, разъ рѣшившись открыть мнѣ все то, что могла.

— Онь уѣдетъ, — сказала она мнѣ однажды послѣ нѣсколькихъ часовъ самаго мучительнаго припадка. — Онь уѣдетъ! хотя мнѣ это дорого стоитъ!

Я взглянула съ безпокойствомъ на Александрину. Она не плакала и казалась спокойна, но лице ея было блѣдно, такъ блѣдно, какъ будто кровь навсегда оставилась въ ея жилахъ.

Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дней провела она совершенно спокойно; отъ нашихъ получили письмо съ дороги, и Становъ воспользовался этимъ случаемъ и просилъ тѣтенку отпустить его, представляя что теперь дочери ея лучше и скоро пріѣдетъ новый докторъ. Онь уѣхалъ. Съ нетерпѣніемъ почти радостнымъ ожидала я дѣйствія его отъѣзда на больную; но вопреки моимъ ожиданіямъ, ея не давнее спокойствіе смѣнилось снова тревожнымъ состояніемъ духа и корчи возобновились въ тоже время.

— Что же это значитъ? — спросила я съ удивленіемъ у Александрины.

— Еще не всё условія выполнены мною. отвѣчала она задумчиво. — Скоро мнѣ будетъ еще испытаніе — но это уже послѣднее, и тогда — я успокоюсь, все пройдетъ!

И говоря это она улыбнулась.

Около этого времени она безъ всякаго затрудненія стала произносить имя князя Свирскаго, и разговоръ объ немъ, казалось, былъ для нее всегда пріятенъ, хотя она и не говорила ни о любви, ни о прошедшемъ. Черезъ нѣсколько дней она попросила у матери позволеніе написать къ своему бывшему жениху. Всѣ удивились и обрадовались. Вотъ что она написала:

«Возвратись къ намъ, милый добрый другъ мой, я была больна, теперь я скоро выздоровѣю. Я сошью себѣ новое вѣнчальное платье и наша свадьба будетъ въ одинъ день; танцовать на нашемъ праздникѣ не будутъ, но развѣ не лучше всякихъ танцовъ успокоеніе души? Пріѣзжай, другъ, я еще предвижу для тебя свѣтлую будущность и для меня — также; любовь съ помощію Бога — побѣдила все.»

Со дня отправленія этого письма, Александрина въ самомъ дѣлѣ будто выздоровѣла; она казалась спокойна духомъ, и не терпѣла болѣе отъ тѣлесныхъ страданій. Когда пріѣхалъ напеченья, онъ удивился нашедши большую, повидимому въ совершенномъ здоровьѣ; докторъ объявилъ, что ему нечего дѣлать и по прошествіи цѣлой недѣли, на которую его убѣждали остаться, на всякой случай, не окажутся ли новые признаки страннаго недуга, онъ отправился обратно въ Петербургъ.

Видя кузину выздоровѣвшею, я не сочла нужнымъ

говорить съ паненькою о своихъ наблюденіяхъ; а онъ склонился къ мысли, что излишняя любовь къ Александриѣ произвела преувеличенныя опасенія, и что, можетъ быть, это все было только бредъ продолжительной горячки.

Впрочемъ онъ не жалѣлъ о своемъ прїѣздѣ, увидясь со мною, и сверхъ того имѣя прїятную надежду поспѣвать на свадьбу племеницы. А къ свадьбѣ начались новыя приготовления. Александринѣ шили новое свадебное платье и даже не одно: «мнѣ хочется имѣть два платья совершенно одинаковыхъ;» — сказала Юна, и разумѣется ей не отказали въ этой прихоти. Она сама приготовила также два покрывала для головнаго убора. Мы шутили надъ ея занасливостію, но когда сравнивали для чего ей два наряда:

— Вы увидите, отвѣчала она значительно.

Въ это время она съ нетерпѣніемъ ожидала прїѣзда князя, безпрестанно вспоминала объ немъ, съ восторгомъ говорила объ его прекрасныхъ качествахъ, о счастьи, которое ожидаетъ его будущую жену. Часто говоря о немъ, она называла его просто женихомъ, но ни разу однако же, не помню я, чтобы она сказала *мой женихъ*. »:

Иногда у насъ заходила рѣчь объ обязанностяхъ жены въ отношеніи къ мужу, и во всѣхъ сужденіяхъ Сашеньки объ этомъ предметѣ была такая чистая любовь, сердечная прямота, кротость и строгость къ самой себѣ, что малѣйшее ея слово запечатлѣлось въ памяти каждой изъ насъ, и если нѣкоторый человѣкъ когда нибудь назоветъ себя счастливымъ своею женою,

можетъ быть онъ этимъ будетъ обязанъ незабвеннымъ урокамъ неземнаго друга.

Ольга посмотрѣла на меня, съ чувствомъ улыбулась, потомъ заплакала. Мы всё плакали вмѣстѣ съ нею надъ памятью ангела, котораго она умѣла насъ заставить полюбить. Но и сестры и я, равно считали минуты въ ожиданіи ея разсказа. Она продолжала :

«Насъ радовало такое расположеніе духа Александрины; и убѣждало все болѣе и болѣе въ ея совершенномъ исцѣленіи.

Радостно отозвалось сердце князя на знакомый призывъ; онъ писалъ, что готовъ все бросить и, не иѣнякая ни минуты, прилетитъ къ своей милой Александринѣ. Между тѣмъ дни проходили за днями, его ждали.

Въ одинъ вечеръ мы всё сѣдѣли за работой около тѣтушки. Александрина была тоже съ нами: она спѣшила отдѣлать картину, которую готовила въ подарокъ князю. Возлѣ нее сѣдѣла Вѣрочка и задумчиво слѣдила взорами за кистью Александрины. Вдругъ Александрина вздрогнула, уронила кисть и заливаясь слезами произнесла голосомъ отчаянія:

— Боже милосердый! его несутъ лошади... на право ужасная крутизна, коляска клонится къ безднѣ. Ахъ! помогите... молитесь за него... всё молитесь...

И мы съ изумленіемъ увидѣли какъ Александрина бросилась на колѣни и унала безъ чувствъ на руки къ Вѣрочкѣ, которая невольно повиновалась неожиданному и странному призванію кузины, и вслѣдъ за нею преклонила колѣна. Пришедъ въ себя, Александрина сказала съ спокойною увѣренностію:

— Онъ спасенъ; но не скоро прїѣдетъ; нужно вправить вывихнутую руку и переждать лихорадку.

Съ изумленіемъ глядѣли всѣ на Александрина, и слушали ея странныя рѣчи; боялись возвращенія ея припадковъ; но ничто не оправдало этихъ опасеній. Александрина казалась здорова, только горевала о страданіи друга и повторяла часто: «бѣдный, бѣдный Поль! и все это для меня!»

Послѣ этой странной выходки, всѣ еще съ большимъ нетерпѣніемъ стали ожидать возвращенія князя. Одна Александрина перестала ждать его.

— Еще рано, — говорила она, — ему лучше, но онъ еще не выѣхалъ.

Встрѣтился еще случай, обратившій невольное вниманіе на странную способность прозрѣнія, открывшуюся въ Александринѣ.

Моему отцу нужно было съѣздить въ свою деревню, лежащую верстахъ въ семидесяти отъ Ольховца. Онъ собрался въ дорогу, выслалъ впередъ на смѣну подставныхъ, и мы пошли провожать его. Вдругъ видимъ — Александрина бѣжитъ изъ саду и машетъ намъ платкомъ.

— Вѣрно порученіе къ своей кормилицѣ, — сказала мой отецъ и мы пошли на встрѣчу къ бѣгущей.

— Дядюшка, милый дядюшка! сказала Александрина, не тѣдите сего дня въ Алексѣевку.

— Это по чему?...

— Мнѣ не хочется, чтобы вы ѣхали.

— Что за вздоръ, Саша, вѣдь я завтра возвращусь.

— Побѣжайте лучше завтра!

— По чему же не сего дня?

— Не знаю, но мнѣ жаль отнустать васъ.

Пашенька покачалъ головой и замѣтила, что у Са- шеньки послѣ болѣзни заведись странныя прихоти.

— Этого за тобой никогда не бывало прежде и не худо бы отучиться?

— Отучусь, право отучусь послѣ, но дайте мнѣ го- лубчикъ, если вы меня любите или хоть прежде люби- ли, велите отложить лошадей и останьтесь сегодня съ нами.

У Александрины были на глазахъ слезы, въ голосѣ ея было такое убедительное выраженіе, что я не мог- ла надвинуться, какъ можетъ пашенька отказывать въ чемънибудь на такую мольбу. Я присоединила свою просьбу къ ея убѣжденіямъ, обнялась около шеи отца, цѣловала его, зажимала уста, когда онъ пытался от- крыть ихъ для возраженій, и почти силою оттащила его отъ коляски.

— Что это значитъ: ты еще не уѣхалъ? — спросила Елена Андреевна, когда отецъ вѣсгѣ съ нами возвра- тился въ гостиную.

А вотъ эти двѣ сумасшедшія не пускаютъ — от- вѣчалъ пашенька полу-сердито. Твоя Саша выдумала не пускать, уранивать, уламывать; моя Ольга помо- гла ей, потому только что любимой кузинѣ такъ захотѣ- лось. Видно захотѣлось надо мной потѣшиться.

— Ахъ папа, какъ вамъ не стыдно.

— Молчи, дурочка, ужъ пашню во твоей дулкѣ, такъ дай покрайней мѣрѣ поворчать. Легкое ли дѣло,

блудный Емельяну глаза просмотреть поджидаю меня на станции.

Тетка также осуждала Александрина за сентиментализм, но ее живую прикоть, но Александрина, съ кротостию выслушавъ выговоръ, только жемнула нѣтъ на ухо:

— Пускай насъ бранятъ, а я всё такъ рада, что дяденька не покаялъ.

Въ другой день, на дорогѣ въ Алексювку, отца моего встрѣтилъ посланный отъ управителя съ извѣстіемъ, что въ минувшую ночь у нихъ была ужасная гроза, и градъ ударилъ въ комнату приготовленную для паночки; если бы ударъ непреятно бы убилъ его, если бы онъ не исполнялся просьбы Александрины! Ей была одбавлена и сохранилась жизнь отца.

Такое странное обличеніе обстоятельствъ не могло остаться не замѣченнымъ. Не знали что подумать объ Александринѣ.

— Она лжовидица — говорила Лузанская. Въ поединки частыя наблюденія подтвердили это заключеніе.

— Александрина — спросила у нее однажды Верона — не ужасн ты въ самомъ дѣлѣ видѣла, что князь послалъ лошадей, что экипажъ его былъ разбитъ, и . . . прибавила она съ большимъ робостію; точно ли ты уверена, что онъ въ безопасности? ..

— Мы сегодня получили обо всемъ достоверное извѣстіе.

Дѣйствительно, къ обѣду привезли нѣсколько писемъ съ почты, въ томъ числѣ писано отъ князя изъ какой-то деревушки подъ Тулою. Опасенія Алек-

сандрини подтвердилась: князь писалъ, что желя со-
кратить путь, онъ рѣшился свернуть на проселокъ,
извозникъ не умѣлъ сдерживать лошадей на опасномъ ко-
согорѣ, коляска опрокинулась и скатилась въ оврагъ;
извозникъ заплатилъ штрафомъ за неосторожность, а
князь вывихнулъ руку. Ушибъ этотъ произвелъ лихо-
радку, которая замедлила прїездъ князя.

Это извѣстіе такъ болѣе поразило насъ изумленіемъ,
что несчастіе случилось въ тотъ самый день и часъ,
въ который Александрина это предсказала.

Въ другой разъ, гуляя съ нами, Александрина по-
вела насъ въ такую часть лѣса, куда мы рѣдко захо-
дили. Тамъ еще отыскала какую-то поляну, густо опу-
шенную деревьями. На этой полянѣ возвышался не
большой холмикъ окруженный дикимъ и необжитымъ
лѣсомъ. Александрина остановилась

— Перестаньте болтать и смѣяться, сказала она,
лучше помолитесь Богу заветъ то много! Миръ бѣдному
царю, который пожелалъ поцѣ этой несчастливой
земли!

Мы выдрогнули незлобно отъ этихъ словъ. Давно
уже Сашенька не спрашивала и не посылала наблюдать
за Варварою, хотя на кто еще не рѣшился объ-
яснить ей истину. Мы знали, что бѣдную самоубійцу по-
хоронили гдѣ-то въ кладбища; но гдѣ именно, никому
изъ насъ не пришло въ голову спросить; тамъ заняты
всѣ были самой Александринной.

Въ слезахъ ея нечаянно было не угадать никакой; но
кто же сказалъ ей о смерти валички, и не точно ли мы
стали на ея могилѣ? Возвращаясь домой, Анета забы-

шла къ священнику и узнала отъ него, что Барбара действительно похоронена въ лѣсу посреда той самой поляны, гдѣ молилась Александрина.

— Есть еще живая душа, пострадавшая отъ любви ко мнѣ, сказала Александрина, ведите меня къ бѣдной моей идѣ. — Мы не знали, что отвѣчать ей, она предупредила готовую ложку.

— Няня никогда не вѣдала въ Ворожежѣ, вы обманывали меня, ... И всё знаю, и она пошла прямо въ отдаленный флигель, куда запирали обезумѣвшую Ульяну Терентьевну.

Съ этого дня Сашенька ежедневно воспевала молитву Барбары, читала надъ нею псалтырь и усердно молилась Богу за душу усопшей грѣшницы. Каждый день она посвящала нѣкоторые часы для присмотра за больной няней; припадки бѣшенства Терентьевны всегда укрощались присутствіемъ Александрины. Изъ ея толково разсужденій она слыхала о смерти, при ней дѣлалась смирна и молчалива, и часто даже будто приходила въ память. Тогда ее начинали мучить воспоминанія, и Александрина, чтобы успокоить ее, заставляла разсказывать преданія изъ житія Святыхъ, читаннаго ей нѣкогда отцемъ Діакономъ. Одинъ разъ — это живо сохранилось въ моей памяти — она разсказывала намъ какъ одна дѣва, кажется царская дочь, видѣла во снѣ Ангела; отъ подалъ ей три цвѣтка на выборъ, она выбрала бѣлой, который былъ прекраснѣе и душистѣе всѣхъ другихъ, и плгнулъ ее чистую душу; — это былъ цвѣтокъ ранней смерти. На утро юная дѣвица

перешла въ лучший міръ, не жалѣя о земныхъ благахъ поддунутыхъ ей.

Слушая этотъ разсказъ, очи Александрины блистали, она все болѣе и болѣе задумывалась и наконецъ сказала:

— Прекрасенъ былъ цвѣтокъ избранный ею! ранняя, смерть. — это благодѣтельная пристань для плавающихъ по грозной стихіи жизни!

— Цвѣтъ! я бы не выбрала цвѣтка смерти, или выбравъ по неосторожю, поспѣшила бы сростить его — зацвѣтала Авета.

— Дитя! — отвѣчала Александрина. — умереть раньше или позже, не всё ли равно? Меньше дней, меньше горестей — ближе бошагемное счастье, скорее въ вѣчность..

— Въ ожиданіи князя, мы часто ходили къ нему на встрѣчу и Александрина сопровождала насъ, увидя однакожь, что встрѣтить его намъ не удастся; но въ тотъ день когда должно было прѣхать князь, она пошла къ нему на встрѣчу. За нѣсколько часовъ до нашей прогулки, она страдала давно уже небывалымъ припадкомъ, и вышла къ намъ съ заплаканными глазами.

— Ступайте однѣ на встрѣчу къ Полю, я не надѣюсь на свои силы. Меня не пускаютъ — прибавила она мнѣ шопотомъ. Вара — сказала она подавая шалпку своей кузинѣ — я тебѣ поручаю привѣтствовать жениха.

Послѣ такого начала мы снова стали опасаться послѣдствій при свиданіи ея съ княземъ; но, сверхъ ожиданія нашего, оно обошлось спокойно.

Александрина встрѣтила его съ невритворною радостію, но когда онъ хотѣлъ, пользуясь правомъ жениха, поцѣловать ее, она отступила отъ него съ сильнымъ движеніемъ робости и потупивъ слезливыя очи, сказала:

— Другъ, прости мнѣ эту странность; но мнѣ бы хотѣлось, чтобъ только послѣ свадьбы ты обнялъ мою руку.

Сладостная надежда, заключавшаяся въ этихъ словахъ заставила князя забыть тягость отказа, и благодарность во взорѣ Александрины, наградила его впередъ за испытаніе.

О свадьбѣ нельзя было еще думать, потому что былъ востокъ, но до Петрова дня оставалось не болѣе двухъ недѣль, и всѣ надѣялись, что Александрина не станетъ долѣе откладывать. Александрина не убѣгала князя, напротивъ она, казалось, жаждала каждой минуты, которую могла провести съ нимъ. Никогда не заводила она съ нимъ рѣчи ни о прошломъ ни о будущемъ, она жила настоящимъ, пользовалась имъ какъ можетъ быть никто еще никогда не умѣлъ пользоваться, потому что мы, люди, всѣ вообще гоняемся за мечтами мамъ заглядываемся на оставенныя за собой воспоминанія. Эту полноту ощущенія настоящей радости, она умѣла перелить и въ душу князя. Онъ казался такъ счастливымъ настоящимъ, что безъ особеннаго нетерпѣнія ожидалъ минуты торжественнаго сочетанія съ Александриной у брачнаго алтара. Однакожъ Александрина была печальна.

Случайно какъ-то у насъ зашла рѣчь о нашихъ жи-

выхъ картинахъ? Александрина вспомнила о Петропавлѣ Гвертино, предложенной въ то время ею, князю — единодушно отвергнутой. Князь-пожелалъ видѣть изображение Петропавлы, но когда ему подали гравюру, по которой хотѣли составить живую картину, она вздрогнула. Видъ бездушнаго трупа прелестной дѣвушки, по естественному сближенію, навелъ его на воспоминаніе о той ужасной минутѣ, когда, у брачнаго алтара, его Александрина лежала тоже почти бездыханнымъ трупомъ. Движеніе ужаса не укрылось отъ Александрины; она взяла его за руку и сказала:

— Зачѣмъ содрогаться отъ зрѣлища смерти. Развѣ они не были счастливы? и развѣ не завидна участь Петропавлы, увозимой въ небо полураспутившимся цѣлкомъ своей земной любви? счастливица укрыла его подъ шитомъ любви небесной отъ зловъ земныхъ страстей, отъ неизбежной нощи времени!

— Да, она счастлива — отвѣчала князь — но онъ? ты объ немъ и не подумала, Александрина?

— Ошибаешься, я ни о комъ не забыла, и тамъ, — прибавила она указывая взоромъ на небо, — тамъ, также никто не будетъ забытъ! разлука не разрываетъ истинной любви, а смерть, милый Поль — только разлука, съ сладкой надеждой на свиданье. Мнѣ даже иногда кажется, что въ разлукѣ любящія души болѣе сближаются: образъ милаго, начертанный въ сердцѣ, нераздѣльно принадлежитъ тогда сердцу.

— Мечтательница! ты могла бы заставить пожелать разлуки, и даже самой смерти! въ твоихъ устахъ каждая мысль облекается въ такую чудную форму!

— Не форма живить мысль, а истина, — отвѣчала значительно Александрина.

Съ этого дня она часто склоняла разговоръ на подобныя предметы, а князя стали мучить мелочныя, грустныя предчувствія. Наконецъ, послѣ одного разговора наединѣ съ Александриною, онъ вышелъ съ смертвенною блѣдностію на щекахъ и съ такимъ уныніемъ во взорахъ, что мы всѣ бросились къ Александринѣ съ вопросомъ: что такое она сказала жениху?

— Я назначила день свадьбы, — отвѣчала она съ наружнимъ спокойствіемъ, но на глазахъ ея еще дрожали слезы, и голосъ былъ не твердъ.

Отъ князя мы также ничего больше не узнали. Всѣ готовились къ свадьбѣ: невеста каждый день бесѣдовала наединѣ съ женихомъ, и послѣ каждаго разговора, она дѣлалась спокойнѣе, а онъ напротивъ, становился все печальнѣе и мрачнѣе. Мы ничего не понимали изъ этихъ таинственныхъ переговоровъ; нѣсколько разъ пытались допросить Александрину, но она съ твердостію упорствовала въ молчаніи.

— Я боюсь за бѣднаго князя, — сказала мнѣ Вѣрочка, — мнѣ кажется ему угрожаетъ какое нибудь новое несчаствіе, а онъ уже такъ много страдалъ!

— Чего жъ бояться? — Александрина вѣжно любить князя, — отвѣчала я, надѣясь этимъ успокоить и ее и себя, но въ душѣ я раздѣляла опасенія Вѣрочки.

Поступки Александрины были странны. Каждое утро, не взирая на какую погоду, она ходила молиться на могилу Варвары, и какъ сестра милосердія, ухаживала за больной, безумной старухой. По вечерамъ

она рано уединилась въ свою комнату, въ которую никто не былъ допускаемъ съ некотораго времени, кромѣ маленькой дѣвочки; затѣлившей Барбару. — Молится вѣрно, думали мы, но послѣ мы узнали другую причину этого отчужденія нашей милой подруги-сестры.

Наступилъ день свадьбы, ожидаемый всѣми съ неизъяснимымъ, болзненнымъ нетерпѣньемъ. Еще наканунѣ думали отложить брачный день, потому что невеста съ некотораго времени чувствовала себя чрезвычайно слабою и раза два эта слабость доходила до обморока, но Александрина отвѣчала, что она не больна.

Въ этотъ день она проснулась и встала до разсвѣта, и разбудила всѣхъ насъ, чтобъ вмѣстѣ помобоваться восхожденіемъ солнца. На балконѣ насъ встрѣтилъ князь. Овернувшись на его руку, Александрина взяла на небольшое возвышеніе, но тамъ, силы ея измѣнили.

— Поддержи и ты меня, Вѣра — сказала она. Въ это время легкое облачко заволокло пурпуровый шаръ восходящаго солнца. Вѣглянувъ на облачко, Александрина глубоко вздохнула и сказала:

— Такова судьба блданой Александрины, но она неизмѣнна!

Мы всѣ старались разсѣять грустныя и не своевременныя думы молодой невесты, но она не слушала насъ, продолжая печально смотреть на облачко. Вдругъ глаза ея заблестали, живой румянецъ заигралъ въ щекахъ, она встала безъ пособія и положивъ похудѣвшую свою блдную руку на голову князя, произнесла трепещущимъ, но торжественнымъ голосомъ:

— Онъ будетъ счастливъ! смотрите, для него про-

вспыхнул небо, разгорающееся светило вынырло из тумана облаков! облачко исчезло, так исчезну и я... но онъ будетъ... счастливымъ!

Произнеся эти слова, Александрина опять ослабла. После небольшого отдыха, она, несмотря на все наши возраженія, поѣхала въ карболовъ на могилу Варвары, взявъ съ собою одну только горничную.

— Мнѣ сегодня надобно долго, долго помолиться, сказала она.

Остальную часть утра Александрина провела въ бесѣдѣ съ матерью. Когда онѣ вышли къ намъ, Елена Андреевна горько плакала. Съ неизъяснимою нежностью обнимая Александрина, тётенька проговорила прерывающимся голосомъ: — пора убирать невесту къ венцу.

Александрина бросилась на шею къ матери, съ горячностью прижалась къ ней; потомъ поспѣшно удалилась; мы все пошли за ней.

— Я еще не примѣривала своего вѣнчального платья, и чрезвычайно устала, сказала Александрина, Вѣра, примѣрай его вмѣсто меня.

Вѣрочка было одного роста и имѣла совершенно одинакую съ ней талию, ихъ платья шлились по одной выкройкѣ. Она успѣшила выполнить просьбу, но когда кто-то замѣтилъ, что Александрина похудѣла послѣ болѣзни, и что платье, ловкое на Вѣрочкѣ, будетъ широко для ея прелестной кузины:

— Мой женихъ не взыщетъ — сказала Александрина.

По желанію Александрины Вѣрочку одѣли въ бѣлое прозрачное платье, украшенное букетами изъ поме-

ранеевѣхъ цвѣтовъ. Молодая дѣвушка заперснѣлась увидѣть себя въ зеркалѣ въ этомъ пышномъ нарядѣ. Александрина привстала чтобы полюбоваться ею и сама приколола къ ея прическѣ вѣнокъ и покрывало.

Смотря на хорошенькую дѣвушку помнѣть, блгть мысль ея обратилась нѣсколько къ собственной красотѣ, которую еще такъ не давно гордилась ея счастливая снхья. Александрина заглянула въ зеркало и увидѣла свое блѣдное, болѣзненное лице рядомъ съ свѣжнмъ лнкомъ кузны: на выраженіе эмоціонн Вѣры въ эту минуту было въ разительной противоположности съ ея молодостію, красотю и нарядомъ — она была печальна, и томный взоръ ея голубыхъ очей отражалъ внутреннее страданіе — казалось вѣнчалное, полупозадушное платье свннцомъ ложилось ей на грудь, стѣсняя дыханіе... Долго смотрѣла на нее Александрина, и часто измѣнялась въ лицѣ; Вѣра съ своей стороны блѣднѣла немолно подъ вліяніемъ ея испытующаго взора: между этими двумя кроткими созданіями была цѣлая драма, страстная, глубокая, тайная для всѣхъ! обѣ молчали.

И долго длилось молчаніе — наконецъ Вѣра встрепенулась, вспомнила, что ей пора снимать платье, приготовленное для другой. Движеніе Александрины очевидно ее.

— Вѣра! — сказала послѣдняя, — Вѣра! ты любишь его.

Какъ преступница задрожала бѣдная дѣвушка, слезы брызнули изъ глазъ ея, когда она, вступивъ про-

лестное чело склонилась на грудь той, которую почивала въ эту минуту грозною обвинительницею.

— Да! — прошептала она невнятныхъ едва слышимымъ голосомъ, — я . . . . . я люблю его!

Слова Александрины поразили насъ всѣхъ едва ли менѣе самой Вѣры. Мы окружили Александрину, стараясь угадать ея мысли. Она стояла неподвижна, съ свѣтлымъ спокойнымъ лицомъ, въ глазахъ ея сіяла не притворная радость.

— Она еще можетъ быть счастлива, повторила она съ восторгомъ.

— Сестра моя! — сказала она обращаясь снова къ тремущей Вѣрѣ, — тебѣ передаю, какъ наследство, права души моей; и теперь — какъ смиренная просительница, у ногъ твоихъ, заклинаю тебя: примири съ жизнью. Одной любовью можно вылечить его глубокія раны: не откажись отъ труднаго подвига, мужайся, люби, и когда ишбудь, — скорѣе, можетъ быть, чѣмъ ты думаешь, — любовь воскреснетъ на призывъ живаго чувства!

Александрина обнимала колѣна Вѣры, которая рыдая упала къ ней на грудь.

Въ эту минуту вошелъ князь; Александрина убѣжала въ другую комнату; въ тягостномъ безмолвіи всѣ ожидали ея возвращенія, никто не зналъ что дѣлать, что сказать и еще менѣе чѣмъ это все кончится. Положеніе бѣдной Вѣры было самое затруднительное: она не сводила глазъ съ той двери, въ которую скрылась чудная дѣвушка, ее ожидала она, какъ своего ангела хранителя.

Привыкнувшись на скоро какъ врѣдчю для свадьбы, вышла Александрина, съ образомъ Богоматери въ рукахъ. Глаза ея были опущены и будто затѣнены длинными густыми рѣсницами.

— Я желаю благословить жениха и невесту — сказала она сильно тронутымъ, но довольно твердымъ голосомъ.

Князь вздрогнулъ и будто пробудился отъ долгой томительной думы.

— Вѣра! — сказалъ онъ, подходя къ молодой девушкѣ, — согласны ли вы принять руку, съ которою я не въ силахъ предложить вамъ сердце. Моя душа живая развалина, несчастіе поразило ее какъ громъ небесный. Не страшно ли будетъ вашему юному сердцу молному жизни, биться объ грудь мертвеца?

— Всю жизнь мою... только бы возвратить вамъ полъ-жизни! — проговорила Вѣра съ такимъ умечіемъ, какое могло придать только исполнѣ развѣвившееся чувство, долго питаемое втайнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы въ послѣднее время все вниманіе не было совершенно поглощено страннымъ положеніемъ Александрины, давно бы можно было замѣтить значительную перемену; видимо происходившую въ сердцѣ ея меньшей кузины; можетъ быть слабый зародышъ этого чувства безсознательно закрался въ ея душу и прежде страшнаго неожиданнаго разрыва, но въ то время, безъ малѣйшей тѣни надежды, любовь, невѣдомая самой себѣ, была бы скоро заглушена шумнымъ говоромъ молодецкаго воображенія. Когда же Вѣра увидѣла князя Спирскаго въ борьбѣ съ незаслуженнымъ страданіемъ, когда

онъ открытъ послѣ измѣнившей ему, по наружности, любви Александрины, — о! тогда сердце ея, пригрѣтое состраданіемъ, узнало истинную любовь, а пламенное сочувствіе и неумолкаемыя молитвы души возростили это чувство, сначала тихое, до высшей степени силы. Трудно представить себѣ, что должна была пережить ея любящая душа съ того дня, когда письмо Александрины къ князю такъ неожиданно возвратило надежду на возможность ихъ союза. Однако же самоотверженіе ея любви было такъ велико, что она нѣмало смѣла искренно радоваться обращенію любимой невесты къ прежнему чувству: никогда такъ нѣжно не любила она Александрины.

Князь былъ сильно тронутъ отвѣтомъ Вѣры; съ чувствомъ безпредѣльной признательности пожалъ онъ ея руку, но въ то же время глубоко вздохнулъ и прибавилъ уныло.

— За такую драгоценную, полную добра душу заплатить печальнымъ обломкомъ разбитаго чувства — подумайте, Вѣра! какъ велика ваша жертва.

— Жертва нѣтъ, — прервала Александра, — нѣтъ открыта душа этого ангела.

— Такъ холода, — возразилъ князь, — и отреченіе отъ всѣхъ радостей, чтобы дѣлать отчаяніе страдальца!

— У любви есть двѣ божественныя сестры: одну зовутъ надеждой — она цвѣтетъ отъ земныхъ началъ и украшаетъ жизнь картинами будущаго, будто блестящею мозаикой изъ камней самоцвѣтныхъ. Другую сестру зовутъ вѣрой — она исходитъ съ неба въ мелодическомъ звукѣ, который говоритъ душѣ о благѣ, о вѣч-

ной истинѣ, о нетлѣнно прекрасномъ! Любовь сдѣлать во едино ору и надежду. Съ такими дивными и божественными подругами можно отважиться на борьбу съ отчаяніемъ. Здѣсь — въ этомъ сердцѣ — прибавила Александрина, указывая на трепе шую невѣсту, — ты найдешь святлище всѣхъ этихъ страдныхъ чувствъ!

— Вѣрно, — да, — и еще минута тягостной невѣстности пронеслась надъ душой князя — но что если крошечная сестра милосердія возьметъ на свое попоченіе неслѣзливо — больного?....

Вѣра молча протянула ему руку и цѣлая поэма любви и самоотверженія заключалась въ этомъ движеніи.

Мать Александрины была уже предупреждена ею. Обрядъ совершился въ присутствіи прѣмлей невѣсты; не смотря на сильное изнеможеніе послѣ всѣхъ тягостныхъ ощущеній этого утра, она заотѣла быть свидѣтельницею брака устроеннаго ею. Въ торжечей молитвѣ за счастье Поля, она снова обрѣла слѣзы, которыхъ уже давно нрнто не видѣла на ея глазахъ, и казалось въ образѣ неземной дѣвушцы, чистый ангелъ молился за новобрачныхъ. Съ давою-то робостію отвѣчалъ князь на обрядный вопросъ, но Вѣра твердо произнесла свое согласіе: казалось она чувствовала, что этииъ словомъ она даритъ необходимую енеру любимому. Вотъ, вѣнчаніе кончено, къ молодымъ подошли съ обычными поздравленіями, но эти поздравленія звучать какъ — то грустно, и принимаются почти съ принужденіемъ. Юная днвгнця стоитъ рука объ руку съ мужемъ, поникнувъ головой. Послѣ всѣхъ подошла къ нимъ Алекса-
дрина.

— Я усердно молилась за васъ, друзья мои, теперь также искренно желаю вамъ счастья!

Судорожный трепетъ пробѣжалъ по жилкамъ князя; почти безумно взглянулъ онъ на приветствующую. На глазахъ Вѣры показались крупныя слезы. Александрина, съ кроткимъ упрекомъ, указала на нее князю; будто вымаливая у него вниманіе къ милому созданію. И онъ вдругъ пришелъ въ себя, вспомнилъ что обычный подѣлуй былъ еще за нимъ. Онъ обнялъ свою молодую подругу, она вымынула румянцомъ, любовь проглянула сквозь слезы, а князь съ большимъ чувствомъ прижалъ ее къ груди своей.

VII.

РАЗРЪЩЕНІЕ ТАЙНЫ

Конецъ печальнаго разсказа Ольги я передамъ въ короткихъ словахъ.

Предсказаніе Александрины сбылось. Въ день свадьбы князя, ее также убрали будто къ венцу, но она предстала въ церковь, не живой невестою, а блѣднымъ трупомъ; ее давно уже пожирала злая чахотка. Увѣренная, что человѣческая помощь не въ силахъ спасти ее, бѣдная дѣвушка вооружась непоколебимою твердостью души, скрывала отъ всѣхъ ближнихъ ужасную истину. Каждое утро передавая окрававленной платокъ своей неопытной горничной, она увѣряла, что у нея ночью шла носомъ кровь, съ просьбою

не сказывать объ этомъ никому изъ родныхъ. Въ день своей смерти, по тайному предчувствію, ей не хотѣлось ни на минуту лишиться присутствія своихъ милыхъ, и они должны были убѣдиться въ вѣрныхъ признакахъ неизлечимаго недуга. Съ самаго захожденія солнца Александрина начала замѣтно ослабѣвать; но изнеможеніе тѣла, казалось, не дѣйствовало на ея душу; никогда еще не расточала она такого сокровища чувствъ, ума, святыхъ вдохновеній и порывовъ къ возвышенному; никогда прелестныя очи ея не блистали такимъ дивнымъ огнемъ! часу во второмъ по полуночи, она тихо угасла.

Передъ кончиною она вручила Ольгѣ пакетъ.

— Въ этомъ пакетѣ, сказала она, заключается страшная тайна, но не для мести, вѣрюю ее тебѣ, а для прошенія. Мы не язычники, не на словахъ, а на дѣлѣ мы должны послѣдовать Божественному ученію Христа!

По требованію Александрины Ольга обѣщала выполнить ея послѣднюю волю.

— Вотъ -- сказала мнѣ Ольга подавая письмо разгадка тайны иъкогда возбудившей твои ревнивыя подозрѣнія.

Письмо Александрины.

«Еще день, и меня не будетъ — я это чувствую, и благодарю Бога дозволившаго мнѣ сознать приближеніе урочнаго часа. Въ концѣ пути своего, человѣку должно выполнить послѣднія обязанности въ отношеніи своихъ спутниковъ. Скоро все земное будущее закроется для бѣдной Александрины. Но на мнѣ лежитъ еще одинъ долгъ его наложилъ на меня при святомъ крещеніи во имя Того, кто первой указалъ намъ про-

Алекс.

щеніе врагамъ, — любовь за ненависть, и кроткое снисхожденіе къ грѣхамъ ближняго.

«Смирясь предъ волею Всевышняго, я безропотномъ покидаю все что было дорого сердцу: онъ послалъ мнѣ васъ, милые! — онъ же властенъ отозвать душу отъ роскошнаго мира жизни! Васъ — оставляю я чистыми передъ людьми и передъ совѣстію, слѣдственно счастливыми; но убійцѣ своему я оставляю ужасное наследство, — онъ достоинъ состраданія, и я — жертва его пагубной власти, блѣднѣю отъ одной мысли объ его нравственной казни. Горячія молитвы возсылаю я къ небу объ его помилованіи — по чувству человечества, скорбною сердцемъ о несчастливцѣ. Можетъ быть это была сильная душа, нѣкогда доступная чувствамъ высокимъ; но тлетворное дыханіе свѣта навѣяло на нее губительный вихрь, подъ вліяніемъ котораго она заглохла, погреблась какъ живая Помпея подъ пламеннымъ изверженіемъ Везувія. Въ порывѣ безумной, бѣшеной страсти онъ убилъ меня: — Богъ ему судія, а не мы, такіе же грѣшныя, несовершенныя люди. Многое онъ отнял у меня — много, очень много, — цѣлое будущее молодой жизни, и райской любви!... но могу ли роптать? Да проститъ его Господь, какъ я его прошаяю.

«Покажи ему это письмо, Ольга, когда наступитъ срокъ его земной жизни и совѣсть жалобно заявитъ о прощеніи. До этого срока пройдутъ годы; нужно много слезъ, чтобы смыть пятно преступленія, много пламенныхъ молитвъ, чтобы въ горнилѣ раскаянія переплавать и очистить душу!

«Черезъ три года, Ольга, многое измѣнится вокругъ тебя и въ тебѣ самой; ты нехотя приобрѣтешь много опытности, не всегда радостной, ты утратишь часть своихъ младенческихъ призраковъ и прозришь для новыхъ, дотолѣ незримыхъ; изъ рѣзваго беззаботнаго дитяти ты преобразишься въ любящую дѣвушку. . . . какъ будетъ биться твое сердце при одномъ имени милаго! какъ все твое будущее сольется въ одномъ краткомъ, но безконечномъ въ своемъ значеніи, словѣ: «люблю!» тогда, милая Ольга, пусть твое любящее сердце откроется и для кроткой жалости: въ упоеніи блаженства не возгордись, вспомни, что не всѣмъ Богъ посылаетъ счастье и что сострадательный взоръ участія, часто бываетъ послѣднимъ якоремъ спасеніемъ для отчаянія. Тогда, если онъ обратится къ тебѣ, не отвергай его, заклинаю тебя именемъ дружбы! Забудь въ немъ врага—губителя бѣдной жертвы, вспомни, что онъ самъ былъ жертвою опаснѣйшаго врага,—порочной страсти! Пожалѣй о немъ, поплачь сердцемъ надъ развалинами его будущаго и подай ему руку, на которую бы онъ могъ опереться на трудномъ пути къ спасенію. Говори съ нимъ обо мнѣ, не бойся этими воспоминаніями растравить его раны; для того чтобы выкупить долгъ—не должно забывать его, а для него тогда близокъ будетъ срокъ. Не оставляй его и въ послѣднія минуты:—тогда ты скажешь ему отъ меня слово мира и прошенія, скажешь, что духъ умершей Александрины не предстанетъ тамъ грознымъ обвинителемъ, но смиренно будетъ молиться съ нимъ, и за него, какъ за брата, утратившаго спасительную нить на трудномъ извилистомъ пути жизни. Отпусти

+

и ты ему тогда, то въ чемъ нѣкогда укоряло его твое сердце, ты выполнишь тѣмъ послѣднюю волю умирающей, любимшей тебя сестры.»

Прочитавъ это письмо, я понялъ совершенно отношенія Ольги къ Станову, которыя прежде казались мнѣ непонятными.

Чудный рассказъ Ольги произвелъ сильное дѣйствіе на слушавшихъ, мы всѣ отъ души полюбили и оплакали великодушную страдалицу, убитую борьбою сильнаго чувства съ непостижимымъ таинственнымъ вліяніемъ. Твердость ея духа изумляла насъ, возвышая идею о челоуѣчествѣ. Казалось земля должна была гордиться, что нѣкогда служила родиною этому чистому ангелу! Странныя проявленія магнетизма служили обширою темою для нашихъ разговоровъ. Вліяніе и злоупотребленіе магнетизма было не сомнѣнно, но когда началось оно? и какииъ образомъ успѣлъ Становъ подѣйствовать на бѣдную дѣвушку? Первую перемѣну замѣтила въ ней няня скоро послѣ пріѣзда Станова; а тогда они были въ самыхъ далекихъ отношеніяхъ, часто даже онъ не видалъ ее по цѣлымъ днямъ, тогда какъ судя по послѣдствію, Александрина была уже покорена его вліянію! все это были загадки, которыя въ рассказѣ Ольги не въ силахъ были разрѣшить. Таинственность необыкновеннаго случая сильно плѣняла воображеніе, мы измучили Ольгу вопросами, коихъ содержаніе легко угадать.*

Наконецъ Юлія вспомнила о старой нянѣ и спросила у Ольги, что сдѣлалось съ бѣдной старухой когда умерла ея барышня?

— Она какъ то вырвалась изъ своего заключенія и

увидѣла Александрина лежашую на столѣ въ полномъ нарядѣ невѣсты. «А!—закричала безумная,—такъ сатанинское навожденіе уничтожено, и наша невѣста снаряжена къ вѣнцу!»

Послѣ этого ничто не могло ее разувѣрить, что жена князя была не Александрина; Вѣрочку она по прежнему называла барышнею, полагая, что она живетъ у Александрины; припадки бѣшеннаго безумія прошли, но эта странная мономанія укоренилась въ ней съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Когда вскорѣ послѣ свадьбы князь вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, Свирскіе взяли къ себѣ Терентьевну; княгиня Вѣра ухаживала за ней съ такою же нѣжною заботливостію, какую имѣла къ ней Александрина; Терентьевна черезъ Вѣрочку надѣялась вымолить прощеніе у княгини Александры Петровны, которая, по ея словамъ прогнѣвалась за то, что она не пришла ее убирать къ вѣнцу, и за то не пускаетъ къ себѣ на глаза. Когда же у Свирскихъ родилась дочь, Терентьевна будто ожила новой надеждой.

— Вотъ, дастъ Богъ, выхожу княжну — говорила она утирая радостныя слѣзы, авось ея сіятельство смиляется, проститъ меня, старую дуру, и удостоитъ узрѣть ея свѣтлыя очи; а ужъ вы, матушка Вѣра Александровна, попросите за меня княгиню, а я за васъ и на этомъ и на томъ свѣтѣ буду Бога молить.

Счастлива ли была Вѣра въ своемъ супружествѣ? — спросили мы у Ольги.

— Не знаю — отвѣчала она — сначала князь до того былъ убитъ горемъ, что бѣдная Вѣрочка изстра-

далась, глядя на печальное состояніе мужа; и для нее также потеря Александрины была тяжкимъ испытаніемъ: но время, говорятъ, лучшей врачъ душевныхъ недуговъ. Последнія письма Вѣры не носятъ уже отпечатка прежняго унылаго расположенія духа. Кажется къ ней возвратилась утраченная игривость характера, что и заставляетъ меня надѣяться, что предсказаніе Александрины сбылось.

Наканунѣ моей свадьбы, въ разговорѣ объ Александринѣ и о содержаніи ея письма, насъ поразили намекъ на смерть Станова въ одно время съ предсказаніемъ о замужествѣ Ольги.

— Эта мысль, сказала Ольга, поразила меня въ памятной вечеръ бала, когда тебѣ такъ не встало въ голову приревновать меня къ Станову. Ты говорилъ мнѣ о любви, сердце забилось вмѣсто отвѣта и въ эту самую минуту мрачное лице Станова явилось передо мною... Я вспомнила предсказаніе Александрины, я привыкла вѣрить во все что говорила незабвенная . . . и мнѣ представилось, что каждое слово любви между нами — кровавый приговоръ смерти для человѣка.

— Но для такого человѣка какъ Становъ, можетъ быть смерть была бы благодѣліемъ — замѣтила Юлія.

Въ это время послышался звонъ колокольчика; минутой спустя доложили о Становѣ. Въ тогдашнемъ расположеніи нашихъ мыслей насъ изумилъ и испугалъ пріездъ Станова.

— Завтра свадьба Ольги — шепнула Юлія.

Вошелъ Становъ и сталъ извиняться въ томъ, что не былъ раньше съ поздравленіемъ.

— Я былъ болѣе—прибавилъ онъ, а теперь—пріѣхавъ проститься. . . . .

Невольный трепетъ пробѣжалъ у всѣхъ по жиламъ отъ одного этого слова. Ольга пристально взглянула на Станова, какъ будто пытаясь прочесть на лицѣ его смыслъ недоконченной фразы.

— Развѣ онъ также знаетъ предсказаніе? спросила въ полголоса Надина. Мы всѣ были въ недоумѣніи, готовый вопросъ замиралъ на устахъ Ольги. Чтобы скрыть свое смущеніе, она поспѣшила представить меня Григорью Дмитриевичу. Я воспользовался случаемъ скорѣе разрѣшить недоумѣніе, изъявивъ Станову сожалѣніе о томъ, что наше знакомство начинается только тогда когда онъ повидимому собирается оставить Петербургъ.

— Куда же вы ѣдете?—спросила Ольга.

— Въ деревню князя Павла Свирскаго.

Ольга вздрогнула.

— Въ такую даль — замѣтила она, передъ концомъ зимы! да васъ распутница заставитъ въ дорогѣ.

— Мнѣ нужно видѣться съ визземъ, откладывать же я не охотникъ. Не имѣете-ли какихъ порученій къ тѣтушкѣ или къ кузинамъ?

И Становъ всталъ, готовясь раскланяться.

Ольга пригласила его въ другую комнату, чтобы изустно передать ему нѣкоторыя порученія, какъ она говорила.

— George, George—сказала мнѣ Надина,—и ты позволяешь своей невѣстѣ говорить на единѣ съ этимъ?

ужаснымъ человекомъ. Если онъ и ее заколдуетъ какъ бѣдную Александрина!

Признаться ли въ моей слабости? я почти раздѣляю суевѣрный страхъ Надшны.

— Она должна исмолиить долгъ! — тихо прибавила Юлія, и мы всѣ трое погрузились въ торжественное молчаніе, поджидая возвращенія Ольги.

Вотъ подробности ея свиданія съ Становымъ слышанныя отъ нее самой.

— Вы отправаляетесь, Григорій Дмитріевичъ, — и ѣдете къ князю! за чѣмъ?

Становъ молчалъ.

— Мой вопросъ показался вамъ нескромнымъ? извините, ... но право, не пустое любопытство внушило мнѣ его.

Становъ поблагодарилъ ее взоромъ, но не сказалъ ни слова. Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Неужели вы хотите сказать ему *все*? сирочма Ольга съ увеличивающимся безпокойствомъ, пораженная болѣзненнымъ выраженіемъ лица Станова. Онъ крѣпко прижалъ руку къ сердцу, казалось каждый вздохъ его былъ томительною, ужасною пыткой. Нѣсколько минутъ еще онъ не былъ въ состояніи промолвить ни одного слова, однако же удержалъ Ольгу когда она хотѣла бѣжать за пособіемъ.

— Теперь прошло, — сказалъ онъ наконецъ, выходя изъ своего судорожнаго оцѣпененія, — и я готовъ отвѣчать вамъ, Ольга Дмитріевна.

— Но можетъ быть это еще болѣе разстроитъ васъ? . . .

Становъ горько улыбулся.

— Странанія тѣла—самыя спокойныя, завидныя минуты въ моей жизни, — сказалъ онъ, и унылый взоръ его подтверждаалъ мрачную истину.

— Зачѣмъ же вы ѣдете къ князю?

— Неумолимая совѣсть зоветъ на судъ, мужество воли разсыало наконецъ низкую робость преступника, и я иду — куда зоветъ совѣсть.

— Но обдумали ли вы послѣдствія? . . . . .

— Для меня уже ничто не можетъ имѣть послѣдствій, всё совершилось, даже заслуженная казнь. . . . .
Остался только духъ, невѣдающій покоя, я готовъ сказать цѣлому міру о моемъ преступленіи! что мнѣ судъ свѣта? что мнѣ страхъ законовъ, когда для души уже началась заживо страшная вѣчность. . . Я не зналъ жалости когда во мнѣ бушевала страсть; я отвергъ ея мольбы, ваши мольбы, добрая Ольга; я демонскимъ смѣхомъ осмѣялъ ваши угрозы. . . . .

Внутреннее движеніе будто задушило Станова, багровыя пятна показались на блѣдномъ лицѣ его.

— Успокойтесь — сказала растроганная Ольга, — придите въ себя и можете быть я найду средство уурачевать вашу глубокую рану.

— Ваше состраданіе давно уже сдѣлалось моей единственною отрадой, тѣмъ болѣе, что отъ васъ менѣе нежели отъ кого либо я могъ ожидать его.

— А если я только выполняю волю *другой*?

— Что хотите вы сказать, кто же эта другая? и Становъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ своего собственнаго вопроса.

— *Она!* тихо, торжественно проговорила Ольга и въ то же время хотѣла передать ему письмо, но Становъ немогъ ее дослушать, онъ упалъ безъ чувствъ къ ея ногамъ.

Когда онъ пришелъ въ себя, Ольга прочтала ему нисьмо, къ которому онъ, какъ къ святынь, не осмѣлился прикоснуться. Что почувствовалъ онъ слушая, эти вроткія строки! слова мертвы для изображенія подобныхъ минутъ.

Темной намекъ о смерти не ужаснулъ Станова: напротивъ, онъ, казалось, оживился послѣднею надеждой.

— Вы видите - сказалъ онъ прощаясь съ Ольгой — что я былъ правъ, желая видѣться съ княземъ, можетъ быть близокъ срокъ, а бѣдный Поль еще и до сихъ поръ вѣритъ въ мою прежнюю, безкорыстную дружбу. Надобно снять маску прежде нежели лечь въ могилу.....

Такъ они расстались.

VIII.

С В И Д А Н І Е.

=

Кипитъ народомъ Невской проспектъ, богачи щеголюють упряжью, пѣшеходы скользятъ между экипажами; но всѣ, и конные и пѣшіе, богатые и бѣдные, куда то спѣшатъ, будто на званый пиръ къ срочному часу. Щеголь въ серебряномъ бобровомъ воротникѣ, бѣдный вавька, у котораго все имущество едва ли стоитъ десять цѣлковыхъ; знатная барыня въ собольемъ плащѣ и охлянка въ коротенькой шубенкѣ, — всѣ торопятся, всѣ спѣшатъ. Куда? Безвременье—общая болѣзнь итербургскихъ жителей; отъ нея какъ въ Италіи отъ тарантеллы люди кружатся съ необыкновенною скоростью, пока не закружатся до смерти, или не выкружатъ вѣстечка, денегъ, чего нибудь...

Была масляница, а въ продолженіи этой недѣли народу еще больше на Невскомъ: масляница и русскій блинъ уравниваютъ на недѣлю всѣ состоянія и приводятъ въ общее движеніе, разнообразныя толпы, немѣющія между собою ничего общаго. Воскресенье, первый день масляницы, служитъ какъ бы распутиемъ для начала удовольствій на всѣ остальные дни, а Невской проспектъ въ той же мѣрѣ, распутие почти для цѣлаго Петербурга. Кипитъ народомъ Невской проспектъ и звонъ утреннихъ колоколовъ весело слышится съ гуломъ толпы.

Среди этого общаго движенія, дорожный четверомѣстный возокъ съ трудомъ протѣснулся между нарядными городскими экипажами и остановился у гостиницы Энгельгардта. Вышелъ молодой человекъ и, осмотрѣвъ предложенный ему номеръ, подавъ руку хорошенькой блондянкѣ, ожидавшей его въ экипажѣ.

— Тише мой другъ, сказала она ему, осторожно выходя изъ кареты. Саша заснула у меня на рукахъ, мнѣ жаль тревожить ее!

И съ заботливостію, доступной только сердцу матери, молодая женщина внесла на лѣстницу свое дитя, не разбудивъ его. Спутникъ глядѣлъ на нее съ невыразимымъ чувствомъ нѣжности и радостно улыбался.

Уложивъ бдительно малютку, пріѣзжій переодѣлся, простился съ подругой и уѣхалъ. Проводивъ его, взоры молодой женщины еще съ минуту слѣдили за нимъ съ любовью.

То была княгиня Вѣра Свирская. Сомнительный оборотъ довольно значительнаго процесса неожиданно

вызвалъ князя изъ деревни. Разлука съ женою показала-
лась ему такъ страшна, что онъ готовъ былъ многимъ
пожертвовать лишь бы не лишиться ея милого при-
сутствія, но она, понадѣявшись на здоровое сложеніе
своей маленькой Александрины, объявила, что и онъ го-
товъ помогать ему хлопотать о дѣлѣ.

— Къ тому же, прибавила она, я очень рада случаю
побывать въ Петербургѣ, увидѣться съ Ольгой Долин-
ской, можетъ быть и потанцовать на ея свадьбѣ.

Теперь она ожидала вѣсти объ Ольгѣ, и ея по-
сщенія, но сиде съ большимъ нетерпѣніемъ ожидала
она возвращенія мужа, котораго, послѣ трехъ лѣтъ за-
мужества, она любила со всеѣмъ пламеннымъ одушевле-
ніемъ первыхъ дней любви. Для нихъ медовый мѣсяцъ,
дни счастья—начались поздне чѣмъ для всеѣхъ другихъ
супруговъ; но за то, этотъ поздній медовой мѣсяцъ былъ
долговѣчнѣе, а счастье молодыхъ Свирскихъ, полнѣе!
Много томительныхъ дней пережила Вѣра, когда всего
пламени ея юнаго сердца недоставало, чтобы осушить
источникъ горькихъ слезъ, капля за каплей точившій ядъ
на душу бѣднаго страдальца. Эта душа была могилою
свѣжаго воспоминанія, тамъ еще не было мѣста для но-
вой любви. Долго бѣдная женщина прозябала въ цвѣтѣ
молодой красоты своей, питая сердце только скуднымъ
подаваніемъ благодарности. Но, ни словомъ, ни вздохомъ
ни даже взоромъ кроткаго упрека не возроптала она на
судьбу свою. Князь, несмотря на все свои усилія, могъ
думать, говорить только объ утраченной Александринѣ;
но когда онъ молчалъ, изъ боязни оскорбить сердце Вѣ-
ры, она сама заводила рѣчь о любимомъ предметѣ и ка-

залось онъ занимать ее столько же сколько и князя, до такой степени она умѣла пересоздать свою душу, чтобы жить однимъ чувствомъ съ милымъ. Истинная любовь въ женщинѣ—это гений со всей его творческой силой: она какъ ясновидящая, умѣетъ разгадать сокровенный бытъ любимаго человека, она говоритъ его душѣ звуками понятными, будто отъ рожденія привычнымъ языкомъ. Женщина, съ талисманомъ любви въ сердцѣ— можетъ сдѣлаться всѣмъ, чѣмъ нужно для счастья или для прихоти любимаго; ей все доступно. Она поэтъ— потому что нѣтъ такой бѣдственной доли, которую бы она неумѣла озарить утѣшительной призмой, нѣтъ сокровищъ, нѣтъ наслажденій, отъ которыхъ бы ея любовь не умѣла отказаться для любимаго человека. Она художникъ— великій художникъ, потому что ни Рафаэлю, ни Микель Анджело не воссоздать бы образа ея милаго такъ совершенно, какъ онъ существуетъ въ ея сердцѣ! Она герой— когда нужно побѣдить враждебныя чувства эгоизма, женской робости, или разрушить высшія преграды, или даже разбить собственное сердце въ пользу милаго! Она законодатель— потому что и въ любви есть законы и объ этихъ законахъ дечется болѣе женщина чѣмъ мужчина въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ. Наконецъ— она труженикъ, потому что когда женщина любитъ, когда ея любовь стоитъ этого имени, такая любовь есть мученическій трудъ, мартъдака только, въ половину отънесенный мужчиной, но никогда не понятый вполне!

Княгиня Вѣра пережила всѣ фазы женской любви и самоотверженія, и съ каждымъ новымъ подвигомъ сердца, все болѣе и болѣе привязывалась къ тому для

кого жило и отрадало это сердце. Наконец, ей удалось выкупить душу, которую воспоминанія приковывали къ прошлому, и благодарная душа, вырвавшись изъ противу-естественнаго плѣна, отдалась ей, и съ той поры они дружно и радостно пошли рука объ руку на встрѣчу къ будущему. Рожденіе дочери довершило нравственное издѣленіе князя Свирскаго. По странной ли игрѣ природы, или въ слѣдствіе сильнаго вліянія думы на молодую мать во время ея беременности, трудно рѣшить, — только маленькая Александрина очень была похожа на умершую свою тетку.

— Посмотри, это ея живой образъ, говорила Вѣра своему мужу съ радостными слезами на очахъ.

— Да! отвѣчалъ онъ наклонившись съ любовью надъ младенцомъ, но постарайся передать ей свою душу — отъ этого духовнаго сходства она мнѣ будетъ еще милѣе.

Князь говорилъ какъ чувствовалъ, а Вѣра улыбалась хорошо читать въ его сердцѣ. Она повѣрила — и съ этого дня взойшла для нее новая заря, предвѣстница счастья.

За то и любила она свою Александрину! малютка была такъ чудно хороша, она была дочь обожаемаго отца, и первымъ залогомъ чувства, пострадавшаго Вѣрой послѣ долгихъ испытаний! Драгоценный залогъ!

Въ то самое время когда молодая княгиня Свирская съ радостію въ сердцѣ ожидала водругу своего дѣтства, въ томъ же домѣ, можетъ быть, за двумя, тремя стѣнами, разыгрывалось послѣднее дѣйствіе драмы жизни для человека, котораго гордый умъ пытался нѣкогда воздвигнуть свое будущее на зыбкомъ основаніи чело-

вѣческой прихоти: Становъ лежалъ на смертномъ одрѣ въ одномъ изъ номеровъ гостиницы Энгельгардта, по сосѣдству съ комнатами, занимаемыми Свирскими.

Послѣ разговора съ Ольгою, онъ немедленно выѣхалъ изъ Петербурга, не смотря на разстройство своего здоровья, и можетъ быть, потому именно онъ еще ускорилъ свой отъездъ. Но онъ не былъ въ состояннн отъѣхать дагге трехъ станцій; люди, бывшіе съ нимъ привезли его обратно въ Петербургъ, и такъ какъ уѣзжая онъ не оставилъ за собою прежней квартиры, его помѣстили у Энгельгардта. Приванный докторъ доставилъ ему нѣкоторое облегченіе, но въ тоже время не могъ скрыть отъ его проникательности неминуемаго, близкаго конца его болѣзни. Становъ давно уже страдалъ ужаснымъ приливомъ крови въ сердцу. Состояніе болѣзненнаго отъпентія во время послѣдняго разговора съ Ольгой было уже явнымъ признакомъ послѣдняго періода аневризма; съ этого самаго дня страшная болѣзнь шла исполнитскими шагами впередъ. На другой день по возвращеніи его въ Петербургъ докторъ не могъ уже отвѣчать за одни сутки жизни.

Становъ не вздрогнулъ при мысли о смерти, но казалось, ему больно было оставить землю не примирившись со всѣми кого онъ такъ жестоко оскорбилъ; тревожныя думы бурей нахлынули на его воображеніе, и еще сильнѣе потрясли весь составъ его. Опасность часъ отъ часу усиливалась. Становъ вспомнилъ послѣднія слова письма незабвенной Александрины, — подумалъ объ Ольгѣ, и на одно мгновеніе, -- отрада закралась въ его страдающую душу.

— Ольга теперь въ объятіяхъ мужа и въ веселомъ кругу своего новаго семейства, ей не до меня, подумалъ больной, и при этой мысли нѣтъ снова овладѣло мрачное отчаяніе. Сильнѣе и сильнѣе прилиwała кровь къ сердцу, неодолимаѣ тоска мутила все въ глазахъ его... съ судорожнымъ усиленіемъ онъ вскочилъ съ постели, и трепетной рукой написалъ нѣсколько строкъ.

— Скорѣе къ Долинскимъ; сказалъ онъ своему челоуѣку, отдать эту записку Ольгѣ Дмитріевнѣ, ... отцу ея... мужу... кому нибудь... но ради Бога, скорѣе!..

Въ ожиданіи возвращенія своего посланнаго, Становъ будто ожилъ, но это минутное оживленіе было не на радость ему: упорная память удерживала его мысли только на ужасныхъ картинахъ, забывшая всѣ прочія воспоминанія печальнымъ покрываломъ забвенія. Казалось вся прежняя жизнь Станова разбилась какъ свѣтлый хрустальный сосудъ, и вся сладость жизненной влаги утратилась, тогда какъ осадокъ горечи остался весь на днѣ разбитаго сосуда, и капля по каплѣ, онъ долженъ осушить ее до дна.

Къ ужасу тягостныхъ воспоминаній прибавлялось печальное сомнѣніе. Становъ боялся не дожить до свиданія съ Ольгой...

Между тѣмъ Ольга, обрадованная вѣстью о неожиданномъ прибытіи Вѣры, посѣшила представить меня своей бывшей подругѣ. Мы вмѣстѣ съ княземъ и Дмитріемъ Петровичемъ отправились въ домъ Энгельгардта. Услышавъ еще на лѣстницѣ веселый говоръ Ольги, княгиня сама растворила намъ дверь, но въ то время когда онѣ готовы были броситься другъ другу на шею, ме-

жаду мне стоять человек и подать записку моей жене, съ отчаянной просьбой; («воспѣивить; ради Бога!»)

Ольга поблѣднѣла; молча, воспѣивно, передала мнѣ записку.

— Гдѣ онъ? спросила она у посланнаго, я готова ѣхать.

— Ѣхать не нужно, судариня, баринъ здѣсь, но кажется... его послѣдній часъ пришелъ!

Ольга схватила меня за руку, мы вмѣстѣ вошли въ комнату больного.

Свирскихъ не мало удивилъ нашъ внезапный уходъ, а тесть мой также не могъ объяснить этой загадки. Но когда князь узналъ отъ коридорника что соседній номеръ занятъ съ вечера прѣзжимъ, опасно больнымъ, когда ему назвали жильца этого номера, онъ бросился въ слѣдъ за нами.

Все было тихо въ комнатѣ страдальца: блѣдный, недвижный, онъ лежалъ на диванѣ, докторъ стоялъ у изголовья, и съ выразительнымъ безновоемствомъ пульсаль пульсъ.

Ольга тихо подошла къ дивану. Становъ не видалъ и не слышалъ ея приближенія, предсмертная тоска уже притупила его чувства, только одни глаза сохраняли еще слабый остатокъ того огня, который въ молодости не потушается до послѣдней минуты жизни.

— Неужели мы приняли слишкомъ поздно? спросила жена моя у доктора.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я надѣюсь еще на одни сутки, теперь онъ успокоился, смерть еще не такъ близка, какъ я думалъ сегодня утромъ.

Съ непритворнымъ участіемъ мы окружили больного. Моя добрая Ольга внутренно молилась, и потому не замѣтила присутствія князя, а я, въ эту минуту, не подумалъ объ сильномъ дѣйствіи какое могло произвести на умирающаго внезапное появленіе оскорбленнаго друга. Однѣмъ женщинамъ дано присутствіе духа, съ помощію котораго онѣ умѣютъ все предугадать, даже въ подобныя, рѣшительныя минуты. И такъ, князь Свирскій стоялъ прямо напротивъ больного, облокотившись на окранный дивана. Болѣзненно свергающіе глаза Станова вдругъ остановились: онъ увидѣлъ своего прежняго товарища, онъ узналъ его... и кровь багровыми пятнами прихлынула снова къ помертвѣлымъ щекамъ, внутреннее чувство вдругъ оживило цѣлѣвшее тѣло; будто подъ ударомъ гальванизма, полумертвый поднялся на ноги и силою всего своего тѣла сдвинулъ подвижные колеса дивана, какъ бы жедая укрытос отъ ужасающаго его образа.

Но князь Свирскій, не понимая въ чемъ дѣло, не угадалъ впечатлѣнія произведеннаго имъ на больного. Онъ приписалъ его судорожное движеніе усиливающемуся страданію и поспѣшилъ къ нему на помощь. Становъ сдѣлалъ на диванѣ и дико озирался кругомъ.

— Не подходн, сказалъ онъ князю, который съ теплымъ чувствомъ цѣлѣвшейся дружбы бросился обнимать его.

— Григорій!... другъ,... братъ!... говорить князь прерывающимся отъ рыданія голосомъ.

— Не братъ, не другъ!... а измѣнникъ, на которомъ лежитъ проклятіе Іуды! Не подходн, говорю

я тебя! и Становъ въ порывѣ безумія оттолкнулъ друга.

Онъ въ бреду, сказалъ князь, вѣсте онъ бы не сталъ упрекать меня въ какой-то измѣнѣ! меня — своего лучшаго друга!

Нельзя было слышать безъ удивленія какъ этотъ благородный человекъ обращалъ на себя само-обвиненіе друга, такъ далеко онъ былъ отъ всякаго подозрѣнія, невыгоднаго для другаго.

Ольга взяла за руку князя и отвела его въ сторону. Въ комнатѣ водворилось молчаніе, больной но видимо успокоился, потомъ узналъ меня, позвалъ къ себѣ, и спросилъ о женѣ моей.

— Она здѣсь, отвѣчалъ я; — Ольга подошла къ нему, онъ зарыдалъ когда она протянула ему руку.

— У меня еще есть слезы на благодарность, есть чувство благоговѣнія къ ангелу! сказалъ онъ ей, я не думалъ чтобы у меня осталось еще такое сокровище жизни! Такъ вы пришли, добрая Ольга, пришли... выполняя волю неземной... ваше присутствіе въ эту страшную минуту, вотъ мѣсть, достойная Александрины!

Она молилась о васъ тамъ; молитесь вѣстѣ съ нею... со мною!

Мнѣ страшно молиться... слезы убійцы — кровавыя слезы! самое милосердіе небесъ отвергнетъ нечистую дань!...

— Молитесь! повторила Ольга преломивъ колѣна у изголовья больного. Онъ смотрѣлъ съ несказаннымъ удивленіемъ на молящуюся, на минуту, онъ казалось за-

былъ свои тѣлесныя страданія воскресая духомъ для отраднaго упованiя; но вдругъ, мрачная дума снова легла тучею на чело, лице больного страшно искажилось, ледяной рукой своей онъ схватилъ руку Ольги.

Послушайте, сказалъ онъ: сейчасъ передъ вашимъ приходомъ, я умиралъ, я чувствовалъ, какъ у меня кровь постепенно остывала въ жилахъ, холоднымъ туманомъ покрывшеся очи, дума шептала въ головѣ, воображенiе замерло передъ ужасною действительностью... да! я умиралъ... но вдругъ, явился онъ... могущественный духъ оскорбленнаго друга... онъ сталъ между мною и ею, и преградилъ мнѣ дорогу къ смерти! Онъ не обнималъ меня — это было бы лишь слабое повторенiе того что такъ неуважительно постеряеть моя собственная совесть; не грознымъ судiей явился онъ мнѣ, нѣтъ! — потому что готовая предстать жуда, я уже видѣлъ предѣловъ суда земнаго! но онъ былъ здѣсь, и метилъ мнѣ жестоко, истязалъ невыносимо! Онъ называлъ меня другомъ, братомъ... онъ по прежнему готовъ былъ протянуть мнѣ руку и съ убiйственною доврченностью бросился бы въ мои объятiя, если бы я не воскресъ чтобы оттолкнуть его... Онъ!... въ моихъ объятiяхъ! подумайте, какая горькая, какая злая насмѣшка!...

Судорожный хохотъ прервалъ слова больного, послѣднiя слова его утвердили князя Свирскаго въ предположенiи, что несчастный другъ его передъ смертью лишился разсудка. Повинуясь послѣдней волѣ Александрины, Ольга скрыла отъ него всѣ известныя ей подробности непостижимой тайны, а княгиня Вѣра, опа-

самъ кровавыхъ послѣдствій, еще тщательнѣе скрывала отъ мужа темныя подозрѣнія, которыя носила на ней слова сумасшедшей няни. Сначала князь удивлялся молчанію Станова на его письма, потомъ пересталъ писать къ нему, не переставая однакоже любить и уважать по прежнему. И вотъ теперь они снова сблизилась, ихъ связь слѣпой случай; но какая ужасная противоположность между ними! князю Свирскому было двадцать восемь лѣтъ, онъ былъ не дурношъ собою, но фizioномія его была чрезвычайно пріятна, а кроткая задумчивость, слѣды его винувшихъ страданій, придавала особенную прелесть его открытому, благородному лицу. Спокойная совѣсть, и чувство непритумленной ничѣмъ любви къ ближнему, просвѣчивались въ ясныхъ взорахъ его небольшихъ карихъ глазъ, пѣтушье здоровье обвѣщало долговѣчность, тогда какъ Становъ, видимо стоялъ уже одной ногой въ готовой могилѣ; болязнь согнула до старости его высокій величавый станъ. Глаза отъ природы большіе, казались гигантскаго размѣра на похудѣломъ оставѣ лица, никогда чудно прекраснаго. Черный гагачь зрачковъ страшно отдѣлялся отъ блѣдно желтой, сухой, будто мраморной кожи, глаза горѣли еще, но тускло, но мрачно, словно погребальные свѣточки надъ развалиной собственнаго бытія! а этому человѣку было только тридцать лѣтъ?...

При взглядѣ на двухъ товарищей, невольно можно было усомниться въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и спросить себя: «кто изъ этихъ двухъ могъ оскорбить другаго?»

Никогда не видалъ я такой поразительной картины

брежности человеческой жизни, и суеты всѣхъ страстей, стремлений, помысловъ людскихъ! Изъ чего бьется мы, бѣдные, глиняные атомы? — Прикрывая эту глину блестящею гранью хрустала, раскрашивая ее болѣе или менѣе прекрасными цвѣтами, мы только создаемъ себѣ счастье столько же хрупкое и непрочное какъ мы сами; что же — если на эти недолговѣчные цвѣты падеть слеза, или капля крови ближняго?... Мигъ одинъ — и мы разбиты, и некому омытъ ни слезы ни кровинки: погибая мы увлекаемъ за собою другія развалины и тяжкимъ грузомъ онѣ падаютъ на нашу вѣчность!...

. Благодушный сонъ овладѣлъ большимъ послѣ сильной тревоги. Когда пробудился, онъ бѣжалъ въ полной памяти, и поспѣвалъ выдѣтъ князя — объясниться съ нимъ. Мы съ женою хотѣли выдѣтъ чтобы избавить еѣ отъ лишнихъ свидѣтелей, но онъ съ трепетомъ ухватился за руку Ольги, а меня удержалъ взоромъ.

— Не уходите, ради Бога, не уходите; сказалъ онъ Ольга. *Ей* обѣщали вы не оставлять меня до послѣдней минуты, вамъ не долго ждать.

Его схватило жестокое удушье, докторъ подалъ ему ложку успокоительнаго лѣкарства и вышелъ изъ комнаты, поспѣвавъ мигъ что ему здѣсь больше нечего дѣлать и что время послать за священникомъ: что я и сдѣлалъ немедленно.

Страдалецъ сдѣлалъ усиліе приподнялся, и облокотясь на спинку дивана подозвалъ къ себѣ князя.

— Счастливъ ли ты? былъ его первый вопросъ.

— Время ли теперь думать о счастьѣ другихъ, тебѣ

надобно успокоиться, мой другъ, отвѣчала князь прижимая въ сердцу колодезную руку Станова.

— Счастливы ли ты? потерпѣлъ больно съ повелительною настоячивостію человека который знаетъ что минуты его сочтены.

— За сколько часовъ я бы назвалъ себя совершенно счастливымъ, но теперь, при видѣ твоихъ страданій можетъ ли не болѣть дружеское сердце?

— Ты счастливъ — и безъ насъ? — Александрина тамъ, — ты здѣсь — и душа твоя не рвется отъ міра.. къ ней, на вѣчное свиданіе!

— Другъ мой — я мужъ — я отецъ! После утраты моей прошлыя годы. Прошлое, не забыто мною, но мое настоящее прекрасно, я люблю его... и счастливъ любовью моей вѣры, улыбкой моего младенца.

Стѣновъ поглядѣлъ на него съ недоувѣрностію и сказалъ въ волголова обратясь къ Ольгѣ:

— Развѣ можно, потерявъ ее, не утратить счастья?

— Время — отвѣчала Ольга, всемогущій врачъ; — оно дѣлаетъ чудныя изцѣленія.

— Стало быть, для меня, въ эти три года, не только время: тогда, и теперь все тоже грусть, тоже отчаяніе — тоже предсмертная тоска въ душѣ. Да! уже три года я умираю медленною смертію. Теперь только — конечное разрушеніе тела! Пора, прибавилъ онъ, пора окончить послѣдніе расчеты съ жизнью.

Онъ пожелалъ совершить послѣдній долгъ христіанина, духовный отецъ былъ готовъ, умирающій принималъ его съ трепетомъ искренняго покаянія; потомъ велѣлъ пригласить насъ всѣхъ на послѣднее прощанье.

Когда мы вошли, онъ стоялъ опершись на спинку большихъ кресель, въ руцѣ его былъ свитокъ бумаги.

— Подожди, сказалъ онъ обращаясь къ князю: тихиѣ, но еще довольно твердымъ голосомъ, узнай, кого еще не давно ты называлъ другомъ, и тогда скажи рѣши, — можешь ли ты простить — убійцу Александрины!

Князь вздрогнулъ отъ неожиданнаго признанія, вошедшая съ нимъ жена его невольно вскрикнула.

Становъ лежалъ распростертый у ногъ своего друга,

— Прощеня! простоналъ онъ когда его подняли. Голосъ мольбы его раздиралъ душу, но князь стоялъ безмолвный и неподвижный какъ будто страшное признаніе превратило его въ камень. Слова вымолвленные Становымъ, не походили на бредъ, а въ такую минуту никакая ложь не могла занять уста готовыхъ навсегда замолкнуть. Не понимая настоящаго значенія этихъ словъ, князь однакоже повѣрилъ имъ, предавшись бессознательному убѣжденію.

— Она простила его, сказала Ольга, а я, прибавила она торжественно обращаясь къ Станову, прощаю васъ за всѣхъ любившихъ Александрину, — прощаю — въ силу ея послѣдней воли! и Ольга подвела къ нему пораженнаго изумленіемъ князя Свирскаго. Къ нему обратилъ Становъ потухающій взоръ свой, съ отчаянной мольбой...

— Я не понимаю его признанія, сказалъ князь прерывающимся голосомъ, вовсе не понимаю, хотя страшное убѣжденіе противъ воли тѣснится мнѣ въ душу. Александрина сдѣлалась жертвою болѣзни...

Тогда больной велѣлъ подать себѣ свитокъ который при входѣ нашемъ въ комнату онъ держалъ въ рукахъ.

— Вотъ, сказалъ онъ передавая его князю, исповѣдь ужаснаго преступленія; которое не подлежитъ земному суду, но преступленія этого рода, вѣрите мнѣ, не могутъ оставаться безъ наказанія тысячу кратъ ужаснѣйшаго, чѣмъ самая мучительная казнь отъ руки палача!

Становъ смиренно умолялъ князя прочесть эту исповѣдь вслухъ, въ присутствіи жъ въ любившихъ Александрина; этимъ послѣднимъ испытаніемъ, говорилъ онъ, я хочу казнить себя въ послѣднія минуты моей жизни, мнѣ должно умереть смертью преступника!..

Насъ ужаснула одна мысль о подобной духовной пыткѣ для бѣднаго умирающаго человѣка: князь наклонился къ его изголовью и торжественно произнесъ слово мира и прощенія, закрывая его въ тоже время успокоиться, и не терзая болѣе свою бѣдную душу ужасными воспоминаніями. Становъ былъ не умолимъ къ самому себѣ — должно было уступить его послѣдней волѣ.

Мы съѣли вокругъ одра смерти, и князь со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ началъ мучительное чтеніе.

IX.

ПРЕДСМЕРТНОЕ ПРИЗНАНИЕ.

19 Февраль 183

Да! я долженъ видѣться съ нимъ: меня душитъ тайное преступленіе — мнѣ жизнь страшнѣе смерти, а умереть — не смѣю! можетъ быть, ... его руки предназначена мѣсть. Поеду на встрѣчу этой мѣсти. Конечно!... я еду туда, гдѣ все вопіетъ противъ убійцы, гдѣ живые и мертвые, разумъ и безуміе, и самыя стѣны возстанутъ на меня съ роковымъ обвиненіемъ! Что же?... Туда, туда скорѣе! можетъ быть тамъ, обновленное воспоминаніе разразится надо мною какъ громъ небесный... и уничтожитъ однимъ ударомъ и тѣло и душу!... О! зачѣмъ я не властенъ повѣрить

комечному уничтоженію души! зачѣмъ я не могу, ожесточившись, отбросить внутреннее врожденное убѣжденіе души въ своемъ безсмертіи, убѣжденіе, котораго не въ силахъ поколебать всѣ ухищренія ума. Да и самый этотъ жалкій умъ человѣческій, — не въ вѣчной ли онъ враждѣ съ самимъ собою? и какъ шатки основанія его логики когда дѣло идетъ о вѣчности!

Вѣчность! — Это тайна, выше всѣхъ человѣческихъ понятій, ее не постигнетъ ни одинъ смертный умъ въ своей гордынѣ. Всѣ попытки — безуміе. Письмена вѣчности закрыты для всего невѣчнаго, то — скала, о которую несконн разбивалась суетная мудрость цѣлыхъ поколѣній человѣческихъ.

И какъ страшна всякая тайна для совѣсти страждущей преступленіемъ! но тайна смерти — граница вѣчности... о! что же она для злодѣя?... воображеніе умираетъ передъ ужасною картиной...

Иду къ князю. Мнѣ здѣсь больше нечего дѣлать. Одно неожиданное состраданіе Ольги, какъ бальзамическій ароматъ цѣлебнаго цвѣтка, вѣяло прохладой моею измученной душѣ. Она одна знала все, и не отшвырнула меня какъ изверга; я не смѣлъ вѣрить этому счастью — да, счастью (не страшно ли, что и въ самой крайности бѣдствія такое ощущеніе бываетъ еще доступно человеку!) я не рѣшалъ; но время и опытъ убѣдили меня; всякій разъ я встрѣчалъ участіе въ взорахъ милой дѣвушки, отрадное успокоеніе лилось въ душу въ ея присутствіи; при ней я смѣлъ думать, даже говорить о *незабвенной*... У нее ни когда не вырывалось ни одного слова укоризны, ни даже са-

ного дальняго намека на прошлое! Странное созданіе! ея доброта, ея снисходительная жалость ко мнѣ — непостижимы! Подъ часъ, я даже негодовалъ на нее за равнодушіе къ потерѣ сестры; нарочно заводилъ рѣчь о ея смерти, тогда она заливалась слезами, казалось, свѣжая кровь струилась изъ неизлѣчимой раны сердца; но послѣ слезъ, послѣ душевнаго страданія, Ольга опять добродушно протягивала мнѣ свою руку, мнѣ. — извѣстному ей убійцѣ любимой сестры; непостижимо это было для меня, но возгнѣ Ольги, мнѣ было хорошо, послѣ всякаго свиданія съ нею, я обрѣтала слезы, сокровище утраченное мною вмѣстѣ съ миромъ душевнымъ!

Теперь Ольга Долинская — невѣста, всѣ сокровища богатой души своей она отдала счастливцу и можетъ быть онъ оттолкнетъ меня, лишитъ меня страданія Ольги... да! мнѣ здѣсь нечего болѣе дѣлать: скорѣе туда!

Но силы мои изнѣняются волнѣ; я также болѣвнѣ телесно, и свидѣнія мои въ медицинѣ не позволяютъ мнѣ обманываться на счетъ моего состоянія. Я пишу смерть въ сердцѣ, и только не вѣдаю когда наступитъ послѣдній часъ; годъ ли, мѣсяцъ, или только нѣсколько дней остается мнѣ еще заблудить тѣломъ въ мірѣ, для котораго я уже давно погибъ невозвратно!

Въ опасеніи не дожить до свиданія съ княземъ Свирскимъ, я пишу эти строчки. Исповѣдь — единственное завѣщаніе, которое смѣетъ оставить умирающій грѣшникъ, завѣщаніе драгоцѣнное для всякаго, кто сумѣетъ проникнуться поученіемъ чужаго проплаго.

Я не утаю ничего: въ три года я уже успѣлъ свыкнуться съ ужасами моихъ воспоминаній, этой мрачной внутренней темницы, гдѣ томилась душа, тогда какъ бранный оставъ мой влачился между людьми, видимо покоряясь всѣмъ условіямъ свѣтской жизни. Моя дума окрѣпла въ безпрестанномъ испытаніи и я не испугаюсь нѣсколькихъ буквъ начертанныхъ собственною рукою. — я все скажу, лишь бы не содрогнулся тѣ, кому придется выслушать странный доносъ!

Нѣсколько словъ о первыхъ годахъ моей молодости, объ условіяхъ, при которыхъ развились мои понятія о жизни, о людяхъ, о вещахъ: безъ этого необходимаго предисловія, печальная моя повѣсть осталась бы книгою безъ заглавія, и только полуразрѣшенной загадкой.

Я имѣлъ несчастіе рано лишиться матери; отецъ мой женился въ другой разъ и вскорѣ послѣ того уступилъ меня своей тещѣ — моей бабушкѣ. Дѣтскіе мои годы были печальны, отъ шестидесятипяти-лѣтней старухи до трехъ лѣтняго мальчика промежутокъ одинокомъ великъ. — всей безграничной гнѣзности моей доброй бабушки не стало для пополненія такой ужасной бездны, и потому я чувствовалъ себя одинокимъ въ такомъ возрастѣ, когда одиночество не можетъ привести хорошаго плода. — Умъ возполь у меня въ ростъ противуестественнымъ развитіемъ, тогда какъ сердце младенчествовало и въ тоже время черствѣло отъ бездѣйствія. Между тѣмъ, возрастая въ одиночествѣ, чувствуя себя единственнымъ предметомъ заботъ, любви, ласокъ и всѣхъ помышленій своей воспитательницы, я невольно привыкалъ все относить къ своему маленькому Я,

котораго безусловное значеніе представлялось уже въ гигантскомъ размѣрѣ моему дѣтскому самолюбію. Дѣйствительно, въ отдельномъ мірѣ нашего стариннаго, помѣщичьяго дома, на каждомъ шагу и люди и обстоятельства давали мнѣ чувствовать всю важность балованнаго единственнаго наследника богатаго имѣнія. Съ такимъ сознаніемъ, отъ меня совершенно завистью ни чему не учился; къ счастью я былъ любопытенъ отъ природы, — и съ помощію хорошихъ наставниковъ это врожденное любопытство впоследствии развилося до любознательности. Легкость, съ какою я пріобрѣталъ всякаго рода свѣдѣнія, сдѣлала для меня изъ нихъ родъ игрушекъ, къ которымъ я пристрастился точно также, какъ другіе дѣти пристращаются къ своимъ кукламъ и лошадкамъ. Но если я не былъ лѣнивъ къ занятіямъ, то почитая ихъ для себя забавами, я предавался имъ со всѣмъ своеюравіемъ маленькаго человѣка, пользующагося неограниченною волею надъ своею особою. Учители не роптали потому, что мои быстрые успѣхи доставляли имъ по очередно частыя похвалы и награжденія.

Характеръ мой скоро пострадалъ отъ семейныхъ отношеній. Мнѣ было семь лѣтъ, когда мой отецъ, жившій всегда далеко отъ насъ, купилъ деревню въ сорока верстахъ отъ деревни своей тещи и переселился туда. Мы стали часто видѣться, и съ тѣхъ поръ наши родные начали поговаривать о необходимости сблизить меня съ меньшими братьями и сестрами отъ втораго брака. Это было легче говорить, чѣмъ сдѣлать. Всѣ прочіе дѣти моего отца, выросли вмѣстѣ, грѣлись вмѣ-

ствѣ у сердца одной матери, и готовились раздѣлить по ровну сдѣлать кусокъ мѣба — а у меня — не было матери, и было лишннихъ тысяча душъ! Горькое сознаніе для человечества — но, не равенство состоянія — сущій разрывъ — трава между единокровными! при такомъ условіи, различіе въ воспитаніи неминуемо разрываетъ узы братства, не рѣдко даже порождая зависть, и самую вражду тамъ, гдѣ было положено природою сѣмя святой любви.

Выростая, я не могъ или не умѣлъ присоединить сестеръ и братьевъ къ своему драгоценному Я, следовательно не могъ и привязаться къ нимъ чувствомъ семейнаго эгоизма: между нами не было ничего общаго, ихъ было много, — а я остался одинокимъ. Они не гордились моими усиліями, приписывая ихъ избытку средствъ, котораго они не имѣли: меня же не радовали ихъ радости, потому что у насъ не было ни общихъ желаній, ни общихъ ожиданій. Меня баловало счастье, -- но ихъ лелѣяла любовь матери: мы безотчетно завидовали другъ другу. Сердце мое все болѣе и болѣе сжималось въ своемъ одиночествѣ.

Скоро я разстался съ семействомъ: меня отвезли въ Петербургъ и отдали въ Лицейскій Пансіонъ; чрезъ два года я поступилъ въ Лицей.

Здѣсь для дѣятельности моего воображенія развернулся огромный міръ идей, поглотившій на время всѣ требованія сердца: отдѣлившись совсѣмъ отъ семейства, я со вступленіемъ въ Лицей, какъ бы вступилъ въ преддверіе общественной жизни, гдѣ не участвуя еще какъ членъ общества, я могъ осязать и изучать

теорію связи этого общества. Но научившись многому, утомивши умъ и память множествомъ свѣденій, я почувствовалъ надобность въ отдыхѣ: я думалъ найти его въ дѣятельности душевной. Въ самомъ дѣлѣ есть счастливицы, которые послѣ долгихъ тревогъ ума и воображенія, находятъ вѣрную и спокойную пристань въ счастьи дружественныхъ отношеній и любви. На послѣднее я былъ молодъ, а дружба школьная мнѣ измѣнила какъ счастье родственныхъ связей: въ товарищахъ я манель пріятелей, но не друзей. На раздѣлѣ моихъ мыслей и моихъ чувствъ, ни кто не являлся, отъ того ли что требованія моего сердца были велики, или что я хотѣлъ владычествовать, или можетъ быть частію отъ того, что состояніе мое готовило мнѣ блестящую будущность, которая за ранѣе оскорбляла равенство дружбы. Я опять долженъ былъ ограничиться собою, для раздѣла и мыслей, и чувствъ и мечтаній. Когда умъ утопленъ, когда душѣ не съ кѣмъ говорить, когда еще школьныя цѣпи держатъ юношу на привязи, фантазія въ полной свободѣ летитъ на всѣ четыре стороны. И чего не перемечтала я въ это время!...

Худыя и хорошія воспоминанія произошли отъ этого! худыя, потому что создавши себѣ особый міръ, я часто обвинялъ судьбу въ несбывшихся идеалахъ желаній; потому что развѣ ступивши въ міръ фантазіи, я испытывалъ всѣ наслажденія свободной воли повелѣвающей стихіями, людьми и тайными силами. Я не вѣрилъ какъ Фаустъ или Магореда въ силу извѣстныхъ словъ или обрядовъ, чтобы подчинить себѣ міръ внѣшній; средства эти казались мнѣ уловкой фигляровъ; палка останется

Алекс.

всегда палкой, а не волшебнымъ жезломъ, какой бы она не была формы, пока она въ рукахъ невѣжды: такъ и слово, пусть будетъ оно оплетено въ известномъ порядке, съ другими словами не будетъ имѣть ни тайной ни явной силы, пока оно служитъ орудіемъ бездарности. Нѣтъ! я искалъ другаго пути подчинить себя нѣкоторымъ силамъ; — фантазія пособила мнѣ, но возведя на высочайшую степень властителя фантастическаго міра, она сдѣлала меня горделивымъ, исключила изъ числа обыкновенныхъ людей, счастливыхъ земнымъ счастьемъ, резервала связи, которыми человекъ, по естественному порядку вещей, держится за другаго человека, служба въ свою очередь ему опоромъ.

Хорошія послѣдствія стояли рядомъ съ дурными: я не разиратилъ ни тѣла, ни души, ни воображенія. — Ученіе шло хорошо, ибо оторвавшись отъ міра идеальнаго, я искалъ часто разрѣшенія многихъ вопросовъ въ мірѣ действительномъ: ученіе служило такъ сказать, связью между обоими мірами, изъ концы часто и міръ вещественный былъ часто только міромъ воображаемымъ, особенно когда приходилось забиваться въ теорію давно минувшихъ дней, въ безконечность небесной географіи, или въ теорію воображаемыхъ истинъ о силахъ природы.

Ученіе кончилось. Одинокимъ вошелъ я въ Липецъ, одинокимъ оставилъ я его и вступилъ въ свѣтъ. Я бросился въ него какъ въ чудную картинную галлерю, гдѣ все было ново; но я очутился въ маскерадѣ, гдѣ я и не многіе мнѣ подобныя новички ходили безъ маски. Я увидѣлъ необходимость тоже замаскироваться; но

Петербургскія маски показались мнѣ однообразны. Я отправился за границу.

Съ этой поры идеи мои начали получать болѣе опредѣлительный характеръ: то, что было несъяснимо въ юности, смѣсѣ ученія, одиночества, фантастическую видѣній, дѣтскихъ разочарованій — все это должно было выбѣжать въ вольсь и зацѣпѣсти при взглядѣ на живую жизнь народовъ и на живыя отношенія людей.

Долго было бы рассказывать о томъ гдѣ я былъ, что я видѣлъ, довольно, если я скажу что выводомъ моихъ путешествій, было горькое разочарованіе. Можетъ быть все въ мірѣ идетъ въ лучшему, по благому закону міросоздателя, но мнѣ казалось что люди нарушаютъ и оскверняютъ этотъ законъ. Такъ казалось мнѣ, говорю я, потому вѣроятно, что по моему призванію, я не могъ участвовать въ общественной и семейной жизни людей. На этомъ, можетъ быть, ошибочномъ заключеніи основалось мое будущее, тѣсное но вмѣстѣ и безграничное. Удаляясь отъ людей должно же было удовлетворять чѣмъ нибудь дѣятельность ума и души, пока гуляла фантазія, а умъ изучалъ теорію въ школѣ, 24 часа сутокъ были полны: пока объѣхалъ я половину Европы — и въ то время не смотря на отчужденіе, жизнь моя была полна, но скоро и въ путешествіи не стало для меня прелести новизны, отъ того что во многихъ мѣстахъ я видѣлъ повтореніе видѣннаго, многое было прежде угадано, а многое — не удовлетворяло ожиданій. Прилѣпиться къ какому нибудь вольвольному заданію на долго я не могъ — что твореніе людей прель созданиемъ міра? кто создастъ новый куноль

неба? — меня больше занимали развалины древности и средних вѣковъ — въ нихъ я видѣлъ живую связь былаго съ настоящимъ; но прелесть развалинъ была мимолетна, потому что развалинъ нѣтъ въ свѣтѣ, нѣтъ смерти на землѣ — по всюду жизнь съ временными только измѣненіями, въ одной природѣ не перерывается нить прошлыхъ и настоящихъ дней. Люди, вездѣ гдѣ я не встрѣчался съ ними, толкали воду или переливали изъ пустаго въ порожнее, и я по прежнему отключился отъ нихъ! попался въ библиотекахъ, изучалъ природу по бѣднѣйшимъ даннымъ собраннымъ немногими труженниками: «изучу, думаю я, соотношенія между предметами созданія; можетъ быть удастся открыть силы полезныя для человѣчества, а не найду, такъ хоть узнаю что нечего искать, или что у самаго нѣтъ силъ извѣсть силу, а между тѣмъ время пройдетъ!» Для этого я обоселся въ прекраснѣйшемъ краю Европы, въ Саксонской Швейцаріи, въ одномъ изъ тѣхъ уголковъ обитаемаго міра, гдѣ насальность и существенность, составляя два полюса жизни, непрерывно сливаются почти безъ волн людей. Въ самомъ дѣлѣ, нагорье ли съ присутствіемъ электричества тому причиною, разнообразіе ли живописной природы, только ни гдѣ не встрѣчалъ я больше вѣры въ духовъ: тамъ и горы, и деревья, и ручьи имѣютъ свои легенды, свою былую жизнь въ которую люди вѣрятъ и которой люди боятся; потому, что будучи неосязаема и невидима, она выходитъ изъ колеи обычной жизни; тамъ, цѣлые рои утешшихъ выходятъ плясать при свѣтѣ луны и съ мокрой одеждою ихъ скатываются капли воды, которую не вѣрующіе

принимають за камню фросы: тамъ охотники блуждаютъ по цѣлымъ столѣтіямъ въ наказаніе за деловкій выстрѣлъ; иное дерево — растеть кажется какъ и другія деревья, — иѣтъ! это одеревенѣлый измѣнникъ любви, который простираетъ объятія, и шепотомъ листьями молить о прощеніи; тамъ, въ журчаньи ручья есть звуки, въ изломахъ камней есть писмена... Такова почти вся Германія, вѣроятно потому, что не принадлежитъ ни по географическому положенію, ни по тѣсной вещественной связи къ числу народовъ дѣйствующихъ въ обширномъ мірѣ политическомъ и торговомъ, Германія осуждена на жизнь созерцательную. Другіе за нее трудятся; другіе за нее дѣйствуютъ, рѣшаютъ ея судьбу, дробятъ, — а ей какое дѣло: однимъ политика, другимъ торговая, третьимъ искусства — ей на долю вынана поэзія и другой возрастъ поэзіи — философія: первая, во молодости лѣтъ, плачетъ, воображаетъ, мечтаетъ, идеализируетъ горы, лѣса, ручьи, прелесть дѣвъ; вторая со стаканомъ полнива курить трубку табаку у каминна и идеализируетъ былую жизнь, покуда другая половина человеческого рода тоже мечтаетъ или варить картофель и штонаетъ старые чулки.

Какъ ни странно были для меня съ перваго взгляда восторженность и вѣдетъ флегматизмъ Германцевъ, обширность идей и мелочность жизни ихъ, но я увлекся прелестію ихъ вѣры въ сверхъ-естественное: жадно я слушалъ рассказы о видѣніяхъ и обучался ботаникѣ и физикѣ, а въ промежуткахъ ученія бродилъ по горамъ и наслаждался зрѣлищемъ могучаго переворота земли, отъ котораго горы стали на горы, а надъ ними

негрозозданныхъ силы. Тамъ на вершинахъ свалъ я находилъ часто развалины, стало козъ и готовую легенду, въ которой рѣдко-рѣдко не участвовала бывшая дана. Вирваніе въ сверхъ-естественность можетъ прістать къ челоуѣку, какъ всякая привычка — сначала было не ловко уму въ присутствіи новыхъ образовъ, а потомъ онъ привыкъ къ нимъ и слушая новые рассказы будто шелъ на свиданіе съ ними.

Случайно попалась мнѣ книга о животномъ магнитизмѣ, и видно въ этотъ день меня оставилъ мой ангелъ-хранитель, потому что отсюда вышелъ источникъ несчастій, который затопилъ жизнь Александрины и теперь увлекаетъ меня съ тяжелой ношею угрызённой совѣсти.

Читая книгу, я позволилъ себѣ усомниться въ неизсяемой силѣ магнитизма, присутствіе котораго въ челоуѣкѣ доказывалъ Месмеръ, и съ улыбною неутраченностью рѣшился на опытъ. Магнитизмъ не есть изобретеніе новейшаго времени: это истина, которая столько же была известна древнимъ сколько и новымъ народамъ, но большая часть вирванъ въ нее безъ сознанія или приписывали колдовству естественный феноменъ. Къ сожалѣнію будучи доступны понятіямъ не многихъ, магнитизмъ остался въ детскомъ возрастѣ, началомъ безразличія; обладаніе тайною этой силы губило многихъ, увлекая посвященнаго въ тайну или на высоту гордыни или на путь обмановъ. Изъ меня, отшатнувшася отъ людей, искавшаго въ природѣ новыхъ силъ, новыхъ связей жизни, предавшагося со страстію новой чертовщинѣ Германіи, изъ меня легко было сдѣлать са-

маго утеряннаго прозелита этой тайны, но куда завела она меня?

Я въ предсмертной лихорадкѣ, холодъ могильный течеть по моему жиламъ, угрызения совѣсти томить душу, въ ушахъ уже раздаётся стукъ молотка, заколачивающаго гробовую крышу, но память сохранила съ-же то время, когда я съ восторгомъ постигъ въ себя силу магнетизма. Я радовался какъ ученикъ нанеоднѣй рѣшеніе задачи недоступной учителю, какъ любовникъ въ первой разъ съ лобзаніемъ милой стрѣлувший съ себя узы повиновенія и сознавшій силу властителя! — О въ эти минуты я понималъ счастье тѣхъ людей, которые отыскивая философскій камень, открывали новую истину, новое сокровище знаній.

Первый опытъ моего силъ былъ сдѣланъ надъ однимъ мелодичъ человѣкомъ, студентомъ Г...скаго Университета, страдавшаго нервами. Въ нѣсколько дней я покорилъ его своей власти и подарилъ его здоровую жизнь, но этого мнѣ было мало — я хотѣла тайны исповѣдана. Умъ не вѣритъ, но очи и слухъ были свидѣтелями тѣхъ чудныхъ проявленій внутренней жизни которыхъ я требовалъ силою моей воли, но силою бессознательной. Вы, для кого пишется это признаніе, видѣли ужасныя доказательства этой страшной воли — нужно ли передавать вамъ то, что и не разъ повторялъ дѣлая добро, а не зло какъ въ послѣдній разъ?

Повторяю, — мой добрый ангелъ хранитель оставилъ меня въ тотъ день какъ я постигъ въ себя тайную силу магнетизма, потому что на этой силѣ воздвиглась гордость, а съ нею и другія смертныя страсти.

Черезъ годъ послѣ того, я возвратился въ Россію. Время было военное; я вступилъ въ армейской полкъ. Годы службы важны въ моей жизни только потому, что я понималъ ничтожность нѣкоторыхъ дурныхъ страстей, а съ этими вмѣстѣ еще болѣе отдѣлился отъ людей и отъ женщинъ. Въ провинціи гдѣ я служилъ сначала и потомъ въ Петербургѣ, куда я пошелъ по окончаніи кампаніи съ переводомъ въ Гвардію, мнѣ попадались одни и тѣ же люди и женщины, съ которыми я сходился безъ удовольствія и расходился безъ скуки. Любви и дружбы было, коли хотите, много, но за первую я заплатилъ безвѣріемъ; а вторую надобно было поддерживать трюфелями и шампанскимъ — мнѣ показалось это гадкимъ, — я бросилъ и любовь и дружбу. Надобно же было случиться такому несчастію, что я не встрѣтилъ ни одной женщины, которая бы полюбила меня, для меня одного, безъ эгоизма, а я хотѣлъ этой любви. Въ это время безцвѣтной жизни судьба свела меня съ княземъ Свирскимъ, онъ мнѣ понравился, я ему тоже, онъ считалъ меня другомъ, но я, извѣрившись въ дружбу, считалъ его только лучшимъ пріятелемъ. Не того стоили чувства князя — я это знаю; неприязнью даже заплатилъ я за его горячую, довѣрчивую дружбу — судьба послала меня привидѣніемъ, чтобы испугать его счастье, я былъ камнемъ на пути его жизни, объ который онъ спотыкался.

Не подумайте, чтобы извѣрившись въ людей и въ женщины, я не уважалъ нѣкоторыя благородныя черты всплывавшія изъ омута общественной жизни; — вѣтъ! я былъ чувствителенъ къ предѣстамъ семейной

жизни, готовъ поручиться за самоотверженіе молодости, и за любовь женщины, да короткость ихъ меня ужасала — я забывалъ, что нѣтъ ничего прочнаго въ мірѣ, кромя вѣры въ благость провидѣнія.

Такъ достигъ я двадцати семи лѣтъ моей жизни.

Я продолжалъ вести спитальческую жизнь, въ продолженіе которой я былъ въ частыхъ сношеніяхъ съ княземъ. Разъ онъ пишетъ мнѣ, что для него загорѣлась звезда любви, и что онъ женится; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приглашалъ меня въ шаферы. Когда нѣтъ цѣли въ жизни, человекъ радъ схватиться за всякій случай, измѣняющій обыкновенный ходъ его дней: къ тому же мнѣ представлялся случай изслѣдовать семейную жизнь нашихъ провинцій. Я поѣхалъ, къ несчастію.

У Долнскихъ я нашелъ прекрасно устроенный домъ и умную образованную хозяйку. Еще дорогой въ Ольховецъ, Поль мнѣ много говорилъ о баснословной красотѣ своей невѣсты, и признаюсь возбудилъ во мнѣ желаніе поскорѣ своими глазами убѣдиться въ превозносимой имъ красотѣ Александрины. Мы пріѣхали, и я былъ представленъ хозяйкѣ; но Александрина не показывалась, отъ того, какъ я узналъ послѣ, что готовились живыя картины — сюрпризъ жениху. Устройство этихъ картинъ превзошло всякое ожиданіе, и мое охлажденіе къ женщинамъ не въ силахъ было устоять противъ такого множества и разнообразія свѣжнскихъ и тѣломъ и душой дѣвушекъ, составлявшихъ восхитительныя группы расположенныя художническою рукою! Я долго любовался ими, но особенно племянницею хозяйки въ роли влюбленнаго Ша-

жа: взоры голубыхъ очей Ольги Долгинской были такъ ясны, ея младенческое чело такъ открыто и осязимо такими силнѣишемъ невинной веселости, что при взглядѣ на нее, я будто вдыхалъ свѣжій ароматъ новыхъ юношескихъ воспоминаній объ идеалѣ женщины создаваемомъ нѣкогда мечтою, но не сбывшимся на опытѣ жизни. Сердце умилялось невольнымъ сознаніемъ кроткаго достоинства женщины, ему будто сгрустнулось и покалѣлось о безвѣрїи, которое лишало меня способности любить.

— «Мечта!» шепнула прощически разумъ. — «Прелестная мечта!» говорило сердце откуда взоры любовались хорошенькой дѣвушкой. Печальная дума овладѣла мною; я — не отворачивая взоровъ, пересталъ глядѣть на картину, не чувствовалъ какъ опустылся заставъ, какъ заиграла музыка передъ открытіемъ послѣдней картины. Громное восклицаніе всеобщаго восторга пробудило мое вниманіе. Передо мной была восточная, роскошная картина: что изображала она — я не знаю, я только бѣглымъ взглядомъ едва успѣлъ окинуть волшебное представленіе и всѣ силы которыми дано человѣку мыслить, постигать, и чувствовать, все... и взоры, и душа, и сердце, и самый разумъ, влеконыя невѣдомою, не преодолимою силой, приковались къ одному предмету... вся жизнь моя, прошлое, настоящее и будущее, казалось уничтожилась передъ этимъ мгновеніемъ; какъ первый человѣкъ, я словно впервые, сознавалъ свое бытіе и благоговѣя передъ новорожденной прелестью вселенной, я будто впервые увѣровалъ въ прекрасное и воображалъ безсмертія, — я увидалъ Алек-

сандрину! Одинъ мигъ — и мнѣ сказалась любовь; не та любовь, о которой мечтало воображеніе, не то блѣдное чувство, жалкое созданіе мысли человѣческой, раскрашенное чувствешностію, которое мы въ свѣтъ перекидываемъ изъ рукъ въ руки будто ходячую монету уступаемую на обмѣнъ, или даже на кредитъ при нѣкоторыхъ условіяхъ. Моя любовь не походила и на ту, которую воспѣваютъ поэты, на струнахъ своей лары а не въ сокровенныхъ стопахъ души. О такой любви, не мечтаютъ, не поютъ; — ее вдыхаютъ, какъ жизненный благотворный воздухъ, или какъ смертоносный ядъ. Такая любовь — творитъ человѣка, пересоздаетъ, или разрушаетъ: середины нѣтъ. Я это уразумѣлъ съ первой минуты когда узналъ Александрину и любовь; ужасное сомнѣніе въ тоже время возникло въ душѣ моей, невольно я дѣлалъ себѣ вопросъ: «чтѣмъ будетъ для меня это роковое чувство: силою творящей, или громомъ разрушителя?»

Отвѣтъ былъ не въ моей власти, я болѣе не принадлежалъ себѣ. Во мнѣ произошла внезапная, непостижимая перемена; доселѣ владычествовавшее *Я* уничтожилось, въ пустырѣ эгонизма зацвѣла любовь: торжествененъ былъ этотъ переходъ сердца!

Мой взоръ встрѣтился съ ея изоромъ: невѣдомое блаженство сладостною струею прихлынуло къ сердцу — я унивался ить, и мнилось, — для меня отверзалось небо, — будто рай и самая вѣчность переставали быть тайною для просвѣтлѣннаго моего духа! Я не сводилъ глазъ съ неземнаго видѣнія, я боялся дышать, мое дыханіе вѣло пожирающимъ пламенемъ... вся воля,

всѣ желанія, всѣ надежды сосредоточились во взорѣ: посмотрите что было силы въ этомъ взорѣ!... Подъ властью заколдованныхъ очей, затрепетала безъ сознанія Александрина, будто голубь почувшій орла.

Всѣ присутствовавшіе до того были заняты картиной, что никто не замѣтилъ восторженнаго состоянія до котораго довелъ меня видъ Александрины. Я тоже не видалъ никого и ничего кромѣ ее... не слыхалъ ни речей, ни музыки, — вдругъ, среди этой тревоги чувствъ и нравственной глухоты, я увидѣлъ передъ собою хорошенькую головку шажа Херубино, то есть Ольгу. Она сидѣла въ большихъ креслахъ, а я стоя за спинкою ея кресель, не замѣтилъ ее, погруженный въ утомительное созерцаніе;... она взглянула на меня съ изумленіемъ. Я затрепеталъ, будто воръ пойманный на воровствѣ: мнѣ казалось, что на лицѣ моемъ огненными буквами начерталось новое чувство и стоило только взглянуть, чтобы угадать все. Но Ольга не вѣдала подозрѣній, она улыбнулась; ей, прекрасному ребенку, невѣдома была еще гроза чувствъ: — ее утѣшалъ мой восторгъ.

Послѣ картинъ начались танцы. Я не старался сблизиться съ Александринной: я чувствовалъ какой то релігіозный страхъ всякой разъ когда она приближалась ко мнѣ; мнѣ казалось, я не доживу до этого минутнаго сближенія или не переживу слова, вымолвленнаго ея устами. Однакожъ я былъ ей представленъ женихомъ и перенесъ это испытаніе.

Танцуя съ Ольгою мы вспомнили о первой встрѣчѣ нашихъ взоровъ когда она и я покорялись одному чувству восторга любуясь прелестнымъ, Божіимъ созда-

нiемъ. Она обожала свою кузину, гордилась ея красотою и говорила объ ней съ любовью, съ пылкимъ увлеченiемъ первыхъ порывовъ молодости. И какъ хороша она была сама, въ ту минуту когда она смиренно удивлялась красотѣ и достоинствамъ другой! О если бы вѣдали женщины какую неувядаемую прелесть придаетъ имъ отсутствiе зависти, огъ бы вѣрно первыя готовы были всегда отдавать должную справедливость подругамъ щедрѣе надѣленнымъ дарами природы; но, къ сожалѣнiю, въ большой части изъ нихъ, такое смиренiе походило бы можетъ быть на гримасу, а въ Ольгѣ все улыбалось — душа говорила въ ней, когда она восхищалась Александриной. Восторгъ Ольги былъ только искрою на порохъ: я это чувствовалъ, но не въ силахъ былъ бѣжать отъ опаснаго разговора. Въ этотъ вечеръ, въ моемъ чувствѣ не было еще ни надеждъ ни желанiя; и чувства, и думы смѣшались, рождая то улыбку, то слезу, то отсутствiе всякаго чувства — будто въ состоянiи опьанѣнiя.

Часы пробили полночь, начались поздравленiя съ наступленiемъ Новаго года; мнѣ также слѣдовало поздравить счастливую чету. Внутренняя дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ, когда, подошедъ къ жениху и невестѣ, я пожелалъ имъ счастья; только въ эту минуту я уразумѣлъ какая бездна отдѣляетъ меня отъ Александрины, и всей силы воли едва достало чтобъ удержать меня отъ какой нибудь безумной вспышки. Навыкъ свѣта водилъ мнѣ языкомъ, меня сочли нездоровымъ и проводили въ назначенную комнату.

— Тебѣ надобно успокоиться, сказалъ мнѣ князь уходя.

Успокоиться... и это была некасишка! Не могу выразить что случилось со мною въ эту ночь; я спалъ и видѣлъ бодрствовалъ; видѣнія сна повторили мнѣ событія минувшаго дня, я просыпался, но тутъ мнѣ слышался будто смѣхъ и вѣсть скрежетъ зубовъ, будто демоны хохотали вокругъ меня привѣтствуя новую жертву. Съ ужасомъ закрывалъ я глаза, — а тамъ Александрина являлась мнѣ объ руку съ пилзень — и я снова просыпался... Вотъ все, что осталось у меня въ памяти отъ ощущенія этой ужасной ночи.

На другой день я снова увидѣлся съ нею и снова будто электрической ударъ потрясъ весь составъ мой; но ея обращеніе со мною было не то что наканунѣ; когда она изъ пріличія разговаривала со мною, въ ея пріемахъ было что то холодное, отталкивающее. Забывъ эту перемѣну, я началъ по немногу приходить въ себя, мнѣ возратилась способность мысли поглощенная на время чувствомъ, я окинулъ душой разбѣгъ своей любви и ужаснулся послѣдствій — уже не въ моихъ силахъ было отступить.

Сознавая въ этой любви — измѣну дружбѣ, нарушение самаго радушнаго гостепріимства, я не могъ однако жъ задуть свое чувство. Съ нимъ я бы умеръ, а въ пыткѣ на что не рѣшится человекъ! Съ одной стороны смерть со всѣми терзаніями разлуки съ милымъ образомъ, съ другой, — цвѣтущая жизнь, рай на землѣ -- можно ли было усомниться въ выборѣ? Законы дружбы, правила общественнаго благородства, требованія разсудка, условія святаго гостепріимства — все это соединилось противъ моего сердца — судите же

какова была сила любви моей, устоявшей противъ всѣхъ мученій совѣсти и холодной логики разсудка?

Не подумайте чтобы въ Александринахъ я любилъ только красавицу для очей. — Нѣтъ — я едва замѣтилъ въ то время совершенство линий ея лица; но подъ бархатомъ рѣсницъ, сквозь искрачаемые лучи ея взоровъ, мнѣ блеснулъ какой то образъ духовной красоты, передъ которой вся роскошь ея наружной красоты оставалась въ тѣни. Я полюбилъ въ ней, не дѣвушку — красу природы, но духъ проникнутый свѣтомъ мистической любви, которую вотще пытаетса постигнуть воображеніе. Въ послѣдствіи я долго всматривался въ Александрину и никогда не могъ объять взоромъ, полного, цѣлаго выраженія этого лица, въ которомъ каждая черта говорила отдѣльно такъ много души что объ остальномъ нѣкогда было подумать.

Сознавши въ себѣ чувство, я принялся обдумывать основаніе его надеждъ. Мнѣ не на чемъ было основаться!

— «Я создамъ основаніе воиляла необузданная воля!» Все содрогнулось во мнѣ отъ этого внутренняго обѣта... вотще бы заговорила совѣсть. Скоро мое нагнѣреніе было принято, средства придуманы — страсть сдѣлалась сильнымъ рычагомъ, двигателемъ непреклонной воли.

Александрина любила другаго — нужно было изгнать этого другаго изъ ея сердца. Но отъ разрыва съ княземъ было еще далеко до новой любви... Любить ли меня Александрина? этотъ вопросъ лежалъ неразрѣшенной загадкой въ тайнѣ моихъ думъ. Сомнительныя предположенія подъ часъ угрежали мнѣ без-

уміємъ: кровь князя въ жилахъ при одной мысли уступить другому обладателю душию Александрины. Во время представленія третьей картины, я видѣлъ только ее одну: отъ присутствія ли магнетизма въ моемъ взорѣ, или то былъ неизбежный законъ судьбы,—только безъ сознанія уже утвердилось съ этого времени тайное соотнoшеніе между мною и Александриной. Ей было неловко; она видимо боролась съ чуждою для нея волею, которая отрывала ее отъ привычныхъ чувствъ и мыслей. Я замѣтилъ это тогда же, но мысль, что это дѣйствіе магнетизма, была далека. Послѣ того, послушный страсти, я рѣшился употребить страшный даръ природы, я вспомнилъ первое впечатлѣніе моего взора на бѣдную жертву и угадалъ тайную причину: съ этой минуты гибель Александрины была рѣшена. Много обещало мнѣ успѣхъ; я замѣтилъ въ Александринѣ всѣ признаки сильной восприимчивости къ магнетизму: продолговатая форма ея глазъ, бархатный отливъ зрачковъ, матовый цвѣтъ кожи, и особенная подвижность физиономіи, все изобличало въ ней одно изъ тѣхъ созданій, у которыхъ душевныя силы преобладаютъ надъ силами тѣлесными; съ мечтательнымъ воображеніемъ, въ ней соединилась чрезвычайная чувствительность; — ея мысли были чаще всего въ небѣ — мнѣ суждено было разорвать и послѣднія узы, привязывавшія ее къ землѣ.

Не прошло двухъ дней послѣ нашей первой встрѣчи, какъ я уже убѣдился, что Александрину легко было съ помощью магнетизма довести до высшей степени ясновидѣнія, слѣдственно и покорить ее безусловно.

ному влиянію магнитизёра. Во мнѣ дико разыграла надежда, безусловная радость овладѣла мною: я держалъ въ рукахъ волшебную нить могущую вести меня прямымъ путемъ къ достиженію цѣли! Оставалось только открыть средство магнитизировать Александрину невѣдомо для всѣхъ ее окружающихъ, а ее ни на минуту нельзя было застать безъ многочисленной свиты сестеръ, дузинъ и пріятельницъ или неизбежнаго присутствія жениха! По опыту я зналъ, что достаточно иногда однихъ взоровъ, чтобы повдѣйствовать на слабое воспримчивое существо: но взоры могли измѣнить мнѣ, въ толпѣ родныхъ и друзей, могли встрѣтиться люди, способные перетолковать эти взоры, и можетъ быть не угадывая ихъ тайной цѣли, приписать ихъ чувству, котораго ясное изъясненіе могло быть оскорбительно для невѣсты.

Казалось самый адъ шелъ ко мнѣ на помощь, предупреждая мои желанія!

Какъ шаферъ и другъ жениха, пользуясь всѣми правами самаго короткаго знакомства, я имѣлъ свободный доступъ на антресоли, гдѣ часто общество дѣвицъ оставалось до самаго обѣда; тамъ прислуживали намъ обыкновенно старая няня и молодая калмычка горничная Александры Петровны. Старая няня, съ самаго моего пріѣзда, не влюбилась ко мнѣ, по предчувствію можетъ быть; она не скрывала своей неприязни, которая часто выражалась весьма неприятно для посторонняго въ домѣ, тѣмъ болѣе, что неприязнь ея по собственному моему сознанію, имѣла основаніе: -- я былъ врагомъ счастья любимой ея барышни. Скоро всѣ замѣтили ея враж

Алекс.

дебное расположеніе ко мнѣ и это сдѣлалось для веселой молодежи предметомъ шутокъ. Однажды старуха до такой степени забылась, что, за завтракомъ, подавая какое то блюдо, она остановилась когда дошелъ чередъ до меня.

— Подавай ты ему, сказала она калмычкѣ съ сердцемъ, передавая ей блюдо, — а ужъ отъ меня не дождется, хоть вздыхай окаянный, прибавила она шевотомъ

Вслушавшись въ послѣднія слова старухи, я натурально долженъ былъ обратить ихъ въ смѣхъ, но внимательный взоръ замѣтилъ бы замѣшательство, въ которое я приведенъ былъ этой выходкой. Калмычка подала мнѣ кушанье, но руки ея дрожали: я взглянулъ на нее съ удивленіемъ, она опустила глаза, смуглыя щеки ея вспыхнули непривычнымъ румянцемъ.

Это повидимому ничтожное обстоятельство не было потеряно для моихъ тайныхъ видовъ; мои понятія были тогда возбуждены постояннымъ стремленіемъ къ одной и той же мысли. Мой внутренній взглядъ былъ зорокъ какъ глазъ хищной птицы, а мысль смѣла и изобрѣтательна. Калмычку Варвару избралъ я орудіемъ, посредствомъ котораго рѣшился открыть себѣ доступъ къ Александринѣ.

Я долженъ былъ прибѣгнуть къ низкой лжи, чтобы не испугать неограниченной привязанности калмычки къ Александринѣ; нужно было обмануть Варвару не возбуждая ея подозрѣній. Не смѣю высказать всѣхъ средствъ употребленныхъ мною для достиженія этой цѣли, они оскорбительны для человечества. Довольно и того если я скажу, что съ помощію Варвары, я получилъ доступъ

въ комнату Александрины, но прежде нежели осмѣлился подойти къ ней, я долженъ былъ испытать свои силы усыпить калмычку.

Когда наконецъ я получилъ возможность провннпуть въ спальню Александрины, я почти испугался своего успѣха; казалось я вѣкъ не доживу до этой ночи....

Какъ тать, съ судорожнымъ трепетомъ въ сердцѣ прокрался я на женскую половину; и вотъ .... слышу дыханіе спящаго ангела .... всей силою воли могу закливать ея волю!

Я стоялъ у изголовья Александрины! Ея тихое, ровное дыханіе возбуждало безмятежный сонъ, я долго прислушивался къ нему въ безмолвіи ночи, и что жъ? — дрогнуло сердце: впервые мнѣ сказалось значеніе того поступка, который съ нѣкотораго времени сдѣлался цѣлюю моею жизни, къ совершенію котораго я доселѣ стремился съ увлеченіемъ, съ гордостію! У изголовья кроткаго ангельскаго созданія блеснулъ мнѣ первый лучъ правды и озаривъ свѣтомъ мою душу, открылъ въ ней начертанное мрачными буквами ужасное слово: «преступленіе». Встрепонулось во мнѣ чувство благородной гордости, невнятно залепетало младенчествовавшее сознаніе неприкосновенности правъ ближняго даже въ пользу своего любимаго я! Еще сильнѣе заговорили душѣ чистая любовь и благоговѣніе передъ непорочною душою обожаемой дѣвушки.

Безумный порывъ страстнаго желанія не устоялъ въ эту минуту передъ боязнію погубить Александрину. Въ изнеможеніи я упалъ на колѣна передъ ея изголовьемъ и съ трудомъ успѣлъ подавить готовое рыданіе....

мнѣ помнится даже на устахъ моихъ была молитва, я просилъ у Бога помощи, опоры, противъ змѣя искушителя. Среди этого спасительнаго стремленія мнѣ слышалось легкое движеніе, шепотъ: въ полу-просонѣ, Александрина заговорила... первымъ ея словомъ было имя князя. О! за чѣмъ произнесла она это имя! за чѣмъ въ ту рѣшительную минуту она мнѣ бросила его словно вызовъ на бой! при имени совершился, бышенство обуяло умъ, свѣтлыя думы отуманились! преступленіе перестало пугать меня!

— Я наклонился надъ спящею дѣвушкой; струи пламени потекли изъ моихъ взоровъ, руки задрожали отъ напряженія желѣзной воли.... Съ перваго раза я замѣтилъ что вліяніе магнетизма было въ высочайшей степени непріятно для Александрины: она безпрестанно начала вздрагивать, глубокіе вздохи вырывались изъ груди ея; раза два дѣлала она видимыя отчаянныя усилія проснуться, но моя воля уже успѣла оковать ея волю.

Первый шагъ былъ сдѣланъ; я не способенъ былъ отступить. Мои таинственныя посѣщенія возобновлялись и удавались при такихъ же условіяхъ. И сколько наслажденія, и вмѣстѣ сколько мучительныхъ страданій по очереди волновали мою душу! какія утонченныя надежды смѣнялись жестокими порывами отчаянія!

Но успѣхъ однако же не совсѣмъ отвѣчалъ моимъ усиліямъ: тѣлосложеніе Александрины было слабо: оно скоро покорилось моему вліянію, но душа ея была такъ сильна и такъ глубоко проникнута святою любовью къ своему избранному, что всѣ усилія мои вырвать это чув-

ство, остались тщетны. Душа ея сроднилась съ этою любовью, отторгнуть ее отъ этой любви, значило бы разлучить ее съ жизнью, — а въ самыхъ бѣшеныхъ порывахъ ревности, я не хотѣлъ умертвить Александринау. Но если я безуспѣшно старался овладѣть сердцемъ прелестнаго созданія, мнѣ удалось однако же подчинить ея волю. Она видимо стала казаться холоднѣе къ жениху и день желаннаго брака ожидала уже съ какою то робостію, едва умѣя скрывать желаніе отсрочить этотъ день. Въ ея обращеніи сомной хоть и замѣтно было принужденіе, но, слѣдствіе ли востояннаго пребыванія моего въ домѣ, въ качествѣ друга князя, или причиною тому было робкое повинновеніе моей волѣ, только прежняя холодность прошла; она была даже часто внимательнѣе ко мнѣ нежели къ князю. Можно было подумать, что тайное вліяніе мое покорило не только сестеръ и кузинъ Александрины, молоденькихъ дѣвушекъ, радовавшихся присутствію посторонняго въ однообразіи деревенской жизни, но и всѣхъ домашнихъ: меня всѣ любили кромѣ старой няня, и къ сожалѣнію, за этой общей привязанностію, я могъ безопасно развивать планъ моихъ преступныхъ дѣйствій. Не стану рассказывать чего мнѣ, гордому созданію, стоило обманывать, унижаться до лжи: о! война стихій не страшнѣе войны страстей! Не выплакать въ жизнь человѣку слезъ, которыя выплакала моя совѣсть, борясь съ необузданною страстію; не пережить многимъ тѣхъ мученій, которымъ я отдался почти добровольно! и не смотря на это я не хотѣлъ отступить, съ каждымъ шагомъ впередъ, укрѣплялась моя воля, надежда овладѣть душою Алексан-

дринны, ея мыслию, ея желаніями, эта надежда блестящей звездою свѣтила мнѣ въ потемкахъ моего поступка. Я не хотѣлъ несчастія Александрины и ея ближнихъ; мнѣ, я думалъ только, что я достойнѣе другихъ могъ оценить ея прекрасныя качества. Гордость была началомъ моего отчужденія отъ людей, гордость погубила меня, когда я сошелся съ нею!

Въ борьбѣ съ совѣстію, я изнемогъ: нѣсколько дней я оставался безвыходно въ своей комнатѣ. Въ это время я думалъ отдохнуть, но уже отдыхъ былъ далекъ. Сердце разрывается когда я вспомню сколько вниманія, сколько дружественнаго участія было оказано мнѣ въ эти дни добровольнаго затворничества, но приходила ночь и я снова былъ у изголовья моей бѣдной жертвы. Она съ каждымъ днемъ видимо измѣнялась, ясныя взоры ея туманились, физіономія выражала слѣды тайнаго, невѣдомаго ей самой страданія.

За два дня до свадьбы князя, тревога чувствъ и страшныя усилія покорить упорную волю Александрины, до такой степени утомили меня, что я слегъ въ постелю; князь не отходилъ отъ меня. Его вниманіе, его дружеское само-отверженіе были ужасными для меня упреками; я былъ жестоко униженъ, я ненавидѣлъ себя, и съ ужасомъ поджидалъ приближавшейся ночи, а съ нею искушенія; но къ несчастію, онъ заговорилъ, о свѣтломъ будущемъ, о любви Александрины... Неосторожный другъ! онъ поднималъ на пагубу своего счастья мнжалъ, вынавший изъ рукъ убійцы...

Я ожилъ, ревность и одушевленіе страсти внезапно возвратили мнѣ утраченныя силы. Съ новымъ бѣше-

нымъ нетерпѣніемъ ожидалъ я ночи. Когда я подошелъ къ постели Александрины, меня поразило ея стѣсненное дыханіе. Она теперь спала не безмятежнымъ сномъ какъ прежде, и ея спокоествіе, тихій, свѣдлый источникъ ея молодой жизни—ея надежды, близкія къ совершенію—все было возмущено и возмущено мною! Что же былъ я для нее? по какому праву разбилъ я безцѣнный алмазь счастья, который достался ей на долю изъ тяжелой рудокопни свѣтскихъ суетъ? Разлучивъ ее съ милымъ, не сдѣлаюсь ли я для нее предметомъ отверженія, ненависти, проклятій? — Но гордая воля возстала противъ убійственныхъ опасеній; она вступилась за права свои, обуяла умъ картинными неизбѣжными успѣховъ; логика страсти внушала ей неизчерпаемые доводы и... сердце не устояло,—совѣсть замолкла какъ робкое дитя.... и снова я готовился приступить къ магнитизму, какъ вдругъ безпокойный сонъ Александрины прервался вздохомъ раздраившимъ душу, за вздохомъ последовали тихія рыданія, казалось душа ея изнывала въ подавляемыхъ усиліяхъ выгнать слезу для облегченія несказанной муки. И я былъ ея мучителемъ!

Какъ безумный бросился я вонъ изъ комнаты, и если въ то время не разбудилъ окружающихъ, то этимъ я одоженъ былъ только случайности, потому что тогда у меня не было ни страха, ни мыслей; было одно желаніе спасти Александрину, хотя бы цѣною своего счастья и можетъ быть жизни! Да, въ первую минуту я рѣшился убить себя; это мнѣ казалось единственнымъ средствомъ для спасенія Александрины. Къ несчастію я не ошибался — другаго выбора не было.

должно было точно умереть самому или . . . . . должно было сбыться то, что сбылось въ послѣдствіи!

Меня не устрашала смерть—но пугало внутреннее униженіе. Убить себя не надѣясь противустоять искушенію — казалось мнѣ постыднымъ малодушіемъ, гордый умъ мой не могъ примириться съ сознаніемъ таковой жалкой слабости. Побѣдить страсть, силою самой этой страсти, принести въ жертву полусбывшіяся надежды ея счастью, повергнуть къ ногамъ любимой дѣвушки будущія страданія, но совершить это въ тайнѣ, не возмущая ея спокойствія, мучительными откровеніями, испугать тайную измѣну свою передъ княземъ, тайнымъ же безвозмезднымъ пожертвованіемъ, и тѣмъ снять съ души жгучее клеймо собственного презрѣнія: вотъ чего желалъ я, пламенно желалъ въ минуту этого новаго проблеска совѣсти! Я дѣлалъ надъ собою немощныя усилія и этотъ случай далъ мнѣ возможность извѣдать вполне мѣру силъ мужественнаго человѣка умвющаго сильно захотѣть и рабски повиноваться своей разумной волѣ. Но если желающій нересоздать себя къ лучшему не всегда успѣваетъ, — это ясный знакъ что въ немъ слаба воля или не искренно чувство добра. На этотъ разъ я успѣлъ стать выше страсти: тепло молился я въ этотъ день, прося у Господа силы на совершеніе жертвы; молитва освѣтила душу, умирала чувства. Улеглись желанія и я, будто усталый ребенокъ, заснулъ безмятежнымъ, давно уже неиспытаннымъ сномъ.

Когда на другой день князь пришелъ навѣдаться о моемъ здоровьѣ, я безъ обмана могъ сказаться почти здоровымъ: къ обѣду я отправился въ гостиную. Меня

встрѣтили съ непритворною радостію и какъ давно небывалаго собесѣдника, окружили вниманіемъ и дружескими изъявленіями участія. Александрина была также веселѣ обыкновеннаго; на ея щекахъ опять загорѣлся румянецъ, выраженіе тихой радости дѣлало ея красоту лучезарною, никогда не казалась она мнѣ такъ обворожительно мила, такъ неподражаемо любезна, граціозна! я смотрѣлъ на нее съ восторженною любовію.... Этотъ день былъ самый счастливый день въ моей жизни: за нимъ опять темно — будто очи ослѣпли отъ блестящаго свѣта успокоенной совѣсти.

Ольга Дмитриевна вѣроятно не забыла еще выраженія радости, которая выказывалась въ моихъ словахъ, говорила во всѣхъ движеніяхъ! счастливый день, зачѣмъ онъ не былъ послѣднимъ днемъ моей жизни! я бы тогда умеръ съ очищеною совѣстію!

День прошелъ немовѣрно скоро для меня: его смѣнила ужасная ночь. Человѣческому слову не выразить того, что я перенесъ въ эту ночь! На завтра должна была рѣшиться судьба Александрины, на завтра другой, — не я, долженъ былъ стать съ нею у брачнаго алтаря! другой сорветъ поцѣлуй съ ея дѣвственныхъ устъ, другой сожметъ ее въ объятіяхъ! эта мысль была ужасна!

Опять заговорила страсть! Цѣлый адъ желаній, любви и ненависти, надежды и отчаянія, былъ за нее; но истинная любовь къ Александринѣ поддержала меня, я устоялъ противъ всѣхъ искушеній. Въ первый разъ однакожь, не смѣя довѣрить своей рѣшимости — я не пошелъ въ комнату Александрины, не смотря на сильное, почти не-

одолимое желаніе въ послѣдній разъ преклонить колѣна передъ ангеломъ, отъ котораго я готовился отречься на всегда. Я успѣлъ... и медленно, мучительно-медленно, будто на свинцовыхъ крыльяхъ, летѣли минуты; часы казались вѣками. Когда же наступило роковое утро, мѣра времени будто внезапно измѣнилась: оно потекло съ быстротою мѣтко брошенной стрѣлы къ ужасавшей меня цѣли. Въ суетахъ, обо мнѣ забыли; я былъ одинъ съ неугомонной подругой — тоской! но совѣсть молчала и я имѣлъ еще право уважать себя.

Въ двѣнадцать часовъ, ко мнѣ вошелъ князь, совѣтъ одѣтый къ вѣнцу! онъ крѣпко пожалъ мою руку и весело сказалъ мнѣ:

— Пойдемъ, мой милый шагеръ, мы прежде всѣхъ должны посѣтить въ церковь.

Я молча за нимъ послѣдовалъ; церковь была наполнена народомъ; крестьяне и дворовые люди Долинскихъ благословляли вслухъ добрыхъ господъ, призывая всѣ блага міра на главы будущей четы, счастливыхъ супруговъ. Эти желанія сопровождались простодушными разсужденіями, сравненіемъ жениха и невесты и изъясненіемъ непритворнаго восторга къ молодой, ненаглядной барышнѣ, которую скоро надѣялись поздравить сѣятельною княгиней. Все это произвело сильное на меня впечатлѣніе; душа моя переполнилась умиленіемъ; нитяжныя думы и желанія смолкли, и я преклонилъ главу предъ Создателемъ въ теплой молитвѣ о счастьи Александрины. Скоро вошла невеста, прекрасная какъ чистый ангелъ, слетѣвшій съ неба на утѣшеніе смертныхъ. Сивѣющая бѣлизна лица, рукъ и шеи, какан-то обворо-

жгительная задумчивость въ самой улыбкѣ, и ясность взора даже подъ навѣсомъ мгновенной грусти, все являло въ ней будто мистическое олицетвореніе греческой Психеи. Любуясь ея красотой, — мысль о прелести пластической исчезала; ея наружность была выраженіемъ духовной красоты.

Начался обрядъ вѣнчанія. Я самъ подавалъ кольца, которыми Александрина обручилась съ другимъ; но выполняя эту обязанность шафера, я задрожалъ, туманомъ задернулсь мои очи, и сквозь туманъ одну Александрилу видѣли они. Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, и страшно проснулась во мнѣ жизнь — взревѣла бѣшеная страсть, какъ львица, у которой хотятъ отнять любимое дѣтище! одно мгновеніе — и все будетъ рѣшено! Князь отвѣчаетъ уже на вопросъ священника, вотъ служитель алтаря обратился и къ ней съ тѣмъ же вопросомъ, одно слово, — и разверзнется бездна между ею и мною.... а въ моей власти, есть сила могучая, которая можетъ въ мгновеніе разорвать полу-совершенный обрядъ! если не сердце — то по крайней мѣрѣ воля невесты подвластна мнѣ... и въ эту последнюю минуту мнѣ еще возможно выудить у нее отрѣченіе отъ ненавистнаго брака! послѣдствія насильственнаго отказа... я объ нихъ не думалъ: умозаключеніямъ нѣтъ мѣста, когда кипитъ кровь и бушуютъ страсти... Воля моя грянула какъ громъ разрушитель... Преступленіе совершилось. Казалось, кровь, струившаяся изъ разбитой головы бѣдной, невинной жертвы вопіяла о мщеніи ея губителю!...

Я опомнился, и тогда отдалъ бы душу, только бы воз-

вратить минувшее — но ужасный мигъ уже исчезъ въ предѣлахъ вѣчности, и слѣдъ простылъ... Въ первыя минуты я не въ силахъ былъ удержаться и громко обвинялъ себя въ убійствѣ Александрины, которую считалъ уже умершею.

Родные Александрины не слышали ничего, но мои слова не ушли отъ вниманія старой няни и калмычки Варвары; обѣ сдѣлались новыми жертвами моей всепожирающей страсти: старуха, лишилась разсудка; Варвара, появивши изъ неясныхъ словъ обвиненій моихъ, что я виновникъ страннаго поступка Александрины и ея мнимой смерти, съ быстрымъ соображеніемъ, которыми одарены всѣ люди съ сильными страстями, вѣроятно тотчасъ же угадала, что-то похожее на истину, и съ отчаянія, что была сообщницею злодѣянія на пагубу своей барышни, нѣкогда спасшей ея жизнь, рѣшилась на самоубійство. Миръ ей праху! пусть на мою душу ляжетъ вся тяжесть ея грѣха! Сколько разъ съ тѣхъ поръ блѣдный призракъ калмычки смущалъ рѣдкія минуты моего сна! какъ леденилъ меня страшный взоръ ея укормизны! она умерла ужасною смертію, въ моихъ глазахъ, и я зналъ, что моя неосторожность снабдила ее орудіемъ смерти!

Всѣ были въ затрудненіи какъ перенести Александрину въ домъ, потому что малѣйшее прикосновеніе къ ней производило корчи. Я одинъ осмѣлился приблизиться, и взявъ ее на руки понесъ домой; въ моихъ рукахъ она не билась, но безпамятство не проходило. . . . И долго продолжалось это безпамятство; цѣлыя дни прошли пока она очнулась, моя воля взяла

цвѣтъ юнаго прекраснаго созданія, сковала мысли и чувства, и только слабое дыханіе обнаруживало остатокъ безсознательной жизни . . . . Я зналъ по опыту, что въ моей власти была возможность возвратить ей свободу чувства и мысли, но уже подозрѣніе на участіе мое въ несчастномъ положеніи Александрины было немного возбуждено,—явная съ моей стороны помощь могла усилить подозрѣнія. Чтобы получить доступъ къ Александринѣ, я предложилъ опытъ гальванизма—мнѣ представили устроить приборъ. При этомъ — мнѣ не разъ удалось оставаться одному съ Александриною, лежавшею безъ чувствъ, и скоро, подъ трепетнымъ вліяніемъ моихъ взоровъ она стала оживать; ея первый взглядъ былъ для меня, въ немъ выражалось чувство признательности. И въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту я долженъ былъ ей казаться благотворнымъ волшебникомъ разрывающимъ оковы зловѣщаго сна, тѣмъ болѣе, что если она и подозрѣвала во мнѣ виновника ея несчастія, то подозрѣніе это было безсознательно, особливо въ минуту оживленія послѣ четырнадцатидневнаго каталептического сна.

Этотъ взглядъ воскресилъ мои надежды и придалъ имъ крылья, на которыхъ онѣ понеслись къ предѣламъ будущаго на добычу новой, свѣтлой мечты. Онѣ принесли мечту ослѣпительную, золотую мечту — то была любовь Александрины! Казалось нужно было только поддержать то, что было уже сдѣлано, и заставить Александрину, вторичнымъ отказомъ, разорвать слабую нить, за которую еще держалось ея минувшее. Это зависѣло отъ меня. Послѣ болѣзни я скоро довелъ Александрину

до той степени магнитическаго соотношенія со мною, что могъ уже долго, свободно разговаривать съ мною посредствомъ внутренняго чувства, которое передавало ей мои мысли. Я въ свою очередь могъ во всякое время читать ея думы, ея малѣйшія желанія. Неожиданно открылся мнѣ этотъ феноменъ; прежде я читалъ много приговоровъ такихъ тайныхъ соотношеній, но не смотря на авторитетъ просвѣщенныхъ наблюдателей, невѣроподобность этихъ случаевъ невольно заставляла меня сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности. Но съ каждымъ днемъ жизни, странные опыты пополняютъ высокій смыслъ замѣчательныхъ словъ Шекспирова Гамелта:

Есть много въ природѣ, другъ Горацио!

Что и не смыслъ нашимъ мудрецамъ.

Однажды я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, и мысль моя, по neodолжмому влеченію, можно сказать, почти по привычкѣ, была устремлена къ единственному предмету меня занимавшему. Увѣрившись съ нѣкотораго времени въ новомъ успѣхѣ моего вліянія на Александрина, я уже зналъ, что могу дѣйствовать на нее заглазно *) и потому магнитизируя ее мысленно, я повторялъ ей безконечную повѣсть о моей любви, о моихъ страданіяхъ и настойчиво запрещалъ ей видѣться съ княземъ. Вдругъ какъ будто внутренно сблизилось раз-

---

*) Простодушные защитники магнитизма. Взять всѣмъ чудесамъ его, о которыхъ такъ много было писано, какъ то: заглазному магнитизированію на далекомъ разстояніи и т. п. Намъ дѣла нѣтъ до правды въ этомъ случаѣ мы пишемъ повѣсть, а не философскій трактатъ. Для поэтическаго вымысла довольно и повѣрій, преданій, фантастическихъ грѣзъ.

стояніе между нами, или мысль превратилась въ слухъ, или то было что-то похожее на сонъ, только я услышала ея голосъ, ея тихія стenanія. . . . Она умоляла о возвратѣ свободы и счастья. Не для себя молила она; она заклинала меня не оскорблять друга, не лишать его счастья, которое для него нераздѣльно было съ увѣренностью въ ея любви.

Боже! что произошло во мнѣ, когда я въ первый разъ услышала этотъ внутренній голосъ! Радость, состраданіе, какой то таинственный страхъ предъ чуднымъ явленіемъ природы и наконецъ надежда . . . да! надежда — какой я еще не знала до тѣхъ поръ. Бѣсѣдуя почти безпрестанно съ Александринной, проникая въ глубину ея души, я лучше узнала эту душу, я убѣдился что эта дѣвушка — одно изъ тѣхъ непорочныхъ созданій, которыя низпосылаются небомъ на землю чтобы примирить хоть малую частицу чelовѣчества съ несовершенствами себѣ подобныхъ. Въ сердцѣ Александринны была одна любовь — ненависти не было мѣста; даже для меня, разрушителя ея покоя, губителя ея юныхъ радостныхъ надеждъ, у нее не было проклятій, она заклинала меня съ кроткой божественной любовью пощадить хоть свою душу — если несчастія ближняго не въ силахъ поколебать мое ожесточеніе! она умоляла — и я могъ устоять! . . . .

Меня поддерживали два противоположныя чувства: бѣшеная ревность усиливавшаяся со дня на день, по мѣрѣ того, какъ я болѣе проникался убѣжденіемъ страстной любви ея къ князю, — любви, объ которую рушились всѣ мои усилія — вся власть магнетизма, — и на-

дежда, на развалинахъ прежней любви положить основаніе новой. Я всего ожидалъ отъ времени, и потому рѣшился наконецъ исполнить желаніе Александрины — удалиться. Условія моего повинновенія были жестоки; но она сама предложила ихъ когда убѣдилась, что это единственное средство прекратить пытку недоумѣнія бѣднаго князя. Она слишкомъ хорошо сдержала свое слово. Положивъ вѣчную преграду междусобою и княземъ, она вмѣстѣ, отрезалась отъ счастья и отъ жизни, что было ей хорошо извѣстно. Еще прежде этого, продолжительное, усиленное дѣйствіе магнетизма довело ее уже до состоянія совершеннаго ясновидѣнія; она все знала, и довольно владѣла собою, чтобы заживо упрочить счастье милаго съ другою: — ту жертву на которую я, мужчина, не способенъ былъ рѣшиться, — она слабая женщина, совершила съ дивной силою самоотверженія. И я погубилъ это чудное созданіе, красу человечества!»

Продолженіе признанія раздирало душу. Несчастный Становъ нашелъ ужасную, не человѣческую кару въ самомъ орудіи своего преступленія: полночнымъ невидимымъ стражемъ стоялъ онъ и вдалекѣ возлѣ Александрины; онъ зналъ, что она изнывала въ странной чажоткѣ, что ея слабый составъ быстро склонился къ разрушенію; онъ былъ, такъ сказать, свидѣтелемъ ея смерти, и не въ силахъ былъ оказать ей помощи, потому что нить жизни была порвана. Онъ умиралъ вмѣстѣ съ нею и едва не убилъ себя; но послѣднее желаніе его великодушной жертвы восприняло ему самоубійство! съ тѣхъ поръ жизнь его совершенно измѣнилась: Уеди-

еще было для него страшно и, как ни противенъ былъ ему свѣтъ, онъ бросился въ суеты мірскія будто въ бездну, гдѣ надѣялся скоронить развалины своего бытія. . . Онъ перепробовалъ все, что только могло бы силою ощущенія заглушить немолчный говоръ отравленной совѣсти — все оказалось тщетнымъ; его даже не прохлаждало чувство добра, которое онъ сыпала щедрою рукою вокругъ себя — онъ умеръ ужъ для всѣхъ радостей.

Последніе листы рукописи Станова написаны были поздно, послѣ его свиданія съ Ольгой. Письмо Александрины произвело на его душу самое благотѣльное дѣйствіе — онъ сталъ надѣяться на безпредѣльность милосердія Божія. . . .

Страдалецъ не дослушалъ конца своей мучительной исповѣди, которую напрасно мы хотѣли отложить изъ состраданія. Съ смиреніемъ расканивающагося грѣшника онъ просилъ продолжать всякій разъ, когда останавливалось чтеніе. . . . Но, видно, милосердное небо сократило его добровольную пытку.

— Конечно! простоналъ онъ, и послѣднимъ усиліемъ ухватился за грудь. . . . Мы содрогнулись отъ гробоваго звука его голоса, всѣ окружили больного. . . . Онъ только успѣлъ еще разъ обратить умоляющій взоръ на оскорбленнаго друга и — скончался.

Передавая странную новѣсть, слышанную мною отъ хорошаго пріятеля, я нижеподписавшійся спѣшу огранить себя русскою пословицею: *за что купилъ, за то и продалъ!*

Федоръ фанъ Димъ.

Алекс.

БАРЫНЯ.

БАРЫНЯ.

=

„Ай, барыня, барыня,
Сударыня - барыня . . . .“

и проч.

(Лакейская пѣсня)

Слово «барыня» принадлежитъ исключительно только русскому языку. Это слово невозможно перевести ни на какой другой языкъ.

У насъ, кажется, два главные класса мелкихъ барынь: барыни столичныя и провинціальныя. Какъ два величественныя древа (говоря возвышеннымъ слогомъ) роскошно развѣтвившіяся, красуются онѣ въ безпредѣльномъ Царствѣ Русскомъ. Столичныя барыни раздѣляются на московскихъ и петербургскихъ. Москва храмъ настоящаго барства. Московскія барыни отличаются хлѣбо-

Барыня.

сольствомъ, благотворительностію, чувствомъ національной гордости и безобразіемъ экипажей.. Онѣ живутъ среди великолѣпныхъ воспоминаній и благоговѣнно вдыхаютъ въ себя пылъ прошедшаго, окруживъ себя въ настоящемъ москками и воспитанницами, — москками, которыхъ онѣ кормятъ и ласкаютъ; воспитанницами, которыхъ кормятъ и попрекаютъ кормомъ. Онѣ доживаютъ свой вѣкъ, раскладывая гран-пасьянсъ, и рассказывая о своихъ благодѣяніяхъ. Петербургъ — источникъ барства мелкаго, чиновнаго. Въ петербургскихъ барыняхъ оригинальнаго мало. Онѣ съ утра до ночи бредятъ княгинями и графинями, которыхъ встрѣчаютъ на гуляньяхъ и на балахъ Благороднаго Собранія. Онѣ помѣшаны на свѣтскости, о которой не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Онѣ задаютъ балкі и вечеринки, оканчивающіеся прескверными ужинами. Всѣ онѣ говорятъ пронзительно и имѣютъ рѣзкія манеры. У всѣхъ у нихъ грязныя переднія, дочки — невѣсты, сыновья — чиновники или офицеры, кареты и коляски, запряженныя еле-движущимися четверными; за каретами лакеи въ заштопанныхъ ливреяхъ съ фантастическими гербами и съ засаленными аксельбантами, и по нѣскольку сотъ душъ крестьянъ, заложенныхъ въ заемномъ банкѣ или въ опекуномъ совѣтѣ съ надбавочными. Провинціальныя барыни раздѣляются на деревенскихъ, уѣздныхъ и губернскихъ. Объ нихъ надобно говорить или много, или ничего. Объ нихъ когда-нибудь послѣ.

Съ той поры, когда дочки-барышни выходятъ замужъ, — онѣ получаютъ названіе *молодыхъ барынь*, а маменьки ихъ — *старыхъ барынь*.

Старыя барыни — представительницы отживающаго поколѣнія барынь. Молодыя барыни — представительницы новаго поколѣнія барынь. Между отцвѣтшиимъ и цвѣтущимъ поколѣніемъ разница не слишкомъ рѣзкая, однако шагъ впередъ сдѣланъ. Вмѣстѣ съ бѣльемъ и платьемъ, въ приданое дочекъ поступаютъ обыкновенно лакеи и дѣвки. Прислуга старыхъ барынь начинается искоса смотрѣть на прислугу молодыхъ барынь. Отсюда начало размолвокъ между этими двумя поколѣніями.

Вообще барыни начинаютъ формироваться около тридцати лѣтъ. Съ минуты брака до тридцати-лѣтняго-возрасту, онѣ въ состояніи переходномъ: въ этотъ промежутокъ времени, цривычки барышни борются съ возникающими привычками барыни. Къ тридцати годамъ самостоятельное чувство барыни поборааетъ нѣкоторыя сантиментальныя наклонности и простодушныя понятія барышни.

Всѣ барыни въ Россіи относятся другъ къ другу въ слѣдующемъ порядкѣ:

Московская барыня выступаетъ впередъ и кричитъ во все горло, что «Москва сердце Россіи, что въ Москвѣ Иванъ-Великій и царь - пушка». Петербургская смотритъ на нее насмѣшливо, говоритъ: «сѣ дроздь, способу нѣтъ, какая провинціалка!» и порывается столкнуть ее съ перваго мѣста. Обѣ онѣ, какъ «столичныя штучки», взираютъ съ снисходительною гримасою на губернскую барыню. Губернская созерцаетъ съ умиленіемъ московскую и въ особенности петербургскую, едва удостоивая своего покровительства уѣздную или

мелкопомѣстную, которая съ должнымъ смиреніемъ кланяется ей въ поясъ — и между тѣмъ исхода бросаетъ спѣсивые взгляды на стоящую поодаль разряженную и разрумяненную кунчиху съ черными зубами, ворча съ негодованіемъ: «извольте видѣть, какъ разодѣта! будто барыня какая!»

Моя героиня — барыня петербургская. Съ ней я былъ коротко знакомъ, и за достовѣрность ея истерик могу поручиться.

Она родилась въ 1783 году, за четыре года до полученія отцовъ ея, при отставкѣ, бригадирскаго чина, и наречена въ Св. крещеніи Палашей. Известно что бригадирскій чинъ былъ у насъ въ тѣ блаженные годы вершиною честолюбія, какъ тецерь, напримѣръ, генеральскій чинъ; но не въ томъ дѣло, обратися лучше къ моей героинѣ.

Бригадиръ прохаживается по комватѣ въ пудремантелѣ и въ гусарскихъ сапожкахъ безъ кисточекъ. Онъ поправляетъ кончекъ косы своей и улыбался смотреть на дочь, которая кричитъ и бѣгаетъ вокругъ него.

— Догоню, догоню, Палаша!

Бригадиръ топаетъ ногами, отчего нудра сыщется на лицо его; потомъ онъ беретъ Палашу на руки, надуетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни.

— Ну, а известно ли тебѣ, Палаша, — спрашиваетъ онъ у четырех-лѣтней дочери, — известно ли тебѣ, сколько у тебя душъ крестьянъ? что?... Не знаешь, дурочка? Триста чистаганомъ, незаложенныхъ!... Смѣшно? Гм! Смѣйся! Это называется невѣста, это не то, чтобы... Бригадирская дочь, и триста душъ! Кунхъ

значительный, кавальство! У матери твоей, я тебе скажу, и неловны этого не имѣлось, когда она вышла за меня замужъ.

— Одинок покойница маменька (вѣчная ей память) всегда жила *барыней*, возражаетъ бригадирша: — ужь про это нельзя сказать. Бывало, кто къ ней ни придетъ, сейчасъ говорить: вы, Елена Ивановна, настоящая барыня. И, правду сказать, она любила показать себя: у нея одной дворни было тридцать челоуѣкъ, — и я, благодарю моего Бога, не знаю стояла или не стояла, но счастлива была на жениховъ. Всѣ дѣвцы завидовали мнѣ; и коллежскихъ и надворныхъ и премьер-майоровъ много сваталось за меня...

— Знаю, знаю, — перебиваетъ бригадиръ съ самодовольствіемъ: — ну, а ты предпочла меня всѣмъ имъ, хоть я былъ тогда еще и не Богъ-знаетъ какая штука? Дѣвцы дуры, Матрена Ивановна; имъ лишь бы смазливое личико, а тамъ до этого до всего (бригадиръ водить рукою по груди) и до чиновъ имъ дѣла нѣтъ. Впрочемъ тебѣ и на этотъ счетъ, полагаю, нѣчего теперь раскаяваться.

Бригадиръ самодовольно улыбается и, смотря въ зеркало, одною рукою держитъ Палашу, а другою очищаетъ со лба пудру тупымъ серебрянымъ ножичкомъ.

— Чтò грѣхъ на душу брать, Петръ Максимычъ, дгать не для чего: — ты чина теперь важнаго, живемъ мы душа въ душу. Чего же больше? Одно горе — дѣтокъ много померло; зато вошь Господь послалъ намъ утѣшенію — нашу Палашиньку.

Бригадирша вздыхаетъ.

— Далъ бы Богъ только на своихъ глазахъ пристроить ее за хорошаго, солиднаго человѣка.

— Пристроится, пристроятся, не забьются! Съ хорошимъ приданымъ въ дѣвкахъ не засидится.. Что, Палаша, правду я говорю?

— Да-съ.

— Къ тому же она у насъ родилась въ серочкѣ... Что ни говори, Матреша, — она не по годамъ умна. Видь темерь ужъ смекаетъ, что бригадирская дочка и наследница села Брылина, — покорно прошу!... Палаша, посмотри-ка кто идетъ?

— Бабушка.

— Да, баловница твоя. Небось, весело?

Дверь отворяется медленно и торжественно. Входитъ старушка опираясь на высокую камышевую трость. Старушка въ атласномъ капотѣ брусничнаго цвѣта съ талією подъ мышками, въ башмакахъ съ высокими каблуками и съ зонтикомъ на глазахъ. Старушка останавливается среди комнаты, кладетъ руки на золотой набалдашникъ своей трости и ворчить, качая головой:

— Не умѣете обращаться съ ребенкомъ... Спусти ее съ колѣнъ, Петруша.

Бригадиръ повинуется.

— Какъ можно такъ близко держать дитя къ лицу? пудра, сохрани Богъ, засорить ей глазки... Охъ-охъ! сами-то вы еще дѣти... Палашинька, поди ко мнѣ. Хочешь гостинцу, милочка?

И старушка вынимаетъ изъ безконечнаго кармана, устроеннаго въ ея капотѣ, изюмъ и сахарныя булки.

Бабушка сама воспитывает Палашу. Она кормит ее съ утра до вечера и безпрестанно повторяет. «Ну что, голубчикъ мой, сыта ли ты? не хочешь ли еще чего вибудь, дружочикъ? Мать небось объ тебѣ не позаботится. Съ голоду готовы уморить ребенка!» Когда дитя рветъ листы въ адресь-календарѣ папенькиномъ и когда няня отнимаетъ у нея книгу, бабушка вскрикиваетъ на няню съ гнѣвомъ: — Что ты дура! не отнимай у нея книжку, пусть ее, голубчикъ мой, забавляется; ребенокъ дороже книжки!...

Палашѣ семь лѣтъ. Бабушка въ день рожденья внучки даритъ ей куклу, а Петръ Максимычъ беретъ ее за щеку и говорить:

— А я тебѣ скоро сдѣлаю подарочекъ... такъ, подарочекъ... угадай какой? — Что не угадала? азбуку съ картинками, дурочка! Хочешь учиться?

— Что это ты, Петинька, съ ума сошелъ: ребенка за щеку беретъ! у нея кожа дѣтская, нѣжная, какъ-разъ сыпь сдѣлается. Что это за ласки? Помилуй скажи.

— Вѣдь я, маменька, чуть дотронулся до нея, — задрѣчиваетъ бригадиръ... Онъ обращается къ Палашѣ: — Хочешь учиться, Палаша?

— Что это ты, сударь, такое говоришь? я не слышу. Бабушка прикладываетъ руку къ уху.

— Я говорю, маменька, что ей пора и за азбуку сѣсть.

— За азбуку? это что еще ты выдумалъ? Слыхано ли дѣло, этакого ребенка за книгу сажать? Успѣетъ и науки вашими выучиться; время еще не ушло.

— Ей семь лѣтъ, маменька. Она побаловалась уже довольно.

— Семь? Присчитывай, батюшка! Всего шесть. Что такое въ-самомъ-дѣлѣ? Она, слава Богу, не кнѣзжанка, — дворянской фамиліи; она и теперь смотритъ какъ княжеское дитя; приданое будетъ; мать хозяйству научитъ. Чего же еще? Не съ неба звѣзды ей хватать! Не въ мадамы вы ее прочите! Я, можно сказать, всѣми была уважаема и любима, а вѣкъ свой прожила безъ книгъ вашихъ.

Впрочемъ черезъ полгода Палашу сэжуютъ за азбуку, а на столъ передъ ней владуть пруть.

— Будешь хорошо учиться, говорить ей Матрена Ивановна, — гостиницу дамъ, а если нѣтъ — розгу. Ну, начнемъ, благословясь.

Учебныя занятія Палашки, къ величайшему ея удовольствію, всякій разъ прерываются бабушкой.

Не довольно ли ребенку-то учиться? говоритъ она своей невѣсткѣ: — вы ее совсѣмъ замучаете.

— Я ее только сію-минуту посадила за книги, маменька.

— Эхъ у васъ больно что-то долги минуты! — Бабушка поводитъ носомъ по комнатѣ. — И здѣсь сыростью, кажется, пахнетъ. Она этакъ того гляди занемочь можетъ. Пусть ее, моя душечка, побѣгаетъ по-солнышку...

Проходитъ два года. Въ домѣ смолкаетъ стукъ ваблуконъ бабушкиныхъ. Старушка лежитъ на возвышеніи, покрытая парчевымъ покровомъ; голосъ осипшаго дьячка раздается въ головахъ ея. «Бабушка умерла» говорятъ Палашѣ. Палаша думаетъ, что ее некому будетъ такъ часто кормить сладостями, и горько плачетъ; но любопытство скоро пересливаетъ ея горестъ. Она

смотреть: около катафалка посыпаютъ ельникъ, съѣзжаются гости, суетятся лакеи и дѣвки. Маменька Палашу взвизгиваетъ и надаетъ на ступеньки катафалка; барыни стонутъ и бросаются къ ней; папенька всхлипываетъ. Всѣ подходятъ къ бабушкѣ и целуютъ ее; няня поднимаетъ Палашу и также подноситъ ее къ бабушкѣ. Палаша опять плачетъ, няня твердитъ ей: — «нишени, голубушка; нишени, мое сердце» и сама заливается. Стонъ, визгъ и крикъ. Гробовщикъ прилаживаетъ крышу гроба.

Бабушку увезли, ельникъ изъ столовой вывели, катафалкъ убрали; на мѣстѣ катафалка — столъ для гостей; на немъ конфеты и ягоды. Маменька и папенька, и гости возвращаются. Маминька ужъ не стоитъ: она бѣгаетъ на кухню отвѣдывать кушанья; папенька ужъ не всхлипываетъ: онъ пробуетъ вина. Всѣ садятся за столъ, всѣ довольны и веселы, всѣ кушаютъ съ аппетитомъ, ѣютъ съ чувствомъ. Блюдамъ конца нѣтъ.

Двѣ недѣли послѣ этого, Палаша наслаждается полной свободой. Маменька не учитъ ея, «оттого что» говоритъ она «надо оправиться мнѣ отъ тяжелой потери; тошнѣхонько! ни что на умъ нейдетъ; словно, какъ на сердцѣ камень.» Няня, послѣ похороннаго стола, всякій день опохмѣляется, по ея словамъ — «съ горя». Пользуясь такими обстоятельствами, дитя въ грязномъ платьѣ съ утра до вечера бѣгаетъ на дворѣ съ замасленными и оборванными крѣпостными дѣвчонками.

Черезъ двѣ недѣли, въ одно утро, Палаша въ комнату у маменьки. Вдругъ является человекъ высочайшаго роста, облеченный въ длиннѣйшій сюртукъ и въ

ужаснѣйшіе сапоги. Этого страннаго челоуѣка называютъ семинаристомъ.

Матрена Ивановна говоритъ семинаристу:

— У меня до тебя покорнѣйшая просьба, мой милый, касательно моеѣ дочери: она ужъ, видишь, дѣвчочка-то на порѣ, — время бы за нее, этакъ, серьезно приняться...

Здѣсь, можетъ-быть, кстати замѣтить, что воспитаніе барышни, 50 лѣтъ назадъ тому, было несравненно проще, чѣмъ теперь. Основы тогдашняго воспитанія барышни были: Русская грамота и домашнее хозяйство. Основы воспитанія барышни нашего времени: французскій языкъ, фортепяно и танцы. Высшая похвала для тогдашней барышни заключалась въ слѣдующихъ словахъ: «да какая она, сударь, я вамъ скажу, хозяйка!» — Высшая похвала для барышни нашего времени заключается въ слѣдующемъ періодѣ: «какъ славно она говоритъ, монъ шеръ, по-французски и какъ хорошо держится, чудо что за турпюра, — отлично воспитана!»...

— Читаетъ-то она прытко, — продолжаетъ Матрена Ивановна: — да ты самъ знаешь, что ей ужъ и за письмо надо приняться, ну а у меня почеркъ-то бабій, да и учена-то я батюшка безъ затѣй, на мѣдныя деньги.

Семинаристъ — учитель Палаша. Онъ ходитъ два раза въ недѣлю: одинъ разъ онъ учитъ Палашу чистописанію, а другой грамматикѣ и священнои исторіи.

Успѣхи Палаша превосходятъ ожиданія родителей. Петръ Максимычъ въ восторгѣ.

— Ай да пузырь мой! — говорить онъ, глядя дочь по головѣ... Признаюсь, Матреша, этого я никакъ не могъ ожидать отъ нее, никакъ!... А каковъ нашъ семинаристъ! Молодецъ, право, нечего сказать!

— Знаешь ли, Петръ Максимычъ, сестрица Арина Купріяновна берется учить ее по-французскому и на фортепьянѣ и ариметикѣ.

— Хорошо. Почему жь... пусть учится. Мы съ тобой, правду сказать, Матреша, обошлись и безъ французскаго діалекта, но коли у дѣвочки есть охота къ ученью, — я не прочь.

Три часа въ день назначаются Палашѣ на уроки; остальное время она или съ куклами или съ представленными къ ней для забавы дѣвчонками, или играетъ съ маменькой въ дурачки и въ свои козыри. Палаша любитъ слушать, когда маменька разсуждаетъ съ гостями о людскихъ недостаткахъ вообще, и о недостаткахъ своихъ пріятельницъ въ особенности. Палаша перемчива. Маменька ссорится съ своими знакомыми и родственниками, — она ссорится съ своими куклами; маменька, бранить своихъ лакеевъ и дѣвокъ; — она бранитъ своихъ дѣвчонокъ. А время идетъ, а воспитаніе Палашы близится къ концу. Палаша уже стыдится играть въ куклы. Ея станъ вытягивается, ея формы круглятся, ея понятія расширяются. Она уже пишетъ четко, хоть не совсѣмъ правильно, дѣлаетъ два первыхъ правила ариметики, кое-какъ разбираетъ французскія книги; подъ руководствомъ тетиньки Арины Купріяновны, танцуетъ экосезъ и матрадуръ и поетъ съ акомпаниментомъ: «Стонетъ сизою голубочкѣ» и проч., или:

«Не свѣти ты мѣсяцъ ясно,
И не мучь мой духъ тоской,
Вспомниая мнѣ всечасно,
Что любезной нѣтъ со мной. .»

Но всего лучше ей нравится пѣсенка :

«Всего богатства міра
На что, на что вы мнѣ?
Когда со мной Темпра,
Когда мы съ ней одѣ?»

Она чаще всего поетъ ее — и грудь ея при этихъ словахъ колыхается, и порой волненіе овладѣваетъ ею при томныхъ звукахъ нѣжной пѣсенки.

Палашѣ 18 лѣтъ!

Палаша читаетъ *Яшенку и Жюоржесту*, или приключеніе двухъ младенцевъ обитающихъ на горѣ, *Таццства Удольфскія* и *Эстеллу*, пастушескій романъ. Всѣ эти книги найдены ею случайно въ кладовой за ларемъ съ мукою. Она впрочемъ не находитъ удовольствія ни въ чувствительности *Флоріяна* и *Дювре-Дюменья*, ни въ ужасахъ *Радлифа*. Ей пріятнѣе сидѣть подь окномъ и смотрѣть на статныхъ ошницеровъ, которые, посвящая, проходятъ или проѣзжаютъ мимо ея по улицѣ. Шестъ лѣтъ просиживаетъ Палаша у окна. Сколько обманутыхъ ожиданій! сколько тревогъ напрасныхъ! сколько даромъ-потраченного слова и воску на свѣткахъ!

Однажды, послѣ обѣда, Матрена Ивановна вьзять чулокъ, безпрестанно спуская петли, а Палаша принести ей *Новышнюю* и *полную поваренную книгу*, собранную изъ весьма достоверныхъ и безчисленными

опытами изслѣдованныхъ домашнихъ записокъ, въ пользу и употребленіе особамъ любящимъ экономію, съ присокупленіемъ, и проч.

— На чомъ-бишь, мы остановились вчера, Палаша?

— На говлящемъ нѣбѣ съ обливкою, маменька.

Матрона Ивановна откладываетъ чулокъ въ сторону.

— Видишь-ли, Палашинька, говоритъ она, какнхъ кушаньевъ, подумаешь, не бываетъ на свѣтѣ; а хозяйкѣ все знать подлежитъ, какъ и что, и также плепорцію во всемъ. Такія книжки полезны и не совращаютъ сердца, какъ другія. Конечно, ты будешь жить *барыней*, но и *барыня* надо имѣть на все свой глазъ, а на холошье племя плохая надежда,

Наставленія доброй матери прерываются приходомъ господина, небольшого росту, курчосаго и лысаго, съ покрахмаленными треугольниками, закрывающими по полу-щежѣ, и съ Владиміромъ 4 степени величины сверхъестественной. Этотъ господинъ принадлежитъ къ числу тѣхъ нравственныхъ и благоразумныхъ людей, у которыхъ глаза всегда закрыты, а ротъ всегда открытъ.

Палаша приподымается, краснѣетъ и роиаетъ книгу.

Господинъ приходитъ въ замѣнательство, извнняется и поднимаетъ книгу.

— Едва ли я не помѣшалъ, — говоритъ онъ, — своимъ приходомъ вашимъ занятіямъ, Матрона Ивановна. Не въ-время гость хуже Татарина.

Господинъ скромно и почтительно улыбается, потупляя глаза.

— И - и - и, Васильй Карнычъ! что это, отецъ мой, ты выдумалъ! восклицаетъ Матрона Ивановна: —

такимъ, какъ вы, гостямъ, сударь, мы всегда рады. Я умѣю цѣнить дружественное расположеніе, Василій Карпычъ.

Матрена Ивановна вздыхаетъ.

— Теперь не то, что бывало! Въ нынѣшнемъ свѣтѣ, что другое развѣ, прости Госноди, а хорошаго человека и днемъ съ огнемъ не отыщешь.

Василій Карпычъ также вздыхаетъ и потомъ обращается къ Палашѣ.

— Чтеніемъ изволили заниматься, Палагея Петровна?

Палаша кусаетъ ногти. — Да-съ.

— Романъ, или какое другое сочиненіе?

— Батюшка Василій Карпычъ, что это такъ? Сохрани Богъ! она у меня романовъ не читаетъ. Чему доброму въ романахъ научишься? Тамъ вѣдь только куры да амуры. Приличное ли это занятіе для благо-родной дѣвицы?

— Вы всегда, замѣчаетъ Василій Карпычъ, прекрасно и здраво разсуждаете, Матрена Ивановна; по-тинно пріятно васъ слушать. Разсуждай такъ всѣ, тогда было бы совсѣмъ иначе.

— Что за романы! продолжаетъ Матрена Ивановна: — я вамъ скажу про себя, Василій Карпычъ, какъ я была вотъ въ ея годы; я и возьми развѣ книжку съ братцова стола. Братецъ, Андрей Иванычъ, все бывало читаетъ книжки. Вы помните его? Вѣдь балагуръ былъ покойникъ? Ахъ, я на своемъ вѣку перенесла-таки потерь, батюшка!... Вотъ, знаете, я и возьми книжку, а книжка-то съ картинками. Что жъ бы вы думали? гляди-

поглядь назадъ, а покойница матушка, дай ей Богъ царство небесное! стоитъ за мною ... Боже ты мой! какъ она притопнетъ, сударь; ногой; какъ выхватить у меня книжку, да въ печку, — я такъ и обомлѣла, — спасибо, тогда съ дѣтьми обращались попросту не понывъшнему и бивали насъ сударь — ну да зато, слава Богу, людьми вышли.

— Такъ это, вѣрно, правоучительная книга у васъ, Палагея Петровна? спрашиваетъ Василій Карпычъ.

— Нѣтъ-съ...

— Приучаю ее къ хозяйству, Василій Карпычъ, — перехватываетъ Матрена Ивановна: — она вѣдь ужъ у меня невѣста... Это книжка поварская и кондитерская, — прекрасная книжка! Отецъ сдѣлалъ ей презентъ въ рожденъе. Она по ней и варенье сама варить, и кремъ изъ ягодъ дѣлаетъ, и сухарики къ чаю... Какъ-бышь они называются, Палаша?

— Бискотинны, маменька-съ.

— И еще есть какое-то другое названіе?

— Сухарики съ ошлейными узлами.

— Да, вотъ изволите видѣть, еще съ ошлейными узлами. Вишь какія хитрости! А какъ они готовятся?

Палаша краснѣетъ.

— Ну, скажи же, дурочка, не краснѣй. Василій Карпычъ свой человекъ.

Палаша говоритъ, точно читая во книгѣ, только нѣсколько запинаясь:

— Берется четвертая часть осьмухи муки, въ середкѣ дѣлается яма ... въ нее положить надо двѣ ложки мармелады...

— Двѣ-съ? перебиваетъ Василій Карпычъ.

— Да-съ, и сахару... кусокъ величиною въ яйцо, все это вмѣстѣ мѣсится съ тремя яичными бѣлками, потомъ... тѣсто раскатать и рѣзать надо филиейными узелками... потомъ положить его на мѣдный листъ и печь въ вольной печи... покуда зарумянятся-съ.

— Вотъ, сударь, какъ! Мы сегодня васъ, Василій Карпычъ, за чаемъ поподтуемъ нашимъ издѣльемъ.

Самоваръ шипитъ на столѣ; Палаша разливаетъ чай; Василій Карпычъ обмакиваетъ въ чашку сухарики съ филиейными узлами и нѣжно смотритъ на Палашу и говорить ей:

— Безподобные сухари! такъ сами, можно-сказать, во рту и таютъ. Приятно имѣть у себя въ домѣ такую хозяйку...

И хорошенько сообразивъ свои обстоятельства и побудивъ о неудобствахъ холостой жизни, Василій Карпычъ черезъ годъ рѣшается просить у Петра Максимыча и у Матрены Ивановны руки Палагеи Петровны. «Она уже дѣвица солидная» — думаетъ Василій Карпычъ: «не слишкомъ молода и не стара, къ тому же изъ нравственнаго семейства. Все это, кажется, необходимо должно упрочить семейное счастье.» Петръ Максимычъ, послѣ долгаго совѣщанія съ Матреной Ивановной, даетъ Василю Карпычу слово за себя и за дочь, и потомъ поздравляетъ Палашу съ женихомъ.

— Ужь я предчувствовала, говоритъ Матрена Ивановна, что Госнодь пристроитъ ее въ этотъ годъ. Да и поминишь, Петръ Максимычъ, я приносила тебѣ показывать, какъ ей слово-то вышло. Точно теперь вижу:

двѣ фигуры, мужская и женская; мужская вотъ точно Василій Карнычъ, и подаетъ женской фигурѣ руку.

— Мужская фигура, маменька, была съ усами, — замѣчаетъ Палаша.

— Съ усами! экой вздоръ! чего не выдумаешь!

Палаша — идеаль русскою невнимости. Она не имѣетъ еще никакого опредѣленнаго понятія о мужѣ и о его главныхъ обязанностяхъ, но ей по какому-то неопредѣленному чувству хочется имѣть мужа помоложе и въ офицерскомъ мундирѣ. Она, сидя у окна, особенно подмѣтила одного офицера, который впоследствіи протанцовалъ съ нею экоссеэ въ дворянскомъ танцевальномъ собраніи. Этотъ офицеръ — герой своего времени. Онъ иррегулярнаго роста, съ курчавыми волосами и длинными усами; пристыжая его завидается въ кольцо, онъ щекотитъ ее кнудомъ и самъ управляетъ ею съ ловкостію изумительною. Никто легче его не мечетъ штось; никто искушенъ его не пускаетъ изъ рта кольца дыму; никто не барышничаетъ выгодыю его лошадыни.

Палаша знаетъ, что мужъ съ женой цалуются (она видитъ какъ папенька цалуетъ маменьку) и ей лучше хочется цаловать усатаго и удалаго офицера чѣмъ лысаго и скромнаго чиновника. Впрочемъ, она не слишкомъ удивлена и огорчена выборомъ папеньки и маменьки. Она даже радуется, когда узнаетъ; что ей стануть шить приданое, что она будетъ жить сама по себѣ *барыней*, что женихъ ея столбовой дворянинъ и владѣеть 291-й душой.

Наканунъ свадьбы Матрена Ивановна долго о чемъ-

Барыня.

то важномъ, попотомъ разсуждаетъ съ дочерью, но къ сожалѣнiю, подслушать материнскихъ наставленiй нѣтъ возможности...

Свадьба парадная. Невѣста плачетъ больше по обычаю, чѣмъ по чувству. Матрона Ивановна заливается... Гостей не сосчитать. Женихъ въ мундирѣ и съ улыбкой. Онъ сидитъ съ молодой за столомъ, уставленнымъ конфектами, свѣчами и фруктами. Оба они не шевелятся. Музыка гремитъ... Шампанское льется въ уста, поздравленiя истекають изъ усть; маменька съ маменькой въ заднихъ комнатахъ мѣряють вѣчальные свѣчи; раскрываются карточные столы; посажовый отецъ Палаша — генералъ со звѣздой, смотритъ съ чувствомъ на зеленое сукно и говоритъ: «обновимъ, сударь, столики-то, обновимъ.» Начинаются танцы; часа три за полночь...

На слѣдующее утро Палаша превращается въ Палагею Петровну. Она сидитъ задумавшись и въ чепцѣ. Василiй Карнычъ подходитъ къ ней въ новомъ шелковомъ халатѣ и въ новыхъ торжковскихъ туфляхъ, шитыхъ золотомъ. Онъ смотритъ на жену съ нежностью и цалуетъ ей ручку. Его лысина по-утру свѣтится ярче обыкновеннаго, потому-что онъ не успѣлъ еще зачесать волосъ съ затылка. Палагея Петровна смотритъ на него робко и краснѣетъ.

— И такъ я могу уже назвать себя вполне счастливымъ, Палаш... Палагея Петровна? — говоритъ Василiй Карнычъ.

Палагея Петровна смотритъ на него изъ подлѣбья и молчитъ.

Василій Карпычъ улыбается.

— Поцалуйте меня, Палагея Петровна.

Онъ протягиваетъ къ ней руки и губы.

— Полноте-съ. (Палагея Петровна, краснѣя, вырывается отъ него и убѣгаетъ.)

— Сначала оно, конечно, думаетъ Василій Карпычъ, великого дѣло; ну, а потомъ, натурально, привыкнетъ.

Палагея Петровна всякій день примѣриваетъ наряды, выезжаетъ съ визитами, смотритъ въ театрѣ «Днѣпровскую Русалку». Все для нея ново и замалчиво. Она почти прыгаетъ отъ радости.

Василій Карпычъ смотритъ на нее и говоритъ про себя:

— Настоящая козочка!

Медовый мѣсяць проходитъ незамѣтно, а за нимъ и другой, и третій. Палагея Петровна начинаетъ привыкать къ своему новому состоянію. Она зоветъ Василія Карпыча — Васенькой; она тихо подкрадывается къ нему, когда онъ занимается дѣлами, цалуетъ его въ лысину и говоритъ:

— Мы поѣдемъ сегодня въ театрѣ, дружочекъ?

У Василія Карпыча выпадаетъ перо изъ рукъ; онъ сдергиваетъ очки съ носу; онъ сажаетъ Палагею Петровну на колѣни и шепчетъ въ волненіи:

— Изволь; поѣдемъ, милочка... Поѣдемъ.

Въ другой разъ она печальна; глаза ея заплаканы. Василій Карпычъ ходитъ около нея въ бѣспокойствѣ:

— Чтò это съ тобой, мое сердце, скажи пожалуйста?

— Ничего.

*

— Какъ ничего? да ты на себя не похожа, а?

— Съ чего это вы взяли? Кажется, всё такая же.

— Что же ты, милочка, сердилъся? Не болитъ ли у тебя что-нибудь? Скажи, не скрывайся... Поѣдемъ ли мы вечеромъ къ Улягѣ Михайловнѣ, какъ ты думаешь?

— Нѣтъ, я не могу ѣхать; вы — какъ хотите.

— Отъ чего же ты не можешь?

— Потому что у меня мигрень, Ктому же я не хочу быть одѣта хуже какой-нибудь Степаниды Ивановны.

— Какъ хуже? Съ чего же ты это взяла, милочка?

— А съ того, что у меня нѣтъ такихъ вещей, какъ у нея. Прошедшій разъ всё такъ и ахали отъ ея желтой шали, а я сидѣла, съ позволенія сказать, какъ оплеванная.

— Ну, милочка, отъ чего же... Если тебѣ такъ хочется желтой шали, я не прочь. Не хмурься, мой ангелъ....

При послѣднихъ словахъ, лицо Палагеи Петровны начинаетъ свѣтлѣть. Она восклицаетъ: — Въ самомъ дѣлѣ, папаша? — и бросается къ мужу на шею...

О вы, благосклонная и разсудительная читательница моя (если я удостоюсь чести имѣть таковую)! Вы, вѣрно, не потребуете отъ меня, чтобы я слѣдилъ за каждой минутой, за каждымъ днемъ моей героини. Пусть яркое воображеніе ваше дополняетъ пропуски, расцвѣчаетъ блѣдныя мѣста, и изъ этихъ очерковъ, небрежно набросанныхъ, создаетъ картину!

Черезъ годъ послѣ женитьбы, а можетъ-быть нѣ-

сколько и раньше, Василий Карпычъ начинаетъ убѣждаться въ истинѣ, конечно допотопной, во въ которой всѣ, читатель мой, убѣждаемся слишкомъ поздно, — въ великой истинѣ, что рѣзы не бываютъ безъ шиповъ. Палагея Петровна, иногда по цѣлымъ днямъ, не говоритъ съ нимъ, а если и говоритъ, то очень колко; ея требованія увеличиваются съ каждою недѣлею и начинаютъ превышать средства Василя Карпыча; у нея открываются истерическіе припадки — страшная болѣзнь для небогатыхъ и чувствительныхъ мужей.

Между-тѣмъ тотъ самый удалой и усатый офицеръ, котораго Палагея Петровна подмѣтила еще въ дѣвницахъ, знакомится съ Васильемъ Карпычемъ. Онъ ѣздитъ къ нему въ домъ чаще и чаще.

Усы у него, какъ смоль черные и завитые въ пальца; взглядъ пронзительный, ястребиный; ротъ точно кухонная труба — вѣчно дымящійся. Онъ крутитъ усы, поводитъ глазами, и рассказываетъ о своей силѣ и геройствѣ.

У Палагеи Петровны альбомъ. Въ этомъ альбомѣ стишки и картинки. Вотъ крестъ, сердце и якорь; вотъ цвѣтокъ и бабочка; вотъ храмъ Амура въ лѣску, а подъ нимъ надпись:

«Крылатому божку все въ свѣтъ покоренно.

«Онъ былъ нашъ царь, или есть, или будетъ неперемѣнно.»

Палагея Петровна подаетъ альбомъ офицеру. Она проситъ его написать ей что-нибудь на память. Офицеръ улыбается и говоритъ:

— Наше дѣло, сударыня, рубиться или стрѣлять. Вотъ если бы вы приказали, напримѣръ, выстрѣлить мнѣ

изъ пистолета въ сердце туза шагахъ хотъ на пятидесяти этакъ, ну, тогда я отвѣчаю за себя, а стинки писать, я, признаться, не мастеръ. Впрочемъ для васъ (онъ беретъ альбомъ), такъ и быть, смастерю два, три стинка не хуже другихъ.

Онъ пишетъ въ альбомѣ:

«Время жизни скоротечно
Должно радости прожить,
Что-же делать, ну конѣчно
Все смеется и любить.»

И скоротечное время точно льется радостно для Палаген Петровны. Она выѣзжаетъ въ гости ежедневно; если же иногда остается дома, то посымаетъ за своей знакомой — бѣдной дѣвицей лѣтъ сорока, которая мастерица гадать въ карты.

— Александра Андреевна, душенька, погадайте мнѣ! говоритъ Палагея Петровна пришедшей дѣвицѣ.

— Извольте, сударыня, съ удовольствіемъ, отвѣчаетъ дѣвица. — На васъ прикажете загадать?

— Да, на меня.

— Вы вѣдь червонная дама?

— Червонная.

Дѣвица раскладываетъ карты и качаетъ головой въ задумчивости.

— Скажите, пожалуйста, говоритъ дѣвица: — какое вамъ, можно-сказать, особенное счастье... Большой интересъ: вѣрно изъ деревни... при очень пріятномъ письмѣ... правда, будутъ маленькія непріятности... вотъ отъ этой отъ пикової дамы, — впрочемъ это ничего... сейчасъ пройдутъ... на дняхъ вы услышите

самую радостную вѣсть и опять интересъ... объ васъ все думаетъ какой-то трефовый король...

Палагея Петровна улыбается.

— Какой же это такой? я никакого трефоваго короля, кажется, не знаю.

— Такъ выходить по картамъ... извольте видѣть: всѣ мысли его устремлены на васъ... ему какое-то препятствіе, однако онъ не боится его...

— А что значить эта пиковая десятка? — огорченіе?

— Напротивъ, будто вы не извольте знать, что означаетъ эта карта.

Девница потупляетъ глаза.

— Вотъ исполненіе всѣхъ вашихъ желаній... а трефовый-то король, извольте посмотрѣть: просто-таки не отходитъ отъ васъ.

Палагея Петровна смѣется.

— Спасибо вамъ, душенька. Не погадаете ли вы мнѣ ужь и на кофе?...

Приносятъ кофейную гушу...

Два года какъ Палагея Петровна замужемъ, а власть ея надъ мужемъ неограниченна. Она полная хозяйка въ домѣ... Наконецъ, она беременна!

Услышаны молитвы добраго Василья Карпыча. Еще никогда онъ не былъ такъ веселъ — даже при награжденіи орденомъ, даже при полученіи чина...

— Что-то Богъ дастъ! спрашиваетъ самого себя Василій Карпычъ: — сынишка, или дочушка? а въ самомъ дѣлѣ что лучше: сыночекъ или дочка?

Онъ задумывается и потомъ обращается къ жемъ:

— Душенька, ты чего хочешь, — сына, или дочку?

Палагея Петровна краснеетъ.

— Полно-те, что это...

— Ничь не шутя, сважи, мой другъ.

— Я хочу дочь.

— Гм! а я такъ сына.

— Мальчики всѣ шалуны, — говоритъ Палагея Петровна: — съ мальчиками и сдѣлаться трудно, на нихъ и надежда плохая; ихъ, какъ ни ласкай — они все за двери смотрять; дочь же всегда при матери.

— Это вздоръ, мое сердце. Богъ съ ними съ этими лоскутницами. Сынь издержекъ такихъ не требуетъ.

— Лоскутницы? какое милое слово вы сочинили! Гдѣ это вы слышали такое слово? ... У васъ все на умѣ издержки: это на мой счетъ. Кажется, я не много издерживаю, не разоряю васъ...

Палагея Петровна вскакиваетъ со стула и выходитъ изъ комнаты, хлопая дверью. Она удаляется къ себѣ и плачетъ. Матрена Ивановна — мать Палагеи Петровны, застаётъ ее въ слезахъ и поднимаетъ ужасный шумъ въ домѣ.

— Слыхано ли дѣло, кричитъ она, — бранить беременную женщину. Экой извергъ!

— Маменька ... маменька ... начинаетъ смущенный Василій Карпычъ.

— И слушать, сударь, ничего не хочу! восклицаетъ Матрена Ивановна, затыкая уши. — Она у меня привыкла въ деликатному обращенію, воспитана была по барски...

Однако несмотря на желаніе имѣть дочь, Палагея

Петровна разръшается — сыномъ. Она не въ духѣ, она принимала бы и поздравленія равнодушно, если бы барыни, поздравляющія ее, не клали къ ней подъ подушку червонцевъ завернутыхъ изъ деликатности въ бумажку, на зубокъ новорожденному. Василій Карпычъ въ торжествѣ. Онъ, потирая руки, думаетъ: «Пріятно быть отцомъ, ей-Богу пріятно. И такъ, именно какъ я хотѣлъ: мальчикъ! люблю мальчиковъ, дѣвочки со всѣмъ другое...»

На крестинахъ множество гостей. Воспріемники: генералъ и генеральша; младенца нарекаютъ Петромъ, въ честь дѣдушки. Повивальная бабушка въ парадномъ ченцѣ обходитъ гостей съ покалами и съ поклонами. Гости отпиваютъ по четверти покала и, судорожно пожмаясь, кладутъ на поднось красенькія, синенькія и цѣлковые, — послѣ чего отправляются къ зеленымъ столамъ, въ надеждѣ возвратитъ въ карманъ свои невольныя пожертвованія.

Ровно черезъ годъ повторяется тотъ же праздникъ въ домѣ Василья Карпыча и съ тѣми же китайскими церемоніями. Палагеѣ Петровнѣ Богъ даетъ дочку. Дочку, на общемъ родственномъ совѣщаніи, хотятъ наречь Матреной — въ честь бабушки; но Палагея Петровна видѣла во снѣ, какъ рассказываетъ она, («какого-то старичка; старичокъ всякій разъ грозилъ ей пальцемъ и говорилъ: нареки новорожденную дочь свою Любовью, слышишь? — и потомъ исчезалъ.»)

Петруша — фаворитъ папеньки, Любочка — фаворитка маменьки. Отсюда начало новыхъ неудовольствій у папеньки съ маменькой.

Въ самый годъ рожденія Любочки, Французъ врывается въ предѣлы Россіи. — Онъ въ Москвѣ... Петербургскія барыни въ ужасъ. — Василій Карпычъ читаетъ Палагею Петровнѣ журналъ:

«Кровожадный, ненасытимый опустошитель, разорившій Европу отъ одного конца до другаго, не перестаетъ ослѣплять всѣхъ своимъ кощунствомъ и лжами, стараясь содѣлать малодушныхъ и подлыхъ сообщниковъ своихъ еще малодушнѣе и подлѣе, если то возможно. Внемли, коварный притѣснитель, внемли и трепещи! не одно потомство станетъ судить козны и злодѣяства твои — современники судятъ ихъ...»

Палагея Петровна содрогается отъ этихъ громовыхъ строкъ. Офицеръ съ черными усами и съ ястребинымъ взглядомъ, оставшійся сначала въ Петербургѣ съ запаснымъ эскадрономъ, посылается въ дѣйствующую армию. Онъ гремитъ саблей, крутитъ усы и говоритъ:

«Вотъ я ихъ щёлкоперыхъ Французовъ, погоди! И до самого-то голубчика доберусь.»

Но судьба, видно, спасая до времени Наполеона, опредѣляетъ офицеру остаться въ Петербургѣ. Ему кто-то наступаетъ на ногу гдѣ-то въ тѣснотѣ и, не виноватся. Онъ вызываетъ грубіяна на дуэль и даетъ промахъ, а противникъ оставляетъ его на мѣстѣ.

Надежды его на уменьшеніе домашнихъ расходовъ не сбываются, а годъ — и еще какіе годъ! — идутъ своимъ чередомъ, а между-тѣмъ чело добраго Василія Карпыча «какъ черешъ голый». Палагея Петровна, не смотря на прибавившіяся издержки отъ умноженія се-

нейства, кричить: «Я хочу чтобы у *моя* (она перестает говорить у *мать*) въ домъ, все было на *барской нога!*» — и наряжается еще хуже прежняго, хотя ей гораздо за 30 лѣтъ.

Послѣ Палагеи Петровны главные распорядители въ домъ: новый дворецкій Илья и горничная Даша. Илья надзираетъ за порядкомъ, и ничего не дѣлаетъ. Его зовутъ Ильей Назарычемъ. У него своя комната, енотовая шуба, пестрые атласные жилеты и бисерный шнурокъ на часахъ. Даша лѣтъ 32-хъ; она солить грибы, варить варенья, приготовляетъ наливки и водки; ходитъ за барыней и съ *барскаго плеча* получаетъ капоты и платья; бранится съ остальными дѣвками, которыя бѣгаютъ въ затрапезныхъ платьяхъ безъ чулковъ и называютъ Дашу — Дарьей Ивановной. Послѣ дворецкаго Ильи, она вообще пользуется безпредѣльною довѣренностию барыни. По-вечерамъ, раздѣвая барыню, Даша передаетъ ей все узнанное ею въ продолженіи дня дома и у сосѣдей, а по-утрамъ, одѣвая ее, досказываетъ то, чего не успѣла передать вечеромъ. Дашѣ дозволяется грубить барыню, пить по воскресеньямъ наливку, принимать къ себѣ гостей, и проч. Дашу всѣ ненавидятъ въ домъ, исключая барыни. Дашу всѣ боятся, не исключая и барыни.

Маменька и папенька Палагеи Петровны умираютъ. Палагея Петровна перестаетъ танцовать. Характеръ ея установился: она играетъ въ карты, нюхаетъ табакъ, ничего не начинаетъ въ поведѣльничкѣ; не садится за столъ, гдѣ тринадцать приборовъ; не входитъ въ

ту комнату, гдѣ три свѣчи; въ отчаяніи, если кто при ней просыплетъ соль за обѣдомъ, и проч. Она очень уважаетъ одну барыню, генеральшу, которая слыветъ въ своемъ кругу необыкновенно-добродѣтельной женщиной. У генеральши дни по вторникамъ — и Палагея Петровна не пропускаетъ ни одного вторника. Генеральша любитъ экономію, карты и нюхальный табакъ. Она, кромѣ дохода съ двухъ каменныхъ домовъ, получаетъ доходъ съ своихъ вторниковъ отъ картъ. Она, по обыкновенію, сама подкуетъ гостей картами: въ одной рукѣ у нея игра нераспечатанная, а въ другой нѣсколько потеряная, хотя всѣ гости увѣрены, что эта игра сейчасъ только распечатана ею. Такимъ образомъ у нея остается въ запасъ отъ каждаго стола по одной игрѣ. Она знаетъ именины и рожденіе всѣхъ гостей, играющихъ у нея по вторникамъ въ карты и принимаетъ родственное участіе въ постороннихъ домашнихъ обстоятельствахъ. Палагея Петровна называетъ генеральшу своимъ истиннымъ другомъ и во всемъ пользуется ея совѣтами, хотя исподтишка посмѣивается надъ ея скупостью, Петербургскія барыни начинаютъ кричать про Палагею Петровну: «Ахъ, какая милая! ахъ, какая пріятная! ахъ, какая любезная! ахъ, какая добрая! ахъ, ахъ! и проч. Василій Карпычъ закладываетъ въ Ломбардъ свои 290 душъ. Онъ жалуется на неумѣренныя расходы и замѣчаетъ, что «ему скоро придется дѣлать деньги.» Палагея Петровна сердится и возражаетъ по-прежнему: «Я барыня; я хочу жить по-барски; изъ одной амбиціи не захочу быть хуже другихъ» и проч.

— Но, милый другъ, — говоритъ Василій Карпычъ жень: — я не пикнулъ бы о расходахъ, если бы имѣнiе наше не было разорено. Тебѣ извѣстно, что твои смоленскiе мужички послѣ бестii-Француза до-сихъ-поръ справиться не могутъ.

— До-сихъ-поръ! Не понимаю. Просто надо старосту смѣнить. Флегошка ужасный мошенникъ; объ этомъ и маменька-покойница всегда говорила. Увеличить оброкъ, такъ и доходы прибавятся. Вы просто безпечны. Нечего баловать мужиковъ-то; чтѣ на нихъ смотрѣть! Намъ теперь надо думать объ учителяхъ для дѣтей, надо нанять гувернантку для Любочки. Я хочу, чтобъ мои дѣти были въ самомъ лучшемъ кругу, чтобъ они блестяли.

Палагея Петровна въ тотъ же день говоритъ генеральшѣ.

— Вы не повѣрите, Анна Михайловна, какъ трудно нынче съискать хорошую гувернантку. Съ дѣтьми, я вамъ скажу, столько хлопотъ, такая коммиссiя! И то надо имъ и другое. Я вѣдь не такъ какъ другiя матери, вы это знаете; другимъ матерямъ и горя мало, у другихъ и сердце не болитъ, а я ужъ не могу.

— Знаю, матушка, знаю, — возражаетъ добродѣтельная генеральша — ты примѣрная мать!

Палагея Петровна вздыхаетъ.

— Теперь вотъ заботишься объ нихъ и ночи не спишь, а утѣшенiе-то еще Богъ-знаетъ когда будетъ.

— Правда твоя, матушка, правда.

— Не знаете ли вы, Анна Михайловна, гдѣ бы мнѣ достать такой гувернантки, чтобъ и нравственность была и на фортепяно могла давать уроки, и по-французски бы говорила — это первое условіе, ну и гулять чтобы ходила съ дѣтьми.

— Постой, матушка, — вотъ, что мнѣ пришло на умъ, кабы у Авдея Сергѣича переманить гувернантку.

— Да можетъ очень дорогоая?

— Нѣтъ, онъ платитъ ей рублей 300, не то 400. Дѣвица хорошая, въ разговоры съ гостями не вмѣшивается, — сидитъ, или съ дѣтьми или въ уголку, — свое мѣсто знаетъ. Погоди, я тебѣ, матушка, обработаю это дѣльцо.

Гувернантку переманили. Она говоритъ Любочкѣ: *тене ву друать*, даетъ ей и Петинкѣ уроки на фортепяно, учитъ ихъ по-французски, географіи, исторіи и ариметикѣ. Палагея Петровна довольна ею и держитъ ее въ приличномъ отъ себя отдаленіи.

— Вене иси, — говоритъ ей Палагея Петровна, — что это у Любочки прыщикъ на лбу?

— Не знаю-съ.

— Какъ же не знаете? Кому же это и знать, какъ не вамъ? Вы должны за дѣтьми хорошенько смотрѣть. Ужъ это, милая, ваша отвѣтственность.

Любочка рѣзвится, бренчитъ на фортепяно, кое-какъ болтаетъ по-французски и беретъ уроки у танцмейстера. Она въ рожденіе маленьки приходитъ утромъ къ ея постели, поздравляетъ ее и говоритъ наизусть басню *la cigale et la fourmi*, а вечеромъ при гостяхъ

танцуетъ по-русски въ сарафанѣ. — Это и мнѣ сюрпризъ, говорить восхищенная маменька, обращаясь къ гостямъ.

Петинька пресмирный, онъ плохо танцуетъ, онъ совсѣмъ не можетъ разбирать ноты, его способности ограниченны.

Любочка безпрестанно ласкается къ маменькѣ, Петруша вообще не ласковъ, и Палагея Петровна не рѣдко повторяетъ при немъ:

Какъ же мнѣ не любить Любочку больше, она ласковое дитя, — а не даромъ говорятъ, что ласковое телятко двѣ матки сосетъ.

Впрочемъ всѣ единогласно находятъ, что у Петруши почеркъ бойкій. Въ день именинъ папеньки, онъ подноситъ ему стихи на почтовомъ листѣ, поздравляетъ его, и потомъ начинаетъ эти стихи декламировать наизусть:

«Въ день ангела священный

Тебѣ, родитель незабвенный.» и проч.

Василій Карпычъ растроганъ. Онъ обнимаетъ Петиньку и даритъ гувернанткѣ ситцу на платье. Дашѣ завидно, что на гувернанткѣ обновы, и она начинаетъ коситься на гувернантку и грубить ей; она даже въ одинъ вечеръ намѣкаетъ барынѣ, что баринъ слишкомъ привѣтливо смотритъ на мамзель и божится, что ситецъ, подаренный бариномъ мамзели, стоитъ рубли 2 аршинъ. Даша достигаетъ своей цѣли. Ея доносъ дѣлаетъ сильное впечатлѣніе на Палагею Петровну. Палагея Петровна съ этой минуты преслѣдуетъ гувернантку и скоро отказываетъ ей отъ мѣста, прискавъ заранѣе другую, подешевле.

Утро. Палагея Петровна кушаетъ кофе. Цвѣтъ лица ея померанцовый и подъ глазами легкая тѣнь. Даша входитъ.

— Учитель прѣшелъ, сударыня.

— Французъ! ну такъ мнѣ что за дѣло: пусть его идетъ къ дѣтямъ. (Надо замѣтить, что французскій учитель давно нанятъ для дѣтей.)

— Нѣтъ, сударыня, новый учитель, такъ по-русски прекрасно говорить, должно быть Русскій.

А-а! пусть подождетъ. Я сейчасъ войду. Каковъ онъ, Даша?

— Изъ себя недуренъ, сударыня, — такой плотный, высокій.

Черезъ четверть часа Палагея Петровна выходитъ къ учителю. Цвѣтъ ея лица сливочный и на щекахъ розы. Учитель лѣтъ 27, во фракѣ съ высокими воротникомъ, на рукавахъ пуфы, талия на затылкѣ, фалды ниже колѣвъ, на шеѣ волосяной галстухъ, грудь прикрита черной атласной манишкой со складками, въ серединѣ манишки фальшивый яхонтъ, панталоны узенькіе и безъ штрипокъ, сапоги со скрыпомъ. Онъ франтъ и изъ семинаристовъ. При видѣ Палагеи Петровны учитель дѣлаетъ шагъ впередъ, шагъ назадъ и кланяется краснѣя.

— Васъ Николай Лукичъ прѣдѣлъ ко мнѣ?

Учитель вынимаетъ изъ кармана пестрый фуляръ, отряхаетъ его и сморщется.

— Точно такъ-съ. Онъ-съ.

Палагея Петровна смотрится въ зеркало и опускается на стулъ.

— Садитесь пожалуйста, — говоритъ она учителю, показывая на другой стулъ.

Учитель спотыкается и садится.

— Вы откуда?

— Я изъ Харькова-сь; теперь состою здѣсь въ званіи учителя-сь.

— Гм! мнѣ нужно приготовить сына моего для поступления въ гимназію; ему 13 лѣтъ. Кстати, вы займетесь и съ дочерью моею географіей и другими науками? Мнѣ Николай Лукничъ говорилъ, что вы всѣмъ наукамъ можете обучать?

Учитель съ педагогическою мрачностію поводитъ бровями.

— Почему же-сь? Я преподаю дѣтямъ не только приуготовительныя, элементарныя такъ-сказать науки, но и высшія, напримеръ: реторику, алгебру, геометрію, также всеобщую исторію и географію, по принятымъ въ учебныхъ заведеніяхъ руководствамъ, статистику — по Гейку или по Зябловскому, это почти всё-равно, разница не велика-сь... ну и латинскій языкъ тоже! безъ него въ гимназію, я вамъ скажу, поступить нельзя, необходимо пройти склоненія и отчасти спряженія. Латинскій языкъ есть фундаментъ, или лучше-сказать корень всѣхъ языковъ, отъ образуется языкъ, ибо всѣ лучшіе классическіе писатели на латинскомъ языкѣ писали. Вотъ Виргилій, Гораций, Цицеронъ...

— Да знаю, знаю... А почему вы за урокъ берете?

Учитель кусаетъ губу и потупляетъ глаза.

— Обыкновенно... цѣна известная-сь: за два часа по пяти рублей.

Барина.

3

— По пяти рублей?! А мнѣ Николай Лукичъ, кажется, сказалъ, что по два съ полтиной?

— Нѣтъ-съ, какъ можно-съ.

Учитель приподнимается со стула нѣсколько обиженный.

— Право, кажется, пять рублей дорого. Я Французу пять рублей плачу. Видѣ ихъ не Богъ-знаетъ какими наукамъ обучать. Иное дѣло если бы они были побольше, я бы ни слова не сказала, а то вы сами посмотрите...

— Въ такомъ возрастѣ, сударыня, руководить дѣтскими способностями, или лучше-сказать развивать въ нихъ зерно талантовъ — это, я вамъ скажу, еще труднѣе.

Учитель пятится назадъ.

— Такъ вы ничего дешевле не возьмете.

— Нѣтъ-съ. Мое почтеніе.

Учитель хочетъ идти.

— По-крайней-мѣрѣ не можете ли вы два съ половиной часа заниматься съ ними, вмѣсто двухъ?

— Это собственно опредѣлить нельзя-съ, иногда долѣе, иногда ровно два часа, смотря какъ...

— Ну ужъ нечего дѣлать. Признаюсь вамъ, я до рожу только рекомендаціей Николая Лукича...

Василій Карпычъ возвращается изъ должности.

— Что, душечка, былъ учитель?

— Да. Я съ нимъ кончила. Съ завтрашняго дня будетъ ходить. Только, вообрази, какъ дорого, по 5 рублей за два часа, и ни полушки не хотѣлъ уступить. Такой право! Но видно сейчасъ, что очень ученый, —

только, знаешь, всё эти ученые претудакн. У нихъ у всѣхъ пресмиинныя манеры.

— Оно конечно по пяти рублей... впрочемъ чтожь дѣлать!

— Ужь, я думаю, не взять ли имъ учителя по-проще. Право... ну когда будутъ по-старше, тогда разумѣется.

— Куда не шло, душечка! — Василій Карнычъ махаетъ рукой. — Что какой нибудь рубль или два жалтъ, за то умнѣе будутъ.

Петруша поступаетъ въ гимназію.

— Видишь ли, говоритъ Василій Карнычъ женѣ и родственникамъ, — хорошо, что мы согласились взять этого учителя. Онъ не дешевъ, такъ, но зато старателевъ, и нечего сказать, мастеръ своего дѣла. Петруша славно выдержалъ экзаменъ, — объ этомъ имѣ самъ директоръ сказывалъ.

Учитель продолжаетъ давать уроки Любашѣ. Онъ уже проходитъ съ нею реторику.

Онъ говоритъ ей о *качествахъ, принадлежностяхъ, свойствахъ, дѣйствіяхъ и страданіяхъ*, замѣчая, что положеніе предмета можетъ быть *величественное, прелестное, живописное и смѣшное*.

— Возьмемъ примѣръ хоть *прелестнаго* :

Чижь обращается къ зяблицѣ :

«И ей со вздохомъ и слезами

Носокъ повѣся, говоритъ...»

Вы сейчасъ чувствуете, что это выражено прелестно... Не правда-ли?

— Да-съ, чувствую, отвѣчаетъ Любочка.

Ну... теперь образец величественнаго. Благородный сказалъ: «Россия одѣлана лучезарнымъ сіяніемъ, въ неприступномъ величїи, вѣнчающій шлемъ осеняетъ чело ея и проч.» Это напримѣръ величественнаго и выражено возвышеннымъ слогомъ, ибо, какъ увидимъ далѣе, слогъ раздѣляется на *простой*, *средній* и *возвышенный*. Проза, извольте видѣть, по противоположности стихамъ и отчасти періодамъ, есть способъ писать, по-видимому безъ всякихъ правилъ, на удачу, безъ всякаго отчета. Кто не имѣетъ ни какого слога, тотъ пишетъ прозою, то есть *prosoluta oratione*; но кто знаетъ мѣру стиховъ и соразмѣрность періодовъ, по чувству и вкусу, заимствуя нѣчто отъ обоихъ, того проза бываетъ изящною или прекрасною или *фигуральною*, что увидимъ ниже, говоря о тропяхъ и фигурахъ. Къ слѣдующему классу извольте-ся выучить первыя строфы изъ оды: *Россу по взятїи Измаила*.

Въ 18 лѣтъ Любочка оканчиваетъ курсъ. Учителемъ отказываютъ, не доплативъ ему рублей 50 изъ слѣдующихъ за уроки.

Любочка дѣвица вполне образованная. У нее между прочимъ прїятный голосокъ. Она безъ всякаго посторонняго пособія выучилась пѣть: *Талисманъ* и *Ты не повѣришь, ты не повѣришь, какъ ты жила*. Когда Любочка поетъ, гости-барыни, говорящія и не говорящія по-французски, повторяютъ: — *Шарманъ!* а Палагея Петровна бьетъ рукой тактъ и восклицаетъ въ порывѣ материнскаго восторга: — *се жюла!*

Маменька вывозитъ Любочку на танцевальныя вечера, въ театры, въ концерты, къ фокусникамъ, къ цир-

ботанъ. Любочка съ нею на вѣкъ гуляющихъ, на вѣкъ процессиыхъ печальныхъ и радостныхъ, на парадѣхъ и разводахъ. Любочку втеченіи 6 лѣтъ прокатываютъ ежедневно по Невскому проспекту въ коляскѣ или въ каретѣ, запряженной четвернею, которую кормятъ овсомъ черезъ день, по случаю дороговизны овса. Любочка съ мамонькой известны всему Петербургу. Любочка всегда вытянутая какъ струнка и съ дорнотомъ въ рукѣ: она близорука, и мѣлый дѣлъ всё говорить о княжнахъ и графиняхъ. Впродолженіи шести лѣтъ Любочки прибавилась только одна годъ. Она остановилась на 20 году. Палагея Петровна питаетъ непримиримую ненависть ко всѣмъ матерямъ, у которыхъ дочерцъ-невесты и злословить ихъ немилосердо. Шестъ лѣтъ сряду, она, какъ паукъ раскидываетъ вокругъ дочери тонкую паутину и уславивается ловить жениховъ, какъ мухъ. Александра Андѣевна — дѣвнпга-гадальница, всё по прежнему раскладываетъ карты и говоритъ, что «Любовь Васильевна выходитъ по картамъ женихъ миллионеръ.»

Въ свободное отъ такихъ занятій время, Палагея Петровна бранится и дерется съ дѣвками и лакеями, замѣчая, что если не употреблять этихъ мѣръ, то вещь должъ поидеть вверхъ дномъ, что она не знаетъ, какъ быть съ людьми, и что пословица: битая посуда два вѣка живетъ — очень справедлива.

Отъ дѣвокъ и отъ лакеевъ Палагея Петровна переходитъ къ дочери. Любочка говоритъ:

— Маман, полноте, сердиться,

— Недѣля, мой другъ, будешь сама хозяйкою, вспом-

нить свою маману. Ты знаешь, что я не прихотница, что у меня сердце доброе, да съ ними ангельскаго торгѣнья не доставать... Поцалуй меня, мой другъ... Постоика пройдишь... какъ на тебѣ хорошо платье сидитъ, безподобная эта матерія гро-грень, смертельно люблю ее... она такая пышная — прелесть! только держись, душа моя, попряйте: вотъ такъ. Пойдемъ ко мнѣ въ комнату... Сядь, дружокъ, возлѣ меня.

Палагея Петровна смотритъ на дочь и подозрительно улыбается.

— Что вы это, маман, улыбаетесь? спрашиваетъ Любочка.

— А ты и не подозреваешь, плутовка! Палагея Петровна грозитъ пальцемъ. — Ты побѣду одержала, Любочка, поздравляю.

— Надъ кѣмъ, маман?

— А ктѣ съ тобой вчера три раза танцевалъ?

Любочка краснѣетъ.

— Фи, маман, quelle idée!

— Ничего, другъ мой, я за это не браню. *Она мнѣ* очень нравится, такой бельонъ и прекрасныя манеры, кому же штабсъ-капитанъ гвардіи... А о чемъ онъ съ тобой говорилъ?

— Ужъ я и забыла... о чемъ баянь? о погодѣ, спрашивалъ много ли я танцую, часто ли бываю въ театрѣ, люблю ли книги читать.

— И только?

— Только-съ.

— Право?... Ты должна быть съ матерью откровенна. Мать лучшій другъ нашъ и лучшій совѣтникъ.

— Ей-бегу ничего больше не говорилъ, татап.

— То-то же. Да, мой другъ, я тебѣ все собираюсь сказать: ты танцуешь прекрасно, — я на тебя всё вчера смотрѣла, — только будь по-развязнѣе, по-свободнѣе въ движеніяхъ. Тебѣ надо взять кого нибудь за образецъ въ манерахъ... вотъ напримѣръ — эту княжну, что мы встрѣчаемъ на Невскомъ, — замѣть, какая у нее турнира и кошируй. Подражать хорошему не стыдно, дружечикъ... или... чего ближе? Юлія Карловна: у нее такіе самые свѣтскіе приемы — какъ взойдетъ, какъ взглянетъ. Зато ужъ прошлое лѣто на дачѣ и *возвысили* ее... Всѣ самыя знатныя дамы брали ее за руку. — Примѣчай, милая моя, какъ она держитъ себя.

— Слушаю, татап.

Любочка цалуетъ ручку у маменьки.

Петинька кончаетъ курсъ въ гимназій. Папенька опредѣляетъ его въ Департаментъ. Петинька необыкновенно трудолюбивъ и въ короткое время заслуживаетъ лестныя похвалы со стороны Начальства. Несмотря на это, Палагея Петровна вѣчно недовольна имъ.

— Удивляюсь тебѣ, Петинька, говоритъ она, — ничего тебя не занимаетъ что бы должно занимать въ твоихъ лѣтахъ, напримѣръ, балы, собранія, этотъ свѣтскій блескъ. Миѣ просто за тебя стыдно: войти не умѣешь, какой-то сторбленный, на молодаго человека совсѣмъ не похожъ, я и старше тебя, да прошедшій разъ въ лѣтнемъ саду сижу на скамейкѣ съ Любочкой, вдругъ подходитъ къ намъ дама прекрасно одѣтая, самаго лучшаго тона и спрашиваетъ у меня, показывая на Любочку: что это сестрица ваша? Нѣтъ, я говорю,

дочь. Она такъ и ажнула и зѣрнѣ не могла. А ты только-что изъ школы вынешь, а выглядишь лѣтъ тридцати. И танковать до сихъ поръ не учишься, путаешься по французскому кадрили. Видъ тебѣ горя мало, а все это падаетъ на мать: мать, говорить, не ушла воспитывать.

— Что жъ дѣлать? я, мамашка, не люблю танковать, возражаетъ Петенька.

— Прекрасно! И не стыдится признаваться за это. Ну что объ тебѣ станутъ говорить въ свѣтъ? и что у тебя за знакомство такое: какое-то живодворство и всякая дрянь. Нѣтъ, чтобы завести знакомство верное, приличное своему званію. Посмотри, какъ другія дѣти утѣшаютъ своихъ родителей, а ты — ты чѣмъ меня до сихъ поръ утѣшилъ? Какое пожертвованіе сдѣлалъ для матери? Просилъ въ военную службу идти — не пошелъ: въ чернилахъ, не бойсь, лучше мараться! Никакихъ высокихъ чувствъ у тебя нѣтъ, ты какой-то флегма, совѣсть не въ меня родилась.

— Я, кажется, стараюсь вамъ угождать мамашка.

— Чѣмъ, батюшка? чѣмъ? позволяете узнать. Желала бы я, чтобы ты посмотрѣлъ на сына Анны Николаевны: это можно сказать утѣшаетъ свою мать — такъ я сижу цѣлый день съ ней и глазъ съ нее не спускаю голубчикъ. Это нравственность! Малѣйшія желанія матери предупреждаетъ. Говорить, мамашка-голубушка, у меня, говорить, нѣтъ своей воли, я, говорить, дѣлаю только то, что вамъ угодно. Надъ такими дѣтьми и благословеніе Божіе. У меня вчужь гадая на него сердце радуется... и не знаю, право, чѣмъ Анна Николаевна лучше другихъ Богу угодила!

— Мамашка, я службой замать, я не могу быть такъ часто при насъ. Вы это знаете.

— И не требую, батюшка! Богъ съ тобой. Если твои будешь тебя дороже матери...

— Какъ же это можно, мамашка?

— Почему же? Нынче дѣти стали умнѣе родителей, они сами лучше обо всемъ разсуждаютъ, нынче сѣлошь да рядомъ янцы курицу учать...

По Воскресеньямъ у Палагеи Петровны танцы. штабсъ-капитанъ, протанцовавшій три раза съ Любочкой, играетъ на этихъ вечерахъ первую роль. Иногда для этихъ вечеровъ Палагея Петровна занимаетъ по двѣсти и по триста рублей у знакомыхъ, потому, что у нее нѣтъ ни копѣйки. — Къ Палагею Петровнуъ раза три въ недѣлю является торговка. Торговка эта толстая, низенькая, съ прыщами на носу. У нее Палагея Петровна забираетъ товары въ долгъ для себя и для дочери. Торговка за все беретъ втрое и дѣлится, по полученіи денегъ, съ Дашей.

— Ильинишна, что это такое? спрашиваетъ Палагея Петровна у торговки, вынимая изъ груди гроде-наплей и ситцовъ, листъ кругомъ исписанный.

— Это, матушка, ерестръ жениховъ. У насъ часто купеческія вдовы и дѣвицы интересуются женихами, да и изъ благородныхъ нынче много спрашиваютъ.

Палагея Петровна смѣется и смотритъ на дочь. Любочка краснѣетъ.

— Что вы, матушка, смѣетесь, да и у меня женихи не шваль какал-нибудъ, — все чинные и съ ор-

денами — и Любовь Васильевнѣ вашей изъ этого ере-
стра не стыдно выбрать любовь. Право, прочитайте-
ка сударыня.

Палагея Петровна читаетъ съ насмѣшливой улыбкой:

«1) Надворный Совѣтникъ Козма Егорычъ Ждан-
ковъ, 43 лѣтъ. Исправляетъ должность Начальника
отдѣленія въ ** Департаментѣ; имѣетъ знакъ отличія
безпорочной службы за XV лѣтъ; ордена Св. Анны 3,
степени, Св. Владимира 4, и Станислава на шеѣ. Поль-
зуется казенной квартирой, имѣетъ все домашнее обу-
заведеніе и получаетъ около 2500 ежегодно, кромѣ де-
нежныхъ награжденій.

«2) Коллежскій Совѣтникъ Куприянъ Ивановичъ На-
ливочкинъ, 56 лѣтъ, Правитель канцеляріи въ * *, у
него знакъ отличія безпорочной службы за XXXV
лѣтъ, Анна на шеѣ, Владиміръ въ петлицѣ, квартира
казенная, жалованья 3000, денежные награжденія че-
резъ два года. Представленъ къ коронѣ на Анну. Вдо-
вецъ. Послѣ покойной жены имѣетъ слѣдующія вещи,
а именно:

- 1) Лисій салонъ съ большимъ воротникомъ.... 600 р.
  - 2) Подушекъ пуховыхъ для двухъ-спальной
постели 6, въ чехлахъ изъ розоваго деми-
катону; наволочки къ нимъ декосовыя, съ
фалбарамя 3 перемѣны, — считая по умѣ-
ренной цѣнѣ..... 225 „
  - 3) Одѣяло для двухъ-спальной же постели
стеганое, атласное..... 100 „
- Какія глупости!

Палагея Петровна, улыбаясь, бросаетъ реэстръ.

— Что за глупости, сударыня, перебиваетъ торговка, — а вотъ здѣсь (она беретъ реэстръ и водить по немъ пальцемъ) противъ каждой фамилии отмѣчено какихъ они желаютъ имѣть невѣсть, сколько придаваго. Козьма Егорычъ — этотъ, что первый въ спискѣ, — прекрасный, я вамъ скажу, баринъ, балагуръ такой, а ужъ чисто-плотный, франтъ, — какіе у него напешки, жилеты. . .

Торговка обращается къ Любочкѣ.

— Вамъ, Любовь Васильевна, женишка-то пора, ей-Богу, — только я знаю, вамъ все военные нравятся? Охъ ужъ вы мнѣ барышни!

Любочка молчитъ и отворачивается отъ торговки съ неудовольствіемъ.

А торговка права. Любочка мечтаетъ въ эту минуту о штабс-капитанѣ.

Штабс-капитанъ человекъ образованный. Онъ читаетъ Поль-де-Кока, знаетъ наизусть множество водевильныхъ куплетовъ и рукописныхъ стишковъ и начало второй части «Кавказскаго Пльнника.» Онъ въ восторгѣ отъ Марлинскаго и говоритъ, что хотя Пушкинъ послѣднее время выписался, но всё еще *иль фе де жоли верь*. Штабс-капитанъ принадлежитъ къ такимъ людямъ, которые никогда не старѣются, потому что довольны всѣмъ на свѣтѣ и болѣе всего довольны сами собою. Въ полку его называютъ умнымъ малымъ и славнымъ товарищемъ, въ обществѣ любезнымъ кавалеромъ. Палагея Петровна души въ немъ не слышитъ. Она говоритъ про него Петинькѣ (который произведенъ въ столоначальники):

— Вотъ это я называю образцовый молодой человекъ! Если бы у меня былъ такой сынъ, я считала бы себя вполне счастливою. Онъ умѣетъ зайти къ себѣ въ гости, ни гдѣ себя не уронить. Съ дамами говорить о нарядахъ, о балахъ; съ дѣловыми людьми объ дѣлахъ, съ сочинителями объ учестости.

Штабсъ-капитанъ женится на Любочкѣ, полагая, что за ней въ приданое дадутъ душъ 400 или 500 и получаетъ всего только 80 и то заложеничкъ. Палагея Петровна отдавая дочь воображаетъ, что у штабсъ-капитана 700 душъ, а на повѣрку оказывается всего 200 и то разоренныхъ. Начинаются ссоры между мамушкой, дочкою и зятемъ. Василій Карнычъ умираетъ въ чинѣ Статскаго Совѣтника, оставляя болѣе ста тысячъ долгу. — Его нитки продаютъ съ аукционаго торгу.

Петруша говоритъ мамушкѣ, что ея дѣла разстроены, что ей надобно жить умереннѣе: продать все лишнее, какъ то: экипажъ, лошадей, отнестись къ прислугѣ, нанять небольшую квартиру и прочее.

Палагея Петровна мечется на диванѣ, кричитъ и плачетъ:

— Вотъ до чего я дожила! Сынокъ, сынокъ даешь мнѣ на старости лѣтъ наставленія какъ жить! Ты меня убить хочешь, злодѣй! Утѣшенія еще отъ васъ не видаю, хотя всю жизнь мою вамъ пожертвовала, а теперь должна пить отъ васъ горькую чашу... Отнестись къ лошадей!! Что жъ мнѣ пѣликсѣмъ прикажешь ходить?.. Я жила барыней въѣзъ свой и не хочу равняться съ какой-нибудь подлою нищей. Хорошо сынокъ! Выгнать

того, чтобы утѣшать маменьку въ тяжелой потерѣ, вѣсто того, чтобы сказать: голубушка маменька, живите какъ жила при папенькѣ, а я съ своей стороны буду помогать вамъ, — онъ, безсовѣстный человекъ, изво-литъ читать мнѣ наставленія объ умеренности... Что тебѣ за дѣло до моего состоянія? Развѣ я просила у тебя денегъ? я кормила тебя на свой счетъ, неблаго-дарный... Отпустите лошадей, прислугу! какъ у тебя языкъ повернулся сказать мнѣ это?

Палагея Петровна упадетъ на мягкій диванъ, сто-нетъ и требуетъ доктора. За докторомъ посылаютъ, но докторъ не ѣдетъ — «потому что», говоритъ онъ, «мнѣ за три года за визиты не заплачено, а даромъ ѣздить не намѣренъ. У меня лошади съна требуютъ, а за сѣно ничто по рублю за пудъ берутъ.»

Петруша неподвижно стоитъ у дивана, на которомъ лежатъ его мать. У него слезы смѣшиваются съ хо-лоднымъ потомъ. Его впалыя щеки болѣзненно блѣдны.

Вскорѣ послѣ этого, Петруша принужденъ переѣ-хать на казенную квартиру. — Палагея Петровна, на свободѣ, живетъ еще роскошнѣе прежняго, и, какъ всегда дворцкнй Илья и горничная Даша пользуются ея неограниченною довѣренностью. Съ истиннымъ другомъ своимъ, съ Генеральшей, она побранилась за карты, и говорятъ про нее: «Это можно сказать самая низкая женщина.» Съ дочерью и съ зятемъ она въ явной враждѣ, сына видѣть не хочетъ. Любимая тема ея разговора, когда къ ней соберутся барыни, бранить своихъ детей.

— Прости Господи согрѣшеніе! говоритъ она, —

лучше бы Господь прибралъ ихъ. Они мои дрежде-
временно въ гробъ сведуть.

Палагея Петровна обращается къ барынямъ:

— Если бы не вы, мои родныя...

Палагея Петровна всхлипываетъ.

— Я не знала бы что дѣлать въ моемъ одиночествѣ.

Барыни подносятъ платки къ глазамъ и хоромъ по-
вторяютъ:

— Ахъ, Палагея Петровна, да какъ тебя бросить, —
насъ Богъ бы бросилъ; у насъ сердце нынѣ глядя на
тебя, матушка. Отъ своихъ дѣтей такую участь тер-
пѣть! слыхано ли это! какихъ злодѣевъ, подумашь,
нѣтъ на свѣтѣ!...

Проходитъ еще годъ. Палагея Петровна рѣшитель-
но нечемъ жить.

Она впадаетъ въ совершенную нищету. Кредиторы
не отступаютъ отъ нее и она отдаетъ имъ свою Смо-
ленскую деревню.

Дана (давно получившая вольную за свою службу)
и дворецкій Илья (выкупленный Палагеею Петровною)
отходятъ отъ нея. Дворецкій Илья записывается въ
цѣхъ и открываетъ лавочку. Говорятъ у него порядоч-
ный капиталъ.

Палагея Петровна занемогаетъ, Петруша перовозитъ
ее къ себѣ.

— Нѣтъ, матушка, говорить ей старуха, ухажива-
ющая за нею. — Нѣтъ, нечего грѣха на душу брать,
Петръ Васильчъ хорошій человекъ и любитъ васъ.

— Еще бы! возражаетъ Палагея Петровна, — род-

ной сынъ, да чтобъ не любилъ! Куда жъ бы онъ тогда годился?

И черезъ нѣсколько мѣсяцовъ Палагея Петровна умираетъ на рукахъ сына. Онъ проситъ у казначея впередъ свое жалованье — и на эти деньги устраиваетъ похороны матери на *барскую ногу*.

Любочка прїѣзжаетъ на вынось, но на кладбище не можетъ ѣхать, потому что очень разстроена. Одинъ Петруша, въ сопровожденіи старухи ходившей за больной, да нѣсколькихъ любительницъ похоронъ, провожаетъ гробъ Палагеи Петровны.

И въ последнее жилище, какъ настоящую *Барыню*, ее отвозятъ четвернею.

Погребеніе кончается. Смерть — великая примирительница. Петруша входитъ на ступеньки катафалка и — глядитъ на мать, съ мучительною скорбію. Дьяконъ возглашаетъ: «во блаженномъ успѣніи вѣчный покой подаждь Господи успшей рабѣ твоей... и сотвори ей вѣчную память!» И хоръ повторяетъ грустно и торжественно: «вѣчная память!»

Петруша прижимается къ холодной рукѣ усопшей и обливаетъ ея руку горькими слезами.

Петруша возвращается съ похоронъ пѣшкомъ на свою квартиру. Тяжело ему. У него не выходитъ изъ головы искаженное страданіями лицо умершей, кладбище въ лѣсу, полу-обнаженномъ осенними бурями, и драка нищихъ за брошенные имъ деньги. Еще въ ушахъ его раздаются звуки погребальнаго пѣнія, стукъ гробоваго молота и вопли какой-то женщины надъ давно-заросшею могилею... Первый разъ пробуждается въ немъ

внутренний голосъ. Первый разъ нею представляется ему его прошедшее. Онъ спрашиваетъ самого себя:

— Не ужела это жизнь?

И вѣдъ за этимъ страшнымъ вопросомъ, у него рождаются другіе, еще страшнѣе.

Стѣнные часы бьютъ шесть.

Онъ вздрагиваетъ. Какъ скоро прошло время! Онъ смотритъ на свою комнату. Вотъ его письменный столъ, а на столѣ сірая бумага, съ ерлычкомъ: къ докладу... къ завтрашнему утру ему надо приготовить, по порученію Начальника Отдѣленія, нѣсколько бумагъ петерлящихъ отлащательства. Онъ садится къ столу и пишетъ:

«На почтеннѣйшее отношеніе Вашего Высочайшаго Восходительства, имѣю честь . . .» и прочее.

Иванъ Панаевъ.

В П Д Ы Ш И Е НА БЕРЕГАХЪ ЛЕТЫ. (*)

Вчера, Бобрисомъ утомленный,
Я спалъ, и видѣлъ странный сонъ:
Что будто свѣтлый Аполлонъ,
За что, не знаю, прогнѣвленный,
Поэтамъ нашимъ смерть изрекъ;
Изрекъ — и всѣ упали мертвы.
Невинны Аполлона жертвы.
Иной изъ нихъ окончилъ вѣкъ,
Сидя на чердакѣ высокомъ,

(*) Шуточное это произведеніе принадлежитъ ко времени юности знаменитаго поэта. Снисокъ его сохранился у одного изъ литераторовъ, и мы рѣшились напечатать его; оно любопытно какъ по отношеніямъ, такъ и по неподдѣльному юмору. Русскія музы рѣдко шутятъ, хотя, по старинному присловью: «сидѣться не грѣшно, надъ всѣмъ, что кажется сѣшшо». Надобно только, чтобъ шутка была безгрѣшна.

Вид на бер Леты.

Въ издранномъ плафорѣ широкомъ,
 Нагъ, голодень и утомлень
 Упрямой рямой къ свѣтлу Фебу.
 Другой въ Цитеру пренесень;
 Красу, умильную, какъ Гебу,
 Хотѣль для насъ насильно пѣть
 И палъ безъ чувствъ въ концѣ эклоги.
 Вездѣ, о милосерды Боги!
 Вездѣ пруетъ алчна смерть,
 Косою быстрой всюду машеть,
 Богату ниву аду пашеть,
 И губить Фебовыхъ дѣтей —
 Какъ вѣтръ осенній злакъ полей!
 Межъ-тѣмъ, въ Элизіи священномъ,
 Лавровыхъ лѣсомъ осѣненномъ,
 Подъ шумомъ касталійскихъ водъ,
 Пѣвцовъ печальный приходъ
 Узналъ почтенный Ломоносовъ;
 Херасковъ, честь и слава Россовъ;
 Самолюбивый Фебовъ сынъ,
 Насмѣшникъ, грозный бичъ пороковъ
 Замысловатый Сумароковъ
 И Мельпомены другъ, Княжнинъ;
 И ты сдѣль, въ толпѣ избранной,
 Стыдливой Граціей вѣнчанный,
 Пѣвецъ прелестныхъ мечты,
 Между Психей легкокрылой
 И бога вѣжной красоты...
 И ты, прилежный, какъ пчела,
 Отецъ стиховъ Телемахиды...
 И ты, о мой пѣвецъ незлобный,
 Хемницерь, въ басняхъ неподобный!
 Всѣ, словожь, коихъ богъ пѣвцовъ
 Вѣнчалъ безсмертія лучами,

Сидѣли тамъ одинъ къ тѣмъ,
 Обнявшись съ прежними вратами;
 Но спорили еще они
 О томъ, о семь, и не безъ шума.
 (И въ раѣ, думаю, у насъ,
 У всякаго своя есть дума,
 Разсудокъ свой, и вкусъ, и глазъ.)
 Садились всѣ за пиръ богатый, —
 Какъ вдругъ смнѣ Маинѣ крмлатый,
 Низсланный высшимъ божествомъ,
 Сказалъ сидящимъ за столомъ:
 «Сюда, на берегъ тихой Леты
 «Бредутъ покойные поэты;
 «Они въ рѣкѣ сей погрузятъ
 «Себя и вмѣстѣ юныхъ чадъ;
 «Здѣсь опытъ будетъ правосудный:
 «Стихи и проза безразсудны
 «Потонуть вмгѣ — такъ Фебъ судилъ!»
 Сказалъ Эрмій — и силой крыль
 Отъ ада къ небу воспарилъ.
 «Ага!» Фонъ-Визинъ молвилъ братьямъ:
 «Здѣсь будетъ встрѣча не по платьямъ,
 Но по заслугамъ и уму!» —
 «Да, много ли», въ отвѣтъ ему,
 Кричалъ, смѣясь, Сумароковъ,
 «Пѣвцовъ найдется безъ пороковъ?
 Поглотить Леты всѣхъ струя!
 Поглотить всѣхъ! нѣ я — не я!»
 «Посмотри!» продолжалъ въ-полгласа,
 Пѣвецъ проклятый отъ Парнаса,
 «Егда прійдутъ»... Но вотъ они!
 Подобно, какъ въ осеннѣ дни,
 Поблекши листвѣя древесны,
 Чтò буря въ долахъ разнесла, —

Такъ тѣнямъ снѣгъ не бысть числа.
 Идутъ толпой въ ущелья тѣсны,
 Къ рѣкѣ забвенія стиховъ,
 Идутъ подъ бременемъ трудовъ —
 Безгласны, блѣдны приступаютъ,
 Любезныхъ дѣтницей купаютъ
 И болѣе не зрятъ въ волнахъ.
 Но тутъ Миносъ, пѣвцамъ на страхъ,
 Старикъ угрюмый и курносый,
 Чинитъ расправу и вопросы:
 — Ктѣ ты? вѣщай! — «Я тотъ поэтъ,
 По счастью очень плодовитый —
 (Былъ тѣни маленькой отвѣтъ) —
 Я тотъ вѣнками розъ увитый
 Поэтъ, философъ, педагогъ,
 Который перевелъ *Виргиля*,
 Окоротилъ *Алкею* крылья,
 Я здѣсь! *Сего бо зоветъ Богъ*
И домъ священныя природы.»
 — Ктѣ жъ ты болтунъ? «Я... ..оцъ!»
 Ступай и окупись въ воды! —
 Иду, во мнѣ вся мерзнетъ кровь,
 «Спаси... спаси меня любовь!
 Авось!» — Нѣтъ! Нѣтъ, болтунъ несчастный!
 Довольно я съ тобою вылъ! —
 Сказалъ ему *Эротъ* прекрасный,
 Который тутъ съ *Психеей* былъ:
 Ступай! пошелъ! и — нѣтъ педагога!
 Ктѣ ты? спросилъ допрощикъ тѣнь,
 Несущу связку *Фоліанта*.
 «Увы! я цѣлу ночь и день
 «Писалъ, пишу и вѣчно буду
 «Писать — все прозой *безъ провъ!*
 «Смотри: здѣсь тысяча листовъ

«Почтенной пылію покрытыхъ,
«Печатью мелкою убитыхъ
«И нѣтъ ера ни одного!
«И я...» Скорѣй купать его!
Но тутъ явились лица новы
Изъ блококаменной Москвы.
Отъ самыхъ ногъ до головы
Обшиты платья ихъ листами,
Гдѣ прозой дѣтской и стихами;
Иной кладбище, мавзолей,
Другой журналъ души своей,
Другой Меланію, Зюльмису,
Глафиру, Хлою, Милитрису,
Луну, вespера, голубковъ,
Барановъ, кошекъ и котовъ,
Воспѣлъ въ стихахъ своихъ ушмыхъ,
На всякій ладъ, для женщины милыхъ;
О вѣкъ желѣзный! а онъ
Не только въ явь, и во снѣ
Поэтовъ не видали бѣдныхъ!
Изъ этихъ лицъ уныло-блѣдныхъ,
Одинъ, причесанный въ тупей,
Поэтъ присяжный, князь вралей
На судъ явилъ творенья новы.
Кто ты? — «Увы! я пастушокъ!
Вздохатель, завсегда готовый.
Вотъ мой вѣнокъ и посошокъ;
Вотъ мой букетъ цвѣтовъ тафтяныхъ;
Вотъ списокъ всѣхъ красотъ упрямыхъ,
Которыми дышалъ и жилъ;
Вотъ мой баранъ, моя Аглая!»
Сказалъ и, тягостно зѣвая,
Съ просонья въ Лету проскользнулъ! —
«Уфъ! я усталъ; подайте стулъ!

Позвольте мнѣ, я очень славенъ!
 Безсмертенъ я, пока забавенъ!» —
 Ктò жь ты? — «Я Русскій и поэтъ!
 Я самъ бѣгу, лечу за славой;
 Мнѣ врагъ чужой рассудокъ здравый,
 Для Русскихъ правъ мой толкъ кривой,
 И въ томъ клянусь моею душой!»
 Да ктò же ты? — «Жанъ-Жакъ я русскій,
 Расинъ и Локкъ, и Юнгъ я русскій!
 Три драмы русскихъ сочинилъ,
 Для Русскихъ — нѣтъ ужь болье силъ!
 Писалъ для Русскихъ драмы слезны,
 Труды мои всѣ бесполезны:
 Вина тому развратъ умовъ!»
 Сказалъ, въ рѣку, и — былъ таковъ!
 Тутъ Сафо русскія печальны,
 Какъ бабки наши возмезьяны,
 Несли расплаканныхъ дѣтей.
 Одна — прости, Богъ, эту даму! —
 Несла уродливую драму,
 Позоръ для ада и мужей,
 У конхъ сочиняють жены!
 «Вотъ мой Густавъ, герой влюбленный!»
 Ага! судья пѣвницъ сей.
 Названья этого довольно!
 Сударыня! мнѣ очень больно,
 Чтò вы забывъ послѣдній стыдъ
 Убили драмою Густава!
 Въ рѣку! въ рѣку! — О, жалкій видъ!
 О, тщетная поэтовъ слава!
 Исчезла Сафо нашихъ дней
 Съ печальной драмою своей.
 Потомъ и двѣ другія дамы —
 На дамъ живыя эпиграммы,

Нырнулъ въ глубь туманныхъ водъ. —
 Кто ты? — «Я вихоросный геній,
 Поэмы три, да сотню одъ,
 Гдѣ всюду ночь, гдѣ всюду тѣни,
 Гдѣ рожа ржуща ружей ржотъ!
 Писалъ съ заказу Глазунова
 Всегда на срокъ... Чтò вижу я?
 Здѣсь рветъ между водъ ладья;
 А тамъ въ разрывахъ черна крова
 Уранія, душа сихъ сферъ,
 И всѣ Титаны ледовиты,
 Прозрачной магіей покрыты,
 Слезать! Изякнулъ изувѣръ
 Отъ взора пламенной эгиды.
 Одинъ отецъ Телемахиды
 Слова сіи умѣлъ понять.»
 На томъ берегу рѣки забвенья
 Стояли тѣни въ изумленьи
 Отъ рѣчи сей. — Изволь купить
 Себя и всѣхъ своихъ уродовъ!
 Сказалъ, не слушая доводовъ,
 Угрюмый ада судія:
 — Да всѣхъ поглотитъ васъ струя!
 Но вдругъ на адскій берегъ дикій,
 Призракъ чудесный и великій,
 Въ обширномъ дѣдовскомъ возкѣ,
 Тихонько тянется къ рѣкѣ.
 На мѣсто ключей, запряженны
 Тамъ люди, въ хомуты вложенны,
 И тянуть кое-какъ гужомъ.
 За нимъ, какъ въ осень трупни праздны,
 Крылатымъ въ воздухѣ полкомъ,
 Летятъ толпою тѣни разны —
 И тамъ и сямъ. По слову: *Стой!*

Кивнула съ кашлемъ тѣнь гдѣвой
И вышла блѣдна изъ новозки.

Поэтовъ приподнялись тѣни;
Пѣвецъ Любовныя Ъзды
Ослабилъ взоръ усмѣшкой чудной,
И рекъ: «О, мужъ, умомъ нескудной!
Обрѣтшій рѣдки красоты
И смыслъ въ моей Деидамин
Се... ты... се... ты!» — Слова пустыя!
Угрюмый судія сказалъ,
И въ Лету путь нмъ показалъ.
Къ рѣкѣ подвинулся толпою,
Ныряя всячески въ водахъ;
Тотъ книжку потопилъ въ струяхъ,

Тотъ цѣлу книжку съ собою.

Тутъ тѣнь къ Миносу подошла,
 Неряхой, и въ нарядѣ странномъ,
 Въ широкомъ плафорѣ издранномъ,
 Въ пуху, съ косматою головою,
 Съ салфеткой, съ книгой подъ рукой.
 «Меня врасплохъ» она сказала,
 «Въ обѣдъ нарочно смерть застала;
 «Но съ вами я опять готовъ
 «Еще хотъ съизнова отвѣдать
 «Вина и адскихъ широговъ;
 «Теперь же часъ, друзья, обѣдать,
 «Я вамъ знакомый, я — *Крыловъ!*»
 Крыловъ! Крыловъ! въ одно вскричало
 Собранье шумное духовъ,
 И эхо глухо повторяло
 Подъ сводомъ адскимъ: «Здѣсь Крыловъ!
 Садись сюда, пріятель милый!
 Здоровъ ли ты?» — И такъ и сякъ! —
 «Ну, что жъ ты дѣлалъ?» — Все пустякъ!
 Танулъ тихонько вѣкъ унылый,
 Пилъ, сладко ѣлъ, а болѣ спалъ;
 Ну вотъ, Минось, мой творенья!
 Съ собой я очень мало взялъ,
 Комедіи, стихотворенья,
 Да басни всѣ. — «Купай! купай!»...
 О чудо! всплыли всѣ, и вскорѣ,
 Крыловъ, забывъ житейско горе,
 Пошелъ обѣдать прямо въ рай.

Еще продолжось сновидѣнье;
Но ваше дѣтся ли терпѣнье
Дослушать до конца его?
Болтать, друзья, неосторожно:
Другаго и обидѣть можно!
А, Боже, упаси того!...

К. Батюшковъ.

ИЗЪ ПОЕЗДКИ ВЪ КРЫМУ.

I.

Ударилъ вѣтръ. Валы Эвксина
Шумять и блещутъ подо-мною,
И гордо вздулся парусъ мой
На бурныхъ перьяхъ исполина.
Мой мiръ, оторванъ отъ земли,
Летитъ. — Отъ берега вдали
Теряетъ власть земная сила;
Здѣсь только небо шлетъ грозу;
Кругомъ лишь небо, — а внизу —
Одна широкая могъла.

Блаженъ почившій въ лонѣ воды!
Свободно трупъ его идетъ
Средь волнъ, принять его готовыхъ,
Въ чертогъ лазурный безъ границъ,

Въ обитель раковинъ перловыхъ.
 Въ страну коралловыхъ гробницъ.
 Тамъ, средь пространнаго жилища,
 Раскинувъ члены, онъ лежитъ,
 И въ ямахъ скуднаго кладбища
 Чужихъ костей не потыснить.

У корня мачты, къ небу очи
 Я возводилъ, — и мнилось мнѣ:
 Надъ зыбью моря звѣзды ночи
 Качались въ темной вышинѣ;
 Въ тиши все небо колыхалось, —
 И неподвижную досель
 Персть Божій зыблетъ, мнѣ казалось,
 Мировъ несмѣтныхъ колыбель;
 И тихо къ горизонту падалъ
 Мой взоръ: тамъ валъ разгульный прыдалъ,
 И изъ-за края корабля
 Вдругъ море грудь приподнимало,
 И глухо вздохъ свой разрывало,
 Съдыя кудри шевеля.

Въ широкомъ пурпурѣ аворы
 Восходитъ солнце. Предо мной
 Тавриды радужныя горы
 Волшебной строятся стѣной.
 Плыдемъ. Все ближе берегъ чудной
 И рядъ заоблачныхъ вершинъ --
 Все ближе. За кормой дельфинъ
 Волной играетъ изумрудной
 И прыщетъ искрами вокругъ.
 Вотъ пристань! — Зносмъ дышитъ югъ.

Здѣсь жгучъ и сладокъ воздухъ чистый,
 Огнемъ и нѣгой разведенъ,
 И, какъ напитокъ золотистый,
 Изъ чаши неба пролить онъ. —
 Тамъ, въ раззолоченномъ уборѣ,
 Бреговъ незнающее море
 Съ небесной твердью сведено;
 А тутъ — къ брегамъ прижаться радо
 И только именовъ Черно,
 Слилось, лазурное, оно
 Съ зеленымъ моремъ винограда.
 Къ громадамъ скалъ приникъ заливъ,
 И воды трепетныя мѣютъ,
 И, роши лавровъ отразивъ,
 Густыя волны зеленѣютъ.

II.

.....
 .....
 Природа южная свѣтла,
 Пышна, кудрява, лучезарна,
 Какъ прелесть женская — мила,
 И какъ прелестница — коварна;
 Полна красота со всѣхъ сторонъ,
 Блещетъ и язвить — злодѣйка;
 Въ руинахъ дремлетъ скорпионъ,
 Въ роскошныхъ злакахъ вьется змѣйка;
 Въ зеленыхъ локонахъ кустовъ
 Шипы таятся, иглы скрыты,
 И между стеблями цвѣтовъ
 Пропущенъ стебель ядовитый.
 А знойный воздухъ сей, огнемъ

Въ уста втекающій, какъ лава?...
 Невидимо разлита въ шемъ
 Тоски мучительной отравы:
 Вдыхая въ грудь его струи,
 Я вспомнилъ сонъ моей любви —
 Тяжелый сонъ! — Затѣмъ любовью
 Здѣсь дышитъ все? — Зайдетъ ли день:
 Край неба весь нальется кровью,
 И соблазнительная тѣнь
 На холмы ляжетъ. Изъ-за Понта
 Округлена, распалена,
 Возставъ, огромная луна
 Раздвинетъ обручъ горизонта,
 И выплыветъ, и наведетъ
 Свои прельстительныя очи:
 Она, бывало, перечтетъ
 Миѣ всѣ недоспанныя ночи,
 Напомнитъ ветхія мечты,
 Страстей изломанныхъ картину,
 И все, за что бы отдалъ ты,
 Скиталецъ, жизни половину!...
 Какой томительный упрекъ,
 Бывало, миѣ на сердце ляжетъ,
 Когда луна безмолвно скажетъ:
 Страдай, томись — ты одинокъ!

III.

Кипѣло море млечной пѣной;
 Татарскій конь по берегу мчалъ
 Меня къ обрывамъ грозныхъ скалъ
 Межъ Сименсомъ и Лименой, —
 И вотъ онъ передо мной

Зубчатой высятся преградой;
На камень камень въковой;
Стѣна задвинута стѣной;
Громада стиснута громадой;
Скала задавлена скалой.
Нагромоздившіяся глыбы
Висятъ, спираясь надъ челошь,
И дико брошены кругомъ
Куски, обломки и отшибы;
А время, ставъ на ихъ углы,
Ихъ медленно грызеть и рѣжетъ;
Здѣсь слышенъ визгъ его пилы,
Его зубовъ здѣсь слышенъ скрежетъ.
Здѣсь Богъ, когда живую власть
Свою твореньемъ онъ прославилъ,
Хаоса дремлющаго часть
На память смертному оставилъ.
Зияютъ челюсти громады;
Ихъ ребра высунулись дико, —
И между нихъ, сквозь мрачный адъ,
Ползетъ украдкой навилка;
Угрюмо дремлютъ — ишистый дернъ
И тощія, нагія зелья,
Да кое-гдѣ колючій тернъ
Торчитъ углами изъ ущелья.
И поперегъ путь узкій мой
Вдругъ перехваченъ: нѣтъ дороги!
Свернись, мой конь, ползи змѣей,
Стелю раскидистыя ноги,
Иль въ камень ихъ вонзай! — Идетъ,
Подковы даромъ не иступить;
Опасный встрѣтивъ переходъ,
Онъ станетъ, окомъ поведетъ,

Подумаетъ — и переступить;
 И по осколкамъ роковымъ,
 Въ скалахъ, чрезъ ихъ нависшій куполь,
 Копытомъ чуткимъ онъ своимъ
 Дорогу вѣрную ощупалъ.
 Уже скалы я миновалъ;
 Съ конемъ разумнымъ мы летѣли;
 Эвксинъ ревѣлъ, валы бѣжали,
 И громъ надъ бездною рокоталъ.

Средь ярихъ прелестей созданья
 Вгрустнулось сердцу моему,
 Оно тамъ жаждетъ сочетанья,
 Тамъ тяжело, больно одному!
 Но, путникъ, ежели порою
 Въ сей край обрывовъ и стремнинъ
 Заклинуть будешь ты судьбою —
 Здѣсь прочь людей! здѣсь будь одинъ!
 Бѣги сопутствующихъ круга,
 Покинь избранницу любви,
 Оставь наперсника и друга,
 Отъ сердца сердце оторви!
 Съ священнымъ трепетомъ ты увидишь
 Въ сей новый мѣръ, въ сей дивный свѣтъ:
 Громады, бездны здѣсь увидишь,
 Но нѣтъ земли и неба нѣтъ.
 Благоговѣнье трисвятое
 Въ тебя прольется съ высоты,
 И коль тогда здѣсь будутъ двое,
 То будутъ только Богъ — и ты!

В. Бенедиктовъ.

ЛАНДЫШИ.

РАЗСКАЗЪ СТАРУШКИ.

— Извольте приказать вашимъ людямъ посмотреть въ книгъ, ваше сіятельство: нѣтъ ни одной лошади! Только тройка курьерскихъ дома. Не изволите повѣрить какой разгонъ! всю ночь не спалъ: тройка за тройкой!

— Да этого быть не можетъ, любезный господинъ-смотритель! у васъ вѣрно есть лошади. Отъ Петербурга до самой Москвы насъ нигдѣ не задерживали. Отъ чего же здѣсь? Вѣдь это большая же дорога!

— Помилуйте, ваше сіятельство! Тамъ все ямы, а здѣсь тридцать троекъ; куда потянешь!

— Да когда же они будутъ по-крайней-мѣрѣ?

— Къ-вечеру, ваше сіятельство; непременно къ-вечеру.

— Ахъ, Боже мой! а теперь еще одиннадцать часовъ! Да какъ же это можно! да это притѣсненіе! Если бъ знали это въ Петербургѣ...

Но какъ ни гнѣвалась, какъ ни жаловалась ея сіятельство, а лошадей не было. Смотритель пожималъ плечами съ жалостливымъ видомъ, и сіятельная принуждена была, рада или не рада, идти въ верхнія комнаты, увы! очень хорошо знакомыя всѣмъ, кто хоть разъ побывалъ въ новой деревнѣ, то есть, на первой станціи отъ Москвы по Владимірской дорогѣ.

За графинею понесли дѣтей; за ними потащились гувернантки и няньки, ворча на неустройство почтъ и браня смотрителя. Общество ея сіятельства, графини Л**** составляли: ея племянница, молодая дама съ кучею дѣтей и ихъ неизбѣжнымъ причетомъ, да хорошенькая внучка, шестнадцати-лѣтняя дѣвушка. Сама графиня была уже женщина преклонныхъ лѣтъ, но свѣжая, съ ясными и привѣтливыми взорами и тою добродушною веселостію, которая и горе нерѣдко скрываетъ подъ улыбкою, какъ природа слѣды разрушенія подъ зеленымъ плющемъ и дикими розами.

Огромная, низкая комната съ голыми стѣнами въ одну минуту превратилась въ дамскій кабинетъ. Здѣсь брошены подушки изъ кареты и образовали покойный диванъ; тамъ на столикѣ, накрытомъ шитымъ ковромъ, бериская корзина съ работою; возлѣ новые романы Диккинса и мистрисъ Стюартъ; въ углу плетеная кола-

сочка изъ англійскаго магазина, въ которую двое мальчиковъ уже впряглись, несмотря на всѣ крики ихъ блюкуррой, кудрявой сестрицы, которая топааетъ ногами и кричитъ изъ всей силы, чтобъ братцы уступили ей мѣсто. Бабушка смѣется и наконецъ принуждена употребить власть свою, чтобъ возстановить порядокъ.

Великая наука уиѣть справляться съ временемъ. Большая часть людей несчастливы отъ того, что не знаютъ что дѣлать съ своею особою. Найдти себѣ занятіе во всякомъ положеніи не подчиняясь ни капризу, ни досадѣ это преважное и преполозное знаніе. Графиня обладала имъ въ вѣншей степени. Она посердилась на зрителя, побранила его; потомъ улеглась на свои подушки, и забыла, что она не въ своемъ петербургскомъ кабинетѣ. Читали, болтали, занимались дѣтьми, слушали ихъ лепетать; день проходилъ—а лошадей не было. Молодая дама, племянница графини, начинала терять терпѣніе; ввучка при каждомъ шумѣ смотрѣла въ окно; графиня казалась также безпокойною, но, кажется, отъ того только, что не знала, какъ развлечь своихъ спутницъ. Что это было: доброта, или жалобы наводили на нее скуку? Не знаю. Все въ мірѣ имѣетъ двѣ стороны: лучше избирать ту, которая показываетъ намъ людей въ лучшемъ свѣтѣ.

—Въ сумерки, дѣти играли въ боковой комнатѣ; молодыя женщины сидѣли на складныхъ креслахъ возлѣ походнаго дивана графини и уже не скучали: они внимательно слушали; графиня рассказывала.

Многіе изъ друзей моихъ, нѣсколько уже разъ упрекали меня, что я никогда не хотѣла говорить о прошед-

шей жизни моей; до-сихъ-поръ я отклоняла всё ихъ вопросы; и скажите, какъ было говорить! Биографія женщины есть исторія ея сердца. Теперь я могу уже рассказывать эту исторію; чувство, облекавшее ее святыней тайны, притупилось, можетъ-быть и совсѣмъ разсѣялось. На склонѣ жизни расходятся мало-по-малу всё туманы, которые казались чѣмъ-то вещественнымъ на разсвѣтѣ ея...

— Бабушка! если вы станете рассказывать въ этомъ тонѣ...

— О нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Это отъ того, что я коснулась скрыночки, которой никогда не открывала при другихъ.

— Скрыночки?

— Да, куда я прячу воспоминавія. Видишь, Аннета, я всегда берегла ихъ для себя. Для свѣта у меня были балы, пышный домъ, богатая ливрея, а чувство — для немногихъ. Повѣрь мнѣ: для свѣта кухня хозяйки всегда интереснѣе ея сердца.

— Ахъ, тѣтушка! Это отзывается мизантрошей.

— Совсѣмъ нѣтъ, моя милая: я нахожу это очень естественнымъ; и не думай, пожалуйста, что я, обвиняя другихъ, требую для себя патента на исключеніе. Я и сама ищу въ свѣтѣ веселья, не печали, и нахожу, что для меня слишкомъ довольно собственнаго горя и страданія тѣхъ людей, съ которыми случай или родство сблизили меня. Къ этому образу мыслей я привыкла издавна, съ дѣтства можетъ-быть.

Жизнь моя не богата приключеніями: въ ней нѣтъ ничего рѣзкаго, отличительнаго; я жила какъ всё, и мо-

может-быть даже счастливѣе многихъ. Я никогда не испытала большихъ несчастій; сама судьба какъ-будто берегла меня, и между-тѣмъ съ самаго дѣтства страданія были неразлучнымъ спутникомъ моимъ. Отчего? мнѣ самой трудно вамъ это объяснить.

Вы знаете, что я родилась и выросла въ богатствѣ. Мать моя жила открыто, давала балы, имѣла хорошее знакомство, сильныя связи, и потому тѣтушки, бабушки, кузины не угадывали, а предупреждали каждое мое желаніе и такъ-сказать за меня придумывали, чего бы я могла пожелать. Игрушекъ, нарядовъ, конфетовъ — у меня всего было вдоволь, и между-тѣмъ—я скучала. Съ самаго дѣтства мнѣ хотѣлось всегда чего-то большаго, чѣмъ все то, что мнѣ давали; желаніе какого-то невѣдомаго блага томилло душу мою. Я спрашивала себя: что оно, какое оно, чего именно я хочу, и напрасно искала отвѣта. Ни дѣтскія игры, ни рѣзвость, ни ласки родныхъ, ничто не отвѣчало желанію души моей. Тайный голосъ при всякомъ новомъ призракѣ удовольствія какъ-бы говорилъ мнѣ: не то! не то! А гдѣ было то, чего желала душа, я не знала, и искала его какъ потерянное слово загадки; и все мнѣ казалось, что я когда-то, давно, знала его — гдѣ и какъ? может-быть во снѣ; но я напрасно старалась припомнить забытое. Все окружающее меня казалось мнѣ ничтожнымъ и нестойщимъ вниманія; душа не могла ни къ чему привязаться, сердце не могло ничего полюбить и страдало само своею пустотою. Иногда я хотѣла пристраститься къ чему-нибудь, иногда желала невозможнаго, кажется, и думала: вотъ наконецъ гдѣ мое счастье; но у судьбы не было для меня невозмож-

наго. Я получала предметъ минутнаго желанія и съ горестью видѣла, что это было не то, чего надобно было душѣ. Съ возрастомъ увеличилась и болѣзнь моя — какъ назвать это иначе? Мнѣ все было скучно, все казалось маловажнымъ и ничтожнымъ. Я любила мать мою, любила мамзель Бонамъ, мою добрую гувернантку, и иногда хотѣла увѣрить себя, что я несчастлива отъ того, что онѣ мало любятъ меня. Но мать моя, холодная ко всѣмъ, вдругъ осыпала меня необыкновенными нѣжностями, моя Бонамъ говорила что живетъ только мною — а я все страдала. Иногда вечеромъ, склоня голову на плечо моей гувернантки и слушая рассказы ея о далекомъ отечествѣ, о высокихъ горахъ повитыхъ виноградникомъ и увѣнчанныхъ снѣгами, о свѣтломъ, лазурномъ озерѣ и зеленыхъ берегахъ его, гдѣ она подъ тѣнью липы танцовала съ милой подругою, я замѣчала, какъ свѣтлая слеза катилась при этомъ воспоминаніи по щекѣ моей доброй Бонамъ, и думала: вотъ гдѣ счастье! Я завидовала слезѣ моей Бонамъ: мнѣ хотѣлось лучше оплакать потерянное, чѣмъ вѣчно желать недостигаемаго. Ахъ! я тогда не знала, что воспоминаніе освѣщаетъ судьбу, чѣмъ надежда. Впрочемъ, все проходитъ: и надежда и воспоминаніе, и дни счастья, и дни, которыхъ лѣтъ считать. Всему одинъ конецъ...

Какъ часто я смотрѣла на поселянокъ, когда онѣ возвращались съ работы; усталость была написана на лицахъ ихъ; но онѣ радостно встрѣчали семью, которая ждала ихъ къ ужину. Безпечная веселость оживляла взоры ихъ: у меня не было ни одной минуты чистой радости. и я готова была промѣнять весь блескъ, окру-

жившій меня, на ихъ бѣдность, на ихъ тяжелый трудъ, если бь, съ трудомъ онѣ могли мнѣ передать и свое сердечное веселье. Меня томило бездѣйствіе души, ея грубое спокойствіе. Нерѣдко я плакала смотря на прекрасное небо, на поля, озаренныя полуденнымъ блескомъ; мнѣ хотѣлось взвиться въ свѣтломъ облакѣ и съ горнихъ высей объять все твореніе; хотѣлось улетѣть радугой въ небеса или птичкой въ далекій край. Мнѣ хотѣлось чувства, хотѣлось счастья, безпредѣльности. Я говорила моей Бонамъ о моемъ страданіи, а она смѣялась надо мною, и тогда я въ первый разъ испытала настоящее горе: меня не поняли... Конечно, не поняли, потому что иначе стала ли бы смѣяться надо мною моя добрая Бонамъ?

Съ-тѣхъ-поръ все желаніе мое стремилось къ тому, чтобъ найти подругу, которая чувствовала бы какъ я и вмѣстѣ со мною стремилась бы къ обладанію верховнаго блаженства, о которомъ я мечтала; но мы жили очень уединенно; мать моя не хотѣла даже, чтобъ мы часто бывали на дѣтскихъ балахъ. У меня не было ни одной подруги, а сестры мои были еще очень молоды. Разъ я стояла подъ окномъ въ моей комнатѣ; солнце заходило и великолѣпно освѣщало прихотливыя формы тучъ; воздухъ былъ тепелъ, ароматенъ; я съ упоеніемъ дышала свѣжестью вечера и мыслью искала существо, съ которымъ могла бы подѣлиться полнотою моего чувства. Вдругъ мнѣ показалось, что милый образъ улыбается мнѣ въ облакахъ и зоветъ меня привѣтнымъ взоромъ въ свое воздушное приволье. Съ-тѣхъ-поръ все для меня измѣнилось. Мнѣ казалось, что я нашла мою желанную

подругу. Я видѣла ея въ утреннемъ туманѣ, въ огняхъ вечерней зари, въ таинственномъ сіяньи звѣздъ; я повѣряла ей мое горе, мои мечты, и сердилась, когда Бонамъ отвлекала меня отъ милой для меня бесѣды. Сидя подлѣ нея я опять задумывалась и душою улетала къ моей мечтѣ. Запахъ цвѣтка, легкій вѣтерокъ, яркая звѣздочка, все было для меня ея привѣтомъ. Она сдѣлалась моей подругою, повѣренной всѣхъ чувствъ и мыслей моихъ. Я была уже не одна въ мірѣ и жизнь не бременила меня: я узнала гдѣ мое счастье.

Дворъ, балы, свѣтъ плѣняли мое воображеніе; я желала ихъ, но желала потому, что тамъ надѣялась найдти ту, которая была моею воздушною подругою. Иногда въ порывѣ мечтательности, я забывала мое неудовольствіе на добрую Бонамъ и открывала ей всѣ тайны моего новаго фантастическаго міра; но она опять смѣялась, качала головою, а иногда даже и бранила меня. «Погодите, погодите» говаривала она: «еще найдете все, что теперь плѣняетъ ваше воображеніе; будущее богато.» — Найду! но когда же, и гдѣ найду? Ахъ! она не знала, что для молодости будущность длинна какъ вѣчность.

Такъ проходило время. Наконецъ наступилъ давно-желанный день: меня представили ко двору и повезли на балъ.

Свѣтъ вскружилъ мнѣ голову. Блескъ, шумъ, наряды, магазины, балы—все это смѣшалось въ какомъ-то чудномъ хаосѣ. Мнѣ было весело. Да; то есть, мнѣ некогда было подумать о томъ, скучно мнѣ или весело.

Ужели я нашла его, мое желанное счастье? Душа полна: ужели это оно?

Нѣтъ! то была тревога, не полнота. Новость взволновала чувства; время успокоило ихъ, и я опять нашла прежнюю пустоту и прежнюю мечту. Воздушная подруга! о, теперь я найду ее!

Но молодыя дѣвицы, которыхъ я встрѣчала въ обществѣ, были непохожи на нее. У всякой была забота — не обо мнѣ; всѣ искали — не меня. А она, моя воздушная, моя дорогая, она должна была слиться со мною душою, меня одну искать, меня одну желать, жить со мною одною жизнью!...

Не подумайте ради Бога, что я, какъ воплощенное *pemento mori*, ходила съ длиннымъ и желто-блѣднымъ лицомъ и пугала моей тоскою Божіей свѣтъ; вовсе нѣтъ: я была жива, весела, рѣзва. Желанье счастья оживляло огонь глаза мои и разливало румянецъ по щекамъ. Я стремилась какъ бабочка къ каждому цвѣтку, и только обманутая ожиданіемъ забѣгала въ мой тихій уголокъ и глядя въ окно, искала въ звѣздахъ моей подруги, чтобъ ей повѣдать мое сердечное горе. Что была она, эта воздушная подруга? потребность счастья? кто же съ дѣтства не носилъ ея въ груди своей? Свѣтлая, блестящая точка безъ формы и образа: она горитъ для всѣхъ измѣнчивымъ лучомъ; всѣ мы стремимся къ ней и всѣ ссушаемъ ее образомъ, найденымъ въ собственномъ сердцѣ нашемъ. Вблизи исчезаетъ обманчивый образъ, а она все горитъ и въ новомъ лучѣ обманываетъ снова.»

Блаженъ, кто, обманувшись, еще можетъ вѣрить. Наслажденіе въ надеждѣ. Что настоящее? давно опре-

дѣлили его: граница между будущимъ и прошедшимъ, — менѣе, чѣмъ мгновеніе.

Въ одно утро... Ахъ! это было прелестное утро! Мы жили тогда на дачѣ по дорогѣ къ Петергофу. Я была еще въ постели; окно мое было открыто; солнце ласкало теплыми лучами своими желтофіолн и резеду, цѣжившіяся на окнѣ моемъ, и вѣтерокъ доносилъ до меня испаренія моихъ любимыхъ цвѣтовъ. Моя добрая Бонамъ вошла ко мнѣ съ большимъ букетомъ ландышей. Она страстно любила цвѣты и всегда говаривала, что запахъ ихъ говоритъ о счастьѣ. Она съѣла подлѣ меня и начала разбирать ландыши; отобрала лучшіе и перевязала ихъ голубой тесемочкой, связанной узелкомъ, на которой она вывязала золотомъ слово «Bonheur»...

«Бога ради не обвиняйте меня въ привязчивости къ мелочамъ; есть случаи, въ которыхъ ничто не мелочно. Подумайте, что буква, простая черта пера — изображаетъ величайшую силу въ мірѣ: мысль.

«Вотъ тебѣ букетъ, Софья» сказала моя добрая гувернантка съ необыкновеннымъ волненіемъ. «Сегодня... видишь, это для меня памятный день» — и знакомая слеза навернулась на глазахъ ея — «я когда нибудь расскажу тебѣ . . . не теперь, послѣ. Мнѣ только хотѣлось подарить тебя сегодня цвѣтами: пусть запахъ ихъ напечатлѣтъ тебѣ счастье.»

Я обняла ее, и мы обѣ заплакали; но это были пріятныя слезы. На душѣ у меня было такъ легко и весело! такъ свѣтла казалась жизнь, что нельзя было не вѣрить счастью. Я приняла букетъ какъ талисманъ, какъ залогъ, который судьба рано или поздно выкупитъ. Въ этотъ день

я одѣлась скорѣе обыкновеннаго и съ моимъ таинственнымъ букетомъ на груди вошла въ гостиную.

Часовъ въ одиннадцать прѣѣхала за мною моя кузина съ братомъ и пригласила меня съ собою ѣхать верхомъ. Я страстно любила верховую ѣзду и ѣздила довольно смѣло. Въ настоящемъ расположеніи духа никакое предположеніе не могло быть для меня пріятнѣе. Одна, безъ гувернантки, свободная въ чистомъ полѣ, управляя по собственной волѣ гордымъ конемъ, я думала, что для меня уже не было и препятствій въ цѣломъ мірѣ, что весь свѣтъ былъ въ моей власти. Мы ѣхали морскимъ берегомъ; вдругъ лошадь моя чего-то испугалась, захранѣла, поднялась на дыбы и понеслась какъ вихрь. Хоть я и никогда не была труслива, но, признаюсь, совершенно потеряла присутствіе духа. Въ глазахъ моихъ смѣшались и небо и поля; воздухъ свистѣлъ въ ушахъ; помню, мелькнуло что-то темное; меня сильно ударило въ голову, и я совершенно лишилась чувствъ.

Первый предметъ, представившійся мнѣ когда я немного пришла въ себя, было человеческое лицо. Кто-то держалъ мнѣ голову и, наклонясь ко мнѣ, теръ мнѣ виски. Я приподнялась, и движеніе мое заставило отдалиться незнакомаго. Но я не сводила съ него глазъ и какъ-бы машинально схватила его за руку. Чувство быстро возвращалось мнѣ; но мнѣ всё-еще казалось, что я внѣ дѣйствительной жизни. Моя воздушная подруга, добрая Бонамъ съ своимъ пророчесственнымъ букетомъ, странный мой бѣгъ въ неизмѣримомъ пространствѣ, и незнакомецъ, его лицо... шѣтъ! оно не было мнѣ знакомо.... его черты папомнили мнѣ.... ee, мою воздушную подругу: та же

кротость, то же безпредѣльное участіе во взорѣ, та же любовь и та же красота! Мнѣ казалось, что чувство жизни переливалось въ душу мою изъ его темно-голубыхъ, полныхъ чувства глазъ, что его голось вызывалъ меня изъ ничтожества. Это было небесное видѣніе, какой-то чудный сонъ; я схватила себя за голову, опустивъ руки на грудь: нѣтъ, это не сонъ: вотъ мой таинственный букетъ.... Сбылось пророчество: передо мною былъ дѣйствительно образъ давно-любезный; въ душѣ моей отдавался голось пріятный какъ гармонія небесная... небо дало мнѣ обѣщанное счастье.

Смѣйтесь, смѣйтесь надо мною! Много лѣтъ прошло уже съ этой минуты, а я не могу еще забыть ее. Она жива въ памяти моей. Я знала минуты счастливыя; но эта милѣе мнѣ, потому, можетъ-быть, что была первою.

Скоро подъѣхала моя кузина и братъ ея; пріѣхала коляска; меня хотѣли отнести въ нее, но я отвергла постороннюю помощь. Глаза мои искали того, кого небо дало мнѣ опорю въ этотъ день. Онъ стоялъ передо мной, скрестя руки на груди. Взоръ его, устремленный на меня, изображалъ страданіе. О, какъ онъ былъ дорогъ мнѣ эту минуту! Я была счастлива его участіемъ. По первому знаку моему онъ поспѣшилъ ко мнѣ; я оперлась на руку его и такъ дошла до коляски. Я не спросила его даже о имени, не сказала ни слова благодарности; но въ ту минуту, когда я оставила руку его, мысль о необходимости разстаться съ нимъ поразила меня какъ молнія; я схватила мой букетъ и, бросивъ его къ ногамъ моего незнакомца, только успѣла сказать: «никогда васъ не забуду!»

Я была долго больна; со мною сдѣлалась горячка.

Въ бреду моемъ я видѣла его одного, звала его, говорила съ нимъ. По выздоровленіи, первый вопросъ мой былъ о немъ; но моя добрая Бонамъ ничего не знала, а у матушки я не смѣла спросить. Если мнѣ ни слова не говорили о моемъ избавителѣ, то конечно онъ былъ не изъ числа тѣхъ людей, которыхъ матушка удостоивала своимъ вниманіемъ — и я боялась отвѣта.

Теперь постоянною моею цѣлю, постояннымъ желаніемъ было найти его. Но дни уходили, а его не было. Одинъ разъ только, поздно вечеромъ, противъ окна моего остановился человекъ, высокаго роста, въ военной шинели и долго смотрѣлъ вдаль; но я видѣла, что глаза его часто обращались на окно мое, и при блѣдномъ свѣтѣ луны мнѣ показалось, что это былъ мой незнакомецъ.)

Настала осень; на балахъ, въ театрѣ, я вездѣ искала его, — и все напрасно. Непрестанно обманываемое ожиданіе не погасило однако же моей надежды. Я твердо вѣрила, что мы встрѣтимся: наше свиданіе, какъ и всѣ происшествія, предшествовавшія ему, казались мнѣ столько необыкновенными, что я почитала ихъ устроенными самимъ небомъ. Я твердо вѣрила, что оно само вдохновило мою Бонамъ когда она принесла мнѣ пророчесвенный букетъ; слова, вышитыя на лентѣ, казались мнѣ обѣтованіемъ неба; они были въ рукахъ моего знакомого, и это самое доказывало мнѣ, что онъ былъ избранный, которому небо ввѣряло мое счастье.

«Я васъ никогда не забуду» — эти слова, сказанныя мною при прощаньи, казались мнѣ святымъ обѣтомъ; я почитала себя связанною ими, невѣстою его; но ахъ! батюшка и матушка судили иначе! и однажды моя Бонамъ,

идучи къ обѣду, шепнула мнѣ: сегодня у насъ обѣдаетъ вашъ женихъ...

Женихъ? — не онъ? — и не похожъ на него. Это былъ небольшого росту, довольно уже пожилой мужчина, очень дородный, съ пунсовымъ лицомъ, которое еще больше раскраснѣлось за столомъ, гдѣ онъ кушалъ за двоихъ. Во все продолженіе обѣда онъ не обращалъ на меня вниманія и говорилъ только о своихъ путешествіяхъ, то есть, припоминалъ съ батюшкою гостиницы, въ которыхъ хорошо кормятъ.

И это былъ мой женихъ!

Впрочемъ онъ былъ человѣкъ совсѣмъ не глупый и даже довольно образованъ; но все, что не было обѣдомъ, или не относилось прямо къ его драгоценной особѣ, казалось ему такою мелочью, что вовсе не заслуживало занять мѣсто въ его разговорѣ. У него было очень хорошее состояніе, которое позволяло имѣть приличныя платье, домъ, давать балы; онъ былъ, разумѣется, въ высшемъ кругу, дарилъ мнѣ множество бриллиантовъ, все это было очень хорошо; но ахъ! что случилось со мною въ обѣдованнымъ счастіемъ! Мои слезы, мои прощанія, мое отчаяніе — все это назвали глупостью, и въ самомъ дѣлѣ это была глупость; но тогда я не такъ думала.

Я вышла замужъ. Годы летѣли. Я кружилась въ вихрѣ свѣта; балы смѣнялись балами, жизнь уходила безъ воспоминаній, безъ слѣда, но и безъ горя. Меня называли больше, чѣмъ хорошенькой. Старушки особенно любили меня; сѣдые дипломаты искали моего общества; внутренняя молодежь, провожая меня шопотомъ восторга, не смѣла однако же явно окружать меня своимъ ласка-

тельством; родные мужа почитали меня образцомъ благоразумія, а тайна этого благоразумія была — скука. Меня ни что не занимало. Конечно, я давно забыла мою дѣтскую любовь, если можно было назвать любовью мечтательную привязанность къ человѣку, съ которымъ я не сказала трехъ словъ ... Забыла? Это не настоящее слово. Я хотѣла увѣрить себя, что забыла, потому что чувствовала, какъ смѣшно было подобное чувство. Но я похожа была на дѣвочку, которую увѣрили, что ей стыдно заниматься своею куклою. Она спрятала ее, сама смѣется надъ своими дѣтскими играми, а подчасъ когда ей надоѣтъ болышиться, она забѣгаетъ въ свой потаенный уголокъ, вытаскиваетъ свою куклу, любитъся ею, повѣряетъ ей по-прежнему свои чувства, и при малѣйшемъ порохѣ закрываетъ свое сокровище, чтобы не застали ея, чтобы не пристыдили.

Такъ я прятала отъ самой себя игрушку дѣтскихъ лѣтъ моихъ, мою куклу. Когда блестящее ничтожество разстилалось передо мною въ звучныхъ фразахъ, я уносила свой взоръ къ моей мечтѣ, къ моему милому незнакомцу, и образъ его такъ стройно, такъ величаво улыбался мнѣ, столько прекраснаго, высокаго сіяло въ голубыхъ очахъ его, что я съ сожалѣніемъ смотрѣла на усилія другихъ казаться тѣмъ, чѣмъ былъ онъ въ моемъ воображеніи, сердилась сама на себя за эту посылку къ старымъ бреднямъ и въ наказаніе хотѣла принудить себя найти и чувство и умъ и душу въ моихъ свѣтскихъ искателяхъ, но образъ моего незнакомца былъ для меня какъ то чудное микроскопическое стекло, о которомъ рассказываетъ умный германскій сказочникъ: подумаешь о немъ, и оно

въ глазѣ и человекъ является безъ маски, тѣмъ, что онъ есть, а не тѣмъ, чѣмъ хочетъ казаться.»

Конечно, я не любила какъ прежде; любовь, эта греза души о малой, небесной отчизнѣ, разстѣлась отъ холоднаго прикосновенія свѣта; но воспоминаніе объ этой любви сохранилось въ душѣ моей и сдѣлалось свѣтлымъ внутреннею жизнью моей. Образъ моего незнакомаго былъ для меня выраженіемъ всего высокаго, благороднаго и прекраснаго; все, что я слышала, что видѣла трогательнаго глубоко душу, все это я относилъ къ нему, все это было въ немъ, и онъ былъ способенъ ко всему этому. Онъ былъ для меня Вашингтономъ; въ его уста я вкладывала все, что могъ сказать краснорѣчивѣйшаго Шатобрианъ, котораго звѣзда только-что появилась тогда на нашемъ горизонтѣ. А его любовь? О! любовь его была всѣмъ, что когда-нибудь творила прекраснаго мечта души, сжигаемой жаждою чувства. Она была страстна, самоотверженна, безпредѣльна — что же послѣ этого было для меня пошлые восторги нашей свѣтской любви, которая часто не переходитъ порогу гостиной? Началась, или испаряется съ первымъ лучомъ утра, возвращающаго спокойствіе чувствамъ, взволнованнымъ шумомъ бала и пиршества? Повѣрьте; благоразуміе мое стоило мнѣ не много труда; но мнѣ было скучно. Жизнь, расцвѣченная одними балами, визитами, представленіями и вѣчнымъ весельемъ безъ веселости, томилъ меня своимъ однообразіемъ. Мнѣ хотѣлось подышать на волѣ, пожить иною жизнью, легкой, несвязанной, которая бѣжитъ какъ тѣнь облака и встрѣчаетъ вѣчность какъ друга, съ которымъ ознакомилась въ часы блаженства — его

предвѣстники. Но не вѣсмъ, не вѣсмъ дапа такая жизнь! Мы считаемъ дни, она считаетъ наслажденія; день, не замѣченный на страницѣ сердца, исчезаетъ изъ памяти ея какъ небывалый; у насъ страницы сердца пусты; скука не записываетъ; она дремлетъ.

Есть другая жизнь, пестрая, разнообразная, богатая ощущеніями, жизнь въ которой душа принимаетъ участіе какъ лунатикъ въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ имъ во время своихъ таинственныхъ прогулокъ. На страницахъ этой жизни найдете вы: *новая шаль, соперница, балъ, карета, ложа...* но этой жизни я не могла согласить съ задумчивымъ взоромъ моего идеала, который сдѣлался судьбою моихъ поступковъ и чувствованій, какъ былъ точкою сравненія для другихъ.

Прошло много лѣтъ; сверстницы мои почти вслухъ говорили при мнѣ молодымъ людямъ: «какъ она хороша! годы не измѣняютъ ея; давно за 30, а не слажешь больше 20». Я улыбалась понимая цѣль этой похвалы. Мнѣ право тогда еще далеко было до тридцати; тогда...

О! это было памятное время!

Вскорѣ послѣ заключенія мира съ Французами въ... году, мужу моему присовѣтовали ѣхать за границу. У него не варилъ желудокъ: судите; какое для него положеніе! Мы поѣхали въ Теплицъ.

Воды ему чрезвычайно помогли. Онъ былъ въ восхищеніи, платилъ какъ истинно Русскій, и доктора присовѣтовали ему возвратиться на будущій годъ. Но гдѣ провести зиму? Я вспомнила, что когда-то онъ хвалилъ женеваскія форелі. Это воспоминаніе воспламенило наше воображеніе, и мы рѣшились отправиться въ Женеву.

на осень, чтобъ въ концѣ октября застать еще въ Неаполѣ фиги и ѣхать на зиму во Флоренцію, гдѣ воздухъ, по мнѣнію доктора, пріятеля моего, очень способствуетъ пищеваренію.

Ѣхать прямо изъ Теплица въ Женеву? О, нѣтъ! Супругъ мой долженъ былъ отвѣдать всѣхъ возможныхъ форелей въ Германіи и Швейцаріи, прежде чѣмъ доберется до женевскихъ.

Но въ Луцернѣ странствованія наши должны были найти предѣлъ на нѣкоторое время; болѣзнь мужа моего возвратилась и принудила насъ прибѣгнуть къ пособію врачей. Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостиницъ на самомъ берегу Рейсы, вытекающей здѣсь изъ знаменитаго Вальштетенскаго Озера.

Друзья мои! до-сихъ-поръ я рассказывала не останавливаясь и какъ-бы читая въ памяти. Но есть слова, которыя потрясаютъ душу; слова, которыхъ каждый слогъ проникаетъ до глубины сердца, каждый звукъ рисуетъ образъ, картину; слова, въ которыхъ оживаетъ прошедшая жизнь со всѣми волненіями ея, со всѣми тревогами, со всѣмъ счастьемъ...

Дѣти, дѣти! воспоминаніе прошедшаго счастья... вы не понимаете этого. Это слово мертво для васъ; оно ничего не говоритъ вамъ. Вы ждете или наслаждаетесь; ожидаемое не ваше; настоящее наслажденіе боится воспоминанія, а для меня—оно все: оно мое благо, мое достоиніе, мое сокровище! Отнимите у меня все и оставьте его одного, и я еще не буду сѣтовать. Оно возвращаетъ мнѣ прошедшее; а что въ настоящемъ или будущемъ можетъ для меня замѣнить его? Ахъ! не осудите меня, а я

скажу вамъ за тайну: и вѣчность нѣтъ дорога только надеждою тамъ снова обрѣсти утраченное.

Или лучше; научите забыть, но все и совершенно забыть, не зная, что было оно; по-прежнему желать и переставать вѣрить въ возможность желаемого. Мало-ли-малу сердце приняло бы его за безумную мечту и вышло бы въ безвѣрiи; а теперь?..

Все это дустое, бредни; теперь я это знаю; а тогда...

Ну, Вальдштетенское Озеро ..

«Вотъ видите: теперь смѣшно было бы описывать Альторфъ, Луцерну, Перуджио или Тиволи, — смѣшно, какъ рассказывать о чудесахъ Невскаго Проспекта. Въ наше время было не такъ: тогда пароходовъ не было и путешествовали гораздо меньше. Тогда и я писала свои путевыя записки; но въ нихъ нѣтъ ни слова о Луцернѣ: мнѣ писать было некогда.

Въ одной гостинницѣ съ нами остановился молодой Англичанинъ съ женою, Француженкою изъ Прованса. Мы познакомились еще въ Шафгаузенѣ и вмѣстѣ прѣѣхали въ Луцерну. Сэръ Смитъ былъ вовсе непохожъ на другихъ, путешествующихъ соотечественниковъ своихъ. Онъ былъ обходителенъ, услужливъ, любезенъ; въ приемахъ его была видна привычка къ хорошему обществу, а въ разговорѣ обширныя свѣдѣнiя, прiобрѣтенныя ученiемъ и путешествiями. Онъ служилъ прежде на морѣ, долго жилъ въ Индiи и единственнымъ горемъ милой, черноокой подруги его было опасенiе, чтобъ онъ опять невздумалъ въ свою несчастную Индiю, объ которой такъ часто говорилъ. Каждый разъ когда заходила рѣчь о путешествiяхъ, она не сводила глазъ съ лица мужа и съ

жизненным беззастенчивостемъ подстерегала, не обидитъ ли какое-нибудь движеніе его паразитической эконо-
міи подобнаго, неправославнаго, но мнѣнію ея, замысла.»

Они были еще недавно женаты, по любви, и кажи-
лись очень счастливы. Я полюбивъ ихъ отъ всей души.
Милая Провансалка была со мною также очень хороша,
но она была влюблена, а влюбленнымъ третій всегда
лишний. Супругъ ея былъ другаго мнѣнія; можетъ-быть
отъ того, что больше зналъ челоуѣческое сердце и луч-
ше умѣлъ беречь счастье. Какъ бы то ни было, но мы
были неразлучны. Сэръ Смитъ рассказывалъ графу объ
обѣдахъ богатыхъ индійскихъ набобовъ, а Тереза въ де-
сятый разъ описывала мнѣ первое свое свиданіе съ Сми-
томъ.

Дня черезъ четыре послѣ нашего прѣзда мужу по-
ему стало лучше, и сэръ Смитъ уговорилъ меня идти къ
обѣду за общій столъ. Уговорилъ? Это было не трудно;
мнѣ самой очень хотѣлось сойти въ общую залу, чтобы
видѣть путешественниковъ, которыхъ было очень много.»

Говорятъ, что и теперь еще въ Луцераѣ гостини-
ца подъ вывѣсною Вѣсовъ отличается своимъ столомъ и
необыкновеннымъ порядкомъ и чистотою. Тамъ, какъ
можетъ-быть вы и знаете, нѣтъ другой прислуги, кромѣ
хозяйина и дѣтей его. Въ наше время старшіе были еще
хорошенькими малютками, и служилъ одинъ хозяйникъ съ
прекрасною, молодецкою женою своею. Теперь ихъ
сидѣли дѣти, а стариковъ, говорятъ давно уже нѣтъ.

Когда мы сошли въ залу, всѣ мѣста за столомъ были
уже заняты, за исключеніемъ четырехъ нарочно остав-
ленныхъ для насъ. Мы сѣли.

Какъ - то странно сперва очутиться за большимъ столомъ, гдѣ никого не знаешь, гдѣ гости, дружно раздѣляющіе теперь вкусный обѣдъ, завтра, можетъ-быть черезъ несколько часовъ, разѣдутся, чтобъ никогда не сходитья болѣе. Сначала я говорила только съ моею соседкою, не поднимая почти глазъ отъ тарелки, потомъ прислушалась къ начинающемуся говору, по-невному осматривалась, и — глаза мои невольно остановились на молодомъ человѣкѣ, сидѣвшемъ противъ меня.

Это былъ... не мечта ли это? Нѣтъ. Тѣ же черты, то же выраженіе, благородное, задумчивое; это онъ! Вотъ эти большіе голубые глаза, полные чувства, темный кудри, густыя, небрежныя...онъ, онъ! Глаза наши встрѣтились; то это былъ не равнодушный взглядъ незнакомаго: онъ узналъ меня...Мечта! мечта! Сердце бьется: прости-тельно ли это? Ну, если бы кто-нибудь могъ подозрѣвать? Скорѣе простили бы шалость, чѣмъ подобную глупость.

Я заговорила по-русски съ моею компаньонкою...Нѣтъ! я точно не ошиблась: легкая краска пробѣжала по блѣдымъ щекамъ незнакомца, хотя онъ даже и не взглянулъ на меня. Обѣдъ кончился. На этотъ разъ онъ не показался мнѣ продолжительнымъ. Незнакомецъ остался въ залѣ, а я послѣдовала за Смитомъ на балконъ.

Заходящее солнце румянило легкія облака, закрывавшія вершину Риги; озеро убиралось пышными цвѣтами неба, и Рейса пышно и величаво неслась подъ нашими окнами. Вершины горъ терялись въ облакахъ, и тѣни вечера сходили на зеленые холмы, окружающіе Луперну. Все было такъ тихо, такъ торжественно, какъ-бы что-то таинственное совершалось въ небесахъ.

Вдругъ сердце у меня замерло: голюсь, давно знакомый, какъ-бы изъ глубины прошедшаго раздался въ душѣ. Я оглянулась. Незнакомецъ стоялъ за мною.

«Вы долго будете вспоминать на сѣверѣ Лудерну,» сказалъ онъ по-русски. «Этотъ тихій, религіозный городъ оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ душѣ.»

— Навсегда! сказала я. Что сильно поражаетъ насъ, то никогда не истребляется изъ памяти. А этотъ вечеръ — очарователенъ.

Легкое, едва замѣтное движеніе показалось на лицѣ незнакомца. Но онъ скрылъ его, и разговоръ принялъ обыкновенное направленіе. Чтобъ сдѣлать его общимъ, я стала говорить по-французски, и черезъ часъ мы съ Терезою оставили ея супруга въ самомъ пріятельскомъ разговорѣ съ моимъ соотечественникомъ.

Возвратясь къ себѣ, я была необыкновенно недовольна собою и капризничала до того, что скоро мнѣ стало самой совѣстно. Я не могла простить себѣ странной моей неловкости. Незнакомецъ, конечно, очень видѣлъ изъ несвязнаго и страннаго моего отвѣта, что я узнала его. Что же могъ онъ подумать объ этомъ таинственномъ намекѣ? для чего было не напомнить ему нашей встрѣчи, не говорить о ней просто, безъ всякихъ обвиняковъ? какъ не сказать, что я долго искала моего издателя, что рада, встрѣтивъ его? Это даже было бы должно, и молчаніе въ этомъ случаѣ была просто неловкость, невѣжливость. Словомъ, я бранила себя какъ провинціалка, которая, возвратясь домой, сочиняетъ фразы и сердится, что онъ не родился у нея на языкъ когда говорила съ какимъ-нибудь превосходительствомъ. Но

дѣлать было нечего: минута прошла, и кто знаетъ, увижу ли еще *его*?

Вечеромъ мы доѣхали за городъ; когда мы возвращались, грустное чувство овладѣло мною. Почему знать! можетъ-быть, *его* уже нѣтъ. Путешествіе—то же жизнь, только въ маломъ объемѣ. Встрѣчаются, дружатся; еще минута — и прости на вѣкъ!

Ужели же судьба свела насъ здѣсь единственно съ цѣлю пробудить уснувшія мечты? Или это просто случай? Цѣтъ; я не могу думать, чтобъ случай могъ играть какую-нибудь роль въ общей судьбѣ нашей. *Онъ* не былъ для меня существомъ чуждымъ: судьба въ неясновѣдимыхъ предначертаніяхъ своихъ переплела нити жизни нашей; въ этомъ увѣряло меня чувство, пережившее столько лѣтъ. Теперь конечно я уже этого не думаю; но тогда, подъѣзжая къ нашей гостинницѣ, я смотрѣла съ темною надеждою впередъ, и сердце мое билось. Вотъ мы у крыльца... Ахъ! *онъ*!

Хорошъ какъ прежде... Нѣтъ, лучше! Какая-то необыкновенная красота блистала во всѣхъ чертахъ его. *Онъ* подошелъ къ нашей коляскѣ и подаль мнѣ руку; я оперлась на нее какъ тогда, какъ въ первый разъ *онъ* явился мнѣ ангеломъ избавителемъ.)

Мы вмѣстѣ провели вечеръ у насъ въ комнатахъ, говорили о путешествіяхъ, о красотахъ Швейцаріи. *Онъ* былъ любезенъ, уменъ; каждое слово его было исполнено необыкновенной прелести.. Нѣтъ, кажется я съ тѣхъ поръ никого не встрѣчала, кто говорилъ бы такъ пріятно и увлекательно; наша молодежь не похожа на него. Вечеръ пролетѣлъ для меня невидимкою, и хоть мы

разсталась поздно, а я долго не могла заснуть. Всю ночь, облокотясь на окно, я припоминала его улыбку, его голосъ, и соннице застало меня еще не спящую. Ахъ! первая бессонница любви!... Конечно, теперь я предпочла бы мягкое изголовье и покойный сонъ; однако и теперь еще подчасъ люблю вспоминать эту бессонницу любви.»

На-утро я только-что задремала и все мечтала о чемъ; вдругъ кто-то постучался ко мнѣ въ комнату, и въ ту же минуту хорошенькая головка моей черноглазой Провансалки, въ утреннемъ чепчикѣ, выставилась въ отверстие полу-отворенной двери.—«Вставайте, вставайте, chère comatresse!» кричала она: «утро чудесное! ни одного облачка, и озеро такъ свѣтло! Посмотрите. Жоржъ вздумалъ нанять лодку, и теперь толкуется съ графомъ. Вашъ хорошенькій Русскій ѣдетъ также съ нами. А вы? поедете ли? Пожалуйста!»—О, ѣду, ѣду! merci, ma très-chère M-me Schmidt, grand merci!—Сердце у меня было какъ въ пятнадцать лѣтъ. Ѣхать съ ними! пробить вѣсть цѣлый день, можетъ-быть, два дня....объ этомъ я смѣла только мечтать.»

Въ то время не было еще парходовъ, и путешествіе по озеру четырехъ кантоновъ не было; какъ теперь, трехъ-часовою прогулкою между волшебными картиннами, за которыми не уснѣваетъ слѣдовать ни взоръ, ни воображеніе. Это въ самомъ дѣлѣ путешествіе трудное, сопряженное съ опасностями; оно напоминало воображенію и скалу, на которой, подъ ревомъ бури и вихлѣвъ, возникла свобода Швейцаріи, и темную ночь, и грозу, свирѣпствующую надъ яркими волнами. Надобно было собираться, рѣшиться, дожидаться непутяго вѣтру;

и если не молебень, то по-крайней-мѣрѣ нѣсколько молитвъ въ путь шествующимъ читалось когда садилась въ лодку. Тамъ была опасность, и тѣмъ, можетъ-быть, слышнѣе увлекали воображеніе голубыя волны.

Гребцы ожидали насъ въ пристани; алыя ленты развѣвались на шляпахъ ихъ; кристальная влага тихо плескалась о края лодки; мы съли; Валерій подлѣ меня.

Сказала ли я вамъ что такъ звали его? Валерій Запежскій. Теперь уже не длячего умалчивать это, некогда магическое для меня имя.

Берега бѣжали; съ каждымъ ударомъ весла серебряная пѣна сыпалась во изумрудной влагѣ; солнце играло въ водахъ озера, будто любясь великолѣпнымъ зеркаломъ своимъ. Я встала и, опираясь на руку Валерія, смотрѣла на удаляющуюся Луцерну съ ея бѣлыми стѣнами, башнями, съ длинными, крытыми мостами и окрестными домами. Черныя тучи окружали чело мрачнаго Пилата, между-тѣмъ какъ вершины прибрежныхъ горъ пышно озарялись утреннимъ солнцемъ. Окружавшія насъ картины были хороши, такъ что я готова была плакать отъ восторга. Я вспомнила мечты дѣтства моего, и мнѣ показалось, что я теперь только поняла, чего тогда желала душа. Такъ вотъ міръ, къ которому она стремилась; вотъ солнце, котораго желала, и это солнце была — любовь.

Мнѣ казалось, что и Валерій раздѣляетъ блаженство, которымъ было исполнено сердце мое, что а тотъ свѣжій, легкій воздухъ разрѣдилъ грубую оболочку, закрывающую души наши, и онѣ бесѣдуютъ между собою какъ духи въ областяхъ небесныхъ. Я подняла глаза, и

взоры наши встрѣтились; въ его глазахъ сіяло то же счастье, та же любовь... О! никогда, никогда не забуду я этого дня! Въ часъ смерти моеѣ на меня повеять легкимъ вѣтеркомъ съ вершины Грютля, одвѣтъ влажной пылью искрометной волны Вальдштетена, и въ душѣ отдастся сладкій трепеть ея.

Любовь безъ тревогъ, безъ смятенія, безъ упрямъ; любовь чистая, безмятежная, безъ мысли о разлуцѣ и измѣнѣ — вотъ что для меня воспоминаніе озера четырехъ кантоновъ, а эта любовь — это небо...

Путешествіе наше продолжалось три дня; Герсау, Швиць, Альторфъ — всѣ эти имена написаны въ сердцѣ. На что вамъ говорить о нихъ? развѣ я вамъ передамъ прелесть уединенной прогулки и отдыха на камнѣ, омываемомъ прозрачною волною озера? развѣ вы немете чудную гармонію говора этой волны, сливавшуюся съ милымъ для меня голосомъ, съ словомъ любви и счастья?..

Только три дня мы были счастливы; но за нихъ я отдала бы всю жизнь. Мы не сказали другъ другу «люблю», но все для насъ повторяло это слово — и взоръ и тихое пожатіе руки. Мы были счастливы любовью чистой...

Ахъ! прошло, прошло! все прошло! Опять скажу: то были бредни, мечты, а жаль мнѣ ихъ, — жаль, какъ жалѣемъ мы на сѣверѣ объ южномъ солнцѣ въ холодный ненастный день весны безъ зелени и теплаго дыханія.

Для счастья мало, если разсудокъ напоминаетъ неостанно: «завтра всему конецъ». Съ нами было не такъ. Едва возвратясь въ Луцерну, мужъ мой и сэръ Шиндль

толковали о поѣздѣ на Риги, въ Гольдау, и потомъ недѣлю на двѣ въ Оберландъ. Длинный рядъ дней прекрасныхъ, свѣтлыхъ, открывался передъ нами: Валерій поѣдетъ съ нами. О! Швейцарію надо видѣть съ милымъ сердцу, если хочешь знать верховное блаженство. Но странно: когда въ первый вечеръ по возвращеніи нашемъ я услышала разговоръ объ этомъ путешествіи, сердце мое сжалось; предчувствіе какого-то несчастія, какъ грозный призракъ, стало передо мною. Что это было? какъ бы какой-то внутренній голосъ шепнулъ мнѣ: «цѣть! счастье столько совершенное, столько безмятежное и такъ надолго, невозможно!» Враждебные духи разстроить эти планы, или мой ангелъ хранитель, быть можетъ. Вѣдь это любовь — чувство мнѣ не дозволенное; я оскорбляю имъ это доброе, довѣрчивое существо, съ которымъ связала меня судьба... Оскорбляю? но чѣмъ? что ему до сердца моего? Имя его, которымъ онъ дорожитъ, всегда останется чистымъ; а мое сердце — что потерпитъ богачъ, у котораго украдутъ алмазь, забытый имъ?

Я вышла на балконъ и невольно остановилась въ дверяхъ; какой-то трепеть, какъ электрическая искра, пробѣжалъ по всему тѣлу моему. Валерій стоялъ на балконѣ, облокотясь на перила, и задумчивымъ взоромъ слѣдовалъ за прихотливыми формами тучъ. Шорохъ платья моего заставилъ его оглянуться. Я хотѣла-было уйти; но радостной взоръ его довѣрчиво приглашалъ меня, и я робко стала возлѣ него,

Грудь моя волновалась, сердце билось; но я была счастлива, счастлива его присутствіемъ, и въ самое то время, когда тайный голосъ упрекалъ меня въ этомъ

счастіи! И мнѣ кажется даже, что эта первая узоризна совѣсти вдругъ окружила Валерію какъ-бы новою какою прелестью. Мнѣ стало жаль его; онъ вдругъ сдѣлался неизъяснимо дорогъ; я любила его въ эту минуту какъ любить милое существо, когда готовы цѣлою жизнью выпустить слезу, которой были виною. Я упрекала себя въ мысли, что могла на-минуту усомниться въ святости этой любви, и между-тѣмъ эта мысль была не безъ основанія. Если бъ судьба такъ рано не расторгла этой связи, кто знаетъ, унесла ли бы я воспоминаніе о ней столько чистымъ и совершеннымъ?

Валерій казался печальнымъ; мы оба молчали.

«Скоро мы будемъ любоваться вечеромъ въ прекрасныхъ долинахъ Оберланда» сказала я наконецъ, желая прервать молчаніе.

— Бога ради, не говорите этого! прерываю оны: всё эти планы не сбыточны, не вѣроятны.

«Это отчего?»

— Оттого, что они слишкомъ хороши. Подобное счастье невозможно на землѣ.

Ахъ! эта мысль была вырвана изъ души моей. Я смутилась, и невольная слеза быстро скатилась съ моей рѣвицы. Желая сдержать ее, я уронила платокъ, и мы оба бросились поднимать его. Руки наши печально столкнулись, и донучивая слеза упала на руку Валерія. Мнѣ такъ было досадно на себя, на него и на цѣлый свѣтъ, что мнѣ казалось, будто вся любовь моя пропала въ эту минуту. Между-тѣмъ Валерій всё-еще держалъ мою руку.

«Да, подобное счастье невозможно» сказала оны, какъ-бы продолжая начатую мысль: «невозможно; недоступно»

но, невѣроятно мнѣ, какъ мысль, что эта слеза — обо мнѣ и для меня.»

Я приняла-было видъ холоднѣй. ледниковъ Гринденвальдена и хотѣла отнять руку; но онъ привлекъ меня къ себѣ и, наклонясь къ щекамъ моей, сказалъ умоляющимъ голосомъ:

«Заклинаю васъ небомъ, сбросьте эту маску! Или если взоры ваши доселѣ обманывали меня, если все мое счастье была одна игра кокетства, продлите ее и обманьте меня изъ сожалѣнія. Въ первый разъ я думалъ узнать счастье; если это обманъ — дайте мнѣ унести его съ собою. Что вамъ, что далеко отъ васъ я буду жить вѣрою въ блаженство, которое вамъ ничего не стоило! Смиритесь надъ моею мечтою, но оставьте мнѣ ее. Я уѣду сейчасъ, сію минуту, если велите; дайте мнѣ только унести съ собою вѣру въ мое минутное счастье.» — Валерій казался такъ искрененъ, такъ просто-доверчивъ, какъ женщина, когда она уже отдала всю любовь свою. И моя душа была полна чувствомъ, но я еще притворствовалала. — Это безумство, сумасшествіе! сказала я вырывая мою руку: что за скоростижная любовь?»

Лицо Валерія измѣнилось. «Скоростижная? сказалъ онъ: «Нѣтъ; дитя, которое когда-то бросило незнакомпу эгого букетъ съ обѣтомъ счастья, конечно не думаю, что когда-нибудь сама же назоветъ скоростижнымъ то чувство, которое съ тѣмъ поръ живетъ для нее въ душѣ ея!» — Въ лицѣ Валерія было видно сильное волненіе, хотя онъ старался показать, будто совершенно хладнокровно разсматриваетъ засохшія букеты цвѣтовъ.

Но могу описать вамъ, что почувствовала я. Эгого

букетъ былъ перевязанъ тою самою лентою, которую мнѣ дала моя добрая Бонамъ. Я совершенно забыла сама себя и схватила руку Валеріа. О! въ эту минуту для меня не существовали ни страхъ, ни приличіе. Слезы текли по щекамъ моимъ, и я могла только повторять: Съ тѣхъ поръ, Валерій, съ тѣхъ поръ!.. Завѣтная мечта моя, мое безуміе, моя дѣтская любовь, все осуществилось, все приняло живой, понятный чувствомъ образъ, и сердце, уже охладѣвшее въ сомнѣніи, вдругъ ожило для новой жизни... Но чтò я говорю? какъ могу вамъ передать чтò чувствовало сердце?...

Возвратите свободу узнику въ ту минуту, когда погасъ уже для него послѣдній лучъ надежды; скажите («живи!») несчастному страдальцу, осужденному на смерть, и вы поймете тогда мое чувство. И я не преувеличиваю; подумайте: моя любовь была жизнію моею; это было единственное чувство согрѣвавшее мнѣ сердце, и оно вдругъ было возвращено мнѣ тогда, когда я сама начинала сомнѣваться въ немъ!...

Мы были совершенно одни. Валерій крѣпко сжималъ мою руку; счастье взаимной любви блистало въ глазахъ его; слова любви безъ связи лились изъ устъ. Не знаю, отчего вдругъ глаза мои устремились на окно комнаты Смигта, выдавшейся въ улицу въ-уровень съ балкономъ. Въ амбразурѣ окна сидѣлъ — мой мужъ и преспокойно допивалъ стаканъ шампанскаго. Я поблѣднѣла. Видѣлъ ли онъ меня? не появлялся ли?... До сихъ поръ онъ былъ такъ безпеченъ и равнодушенъ ко всему, что не касалось до его бѣстексовъ и устриць, что я пользовалась полною свободою, и никогда ни малѣйшее подоз-

рвѣніе не возмущало нашего домашняго согласія. Въ немъ это была не довѣренность, а простое лѣнь. Довѣренность есть слѣдствіе убѣжденія или ослѣпой страсти, а ему грѣшно было бы приписать то или другое.

«Пустое безпокойство! онъ ничего не видалъ, ничего не понималъ», говорилъ Валерій сжимая мои руки. Безпокойство сблизило насъ болѣе чѣмъ самая любовь. Говоря объ опасеніи моемъ, я высказывала Валерію все сердце, какъ-бы тайны его были ему давно, давно извѣстны! Онъ былъ уже мой старинный другъ, котораго слова нѣтъ надо мною полную власть; я вѣрила уже ему, и безпокойство мое разстѣялось. Мы вышли въ залу дружно разговаривая, какъ-бы никакой тучи не было надъ нами. Тереза встрѣтила насъ въ дверяхъ, и мы вмѣстѣ отправились за городъ.

Насъ было много, но мы были одни. Вечеръ былъ чудесный; я была счастлива. Онъ прощаль далеко; но и теперь когда вспоминаю о немъ, сердце бьется радостію.

Мужъ мой былъ съ нами. Встрѣча съ нимъ напомнила мнѣ мое безпокойство; но онъ былъ также веселъ и беззаботенъ, какъ обыкновенно, и даже, кажется, не обратилъ вниманія на то, что Валерій цѣлый вечеръ не отходилъ отъ меня.—«Видишь ли, что я была правъ?» сказалъ онъ мнѣ прощаясь со мною. Я пожала его руку.

На другое утро, въ семь часовъ, назначенъ былъ отъѣздъ нашего маленькаго каравана. Я заснула въ радостныхъ мечтахъ.

Дѣвушка разбудила меня. Не уже ли пора? спросила я? «Лошадки готовы-сь, а баринъ дожидается-сь. Уже со всѣмъ одѣтъ.»—Я встала одѣваться.—Да гдѣ же

мадамъ Смиттъ? спросила я, выбѣгая изъ своей комнаты и встрѣтивъ съ нужникъ, который стоялъ въ самыхъ дверяхъ, въ дорожномъ сюртукѣ, въ шляпѣ, съ палкою, и отвѣчалъ мнѣ совершенно равнодушное: «Еще спать; думаю.»—Зачѣмъ же меня терзали?—«Мы ѣдемъ въ Цюрихъ, а она вѣрно пѣтъ; такъ намъ пера»... Я смотрѣла на него съ удивленіемъ. — «Ваши цѣты высолли» продолжалъ онъ, подавая мнѣ руку:» въ Цюрихъ пошлешь новыя». И мы сошли съ лестницы.»

Меня посадили въ карету; двѣри хлопнула; карета покатилась... О! никогда не забуду я этого путешествія, никогда не забуду мученія, которое я чувствовала при каждомъ оборотѣ колесъ этой кареты, уносившей меня навсегда изъ Лוצерна, отъ него! Я не думаю объ моемъ мужѣ, ни объ своемъ странномъ положеніи въ отношеніи къ нему. Къ стыду моему признаюсь, что я такъ мало привыкла думать о немъ, что и въ эту минуту не онъ занималъ меня. Нѣтъ, я думала о пробужденіи Валерія и вѣчности, разделяющей насъ съ этой минуты.

Мужъ мой заснулъ, или притворился спящимъ, не знаю. Съ тѣхъ поръ между нами и въ поѣздѣ не было ни о цѣвахъ, ни о Лוצернѣ: какъ-бы этой эпохи совершенно не бывало въ жизни нашей. Онъ проснулся у подъязда первой гостиницы, спросилъ себя кофеемъ, и съ тѣхъ поръ я видѣла его неизвѣстно тѣмъ, какимиъ знало до сей минуты, какимиъ былъ онъ до конца жизни.

А Валерій? Онъ какъ-бы умеръ для меня: ни одного слова, ни малѣйшаго извѣстія о немъ. Я хотѣла писать къ нему—невозможно! Мы ѣхали, останавливаясь

только для завтраковъ и обѣдовъ, и мужъ мой не остав-
лялъ меня ни на минуту. Съ обыкновеннымъ своимъ хла-
покрѣиємъ онъ шутилъ, смѣялся, поддѣвалъ меня вѣ-
чными морщинами. Сараци у меня разрывался, а онъ си-
дѣлъ тутъ, противъ меня, съ своимъ пуговчатымъ лицомъ
и вѣчною улыбкою, курялъ трубку, или дремалъ пока
приходило сказать, что лошади готовы. Утромъ, гнѣвъ
были бы споспѣе для меня; но это безнечное равноду-
шіе, когда каждая минута была для меня страданіемъ,
было совершенно невыносимо. Я заплакала къ Базаль;
онъ самъ похлопалъ по докторомъ и между тѣмъ мы
всѣ-таки отправились dalje.

Въ самомъ Парижѣ мы пробыли только два дня, и
вместо Неаполя, спустились въ туманномъ Лондонѣ. Съ
совершеннымъ свойствомъ мужъ мой измѣнилъ все
прежніе планы, и я не могла рѣшиться вымолвить для
чего: отвѣтъ страшилъ меня.

Почти уже тридцать лѣтъ прошло съ этой встрѣ-
чи. Мы три года пробыли за границею; я жила въ Кра-
ну, въ Москвѣ, въ Петербургѣ; вы знаете, мы прини-
мали весь городъ, но никогда и нигдѣ я не встрѣчала
Валеріа, не слыхала даже въ обществѣ имени его. Я воз-
вратилась опять къ прежней бездѣтной жизни моей,
отсыпывала дни одинъ за другимъ; но сердце уже не
знало настоящей радости. Годы разсылали прелюбія меч-
ты; я узнала тишину и надежду и наконецъ жо-
ланій; но опыты, отнявъ ихъ, не застѣнны другими. То-
варь, конечно, я шлофша и весела, вѣрю прилежн, не
испытываю друзей, оставляю завтра судьбу и вочо-
ромъ за вистомъ нахожу всѣхъ и любезными и умны-

ми, а прелести жизни уже нѣтъ: просмететъ она медаль-
часть въ воспоминаніи, да и то омытъ гонимъ насати-
ною: все это—вздоръ, бредни молодости!

Одинъ разъ вольно—это было въ 1814 году, ког-
да войска наши были за границею,—мы жили тогда въ
подмосковной; мы оба еще были малютками; у насъ бы-
ло свое небольшое общество, и одинъ разъ вечеромъ, со-
бравшись вѣдствъ, мы все работали въ носки нашивотъ,
между—тѣмъ какъ мужъ мой читалъ газету. Тогдашес-
ныя дѣйствія занимали вохъ въ высшей степени. Ду-
ше дѣлала и торжество и опасности гербось отчаян-
на работу и обратилась вся въ вниманіе. Вдругъ графъ
остановился и сѣлся; по прежде нежели другіе вѣдствъ
примѣтитъ это движеніе, онъ оправился и прочиталъ
мнѣ Записку.

Съ тѣхъ поръ графъ пересталъ читать газеты, и
онъ сдѣлался любимымъ конемъ чтеніемъ. Номеръ, въ
которомъ было записку мнѣ, оставался по дѣлой неде-
лѣ въ моей комнатѣ. Валерій ожилъ для меня и омытъ
снова наделлся...

Въ персидскую войну мнѣ его омытъ бласнуло:
Валерій былъ равенъ. Не скажу вамъ, что чувствовалъ
я, читая описаніе его отчаянной храбрости, его сам-
ныхъ дѣлъ; все это мечты; омытъ научилъ меня омытъ
вѣрять сердцу. Теперь я уже сѣбуюсь надъ прощан-
ними бреднями, и мнѣ странно, какъ могла я вѣрять, что
мой храбрый полковникъ и въ мирѣ и въ войнѣ, какъ дра-
гій рыцарь, хранитъ мой образъ и вѣчную вѣрность, и
даже....»

— Полковникъ Занѣжскій просить позволенія видѣть ваше сіятельство, сказалъ вошедшій слуга.

— Ахъ! — Обѣ молодыя дамы вскочили; графиня чуть не сдѣлалась дурно; но она скоро оправилась. — Преси, преси! — и графиня искала глазами зеркала.

Дверь отворилась. Молодой человекъ прекрасной наружности вошелъ и съ необыкновенною пріятностью приблизился къ дамамъ.

— Мы сейчасъ узнали, графиня, сказалъ онъ, что вы давно ожидаете лошадей. Мы пріѣхали на вольныхъ, и ямщики предлагаютъ намъ вести далѣе. Но батюшка занемогъ и долженъ остаться мочевать. Я взялъ смѣлость прійти къ вамъ, чтобъ узнать, не угодно ли вамъ будетъ воспользоваться нашими лошадьми.

— Полковникъ! вы видите меня въ странномъ замѣшательствѣ. Когда-то, давно уже, я знала вашего батюшку: другихъ Занѣжскихъ, кажется, нѣтъ? Впрочемъ, вы съ нимъ такъ похожи, что въ первую минуту я забыла, что прошло уже слишкомъ тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались, и готова была принять васъ за него. Но скажите, могу ли я видѣть вашего батюшку?

— Графиня, онъ очень жалѣетъ, но это не возможно. Старинная и нучительная подагра лишаетъ его удовольствія видѣть васъ.

— Подагра? возможно ли? Но вы ѣдете на Владиміръ?

— На Владиміръ, графиня. Мы ѣдемъ въ пензенскую деревню.

— Тамъ лучше: моя деревня недалеко отъ Кузнецка и на самой большой дорогѣ. Это не далеко, и я надѣюсь, что нѣсколько десятковъ верстъ не испугаютъ васъ.

Полковникъ поклонился.

— Но скажите, ради Бога... какъ это можетъ быть, спросила графиня съ живѣйшимъ безпокойствомъ. Котораго не могла скрыть: вы уже полковникъ, а вамъ лѣтъ нѣтъ еще тридцати лѣтъ?

— Извините, графиня; мнѣ скоро будетъ двадцать девять.

— Нѣтъ! оныть еще не доучилъ меня! сказала графиня, наклонясь къ племянницѣ, какъ-будто для того, чтобъ рассмотреть ея работу, и отерла украдкою крупную слезу.

Черезъ три мѣсяца послѣ того, въ стѣнной деревнѣ, недалеко отъ Кузнецка, праздновали помолвку. Графиня Л*** стоворила внучку свою за молодаго полковника Загѣжскаго. Она была весела и любозна, и даже, говорить, нимало не сердилась, хотя и проиграла среди пяти роберовъ старому генералу — пощалуи, Валерию, во прежнему. Послѣ игры графиня еще осталась за мраморнымъ столомъ и играла по зеленому сукну нераспечатанною игрою картъ, продолжая разговаривать съ генераломъ. Онъ на этотъ разъ не страдалъ подлагою. На лицѣ графини видно было непримѣтное влеченіе. Она говорила что-то вполголоса и не смотря на генерала. Не слышно было словъ ея, но генералъ отвѣчалъ съ жаромъ и довольно громко: «Нѣтъ, нѣтъ, графиня! называйте это глухостью, или какъ вамъ угодно, а талисмана я вамъ не отдамъ. Онъ былъ со мною во всѣхъ вѣ-

ходахъ; недалеко и до послѣдняго ночлега: такъ не разставаться же съ старымъ товарищемъ!» — Онъ подаль руку графинѣ, чтобъ вести ее къ столу. Она казалась растроганною, но счастливою. Изобрѣтательный умъ ея нашелъ средство примирить вѣрность къ талисману и почти тридцати-лѣтній возрастъ полковника.

«Мечтать не жить, а я живу когда мечтаю.»

М. Жукова.

СЛѢПОЙ СЛУЧАЙ. (*)

I.

Ужель я тварь слѣпаго рока?...

Ужели случая я сынъ?

Такъ нѣтъ Святѣи, нѣтъ порока,

И разумъ мой лишь дымъ одинъ?

А вѣчность, добрыхъ дѣлъ награда,

Пустая слабыхъ душъ отрада?

Все слѣпо, глухо подь луной,

И бытіе мое свершилось

За тѣмъ, что только такъ случилось?

Вина — лишь случай, звукъ пустой?

(*) Эта превосходная, до сихъ поръ не напечатанная ода великаго нашего Державина, едва ли не лучшая изъ всѣхъ его одъ, послѣ оды „Богъ“ — найдена въ фамильныхъ бумагахъ Князей Кропоткиныхъ, и сообщена для помѣщенія въ „Русскую Бесѣду“ Княземъ Д. А. Кропоткинымъ. *Мод. Малка.*

II.

Машина Мира, цѣпь природы,
 Свѣтилъ блѣстящихъ миллионъ,
 Разнообразныхъ тварей роды,
 Движенья вѣчнаго законъ,
 Парящій умъ, воображенье,
 Къ познанью истины стремленье,
 Любовь, связь общая людей,
 Отъ Лейбница до паутины,
 Все — дѣло глупыя причины:
 И добродѣтельный и злой!

III.

Душа моя затрепетала,
 Отъ мысли бѣдственной сея!
 На части грудь мою терзала
 Сомнѣнья лютая змѣя.
 И такъ, я автоматъ презрѣнный,
 Слѣпымъ лишь случаемъ рожденный?
 Что жъ добродѣтель, кою чту?
 Что разумъ, память и свобода?
 Что связь, порядокъ и природа?
 Вездѣ я вижу лишь мечту.

IV.

Вдругъ небо вскрылось надо мною:
 Я слышу бурныхъ вихрей ломъ,
 Земля трепещетъ подъ ногою,
 Сверкнулъ перунъ, ударилъ громъ.
 Въ превыспреннихъ предѣлахъ дальныхъ,
 Средь звѣздъ и солнцевъ лучезарныхъ
 Богиню вижу я тотъ часъ:
 Она трясетъ свѣточь возженный,
 Прошла умъ мой потемнѣнный
 Внутри себя я слышу гласъ:

V.

«Въ пространствѣ атомовъ безмѣрномъ —
 Погъ-капля! въ страшныхъ безднахъ водъ —
 Когда въ безумствѣ дерзновенномъ
 Ты буйныхъ мыслей правишь ходъ!
 Ты червь, а быть желаешь Богомъ!
 И въ изступленіи жестокомъ
 Стремимься въ тьму низвергнуть міръ;
 И даже не изъ тучъ гремящихъ,
 Не изъ огней свѣтилъ блестящихъ, —
 Изъ глупости творишь кумирь!

VI.

Зри, какъ лучи въ волнахъ играютъ,
 Одѣлись зеленью лѣса,
 Какъ нивы землю покрываютъ,
 Звѣздами блещутъ небеса;
 Какъ плодъ поспѣвшій предъ тобою,
 Ты рвешь завистливой рукою,
 Какъ все имѣеть свой предѣлъ:
 И отягченная трудомъ
 Земля почиетъ подъ сѣнками —
 Ужель то случай повелѣлъ?

VII.

Когда картиной Тиціана
 Прельщается твой умъ пустой,
 И вѣришь, что не начертанна
 Была своей она рукою.
 Что даже трудъ сей несравненный
 Не кисти плодъ обыкновенный, —
 То какъ же міръ собой быть могъ?
 Онь тьма картинъ въ изящномъ родѣ.
 Коль случай сдѣлалъ все въ природѣ,
 То случай — разумъ, случай — Богъ!

VIII.

Ты уважаешь духъ Невтоновъ,
 И чтышь первѣйшимъ въ естествѣ,
 За то, что изъ судьбы законовъ
 Онъ истины открылъ намъ двѣ:
 Лучей чрезъ призму раздробленье,
 Всѣхъ къ центру въ міръ тѣль стремленье
 Его безсмертію вѣнецъ. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . . (*)

XI.

Въ пустыняхъ воздуха безгѣрныхъ
 Кружится сонмъ тяжелыхъ тѣль,
 Къ своимъ орбитамъ пригвожденныхъ.
 Кто имъ вращаться повелѣлъ?
 Закрой же взоръ, и съ быстротою
 Бѣги назначенной чертою:
 Къ своей придешь ли цѣли ты?
 Когда жъ и умъ тебѣ измѣнитъ,
 То какъ душа твоя поверитъ,
 Что бѣгъ ихъ — дѣло слѣпоты?

X.

Всѣмъ дѣйствіямъ здѣсь есть причина,
 Собой не можетъ быть ничто:
 Конецъ, начало, есть средина,
 Доказываетъ опытъ то.
 Какой же случай прежде вѣка
 Всему далъ жизнь, и человѣка
 Душой разумной одарилъ?

(*) Эти четыре стиха такъ повреждены, что не было возможности разобрать. Изд. Миллера.

Ужели свѣтъ былъ созданъ тьмою?
Ты глупость чтинь ума виною,
Безсиліе — причиною силъ?

XI.

Умъ человѣческій огромный,
Не можетъ атомовъ создать,
То какъ же случай глухой, темный,
Возмогъ вселенну основать?
Украсить сводъ небесъ звѣздами
Разлить моря между берегами?
Пустить по тверди трескъ громовъ?
Природѣ дать движенья душу?
Пролить дожди и сдѣлать сушу?
Лучи составить изъ цвѣтовъ?

XII.

Порядокъ, стройность всей природы,
Связь общая во всѣхъ вещахъ,
И поддержанья тварей роды,
Всегда имъ въ свойственныхъ чертахъ —
Слѣпой ли, дѣйствіе, причины?
Коль словъ родилъ бы апельсинны,
И бытіе дубъ галкъ далъ,
Когда бъ огонь знобилъ намъ члены,
То бъ въ слѣдствіе такой премьны
Льзя мыслить: «случай тутъ игралъ!»

XIII.

Но мы рожденные одними,
И производимъ въ свѣтъ другихъ;
Природа узами святыми
Сковала чадъ съ отцами ихъ,
Она жъ велѣла наслажденью,
Дать поводъ къ нашему рожденью;
А безъ того чтобъ быть могло?

Бѣда въ потомствѣ, а не радость:
Ужъ ли жь союзовъ нѣжныхъ сладость
Пустое въ мѣрѣ сопрягло?

XIV.

Когда ничто — міровъ создатель,
То призракъ жизни, сонъ пустой:
И совѣсть, честь и добродѣтель, —
Дѣла причины все слѣпой.
Что жь было бь свято намъ въ природѣ:
Равно бы славилсь въ народѣ,
Отрепьевъ, Мининъ, Анкерштрепъ.
И къ пользѣ частной устремленны,
Злодѣйства были бы почтенны,
Пороки былибъ милы всебъ.

XV.

Въ хаосъ бы мѣръ сей обратился,
Порядка умъ нашъ былъ бы чуждъ,
Вездѣ бь духъ буйства воцарился, —
Разторглась связь взаимныхъ нуждъ.
Морозы спорили бь съ жарамъ,
Міры столкнулись бы съ мірамъ,
Разшибли бь твердь небесныхъ тѣлъ,
Вездѣ бь былъ ужасъ разрушенья,
Разстройство, смерть, опустошенье, —
Огнь бы въ нѣдрахъ водъ горѣлъ.

XVI.

Но что вѣковъ прошло ужь въ мѣрѣ,
А все своей идетъ чредой;
Коль Царства пали, рабъ въ пор-мѣрѣ —
То глупость наша въ томъ виной:
Мовада, волей одаренный,
Помыслилъ челоуѣкъ надмѣнный,
Чтобъ было все въ его рукахъ,

К Н Я З Ъ
МАРГЕРЪ ПИЛОНСКІЙ.

=

РАЗСКАЗЪ
ЦВИРКУНА, ВЕЛИКАГО
КОНЯШАГО ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО.

=

Историческая Повесть XIV вѣка.

I.

СВЯТОЙ РОГЪ.

..... «Славная была битва на Ирпени! Старикъ мой Гедыминъ былъ тогда, что дубъ на долинѣ. Наши Князья напрасно пѣтушились. Побилъ и разбилъ ихъ Гедыминъ; положилъ головами двухъ, а трое въ Рязань убѣжали. Будеть такъ, передъ вечеромъ, стали мы все собираться въ Софійскій Соборъ. По пути зашелъ я къ другу Греку Эроменесу и говорю ему: «Литва къ намъ будетъ!»

Грекъ мой струсилъ. «Что ты это говоришь Циркунъ, бить не можетъ! Литва — лзычники... Видь это хуже потопа.»

Видишь «отвѣчалъ я» ничего смѣкнуть не можешь, а ещё ученый. Развѣ лучше было при Татарскихъ Баскакахъ? Оно такъ, язычникъ, да за правду ли онъ язычникъ? А наши-то, Христіане, что дѣлаютъ? Заплотять нехристямъ татарскіи дань, да и давай своимъ народомъ, словно звѣрцидемъ, забавляться. — Много ли у насъ, на Кіевѣ, честныхъ цевѣсть и жень осталось? Много ли у тебя греческаго золота въ карманѣ? Вздоръ! Язычникъ нашей вѣры не тронетъ, а у великаго человѣка за пазухой жить привольно. Поидемъ друже, всѣ бояре уже собрались у святой Софій.»

Пошли мы, спустился на крещатику. Пока намъ ворота отпирали, слышимъ, по волынской дорогѣ трубы играютъ. Грекъ мой noble, какъ поютно. Я отродясь ничего не боялся; всю жизнь съ Татарами да съ медвѣдями провозился, такъ что мѣтъ Литва? И Литву то я зналъ, гостемъ съ однимъ князькомъ въ Кернову ѣздилъ, и на охотѣ былъ съ самимъ Гедыминомъ! Старые знакомые. Радъ повидаться. Пришли мы въ соборъ; всѣ бояре на колокольнѣ; пошли глядѣть: какъ Гедыминъ на волынской дорогѣ будетъ становъ садитъ. Ну и мы на колокольню. Чудо, не видѣ... Видѣлъ я и въ пѣмецкихъ и разныхъ латинскихъ городахъ, а ужъ такого ничего не видѣлъ. Куда, всему слава Божьему, противу нашего Кіева! Церкви, что стражи небесные, по горамъ, въ золотыхъ вѣндахъ горятъ; на Дѣспрѣ города и монастыри будто плаваютъ; и на улицахъ такія многолюдствомъ не черныютъ. И какъ все одѣто! И какъ все говорить красно! Поди, грамотнаго неуча; ужъ сколько ни есть въ Кіевѣ дѣло.

туть утро, на свѣтъ Божій всё выхолзуть, всё на Андреевой горѣ, напшуть, читають да считають. А ставеть въ Кіевѣ большой торгъ на Подолѣ, такъ и на Почаинѣ новозки и лошади съ трудомъ мѣстятся. Диво не городъ. Послѣ Царьграда, въ свѣтъ первый. А одинъ Волошанинъ мнѣ сказывалъ, что Кіевъ и Царьграду братъ. . .

«Что бояринъ!» сказалъ мнѣ Гантолдъ, литовскій посолъ, когда я уже влѣзъ подъ самый волоколъ. «Не хочешь ли на охоту? Видишь сколько медвѣдей, за золотыми воротами, ложится.»

Крѣпко обрадовался я Гантолду. Такихъ ужъ выше нѣтъ бояръ. Мы съ нимъ дума въ душу жили, пока не умеръ. Онъ (только за тайну, дѣти мои, иначе и не скажу) онъ былъ тайный Христіанинъ. А тайный потому, что *литовской погами* боялся. Вотъ намъ уже теперь легче; теперь почитай всё надворные у Великаго Князя — Христіане, и въ дружинахъ не мало; а тогда десятокъ Православныхъ между Литвинами насчитать было трудно. . .

«Здравствуй Гантолдъ» отвѣчалъ я, пожимая ему руку «а что, видишь, узналъ? Съ чѣмъ тебя Господь Богъ къ намъ принесъ?»

«Будто ты и не знаешь» сказалъ Гантолдъ. «Не прикидайся! Великій Князь говоритъ: далъ бы то Богъ Цвириуна въ Кіевѣ застать, по старому знакомству онъ бы дѣлю уладилъ; не хотѣлось бы мнѣ святыхъ стѣнъ ломать.»

«Оста, что ли?» сказалъ я. «Какъ рѣшать бояре... Я одинъ — сторона! Ты знаешь Гантолдъ, что я съ

людьми мало живу... Коши, да дикю зѣтри, вотъ моя бесѣдаки: такъ и въ городской управѣ мало смысло. И если ты меня засталъ въ Киевѣ, такъ только потому, что война зѣтрой раснугала; а советъ мой преста. Отъ одного Рюрика и Станиславъ Киевскій и Гедиминъ Литовскій: Пусть ядутъ къ намъ княжить, только чтобы вѣры нашей и вольностей не касался. Вотъ и все тутъ.» Большею дураки были наши старшіе бояре: молодые все за Гедимина со мной стояли, а старые какъ эгерманить: «Камъ! чтобы мы да на святой престоли Великокняжескій язычника пустили!» Позвелъ споръ. Старшій бояринъ до того въ-запалъ возвелъ, что бухъ, безъ приговору, въ большой колоколъ ударилъ. «Война!» закричалъ онъ «живые не далися!» Уехалъ Ганстола; приготовились мы къ защитѣ. Спѣшили мы Гедиминово полчище разовъ шесть; только и сами болѣю поразстроились. Все ждемъ, да ждемъ, когда Гедиминъ городъ поджигать станетъ; ни одной знающей стрѣлы не летитъ; ни одной стѣновою бойницы или тарана не выдвинулъ старикъ вой: да, къ концу, будетъ уже втораго явснца осады, опять выехалъ Ганстола и пишетъ: «чтобы Христиане поспѣши бѣжи. «городъ онъ возьметъ, но святыни ни жечь ни ломать «не будетъ.»

Видятъ бояре, что мой толкъ былъ неслушанъ и пристаи ко мнѣ: «Повзятъ къ Гедимину»

«Нѣтъ!» сказалъ я «теперь не хочу. Гдѣе будетъ на охоту пойду и заверну къ Гедимину въ гости.»

Выехалъ я нарядно. Дружина у меня была своя, не малая; конниковъ цѣлый серокъ, да царей съ мно-

серека. Бау. Иако Гантрадъ сказыаъ Гедымишу; вѣду и онѣ, съ исарями и окодѣвѣтими, изъ страну выѣзжаютъ и поровитъ къ Шулявщинѣ. Сѣхотимся мы, поздороваемся, нѣсколько сласть веровникумъ, а Гедымишъ всѣкъ своихъ отпустимъ, прикасамъ вѣвѣдъ готовить, а сласть со ншею и съ ншими людьми, за правду, на охоту поѣхатъ.

Какъ повидѣли бояре съ колокольни: какъ Гедымишъ нашихъ вѣрнѣ, — ударилъ въ колокола, послали за владыкою и другими старшими духовенствомъ и отомкнули совсѣмъ настѣжъ золотыя ворота! Пошла радость по всему стану и Кіеву.

«Послушай!» говоритъ мнѣ Гедымишъ, «будь мнѣ другомъ, Цвиркунъ!»

«Изволь, только заслужи!»

«А вотъ увидишь! Бросимъ дѣсь, завтра поохотимся, а теиерь въ Кіевъ!»

«Изволь, только помни слово. . . .»

И вошелъ онъ въ Кіевъ, разумный старикъ мой! И повоинился Соеи и угодицамъ Печерокииъ, и Варварѣ великомученицѣ и могиламъ Князей нашихъ, и поцаювалъ землю на Андреевской горѣ. . . Запировавъ Кіевъ; Басмаки Татарскіе откланялись Князю и отѣхали. . .

«Самъ же съ Хамомъ вашимъ считаться буду» сказаетъ старикъ, отпуская сборщиковъ «казны у меня довольно, а Божьей вотчины тѣснить не дамъ. . .»

А я, что ни сдѣлаеть разумаго Гедымишъ, все старымъ боярамъ приговариваю: «Вотъ вамъ язычникъ!»

Дивуйтесь по субботамъ!» Наревъ у цени твоей: и въ горѣ и въ радости, любилъ шутку.

Не прошло недѣли, Гедыминъ на славу устроилъ Кіевъ; былъ день воскресный; всѣ мы и Великій Князь, со всѣми дѣтьми, Монахидомъ, Глѣбомъ, Ольгердомъ, Кейстутомъ, Любартомъ, Михайлой и даже Явнутомъ, были у обѣдни; только Монахидъ, да Наримундъ, то есть Глѣбъ, были уже добрые подростки, а тѣ маля мала меньше; Глѣбъ давнѣе уже былъ крещенъ и молшлся прикладно, и хорошо былъ наставленъ, и литургію зналъ; Гедыминъ, глядя на него, любовался.

«Вотъ» сказалъ мнѣ тихо Гедыминъ «хочу, я оставить Кіеву Глѣба!»

Молодъ крѣпко, «отвѣчалъ я» лучше Мендога, племянника, Голшанскаго Князя, оставь Кіеву; и вѣру любить, и разумѣть ученіе, и воля у него отцовская, и старѣ лѣтами. Съ боярами сладить!»

«Быть по-твоему!» сказалъ Гедыминъ, и когда Митрополитъ окончилъ Литургію и архиѳакошь на золотомъ блюдѣ вынесъ просфору и подалъ Глѣбу Гедымину, отецъ поглядѣлъ на меня и сказалъ тихо: . . . «Эй Циркуль, не лучше ли Наримунда?»

«Ни, ни!» отвѣчалъ я твердо «не лучше!»

И Гедыминъ взялъ за руку Князя Голшанскаго, и поставивъ его возлѣ себя, сказалъ: «Блюди святыи грады Кіевъ! Судя по правдѣ, яко добрый намѣстникъ нашъ, а вы добрые и любезные дѣти мои, повинуйтесь ему, яко мнѣ сану!»

Изъ собора всѣ пошли къ Великому Князю на дворъ, гдѣ былъ приготоваень большой профанный ширъ. . .

Долго шла беседа; много толковали о княжескихъ распряхъ и смутахъ! Гедымишъ тянулъ греческое вино ротъ за рогонъ, да и разговарился.

«Даль бы я Руси управу» сказалъ онъ на-веселѣ: «да что ты будешь съ Нѣмцами дѣлать. Пристали съ латинскимъ крестомъ; крестись насильно... А ужъ Литвинну безъ воли житья нѣтъ; и озлобились, и трудно Нѣмцамъ!.. А на-Руси нѣтъ ладу, потому что некому уладить; старшаго нѣтъ. Вотъ мои дѣти въ дружбѣ растутъ, да приходится ихъ разлучить; кому уже кровь пускать пора, кому на сѣдлѣ ѣздить, кого еще изъ колыбели подымать трудно... На Ольгерда да на Кейстута много, много у меня надежды, да не кому за ними смотрѣть да учить. Благо Богъ мнѣ Цвиркуна послалъ; на руки тебѣ ихъ отдамъ; будь моимъ Великимъ Кошникомъ, да дѣтей пѣстуй!»

Поклонился я Гедымину за великую честь, только сказалъ: «Неучь я, Княже! Возьми въ подмогу мнѣ изъ Кіевскихъ ученыхъ. Ты вѣдаешь, Кіевъ всякому княжескому разуму гнѣздо.»

«Вѣдаю» отвѣчалъ Князь «и будетъ по-твоему! Пусть и дѣтей и меня, старика, учать. Грека Эроменеса, Хирона, зодчаго, братьевъ Модрого, Волошанъ, что крѣпости брать умѣютъ, отца Геронтія съ причтомъ, да по его уже наказу честныхъ мвоковъ сколько нужно окажется; да сворошисцовъ съ Андреевской горы трехъ, отпустите бояра съ нами въ Литву; надо городъ строить, порядокъ въ землѣ завести; не то Великокняжество мое скоро старшимъ братьямъ: Москвѣ и

Новогороду поклонится. Не воспримимъ великихъ предковъ; отъ земляковъ не отстанемъ!...»

Много, много разумнаго говорилъ старикъ и, послѣ пира, на долго простались съ Кіевомъ и поехали въ Переяславль... Много городовъ позабыли мы съ Гедыминомъ; старый вездѣ порядокъ обновили и уже къ осени пріѣхали въ Кернову.

=

«Славный край — моя Литва» сказалъ мнѣ Гедыминъ, когда съ высокаго навѣса глядяли мы на Кернову...

«Да куда же твоей Литвѣ до Кіева!» сказалъ я...

«Э, не говори Цвиркунъ! Поѣдемъ завтра на охоту, далеко поѣдемъ, диковины увидишь, святые мѣста!»

«Гдѣ тамъ таки святые мѣста у литовской погани...»

— Гедыминъ вздохнулъ и не отвѣчалъ ни слова. Разуменъ онъ былъ, да бѣсъ хитрѣе. Крѣпко держалъ онъ Князя за сердце и не давалъ ему внутри Божій свѣтъ принять. Любилъ Гедыминъ свою литовскую погань, боялся только то показывать, и не кричалъ ему, когда глаза ему язычествомъ кололи. Трудно было разобрать, что у него въ душѣ творилось... То онъ христіанства желалъ, то за поганищу стоялъ. Только онъ тому, ни другому, ни свѣтъ, никакой обиды не дѣлалъ. Поехали мы и на охоту; я и маленькій князь въ охоту бой взялъ; придвинулъ къ сѣдлу моему сидѣнье и посадилъ направо Ольгерда, направо Кейтута.

а не дѣти, какъ теперь помню. Дай мнѣ тура убить! Ну, какъ я мнѣ дамъ тура убить, когда я такого звѣря съ-роду не видывалъ? На высокихъ горахъ живетъ этотъ звѣрь. Больше двухъ десятковъ лѣтъ ничто во всей Литвѣ ни одного тура не видѣлъ: я и говорю княжатамъ, что туръ ихъ бабьимъ сказанъ. «А ты чѣмъ вчера медъ пилъ?» спрашиваютъ. Тогда я вспомнилъ, что точно то былъ турій рогъ, какового ни на быкахъ, ни на бѣловѣжскихъ зубрахъ я не видывалъ. Вотъ какіе острые княжата были!.. Ъдемъ, ѡдемъ, вдругъ пошли славныя горы, а потомъ озеро большое, и съ островомъ и опять горы, а на одной горѣ — военный городокъ, Троки.

«Чудо, не мѣсто!» сказалъ я, «и подъ Кіевомъ такихъ не много...»

«Подари мнѣ, дядя, это мѣсто!» сказала Рейстутъ.

«Не мое!» сказалъ я «попроси у отца!»

«Хорошо!» сказалъ Гедыминъ «я построю тебѣ здѣсь городъ, а пока и самъ жить буду...»

«А мнѣ?» сказалъ Ольгердъ.

«А тебѣ Кернову!»

«Не кочу Кернову. Далеко отъ Нѣмцовъ.»

Гедыминъ не успѣлъ отвѣчать. Передъ нами, съ высокой горы прыгнулъ огромный туръ на желѣзные свои рога и поѣмалъ изъ озеру. Спустили собакъ; а сами во весь скокъ за ними. Туръ напился воды, оглянувшись, и поглядѣлъ на насъ красными глазами... «Нашъ, нашъ!» подумали мы. Какъ бы не такъ, прыгъ, скокъ, уже на снахъ; мы за нимъ; больше добрыхъ двухъ часовъ гнались мы за нимъ; ни духу, ни слѣду... На-

вхали мы на какую-то рѣку; на другой сторонѣ высокія, высокія горы, чудо не горы, хоть бы въ Кіевъ ихъ поставить. А на горѣ, на лысой маковѣ, туръ намъ снится-себѣ, только рега отъ дыханія колыхнута.

«Видишь, куда свать забрался!» сказалъ я и первый бросился впасть.

«Куда ты» закричалъ Гедымишъ «это Нерисъ, святая рѣка, ты не знаешь ее: рассердится, ты мнѣ дѣтей утопишь!»

Я не любилъ никогда назадъ поворачивать. Плыну-себѣ, да твердо молитвы, дѣти спать спирно; намъ плавать знатно; вижу, Божіе благословеніе надо мной. Князь не вытерпѣлъ.

«Вытащите этого дурака изъ святой рѣки!» закричалъ онъ ловчимъ; и тѣ струсили; нечего дѣлать, онъ бросился въ рѣку самъ, а тѣ уже за нимъ. Да куда! Я уже былъ на томъ берегу и кляматы обсуживалъ. «Ну, милостивы боги!» сказалъ Гедымишъ поглядывая направо. Посмотрѣлъ и я направо... Роща, высокая роща подъ высокой горой. На той горѣ бойница стоитъ, а въ рощѣ хоромы, изъ камня, большія, а тамъ по берегу, будто весь каменный, много домовъ... Ну, мнѣ до этого дѣла не было; у меня туръ на умѣ. Велѣлъ я всѣмъ ловчимъ сѣсть; развязать и распутать обчи и пошли мы гору обходить; а Клавъ хватъ стѣиру, да, словно конка, и полѣлъ на гору... Не успѣли мы изъ тихомолку и на пол-горы взойти, какъ услышали рева, — страшный ревъ, такой, что изъ рощи люди выныбжали... Мы сѣти бросили, помы на-голо и, чѣмъ мочи, на гору; высоко; духъ захватываетъ; да за Клавъ

страшно; добрались мы до маковки; глядимъ: стоитъ себѣ Гедьиницъ, опершись на сѣмюру, а туръ, такъ будетъ отъ него въ шагахъ двадцати, на песокъ мечется; смерть его ломаетъ. Мы хотѣли докончить.

«Не тронь!» сказалъ Князь. «Я ему въ самое темя попалъ; не встанетъ» и, вправду, страшно захрапѣлъ звѣрь и дѣхъ вонъ.

Пока ловчѣ съ туромъ возлѣлись, пошли мы съ Княземъ и княжатами, по горамъ, дальше. Правду сказать, въ горы; по Нерису и Вильѣ, будто на игрушку княжескихъ дѣтямъ вырѣзаны. . . . А съ бойницы, что на угловой горѣ, чудо, не видъ. Внизу двѣ рѣки одна другой краше; одна поменьше Вилья, Вельна, Виленка, разное ея называютъ, словно заяцъ съ утеса на утесъ прыгаетъ; шумъ такой, будто она дѣло дѣлаетъ; а другая тоже не тихаго десятка, широкая, синяя у нея здоровая, добрые струги носить; на вышнихъ глазахъ пробѣжало шесть или семь большихъ струговъ съ разными товаромъ въ Козно. Славно было съ бойницы смотреть. Все какъ на ладони. Мѣсто подъ ногами какъ изъ земли вырѣзано; двѣ рѣки изъ него будто рогъ выдѣлали. На этомъ мѣстѣ большая роща, завѣтная, дерево подъ рядъ другому дереву. По всей рощѣ такъ чисто, что твои хоромы, а по-серединѣ большая божница изъ камня, такъ какъ и теперь, та же самая. . .

«Вотъ» сказалъ Гедьиницъ «Святой Рогъ, дѣти! Тамъ урочище! Тутъ отецъ Звичъ горитъ: тутъ святѣя Неркума. Видно онъ, отецъ, за мной тура прислалъ, а я за войной давно здѣсь не былъ. Тутъ, дѣти, великій Князь-Кривоето живетъ, въ высокой бойницѣ

что за лесомъ балготь. Вотъ до чего Нѣмцы довели бѣдную отчужену нашу... Изъ далекихъ Пруссъ, отъ своего моря, по Нѣману, Криве-Кривейто, жреца жрецовъ, судно судій, гнали Нѣмцы, да гнали и куда загнали, куда только туръ дорогу знаеть...»

Оглянувся Гедымиць и остановивъ левымъ окомъ на соседней горѣ. Была она по-меньше тѣхъ другихъ, только такая круглая, будто шаромъ насыщена; на курганы походила.

«Не худо бы на такой горѣ» сказала Гедымиць «послѣ смерти, свой прахъ положить. Вода не дохнетъ, а человеку трудно.

Задумался Гедымиць... Помолчалъ, вздохнулъ и сказалъ: «Нѣтъ! туръ нынче диковина! Видно не даромъ боги своего зѣвря за мной послали. Пойдентъ, дѣти, спросимъ у Криве-Кривейта, коли онъ насъ къ лицу своему допуститъ...»

Вотъ ужъ это мнѣ было не по-сердцу. Слово въ колодезь какой, надо было сходить въ дощину; были правда ступеньки когда-то изъ старой бойницы, да видно давно уже тутъ человѣческая нога не ходила; все поросло травой, а держаться не зачѣло. Я и велѣлъ ловчимъ сѣсть пустить по снагѣ, да копылами укрѣпить наверху, да внизъ лѣзть, да по вѣстамъ копыла для опоры вкочачивать. Дивился Гедымиць выдухъ и какъ спустились по дѣбру по здорому, перешли рѣчку въ бредъ и прямо на Святой Рогъ... Тамъ такой страхъ былъ, что и рассказать трудно. Кудесники и чудесницамъ обмануть отъ насъ благимъ матомъ къ Перкуловымъ хероманъ; а другіе, что послыше, за деревья заглядывались

да словно гѣше изъ-за пней выгладываютъ. Поймали ны одного. То былъ Вайделота, храмовый прислужникъ, именемъ Гинтовтъ: отъ дородности не могъ уйти: съ хари шано было, что плутъ и вылица; а уменъ, нечего спорить, уменъ. и время показало, что уменъ. Глази, чьшъ онъ самъ темеръ. Криве-Кривейто, на Свирь Рогъ живетъ королю и чай съ Вайделотками жешкается. Ужъ кто другой, пожалуй, а я его цѣлюудрїю не вѣрю! —

«Дона Андейко» спросилъ Князь по-Литовски.

«Гдѣ теперъ Литвины, коли Князь ихъ на Лысой Кіевской горѣ съ Русскими вѣдьмами забавляется» отвѣчалъ красный.

«Лжешъ! Гедыминъ на Святомъ Рогѣ!»

Гинтовтъ не смѣшался, но сталъ на колѣни, и обратясь къ Перкуновой божницѣ, сказалъ торжественно:

«Боги! благодаримъ! крїнде заблудившїи! вы привели его... Вадутеса! Слаба еще противъ насъ латвиская сила!»

Гедыминъ нахмурился. Думалъ я, что онъ отъ того нахмурился, что битъ обмарника собирается. А вышло не на мое. Проклятый Гинтровъ изъ немъ бѣса опу-гулъ... Рабно сказалъ Князь: «Отецъ Вайделота, могу ли удостѣниться видѣть лицо Андейки...»

«Посля жертвы, Князь! омысьсь прежде жертвой.»

«Подайте тура!» сказалъ Гедыминъ, какъ будто обрадовался... «Одинъ рогъ Перкуну, другой мнѣ на память, а изъ мѣса устройте вечернюю трапезу!..»

Не пошелъ я въ божищу, напрасно уговаривалъ меня Гедьминъ и малыши мои; и ихъ не хотѣлъ я пустить, да отецъ старше мош; увелъ ихъ; всѣ ушли, только я съ тремя лотчию остался и пошелъ тамъ бродить по рощѣ... Много времени прошло. Мы берегомъ до лошадей своихъ добрались и привели ихъ къ снѣговому рогу. Тутъ проклятые странники насъ въ рощу не пустили. Говорятъ: нельзя съ неочиненными животными на рогъ ходить. Мы и устроенъ ставъ намъ самой горой, гдѣ старая бойница была; раскинули шатры охотничьи; положили Князю войлокъ да сѣло; княжатамъ тоже постель приготовили; стали огонь раскладывать; а тутъ и Князь воротился. Такой веселый, въ рукахъ у него турій рогъ. Все усмѣхается. Пришелъ, да и легъ на свой войлокъ, да и заснулъ... Я давай княжатамъ спрашивать, что тамъ въ божищѣ было. Вотъ они и лотчие мнѣ и рассказали: была жертва, потомъ пришелъ и Дездемо и обласкала Гедьминна и много говорила чего и дѣти и лѣнше не пошла... Не спится мнѣ... «Что онъ тамъ наболталъ Князю» думаю себѣ. Пока я думаю, смерклося, всѣ уснули, а тутъ во вѣнѣ по горамъ пошла лотчѣя переметла; зашла такъ, что унеси Гедьмин. И пса мнѣ пошелъ вѣтъ; а всѣ спать, ничего не слышать; послѣ охоты сонъ крѣпокъ; я слушала, олушала, какъ мѣдъ и волки воютъ, да видно прискучилось, я вѣнше, да и заснулъ. Просыпаюсь. Солнце надо мной стоитъ; всѣ спать; только одинъ Гедьминъ, безъ плеча, закинулъ руки назадъ, да по берегу ходитъ, да думаетъ. Зажмуръ я раза три, да и сказала: «а что, Княже!»

«Длиный сонъ видѣлъ я» отвѣчалъ Князь «вошь на той горѣ, что здѣсь зовутъ Лысой, видѣлъ я волкъ худой, такой большой, какъ бойница эта; весь онъ былъ въ желѣзномъ панцирѣ, а въ этомъ волкѣ, сто другихъ волковъ было. Длиный сонъ!»

«Какое же тутъ диво, когда я самъ съ-вечера больше ста волковъ слышалъ.»

«Разсказывай! Криве-Кривейто все знаетъ. Вчера я въ этомъ убедился. Я уже послалъ къ Лиздейкѣ Гантолда, пусть намъ этотъ сонъ растолкуетъ.»

«Да я впередъ знаю какъ онъ растолкуетъ.»

«А какъ?»

«Скажетъ: наша братья злые волки и голодные. Какъ завошь по всей Литвѣ, худо будетъ; дай серебра и золота, выть перестанешь, а большой волкъ, это я, Криве-Кривейто.»

«Видишь» сказалъ Князь, остановившись предо мной, какъ будто веритъ меня хотѣлъ. «Я надъ твоей вѣрой никогда не сѣялся, а сколько было слушать?..»

Прикусилъ я во новосѣ языкъ и думаю себѣ: «Какой же онъ доброй и разумный!» А тутъ и Гантолдъ воротился и говорить: что Лиздейко велѣлъ костеръ ставить, будетъ сонъ толковать. Что онъ всю ночь не спалъ, все звѣзды считалъ, и много добраго для Князя и народа узналъ. Голымынѣ живо заходить взадъ и впередъ, разбудилъ дѣтей и ловчихъ, не могъ дожидаться вѣсти. Раздался и звонъ; Вайделоты ударили въ шить Перкуна. Мы все бѣгомъ за Княземъ, и такъ чуть-чуть постигли. Передъ капищемъ стоялъ костеръ, покрытый краснымъ сукномъ, со ступеньками. Когда мы подошли

въ поостру, нѣтъ божинныя поселянина Лиздейна чюдды
разнаго роду; и дѣвчускѣ много было тогда уже на
Святомъ Рождѣ; и онѣ вышли и после нѣдомыя въ золо-
тыхъ свѣтильникахъ... И трубы заиграли, и застуча-
ли тарелки и на золотыхъ креслахъ Выделоты вынесом
старога волдуна Лиздейну. Худой такой былъ Лиздейко;
кожа да кости; даромъ что виѣсто подса, ручникомъ
бѣлымъ сорокъ девять разъ повязанъ; а все какъ лучи-
на, на головѣ у него шапка коломъ, и чего на этой
шапкѣ не было? — И галуны, и цѣпочки и мамисыа
(бусы) и дорогіе камни, и на верху золотое яблоко, че-
резъ плечо перевязь бѣлая, а на ней, нѣтъ разныхъ чер-
ныхъ книгъ, краснымъ шелкомъ вышита всякая чер-
товщина! Какъ увидѣли Лиздейну наши Литвины языкчи-
ники, такъ на-земь все и повалились, а онѣ въ креслахъ
сидить-себѣ на красномъ кострѣ и усомъ не ведетъ.
Посидѣлъ, посидѣлъ, да и сталъ баять...

«Велмій Государь и защитникъ святыхи! Божі
благословляютъ тебя!»

Тутъ опять застучали и заиграли на трубахъ.

«Высоко станеть Литва и Нѣмцы устыдятся славы
твоей! Дерзай!»

Опять трубы...

«Сомъ твой знаменуетъ великую твердыню, и въ
ней будетъ великая сила, и ничто не одолѣеть желѣз-
ныхъ костей того града! Слава Звждителю!»

Тутъ уже и заиграли и зашѣли; а Лиздейно взялъ
свою кривую, палку такую, съ тремя аривуальками,
сопомъ съ костра и подалъ ее Князю: «Пойди жезлъ
мой во все концы Литвы» сказалъ онъ «и обрѣдутся

люди и въ одинъ годъ вырастуть стѣны на горѣ и до-
лу, гдѣ разумъ твой укажетъ!»

«Кого же пошлю я!»

«Кого перваго повотрѣчалъ ты на Святомъ Рогѣ,
тотъ къ чему нибудь въ этомъ дѣлѣ самими богами
назначенъ. . . .»

Князь указалъ на Гинтовта.

«Благо!» сказалъ Лиздейко «всякое дѣло, послѣ бо-
говъ, ума бонится. . . .»

Чудное дѣло! Видно, что колдунъ! И недѣли не про-
шло, откуда ни возмись, народъ толпами сходился на
Турью гору; такъ мы ее прозвали и устроили тамъ
станъ Великокняжескій; Гедыминъ, oprичъ Гинтовта,
послалъ гонцевъ въ Керново, въ Троки, въ Ковно, даже
въ Кіевъ и другіе Русскіе города; пріѣхали и наши
Кіевскіе Волошане Модрого и зодчій Хиронъ и пошла
работа. На глазахъ росло Вильно. Воротился уже и
Гинтовтъ съ заколдованной кривулей, и Княгиня съ
другими княжатами навѣстила насъ въ Вильнѣ, и вос-
вода Давидъ пріѣхалъ съ Нѣмана и всѣмъ Гедыминъ
роздалъ мѣста и велѣлъ строить. Чтѣ хочешь, только
строй. Ну, мое дѣло было на княжьемъ дворѣ сварядить
добрую псарню, да конюшни, да жильѣ для псарей и
конюховъ; все это надо было устроить на низу, не въ
звнкѣ. Тамъ я и сдѣлалъ; а для себя я выбралъ на
другой сторонѣ рѣчки важное мѣсто; заложилъ хоромы
гдѣ и теперъ живу, на Вишкѣ, да по сосѣдству для
отца Геронтія церковь съ домомъ во имя Спаса Прео-
браженія, потому что мы въ этотъ день, передъ но-
вымъ годомъ, изъ Кіева уѣхали. Осень нибко шла вне-

редъ. Пришло къ намъ въ Вильну и Малое посольство; звалъ насъ Владиславъ Нѣмецъ воевать. Гедыминъ ли отъ какого союза никогда не отбѣивался.

«Буду» сказалъ онъ послать «пусть только рѣки замерзнутъ. Теперь пути нѣтъ.»

Отпустилъ Князь пословъ и сталъ одѣваться. На то приходитъ Гаптольдъ и говоритъ: «Литвинъ изъ Пиллоны до тебя дѣло имѣть!» «Позови!» Вошелъ мужчина лѣтъ тридцати пяти. Ростъ его всѣмъ намъ казался дивомъ. Головой выше Великаго Князя. Плечи и руки, словно дубовыя бревна на желѣзныхъ веревкѣхъ; лицо умное, но тоской подтянуло. Ножъ у него за поясомъ иному молодцу въ мечи годенъ.

«Что тебѣ надобно!» спросилъ Гедыминъ «дивуюсь на гостя...»

«Тоска сломала» сказалъ онъ такимъ голосомъ, будто волкъ завылъ. . . «Пятый годъ искалъ я моей жены. Нашелъ, Государь, нашелъ, да назадъ взять не могу. . .»

«Гдѣ же твоя жена?»

«Въ Остерродъ, у рыцаря Юганна Эндера, въ наложницахъ...»

«Да какъ же попала она туда!»

«А помнишь, какъ мы сами Пиллоны отседали; ты не пришелъ къ намъ на помощь. Городъ я спасъ, да жену потерялъ. Нѣмцы изъ подъ носа украли! . . .»

«Князь Маргеръ!» сказалъ Гедыминъ, вставъ съ мѣста и подавая ему руку. «Я за тебя отомщу! Десять Нѣмокъ за одну подарю.»

«Не хочу жены Нѣмецкаго Кесаря. Ворота мнѣ Герману да, что краше и въ Коннѣ не видѣли. Пять лѣтъ искалъ я ее; изъ города въ городъ, всѣ Прусы обещалъ; былъ въ Марсбургѣ, Глазсвѣ, Королевнѣ и другихъ городахъ; языку ихъ научился. Пять враговъ коннѣ Литовскія иѣсни; Христіанномъ прикинулся. Нашелъ наконецъ, да взять не могу, силы не хватаетъ. Эндорѣ Командоромъ въ Остеррадѣ!»

«Слово, Маргеръ, по первому льду, пойду на Остерраде...»

Слово, Князь, умру за тебя и не вздохну.»

«А пока живи у меня!»

«Нѣтъ! Князь! Межъ людей иѣ тяжело; я въ лѣсъ уйду; а по первому морозу я ирду за тобой» сазалъ Маргеръ и ушелъ...

И вправду. Напрасно искали его. Пропалъ Маргеръ. Но ударилъ первый морозъ и Князь Маргеръ явился. Въ два дни приготовились мы къ походу; на третій, вѣчью, пошли въ путь.

Походы Гедымина и теперь уже на сказки похожи. А давно ли кажется? Не любилъ онъ съ Нѣмцами поля держать. Нѣтъ. Словно саранча, на Украинѣ далеко за Киевомъ, на цѣлую область набжитъ: Нѣмцы и не знаютъ куда рвануться. И тамъ и въ другомъ и въ десятомъ мѣстѣ слышно про Гедымина; подумаешь, что у него заколдованные сапоты. Вся дружина на коняхъ; обозъ гдѣ-нибудь въ темномъ лѣсу поставимъ, да в давай кружить. Словно заклятой кругъ колдуна, кругомъ деревни и села горять, изъ высокихъ каменныхъ бойницъ глядятъ на насъ рыцари, да дивуются, а ни

одни въ волѣ носа показывать не смѣютъ. Гошны только изъ города въ городъ ѣздить, да откуда соберутся нѣтъ конвенты или монастыри, уже нѣтъ обозъ, снѣтъ въ лѣсу, да только въ другой области, стоять. Поминемъ бывало въ Пруссакъ ѣздить, такъ нѣтъ куда больше, чѣмъ войска. Наслы до Литвы нѣтъ догнать. Что въ этотъ походъ Князь Маргеръ дѣлалъ, пересказать трудно. Цѣлаго рыцаря съ бою убилъ и послалъ съ двумя плѣнными въ Королевецъ Великому Орденскому Маршалу въ гостинецъ. Шестъ деревень сжегъ на свою долю, а всю добычу Великому Князю подарилъ. Но когда мы стали подходить подъ Остерроде, Маргеръ и вресить Гедымина: «Не вели здѣсь жечь деревень! Командоръ насъ заслышитъ.»

«Ладно» сказалъ Князь; и пошли мы въ тихомолку; слова дорогой не перемолвили; малыши мои ни ругу! Боже Великій! какая это была дружина. Народу тысячъ семь, осемь, а стучу, шуму . . . . подумаешь что одна телѣга шагомъ по дорогѣ тащется. Пришли мы подъ Остерроде, ночь темно хоть глаза выколи, а Маргеръ, будто кобика, все видитъ, все Гедымину рассказываетъ, да учить. Но Великій Князь велѣлъ сидѣть смирно; свѣту дожидаться; изъ лѣсу до норы не выѣзжать никому; сидѣть всемъ на коняхъ, порядка ради. Потомъ сказалъ: кому гдѣ быть, кому съ кѣмъ идти. Мигнуло глазкомъ сврое утро. . . Люди спышились и пошли. Я съ княжатами остался при Гедыминѣ съ запасными людьми. Маргеръ и Давидъ повели витязей на приступъ. Раздался гамъ и крикъ. . . На стѣнахъ заферило, на бойницахъ выскочили огни вѣстовые. «Наша сила»

сказалъ Гедыминъ и справду задумались хоромы, гдѣ рыцари платье свое держали; поднялось полмя; осветило и насъ и Нѣмецкую твердыню. Видимъ, гонятъ нашихъ назадъ; валятся Литвины съ лѣвстиѣцъ. Гедыминъ хотѣлъ-было на помощь ударить, да поглядѣлъ на бойницы: вѣтеръ на всѣхъ башняхъ знамена качаетъ; вонъ Баварское знамя! Вонъ знамя Великаго Маршала, вонъ Большое знамя Божіей матери — и Гедыминъ затрубилъ. Чортъ-вѣдаетъ, что такое. Псы у меня не были такъ учены и поворотливы какъ Литвины у Гедымина. Послѣ третьей трубы, вся дружина была уже на чистомъ полѣ; впереди не шелъ, бѣжалъ Маргеръ; на рукахъ у него лежала женщина, обмороженная испугомъ. Онъ упалъ передъ Великимъ Княземъ на колѣна, держа на рукахъ дорогую ношу.

«Вотъ она» кричалъ онъ такъ, что я думаю въ Остерродѣ было слышно. «Вотъ она! Теперь Князь, великаго умереть... войду, куда примажешь!»

«Нравъ Лиздейко!» отвѣчалъ Князь «милостивы боги! Знаешь ли Маргеръ на кого мы наткнулись? Погляди на бойницы! Видишь ли, узнаешь ли эти знамена? Великій Магистръ со всѣмъ Орденомъ въ Остерродѣ.»

Маргеръ поглядѣлъ на бойницы и покачалъ головою. «Справду милостивы боги!» сказалъ онъ «изъ рукъ всего Ордена я вырвалъ мою Герману! Чудное дѣло! Я зажегъ ихъ хоромы, я выломалъ желѣзныя двери старой темницы, гдѣ ее врыталъ Эндорфъ отъ Магистра, отъ старшихъ и младшихъ братій; я унесъ ее, положивъ трупомъ многихъ челядниковъ и снеслъ со стѣны, только по твоему призыву. Право чудное дѣло!»

Германада очнулась. Надо было видѣть ея радость, счастье; она бросалась на Маргера, обнимала, цаловала его, то хватала Великокняжескую ногу и обливала ее благодарными слезами. . . Но вдругъ Германада будто онемилась, начала озираться и глазами искать чего-то. Лицо ея стало такое блѣлое, иссоверкалось; она прижалась къ Маргеру и стала шептать, да такъ, что слушать было страшно: «А гдѣ же дѣти?»

«Какія дѣти?» задрожавъ всѣмъ тѣломъ, спросилъ Маргеръ. . .

«Дѣти мои! Мой Альфъ, моя Альдона! Пустите меня, я сейчасъ принесу ихъ, пустите меня! . . .»

«Ихъ убили!» сказалъ Маргеръ.

«Убили!» закричала она и повалилась ни жива ни мертва къ ногамъ Маргера.

«Какъ, Маргеръ, неужели ты убилъ дѣтей? спросилъ Князь строго.

«Нѣтъ, Князь. Но она должна такъ думать! Она должна забыть объ этомъ неистомъ припадѣ. . . Я не убилъ ихъ, потому что не встрѣтилъ!»

Въ это время съ бойницъ слыли варагъ всѣ знамена.

«Ого!» сказалъ Князь «Магистръ идетъ самъ за Германадой! На коней!»

И всѣ усѣлись; Маргеръ взялъ полу-мертвую на сѣдло; раздались трубы и мы ушли. . . Магистръ со всѣмъ войскомъ потянулся за нами къ берегамъ Нѣмана, а намъ домой еще не хотѣлось, мы пошли гулять, да жечь посады другихъ твердынь Нѣмецкихъ.

==

II.

П Е Р К У Н Ъ .

=

Слухо́мъ земля полна! Все, что я вамъ ни рассказы-
ваю, или самъ видѣлъ или слышалъ отъ добрыхъ и
вѣрныхъ людей... Магистръ походилъ, походилъ съ
войско́мъ, потерялъ слѣдъ, да и вернулся въ Остерроде;
не хотѣлъ онъ идти дальше; поджидалъ гостей отъ
Кесаря, отъ Чеховъ, и отъ другихъ далекихъ странъ.
Твердыню Остерроде назначилъ онъ сборнымъ мѣстомъ
всему Христіанскому воинству; такъ по всему свѣту и
Доминикане кричали со своихъ амвоновъ, а Вернеръ
Орселевъ, за это платилъ имъ Литовскимъ золотомъ.
Воротился Вернеръ въ Остерроде. Опять на бойницы

поставили знамена, а Вернеръ отпустилъ всѣхъ рыцарей по домамъ и пошелъ въ свои покои.

«Здравствуй Перкунъ» сказалъ онъ входя въ омовальню. На встрѣчу ему бросилась небольшая собаченка и ну ласкаться. «Полно, полно Перкунъ!» сказалъ онъ, скинулъ свой длинный бѣлый плащъ, съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ боку, положилъ мечъ на столъ, гдѣ лежала раскрытая книга и образъ Богоматери; отстегнулъ длинный нагрудный свой крестъ съ имперскимъ гербомъ и Французскими лиліями и, читая громко молитву, поцѣловалъ тотъ крестъ трижды. Вошелъ, домовый Командоръ Іоаннъ Эндорфъ. Домовой, это у нихъ у Нѣмцовъ такая отличка. Полные Командоры въ большихъ городахъ, а домовые, въ малыхъ, а Остерроде — была только добрая твердыня, безъ посадовъ, и конвентъ или монастырь тамъ былъ только одинъ. Вошелъ Эндорфъ, Перкунъ залапалъ, Великій Магистръ обернулся.

«Что тебѣ надо?» спросилъ Вернеръ сурово. Блѣдный Эндорфъ онемѣлъ. Лицо у него было блѣдно; руки и ноги дрожали; губы тоже и были такія синія, будто ядомъ помазаны. Вернеръ никогда не смотрѣлъ на людей, когда съ ними говаривалъ; онъ только подкладывалъ иссохшую, костистую руку подъ желтую свою бороду, и глядя въ землю слушалъ; а тутъ слушать было нечего; Эндорфъ молчалъ.

«Братъ Іоаннъ, говори» сказалъ опять Вернеръ «я слушаю.»

Эндорфъ молчалъ и Вернеръ поглядѣлъ на него дѣломъ любви.

«Слуги Христовы» опять началъ Вернеръ «не разумнѣе счастья и несчастія! Смута не должна являться подъ нагруднымъ крестомъ Нѣмецкаго рыцаря. Тамъ нѣтъ страстей! Только долгъ! Говори Іоаннъ, мнѣ всегда!»

«Будь что будетъ!» сказалъ шепотомъ Эндорфъ «онъ не зверь. . . . Государь», продолжалъ онъ возвысивъ голосъ, «пойдемъ на Гедымина! Онъ взялъ у меня великую добычу сегодня ночью! Намъ должно доротить! . . .»

Вернеръ молчалъ.

«Ты былъ молодъ» продолжалъ Эндорфъ, ободренный внимательнымъ молчаніемъ Вернера, «тебѣ понятно, Государь, что всякое сердце — не желѣзо, пока его не закалитъ время. . . Ты любилъ, Государь.»

Вернеръ презрительно улыбнулся. Знаменитый Вернеръ Орселенъ въ молодости былъ свѣтскимъ рыцаремъ и точно полюбилъ онъ какую-то Графиню, знатную боярыню и красотой и родомъ и вѣномъ; та-было и обещала ему замужъ вытти; пока Вернеръ къ свадьбѣ готовился и замокъ убиралъ, та взяла да и вышла за другаго. Стыдъ на всю Нѣмецкую державу и Вернеръ Орселенъ явился въ Мариенбургъ, и подарилъ Нѣмецкому Ордену всѣ свои замки, помѣстья, сокровища, а самъ пошелъ въ Рагниту, гдѣ въ монастырѣ не хватало двухъ рыцарей и сѣлъ въ келіѣ, на имя Апостола Фомы. У нихъ, у Нѣмцовъ, такой обычай, въ монастырѣ ни больше, ни меньше двѣнадцати келій; каждая на имя одного изъ Апостоловъ. Пошелъ Вернеръ знатно служить Ордену; по порядку всѣ чины прослужилъ; былъ

онъ Командоромъ въ Ригитѣ, потомъ полковникъ Коман-доромъ въ Королевѣ; черезъ годъ его Великій Коман-доръ Казначеемъ назначилъ; а въ скорости онъ посту-пилъ въ Великіе Шинтальники; изъ этого чина въ Ве-ликіе Маршалы его выбрали, а потомъ и въ Великіе Магистры. Онъ и такъ мало о чинѣ любилъ говорить, а ужъ о томъ, что было съ Графиней, унаси Господь.. слышать не могъ. Такъ когда ему Эндоръ объ этомъ напомнилъ, онъ только улыбнулся и все молчалъ.

«Ты любилъ Государь!» продолжалъ Эндоръ. «И будь что будетъ! ты меня выслушася и не осудишь. Когда я пала на Пилону, досталась мнѣ богатая до-быча, много плѣнныхъ, много казны. Вотъ и все я сдалъ свято тебѣ же, ты помнишь, когда ты былъ ца-пинимъ Казначеемъ. Но утаилъ только одну женщи-ну....»

«Женщину! Ты утаилъ женщину! Ты развѣ за-былъ наше правило; ты развѣ не клялся во всю жизнь не говорить ни съ одной женщиной, не цаловать даже матери?!...» Такъ заговорилъ Магистръ. Глаза его ка-лились кровью, кулаки сжались. «Кто же эта жен-щина?»

«Жена богатаго Пилонскаго Литвина Княжескаго роду, именемъ Маргера!»

«Жена! И ты раздѣлялъ съ чужою женою ложе грѣха» поднявъ Велико-Магистерскій крестъ свой вверхъ, Вернеръ продолжалъ: «Передъ Символомъ Спа-сителя нашего, признавайся!»

«Пять лѣтъ я жилъ съ нею!» отвѣчалъ Эндоръ со слезами...

«Прижилъ дѣтей!»

«Прижилъ, Государь, двухъ и окрестилъ во имя отца моего и матери Альфомъ и Альдоной!»

«Языческія имена!»

«Отецъ и мать мои были Литвины; ихъ насильно окрестилъ Великій Маршалъ сначала водою, потомъ кровью; онъ убилъ ихъ за тѣмъ измѣнили новому закону!»

«Чѣмъ же ты кормилъ свою нечистую наложницу; гдѣ ты держалъ ее?..»

«Я украсилъ старую темницу шелкомъ и бархатомъ; тамъ я былъ счастливъ, Государь!...»

«А законъ! Какъ смѣлъ ты шить грошъ свой, безъ моего позволенія! Какъ смѣлъ ты спать не на соломѣ! Не въ келіи! А твой конвентъ также развратничалъ, я слышалъ объ этомъ; ночью рыцари запирали свои келіи; имѣли сундуки съ замками, не сдавали Казначеймъ добычи... Чего! Ко мнѣ писали Командоры, что видѣли рыцарей нашихъ съ позолоченнымъ оружіемъ; вѣрно эти рыцари изъ твоей дюжины! Вы хотите уподобиться Любляндскимъ отступникамъ. Меченосцы погибнуть, если я не уйму ихъ. Гдѣ же теперь дѣти твои?..»

Эндоръ молчалъ. Лицо его измѣнилось. Онъ какъ волкъ глядѣлъ на Магистра.

«Слунай въ темницу» сказала Верверъ «послѣ вечерни тебя осудятъ!»

«Именовшъ Графини Берты, замкнѣю тебя» сказала Эндоръ задыхаясь.

«Стунай въ темницу!»

«Не пойду!..» отвѣчалъ рѣшительно Эндорфъ. «Я Командоръ, не простой рыцарь! Надюсь въ собратьяхъ моихъ найти больше Христіанскаго милосердія. Иду въ Палату и жду Собора...»

«Послѣ вечера, послѣ вечера!» отвѣчалъ Вернеръ сухо и указалъ Эндорфу на дверь. Вернеръ остался одинъ, позвалъ послушника и приказалъ просить Великаго Командора. Пришелъ Великій Командоръ. «Братъ!» сказалъ Вернеръ.» Вели сломать двери въ старой темницѣ!»

«Ихъ сломали уже ночью Литвины.»

«Такъ отъищи двухъ младенцевъ и тотчасъ поведи ихъ къ Гедымину; пусть отдастъ ихъ матери, жентъ Князя Маргера Пилонскаго. Младенцы въ грѣхъ отца неповинны! Это они навлели сегодня ночью опасность на Остерроде. Ступай и исполни. Я иду въ вечернѣ.»

Несчастный Эндорфъ сидѣлъ въ трапезной палатѣ и думалъ горькую думу. То ему приходило на умъ самому погнаться за Гедыминомъ, то просить Соборъ, то что, то другое... Вошелъ рыцарь его должности, юноша лѣтъ пятнадцати, Гуго Вейсбахъ.

«Командоръ!» сказалъ Гуго «наши собрались къ вечернѣ. Прочіе конвенты пошли, только нашъ остался; да Великій Командоръ на двери какихъ-то дѣтей нашелъ и послалъ съ двумя пѣвчими Литвинами къ Гедымину.»

«Уже послалъ?» закричалъ Эндорфъ...»

«Давно! А теперь самъ воздѣ ворота запереть!...»

«Хорошо, хорошо, Гуго! Ступай, сложи вещички, пускай идутъ къ вечернѣ; у меня тутъ есть дѣло...»

Гуго ушелъ. . . Эндорфъ сталъ горько плакать.

«Дети мои, я отомщу за васъ!» сказала Эндорфъ и пошелъ въ Магистру. Нѣтъ замковъ на двери въ всѣхъ жилищахъ Ливонскихъ рыцарей, какого бы чина они ни были; опочивальня Магистра такъ же проста, какъ и косякъ послѣдняго рыцаря, нѣтъ опочивальни нѣтъ длинный темный переходъ прямо въ домовую церковь, а по-сторонамъ еще три комнаты, трапезная, пріемная, да оружейная. Вотъ и все тутъ. По малой мѣрѣ, когда я зашелъ въ Авиньонъ, видѣлъ десятка два твердынь Нѣмцевъ; всѣ на одинъ ладъ. Вошелъ Эндорфъ въ темный переходъ и притаялся въ углу у самыхъ дверей въ опочивальню. Ждалъ, пождалъ онъ не мало; вечерня отошла; двери церкви отворились; вошелъ въ тотъ же переходъ и Вернеръ. Уже Великій Магистръ взялъ большой деревянный крюкъ, служившій ручкой дверямъ; уже отворялъ опочивальню; какъ Эндорфъ вывернулъ ему ножомъ въ брѣху; распоролъ ему животъ; потомъ вынулъ ножъ да уже лежащему въ сердце. Только и успѣлъ сказать Вернеръ. . . «Прости ему Господи!» Умеръ; а изъ растворенныхъ дверей опочивальни, откуда ни возмись, Перкунъ, собачонка, подняла такой лай да визгъ, что по всему замку было слышно. Первые приближали прислужившихъ, потомъ всѣ старшими! Искали убійцы, нигдѣ не было. . . Подняла Вернера, понесли въ большую палату, велѣли ударить въ колоколь, и палата наполнилась множествомъ рыцарей. Перкунъ лежалъ на груди Вернера и былъ немилосердо. Послѣдній вошелъ Юганъ Эндорфъ. Перкунъ поднялъ голову, встрепенулся и съ лаемъ бросился на

Эндорфа. Напрасно отгонялъ онъ собаченку; она рвала плащъ его, кусала за ноги; великіе чины Ордена окружили Эндорфа, раскрыли плащъ, вся одежда была обрызгана кровью; оружія съ нимъ никакого не было.

«Гдѣ мечъ твой?» спросилъ Великій Маршалъ.

Эндорфъ засмѣялся и отвѣчалъ поношно: Будте вы его не видѣли. А что подъ сердцемъ у этого язычника!...

«Онъ сумасшедшій» закричали многіе голоса.

«Сумасшедшій», сказалъ обрадованной Эндорфъ. «Сами вы сумасшедшіе! Я знаю что я сдѣлалъ. Это Маргеръ, язычникъ, онъ у меня жезу укралъ, а я его и зарѣзалъ.»

Всѣ засмѣялись.

«Смѣйтесь, смѣйтесь! Увидите, какое спасибо отвѣситъ мнѣ Вернеръ. Пусть только вечерни отойдутъ! А что, скоро отнесутъ вечерни?...»

«Тутъ нѣтъ никакого сомнѣнія!» сказалъ Великій Командоръ. «Отведите больного въ глазную больницу! Великій Шпитальникъ, возьми его подъ свое начальство. Наннсенъ къ Панъ, пусть рѣшитъ Его Святѣйшество!»

Всѣ одобрили совѣтъ Великаго Командора, и Эндорфа подъ крѣпкой стражей отвели въ особую комнату больницы и тамъ заперли. Тутъ случилось дивное дѣло. Собаченка Перкумъ оставила грубъ Вернера; пошла за Эндорфомъ и улеглась у дверей его, вѣдѣтъ со стражей. Говорятъ, ужъ это я отъ другихъ слышала, будто она тамъ пролежала до тѣхъ поръ, пока не пришло изъ Авиньона Папское рѣшеніе. Папа узнавалъ

Юганна Эндорфа на всю жизнь запереть въ монастырь Байербургской, и держать его о хлѣбѣ и водѣ. . . . Отвели его Эндорфа въ Байербургъ и отдали на руки монахамъ. А Перкунъ пропалъ безъ вѣсти. Поди, послѣ этого, рассказывай будто собака, просто собака. Нѣтъ, не вѣрю, есть въ ней еще что-нибудь, окромя собаки.

=

III.

НИЛЛОНА.

—

Мы этого ничего не знали. Стояли мы уже под Эльбингой, большимъ Немецкимъ Командорствомъ; знали мы, что народу ратнаго въ ней не много, такъ почему же посадовъ не сжечь. Сожгли. Больше трехъ тысячь плѣнныхъ взяли мы и съѣли, послѣ дѣла, повечерять. Сидимъ, пьемъ, а тутъ передовые стражи зашумѣли.

«Кто тамъ?» спросилъ Гедыминъ.

«Литвины изъ Остерроде пришли, дѣтей кавихъ-то принесли тебѣ, Великій Князь, отъ Великаго Магистра въ гостинощъ. . . .

«Что за диво!» сказала Гедмиинь, подымаясь на ноги. Но сердце матери угадало. Германнада съ крикомъ бросилась въ ту сторону, гдѣ былъ шумъ и принесла на рукахъ Альфа и Альдону. «Дети мои! Счастье мое! Радость моя!» и сладко шептала Германнада обѣимъ и цѣлуя дѣтей. Альфа уже была по четвертому году, Альдона по третьему. Правда, красивые дѣти. Въ глазахъ на нихъ и любовались. Только одинъ Маргеръ нахмурился и отворотился. «Что съ тобой, Маргеръ? спросила Германнада... Или ты не радъ моей радости!»

«Проклятая Вернера! Опъ сумѣлъ отомстить мнѣ; опъ прислалъ свидѣтелей стыда моего; бросилъ въ домъ мой горе и несчастье! Ступай Германнада въ Пылогу одна съ этими Цимонскими щенятами. Я не пойду въ тотъ домъ, гдѣ они будутъ! . . .»

Германнада спустила руки и смотрѣла на мужа такъ жалобно, такъ жалобно, что у нея слезы навернулись.

«Что же дѣти виноваты!» спросила она такъ тихо, что ны всѣ уши къ ней протянули. . . .

«Какъ хочешь Германнада! Или я или они! Вместе намъ быть нельзя! . . .»

«Куда же я ихъ двну?» спросила она жалобно.

Всѣ молчали.

«Отдай ихъ мнѣ!» сказалъ Гедмиинь. «Я ихъ вместе съ дѣтьми моими возвращу. Альфа жену на Княжеской дочери, Альдону за Князя выдамъ. Я по дурной отцу! . . .» прибавилъ онъ, улыбаясь и посмотрѣвъ на Княжата, а малыши мои и пристали къ нему: «подари мнѣ тѣхъ дѣтей!»

«Возьми ихъ, Князь, изъ рукъ моихъ» сказала Гермавада, словно богатырь какой, и подвела ихъ къ Гедымину. Обрадовался Маргеръ и хотѣлъ жену поцѣловать; та его оттолкнула и сказала шутю прежняго:

«Прочь! Ты отвергъ великихъ дѣтей моихъ; ты мнѣ больше не нуженъ. Не нужно мнѣ ни ихъ, ни тебя.»

Гермавада сняла съ себя поплыску, что занужива бабы носить, разорвала ее на жалкіе куски; распустила свои чудные волосы, и сказала: «Есть у насъ, въ Цилонѣ, храмъ Нидомы! Посвящаю себя служению богини пріисподняго царства!» И упала въ ноги Гедымину.

«Вотъ тебѣ разъ!» сказала я «одной красавицей меньше!»

«Что дѣлать!» сказала Гедымигъ печально «боги слышали объѣ Гермавады...»

Я вамъ говорю, что такого козыря-бабы я и во снѣ не видывала. Встала она. Ни слезинки. Вла и шила. Пльнь свой рассказывала. Ни на мужа, ни на дѣтей не посмотрѣла. Хотѣ бы разохъ вдохнула. А правду сказать, подѣ стать она была Князю Маргеру. Ростъ и дорѣдство диковинное. Руки словно изъ сѣловой кости выточены; шея, лебедя не надо; а все такое, что страхъ смотреть, соблазнъ брать; и Маргеръ, какъ къ ней ни поддабривался, какъ ни ласкался, остался въ дуракахъ.

Еще и вечера наша не кончилась, опять шумъ у передовыхъ. Что такое? Лазутчики наши приближали и объявили о смерти Вернера. Всталъ Гедымигъ и сказалъ громко, такъ чтобы всѣ слышали. «Домой! Въ чужомъ дворѣ, безъ хозина, стыдно разбойничать! Домой!»

И пошли мы домой, в Геддингъ, на пути, Князя Маргера намѣстникомъ Пильонъ поставилъ. «Авось помирятся» сказалъ онъ... «Время лекаръ.»

Пришли мы въ Вифиню. Гляжу домъ мой готовъ. Развѣстять я, какъ вѣтъ, Князю и Альду съ нами; только особаго дядьку-сестру приладъ; больно малъ былъ. А девочку Альдону отвезъ къ Великой Княгинѣ въ нидднй замокъ. Пошло все по прежнему. Ждали вѣстей отъ Ниддновъ, да оскотились, да въ Троке ѣздили, смотреть: какъ Кейстуту городъ строить, да еще по слову разнакъ принимали, да Княжень сватами. Больше всего я хлопоталъ за Августу, въ святомъ ирешенн Аннтарсю. Это была моя любимица. И когда я на Москву ее отвозилъ въ жены Князю Семѣну Ивановичу, вѣтко больно было съ нею разставаться. Такъ вѣтъ все на этомъ свѣтѣ. Только и добра въ немъ, что онъ Божіе добро. А гдѣ вся эта семья Князей и Княженъ; шестъ сыновей, семь дочерей? А вотъ привелъ Богъ многихъ похоронить, съ многими навсегда престаться. И какъ ни молодись, а смерть изъ чары неа глядять!... Ну, да это не мое, Божіе дѣло.

Прошло съ тѣхъ поръ года четыре и Вовода Давидъ прискажалъ; ночью Гельдинна разбульгъ; собрали цась всѣхъ ближнихъ. Что тѣкое? Крестеносцы въ Мариенбургъ пришли; больше двухъ сотъ рыцарей; а между ними сынъ Императора, Маркграфъ Бранденбургскій Людовикъ, Графъ Немуръ, Филиппъ Графъ Геннебергскій; вотъ какіе пришли!

«Вѣтъ тебѣ разъ!» сказалъ я «можно бы итъ и хвостъ подрѣзать... Завтра же подъ Королевскъ или

хоть подъ самый Гданьскъ, черезъ Мазовицкую зем-
лю. . . .»

«Можно бы, да у меня вся дружина въ разбродѣ.
Кто подъ Кіевомъ, кто въ Овручѣ, кто у сина на Во-
дынь, кто у Псковитинь, у Полоцкѣ; вездѣ нужда. . .
Бога милостива! Поглядимъ, да посмотримъ; время
терпитъ.» —

А между-тѣмъ Крестоносцы съ Великимъ Ма-
гистромъ Феодорикомъ Альтенбургскимъ стали въ
Байербургѣ собираться. Говорилъ я вамъ; что въ томъ
Байербургѣ, на сѣверѣ рублина нашего, стоятъ Эндоръ
у монаховъ садѣль. Больше года онъ уже былъ въ во-
лѣ; ногъ въ монастырю ходитъ, только его изъ ограда
не пускали, и тѣ потому, что знатно дурачить коро-
чель; знахаренъ прикидывался; народъ лечилъ, сны тол-
ковалъ, и всякимъ чудотворенъ заманился; и до того
дошелъ, что самому Папу смерть предрекъ. Не мудро-
но, что Эндоръ на всѣ Пруссы испугъ навелъ. Что
утро, у него гости. Кто лекарства просятъ, кто судьбы
у него ищеть, а онъ вретъ да вретъ, а монахи деньги
лупятъ.

Узнавъ Эндоръ, что Крестоносцы по пути въ
Литву, въ Байербургъ зайдутъ. . . Три дни ни вѣль, ни
шмль Эндоръ. На четвертый приводитъ въ деревню и
самъ собою на адвольтъ лѣзетъ. Монахи хотѣли-было его
не пустить, да народъ и рыцари за него вступились.
Вешель Эндоръ и съ-высока сталъ говорить. . . «Что
все крестовое войско погибнетъ, если не возьметъ мнѣ-
теодой Пиллонъ. Тамъ самое гнѣздо; тамъ лжечество
укрепляется развратомъ жрать. . .» И многое многое

говорилъ до того, что весь Байербургъ ему потрясъ. Пришелъ в Великій Магистръ со всемъ войскомъ. Ему тотчасъ пересказали весь рѣчи Эндорфа; понравились Оседорфу тѣ рѣчи. И онъ говоритъ именитымъ гостямъ: «Великой это рассказчикъ! Ему надо вѣрить...» Пошли ему и крестовосны.

Наступилъ день выхода изъ Байербурга. Чины ордена и гости собрались къ обѣдѣ. Приходитъ Эндорфъ въ послушничьей рясе и при всѣхъ говоритъ Великому Магистру: «Дай мечъ мнѣ, да иду предъ вами, но креста носить не смѣю!» Дали ему и мечъ и пошли прямо на Пилону, или Дуллеу, дакъ Шмичи зовутъ этотъ городъ.

Тамъ княжилъ Маргеръ. Тамъ была славная божица Нийоды. Германда была жрицей; долго надвѣлся Маргеръ умилостивить жену, но все ушло напрасно: По смерти главной жрицы, Германда вступила ея мѣсто. Тутъ ужъ ничего было думать. Маргеръ со злобы женясь на молодой Пилонянкѣ и дѣтьми савелся. Какъ пошли дѣти, Германда уступила на мировую и чарошью Князь Маргеръ, поздно ночью, выходилъ изъ храма Нийоды. Шентались люди, да ничего сказать не смѣли. Тотъ былъ Княземъ, а та Верховной Жрицей. Взятки, гладки. Но ропотъ хотя и тайный, а все ходилъ въ народѣ; говорили («не нажать бы городу бѣды отъ такого соблаву...») Народъ какъ ни глупъ, а смѣлаетъ; и мѣсяца не прошло какъ мировой, полъ Пилону пришло огремиое Крестовое войско, какого еще на Амтѣ не запомнить.

Маргеръ сѣлся владъ дерзости Магистра. «Пускай лобъ разобьется!» говорилъ онъ «отъны у вои 83 владъ чинаны; брони въ шлхъ двойны; телины отъны въ 52 владъ; а понадесть въ ровъ, ногу сломавъ, тринадцать лонтей, но аять, разобьется, двадцать: владъ лонтей, но ница, не переломить; а народу у шлхъ подь оружиентъ четьре тысятъ; да съ голыни руки вдрое столько, а мнѣ в голыи руки пригодятся. Съ голоду не умремъ; подь всюю твердышо подвалы съ пшеницею, да разнымъ хлѣбомъ. Скорѣ онъ проголодается, волекъ насытый.»

Такъ говорилъ Князь Маргеръ, да по отънанъ ходилъ двѣнадцать разъ въ день в порядокъ строилъ. Подъѣхали крестовая бойницы, тараны, стѣноломни. Пошли Нѣтпы на приступъ к трупомъ рыи заваломъ. «Назадъ» кричалъ Маргеръ. «свотъ я васъ! Чисти рыи, поджигай бойницы!» И воля Князя Маргера, какъ будто колдуна какого, мѣгомъ исполнялась. Семь разъ приступали Нѣтпы, семь разъ бѣжали далече... Но и въ Пилонъ стало плохо. — Только двѣта богатырей осталось; ровъ нокому было чистить, нокому жечь тарановъ и стѣноломни Нѣмецкихъ. Уже крестовое войско хотѣло отступить; нареканія посыпались на Эндорфа, но онъ гордо всталъ и сказалъ Вернеру Рандорфу, Нѣмецкому рыцарю: «Что ты это, братъ Вернеръ! Видно продавать будешь свои зашилки?»

«Какіе зашилки?» спросилъ Великій Магистръ.

«Занавѣсныя стрѣлы» отвѣчалъ Рандорфъ, покрасивъ до ушей. «Я берегъ ихъ для коня.»

«И напрасно!» сказала Магистръ «стрѣлы кушныи, а погибшихъ братій помни Господи во Царствѣ твоемъ!»

Выбрали лучшихъ шестидесять лучниковъ; каждому дано по десятку стрѣлъ и въ двадцать мѣстакъ вѣсныхъ луки дорешивала Пиллона. . . «Гдѣ Маргеръ?» кричалъ народъ, въ ужасѣ бѣгалъ по улицамъ, «гдѣ Маргеръ, насъ жгутъ живыми Нѣмцы! Но Маргеръ былъ далеко. Въ высокой башнѣ, утомясь отъ трудовъ дневныхъ сидѣлъ Маргеръ на мягкомъ коврѣ у ногъ Германады; склонилъ онъ голову къ дремающимъ ея колѣнамъ: Германада плакала. . . ?

«Полно, Германада» говорилъ онъ ей («минуешь осаду, Нѣмцы едятъ ли еще одинъ разъ подойдутъ къ Пилонѣ — и тогда я повѣду въ Вильно. Великъ мой подвигъ; Князь мнѣ поможетъ; уговоримъ Лиздейку; женѣ моей я дамъ богатое вѣно и отпущу, дѣтей моихъ подарю Вайделотамъ; принесемъ въ отаромъ Ромновѣ великую жертву всѣмъ богамъ и снова счастье наше!...»

«Маргеръ! Маргеръ! Не обманывай себя! За мною пришло это войско! — Посмотри, что принесла вчера быстрая стрѣла въ это самое окошко, которое я заколотить велѣла. Встань! Сядь къ свѣтильнику и прочти!»

«Германада» прочелъ Маргеръ «я воздвигъ цѣлый свѣтъ на Пиллону и ты снова будешь моею. Юганти Эндоръ.» Сказки!

«Не сказки, Маргеръ. . . Мнѣ снилось, что я горѣла на кострѣ высокомъ. Умремъ, Маргеръ. Но умремъ, какъ достойно добрыхъ и честныхъ Литвиновъ!»

«Что съ тобой, Германада!»

«Пожаръ, пожаръ!» кричалъ народъ у Башни («Паломы горятъ!»).

Маргеръ оторвалъ отъ окна доски и зарево пламенихъ стѣнъ Паломы осветило страшный видъ...

«Умираю Германна!» кричала отъ горящаго обителъ ее горячо, доносилась и, приподнявъ толпы народа на видъ, бросилась на улицу. ...

«Костры!» кричалъ отъ народа «спешите к кострамъ!»

Народъ еще болѣе перепугался.

«Боги такъ повелѣли, Германна кричала къ долу!»

Народъ въ ужасѣ разбѣгался; на вершинѣ Башни какъ и теперь еще строятъ, будто крыша каменъ, показавшая Германна въ бѣлой длинной одеждѣ, жемчужныя повязка и перевязь были на ней золотые; волосы въ цвѣтахъ; въ рукахъ она держала жезлъ Нильды:

«Воломъ богиня возвращаю вамъ!» сказала Германна «Сожгите все богатства и дожитку; убейте дѣтей и женъ вашихъ и готовьтесь умереть, какъ добрые и честные Лигицы! Ставьте костры! Смерца на себя востыте плеча!»

И страшный вопль, жемчужныя дѣтей вознеслась Паломы о несмысленныхъ дѣлахъ языческой жестокости. Крикъ лился; трупы дымались; еда убійтъ жемчужныя буря по улицѣ и въ немногочасовое богатыри Паломские осветились... Но не упали духомъ, ставили костры, спѣшили своею смертию. (Горело) крикнулъ Маргеръ изъ храма Нильды на торжественномъ убранствѣ, въ цвѣтахъ, бѣлыхъ нагнѣхъ и волосъ вышли Вайделоты; за ними дѣти съ свѣтлыми лицами, на которыхъ горѣлъ огонь зинца, наконецъ Германна,

красше сегого осени съ большою сѣнрой; тою сѣнрой были бѣготы и другыя животныя для жертвы. Богатыри между тѣмъ ошели все свои и чужие богатства, оружы и конь, дѣтей и старцевъ и все положили на костры. По повелѣнию Гермады костры зажигались. . . Гермада взошла на главный костеръ со всеми двѣцати. Положивъ предъ ней шапку, Вайдеготы съ великою оруджили костеръ утѣ.

«Сбылось пророчество вѣщей Гермады! Пидлопа погибла; но изъ двѣнадцати тысячъ ея гражданъ ни одинъ живымъ не достанется Нѣмцамъ. Кто хочетъ, да упретъ нѣдъ священною сѣнрою вѣщей Гермады; кто хочетъ пусть самъ на себя наложить руки; кто слабъ, пусть проситъ о смерти товарища; все жертвы обѣцать прѣдътъ; небесныя кони идутъ насъ на этакъ грозныя тучы, въ волнахъ этого быстраго шивени.» Така говорилъ Князь Маргеръ.

«Нѣмцы въ проломъ!» сказалъ кто-то.

«Небойтесь я удержу ихъ!» сказалъ Маргеръ «торжество смерти нашей нарушано не будетъ! . . .»

И онъ бросился къ пролому. Страшно стонали въ воздухѣ сѣнра Маргера. Что ударъ, то покойникъ. Отступили Нѣмцы и пытались взять его стрѣлами. Одинъ только Немецъ не хотѣлъ отступить; въ послушничьей рясѣ, длиннымъ мечомъ, крестилъ онъ безъ толку воздухъ; то былъ Эндорфъ. Узнавъ его Маргеръ, перевернулъ сѣнру и обухомъ повалилъ его на землю. Второй Маргеръ и Маргеръ, держа въ одной рукѣ сѣнру, въ другой за волосы голову Эндорфа, побѣжалъ домой. . . Богатыри на половину перекололись, на поло-

вину полезли на костеръ и кланя головы на священную плаху. Рука Германада не дрожала; стукъ да стукъ, хлань да хлань, а Вайдасотки хоромъ считаютъ вторая, десятая, сороковая... Порвались палачи Нинны. Ни умась ниъ глаза вывернуть, смотреть не могутъ.

«Сотая» закричалъ хоръ и послѣдняя голова скатилась съ плахи на костеръ...

«Богиня подземнаго царства, прини царь» громко закричала Германада; сверкнули молнии и дѣлаи со всѣхъ сторонъ задѣло костеръ... Тогда Пилонъ показала перелуганнѣтъ рыцаремъ рѣвомъ огня... Въ умась они отступили и не кланя: въ-правду ле плахѣ дѣло такое, или ниъ перемѣнися. Между-тѣмъ Маргеръ приближалъ дождь, а дождь его былъ тотчасъ за костромъ. Ни жоны, ни дѣтей... Онъ въ шадвалъ. Притался за болкой стараго Алуся, сидѣла Книгиня его, держа на долѣнахъ двухъ младосиновъ... Странная стѣира трижды сверкнула во прахъ и Маргеръ выбжалъ въ главныя двери...

«Погоди Германада», закричалъ Маргеръ... «Моя, моя она...» Но костеръ весь въ пламени рухнулъ и повалился на Маргера. Едва едва успѣлъ онъ выткнувъ себя ножъ въ самое сердце... Не долга любовались Нинны жертвою своего корыстнаго и латинской злобы... Къ-вечеру, съ острой Пилонны холодный вѣтеръ поднимать толмѣ дымъ, да носель; черныиъ пятномъ лежала она въ снѣгахъ Троненскихъ. Такъ лежала Пилонна!.....»

Н. В. Кукольникъ.

ИЗМѢННИЦА.

Ахъ, пѣвецъ! какое горе!
Лучшій цвѣтъ любви твоей,
Дѣва ищяая, не споря
Съ вардой матерью своею,
Отдала иному руку!
Боги, тяжкую разлуку,
Неизбѣжной смерти вѣсть,
Дайте смы перенести!

Шумной свадьбы вереницу
Проводивъ за ворота,
Ужъ не я тебя въ ложницу
Поведу, о красота!
Ужъ не мнѣ, въ тревогѣ новой,
Съ быслѣжныхъ, юныхъ плечъ
Цѣломудрія покровы
Данью жаркою сogleчь;
Видя въ благихъ боговъ велѣнья
Поясъ дѣвы отрѣзать
И стыдливыя колѣнья
Поцѣлуемъ заглушить.
Боги смертному на долю
Мало дали счастья, другъ!
Мнѣ — безпечной жизни волю,
Струны, чашу и досугъ;
Мнѣ — разгулъ вечернихъ оргій,
Поцѣлуй при лунѣ;
Но законные восторги
Предназначили не мнѣ!

Вдохъ унылый, ропотъ томный
 Тщетно лишь волнуютъ грудь;
 Безсемеинный и бездомный
 Избираю новый путь;
 Въ край безвѣстный, край далекий
 Чашу съ лирой унесу;
 Тамъ забуду черноокой
 Вѣроломную красу.

Я уйду — со мною вмѣстѣ
 Музы милыя уйдутъ
 И измѣнницѣ невѣстѣ
 Брачной пѣсни не споютъ;
 Скученъ будетъ пиръ вѣчальный,
 И жрецовъ унылыхъ рядъ
 Совершитъ, какъ долгъ печальный,
 Утомительный обрядъ.
 Мужъ суровый и надменный
 Въ пышный домъ тебя введетъ,
 Но въ сокровищахъ вселившей
 Наслажденье не живетъ!
 Видя гордая палаты,
 Скажешь, помня счастья чны,
 «Золотомъ онъ богатъ,
 «А веселиемъ бѣденъ!
 «Всюду пасмурныя лица,
 «Тусклы взоры, какъ свинецъ;
 «Здѣсь надеждъ моихъ гробница,
 «Здѣсь любви моей конецъ!»

Вернеть.

КОЧУБЕЙ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Гетманъ Мазепа.

Василій Леонтъевичъ Кочубей, Генеральный судья.

Любовь, жена Кочубея.

Марія, старшая дочь Кочубея, крестница Мазепы, 20 лѣтъ.

Катя, меньшая дочь Кочубея, 8 лѣтъ.

Искра, полковникъ Цолгарскій.

Дмитро, гайдукъ, слуга Мазепы.

Яниченко, козакъ, служащій при Искрѣ.

Козачій офицеръ, начальникъ стражи, и стража изъ козаковъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАЗЕПА И МАРІЯ.

(Гостинная въ замкѣ Мазепы. Передъ диваномъ столъ, за которымъ сидитъ Мазепа и слѣдитъ пальцемъ по географической картѣ. Марія возль него, сидитъ и нижетъ жемчугъ).

МАЗЕПА.

Опять вздыхаешь ты, моя Марія?

Ужели и теперь не перестанешь,

Когда моимъ блистательнымъ надеждамъ

Конецъ желанный близокъ, — и вѣнецъ

Ужъ зыблется надъ головой моею?...

(беретъ ее за руку)

Не плачь; зачѣмъ, дитя мое, скучать?...

МАРІЯ.

Ты, Гетманъ, знаешь самъ мою кручину...

И домъ отца, увы... и мать мою,

Я все въ твоихъ объятіяхъ забыла!...

И день и ночь о княжескомъ вѣницѣ

Ты говоришь съ восторгомъ, съ нетерпѣньемъ;
А о вѣнцѣ со мной предъ алтаремъ
Молчишь... мой вѣчный стыдъ и горе...

(роняетъ жемчугъ и плачетъ.)

Мазепа *(вскакивая съ мѣста).*

О женщины! о слабое созданье!

Вовѣкъ вамъ не понять совѣтовъ мужа!...

(садится по прежнему и беретъ Марію за*обѣ руки)

Марія! ты моя! уже назадъ.

Ты не воротись въ отцовскій домъ!

Подъ сердцемъ у тебя царевичъ, иль царевна! —

Недѣлей пять, а много шесть, и Карлъ

Здѣсь явится съ побѣдоноснымъ войскомъ!

Враги предъ нимъ падуть, и Гетманъ твой

На скипетръ перемѣнитъ булаву...

Украина княжество!... Мазепа князь!...

Тогда самъ Карлъ тебя, мою невѣсту,

Рукой державной подведетъ къ вѣнцу:

Смотри: изображеніе Украины, —

Вотъ наши города, Батуринь, Галячъ,

Хороль, Ромны... а сколько рѣкъ!

Десна, и Сеймъ, и Словъ, и самый Днѣпръ,

И земли всѣ... все наше, все, Марія;

Да здравствуетъ Украины княгиня!... *(цѣлуетъ ея руки.)*

МАРІЯ.

Сладка, о гетманъ, рѣчь; но скоро ль будетъ?...

Ахъ, скоро ль безъ стыда и безъ смущенья

Законною женой твоей простру

Мои объятія къ матери, къ отцу?...

Прошелъ мой сонъ, ужасный, сладкій сонъ...

Теперь живу я мыслю одною:

Мнѣ все равно, княгиня, иль козачка,

Была бъ я только честною женой.

МАЗЕПА.

А мнѣ не все равно. Кого люблю,
 Для той сперва я царство приготавлию!
 Изъ-подъ вѣнца я поведу на тронъ
 Тебя, мою безцѣнную Марію. —
 Подумай: быть княгиней... ахъ, не жаль —
 Не мѣсяць потерпѣть, но годы!... годы!...
 Дитя мое! ты не вкусила власти;
 Не знаешь сладости быть выше всѣхъ...
 Тогда отецъ и мать твоя придутъ
 Облобызать державную десницу
 Своей порфирюносной милой дщери!...
 Послушай: близокъ часъ, но не пришелъ;
 Пока придетъ, намъ надобно искусство,
 Терпѣнье, хитрость и притворство...
 Вчера сюда пріѣхалъ твой отецъ....

МАРІЯ.

Отецъ!... *(дрожить, и опускается въ кресло.)*

МАЗЕПА.

Такъ чтожь? отецъ! — люблю я старика,
 Хоть не люблю его я предразсудковъ. —
 Ну полно же, Марія, перестань;
 Къ чему же видъ унынія и скорби?

МАРІЯ.

Ахъ...

МАЗЕПА.

Опъ скоро будетъ къ намъ. Явись веселой,
 Безпечной, рѣзвой, прежнею Маріей;
 Въ парчу одѣнься, всѣ алмазами укрась
 Всѣ пальцы милыхъ рукъ; пусть изумитъ его
 Твой блескъ и видъ великолѣпный счастья! —
 На случай — станетъ звать тебя въ Диканку,
 Скажи, и здѣсь тебѣ пріятно жить;
 Слегка дай знать о счастья впереди,

Ну вотъ хотъ такъ скажи: „я къ вамъ прѣйду
 Въ берлинѣ золотомъ подъ багдахинномъ“...
 И будетъ такъ; повѣрь, Марія, такъ!...

МАРІЯ.

Ахъ, гетманъ, научи, какъ лучше умереть!...
 Скажи отцу, что нѣтъ меня въ живыхъ;
 Сокрой меня въ могилу, въ воду, въ адъ,
 Куда-нибудь!... Боюсь отцовскихъ взглядовъ!...

МАЗЕПА.

О женщина, дитя, какъ мало ты
 Еще науку жизни понимаешь!

Я В Л Е Н І Е 2.

ТѢ Ж Е И ДМИТРО.

МАЗЕПА (къ вошедшему Дмитру.)

Зачѣмъ?

ДМИТРО.

Судья прѣхалъ генеральный.

МАРІЯ.

Мой смертный часъ!... (въ изнеможении.)

МАЗЕПА.

Проси его сюда. (Дмитро уходитъ. Мазепа хлопочетъ ве-
 ль Маріи.)

Марія! будь же, другъ, великодушна,
 Поди на часъ въ свою опочивальню.

(уводитъ ее подъ руку въ боковую дверь.)

Я В Л Е Н І Е 3.

КОЧУБЕЙ, ПОТОМЪ МАЗЕНА.

КОЧУБЕЙ (*входитъ, осматривается, поправляетъ поясъ, саблю и усы.*)

МАЗЕНА (*выходя изъ боковой двери.*)

Добро пожаловать, мой милый гость,
Василь Леонтьевичъ! здоровъ ли, другъ мой?

КОЧУБЕЙ

(*дълга рукою поклонъ до земли, и цѣлуя въ плечо Мазену.*)

Благодарёнье Богу — я здоровъ,
Ясневельможность Ваша все ль здоровы?

МАЗЕНА.

Ни такъ, ни сякъ (*притворно кашляетъ*); прошу садиться ближе.

А кумушка моя еще здорова?

КОЧУБЕЙ.

Прислала вамъ поклонъ и вѣстъ просьбу:
Покорно просишь отпустить Марію;
Пускай живетъ у насъ; уже она
Въ такихъ лѣтахъ, что подь вѣнецъ пора;
А насъ и женихи ужъ навѣщаютъ:
Ктожь больше матери теперь ей нуженъ?

МАЗЕНА.

Теперь ли думать намъ о женихахъ?
Василь Леонтьевичъ! иль ты не видишь,
Что дѣется на нашей Украинѣ?
Что будетъ съ нами?... скоро Карлъ
Нагрянетъ къ намъ съ толпою шведскихъ войскъ.
Смотри, какъ онъ хозяйствуетъ средь Польши;
На Москалей плохая намъ надежда.

КОЧУБЕЙ.

Что будетъ съ нами, знаетъ только Богъ ;
 Но намъ подь крѣпкою рукою Петра
 Бояться нечего. Онъ нашъ защитникъ,
 И на войнѣ великій нашъ учитель!
 Прикажетъ Петръ — мы всѣ за нимъ идемъ,
 И за Царя готовы кровь пролить.
 Но до поры все это не мѣшаетъ
 Семейнымъ счастьемъ въ мирѣ наслаждаться.

МАЗЕПА.

Все такъ; но ты, Леонтьевичъ, не въ часъ
 Сталъ тароватымъ на козаку кровь...
 (Тихо и лукаво) Пришла пора подумать объ отчизнѣ...
 (кашляетъ.)

КОЧУБЕЙ.

А я ли не объ ней сейчасъ сказалъ?
 Отечество и Царь — одно и тоже!
 Отчизна наша общая — Россія!
 Мы всѣ, всѣ Русскіе до одного,
 По языку, по Вѣрѣ, и по славѣ!
 Нашъ мудрый Петръ не дастъ своихъ дѣтей
 Льву Свейскому на смѣхъ и поруганье.

МАЗЕПА (лукаво и неохотно.)

Да, Петръ Великій Царь — о томъ ни слова;
 . . . . .

КОЧУБЕЙ.

Но — можетъ быть, гроза еще минетъ,
 И Карлъ, незванный гость, не будетъ къ намъ.
 Во всякомъ случаѣ — война или миръ —
 Мнѣ хочется пристроить ужь Марію.
 Пусть Богъ благословитъ мое рожденье!
 Дождуся внуковъ — и тогда готовъ
 Я умереть хоть дома, хоть и въ полѣ.

Да гдѣжь она? Я завтра рано ѣду;
Пускай бы собиралась ужъ въ дорогу.

Мазепа *(продолжала кашлять.)*

На что тебѣ она, твоя Марія?
Пускай бы пожгла еще при мнѣ;
Бездѣтень я и дряхль: кто мой наслѣдникъ?
Вѣдь, только крестница моя — она.

Кочубей.

Благодаримъ, ясневельможный Гетманъ!
Ее мы къ крестному отцу
На именины только отпустили;
А вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ гостить, —
И мать безъ дочери давно скучаетъ.
Притомъ же не хочу, чтобъ кто сказалъ,
Что у судьи Василья Кочубея
Для старшей дочери не стало хлѣба...

Мазепа *(съ инъвомъ.)*

Кто станетъ говорить? ты самъ, чудакъ,
Выдумываешь небылыя рѣчи!
По мнѣ — бери ее, когда она
Согласна будетъ ѣхать, хоть сейчасъ.

Кочубей.

Вы, Гетманъ, гнѣваться уже хотите...

Мазепа.

Не гнѣваюсь, но правду говорю.
И безъ нея дѣтей у васъ довольно;
Маріи надобнасть просторъ, свобода;
Пускай въ Батуринѣ она живетъ,
Чѣмъ нянькой быть меньшихъ твоихъ дѣтей?
Ко мнѣ съѣзжается вся старшина,
Обозные, полковники и эскаулы;
Быть можетъ, суженый изъ нихъ найдется.
Не безпокойся — будетъ мужъ у ней!

Я на себя беру сей трудъ и долгъ ;
Она прѣдетъ къ вамъ въ Дуканку съ мужемъ ;
А до того пускай бы здѣсь жила...

Кочубей (кланяясь.)

За ваши милости я благодаренъ :
И если выборъ вашъ по сердцу ей,
То и на бракъ дадимъ благословенье.
Но все жъ пусть прежде къ матери поѣдетъ,
И укрѣпитъ совѣтами ея
Свое младое сердце къ новой жизни.

Мазена.

Вотъ это такъ. Но, кажется, она
Едвадь теперь въ дорогу можетъ ѣхать ;
Здоровье слабое... вотъ я сейчасъ
Пришлю ее сюда. (уходитъ.)

Я В Л Е Н І Е 4.

Кочубей, потомъ Дмитро.

Кочубей

(ходитъ въ задумчивости, сперва тихо, потомъ быстрыми шагами.)

Что это значить?... нѣтъ!... не можетъ быть!...

А ежели... (хватаетъ за саблю) охъ, это не минется!...

Зачѣмъ ко мнѣ и къ моему семейству

Такая вдругъ горячая любовь? (въ продолженіе сего монолога входитъ Дмитро.)

При имени Петра онъ самъ не свой...

Не ужьли надо вѣрять страшныя слуха?...

(ходитъ въ задумчивости.)

Дмитро (кланяясь и желая поцѣловать руку Кочубея.)

Любезный панъ! позвольте вашу руку.

Я тотъ — не ужели меня не узнаете?

Я тотъ (*цѣлуетъ его руку*), что вы спасли отъ бато́говъ,
Какъ Гетманъ на меня былъ очень гнѣвенъ,
За то, что я разбилъ неосторожно
Хрустальный кубокъ, и пролилъ вино.

Кочубей.

А, помню; будь здоровъ гайдукъ Дмитро;
На, вотъ тебѣ червонецъ на орѣхи.

Дмитро.

Ахъ, нѣтъ, отъ васъ я денегъ не возьму;
И безъ того я долженъ вамъ крѣпного,
А въ благодарность я хотѣлъ бы вамъ... (*осматривается
и ниже продолжаетъ.*)

Открыть сейчасъ великія двѣ тайны...

Кочубей (*съ нетерпѣливостію.*)

Скажи, открой, что хочешь ты сказать. (*отводитъ Дми-
тра къ авансцену.*)

Дмитро.

Вы разъ меня спасли; спасите жъ нынѣ —
Не о себѣ прошу спасите всѣхъ;
Спасите нашу родину — Украйну.
Мазепа хотѣтъ измѣнить Царю,
И всѣхъ перевести насъ хотѣтъ къ Шведамъ,
Чтобъ отдѣлившись отъ родной Москвы,
Содѣлаться Украинскимъ Князькомъ;
И Вѣру нашу измѣнить онъ хотѣтъ...

Кочубей.

Онъ хотѣтъ пули въ лобъ, или петли!
Не ли, по правдѣ все: откуда знаешь,
Когда, и какъ, и кто тебѣ сказалъ?
Не бойся за себя; тебя не выдашь!

Дмитро.

Изъ Бахмача къ Мазепѣ каждую ночь

Сюда приходитъ Ксѣндзь Зеленскій,
 Такой же хитрый Ляхъ, какъ и Мазепа.
 Я слышалъ, какъ они между собой
 Совѣтуютъ объ умыслѣ проклятомъ,
 Какъ дѣлать на полъ нашу Русь святую.
 И письма къ Карлу отъ Мазепы Ксѣндзь
 Изъ Бахмача съ гонцомъ пересылаютъ;
 Все это слышалъ самъ я у дверей,
 Пока они по-польски говорили,
 Но послѣ говорятъ они всегда
 На языкѣ какомъ-то непонятномъ...

КОЧУБЕЙ.

Послушай, ежели Дмитро ты лжешь...

ДМИТРО.

Клянуса Богомъ — я не лгу предъ вами,
 Но только душу облегчилъ отъ тайны;
 Вы все узнаете изъ сихъ бумагъ, *(даетъ Кочубею свертокъ)*
 Я ихъ для васъ, любезный Панъ, собралъ...

КОЧУБЕЙ

(разсмотрѣвъ было бумаги прячетъ ихъ за пазуху.)

Ахъ, ты ясновельможный Ванька-Кашъ!...

Какъ не видать тебѣ твоихъ ушей,
 Такъ не видать короны надъ ушами!...

Не даромъ имя нашего Петра

Такъ горько на устахъ твоихъ... *(краткое молчаніе.)*

ДМИТРО.

Хотите ль знать другую тайну?

КОЧУБЕЙ *(выходя изъ задумчивости.)*

Скажи...

ДМИТРО.

Не знаю, какъ начать...

Василь Леонтьевичъ! ахъ, какъ мнѣ жаль
И васъ и вашего-всего семейства...

КОЧУБЕЙ.

Не мучь меня, скажи мнѣ, что ты знаешь.

ДМИТРО.

Возьмите вы домой свою Марію.
Зачѣмъ ей сохнуть здѣсь? бѣдняжку жаль!
Созданье слабое — уже она
Не та, какой была у васъ въ Диканкѣ.
Старикъ ее къ себѣ приворожилъ,
Давалъ ей зелье пить...

КОЧУБЕЙ.

Гайдукъ Дмитро!

Не мучь загадками, скажи ясные.

ДМИТРО.

Василь Леонтьевичъ! увы... она
Уже давно... наперсница Мазепы...

КОЧУБЕЙ (*хватается за саблю*).

Ты лжешь! не можетъ быть! скажи, что лжешь!

На золото, скажи, что ты солгалъ!

ДМИТРО.

Ей, ей, не лгу... несчастнѣйшій отецъ!..

КОЧУБЕЙ

(*шатается на ногахъ, и ударяется головою объ стѣну
кулисъ*).

Да... я отецъ... увы, отецъ ея...

(*слышенъ за кулисами стукъ отдаленныхъ дверей, и
кашель Мазепы. Дмитро на цыпочкахъ ухо-
дитъ въ противоположную боковую дверь*).

КОЧУБЕЙ

(*вышедшій изъ оцѣпененія, ходитъ быстро*).

Несчастная! да будетъ проклятъ день,
Въ который ты меня отцомъ назвала!...

Ахъ , лучше бь ты младенцемъ умерла ,
 Чѣмъ , обольстивши насъ своею жизнью ,
 Меня и мать живыхъ во гробъ кладешь ...
 Наперсница Іуды - нечестивца !
 Дочь Кочубея — и въ когтяхъ Мазехи !

Я В Л Е Н І Е 5.

Кочубей и Марія.

*(Марія, вся въ брилліантахъ и жемчугъ, сходитъ, и
 хочетъ броситься къ отцу въ объятія; но Ко-
 чубей, оттолкнувъ ее, обнажаетъ саблю и
 устремляется на нее амьсть съ первымъ слѣ-
 дующимъ стихомъ. Марія падаетъ къ ея но-
 гамъ, и онъ саблю дѣлаетъ промахъ).*

Кочубей.

Умри, преступница! я знаю все!...

Еще живешь!... живи жь для наказанья!
 Пусть каждый часъ твоихъ постыдныхъ дней
 Готовитъ адское тебѣ мученье!...

Марія

(ползаетъ у ея ногъ и хочетъ обнять колѣна),
 Родитель мой! даруй мнѣ смерть...

Кочубей.

Прочь, гадина! не оскверняй меня
 Твоимъ ехиднымъ прикосновеньемъ!
 Сестеръ, отца, и мать — ты всѣхъ убила;
 Готовься отвѣчать за насъ предъ Богомъ.

(Марія падаетъ безъ чувствъ)

Несчастная! не ты ль мое рожденье?
 Не я ль тебя взлелѣвалъ и любилъ?

Любилъ я больше жизни, больше славы!...

(На взрыдь) Не ты ль на старость мнѣ была отрадой?...

Я мнилъ: ты, усладивши жизнь мою,
Закроешь мнѣ глаза въ послѣдній часъ,...

Теперь... что матери твоей скажу я?...

Гдѣ наша дочь? гдѣ наше утѣшенье?...

Марія! что ты сдѣлала теперь?...

Марія! встань! дитя мое, проснись!

Проснись отъ демонскаго навожденья...

(Подымаетъ Марію, держитъ безчувственную на рукахъ и плачетъ...)

МАРІЯ *(приходя въ чувство)*.

Гдѣ я? скажите мнѣ, гдѣ я?...

КОЧУБЕЙ.

Въ объятіяхъ несчастнаго отца!...

Марія! Богъ всегда готовъ принять

Въ грѣшномъ аденяхъ наше покаянье.

Брось эти жемчуги и брилліанты! *(срысаетъ съ нея и бросаетъ на полъ все украшенія)*.

Бѣги со мной отъ сихъ проклятыхъ мѣсть!

Коль чувствуешь всю гнусность ала,

Еще тебѣ не поздно исправленье.

Бѣги, дитя, со мной... *(улекаетъ ее подъ руки, но въ дверяхъ встрѣчается съ Мазеной и стражемъ)*.

Я В Л Е Н Ъ Е 6.

ТѢЖЕ, МАЗЕНА И СТРАЖА.

МАЗЕНА

(встрѣтись въ дверяхъ съ Кочубеемъ, выхватываетъ у него изъ ножонъ саблю).

Мятежникъ! стой!

Я видѣлъ все! подъ караулъ его!

(Стража окружаетъ Кочубея).

КОЧУВЕЙ.

Кого? меня? за что? за то ль, что ты
Лишилъ меня всего, что мнѣ дороже?...
Не Гетманъ ты! разбойникъ, изувѣрь!

Умри собачьей смертію, злодѣй! *(бросается на Мазепу,
но стража не допускаетъ его. Марія падаетъ
въ обморокъ; два козака осторожно поднима-
ютъ ее и кладутъ въ кресло безчужденную).*

МАЗЕПА.

Подъ караулъ его! подъ караулъ!

Она моя; она мнѣ поклялась

Моею быть! подъ караулъ его!

Забылъ онъ нашу честь Гетманску!

Кочувей *(расталкивая стражу).*

Не тронь, кто хочетъ жить еще на свѣтъ!

Я всѣхъ васъ, какъ червей, передешу.

(отмахивается ножами отъ стражи.) *(Къ Мазепѣ)*

Постой, злодѣй! и дочь мою и саблю

Ты отнял у меня на поруганье;

Я оставляю ихъ тебѣ, возьми!

Но дочь — ты долженъ мнѣ отдать предъ Богомъ,

Когда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ...

Мазепа, трепещи! есть страшный судъ!...

А саблю — я имѣю и другую!

Мнѣ будетъ чѣмъ сорвать съ тебя главу,

Когда мы встрѣтимся на полѣ брани...

Ты понялъ ли? ты слышишь ли? аминь!

(Ударивши себя рукою въ грудь, благословляетъ безчужденную Марію, и сказавши слѣдующіе два стиха, стремительно уходитъ, толкая во всю стороны стражу.)

Погибшее дитя! прости на вѣкъ!

О, еслибъ ты во вѣкъ не пробуждалась!...

КОНЕЦЪ 1-ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Въ домъ Кочубея. — Утро.)

ЛЮБОВЬ (жена Кочубея) сидитъ въ задумчивости, облокотясь на столъ. Возлѣ ней Катя играетъ съ куклами. —

Катя.

А скоро ль старшая моя сестрица
Отъ Гетмана пріѣдетъ изъ гостей?
Я покажу ей новыя всѣ куклы;
Поставлю такъ: ну кланяйтесь Машѣ...
Смотрите, матушка — — —

ЛЮБОВЬ.

Играй, дитя,

Я дамъ еще на куклы доскутковъ (ладитъ ее по головѣ).

Катя.

Когда бь скорѣ Маша воротилась;
Она умѣетъ славно дѣлать куклы.

ЛЮБОВЬ.

Она, мой другъ, пріѣдетъ скоро къ намъ.

Катя.

Ну, этотъ Гетманъ ужъ несносный!

Кочубей.

ЛЮБОВЬ.

За что жь не любишь, Катя, ты его?

КАТЯ.

О - го ! любить его ! Старикъ прескверный ,
Съдой , и жёлтъ , какъ воскова свѣча .
Зачѣмъ онъ долго нашу Машу держитъ ?

Д В Л Е Н І Е 2

ТѢЖЕ , и Янценко .

Янценко .

Полковникъ Искра приказалъ спросить ,
Проснулся ли вашъ папъ послѣ дороги ,
И можно ль видѣться ему сейчасъ ?

ЛЮБОВЬ.

Мой папъ ужь скоро встанетъ ; ты поди
Проси пожаловать къ намъ дава Искру .

(Янценко уходитъ).

КАТЯ.

Что батюшка сестрицѣ
Съ Батурина съ собою не привезъ ?

ЛЮБОВЬ *(вздыхая)* .

Не знаю , душинька ; отецъ со мной ,
Пріѣхавши , еще не говорилъ .
Вчера онъ поздно ночью возвратился ,
И не совсѣмъ здоровъ .

КАТЯ.

Я крѣпко спала ,
Не слышала , какъ батюшка пріѣхалъ .

Я В Л Е Н І Е 3

Тѣ же, и ИСКРА, потомъ Кочубей.

ИСКРА (*раскланиваясь*).

Желаю здравствовать. Василь Леонтьичъ
Все въ добромъ ли здоровьи возвратился?

ЛЮБОВЬ.

Охъ, не совсѣмъ здоровъ, и очень смутень...

ИСКРА.

Какая же причина?

ЛЮБОВЬ.

Я не знаю;

Да вотъ и онъ — мой другъ сюда идетъ.

КОЧУБЕЙ

(*вошедши; одежда въ безпорядкѣ, волосы нечесаные*).

Здорова ль, другъ мой? здравствуй Катя, другъ!

(*обнимаетъ жену и дочь*.)

А — здравствуй, мой любезнѣйшій другъ, Искра!

Давно ль пожаловалъ ты къ намъ въ Диканку?

Что новаго у васъ?

ИСКРА.

Я самъ отъ васъ, Василь Леонтьичъ,
Хотѣлъ бы новостей теперь послушать;
Ужь третій день я ожидаю васъ.

Что Гетманъ нашъ?

КОЧУБЕЙ.

Еще не лопнулъ, дьяволъ;

А міру было бь легче, если бь лопнулъ...

ИСКРА.

Но — слухи тѣ, о комъ я тебѣ
Въ послѣдній разъ за тайну сообщилъ...

КОЧУБЕЙ.

Не слухи, братъ, а вопіють дѣла...

Готовься, Искра, присягать Мазепѣ!...
(къ Катѣ) Поди, дитя, побѣгай по саду.

ИСКРА.

Я присягну скорѣе убить его!

КАТЯ

(уходя бросается на шею къ отцу и говоритъ, цѣлуя его:)
А Маша гдѣ?

КОЧУБЕЙ.

Иди играй безъ Машы. (Катя уходитъ. Кочубей погружается въ задумчивость, потомъ начинаетъ говорить.)

Увы, день счастья нашего былъ кратокъ!...

Блеснула жизньъ, какъ свѣжая роса,

И страшнымъ яракомъ все вокругъ покрылось...

Ахъ, стоило ль труда родиться мнѣ,

Чтобъ, испытавши тяжкія тревоги,

И подъ конецъ пути не отдохнуть,

Но видѣть, какъ злодѣй моръ все счастье

Измѣлъ, изгрызъ, и растопталъ ногами...

Увы... тяжелый крестъ! тяжелый крестъ!...

ЛЮБОВЬ.

Василій, милый другъ мой! что съ тобой?...

КОЧУБЕЙ.

Всѣ наши радости и всѣ надежды —

Предъ Богомъ грѣхъ и суета суетствій! —

Я согрѣшилъ, надѣясь доплывать

Пучину жизни въ гордой тишинѣ...

Ладья моя разшиблась съ грознымъ трескомъ!...

Прости коварна жизнь! прости земля!

На небѣ лучше; тамъ ужъ нѣтъ Мазепы...

ИСКРА.

Василь Леонтьевичъ! скажи подробно,

Что Гетманъ нашъ затѣялъ, и когда?

Я отпустилъ свою ужъ саблю,

И пульей также промаха не дамъ.

ЛЮБОВЬ.

Зачѣмъ, мой другъ, ты отъ меня таишь
 Причину горести твоей сердечной?
 Ты всякой разъ на встрѣчу шелъ бѣдамъ
 Съ лицомъ веселымъ, съ твердою надеждой;
 Зачѣмъ же нынѣ такъ унылъ твой духъ?...

КОЧУБЕЙ.

Не утѣшай меня, мой другъ любезный;
 Скажу тебѣ не болѣе двухъ словъ —
 И ты сама отвергнешь утѣшенье!
 Есть горести превыше нашихъ силъ;
 Одинъ Господь насъ въ оныхъ укрѣпляетъ!
 (*Встаетъ*) Поди со мной, услышь, и возрыдай...
 А ты, братъ Искра, можешь на досугѣ
 Перепечатать вотъ эти всѣ бумаги. (*Вынимаетъ изъ-за па-
 зухи и отдаетъ Искрѣ свертокъ бумагъ, а
 самъ съ Любовью уходитъ*)

Я В Л Е Н І Е 4.

ИСКРА.

(*одинъ — разбираетъ бумаги, читаетъ громко заглавія,
 и говоритъ*).

„Пѣсня, сочиненная Гетманомъ Мазепою для возмущенія
 народа“...

А нут-ка, нашъ цитъ Ясневельможный,
 Послушаемъ, какъ вирши ты плетешь...

(*читаетъ про себя и дѣлаетъ знаки неудовольствія*).

Хитро — мудро, облито тонкимъ ядомъ!

Не слобровать тебѣ, лукавый Гетманъ.

(*читаетъ громко*)

„Вѣрная копія съ письма Мазепы къ Шведскому Королю
 Карлу.“ (*читаетъ про себя*).

Такъ вотъ не даромъ , значитъ , слухъ идетъ
 О лютыхъ замыслахъ твоихъ , злодѣй.
 Короны хочется ! и остановка
 Одна — за нашимъ лишь благословеньемъ.
 Небось , благословимъ хоть пулей въ лобъ ,
 Хоть путешествіемъ на край Сибиря.

(Продолжаетъ разбирать бумаги, и тихо читаетъ. Кончивши чтеніе, и собравши бумаги, ходитъ въ размышленіи, и начинаетъ слѣдующій монологъ).

Безумецъ ! и тебѣ ль противъ Петра,
 Съ твоей душою мелкой , езуитской ?...
 Всѣ хитрости твоя , всѣ козни злыя
 Предъ ѳзглядомъ Русскаго Царя какъ прахъ !
 Да и какая цѣль для возмущенья ?...
 Чтобы отъ тѣла оторвать суставъ ?
 Но тѣло безъ руки все будетъ тѣломъ !
 Какая жь участь ждетъ сей бѣдный членъ ,
 Оторванный отъ тѣла , одинокій ?...
 Славяне — братья ! нѣтъ , вовѣки вамъ
 Не видѣть счастья внѣ святой Россіи !
 Россія ваша мать ! и только въ ней
 Обращете покой своимъ душамъ !
 Что было надревле славянской крови ,
 То быть должно , и вѣрно будетъ Русскимъ :
 Таковъ законъ природы , — и вотще
 Всѣ злыя ухищренія враговъ !
 Россія — исполни ! теки счастливо
 Къ твоей благословенной , дивной цѣли :
 Быть образцомъ для всѣхъ земныхъ державъ !
 Ты будешь царствомъ свѣта и порядка !
 Со всѣхъ сторонъ цари и мудрецы
 Придутъ къ тебѣ , Россія , поучаться ,
 Какъ царствовать , и какъ повиноваться !...

Я умереть съ тобой готовъ; но жаль,
 Что я не безкорыстно умираю...
 Богъ видитъ сердце, знаетъ мѣру скорби!
 Но хладнокровное потомство наше,
 Быть можетъ, подвигъ мой почтетъ за мечь,
 За личную на Гетмана вражду...
 Ахъ, вѣтъ! я раненъ въ сердце — это правда,
 Но и безъ этой раны я, какъ ты,
 Готовъ на все, на смерть, на муки,
 Лишь только бѣ нашу милую Украину
 Не отторгалъ Мазепа отъ Москвы!
 Мы долго, долго пили горьку чашу
 И подъ Татарами и подъ Лцтвою;
 Пора намъ опочить отъ всѣхъ невзгодъ
 Подъ сѣнію отечества — Россіи.
 Намъ предки съ Русскою Вѣрой завѣщали
 И вѣрить Русскому Царю!

ИСКРА.

Съ тобой

Готовъ, мой другъ, я все перенести;
 И если умереть... такъ пусть умру по-русски!

КОЧУБЕЙ.

Не всѣ еще прочелъ ты документы;
 Вотъ главные — возьми и прочитай. *(даетъ ему бумаги)*

ИСКРА *(разсматривая бумаги)*.

Дивлюсь, какъ Богъ тебѣ послалъ
 Такую сильную улику...

КОЧУБЕЙ.

Не долго надобно тому искать,
 Кто хочетъ истину открыть правую.
 — Тебѣ далъ Богъ премудрое перо,
 И просвѣтилъ тебя искусствомъ книжнымъ;
 Возьми, мой братъ, бумаги и составь
 Къ Царю доносъ на Гетмана-луду.

ИСКРА.

Пойду, составлю, все изображу.
 Пускай узнает Царь нашъ православный,
 Какую Онъ огрѣлъ змѣю. (*уходитъ.*)

КОЧУБЕЙ.

Благословить тебя Господь, мой Искра!

Я В Л Е Н І Е 6.

КОЧУБЕЙ, ЛЮБОВЬ, -- ПОТОМЪ КАТЯ.

(*Кочубей ходитъ въ задумчивости. — Входитъ плачущая
 Любовь.*)

ЛЮБОВЬ.

Позволь поѣхать тотчасъ мнѣ въ Батуринь.

КОЧУБЕЙ.

Зачѣмъ, мой другъ?

ЛЮБОВЬ.

Возьму оттолъ Марію...

КОЧУБЕЙ.

Напрасный трудъ!... она уже не наша...

ЛЮБОВЬ.

Она... мое дитя... (*плачетъ.*)

КОЧУБЕЙ.

Ахъ, и мнѣ

Была она любезнѣйшимъ дитятей...

О, милый другъ мой! мы равно несчастны!

И жизнь и честь моя на волоску...

Мазепа не проститъ врагу обиды,

И нашей дочери намъ не отдастъ;

Уже онъ роетъ яму Кочубею...

Хочу извинника предупредить!

Сего дня же пошлю къ Царю доносъ

О всѣхъ предательскихъ его затѣяхъ;

Съ доносомъ вмѣстѣ жалобу пошлю

О развращеньи нашей бѣдной дщери.
Кто носитъ санъ правителя священныи,
Тотъ развратителемъ не долженъ быть!...

ЛЮБОВЬ.

Василій! другъ мой! ты умножишь зло,
А сердцу матери не будетъ легче...
Донось хоть правильный, но все донось,
Богъ знаетъ, какъ покажется Царю;
А ты послѣдній свой покой отважно
Кладешь подъ остріе меча... Молись,
Молись со мной Всесильному Творцу:
Пусть будетъ мстителемъ за насъ; а мы
Побережемъ себя для меньшихъ чадъ

Кочубей (*ставши съ Любовью на
кольни*).

Молюсь Тебѣ, и на Тебя надежду
Всю возлагаю, мой Всесильный Богъ!
Не дай измѣннику успѣть въ коварныхъ
Противъ Царя и родины желаньяхъ;
Не дай ему надъ нами торжества,
Омой въ его крови безчестье наше,
И мой донось Ты самъ благослови!... (*встаютъ*).

(*Въ продолженіе сей молитвы вбываетъ Катя, съ мо-
тылькомъ въ рукѣ*).

КАТЯ.

Какого мотылька я, матушка, поймала!
Смотрите, батюшка, какой пушокъ,
И крылья будто золотыя...

КОЧУБЕЙ.

Ахъ!...

ЛЮБОВЬ (*отворачиваясь и ути-
рая слезы*).

Несчастное дитя!

КАТЯ

(*посль нѣкотораго недоумѣнія бросается въ объятія
Кочубей*).

Мой милый батюшка, вы нездоровы?

КОЧУБЕЙ.

Я боленъ, Катя, страшно боленъ.

КАТЯ.

Ахъ... (*рыдаеть*).

КОЧУБЕЙ.

Не плачь, дитя; для слезъ еще довольно жизни!

Пока еще свободною рукою

Могу тебя благословить, прими

Мое послѣднее благословенье.

Да сохранить тебя Господь отъ всѣхъ

Житейскихъ непогодъ и тревоженій,

Отъ блеска славы, сладости любви,

Отъ покорителей съ развратнымъ сердцемъ,

И отъ несчастья зрѣть погибель милыхъ...

Я В Л Е Н І Е 7.

Тѣ же, Искра, потомъ Янценко

(*При появленіи Искры Кочубей старается скрыть
свои слезы*).

ИСКРА.

Готово все.

КОЧУБЕЙ.

Спасибо, братъ мой Искра.

ИСКРА (*подавая бумагу*).

Возьми и прочитай, Василь Леонтычъ.

КОЧУБЕЙ

(*читаетъ про себя, и читая говоритъ*).

Такъ... такъ... все это правда... такъ, злодѣй!

Не дамъ тебѣ смѣяться надо мною;

Не княжество тебѣ, а кандалы! *(береть перо и подписывается. За нимъ Искра дѣлаетъ тоже).*

ИСКРА

(подписавши, обнимаетъ Кочубей).

Свершилось! и теперь я отдохну!

Торжествовать измѣнникъ ужь не будетъ!

Какъ сладостно любить добро, и быть

Твоимъ, Россія, вѣрнымъ сыномъ!

Кочубей.

Но кто же нашъ доносъ Царю доставить?

(Входитъ Янценко, одѣтый по подорожному, пистолеты за поясомъ, и сумка на груди).

ИСКРА.

А вотъ кто — правая рука моя,

Янценко, мой испытанный слуга.

Я далъ уже ему всѣ наставленья;

Онъ знаетъ: какъ, и гдѣ, кому подать.

Янценко.

Совсѣмъ готовъ уже въ дорогу.

Любовь.

Боже!

Что будетъ съ нами? ахъ, нельзя ль еще

Повременить вамъ съ вашею бумагой?

ИСКРА.

Часъ дорогъ; и никакъ нельзя ужь намъ

Начатаго не кончить. *(Къ Любови)* Я и васъ

Прошу намъ помощь дать. Вотъ въ этой сумкѣ

Для виду разныя бумаги будутъ;

Но нашъ доносъ не будетъ въ ней лежать;

Я мѣсто лучшее сыскалъ, и вы

Возьмите трудъ зашить въ козацку шапку.

(Береть отъ Янценка шапку и подаетъ Любови).

Кочубей.

Исполни просьбу.

ЛЮБОВЬ.

Пусть и такъ...

Да сохранить Господь всѣхъ насъ отъ смерти!

(Вынимаетъ изъ кармана игольникъ, нитки, и продолжая тихонько плакать, зашиваетъ доносъ въ шапку Янценки. Искра и Кочубей ходятъ, задумавшись, въ разныхъ направленіяхъ).

КАТЯ

(поддерживая шапку, между тѣмъ какъ мать шьетъ).

Что это будетъ, матушка?

ЛЮБОВЬ.

Не знаю...

(Кончивши работу). Все кончено.

ИСКРА.

Благодаримъ покорно.

КОЧУБЕЙ

(беретъ шапку и надѣваетъ на голову Янценки).

Благословенъ твой путь, козакъ; спѣши

За избавленіемъ нашимъ и Украйны.

ИСКРА *(поправляя шапку).*

Да береги, Янценко, свою шапку.

ЯНЦЕНКО.

Безъ головы я шапки не отдамъ!

(Кланяется на всѣ три стороны).

Прощайте, добрые мои паны.

Коль я не ворочусь, — моихъ дѣтей

Для Бога не забудьте.

ИСКРА и КОЧУБЕЙ.

Не забудемъ!

Прощай, прощай, счастливый путь!

(Янценко выходитъ, и всѣ выходятъ его провожать).

КОНЕЦЪ 2ГО ДѢЙСТВІЯ.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Бълоцерковская тюрьма въ подземельи, освѣщенная слабою лампадою. Ночь. Кочубей, въ рубищѣ, съ отросшею бородою, сидитъ на соломѣ, прикованный къ стѣнѣ, облокотясь на деревянный чурбанъ. Цѣпи на рукахъ и ногахъ.)

Я В Л Е Н І Е I.

Кочубей

(одинъ; первые два стиха поетъ въ полголоса.)

«Господь защитникъ мой; кого я убоюся?

Господь прибѣжище; кого я устращуся?»

(Краткое молчаніе, прерываемое вздохами.)

Ты тѣло оковалъ мое цѣпями,

Желѣзомъ растерзалъ мою ты плоть...

Безумецъ! но души не окуешь,

И не сожжешь души, и не утопишь!

Я тотъ же Кочубей, все тотъ же на вѣкъ,

И горе грѣшнику Мазепѣ, горе!...

(Молчаніе.)

Ахъ, удались несчастный, милый образъ!

Не возмущай тебѣ души моею...

Мнѣ о земномъ пора уже не думать,

А ты всегда въ очахъ моихъ, Марія,
 Съ твоею дѣтской, милой красотой!...
 Зачѣмъ сія прелестная улыбка?...
 Ахъ, удались... и ты, и я, и всѣ,
 Всѣ будемъ пищею червей могильныхъ...

(Молчаніе).

Что наша жизнь?... Безуміе страстей!
 Кипимъ, желаемъ, любимъ, не навидимъ...
 А чѣмъ все это кончится?... едва
 Пройдетъ столѣтіе — и мѣста нѣтъ,
 Гдѣ наша гордая была могла...
 Задумчивый прохожій спотыкнется
 На черепъ, пылію покрытый,
 И оттолкнетъ его ногой... увы,
 А этотъ черепъ — были мы!...

(Звучитъ цѣплями)

И вотъ

Награда за любовь къ святѣйшей правдѣ!
 Измѣнникъ въ радости, а я въ цѣпяхъ.
 Со мной — и мой страдаетъ бѣдный Искра...

(Стучитъ въ стѣну)

Любезный братъ! услышь сквозь камень стѣны
 Моей души несносныя стѣнашья!

(Прислушивается къ стѣнѣ).

Нѣтъ! не слышать тебѣ моей тоски!
 Палачъ насъ розно посадилъ въ темницу;
 Но онъ же послѣ насъ и соединитъ,
 Когда мы, отрѣшась отъ брѣнной плоти
 Съ тобою воспаримъ на Небеса...
 Есть лучшій міръ! есть безконечна Вѣчность,
 Предъ коей наша жизнь земная,
 Со всѣмъ добромъ и зломъ, — какъ тѣнь, какъ сонъ!...

*(Молчаніе.. Слышенъ стукъ запоровъ; дверь въ тем-
 ницу открывается — входитъ Мазепа).*

Я В Л Е Н И Е 2.

КОЧУБЕЙ И МАЗЕПА.

(Мазепа, съ костьюлемъ въ рукахъ, опускается въ тѣлницу по ступенямъ; вверху за полурастворенною дверью видна стража).

МАЗЕПА.

Ну, Кочубей, теперь доволенъ ты?

Насытился, мой другъ, твоимъ доносомъ?...

Безумный! правою рукою моею

Ты могъ бы быть, когда бы захотѣлъ.

(Кочубей съ презрѣніемъ отворачивается въ противоположную сторону).

И нынѣ гордъ еще! тебѣ здается,

Что ты досель судьбою генеральнымъ!

Ха, ха, ха, ха — смотри, какой гордецъ!

Да вотъ взгляни жь на друга своего.

(Толкаетъ Кочубей костьюлемъ; Кочубей продолжаетъ молчать, и киваетъ головою).

Безчувственный! знать мало было пытки!

Ну, Богъ съ тобой; велю я скоро кончить.

Намъ невозможно разомъ въ міръ жить;

Пока ты живъ, я не могу заснуть:

Пора мнѣ опочить. — Теперь Мазепа

Пришелъ съ тобой на вѣки попрощаться.

Ну, что же ты молчишь? не вѣришь — а?...

.....

Теперь-то я могу свободно

Идти къ моей высокой, славной цѣли,

И съ помощью ума дойду, дойду!...

Кочубей (гремя цѣпями).

Измѣнникъ, лжешь! Я двадцать разъ умру,

А замысламъ твоимъ во вѣкъ не сбыться!

Подумай: съ кѣмъ затѣялъ ты борьбу,

Съ Петромъ? — Олъ Царь, Помазанникъ Господень,
А ты? ты кто? презрѣнный козачишка,
Привязанный къ хвосту коня... злодѣй!...

МАЗЕПА.

Ну, ну, пророкъ, умолкнешь скоро ты...
Пока жъ еще уста не онѣмѣли,
Скажи послѣдній разъ, какъ другъ, всю правду:
Ты былъ когда-то, Кочубей, богатъ;
Скажи: гдѣ золото твое? тебѣ
Оно теперь совсѣмъ уже не нужно.

(молчаніе).

Да говори жъ: гдѣ золото твое?
Куда сокровища свои сокрылъ?

(молчаніе).

Молчишь? (кричитъ вверхъ къ стражѣ) эй, пытку!
колесо, щипцы!

(къ Кочубею) Послѣдній разъ вѣлю, скажи всю правду,
Куда сокровища твои сокрылъ?...

КОЧУБЕЙ.

Имѣлъ я два сокровища драгія,
Которыхъ мнѣ ничто не замѣнитъ...
Одно сокровище — то дочь моя Марія,
Которую навѣкъ ты погубилъ!...
Другое — честь моя, и той ужъ нѣтъ!
Меня ты обезславилъ предъ народомъ,
И какъ убійцу въ цѣпи заковалъ...
Довольно ли съ тебя?... Еще есть третье
Сокровище мое: душа моя!
Но душу ты отнять уже безсмысленъ;
Ты только ускорить переселенье
Мнѣ можешь въ лучший и безсмертный міръ,
Къ престолу Судии живыхъ и мертвыхъ,
Куда и ты со временемъ предстанешь...

Кочубей.

МАЗЕПА

(стука костылемъ объ полъ).

Ну, такъ умри жь упрямецъ дерзновенный!...

(Стремительно удаляется изъ тюрьмы; но ставши на самой высшей ступени у дверей, обращается лицомъ въ тюрьму, и опершись на костыль, смотритъ нѣсколько минутъ на Кочубея; потомъ, махнувъ рукою, уходитъ, тюрьма запирается).

Я В Л Е Н І Е 3.

Кочубейъ одинъ; потомъ Голосъ изъ-за тюрьмы, сквозь рѣшетчатое окно, и — потомъ Любовь.

КОЧУБЕЙ.

Ушелъ!... съ тобою намъ больше не видаться!

Мой приговоръ произнесенъ. И такъ —

Уже не жить мнѣ болѣе въ семь міръ!

Уже не видѣть васъ, мои друзья!

Не цѣловать мнѣ ужъ моихъ дѣтей!

И я умру, съ женою не простившись...

Любовь! другъ милый! гдѣ ты? ахъ, приходи,

Прими мое послѣднее дыханье...

Темнѣть... свѣтъ... въ очахъ...

Не смерть ли это?... (погружается въ безчувственность.

Сквозь рѣшетчатое окно извнѣ показывается светъ потаеннаго фонаря и фигура человѣческая).

Голосъ (подъ окномъ).

Василь Леонтьевичъ! скрѣпись душою!

Пришелъ спасенья часъ. Твои друзья

Готовы открыть твою темницу,

И дать тебѣ свободу.

КОЧУБЕЙ

(говоритъ во снѣ, съ закрытыми глазами).

Ахъ, дитя,

Запой еще хоть разъ мнѣ эту пѣсню,
И дай обнять себя... (*простираетъ объятія, тремитъ
цѣплями, и пробуждается*).

Голосъ.

Василь Леонтьевичъ!

Кочубей.

Чей слышу голосъ?

Кто отнял у меня послѣдню радость?
Мнѣ снилась милая моя семья;
Я съ нею былъ по прежнему въ Диканкѣ...

Голосъ.

Василь Леонтьевичъ! спасенъ часъ!...

Кочубей.

Кто ты? Не отъ Мазены ль надѣваться
Ты присланъ надо мной въ послѣдній часъ?...

Голосъ.

Я вѣрный вамъ гайдукъ Дмитро. Теперь
Не время говорить. Сберите силы;
Мы отопремъ сейчасъ темницу вашу,
И выпустимъ на волю васъ -- спасайтесь!

Кочубей.

Напрасенъ трудъ вашъ, добрые друзья!
Теперь — могу невиннымъ умереть;
А убѣгу отсюда — я виновецъ!
Уже я больше не способенъ жить,
Истерзанный, сожженный страшною пыткой...
Какъ радости, я смерти жду къ себѣ...

Голосъ.

Всѣ просить васъ; супруга ваша просить.

Кочубей.

А гдѣ она, несчастный, милый другъ?
Ахъ, дайте хоть взглянуть мнѣ на нее,
Тогда пускай умру.

Голосъ.

Сейчасъ войдетъ.

(нѣсколько минутъ ожиданія. Дверь отворится; Любовь съ воплемъ бросается къ Кочубею. Нѣмая сцена слезъ, объятій и рыданій).

Любовь.

Василій мой! Василій мой! быги!
Чась дорогъ...

Кочубей.

Я уже не твой Василій!
На что тебѣ сей трупъ полусогнившій?
Я запахъ тлѣнья чую самъ въ себѣ...
Свобода ль? цѣли ль? все равно! ужь скоро
Разрушусь въ прахъ, изъ коего я содаю!
Прости, мой другъ; послѣднее цѣлованье
Прими отъ жертвеца...

(обнимаетъ ее своими цѣльми, и повиснувъ на ея плечахъ, стонетъ).

Любовь

(голосомъ, какимъ плачутъ надъ покойниками).

Ахъ, я несчастна!

Ахъ, что же будетъ съ нами сиротами?
Кто защититъ теперь насъ отъ враговъ?
Возьми же и меня съ собой въ могилу...

Кочубей.

Не плачь, другъ милый; есть на небѣ Мститель!
Онъ долго злу не дастъ торжествовать.
Невиненъ я, ты знаешь, Богъ свидѣтель!
Онъ наградитъ тебя за смерть мою.
А ты — держи дѣтей во страхъ Божьемъ,
Отдай имъ всѣмъ мое благословенье,
И научи молиться за меня...

(молчаніе).

Еще одно мое къ тебѣ моленье...

Ахъ, если можешь, приведи сюда
Несчастную, погибшую Марію;
Хочу ее простить... благословить.

ЛЮБОВЬ.

Увы, она съ Мазепою живетъ,
Окружена толпою сердюковъ;
Могу ли доступить въ его чертоги?

КОЧУВЕЙ.

Но если ты могла войти въ темницу,
То и къ Маріи можешь доступить.
Не отвергай моей послѣдней просьбы
(смотря на окошко).
Ужъ скоро день; уже бѣлѣетъ утро;
Богъ знаетъ, долго ли мнѣ жить; иди...

ЛЮБОВЬ.

Иду, иду... (*хочетъ идти*).

КОЧУВЕЙ.

Остановись минуто.

(*обнимаетъ ее по прежнему*).

Благодарю тебя за жизнь со мною,
За твой смиренный, кроткій, добрый нравъ,
За вѣрность и любовь твою ко мнѣ;
Благодарю тебя и за терпѣнье,
За слезы, горестъ и сердечны муки...
Скажи друзьямъ спасибо отъ меня
За ихъ ко мнѣ любовь... Теперь иди.

(*Любовь уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4. и послѣднее.

КОЧУБЕЙ, одинъ — потомъ Офицеръ и Стража.

КОЧУБЕЙ

(*посль нѣкотораго молчанія*).

И такъ — еще одной минутой ближе
Стою я къ вѣчности. — Земныя узы,
Какъ прахъ съ одежды, скоро отрясу;
Увижу дочь, благословлю ее,
И распрощаюсь съ горестной землею...
Прости ей Господи, моей Маріи,
Прости, наставь на путь, и изцѣли...
А если можетъ грѣшный искусятель
Исправленъ быть — ужасный сей Мазепа,
То и ему прости... Ты всѣхъ прощать,
А не наказывать желаешь, Боже...

(*посль нѣкотораго молчанія*).

Уже свѣтлѣеть день, а нѣтъ ее!...

(*слышенъ стукъ темничныхъ запоровъ*).

Идетъ, идетъ несчастная Марія!

Спѣши, дитя, въ объятія мои.

(*входитъ козацій Офицеръ и Стража*).

Офицеръ.

Ты ль Кочубей? Услышь опредѣленье
Суда, судившаго твои дѣла:
За всѣ мятежныя твои поступки
Приговоренъ ты къ казни; приготовься!
Мы исполнять пришли опредѣленье.

Кочубей.

Готовъ уже... совсѣмъ готовъ...

Офицеръ (къ стражѣ).

Откройте арестанта отъ стѣны.

(стража отковываетъ).

На площадь! къ палачу! маршъ-маршъ!

(стража хочетъ вести Кочубея, но онъ отъ изне-
моженія не можетъ идти).

Кочубей.

Постой...

Ахъ дай мнѣ... отдохнуть... послѣдній разъ...

Позволь... проститься мнѣ съ моею тюрьмою...

(два козака поддерживаютъ его).

Друзья! и я такой козакъ, какъ вы...

Вы своего на казнь ведете брата,

А знать не знаете, за что...

За то,

Что вѣренъ я Царю, присягъ, чести!

Прекрасна смерть! я не боюсь ее!

Какъ мученикъ — я смерть благословляю...

О братья милые! молю я васъ:

Пребудьте вѣрны церкви Православной

И Православному Россійскому Царю!

(минута молчанія).

Какъ человекъ, я много согрѣшеній

Содѣлалъ въ жизни горестной моей...

Простите мнѣ (кланяется на всѣ стороны), простите ради

Бога,

И помолитесь о душѣ моей...

Иду на смерть, какъ жертва очищенья

За родину, за вѣру и Царя!

Русь широка: всѣхъ Искоръ, Кочубеевъ —

Въ лицѣ двухъ насъ Мазепа не сказнитъ,

И наша кровь — какъ плодотворный дождь —

Увлаживъ почву родины собою,

Промраститъ на ней плоды любви,
И какъ одинъ возстанетъ человекъ
Святая Русь за своего владыку:
Россіи врагъ предъ ней костями ляжетъ.
Мазепа! вѣчность ждетъ тебя и насъ!...

Офицеръ.

Ну что тутъ долго толковать...

Маршъ-маршъ!

(Стража уводитъ Кочубея; цѣпи гремятъ по ступенямъ. За кулисами бьютъ барабаны на погребеніе. Занавѣсъ опускается).

И. Кулжискій.

НА СМЕРТЬ МОЕЙ ПЛЕМЯННИЦЫ.

Еще въ душѣ смертельной стонъ раздався,
Еще исчезъ любви моей предметъ,
Еще кусокъ отъ сердца оторвался:
Мой милый другъ, тебя ужь нѣтъ!

Еще прсадъ источникъ утѣшенья,
Еще уваль весны прекрасный цвѣтъ,
Еще прости! еще тоска лишенья:
Мой милый другъ, тебя ужь нѣтъ!

Душа твоя на небѣ радость встрѣтитъ,
Съ похвѣ слезъ веселіе пожметъ,
А тамъ, твой даръ тебя омоглетитъ
Гдѣ, милый другъ, тебя ужь нѣтъ!

Ахъ! я старикъ все то переживаю,
Чѣмъ миллся мнѣ жизни тусклый свѣтъ;
И вновь еще съ рыданьемъ повторяю:
Мой милый другъ, тебя ужь нѣтъ!

Какъ Божій гнѣвъ меня тобой постигнулъ.
Въ тотъ день и часъ свершилося пять лѣтъ,
Съ часа какъ я, къ сестрѣ твоей воскликнулъ:
Мой милый другъ, тебя ужь нѣтъ!

Я въ васъ любилъ и красоту и младость,
 И прелесть, и Божій даръ, и свѣтъ.
 Вы были мнѣ въ утѣху, въ славу, въ радость,
 И васъ уже обвѣхъ нѣтъ!

Вы, какъ отца, меня любили объ,
 Я, какъ отецъ, время васъ съ дѣтскими лѣтъ
 Состарился въ любви, и кто жь во гробъ?...
 Я живъ, а васъ обвѣхъ нѣтъ!

Вы мертвы! нѣтъ, любовь не умираетъ;
 На ней лежитъ бессмертіе завѣтъ.
 Насъ смерть въ своей пещерѣ разлучаетъ;
 А въ вѣчности разлуки нѣтъ!

Князь А. Швагоской.

ФУЛЬТОНЪ.

ФУЛЬТОНЪ.

ПОВѢСТЬ.

=

— Сасантаръ умеръ, кажется; его не дождешься!
сказалъ мистеръ Ибоке, и отойдя отъ окна, засвѣтилъ
лампу.

Но мистеръ Ибоке напрасно гнѣвалъ на своего слугу:
замокъ щолкнулъ, дверь отворилась, вошелъ Индіецъ.

«Сасантаръ!»

— Ибоке!

«Все кончено?»

— Кончено...

И оба замолкли.

Мистеръ Ибоке былъ изъ Жидовъ, перекрестъ. Въ
первомъ нельзя было усомниться: стоило только взгля-

Фултона.

нуть на его наружность. Его каріе, вѣчно бѣгающіе глаза, орлиный, клювомъ загнутый носъ, безцвѣтныя губы, остроконечный подбородокъ и отъ корней мелко завитые рыжіе волосы — такъ-таки съ перваго взгляду и убѣждали въ непостижимой сохраняемости типа жидовской фizioноміи. Чтò же касается до того, былъ ли онъ дѣйствительно перекрестомъ и не оставался ли хотя втайнѣ вѣрнымъ вѣрѣ своихъ прародителей, то насчетъ этого носились разные слухи въ Нью-Йоркѣ и болѣею частью невыгодные для мистера Ибоке; но въ одно прекрасное утро, зайдя въ обрядскую церковь накатчиковъ, онъ такъ увлекся религіознымъ восторгомъ американскихъ фанатиковъ, что послѣ тысячи-одного испытанія, которыя выдержалъ всѣ съ большою твердостью, онъ сдѣлался наконецъ постояннымъ членомъ этой секты и тѣмъ на всегда разсѣялъ и малѣйшія сомнѣнія насчетъ своего православія. Кто не скажетъ, что мистеръ Ибоке поступилъ благоразумно и тѣмъ рѣшительно зажалъ ротъ самымъ злонавѣреннымъ своимъ недоброжелателямъ? Поселившись въ Нью-Йоркѣ лѣтъ за пятнадцать до начала войны американской, мистеръ Ибоке, по природной склонности, занимался торговлею всѣхъ возможныхъ родовъ и въ короткое время составилъ себѣ порядочный капиталецъ, который, обезпечивъ его состояніе, далъ ему и вѣсь среди самыхъ зажиточныхъ купцовъ нью-йоркскихъ. Смутныя дѣла Америки, война съ Англичанами и неопредѣленность правъ таможенныхъ, болѣе всего давали ходъ торговлѣ контрабандной; ею-то, по преимуществу, занимался мистеръ Ибоке. Провести порохъ, оружіе тайкомъ отъ Англи-

чанъ, ко вреду своихъ соотчичей, и, появившись въ руки ваппингтоновскихъ досмотрщиковъ, отвернется и прикинется ревностѣйшимъ патриотомъ — было самою пустою вещью для мистера Ибоке. Въ такомъ случаѣ онъ складывалъ обыкновенно все дѣло на скайнеровъ — этихъ привилегированныхъ защитниковъ свободы американской, хотя въ существѣ не болѣе, какъ только самыхъ гнусныхъ разбойниковъ, и два три свидѣтеля, подкупленные имъ за нѣсколько фунтовъ пороху, изъ скайнеровъ же, рѣшали споръ въ его пользу и выгораживали его изъ бѣды, изъ которой рѣдкій выкручивался не съ веревкой на шеѣ. «Правое дѣло всегда найдеть защитниковъ» говаривалъ тогда мистеръ Ибоке, обращаясь къ своимъ Индѣйцамъ, которые болѣею частію занимали у него должность работниковъ и провозчиковъ запрещенныхъ товаровъ: «а правое потому что за правыхъ; а кто изъ нихъ правъ, не мнѣ судить, а вамъ и дѣла нѣтъ до этого, такъ ли?» Индѣйцы, обыкновенно, не отвѣчали на это воззваніе, молча складывали оружіе и захваченный — было порохъ, и развозили ихъ на каюкахъ своихъ будто бы скайнерамъ, несмотря на то, что общій мундиръ темной ночи скрывалъ иногда и красный англійскій. Да и что за чудный народъ были эти Индѣйцы, которые служили у мистера Ибоке: молодецъ къ молодцу, умны по-своему, честны по-своему, ловки и быстры, какъ серны ихъ лѣсовъ непроходимыхъ, — и, къ чести мистера Ибоке, всѣ изъ племени тѣ Делаварцевъ, тѣ Монкановъ, а никакъ не кровожадныхъ Гуроновъ, или вѣроломныхъ Онеидовъ, которые считались хуже дикихъ звѣрей даже и между своими

сочленникамъ. Разсчетъ былъ вѣрный со стороны мистера Ибоке — брать къ себѣ въ службу только красивыхъ, известныхъ благородствомъ и возвышенностью душевныхъ качествъ, потому что съ ними удобнѣе было скрыть его собственное предосудительное поведение: за нихъ оно пряталось, ими облагораживалось; а красивымъ тоже было всё-равно, кому изъ бѣлыхъ и какъ бы ни служить, потому что бѣлые, по ихъ понятіямъ, рѣшительно были всё на одну складку.

«Съ такими людьми можно позволить себѣ все: они не выболтаютъ моей тайны; ни что не связываетъ ихъ съ общественнымъ интересомъ» говорилъ также иногда мистеръ Ибоке, но на этотъ разъ про себя, и брался смѣло за самыя незаконныя торговыя операціи, — и безнаказанный, самый полный успѣхъ вѣнчалъ всегда его предпріятія. Не одна торговля однако же поглощала всю дѣятельность мистера Ибоке. Какъ богатый капиталистъ и членъ общины накатчиковъ, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и къ другимъ выгоднымъ промысламъ своихъ однообщниковъ, и плантація — этотъ рай, удобряемый кровью невольниковъ, — да не одна, а нѣсколько, заканчивали превосходно его промышленную дѣятельность. Здѣсь, какъ и въ торговлѣ, мистеръ Ибоке имѣлъ свой разсчетъ относительно рукъ производящихъ, или, говоря впросто, работниковъ, которыхъ, тоже сказать къ чести мистера Ибоке, онъ называлъ обыкновенно своими помощниками и кормильцами. Для него замучить работою до смерти всю свою партію невольниковъ въ известное время, и потомъ купить свѣжую, какъ онъ выражался обыкновенно, —

ничего не стоило. Многое можно было бы прибавить къ описанію качествъ души мистера Ибоке, но дѣло покажетъ ихъ еще лучше.

«Такъ какъ же, Сасантаръ, милый Сасантаръ, все кончено, говоришь ты? спросилъ снова мистеръ Ибоке, нарушивъ первый молчаніе и нахлобучивъ огромную шляпу, которую не снималъ никогда по обычаю квакерскому, даже и въ комнатѣ. Въмѣсто отвѣта, Индіецъ молча вынулъ изъ-за пояса пустой кожаный кошелекъ и растегнувъ, выворотилъ его на-изнанку.

«Понимаю, мой вѣрный Сасантаръ, понимаю . . . Тебѣ слѣдуетъ плата, а ты не возьмешь ее даромъ: стало-быть, все рѣшительно уже кончено?»

Мистеръ Ибоке всталъ, подошелъ къ большому сундуку, стоявшему въ противоположномъ углу комнаты, отверъ его и, вынувъ мѣшокъ съ долларами, вернулся на прежнее мѣсто, и началъ отсчитывать серебряныя монеты, располагая ихъ въ ровныхъ кучкахъ.

«Десять, десять, десять . . . Разъ, два, три . . . А какъ вы отдѣлялись, Сасантаръ, отъ двухъ уайтгалеровъ, что увязались за вами нынче ночью въ Даританскомъ Устьѣ? Я не видѣлъ самъ, но до меня дошли слухи о вашей опасности.»

Индіецъ снова, вмѣсто отвѣта, вытащилъ изъ-за пояса кусокъ окровавленной кожи съ комкомъ волосъ человѣческихъ, прибавивъ на исковерканномъ англійскомъ языкѣ: — Это съ одного; другаго пустымъ ко двю, вмѣстѣ съ лодкой . . .

— Какъ! закричалъ мистеръ Ибоке, вскочивъ съ своего мѣста: убили, утопили, лишили жизни . . . не

обошлись безъ смертоубійства . . . Да кто вамъ позво-
 лить? да какъ ты смѣлъ, Сасантаръ, поднять руки на
 бѣлаго, на Американца, на моего соотечественника? Да
 знаешь ли ты, что одна капля этой крови дороже всей
 всего вашего краснаго племени? . . . Каковы кровопій-
 цы, звѣри, людоеды! . . . А гдѣ же мое строжайшее
 приказаніе обходиться безъ насилій съ жонни соплемен-
 никами? Ты не исполнилъ его, Сасантаръ, не послушал-
 ся, — нѣтъ? Такъ нѣтъ же тебѣ и платы за твою ра-
 боту. Ибо не Жидъ, не Иуда, не торгуетъ кровью
 ближняго . . . Ты самъ испортилъ все дѣло, такъ и
 плачься на себя. Прощай . . .

И мистеръ Ибоке, собравъ снова въ одну кучку дол-
 лары, всыпалъ ихъ торопливо въ мѣшокъ.

Раскрашенное и спокойное лицо Индійца не измѣ-
 нилось ни сколько: онъ хладнокровно заткнулъ свой ко-
 шелекъ и кусокъ кожи убитаго уайтгалера за поясъ, и
 не поклонившись мистеру Ибоке, пошелъ къ двери.

Мистеръ Ибоке былъ озадаченъ равнодушемъ Ин-
 дійца и не выдержалъ:

«Ты уходишь, Сасантаръ?»

— Когда говорятъ прощай, то расходятся . . .

«Куда же ты идешь?»

— Къ Вашингтону, къ Адамсу, къ кому-нибудь, сло-
 вомъ, кто старше тебя . . .

«За чѣмъ?»

— Продать твой порохъ . . .

«Такъ ты не отвезъ еще его?»

— Зналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло . . .

«Ты обманщикъ, ты плутъ! . . .»

— Съ плутомъ . . .

«Американцы не купятъ у тебя.»

— Я подарю . . .

«Ты не смѣешь . . .»

— А почему?

«Это моя собственность.»

«Ибоке! и порохъ, и деньги твои, и голова — не твоя собственность, а висѣлицы, куда я поведу тебя — слышишь ли? Теперь моя очередь. Прощай . . .»

«Сасантаръ!» вскрикнулъ жалобно мистеръ Ибоке, и бросившись за Индійцемъ, удержалъ его за-руку.

Сасантаръ остановился. Ибоке замолчалъ на нѣсколько мгновений; но вдругъ, взглянувъ пристально въ глаза Индійцу, онъ заговорилъ снова, перемѣнивъ тонъ умоляющій на шутивый.

«Экой ты, Сасантаръ! прямой чудакъ, а еще сильная рука по прозванію, да видно слабый умъ по натурѣ. Какъ-таки было не догадаться съ перваго разу, что Ибоке тебя пробуетъ? и что хотѣлось ему вывѣдать, то онъ и вывѣдалъ. Теперь дѣло ясное, Сасантаръ; какъ ни вертись, а сознайся, что, несмотря на твое наружное равнодушіе, у тебя всё-таки сердце лежитъ больше къ Американцамъ, а? что скажешь? Не хитри, не хитри, дружище . . . Съ чего же было бы грозить мнѣ выдачею Американцамъ за мою службу Англичанамъ . . .»

Индіецъ улыбнулся и отвѣчалъ не задерживаясь: «Да! я Американцевъ люблю больше. Молодой отсидокъ лучше гнилаго дерева . . .»

«О-го! какъ поговариваютъ шныче! Посмотримъ, что-то будетъ послѣ, какъ Англичане возьмутъ верхъ.»

Пускай-себѣ быють ихъ теперь почти на каждомъ шагѣ; но вѣдь и они когда-нибудь да дадутъ же слачу, поправятся: тогда, Сасантаръ, погляжу я, что ты скажешь, что ты сдѣлаешь?»

— Съ тобою?

«Какъ со мною?»

— Да, съ тобою, съ хитрымъ Ибоке, который готовъ обмануть самаго вѣрнаго слугу своего, который не постыдится отнять заслуженную плату и у послѣдняго своего работника, который не удержится отъ ухищреній даже и противъ духа, создавшаго насъ — людей всѣхъ породъ и цвѣтовъ. Такъ знай же, — человекъ съ языкомъ вѣроломнѣ лисицы, съ руками жаднѣе до добычи костлявыхъ лапъ волка, съ сердцемъ ухищреннѣе сердца кротала, — что тебѣ не удастся залить ушей Делаварца медовой влагой твоей коварной рѣчи, не удастся затемнить даннаго ему свыше смысла. И что этотъ Делаварецъ, этотъ Сасантаръ, котораго ты, какъ зайца, страшаешь будущей удачей его кровныхъ враговъ, выдастъ тебя такя же и Англичанамъ, какъ грозился выдать Американцамъ.

«Какимъ образомъ? за что? .. перебилъ Ибоке, пораженный неожиданнымъ оборотомъ восторженнейшей рѣчи Индїйца.

— За то, продолжалъ спокойнѣе Сасантаръ, что ты былъ виноватъ и противъ Англичанъ, обманывая ихъ самымъ безчестнымъ образомъ нѣсколько разъ, какъ ты обманывалъ Американцевъ.

«Гдѣ доказательства, свидѣтели?» ..»

— Найдуся и между монми и между твоими, отвѣ-
чалъ хладнокровно Индїецъ.

« Не товарищъ ли мой? не мистеръ ли Мейтонъ? »

— Можетъ-быть и оиъ . . .

« Чуть дышущій, больнои? »

— Заговорятъ и мертвые, лишь бы поиадобилось
только . . .

« Ха! ха! ха! И мертвые? . . . Прекрасно! . . . Ну, Са-
сантаръ, я думалъ, что въ тебѣ есть здраваго смыслу
хоть на пол-дима, хоть столько, чтобы понимать шут-
ку; но вижу, что ошибся . . . Ну, чего ты расходишься?
Я раздражилъ тебя, а ты и ну реветъ, какъ медвѣдъ
Гуронскій, и полѣзъ на стѣну, ну горячиться, кричать;
а изъ чего? . . . самъ не знаешь! . . . Что, развѣ я когда-ни-
будь обшчитывалъ васъ, обшжалъ платой за трудъ? Да
и что мнѣ за прибыль? развѣ я не знаю, что нынче
тронь ванего брата Индїйца противъ шерсти, завтра
же поминай какъ звали . . . всѣ мои дѣла, въ которыхъ
вы не работники, а помощники, тысячу разъ повторяю
вамъ, всѣ бы дѣла мои пошли вверхъ дномъ. Дуракъ я
что ли? . . . Ну, полно же, полно хмуриться, Сасантаръ;
помирися и поидеиъ считаться.

Мистеръ Ибоке снова схватилъ за руку Индїйца и
подвелъ его къ столу, на которомъ оставался мѣшокъ
съ долларами, и, высыпавъ изъ него деньги, принудилъ
считать. Вродолженіи всего времени Сасантаръ сто-
ялъ противъ него съ безпечностью и равнодушіемъ, ко-
торыя были обыкновеннымъ выраженіемъ его лица, и
не говорилъ ни слова. Мистеръ Ибоке считалъ:

« За четыре каюка, по пяти долларовъ за каждый, —

двадцать: вотъ десять, а вотъ и двадцать. За перевозъ трехсотъ-двадцати фунтовъ пороку, съ фунта по полу-диму, это составляетъ шестнадцать долларовъ, да вась было четыре человека работниковъ, каждому за два дни рабочихъ по три доллара, всего двѣнадцать, и того двадцать; тридцать-шесть, сорокъ-осемь долларовъ, — вотъ они.

И мистёръ Ибоке подоавнулъ кучку, а Индіецъ протянулъ уже руку, чтобы взять ее.

«Нѣтъ, нѣтъ, постой, Сасантаръ! закричалъ удерживая его мистёръ Ибоке: теперь будетъ мой расчетъ; слушай: отъ выручки за товаръ при дѣлежкѣ пополамъ, какъ это водилось между нами, слѣдуетъ на мою долю шестьдесятъ-четыре доллара; полагая фунтъ пороку по четыре дима. Да за двухъ уайтгалеровъ, что ты пустилъ ко дву, что назначишь? Ну, не спорь: пятьдесятъ долларовъ; вѣдь надобно же, чтобы было, чѣмъ угомонить, вслучаѣ надобности, и таможенныхъ, и родственниковъ, и совѣсть . . . Да за счетную мою теперь работу съ тебя же за каждую цѣну, хоть по четверти дима — понимаешь? Сочтемъ же сколько цѣнъ, и за счетъ снова — вдвое; и того за цѣнорвку приходится мнѣ десять долларовъ; общій итогъ моего прихода сто-двадцать-четыре доллара, а твоего сто-двѣнадцать; вычтемъ, и ты увидишь, что еще мнѣ слѣдуетъ съ тебя двѣнадцать долларовъ. И потому вотъ эти сорокъ-осемь опять въ мѣшокъ; шестьдесятъ-четыре зацѣпнишь, какъ свезешь пороухъ Англичанамъ, а двѣнадцать — ну, ужъ такъ и быть, я дарю тебѣ ихъ на новые перья и поясъ.»

Молча вышелъ Сасантаръ изъ комнаты, и никакая

проницательность въ міръ, даже и самого мистера Ибоке, не вычитала бы въ его лицѣ, что онъ былъ недоволенъ жидовской ариметикой своего хозяина и рѣшился, рано ли поздно ли, проучить его за эти плутни. Напротивъ того, мистеръ Ибоке торжествовалъ усѣихомъ своей смѣтливой штуки и, укладывая въ сундукъ мѣшокъ съ деньгами, проговорилъ самъ себѣ вслухъ въ родѣ похвального слова: «Мастерски, Ибоке! чудесно, Ибоке! практика необходима. Нѣтъ никому пощады; работница твоя на очереди, — дурачъ и его! Вишь, крашеная рожа! вздумалъ пугать меня ветлей, свидѣтелями живыми и мертвыми; а нутка — ну, посмотримъ твоихъ свидѣтелей, провѣдаемъ ихъ... Хе! хе! хе!...

И мистеръ Ибоке, взявъ потайной фонарь, засвѣтилъ его и вышелъ изъ комнаты.

Въ сыромъ, грязномъ подвалѣ, существованіе котораго трудно было помирить съ обычною опрятностью дома накатчика и квакера, на дрянной кровати, подъ изорваннымъ одѣяломъ, лежалъ больной, брошенный всѣми, безъ пріятелей и друзей, даже безъ необходимой прислуги и надзора. Одни тяжкіе стоны, вырывавшіеся изъ груди страждущаго, грустно оживляли это жилище, обреченное какъ-бы заранѣе служить ему могилой. Глаза больного бродили медленно изъ угла въ уголъ комнаты, не останавливаясь ни на одномъ предметѣ, хотя сколько-нибудь утѣшительномъ. Судорожныя движенія рукъ и ногъ были еще признаками жизни, но жизни готовой покинуть томящееся тѣло. Дыханіе становилось рѣже, стѣсненнѣе; больной умиралъ.

Блескъ ошара, шумъ дверей и, можетъ-быть даже, магнитическое вліяніе пристально устремленнаго взора мистера Ибоке, подѣйствовали на больного: онъ очнулся.

«Что, Джонъ, какъ твоё здравье?» спросилъ мистеръ Ибоке громко, прибавивъ тихо: «плоха, братъ Сасантаръ, твоя надежда на свидѣтелей; заткни за поясъ твою угрозу виѣсть съ пустыи кошелькомъ и клокомъ волосъ уайтгалера.»

— Кто здѣсь? простолицъ приподнялась больной.

«Твой другъ, твой товарищъ — Измаилъ Ибоке.»

— Ибоке!... вскрикнулъ больной, какъ-бы испугавшись, и упалъ снова пластомъ на изголовье постели.

«Ты не ожидалъ моего посѣщенія; оно потревожило тебя. Извини, милый Джонъ, извини. А можетъ-быть ты сердился на меня, что я рѣдко бываю съ тобою; пожалуй, милый Джонъ, сердись; но напрасно, право напрасно. Если бъ не дѣла, эти проклятыя дѣла, которыя только-что губятъ насъ, то кто бы разлучилъ меня съ тобою, кто оттащилъ бы Измаила отъ одра болѣзни его друга? А теперь самъ посуди: попробуй я не побывать нынче въ пристаи, завтра въ общинѣ, потомъ на плантаціяхъ, такъ и пойдётъ все вверхъ дномъ. Пока ты былъ живъ... я хотѣлъ сказать здоровъ, о! тогда была лафа намъ, въ четыре глаза смотрѣли; а теперь, куда ни отглянись, вездѣ одинъ, вертись и скачи какъ хочешь. Наша же общая польза отвлекала меня, вѣдь ты знаешь это, — такъ нечего и гнѣять, милый Джонъ, другъ ты мой, Джонъ...»

И мистеръ Ибоке будто-бы съ чувствомъ взялъ ру-

ку большого и, иѣжко пожавъ ее, повторилъ разстановочно: «мой милый Джонъ, другъ ты мой, Джонъ.»

Большой снова очнулся, взглянулъ мутными глазами на мистера Ибоке и, съ какимъ-то непонятнымъ чувствомъ боязни, собравъ всѣ свои силы, заговорилъ болѣзненнымъ и отрывистымъ голосомъ:

— Мистеръ Ибоке, не гнѣвайтесь на меня... не гнѣвайтесь, умоляю васъ... У меня есть важная къ вамъ просьба, не гнѣвайтесь за нее... Десять лѣтъ, мистеръ Ибоке, служилъ я вамъ вѣрою и правдой, и нѣсколько разъ за мою старательную службу вы обѣщали устроить судьбу, если не мою, то семью моей. Мистеръ Ибоке, пришла пора для добраго дѣла! Я умираю, но хотѣлъ бы умереть съ надеждой, что за безпокойную мою жизнь, семья моя по-крайней-мѣрѣ будетъ жить спокойно... Мистеръ Ибоке, вспомните ваши обѣщанія, вашу даже клятву, и повторите ее у смертнаго оара вашего слуги и товарища.

Ибоке улыбнулся, но такъ, что большой не замѣтилъ этой улыбки, и отвѣчалъ тотчасъ же съ прежнимъ тономъ участія: «Ни повторять, ни шутить клятвой я не намѣренъ; разъ она дама мною и исполнится. Твоя сестра, продолжалъ мистеръ Ибоке будто-бы растрогавшись: «моя сестра, Джонъ, будь въ томъ увѣренъ. Твой зять заступитъ мнѣ твое мѣсто, стало-быть, мѣсто друга; а дочь, о! для нее, Джонъ, ты самъ никогда не сдѣлаешь бы того, на что буду готовъ я изъ памяти къ тебѣ. Какъ праведникъ, изъ жизни вѣчной ты станешь любоваться моимъ дѣломъ и счастьемъ твоей Райи. Джонъ, я говорю, — и слова мое ненарушимо и свято.»

— Райя! милая Райя! твоя судьба устроена . . . воскликнулъ больной: желаніе твоей покойной матери, умирающаго отца — исполнены; я увижу, но съ убѣжденіемъ, что ты будешь счастлива . . . Мистеръ Ибоксъ, дайте мнѣ поцѣловатьъ руку вашу, вы укрѣпили это убѣжденіе.

Мистеръ Мейтонъ вѣрилъ словамъ мистера Ибокса; не мудро: онъ такъ давно уже привыкъ вѣрить имъ. До тридцати лѣтъ жизни мистеръ Мейтонъ находился подъ непосредственнымъ вліяніемъ и надзоромъ своего отца, занимаясь у него въ конторѣ и ни на шагъ не отлучаясь изъ дому родительскаго. Эта-то зависимость и убила, можетъ-быть, всю самостоятельность воли и характера Джона Мейтона; по-крайней-мѣрѣ, если онъ былъ отъ природы слабъ душою, то деспотизмъ отца не мало содѣйствовалъ увеличенію этой безхарактерности. Отецъ его, Чарльзъ Мейтонъ, былъ человѣкъ суровый и строгій, безъ всякой родительской нѣжности. Онъ смотрѣлъ на своего сына, какъ на одну изъ тѣхъ хорошо устроенныхъ машинъ, которыя въ такомъ множествѣ распложились около этого времени въ метрополіи его родины и до которыхъ, по свойству американской перенчивости, онъ былъ страстный охотникъ. Всю дѣятельность души и тѣла своего сына, сперва какъ ребенка, потомъ какъ юноши и, наконецъ какъ совершеннолѣтняго мужа, онъ приспособлялъ къ своимъ, чисто матеріальнымъ выгодамъ, и кончилъ тѣмъ, что уничтожилъ въ немъ самыя малѣйшія склонности не только уже къ какому-нибудь высшему совершенствованію, но даже къ свободному и здравому уразумѣнію

того, на что онъ самъ употреблялъ его. Чуть только, бывало, еще маленькій Джонъ вздумаетъ спросить: это для чего? это почему? Чарльзъ Мейтонъ насунитъ брови, расходится, разсердится, и крикнетъ въ отвѣтъ: «а тебѣ начто? знай дѣлай, что велятъ . . .» и, въпридачу, отъ щедрой руки убѣдительнѣйшую тукманку. Джонъ взвизгнетъ и безъ разспросовъ уже, заливаясь слезами, коршитъ по цѣлымъ днямъ надъ итогами огромнѣйшихъ банкирскихъ счетовъ. Подобное воспитаніе и обращеніе не могло имѣть добрыхъ слѣдствій, и Джонъ Мейтонъ только съ смертью отца понялъ, что онъ человекъ, слѣдовательно, свободно и разумно мыслящее существо, со страстями, съ волей, а не машина съ руками и съ ногами, какъ-бы съ клавишами, ручными и рычагами. Но и тутъ не совершенно полнымъ хозяиномъ самого себя и распорядителемъ довольно значительнаго достоянія остался Джонъ Мейтонъ. Предъ смертью, перебирая въ головѣ своей, кого бы сдѣлать попечителемъ сына, Мистеръ Чарльзъ Мейтонъ остановился на мистрѣ Измаилѣ Ибоке, съ которымъ былъ знакомъ, друженъ, имѣлъ дѣла и велъ счета. Не задерживаясь, онъ вызвалъ тотчасъ его изъ Нью-Йорка, и передавая ему на попечительство тридцати-лѣтнее дитя-сына, сказалъ съ чувствомъ: «Овечка, мистеръ Ибоке, сущая овечка, мой Джонъ . . . рекомендую вамъ . . . Желзныя когти, ночаще палку въ ходъ, и вы не добьетесь отъ него не только противнаго, даже никакого слова. А насчетъ тебя, милый Джонъ, я тоже спокоенъ и умираю безъ опасеній: ты не одинъ, ты не брошенъ самъ себѣ, у тебя есть попечитель и заступ-

никъ; люби его какъ отца. Прощай.» И заключивъ свое завѣщанье горячимъ родительскимъ поцѣлуемъ, мистеръ Чарльзъ Мейтонъ повернулся и умеръ.

Съ того началъ мистеръ Ибоке свое почительство надъ Джономъ Мейтономъ, что прибралъ къ рукамъ все достоянiе, все капиталы, оставленные ему отцомъ, выдѣливъ, разумно, законныя части двумъ сестрамъ его, изъ которыхъ одна была замужемъ и умерла скоро, а другая жила дѣвушкой у одесѣянскаго мужа покойной. Но чтобы смаскировать и дать болѣе благообразный видъ дѣлу, мистеръ Ибоке принялъ Джона какъ-будто бы къ себѣ въ товарищи и назвалъ своимъ главнымъ корреспондентомъ и приказникомъ. Неожиданное званiе, неслыханныя дотогѣ слова «товарищъ и корреспондентъ» для ушей Джона Мейтона — сдѣлали все, и лучше чѣмъ самая строгая мѣра, подѣйствовали на скрытое до-тѣхъ-поръ, но и въ звѣрѣ существующее самолюбіе, не только-что въ добромъ, запуганномъ недорослѣ-Пенсильванцѣ. Джонъ Мейтонъ предался душою мистеру Ибоке, полюбилъ его до животненной привязанности и втайнѣ благословлялъ свою судьбу, хоѣя не безъ опасенiй, чтобы этотъ добрый, великодушный, по его мнѣнiю, Ибоке не испугался свободы, которую самъ далъ ему, и не вздумалъ бы снова заковать его цѣпями отеческаго деспотизма, отъ котораго онъ только-что избавился. Но мистеръ Ибоке дѣйствовалъ удивительно какъ умно и систематически въ этомъ случаѣ, и, не ограничиваясь первымъ подвигомъ своего великодушія, пошелъ дальше. Вопросъ, заданный имъ самому себѣ, состоялъ въ томъ, чѣмъ бы еще бо-

лѣе расположить душу Джона Мейтона и выиграть въ его мнѣніи? Не много думалъ замысловатый мистеръ Ибоке и рѣшилъ тотчасъ же, что надобно женить молодого человѣка. Но и тутъ, однако же, смысленный Жидъ не потерялъ изъ виду ни малѣйшаго выгоднаго для себя обстоятельства, не исключая и законныхъ постановленийъ относительно браковъ съ мулатками и квартеронками. Мистеръ Ибоке задумалъ женить Джона Мейтона на одной изъ своихъ мулатокъ, зная, что такого роду бракъ необходимо долженъ дать ему самыя неограниченныя права господина надъ его питомцемъ и его будущею семьею. Мудрое законопостановленіе! Какъ не благословлять тебя какому-нибудь мистеру Ибоке, для котораго, кажется, ты только и сдѣлано! Какъ бы то ни было, дѣло рѣшилось; Джонъ Мейтонъ съѣздилъ на плантацію мистера Ибоке, выбралъ себѣ дочь одного прикащика, который былъ женатъ на невольницѣ негрятянкѣ, и женившись на ней, вернулся торжествующимъ подъ сѣнь своего попечителя. Мистеръ Ибоке достигъ по-видимому совершенно цѣли и бывъ въ апогеѣ затѣяннаго имъ плана, не видѣлъ препятствій къ причарованію своего питомца, не зналъ, что бы могло теперь вырвать этого недоумку-Пенсильванца изъ его попечительскихъ лапокъ, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство разстроило все его дѣло. Оказалось что жена Джона Мейтона, мистриссъ Эма, хоть и воспитанная въ рабскихъ нравахъ невольничьяго быта, была добрая и умная женщина и ничуть не хотѣла принять участія въ расчетахъ мистера Ибоке относительно ослѣпленія и тайнаго разрушенія всего благосостоянія

оя мужа. По свойственной прощительности единъ только женщинамъ, которую, не оскорбляя самолюбія прекраснаго пола, мы назовемъ инстинктомъ добра и блага, она тотчасъ же увидѣла, что мистеръ Ибоке отличной руки мерзавецъ, и съ перваго же дня брака, открывъ глаза мужу, начала дѣйствовать и чрезъ его посредство и сама лично противъ нарушителя ихъ общей независимости, покоя и счастья. Не ставемъ рассказывать подробно всѣхъ обстоятельствъ этой борьбы женскаго ума, женской привязанности и чувства съ плутовскою логикою и притязаніями негодяя на права личности и собственности своего ближняго; скажемъ одно, что послѣ многихъ стычекъ, мистеръ Ибоке увидѣлъ въ мистриссъ Эмъ свою заклятую невраждельницу. Поступить рѣшительно и пустить въ ходъ насильственныя мѣры, было невозможно. Положимъ, что мистриссъ Эма была его почти движимая собственность, призванная и законами его невольница; но напомнить объ этомъ, дать почувствовать эти права — но расчету мистера Ибоке, было бы неумѣстно и испортило бы преждевременно все дѣло. Какъ ни слабодушень былъ Джонъ Мейтонъ, но самолюбіе мужа могло бы преснуться, жена бы разбудила его, — и мистеръ Ибоке, раскинувъ умомъ, стерпѣлъ, выдержалъ хладнокровно нападки вооружившейся женщины и рѣшился взять тамъ хитростью, гдѣ потерялъ открытыми силами. Отдѣлить причину зла, по его мнѣнію, отъ дѣйствія, устранить главнаго двигателя противурѣчащихъ обстоятельствъ, словомъ, разлучить жену съ мужемъ, вотъ — въ чемъ заключалась новая задача его изобрѣтательности.

Давно уже мѣховая торговля, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ промышленности сѣверо-американскаго края, привлекала вниманіе торговцевъ нью-йоркскихъ; но, съ окончаніемъ войны съ Франціею за Канаду и съ покореніемъ послѣдней Англіею, эта торговля, освобожденная отъ монопольныхъ правъ, которыми пользовались исключительно одни только Французы, сдѣлалась общимъ предметомъ дѣятельности всѣхъ поселенцевъ Америки. Многіе частные люди занялись этимъ промысломъ, и изъ числа нью-йоркскихъ мѣховыхъ промышленниковъ, мистеръ Ибоке былъ самымъ рвѣннѣйшимъ; но, не имѣя возможности лично отправиться ни въ Гуронъ, ни въ Мичиганъ, главные посты мѣховою торговли, ни послать кого-либо изъ вѣрныхъ людей вѣсто себя, онъ терялъ только отъ своего новаго промысла, а ничего не выигрывалъ. Около этой эпохи судьба, какъ неожиданный владъ, послала ему Джона Мейтона; около того же времени онъ женился на немъ, и тогда же началась война его съ мистриссъ Эмою, -- война на-смерть, какъ извѣстно читателю, за право владѣнія добычею, которая, по расчету мистера Ибоке, стоила всѣхъ енотовъ канадскихъ и бобровъ саскашаванскихъ. Мистеръ Ибоке далъ только время утихнуть справедливому негодованію мистриссъ Эмы, выждалъ пока заснула ея бдительность, обнадѣженная его ласками и притворною предупредительностью, и тотчасъ же затѣялъ новую экспедицію за мѣхами, главное распоряженіе которой надобно было поручить вѣрному человѣку. Этотъ вѣрный человѣкъ былъ давно уже найденъ мистеромъ Ибо-

ре; но онъ медлилъ еще нѣсколько времени назвать его по имени, боясь излишнею поспѣшностью возбудить снова сомнѣнiя и повредить своему вѣрно разсчитанному плану. Разъ какъ-то возвращаясь съ биржи, зашелъ онъ въ домъ Джона Мейтона и засталъ мистриссъ Эму одну и въ слезахъ. Причина слезъ была самая законная и вѣстѣ понятная въ женѣ и женщинѣ. Мистриссъ Эма плакала о томъ, что по цѣлымъ днямъ не видитъ мужа, что онъ гнѣетъ въ конторѣ и, вѣсто прiятностей семейной жизни, даритъ ее черновыми, бухгалтерскими счетами на папильютки. Въ самомъ дѣлѣ было горько; и кому же лучше высказаться и выплакаться, какъ не виновнику этого горя? Мистриссъ Эма не задержалась, и только-что вошелъ мистеръ Ибоке, она напала на него жестоко, со всѣмъ краснорѣчiемъ огорченной женщины. Черезъ каждые десять словъ, въ которыхъ рисовала она ему картину грусти и скуки ея одиночества, то и дѣло было слышно: «по вашей милости, мистеръ Ибоке, все по вашей милости», или, «во всемъ виноваты вы, мистеръ Ибоке; не будь васъ, я была бы счастливѣйшая женщина»... и кончила свое плачевное описанiе фразой, которой никакъ не предвидѣла послѣдствiй, именно: «послушайте, мистеръ Ибоке, я понимаю разлуку мужа съ женой; она можетъ-быть даже неизбежна, когда общiя семейныя выгоды требуютъ ее; но этихъ отлучекъ, этихъ лихорадочныхъ встрѣчъ и разставанiй, которыми вы пасъ подчууете ежедневно, воля ваша, мистеръ Ибоке, я не понимаю, и не хочу понять.»

Устоялъ мистеръ Ибоке отъ рѣшительнаго натиска

и выдержалъ хладнокровно убійственный залпъ; мало того, онъ вскочилъ самъ въ укрѣпленіе своего непріятеля и основался на послѣдней фразѣ мистриссъ Мейтонъ, какъ на самомъ прочномъ стратегическомъ пунктѣ. Онъ съ важностью по привычкѣ нахлобучилъ свою шляпу, медленно потеръ руки и еще медленнѣе отвѣчалъ: «Мистриссъ Мейтонъ, исправить дѣло зависитъ отъ васъ.»

— Какимъ образомъ?

«Во-первыхъ, выслушать меня; во-вторыхъ, послушаться.»

— Не мучьте... не мучьте, мистеръ Ибоке. Говорите, я васъ слушаю... перебила мистриссъ Эма, и пододвинувъ стулъ, предложила его мистеру Ибоке. Мистеръ Ибоке сѣлъ и началъ такимъ образомъ: «Неужели, мистриссъ Мейтонъ, вы думаете, что мнѣ пріятно быть волею и неволею орудіемъ вашего горя? Думайте, что угодно, на то вамъ Богъ далъ умъ и душу. Я знаю только то, что я одинъ въ этомъ мірѣ, не имѣя ни родни, ни законныхъ наслѣдниковъ и, можетъ-быть, противъ вашего желанія, считая себя членомъ вашей семьи, жду съ нетерпѣніемъ того дня, когда, упрочивъ за вами все мое благосостояніе, сдѣлаю васъ счастливыми. Я пережилъ два закона въ этой жизни, платилъ за зло зломъ, но умру въ новой заповѣди, заплачу за зло добромъ, — понимайте какъ хотите, мистриссъ Мейтонъ; поймете — вамъ же будетъ совѣстно... Но дѣла нашей жизни, особенно торговыя, такого рода, мистриссъ Мейтонъ, что нужна при нихъ неусыпная

дѣятельность. Ни днемъ, ни ночью я самъ не знаю покоя: что же мудренаго, если Джону Мейтону доводится корпеть надъ счетами и, забывъ свои семейныя обязанности, гнить, какъ вы говорите, въ конторѣ? Запустить цифры, значитъ запустить самое дѣло. Счеты — душа коммерческихъ оборотовъ: это можетъ понять одинъ только коммерческій человѣкъ, а никакъ ужъ не женщина, и еще менѣе жена, страстно любящая своего мужа. Но вы правы, мистриссъ Мейтонъ, крайней-мѣрѣ въ одномъ, чтобъ было бы изъ чего терпѣть лишенія и жертвовать собою, какъ вы говорите. Я знаю, и одинъ только знаю, что мы трудимся съ вашимъ мужемъ, терпимъ, страдаемъ, лишаемъ себя Богъ знаетъ изъ чего. Я знаю, и одинъ только знаю, что наши дѣла такъ плохи, такъ шатки, такъ разстроены, что никакая неусынная стоячая и сидячая дѣятельность не поправитъ ихъ; — одинъ только рискъ, одно смѣлое, новое какое-нибудь, предпріятіе, можетъ спасти и выручить насъ, покрыть всѣ убытки и дать наконецъ возможность и намъ наслаждаться жизнью спокойно, безбѣдно, даже роскошно. И я знаю это предпріятіе, знаю этотъ смѣлый, новый оборотъ, на который я не способенъ по хилости моего здоровья, и который съ успѣхомъ можетъ исполнить вашъ мужъ. Надобно только ему отважиться и ѣхать.»

— ѣхать?.. перебила мистриссъ Мейтонъ.

«Да, ѣхать. Всѣ дневныя лихорадочныя разставанья, какъ вы говорите, замѣнитъ хронической разлукой, но всё-таки не болѣе, какъ на годъ.»

— Да куда же?.. спросила, или, нѣрнѣе выразиться, простонала мистриссъ Мейтонъ.

«Въ Монреаль, въ Гуронъ, въ Мичиганъ, — ну, словомъ, въ одно изъ главныхъ мѣстъ мѣховой торговли; завести тамъ свою контору, своихъ охотниковъ и лѣсничихъ, изготовить огромные запасы мѣховъ и продавать ихъ съ выгодами, которыя чрезъ десять лѣтъ, не болѣе, будутъ казаться сказочными, а теперь болѣе чѣмъ дѣйствительны и возможны.»

— А опасности, разбой, убійства, Индѣйцы съ ихъ ножами, топорами, кровавыми обычаями сдирать кожу? Вы забыли про нихъ, мистеръ Ибоке?

«И, полно-те, мистриссъ Мейтонъ! это старыя басни, Прежде такъ бывало; а нынче тамъ гарнизоны, войска, да и самыя выгоды Индѣйцевъ сдѣлали ихъ миролюбивымъ. Опасности нѣтъ, существуютъ однѣ только выгоды, и дуракъ тотъ, кто ими не воспользуется. Вотъ мое средство, мистриссъ Мейтонъ; вы выслушали его. Теперь мой совѣтъ, мистриссъ Мейтонъ, послушаться; не противтесь и не удерживайте нашего добраго Джона, отпустите его...»

— Ни за-что, никогда не будетъ этого!...

«Ваша воля, мистриссъ Мейтонъ! такъ и не прогнывайтесь, если зачатія его еще болѣе умножатся и вы еще рѣже будете съ нимъ видѣться; потому что я и усталъ и поспѣлъ отъ тщетныхъ трудовъ прежде времени. Пусть онъ одинъ поработаетъ...»

— Пусть трудится, по-крайней-мѣрѣ я буду знать что онъ со мною, что онъ близко меня...

«Да, да!» прибавилъ насмѣшливо мистеръ Ибоке: «близко васъ, и не одинъ, съ суммою... И не товарищъ торговаго банка умершаго мистера Ибоке... я чувствую что умру скоро... а нинѣи улицы Бродве...»

— Я не боюсь нищеты; мы будемъ вдвоемъ просить о подаяньи, и я буду спокойна...

«Ошиблись въ счетъ, мистриссъ Мейтоновъ» перебилъ значительно мистеръ Ибоке: «втроемъ... Если Богъ приведетъ васъ разрешиться благополучно...»

— О Боже! воскликнула Эма и безъ чувствъ почти упала на спинку стула.

Не трудно догадаться, чѣмъ кончилось это обьявленіе. Не прошло недѣли, какъ была уже снаряжена шхуна, Джонъ Мейтоновъ запасся инструкціею, деньгами, водкой, табакомъ, стальными вещами и другими товарами, до которыхъ такъ падки Индійцы, простился съ женой и вышелъ изъ Залива Гудсонскаго, направивъ свое плаваніе по рѣкѣ Дофингъ къ озеру Виннипегу.

Горько плакала Эма; грустное предчувствіе тяготило ее, и оно не обмануло несчастливцы. Не успѣвъ еще, кажется, скрыться парусъ шхуны Джона Мейтона, какъ уже измѣнилось совершенно поведеніе мистера Ибоке и началась злая участь Эмы. Коварный торгошъ явился во всемъ ужасѣ своей власти и тиранизма надъ несчастною жертвою. Чтобъ удобнѣе скрыть задуманное имъ преступленіе отъ сестры и зятя Джона Мейтона, къ которымъ могла бы прибѣгнуть вслучаѣ крайности мистриссъ Эма, онъ разжаловалъ ее самовольно изъ женъ своего корреспондента въ прежнее званіе невольницы и отправилъ тотчасъ же къ себѣ на

плантацин. Какъ раба, которая осмѣлилась заговорить языкомъ правды, языкомъ души и сердца съ своимъ повновластнымъ господиномъ, она должна была испытать жестокое навазаніе; мало того: за мнимое оскорбленіе она должна была заплатить жизнью. Немного думалъ мистеръ Ибоке, и съ злостью, которая понятна развѣ только въ Ирокезцѣ, да въ американскомъ плантационномъ владѣльцѣ, далъ приказаніе своимъ надсмотрщикамъ замучить работой Эму, и («чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше»). Грустно тянулись дни и мѣсяцы страдальческой пытки мистриссъ Мейтонъ; съ самоотверженіемъ мученицы она переносила тяжелую участь работницы хлопчато-бумажной плантацин. Уроки умножались по мѣрѣ ея дѣятельности; малѣйшее упущеніе накликало палочные удары надсмотрщиковъ; малѣйшая помощь и участіе ея родственниковъ, между мулатами, раздражала еще болѣе жестокость палача-колониста. Наконецъ, потерявъ всю надежду на облегченіе судьбы, на возвращеніе когда-либо своего мужа, она не выдержала, занемогла и умерла въ мученьяхъ отъ преждевременныхъ родовъ, ускорившихъ еще болѣе смерть ея. Оставшаяся послѣ нее малютка-дочь была хила, больна, но жива, и мистеръ Ибоке принялъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ сохраненію этой малютки. Онъ берегъ ее, какъ очевидное доказательство своей невинности въ смерти мистриссъ Мейтонъ и заучивалъ уже заранѣе монологъ, которымъ хотѣлъ встрѣтить Джона Мейтона и который оканчивался бы такъ, по его соображенію: «Любезный Джонъ! прими въ объятія невинную убійцу нашего ангела, любезной мистриссъ Эмы.» Любезный

Джонъ пойметъ въ темъ дѣло, распахнется, схватитъ малютку, осыплетъ ее поцѣлуями, бросится къ мистеру Ибоке, повиснетъ на шеѣ и сдѣлается по-прежнему, его послушною овцою, его кроткимъ, безответнымъ воспитанникомъ. Но любезный Джонъ, вернувшись, не раслагался, не цѣловалъ, не обнималъ и не вѣшался ни къ кому на шею, а глубоко пораженный роковою вѣстью, убитый неожиданною кончиною любимой супруги, узнавъ новое для него чувство, чувство томительной грусти, и затаялъ его. Отдавъ малютку-дочь на воспитаніе въ семью своего зятя и успокоившись относительно этой главной статьи родительскаго долга, онъ предался снова своей промышленной дѣятельности еще съ большимъ жаромъ и вниманіемъ, хотя въ существѣ дѣла видѣлъ въ ней не болѣе какъ только средство для своего разстѣпанія. Скоро не понравилось мистеру Ибоке это назначеніе ихъ общихъ промышленныхъ спекуляцій; онъ испугался, убѣдившись, что оно можетъ быть причиною и будущихъ промаховъ и опущеній по ихъ дѣламъ — и вадумалъ-было, какъ-то разъ, надоумливать и толковать съ своимъ воспитанникомъ о настоящихъ двигателяхъ, цѣляхъ и пружинахъ всякаго рода промышленности; но, встрѣтивъ одни только вздохи, отрывистыя фразы нетерпѣнія и неудовольствія, онъ бросилъ свою затѣю, оставилъ, какъ-будто въ покоѣ, грустнаго, задумчиваго Джона, и тотчасъ же совершенно перемѣнилъ планъ и всю систему своего попечительскаго вліянія.

«Видно, можно быть дуракомъ и сумасшедшимъ въ одно и то же время!» говорилъ самъ съ собою мистеръ Ибоке: «такъ вы не хотите знать вашихъ собственныхъ»

выгодъ, мистеръ Джонъ Мейтонъ? Вамъ горько? вы грустны? вы въ душѣ еще оплакиваете смерть вашей дражайшей воловны? Плачьте же и дѣлайте всё-таки то, что мнѣ угодно. Ваша грусть поможетъ мнѣ окончательно отуманить васъ. Горе хватается зря за все, что ни подбрось ему; оно бѣится только своей смерти — бездѣйствія и праздности . . .»

Своего роду философія и глубокое знаніе сердца человѣческаго руководствовали мистера Ибоке. И къ этому времени надобно отнести всѣ безчестныя и противузаконныя операціи мистера Ибоке, на которыя онъ употреблялъ Джона Мейтона, дѣлая его совершеннымъ и распорядителемъ и отвѣтчикомъ вслучаѣ надобности, посылая его за контрабандными товарами и набивая его портфѣиль даже иногда фальшивыми кредитными письмами. Все бралъ и за все брался Джонъ Мейтонъ, счастливо и уснѣшно оканчивалъ дѣла мистера Ибоке, урывкомъ забѣгалъ взглянуть на дочь свою, поплакать, погрустить съ нею, и снова возвращался въ контору, принимался за работу и душилъ тоску по милой Эмѣ дивидендомъ бухгалтерской книги.

Одинъ только человекъ понималъ настоящимъ образомъ мистера Ибоке, и любя, берегъ Джона; мы назовемъ его какъ знакомаго уже читателю — это Индіецъ Сасантаръ. Обязанный, благодѣтельствованный и отрекомендованный мистеромъ Мейтономъ мистеру Ибоке послѣ экспедиціи за мѣхами, онъ, въ короткое время, своимъ натуральнымъ умомъ постигъ отношенія того и другаго, и, полюбивъ мистера Мейтона, сталъ въ душѣ презирать и ненавидѣть мистера Ибоке. Но, но зависи-

ности своего положенія, по стѣсненности средствъ, онъ не могъ ничего предпринять рѣшительнаго, и ограничился слабымъ, и то исподоволь, вліяніемъ на своего благодѣтеля. Онъ-то выручалъ иногда Джона изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и опасныхъ предпріятій, въ которыя вовлекалъ его мистеръ Ибоке, и ему - то повинуюсь, Джонъ осмѣливался иногда идти на-перекоръ совѣтамъ и распоряженіямъ мистера Ибоке. Нетрудно объяснить эту новую какъ-бы зависимость Джона: ему наскучило слушаться одного, онъ началъ слушаться другаго; но не слушаться никого, не могъ Джонъ по привычкѣ и врожденной почти склонности. Привязанность же къ нему Сасантара была тоже не рѣдкость и объяснялась весьма легко его происхожденіемъ изъ среды народа еще неспорченнаго ни волю-образованностью, ни уклоненіями нравственности отъ пути истины. Не диво, что простой Делаварецъ, за нѣсколько шкуръ бровыхъ, которыя удалось ему вымѣнять выгодно, считалъ себя обязаннымъ тому, кто доставилъ ему эту выгоду и былъ готовъ на самыя отважныя выходки благодарности за ничтожную помощь и пустѣйшее одолженіе. Прошло болѣе пяти лѣтъ этого тяжкаго существованія Джона, хотя и подъ вліяніемъ какъ-бы свыше посланнаго добраго генія; наступило время второй экспедиціи за мѣхами, и Джонъ почти самъ вызвался и напросился на нее. Мистеръ Ибоке, руководствуясь философскимъ убѣжденіемъ «что когда-нибудь молодецъ сломить же себя шею наконецъ» — не думалъ удерживать, и отпустилъ его охотно, не сказавъ ни одного слова противъ. Джонъ Мейтонъ отправился, взявъ

въ товарищи и спутники Индійца Сасантара. Но вторичная поѣздка не была столь успѣшна, какъ первая. Ничтожность пріобрѣтенныхъ товаровъ, притѣсненія вновь учреждавшейся компаніи, и, наконецъ, опасность попасться въ руки дикарей при переездѣ черезъ озеро Гуронъ, въ недалекомъ разстояніи отъ главнаго волока, заставили почти раскаяваться Джона въ его самонадѣянномъ предпріятіи. На возвратномъ пути во время переправы черезъ быструю рѣчку Дошнэ, по неосторожности, Джонъ былъ увлеченъ силою теченія, поскользнулся и упалъ въ воду. Философскія соображенія мистера Ибоке почти сбывались: Джонъ погибъ; но Сасантаръ спасъ его отъ гибели. Не прошло, однако же, даромъ это паденіе: отъ испугу и простуды Джонъ занемогъ, схватилъ сильную нервическую горячку, и больной, почти за-мертво былъ привезенъ Сасантаромъ назадъ въ Нью-Йоркъ. Узнавъ всю исторію изъ простаго разсказа Сасантара, мистеръ Ибоке не смѣшкомъ - то былъ доволенъ услужливостью великодушнаго Индійца. Но нечего дѣлать: волей - неволей онъ прикинулся растроганнымъ и, отдавъ только опаснаго свидѣтеля подъ предлогомъ извѣстнаго уже читателю контрабанднаго провоза пороха, самъ взялся ухаживать за больнымъ по-своему. Началъ онъ съ того, что скрылъ возвращеніе своего товарища, потомъ бросилъ его въ гнилой и сырой подвалъ, не призывалъ доктора, отказалъ въ необходимой прислугѣ и пособіяхъ, и, наконецъ, какъ бы за-одно съ убійственною болѣзнію, рѣшился на новое преступленіе, рѣшился уорить бѣднаго Джона. Къ довершенію своего безчеловѣчнаго по-

веденія, подъ видомъ участія и дружбы онъ посѣщалъ больного, но для того, чтобы мучить страдальца, томить его докучливыми разсужденіями, выдуманными опасеніями насчетъ утраты ихъ общей собственности, и фальшивыми обещаніями устроить судьбу родственниковъ Джона вслучаѣ его смерти.

«Считай, Джонъ, считай, милый, на-вѣрное,» говорилъ мистеръ Ибоксъ съ прежними же поддѣльными участіемъ: «что Измаиль, въ-отношеніи твоихъ родныхъ, возьметъ на себя обязанность втораго отца и брата, что отнынѣ навсегда эта обязанность будетъ священной и пріятнѣйшею для него изъ всѣхъ обязанностей въ жизни. Милый Джонъ, послѣ этого ты можешь быть спокоенъ и не сокрушаться сомнѣнемъ. Не станемъ больше и говорить объ этомъ: между братьями и добрыми людьми доброе дѣло давно уже вещь рѣшительная . . . Поговоримъ-ко лучше, если силы тебѣ позволяютъ, объ нашемъ послѣднемъ иѣховомъ оборотѣ, или и того еще нужнѣе, — о нашемъ главномъ транспортѣ военныхъ снарядовъ и доставкѣ ихъ въ лагерь генерала Гау. Гдѣ наши счета, Джонъ? Въ порядкѣ ли они у тебя?

И, сдѣлавши послѣдній вопросъ, мистеръ Ибоксъ окинулъ глазами всю комнату и въ изумленіи остановился на отпертой и пустой кешторкѣ.

«Что это значитъ, Джонъ? гдѣ наши счета?» спросилъ онъ снова встревоженнымъ тономъ.

— У васъ, отвѣчалъ съ трудомъ Джонъ Мейтонъ.

«Не правда! вздоръ! Ихъ нѣтъ у меня.»

И мистеръ Ибоке подбѣжалъ къ конторкѣ. — Въ сто желаемой бухгалтерской книги и счетовъ, въ которыхъ былъ означенъ весь коммерческій ходъ ихъ последней противузаконной операціи, лежало нѣсколько старыхъ отпусковъ товарамъ, отправленнымъ въ Монреаль, на вымѣнъ мѣховъ, и уплаченныхъ уже росписокъ по дѣламъ фабрикъ и заводовъ на плантаціяхъ. Мистеръ Ибоке видимо испугался; не, какъ-бы не доверяя глазамъ своимъ и отвѣту больного, повторилъ еще разъ вопросъ, но болѣе умоляющимъ уже тономъ, чѣмъ повелительнымъ: «Милый Джонъ! Куда дѣлись всѣ бумаги наши?»

— Они у васъ, мистеръ Ибоке, должны быть у васъ. Не болѣе какъ полчаса тому назадъ за ними приходилъ Сасантаръ и взялъ ихъ отъ имени вашего.

«Сасантаръ! чортъ возьми! Какъ Сасантаръ?...»

— Да . . . да . . . Индіецъ Сасантаръ! повторилъ больной припадывая на постели и не вслушавшись въ энергическое восклицаніе мистера Ибоке: Индіецъ Сасантаръ, мистеръ Ибоке . . . пришелъ отъ имени вашего . . . взялъ у меня ключъ . . . отперъ конторку . . . сталъ рыться въ бумагахъ . . . потомъ спросилъ книгу . . . да, именно книгу . . . потомъ расписку Генерала Гау . . . потомъ . . . счетъ ружьямъ . . . потомъ саблямъ . . . старымъ и новымъ ломамъ . . . патронамъ . . . пороху . . . ядрамъ . . .

«Замолчи! замолчи, глупецъ!» закричалъ въ неистовствѣ мистеръ Ибоке, и подбѣжавъ, толкнулъ въ грудь больного. «Болезнь уничтожила въ тебѣ и последнюю

крошку здраваго смыслу ... Не человекъ ты, а гнилая, обмотая мельница ... Безумный, бездушный мертвецъ! ...»

Послѣднія слова мистера Ибоке были похожи на дѣло, потому что несчастный Джонъ отъ толчка въ грудь потерялъ снова память, свалился за-мертво на подушку и едва переводилъ дыханіе.

«Да и я-то хороше!» продолжалъ Ибоке вернувшись опять къ конторкѣ: «очень хороше, нечего сказать!... довѣрилъ себя, дѣла, счеты, все — кому же? ...» И краснорѣчивый плевокъ по направленію къ постели больного былъ отвѣтомъ на откровенное сознаніе въ своей собственной глупости.

Послѣ такого рѣшительнаго жеста, которымъ высказалась досада мистера Ибоке, ничего, кажется, не оставалось больше, какъ уйти только; но мистеръ Ибоке, несмотря на свое горестное убѣжденіе, съ какою-то отчаянною недовѣрчивостью къ себѣ, къ своимъ глазамъ, къ словамъ больного, принялся снова рыться въ оставшихся бумагахъ. Листы летѣли большею частію разорванные, книжки счетныя истеребленные, портфѣи изкусанные. Все уничтожалъ, рвалъ, грызъ въ своей злобѣ мистеръ Ибоке, но тщетно: нужные бумаги и счеты не отъ искивались. Наконецъ, потерявъ все терпѣніе, онъ отскочилъ отъ конторки и закричалъ въ бѣшенствѣ: «Нѣтъ ихъ, нѣтъ! все кончено!... Полюбуйтесь же теперь собою, мистеръ Ибоке, полюбуйтесь вашимъ вниманіемъ, вашей заботливостью о самомъ себѣ ... Вы не спрятали тѣхъ дѣлъ, тѣхъ бумагъ, тѣхъ документовъ, отъ которыхъ, можетъ быть, зависѣла жизнь

ваша; вы оставили ихъ въ конторкѣ дурака, своего прикащика, вы позабыли про нихъ, — такъ и вертитесь теперь, какъ хотите. Ваши благопріятели воспользовались ими, украли ихъ, и поведутъ васъ туда, куда обыкновенно водятъ предателей и измѣнниковъ, — на висѣлицу, мистеръ Ибоке, на висѣлицу... Удружилъ Сасантаръ по-пріятельски! ай-да Сасантарушко!...

И взглянувъ въ послѣдній разъ въ пустую конторку, какъ-бы въ вырытую уже для него могилу, мистеръ Ибоке выбѣжалъ изъ подвала, хлопнувъ дверью безъ всякой помпады и вниманія къ больному.

Тихо было въ небѣ, тихо на морѣ, тихо въ Нью-Йоркѣ: въ одной только душѣ Ибоке волновались безпокойныя чувства страха, досады и неизвѣстности. Онъ смотрѣлъ въ открытое окно, почти ничего не видя, весь погруженный въ себя, занятый своимъ затруднительнымъ положеніемъ.

Вдругъ передъ самымъ окномъ мелькнула человѣческая фигура съ большою пошею на рукахъ — такъ быстро, и такъ близко, что и задумавшійся мистеръ Ибоке не могъ не замѣтить ея. Мистеръ Ибоке высунулся въ окно, сталъ всматриваться, и по высокому росту, по большимъ развѣвающимся перьямъ на головѣ, онъ тотчасъ же узналъ Сасантара.

«Сасантаръ! Сасантаръ!»

Сасантаръ не откликнулся и бѣжалъ что есть духу къ берегу моря. Мистеръ Ибоке выскочилъ за ворота дома, взявъ съ собою нѣсколько пегровъ, на всякій случай; бросился вслѣдъ за Индійцемъ, но поздно: Сасантаръ отчалилъ уже отъ берега.

«Куда онъ? зачѣмъ? что затѣваетъ еще проклятый Индіецъ? что за неша была у него на рукахъ?» такъ спрашивалъ себя Ибоке, возвращаясь домой съ безуспѣшнаго преслѣдованья; но при послѣднемъ вопроѣ вдругъ остановился, ахнулъ и, вмѣсто своей комнаты, бросился опретью въ подвалъ, гдѣ оставилъ умирающаго Джона.

Темно было въ подвалѣ; но мистеръ Ибоке смущенно добрался до кровати больного, тихо шевель рукою по подушкѣ — она была пуста, но постели — она была холодна... Нѣсколько разъ съ умасомъ повторялъ Ибоке движеніе руки, потомъ принялся ять подушку, постель, бить по нимъ кулаками, кричать: «Джонъ Мейтонъ! Джонъ Мейтонъ! гдѣ ты?» Но все было тщетно: Мейтонъ исчезъ. «Я долженъ былъ и это предвидѣть!» закричалъ наконецъ, скрипя зубами, мистеръ Ибоке: «проклятый Индіецъ! ты укралъ и его, укралъ моего учителя...»

И мистеръ Ибоке безъ чувствъ отъ злобы упалъ на постель, только-что оставленную нолу-мертвыиъ Джономъ Мейтономъ.

Тихо собирались нью-йорскіе накатчики на богослуженіе въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ кварталовъ города. Составляя небольшую часть своихъ главныхъ общинъ, находившихся въ Вискагунѣ и захавъ на время только въ Нью-Йоркѣ по дѣламъ промышленнымъ, за исключеніемъ немногихъ, жившихъ постоянно въ этомъ городѣ, они старались быть наименѣ замѣтными. По общему духу сектаторства, эта скрытность бы-

ла извинительна и понятна, и нью-Йоркскіе накатчики ничѣмъ не отличались въ этомъ случаѣ отъ другихъ фанатиковъ, собирались молча, тихо и съ какою-то даже таинственностью.

Съ разныхъ сторонъ и въ разныя двери входили они въ небольшое, весьма скромное, какъ внутри, такъ и снаружи, зданіе, избранное ими для ихъ религіозныхъ церемоній, и каждый, съ примѣтною осторожностью, входя, непремѣнно запиралъ за собою двери. Мужчины становились по одну сторону, женщины по другую. Костюмъ послѣднихъ бросался въ глаза своимъ однообразиемъ и оригинальностью. Бѣлая, плотная изъ коленикору шапки, которыхъ никакъ нельзя было рѣшиться назвать чепчиками, соединяя и съ самымъ презанческимъ изъ послѣднихъ — ночнымъ чепчикомъ, монятія вкуса и даже кокетства, — не убирала, а безобразила ихъ головы; стало-быть, никакъ не могли назваться головнымъ уборомъ. Черные чулки и круглые, бѣлые, башмаки дѣлали ихъ похожими на одну изъ тѣхъ породъ американскихъ курнатовъ, которыхъ мы знаемъ только въ кабинетахъ натуральныхъ, но которыя весьма естественно могли служить образцами въ ебуви своимъ соотечественникамъ, Американкамъ-накатчицамъ. И, наконецъ, узкія, въ родѣ мѣшковъ, бѣлыя юбки, не пришитыя, а привязанныя нѣсколькими узлами къ лифамъ, безобразно обрисовавшія ихъ неоконченныя формы, но такъ ясно намѣкавшія на то безбрачное состояніе, которое было однимъ изъ главныхъ условій ихъ общины, — довершали этотъ костюмъ. И надобно признаться, что смѣшите и страшите его трудно было что-нибудь при-

*

думать. Первый его учредитель имѣлъ вѣроятно въ виду страсть женщинъ къ нарядамъ и, ударивъ по этой слабой струнѣ, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ сдѣлалъ изъ невиннаго кокетства женщины жертву религіозному фанатизму. Тонкій, но жестокой учредитель!..

Извѣстное число общниковъ обоого пола собралось уже; но двери растворились еще разъ: вошелъ мистеръ Ибоке. Прежде нежели занялъ свое обыкновенное мѣсто, мистеръ Ибоке окинулъ глазами собраніе, какъ-бы отыскивая кого-то, и остановилъ ихъ на одномъ высокомъ, немолодыхъ лѣтъ человѣкѣ, потомъ обратился къ толпѣ женской и, увидѣвъ и тамъ также одну пожилую даму, вѣроятно тоже интересную для него по чему бы то ни было, онъ превратилъ наконецъ свою ревносцировку взглядами и, опустивъ голову, сталъ какъ вкопанный съ выраженіемъ на лицѣ невозмутимаго благочестія.

Есть эти камелеоновскія фizioноміи, способныя къ тысячѣ различныхъ видоизмѣненій. Способность эта не определяется ли необыкновенною раздражительностью, какъ и въ прототипѣ ихъ, амѣбінъ?... Чѣмъ бы то ни было, впрочемъ, знаемъ одно только, что лицо и чувства мистера Ибоке были въ гармоническомъ соотношеніи съ кожей и кровью камелеона и могли показывать всѣ возможные фокусъ-покусы, начиная отъ самаго разъяреннаго гнѣва, до кротчайшаго смиренія, только не даромъ...

Религіозный обрядъ накатчиковъ начался вѣнчаніемъ всѣхъ въ одинъ голосъ и въ носъ. Самые дикіе, произи-

тельные звуки оглашали зданіе. Пѣлись псалмы, вѣроятно ими самими сочиненные, потому что ни въ одномъ изъ нихъ не было смысла, и даже, можетъ-быть сымпровизированные вдругъ, въ минуту духовнаго восторга и соответственно нуждѣ каждаго. Одинъ просилъ объ урожаѣ на плантаціи, другой объ умноженіи ихъ общины, третій о прощеніи грѣха тяжкаго, а тяжкій грѣхъ состоялъ въ противузаконномъ отнукѣ на волю колѣки-негра... Мистеръ Ибоке молился вѣроятно за упокой души товарища и друга; за общимъ крикомъ и гамомъ, передъ которыми гвалтъ синагоги еврейской показался бы стройнымъ концертомъ, не ясно были слышны слова его молитвы. Пѣнье кончилось, и старшій изъ общниковъ, обратившись къ предстоящимъ, возвѣстия торжественно: «Братія! теперь станемъ трудиться,» и первый сдѣлалъ начало труда накатчиковъ, скинувъ съ себя верхнее платье и завертѣвшись быстро на одной ногѣ. Всѣ последовали его примѣру: кружились вѣтреными мельницами, кто направо, кто налево, кто на одной, кто въ припрыжку на обѣихъ ногахъ. Скоро мужчины, женщины, дѣти столпились въ одну кучку, схватились руками и какъ столпъ пыли и сору, поднятый электрическимъ вихремъ, закрутились всей массой. Но первый пароксизмъ духовнаго восторга прошелъ, общій кругъ распался, женщины снова отошли на нѣкоторое разстояніе отъ мужчинъ, самыя движенія сдѣлались медленнѣе и изъ круглыхъ перешли въ четвероугольныя. Каждый подпрыгивалъ три шага впередъ, потомъ назадъ, потомъ направо и налево, не переставая качаться всѣмъ тѣломъ и въ особен-

ности головою, которая разъигривала на этотъ разъ роль ладони танцмейстера и управляла тактой.

Въ одно изъ этихъ движеній, и именно назадъ, мистеръ Ибоке ловко подскочилъ къ тому самому обшивку, котораго замѣтилъ, входя еще въ собраніе, и шепнулъ ему очень явственно: «здравствуйте, мистеръ Кноксъ!» потомъ прыгнулъ налѣво, какъ-разъ къ той дамѣ, на которую тоже смотрѣлъ при входѣ и съ тѣмъ же порядкомъ шепнулъ на ухо: «здравствуйте, миссъ Мейтонъ» — и отъ нея три прыжка впередъ, три направо, потомъ снова три назадъ и снова обратившись къ тому же человѣку: «мистеръ Кноксъ, у насъ несчастье...»; три прыжка налѣво и къ дамѣ: «миссъ Мейтонъ, мистеръ Мейтонъ умеръ...»; три прыжка назадъ: «мистеръ Кноксъ, мистеръ Мейтонъ убитъ...»; три прыжка налѣво: «мистеръ Мейтонъ утонулъ...»; назадъ: «его съѣли Гуроны...»; налѣво: «съ него содрали кожу...»; назадъ: «онъ пропалъ безъ вѣсти...» И мистеръ Ибоке намѣревался снова скакнуть налѣво, но мистеръ Кноксъ схватилъ его за-руку. Онъ направо — не тутъ было: миссъ Мейтонъ щѣпнулась ему въ рубашку; онъ прямо: «напрасно! напрасно! закричала миссъ Мейтонъ: «могу разорвать бѣлье, тогда хуже будетъ. Скажите, что такое, мистеръ Ибоке? ...»

— Что такое? подтвердилъ мистеръ Кноксъ...

«Что это значитъ?» спросилъ, остановившись, старшій накатчикъ: «нарушеніе обряда...»

— Соблазнъ! Соблазнъ! раздалось изъ толпы.

«Штрафъ! штрафъ съ нихъ!» закричали всѣ, прекративъ танцы.

— Не съ меня ... возразилъ встревоженный мистеръ Ибоке.

«И не съ насъ» ... сказали въ одинъ голосъ мистеръ Кноксъ и миссъ Мейтонъ.

— Вы сбили меня съ такты ...

«А вы насъ съ толку...»

— Община знать ничего не хочетъ! воскликнулъ торжественно мистеръ Буль, очередной проповѣдникъ: всѣ вы трое нарушители обряда, всѣ трое и должны нести пеню. Вы, мистеръ Ибоке, дадите пять пудъ хлопчатой бумаги въ общую пользу; вы, мистеръ Кноксъ, на себѣ принесете ихъ; а вы, миссъ Мейтонъ, во все время штрафа вашихъ соучастниковъ преступленія, каждая пять минутъ должны прыгать пять разъ и на одной лѣвой ножкѣ...

«Не могу! не могу!» закричала со слезами миссъ Мейтонъ: «она у меня короче правой ...»

— Для вѣры и благочестія нѣтъ ничего невозможнаго. Сдѣлайте это, миссъ, ради вашей же души спасенія ...

Такъ возразилъ проповѣдникъ, и вышелъ изъ собранія. Толпа последовала за нимъ съ явными признаками фанатическаго презрѣнны къ тѣмъ, которые лишили ее удовольствія прослушать, можетъ-быть, совершеннѣйшее произведеніе ораторскихъ способностей мистера Буля. Не оставались и нарушители обряда: каждый пошелъ въ свои двери; потащлась, ковыляя, и миссъ Мейтонъ, не столько пораженная новостью, сообщенною ей

въ танцахъ мистеромъ Ибоке, сколько тягостью наказанія и нечаянностью соблазна, въ которомъ несколько сдѣлалась участницей.

У выхода, мистеръ Ибоке подошелъ къ мистеру Кноксу.

«Куда же вы, мистеръ Кноксъ? пойдите прямо ко мнѣ, въ мой амбаръ за бумагой; отдѣлываться, такъ ужь за-одно, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше...»

Мистеръ Кноксъ молчалъ.

«А потомъ я пойду къ вамъ» продолжалъ мистеръ Ибоке.

— Зачѣмъ? спросилъ отрывисто мистеръ Кноксъ.

«Какъ зачѣмъ? Да вѣдь надобно же кончить, что я началъ—было рассказывать вамъ о вашемъ родственникѣ въ танцахъ. Впрочемъ какъ угодно, время будетъ и послѣ...»

И мистеръ Ибоке повернулъ домой.

— Лучше бы не начинали вы, мистеръ Ибоке... отвѣчалъ въ огорченіи мистеръ Кноксъ. Нашли время въ танцахъ... Пять пудъ — шутка ли нести на себя... хоть и хлопчатой бумаги, а всё-таки пять пудъ...

И, кончивъ свое разсужденіе вслухъ, мистеръ Кноксъ повернулъ вслѣдъ за мистеромъ Ибоке.

Но что же заставило мистера Ибоке не въ-время объявить горестную новость мистеру Кноксу и миссъ Мейтонъ, избрать столь неприличное мѣсто для этого объявленія, и подвести ихъ обоихъ подъ наказаніе? На все разсчетъ, на все обдуманная причина была у мистера Ибоке.

«Скажите же мнѣ, мистеръ Ибоке» говорилъ договоря мистеръ Кноксъ: «что такое? Вы намѣкнули, кажется, на смерть Джона Мейтона, странную смерть, непонятную, неожиданную смерть... Объяснитесь же, пожалуйста...»

— Будетъ время, будетъ время, мистеръ Кноксъ! отвѣчалъ хладнокровно и необернувшись мистеръ Ибоке. Мы и безъ того нагрѣшили съ вами, потому что поторопились слишкомъ.

«Да кто же, какъ не вы, виновать въ этомъ?» перебилъ мистеръ Кноксъ, схвативъ за-руку мистера Ибоке: «зачѣмъ было втраивать другихъ? Зачѣмъ начинать рассказывать?»

— Я не ожидалъ грѣховныхъ послѣдствій, мистеръ Кноксъ; я думалъ, что мысли ваши далеки отъ всего мірскаго, что во время молитвы вы спокойно выслушаете горестную вѣсть, что вамъ живо представится судьба Іова, и что, по слѣдамъ святаго многострадальца, вы съ твердостью перенесете ваше горе, потому и рѣшился именно въ эту минуту быть вѣстникомъ этого горя.

«Не мучьте, не мучьте хоть теперь меня, мистеръ Ибоке!» перебилъ жалобно мистеръ Кноксъ: «расскажите подробно, расскажите все, что вы знаете о Джонѣ Мейтонѣ. Вѣдь онъ мнѣ не чужой; хоть жена моя и умерла, оставила меня вдовцомъ, а я всё-таки помню, что она была сестра Джона Мейтона... Расскажите, мистеръ Ибоке...»

— Умножить грѣхъ грѣхомъ! Нѣтъ, мистеръ Кноксъ, исполнимъ прежде мѣру наказанія за первый, усѣнемъ

еще нагрѣшить вторично... Я вижу, какъ вы мало при-
готовлены къ несчастью, которое ожидаетъ васъ...
О, мистеръ Кноксъ! дурной вы Христианинъ...

«Жестокій вы человекъ, мистеръ Ибоке!...»

— Я ревнитель и строгій накатчикъ, какнѣтъ и вы
должны быть.

«Не былъ бы я имъ никогда, но умри только жена
моя, мистеръ Ибоке...»

— Вы снова грѣшите, мистеръ Кноксъ...

«Вы меня томите, мистеръ Ибоке...»

— Вы будете мнѣ благодарны послѣ, мистеръ Кноксъ.

«Да когда же это будетъ, мистеръ Ибоке?...»

— А какъ вернемся къ вамъ, мистеръ Кноксъ, изъ
бумажнаго моего амбара...

«Да гдѣ же вашъ амбаръ?...»

— А вотъ не далеко. Немного осталось до полови-
ны дороги...

«До половины только еще?» въ ужасѣ воскликнулъ
мистеръ Кноксъ.

— Да, до половины, отвѣчалъ хладнокровно ми-
стеръ Ибоке.

«И потомъ еще ко мнѣ?...»

— Да, и потомъ еще къ вамъ, и съ тюкомъ....

«Съ тюкомъ!»... повторилъ ирачно мистеръ Кноксъ
и замолчалъ на всю дорогу.

Весело рѣзвилась малютка Райя въ своей учебной
комнатѣ. Ей было не до уроковъ и не до учителя. Чте-
то особенное привлекало ее къ замочной щелкѣ двери

сосѣдной комнаты, и каждый разъ громкій хохоть за-
ключалъ эти невинныя выходки дѣтскаго любопытства
и, вѣроятно запрещеннаго, подсматриванья. Подкрадется,
взглянетъ, отбѣжитъ и засмѣется, да такъ мило, такъ
безпечно, какъ только могутъ смѣяться дѣти въ ея
лѣта; вотъ чѣмъ занималась Райя болѣе уже полчаса.

Въ той же самой комнатѣ сидѣлъ человѣкъ лѣтъ
двадцати-трехъ, средняго роста, пріятной, но задум-
чивой наружности, въ простой вѣньковой блузѣ арти-
ста и поправлялъ за учебнымъ столомъ небольшой ри-
сункъ своей ученицы, маленькой Райи. Снисходитель-
но смотрѣлъ онъ на ея дѣтскую шалость; но въ этой
снисходительности не было того холоднаго, продажнаго
невниманія, которое составляетъ иногда отличи-
тельную добродѣтель учительской касты. «Хоть ходи на
головѣ, лишь бы платили за урокъ» — такъ думаютъ
по-часту нѣкоторые изъ велемудрыхъ образователей
юношества; но Робертъ Фультонъ не былъ изъ числа
нихъ. Оставляя по временамъ свой карандашъ и скре-
птивъ по привычкѣ руки на груди, онъ не сводилъ
глазъ съ своей шалуни-ученицы, и необыкновенно до-
брое чувство, хотя подернутое обычною задумчиво-
стью, выражалось въ его взорахъ. Но доброта Роберта
Фультона шла и дальше еще: изъ снисходительнаго, за-
думчиваго зрителя шалостей Райи, онъ иногда дѣлался,
хотя разсѣяннымъ, машинальнымъ, но все-таки уча-
стникомъ въ нихъ.

Въ одно изъ обратныхъ путешествій отъ замочной
щелки, маленькая Райя вдругъ вскрикнула, но безъ смѣ-
ха уже, а напротивъ, съ сожалѣніемъ: «Бѣдная тетинь-

ка! что это съ ней случилось? Посмотрите, мистеръ Фультонъ! посмотрите: вотъ уже съ пол-часа какъ она прыгаетъ на одной ножкѣ и все на большой левой ножкѣ... Она устала бѣдненькая...»

И миссъ Райя, подбѣжавъ къ мистеру Фультону, потащила его силою къ двери.

«Посмотрите, мистеръ Фультонъ, посмотрите сами...»

Фультонъ нагнулся какъ-будто-бы за дѣломъ, уставилъ глаза въ замочную щелку и точно увидѣлъ миссъ Мейтонъ въ самомъ разгарѣ ея фанатическаго попытанія. Потъ лился градомъ съ мнимой грѣшницы; захватившись, не перемѣняя ногъ, то ускоряя, то сдерживая свои прыжки, она смотрѣла безпрестанно въ окошечко и ждала появленія мистера Кнокса, съ отчаяннымъ нетерпѣніемъ. Боль и страданія, убѣжденіе, что она дѣйствительно виновата, и, наконецъ ожиданіе, что скоро должно кончиться ея тяжкое наказаніе, — всѣ эти ощущенія выражались ясно на ея лицѣ. Ну, если бы во всему этому да знала еще миссъ Мейтонъ, что за ней подсматриваютъ, что бы тогда было?... А уже болѣе десяти минутъ продолжались наблюденія мистера Фультона, во время которыхъ миссъ Райя не переставала бѣгать около него, повторяя безпрерывно шопотомъ: «что, мистеръ Фультонъ?... видите ли?... я не обманула васъ... а? не обманула...»

Вдругъ на лѣстницѣ послышался шумъ; что-то тяжелое упало на-поль, а вслѣдъ за шумомъ изъ передней вошли мистеръ Кноксъ и мистеръ Ибоке. Въ ту же минуту растворилась дверь комнаты миссъ Мейтонъ;

она хотѣла-было выбѣжать на встрѣчу къ братцу и гостю, но не тутъ-то было. Мистеръ Фультонъ ткнулся головой къ ней въ брюхо, остановилъ ее, остановившись самъ такъ какъ былъ, въ согнутомъ положеніи.

«Что это значитъ? что съ вами, мистеръ Фультонъ? Вы невѣжа! наглець! вы ушибли меня... что это такое?...»

И сильнымъ толчкомъ въ плечо, миссъ Мейтонъ выпрямила смущеннаго, покрасѣвшаго до ушей мистера Фультона.

«Что вы дѣлали у двери, мистеръ Фультонъ?... А? что дѣлали вы? Говорите... Вы подсматривали, подглядывали, подслушивали?... Хорошъ учитель, хорошъ наставникъ! Хоть бы постыдился вы, хоть бы взглянули на свою ученицу, хоть бы съ нее брали примѣръ въ скромности... Посмотрите... Посмотрите...»

Мистеръ Фультонъ обернулся машинально къ учительскому столу — и покрасѣлъ еще больше. Скромна и тиха, водой не замути, сидѣла Райя съ карандашомъ въ рукахъ и занималась своимъ дѣломъ, какъ-бы ни въ чемъ не бывала.

«Что вы скажете, мистеръ Фультонъ?... А?... Да скажите же хоть слово въ оправданье ваше... Нѣтъ его?... погодите же, я раздѣляюсь съ вами! я дамъ вамъ подсматривать за мною, дѣлать соблазны въ честномъ домѣ накатчицы!...»

И оттолкнувъ еще разъ мистера Фультона, потому что онъ хоть и выпрямился, а всё-таки еще стоялъ

на дорогѣ, миссъ Мейтонъ, съ своей обычной, походной, подошла къ мистеру Кноксу и мистеру Ибоке.

«Что это такое, сестрица? Что за шумъ? спросилъ мистеръ Кноксъ, и потомъ обратившись къ мистеру Ибоке, сталъ извиняться передъ нимъ: «Простите, простите! маленькое разстройство, безпорядокъ, простите, патруль. Милости просимъ; вотъ сюда направо, въ столовую; а вы, сестрица, распорядитесь о завтрашнѣ и приходите сами выслушать исторію о нашемъ важномъ семейномъ несчастіи, да приводите съ собою Райю: она будетъ лишняя; не правда ли, мистеръ Ибоке?..»

— Менѣ чѣмъ что-либо, мистеръ Кноксъ...

«Пойдите же, мистеръ Ибоке.»

— Не угодно ли вамъ впередъ? Я за вами...

И общими вошли въ трапезную. Миссъ Мейтонъ отправилась тоже по хозяйству, мистеръ Фультонъ на прежнее мѣсто.

«Кто этотъ молодой человѣкъ, который такъ неосторожно прогнѣвилъ вашу сестрицу?» спросилъ мистеръ Ибоке, усаживаясь въ большія, покойныя кресла.

— Учитель нашей маленькой Райи, мистеръ Ибоке.

«А вы ее учите развѣ, мистеръ Кноксъ?» продолжалъ мистеръ Ибоке, откашливаясь съ важностью и пододвигая къ себѣ плевальницу. — роскошь домашней жизни накатчиковъ: «А правило нашего устава, мистеръ Кноксъ, не учить ни читать, ни писать дѣтей нашей общины, — вы позабыли про него?»

— Да вѣдь еще будетъ, или нѣтъ Райя накатчицей — это неизвѣстно, мистеръ Ибоке . . .

«Плохой же вы ревнитель, мистеръ Кноксъ, если это не рѣшено давнымъ-давно вами.»

— Принужденья не терпитъ наша община . . .

«А взбалмошной свободы дѣтямъ, чтобъ они дѣлали что хотѣли, еще менѣе. Не сама ли Райя нашла себѣ и учителя? . . .»

— Никакъ нѣтъ — съ, мистеръ Ибоке; на то была воля отца ея, Джона Мейтона.

«Ну, такъ было бы вамъ извѣстно, мистеръ Кноксъ,» перебилъ съ важностью мистеръ Ибоке: «что этой воли больше уже нѣтъ, что я распорядитель судьбы Райи, и что я не хочу поощрять нарушеніе правилъ нашего общества, и потому — чтобъ этого учителя не было.»

— Да это учитель рисованья . . .

«Рисованья? а зачѣмъ оно?»

— Послушайте, мистеръ Ибоке! А для узоровъ матерій, ситцевъ, ковровъ, тесемокъ, лентъ, которыя дѣлаются на нашихъ фабрикахъ? для рисунковъ мебели, въ томъ числѣ и этихъ плевальницъ, которыми мы можемъ похвастать — не угодно ли полюбоваться?.. Наконецъ, для плановъ и проектовъ машинъ и даже цѣлыхъ мануфактурныхъ заведеній, на которыхъ основывается все благосостояніе нашей общины? Кому же, мистеръ Ибоке, этотъ учитель, мистеръ Робертъ Фультонъ — другъ и пріятель нашего главнаго изобрѣдника, мистера Буля, и . . .

«Мистера Буля?» . . . перебилъ мистеръ Ибоке: «такъ вы бы такъ давно и сказали!»

— Но...

«Да что за но? ... Пригласите и его сюда къ завтраку...»

— Но онъ не родня намъ, и потому...

«И потому пригласите его!» перебилъ снова мистеръ Ибоке: «при объявленіи моего дѣла необходимы и посторонніе свидѣтели.»

Мистеръ Кноксъ отправился и вернулся съ Фультономъ и Райею. Вслѣдъ за ними вошла и миссъ Мейтонъ съ двумя неграми, которые внесли завтракъ.

Скоро столъ, стоявшій по-серединѣ комнаты, покрылся множествомъ блюдъ, разнообразіе и многочисленность которыхъ понятны въ Нью-Йоркѣ, гдѣ одной рыбы, годной въ пищу и лучшаго вкуса, до осьмидесяти сортовъ, не говоря уже о дичи, овощахъ и фруктахъ, которыми полны сады и огороды любого нью-йоркскаго жителя. Взглянувъ на этотъ завтракъ, и насчитавъ до двадцати полныхъ блюдъ и соусниковъ, можно было сдѣлать одинъ только нескромный вопросъ: если это завтракъ, что же такое обѣдъ нью-йоркскаго наватчина?... И мистеръ Ибоке, пододвигаясь къ столу, не выдержавъ, чтобы не сдѣлать замѣчанія, въ родѣ этого вопроса, но болѣе шутивыиъ, чѣмъ упрямительныиъ тономъ: «позвольте, миссъ Мейтонъ! да всеобщина Лебанона не съѣстъ того, что вы изъ усердія приготовили намъ, — а тамъ до семи-сотъ человекъ обѣдниковъ!»

— Они вмѣстѣ и на мѣстѣ, мистеръ Ибоке; а мы отбившіяся овцы отъ стада: такъ надобно быть готову на все; можетъ случиться, что, вмѣсто трехъ, придутъ

двадцать общниковъ, — тогда некогда ужъ будетъ поправлять дѣла и хозяйничать.

«Справедливо и гостепріимно, миссъ Мейтонъ!» прибавилъ мистеръ Ибоке, и положилъ себѣ полную тарелку шведскаго, или такъ-называемаго соуса изъ рыбы, вареной въ молокѣ съ картофелемъ.

— А вы что же, мистеръ Фультонъ? спросилъ мистеръ Кноксъ: безъ церемоній, милости просимъ.

«Мистеръ Фультонъ церемонится только при людяхъ, а одинъ...»

— Полноте, полноте, сестрица! вы вѣчно нападаете на нашего пріятеля...

«Хорошъ пріятель...»

— Сестрица, я васъ прошу...

«Братецъ...»

— Перестаньте, сестрица...

И мистеръ Кноксъ, положивъ и Фультону и миссъ Мейтонъ по крылу дикой утки, подаль имъ тарелки, какъ-бы думая кускомъ канваса-бакъ (canvas-bag) ободрить перваго и зажаты ротъ второй, словомъ, прекратить вначалѣ возобновеніе непримиримой ссоры.

«Напрасно не на одну тарелку» замѣтилъ съ провнческой улыбкой мистеръ Ибоке: «у Индійцевъ одна смоква, съѣденная по-поламъ, прекращаетъ всѣ распри.»

— И у насъ крылья отъ одной утки... возразила смѣясь миссъ Мейтонъ: ахъ, какой вы шутникъ, мистеръ Ибоке!... Вѣдь мы Христіане, а не идолопоклонники-Индійцы...

«Справедливо! справедливо, миссъ Мейтонъ!» пере-
Фультоновъ.

былъ торжественно мистеръ Ибоке: «не слѣдуетъ намъ брать съ нихъ и примѣра...»

— А какіе добрые эти Индійцы! вдругъ вскрикнула Райя, до-сихъ-поръ молчавшая и занятая болѣе блюдомъ ананасовъ, чѣмъ общимъ разговоромъ: вчера приходилъ одинъ Индіецъ отъ папеньки и принесъ мнѣ на память вотъ это колечко, — такой добрый этотъ Индіецъ, такой ласковый... А гдѣ же папенька?...

Ударъ грома въ ясную погоду былъ бы не такъ ошутителенъ и неожиданъ, какъ этотъ вопросъ невиннаго ребенка для ушей собесѣдниковъ. Всѣ вспомнили, что собрались вовсе не за тѣмъ, чтобъ болтать о вздорахъ и завтракать, что у однихъ былъ тяжкій вопросъ на сердцѣ, у другаго отвѣтъ тоже не слишкомъ — то легкій. Всѣ умолкли, взглянули другъ на друга и ждали, кто первый приступитъ къ дѣлу. Но мистеръ Ибоке тотчасъ же сообразилъ, что самое лучшее въ его положеніи, отвѣчать на громъ громомъ и поразить отвѣтомъ, какъ озадачили его вопросомъ. Онъ съѣжился какъ-то судорожно, впился глазами въ Райю и заговорилъ съ нею отрывисто:

«А вотъ ты хвалишь, Райя... хвалишь кого же? Индіецевъ?... Это первые разбойники, людоеды, кровошійцы. Они всѣхъ убиваютъ, убиваютъ безъ пощады. Вотъ и твоего папеньку тоже они убили...»

— Убили?...

«Да, Райя, убили... а ты ихъ хвалишь... Онъ повезъ имъ вотъ такихъ же колечекъ, ножичковъ, серёжекъ, какъ и тебѣ привозилъ нѣсколько разъ; ты его любила за это, а они, Индійцы, убили его.»

Последнее роковое слово было повторено не для бѣдной невинной слушательницы. Опустивъ голову на грудь, она безъ чувствъ почти готова была скатиться со стула; но Фультонъ поддержалъ ее, взявъ на руки и вынесъ въ спальню миссъ Мейтонъ.

Разъ на большой дорогѣ, мистеръ Ибоке не оставался уже. Обращаясь то къ мистеру Кноксу, то къ миссъ Мейтонъ; онъ разсказалъ подробно всѣ обстоятельства выдуманной имъ смерти Джона Мейтона, со всеми прикрасами ужасовъ и мнимаго звѣрства Индѣйцевъ.

Расчитывая на тяжкую болѣзнь Джона Мейтона, которая могла кончиться смертью, мистеръ Ибоке лгалъ безщадно, и смѣло хоронилъ уже его въ брюхѣ людоеда-Гурона. Зная въ то же время, что если бы больной сверхъ ожиданья выздоровѣлъ и возвратился, то всё-таки выпутаться изъ дѣла не трудно: стоило только прибѣгнуть къ обыкновенному оружію въ подобномъ случаѣ — къ слухамъ, на этотъ разъ, къ-счастію, ложнымъ... Такъ сообразилъ все мистеръ Ибоке и кончилъ свой выдуманный разсказъ тѣмъ, что, по его догадкамъ, главнымъ участникомъ въ этомъ преступленіи долженъ быть тотъ самый Индѣецъ Сасантаръ, съ которымъ былъ такъ друженъ Джонъ Мейтонъ, и который подарилъ колечко миссъ Райъ.

«Въ этомъ почти нельзя сомнѣваться, потому что честному человѣку ни бояться, ни бѣгать нечего, — а онъ бѣжалъ нынче ночью изъ моего дома: такъ, знаете, для того ужь, видно чтобъ и концы въ воду...»

— Да зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ? замѣтилъ ми-

стеръ Кноксъ съ недоувѣрчивостью: ему бы ужь лучше и не возвращаться...

— Эхъ, братецъ! какъ вы этого не понимаете? перебила миссъ Мейтонъ: ну, длятого, чтобъ уничтожить всякое подозрѣнiе...

«Именно! именно, миссъ Мейтонъ! вы совершенно справедливы: длятого, чтобъ уничтожить всякое подозрѣнiе» повторилъ мистеръ Ибоке, восхищенный неожиданнымъ посредничествомъ миссъ Мейтонъ; и чтобы скрыть свое неумѣство и слишкомъ ясно обнаруженное восхищенiе, принялся жевать ананасъ.

— И это, напримѣръ... замѣтила въ раздумьѣ одобренная миссъ Мейтонъ: зачѣмъ бы ему приходить сюда, разговаривать съ Райей, дарить ей колечки?... Ужъ и ее не хотѣлъ ли онъ также убить... убить невиннаго ребенка!...

«Вѣроятно! вѣроятно, миссъ Мейтонъ!» прибавилъ поспѣшно мистеръ Ибоке. Индiйцы злы. Это сущiе тигры: увидятъ одну кровь — хотятъ другой... Опять вы совершенно справедливы, миссъ Мейтонъ...

— И не случись тутъ негровъ нашихъ, Касторки и Пижонки — простились бы съ Райей!

«Точно, точно, миссъ Мейтонъ! не случись Касторки и Пижонки, простились бы съ Райей...»

Ахъ, ты, моя голубушка! да что же ее ожидало!

«Ужъ не говорите, миссъ; помиловала только Богъ.»

— И теперь жаль бѣдную: сирота-сиротой; а тог...

«Нѣтъ, нѣтъ, миссъ Мейтонъ! вотъ съ этимъ ужъ я не согласенъ: она не сирота; вы ей мать, мистеръ Кноксъ отецъ, а я, съ вашего позволенiя, ея благодѣтель...»

— Благодарствуй! патрунъ!...

«Во всемъ, во всемъ, миссъ Мейтонъ, что ни принадлежитъ только общинѣ; вы знаете правила нашего устава... Жаль, что вышелъ посторонній человѣкъ, а то бы онъ былъ свидѣтелемъ моей клятвы...»

— Я позову его. Мистеръ Фультонъ! мистеръ Фультонъ!...

«Не безпокойтесь, миссъ Мейтонъ; мы устроимъ все это формально, актами, скрѣпимъ подписями, а теперь оставьте это такъ, какъ есть. Мы всѣ разстроены, въ волненіи, неспособны, словомъ, ни къ какому христіанскому подвигу...»

И мистеръ Ибоке закашлялся и протянулъ объ руки къ графиню съ мадерой. Услужливая миссъ Мейтонъ предупредила желаніе гостя, и наливъ полный стаканъ вина, подала его изъ собственныхъ рукъ откашлившемуся уже патруну.

Совѣщанія и завтракъ кончились разнаго рода соображеніями о томъ, какъ бы лучше устроить судьбу Райи, какого рода дать ей воспитаніе, образованіе и назначеніе. Мистеръ Кноксъ стоялъ на томъ, чтобы самья независимыя. Миссъ Мейтонъ гнула и мѣрила все на аршинъ ихъ общины. Мистеръ Ибоке явился примирителемъ и рѣшилъ, что пока довольно и одного учителя рисованья, прося убѣдительно прислать его къ себѣ для необходимыхъ и особенно важныхъ наставленій.

«Сначала довольно и этого, а потомъ сообразимъ и прибавимъ еще что-нибудь съ общаго совѣта» говорилъ мистеръ Ибоке, раскланываясь и прощаясь съ мисте-

ромъ Кноксомъ и миссъ Мейтонъ. Счастье ближняго веселая игрушка, когда она въ рукахъ добрыхъ людей: чего не придумаешь и не придѣлаешь, чтобъ она была еще милѣе и заманчивѣе?...

Выходя, въ передней, мистеръ Ибоке вдругъ наткнулся на тюкъ хлопчатой бумаги и остановился въ раздумьи; потомъ улыбнулся, отворилъ дверь, и перемѣнивъ снова ласковый тонъ на строгій, кликнулъ мистера Кнокса.

«Мистеръ Кноксъ! пожалуйста сюда. Развѣ здѣсь мѣсто тюку испытанья? Развѣ здѣсь магазинъ общины? Развѣ исполнилась мѣра вашего наказанія?»

— Я отнесу послѣ, мистеръ Ибоке...

«Какъ? Солнце взойдетъ на полдень и застанетъ еще васъ во грѣхѣ вашемъ?...»

— Неужели же нести?...

«А правила устава...»

— А мнѣ! а мнѣ! спросила торопливо подбѣжавшая миссъ Мейтонъ.

«Прыгать!» отвѣчалъ торжественно мистеръ Ибоке.

— Опять прыгать?...

«Необходимо, миссъ; иначе не взыщется и предстоящій намъ подвигъ благотворительности.»

И чуть не прыгнувъ со смѣху, мистеръ Ибоке повернулъ отъ двери и вышелъ изъ передней въ сопровожденіи мистера Кнокса, навьюченнаго уже тюкомъ.

Въ сильномъ волненіи ходилъ Фультонъ по своей маленькой комнатѣ взадъ и впередъ, задѣвая безпре-

станно то за стулъ, то за уголь рабочаго стола. Какая-то тяжкая, новая, несроднившаяся еще съ нимъ мысль волновала его, и будь онъ человѣкомъ суевѣрнымъ, можно было бы подумать со стороны, что дурной сонъ пригрезился ему ночью. А есть именно эти мысли, которыя хуже всякаго домоваго тѣснить грудь, кипятятъ кровь, охватываютъ мозгъ и пережигаютъ его мгновенно, даже иногда клеймомъ безумія... О! не дай Богъ этихъ мыслей! но ежели эти мысли добрыя, то дай ты ихъ Господи по-больше!...

Извѣстно было одно, что Фультонъ, вернувшись наканунѣ изъ дому мистера Кнокса послѣ непріятнаго карамболя съ миссъ Мейтонъ и горестнаго извѣстія о смерти отца маленькой Райи, былъ очень разстроены. По разсѣянности, которая и втянула его въ бѣду, онъ позабылъ скоро о первомъ; но второе обстоятельство тревожило его сильно и не обошлось безъ слезъ: онъ страдалъ душою за бѣдную малютку, любя ее, какъ родную сестру, и нѣсколько разъ даже посылалъ своего негра, Цезаря, освѣдомляться объ ней; но получивъ наконецъ удовлетворительный отвѣтъ объ ея здоровьи, успокоился и занялся своими механическими чертежами, планами, проектами, и проработалъ далеко за-полночь. Занятія были обыкновенныя, не въ первый разъ. Какъ хорошій рисовальщикъ, Фультонъ, не ограничиваясь одною пріятною стороною своего искусства, искалъ и матеріальной, технической въ немъ пользы: чертилъ, изобрѣталъ новыя орудія, обрабатывалъ рисунки машинъ, фантазировалъ съ карандашомъ въ рукѣ, въ порывѣ своего воображенія мечталъ можетъ

быть о рычагѣ, которымъ повернулъ бы свѣтъ. Для умной, ученой, пылкой головы Фультона все было доступно и возможно; но наконецъ, всё-таки утомившись, легъ спать, какъ это водилось и прежде, проснаться спокойно и вѣроятно самъ никакъ не ожидалъ проснуться встревоженнымъ; но что такое ожиданія чловѣка?... Онъ легъ обыкновеннымъ рисовальнымъ учителемъ Фультономъ, а проснулся...

Въ сотый разъ уже счетомъ Фультонъ окружилъ свою комнату, и только зацѣпивъ блузой за уголъ стола и разорвавъ ее отъ пояса до низу, остановился въ раздумьи. Но не разорванная блуза задержала его: онъ быстро окинулъ взоромъ груду рисунковъ и чертежей, разбросанныхъ по столу, взглянулъ на одинъ изъ нихъ пристально, потомъ схватилъ его обѣими руками и, дрожа всѣмъ тѣломъ, въ какомъ-то поэтическомъ восторгѣ закричалъ торжественно: «Открытія! открытія! Мистеръ Нечуръ! Цезарь! Райя! люди! цѣлый міръ! Открытіе!»

Нѣтъ, масса! нѣтъ! Воля твоя не пойду больше! кричалъ въ свою очередь въбѣжавшій Цезарь: эта сумасшедшая женщина миссъ Мейтонъ... Она разбила меня, прибила и приказала-было выкинуть за окошко за то, что я хожу часто спрашивать о здоровьи миссъ Райи. Да не ты ли же прика...

«Цезарь! Цезарь! все вздоръ... Открытія!...»

И Фультонъ, не выпуская изъ рукъ рисунка, бросился обнимать и цѣловать Негра.

«Понимаешь ли открытіе, Цезарь?... Не учитель уже больше, — я изобрѣтатель... я другъ че-

ловѣчества... я царь его... Понимаешь ли ты только Цезарь? — открытіе ...»

Негръ, опустивъ руки, съ самымъ безсмысленнымъ выраженіемъ лица стоялъ и смотрѣлъ въ изумленіи на своего господина.

«Что же ты молчишь, Цезарь? ... Что жъ ты не радуешься со мной? ... Посмотри сюда, посмотри ... Вотъ рисунокъ ... Вотъ эта лодка, судно, корабль, все что хочешь, безъ вѣтру, безъ весель, безъ парусовъ, Пойдетъ по рѣкѣ, по морю, по океану — вездѣ, всюду, куда угодно, куда захочу я ... А? ... понимаешь теперь? ...»

— Нѣтъ, масса ...

«Нѣтъ? ... не пойдетъ? ... Развѣ это невозможно?»

«Не знаю, масса ... не понимаю ...»

«А! ... не довольно еще ясно, не понятно .... Это справедливо, справедливо, Цезарь ... Благодарю за замѣчаніе! .. Надобно упростить механизмъ ... Надобно сдѣлать его для всѣхъ доступнымъ — такъ чтобы съ перваго взгляду каждый видѣлъ возможность парохода ... Справедливо, Цезарь ...»

И Фултонъ сѣлъ уже за рабочимъ столомъ и перетчивалъ съизнова рисунокъ.

— Онъ боленъ, онъ не выспался, — говорилъ выходя Цезарь: безъ весель, парусовъ и вѣтру лодка пойдетъ по морю ... и все это такъ по его каракулямъ ... Онъ съ ума сошелъ ...

И Цезарь вышелъ.

Черезъ нѣсколько времени вернулся Цезарь, и не одинъ, а съ докторомъ и натуралистомъ Нечюромъ, дру-

гомъ и товарищемъ Фультона, и показавъ молча пальцемъ на своего господина, пожалъ плечами и скрылся.

«Что жъ тутъ необыкновеннаго? Занять, какъ и всегда,» сказалъ спокойно мистеръ Нечюръ, и вынувъ огромную табакерку изъ боковаго кармана, понюхалъ табакъ своей особенной манерою. Въ этой манерѣ выражался весь характеръ мистера Нечюра, — характеръ человѣка, который во всемъ берегаетъ время и дорожитъ каждымъ лишнимъ движеніемъ. Онъ не вкладывалъ пальцевъ въ табакерку, а вкладывалъ самый носъ, для чего и табакерка его была устроена тоже особеннымъ образомъ, и при ея величинѣ совершенно походила на ловушку мышачью: крышка отворялась, или, правильнѣе сказать, поднималась не сверху, а сбоку, и когда табакъ было много, то носъ мистера Нечюра возвращался изъ своего путешествія не тѣмъ, какимъ предпринималъ его: изъ краснаго дѣлался коричневымъ и оставался въ этомъ видѣ до тѣхъ поръ, пока крупины табачныя не высыхали и не обсыпались сами: стирать ихъ мистеръ Нечюръ считалъ то же пустою тратой времени и лишнимъ движеніемъ. Чрезвычайно было также устройство и кармановъ, въ которыхъ пряталась табакерка. Это были два полу-круглые мѣшка, пол-аршина въ діаметрѣ, пришитые сверху къ гороховому сюртуку, безъ всякой церемоніи, съ самымъ грубымъ рубцомъ, безъ оторочки и пощады къ бѣлымъ толстымъ ниткамъ. Мистеръ Нечюръ нисколько не хлопоталъ о фасонѣ и акуратности, хвалился ихъ выносливостью и, какъ любитель и испытатель природы, торжественно наколачивалъ ихъ всѣмъ, что ни попадалось

ему въ его ученыхъ путешествіяхъ. Это былъ его подходящий натуральный кабинетъ рѣдкостей, между которыми чуть ли не замѣчательнѣйшею былъ самъ мистеръ Нечюръ.

На этотъ разъ мистеръ Нечюръ пришелъ прямо изъ дому, — слѣдовательно, съ одной только табакеркой въ карманѣ, прошелъ свободно въ двери, что не всегда бывало, и остановившись сзади Фультона, не кололъ и не щекоталъ его ни листьями драгонъверы, ни усамъ рака.

Болѣе получасу стоялъ мистеръ Нечюръ на одномъ и томъ же мѣстѣ, но Фультонъ не замѣчалъ его, углубившись въ детали чертежа своего. Нечюръ ждалъ пока обернется Фультонъ: Фультонъ не оборачивался и чертилъ профиль колеса гребнаго. Нечюръ рѣшился кашлянуть, Фультонъ не слышалъ. Наконецъ Нечюръ, не смотря на свое добродушіе и хладнокровіе, разсердился и сказалъ:

— Здравствуй, Робертъ!

« $FF'R$ составляетъ двойной круговой ободъ; b , ось колеса ... Теперь ясно ...»

Фультонъ положилъ рейсфедеръ и обернулся.

«А, здравствуй Нечюръ!»

И Фультонъ взялся снова за рейсфедеръ. Мистеръ Нечюръ сконфузился, не понималъ причины невнимательности друга и остался на прежнемъ мѣстѣ, въ прежнемъ положеніи, но не молча. Онъ заговорилъ тихо про себя и какъ-будто къ третьему лицу:

— Вотъ какъ нынче! и не обращаютъ вниманія на Нечюра ... Хорошо, очень хорошо! ... Когда онъ анатомировалъ эрцину, когда добывался, разглядывалъ

тайну превращенья этой бабочки, къ нему также приходили, и онъ Нечюръ бросалъ все, бросалъ диссекцію, наблюденья и кидался въ объятія друга ... а съ нимъ, съ Нечюромъ, какъ поступаютъ, какъ его встрѣчаютъ, какъ обращаются! ...

«Прости! прости меня, мой добрый Николай!» перешелъ Фультономъ, услышавъ наконецъ сѣтованья друга, которыя изъ *dolce voce* перешли уже въ *fortissime*: «я заработался ... задумался ... я, кажется, потерялъ голову, я сдѣлалъ новое открытiе...»

— Что?...

«Открытiе ...»

— Не такое ли же, какъ торпедо, которое такъ возмущало тебя и которымъ ты хотѣлъ поднять на воздухъ весь флотъ англійскій?... Но ты плачешь, Фультономъ? что съ тобою? Плачешь какъ ребенокъ, какъ и я не плачу никогда, даже и тогда, когда смотрю на хризолиду морфоса, моей любимой бабочки ... Успокойся, Робертъ, успокойся ... Ужь не прежняя ли мысль народоходства снова посѣтила тебя, старый грѣхъ, старый бредъ? а? Глупости, милый Робертъ, сущія все глупости..

И мистеръ Нечюръ, развеселившись, воткнулъ носъ въ табакерку.

«Что молчишь, Фультономъ? видно я угадалъ?»

И коричневый носъ, вмѣсто краснаго, вылезъ изъ табакерки. Фультономъ, ничего не отвѣчая, отошелъ отъ Нечюра, закрылъ лицо руками и, какъ приговоренный къ смерти, сталъ у стѣны.

«Эхъ Робертъ, Робертъ! когда ты бросишь эти игрушки, эти шутовскія попытки ума человѣческаго

перейти за границы возможнаго? когда ты разстанешься съ твоею натяжною, механическою природою и полюбишь настоящую?... За что губить даромъ время, свои способности, любовь къ наукѣ, къ ученымъ изслѣдованіямъ? Зачѣмъ напрашиваться самому въ ситишную толпу прожектёровъ, которые готовы на все, лишь бы удовлетворить только своимъ затѣямъ и несбыточнымъ предположеніямъ? Да, другъ мой, на все безъ преувеличенія жестокосердые люди! Они готовы пожалуй завести фабрики полотняныя и заставить въ нихъ ткать пауковъ вмѣсто обыкновенныхъ работниковъ; изъ прихоти замучить, истребить весь родъ этихъ милыхъ невинныхъ аранешковъ, вырвать цѣлое звѣно изъ цѣпи творенія! А ты, чувствительный, добрый Робертъ, самъ рвешься вступить въ эту вредную, бездушную касту палачей природы; самъ хочешь истреблять ...»

— Не истреблять, а возбуждать къ жизни хочу я силы природы, мертвыя дѣлать живыми — вотъ мое призваніе! ... перебилъ торжественно Фультонъ, и подойдя къ столу, сталъ собирать свои чертежи и рисунки.

«Еще хуже, милый Робертъ: это гордость, непростительная гордость. Повѣрь мнѣ, что мертво, то должно быть мертво. Если есть инерція въ природѣ, то она также необходима, законна, какъ и самая живая дѣятельность, и будить ее отъ сна вѣковаго трудно кому-нибудь...?»

— Трудно? ... Такъ я же разбужу ее! ... закричалъ Фультонъ, ударивъ кулакомъ по столу и вскочивъ съ своего мѣста. Мистеръ Нечюръ взглянулъ простодушно на своего друга и улыбнулся съ недоувѣрчивостію.

— Стысья, стысья, Николай! продолжалъ Фультопъ: но знай, что ты стысья надъ челоуькомъ, который говоритъ съ убьждениемъ, который видитъ возможность исполненія своего открытїа, видитъ цѣль его и знаетъ начало. Это не бредъ поэта, не философскїи камень алхимика, — это запавшая стихїа съ неба на пользу мїра, угаданная людьми, взелѣянная вѣками, примененная уже къ благу челоуьчества нашими предшественниками; но на мнѣ, можетъ-быть, лежитъ высокая обязанность раздвинуть въ мїровые предѣлы ея копрнше дѣятельности, и я раздвину!...

«Какъ? пары, игрушку, фокусъ, шарлатанскїа штуки — въ мїровые предѣлы!...» перебилъ въ первый разъ въ жизни разгорячившїи мистеръ Нечюръ.

— Были они, были прежде игрушкой, отвѣчалъ въ волненїи Фультопъ: но не теперь. Изобрѣтеня нашего вѣка и ученые подвиги Папина, Ньюкомена, Севери, Уата, доказали, кажется, это несомнѣнно. Возвращены, изслѣдованы, опредѣлены права и законы паровой силы; она признана могущественнѣйшею и замѣняетъ всѣ другїа силы, замѣняетъ и воду, и вѣтеръ, и животныхъ, словомъ, всѣхъ непрочныхъ помощниковъ труда челоуьческаго. Остается итти только по слѣдамъ великихъ поборниковъ парозобрѣтеня, не ограничиваясь его применениемъ къ одной только мануфактурной дѣятельности. Слишкомъ тѣсно для могучаго двигателя въ цилиндрѣ полезной, но всё-таки не болѣе какъ прядильной машины ... Не здѣсь, не здѣсь конечные предѣлы ея развитїа! Этой силѣ, этой самой по себѣ стихїи предстоитъ высшее назначенїе: ей суждено разрушить пре-

нѣтствія постоянного, вѣрнаго, быстрого сообщенія народовъ міра, сблизить нашъ новый свѣтъ съ старымъ, ускорить ходъ ума и дѣятельности человѣческой, разнѣять нравы, обычаи, открытія, просвѣщеніе страны съ странною, обуздать непокорную стихію, заковать цѣпями море ... И, Фультонъ, Фультонъ! на тебя кажется легло долгомъ исполненіе этого высокаго назначенія великой силы — ты изобрѣлъ пароходы...

Фультонъ умолкъ и, не сводя глазъ съ чертежа своего, утонулъ въ какомъ-то восторженномъ самозабвеніи.

Болѣе получасу продолжалось молчаніе Фультона. Мистеръ Нечюръ любилъ наблюдать не однѣхъ только букашекъ и бабочекъ. Онъ наслаждался и ловилъ искры мысли во взглядахъ, не высказанныя чувства на открытыхъ устахъ, — словомъ, любилъ слѣдить за переливами внутренней и внѣшней жизни въ себѣ подобномъ, и цѣлые годы готовъ былъ пожертвовать созерцанію природы и сущности чловѣка, ограничиваясь, можетъ-быть, не болѣе иногда какъ выраженіемъ только что лица. Выраженіе лица Фультона было прекрасно въ эту минуту: великая мысль и благородная гордость, высокое сознаніе собственного достоинства одушевляли его. — Фультонъ выросъ, Фультонъ похорошѣлъ; трудно было узнать въ Фультонѣ — изобрѣтателѣ вчерашняго, еще не далѣе, Фультона — рисовальщика... И мистеръ Нечюръ, забывъ даже и о своей табакеркѣ, не сводилъ глазъ съ Фультона.

«Пора тебѣ, масса, итти по урокамъ» сказалъ вошедшій Цезарь и мигнулъ съ самодовольной улыбкой мистеру Нечюру, въ полной увѣренности, что добрый

натуралистъ сладилъ уже все дѣло, уговорилъ не пускать лодокъ по водѣ безъ весель, парусовъ и вѣтру, а его не посылать къ миссъ Мейтонъ, не тратить время на глупыя каракули, и, наконецъ, не рвать блузы по-напрасу: словомъ, Цезарь былъ убѣжденъ, что всѣ его предварительныя просьбы къ мистеру Нечюру были уже исполнены. Но мистеръ Нечюръ молчалъ, не обращалъ вниманіе на негра, и не думалъ отвѣчать на его пригласительную улыбку.

Цезарь смутился и повторилъ свою фразу, но въ видѣ уже вопроса и далеко не тѣмъ тономъ: «Не пера ли тебѣ, масса, но урокамъ?...»

— Пора, да, пора ... отвѣчалъ Фультонъ, вставъ поспѣшно съ мѣста: нынче совѣтъ, разойдутся, могу опоздать ...

«А куда прикажешь приходить за тобою, масса? Къ мистеру Кюксу?»

— Да, къ мистеру Кадваладру ...

«Къ кому?» спросилъ въ изумленіи негръ.

— Къ мистеру Кадваладру, министру морскихъ силъ.

И Фультонъ только-что сбросилъ разорванную блузу, и съ чертежами тотчасъ же вышелъ изъ дому.

«Къ министру ... министру ...» бормоталъ про себя негръ: «къ какому это министру?»

Къ морскому, отвѣчалъ мистеръ Нечюръ: жаль только, что не бывалаго еще министерства ... И опустивъ руку въ карманъ за табакеркой, вышелъ вслѣдъ за Фультономъ.

Стрѣлой летѣлъ каюкъ Сасантара. Давно уже Гудсонъ изъ широкаго, безбрежнаго моря, сдѣлался тѣснымъ рѣзвымъ потокомъ; но быстрота его теченія не пугала сильныхъ рукъ Сасантара. Укрѣпленія Гейклендса, Вестъ - паунта мелькнули сѣрыми точками и уступили мѣсто грядѣ гранитныхъ скалъ, которыя въ свою очередь смѣнились лѣснымъ холмами и наконецъ равнинами. Какъ серебряные щиты богатырей лежали озѣра окрестъ величавой рѣки, и тысячи рукавовъ, одинъ другаго шире, красивѣе, мечомъ врѣзывались въ свѣтлую, дышащую ихъ грудь и соединяли ихъ съ рѣкою. Песчаные берега озеръ, купы разбросанныхъ сосенъ и елей, цвѣтущи лѣнъ и цѣлыя семейства пестрыхъ бабочекъ и свѣтящихся жучковъ, сливаясь въ одну массу, казались радужнымъ моремъ, волновавшимся вокругъ. Вдали синѣли лѣса Канады, за ними вершины снѣговыхъ горъ, и все это въ необъятныхъ размѣрахъ, въ рамкахъ необозримаго горизонта, подъ небомъ необыкновенной ясности и голубизны, при освѣщеніи заходящаго солнца, среди невозмутимой тишины воздуха. Сасантаръ круто повернулъ въ одинъ изъ рукавовъ, гдѣ течение было почти непримѣтно, сложилъ весла, скрестилъ руки и въ какомъ - то религіозномъ восторгѣ устремилъ взоры на заходящее солнце.

Напрасно думаютъ, что въ Индійцѣ, какъ вообще въ дикарѣ, нѣтъ сочувствія къ красотамъ природы: составляя еще неспорченное ея продолженіе, какъ родная ей стихія, онъ движется, живетъ по общимъ съ нею законамъ, любитъ ее какъ мать, отъ груди которой еще не отрывался, наслаждается ею чище и святѣе всякаго

Фултонъ.

♪

образованнаго челоѣка, и его воззрѣніе на природу — не пустое любонитство, не испытаніе, а обожаніе; его простое, безмолвное созерданіе есть уже молитва...

Солнце склонялось на западъ и, задвинутое мимолетными облакомъ, явилось въ видѣ золотой урны среди трехъ радугъ, изъ которыхъ послѣдняя почти касалась его диска. Урна эта приняла скоро видѣ самаго правильнаго овала, а радуги слились въ одно блестящее кольцо и оюясали его, въ видѣ кольца Сатурна; потомъ овалъ сталъ суживаться и рости въ колонну, потомъ краснѣть и раскидываться пурпуровымъ сводомъ и, наконецъ, бросивъ отъ себя въ послѣдній разъ міриады огненныхъ блестокъ на поверхность водъ и береговъ, исчезъ за горизонтомъ.

«Горній духъ! не отвращай навсегда твоихъ очей отъ земли! явись и завтра!» сказалъ торжественно Сасантаръ, опустилъ руки, взмахнулъ весломъ, выплылъ изъ рукава и снова полетѣлъ стрѣлою вверхъ по теченію Гудсона.

Наступала ночь, и тѣмъ становилось темнѣе, тѣмъ Сасантаръ дѣлался внимательнѣе и къ окрестностямъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, и къ тому, что лежало тяжелымъ, но по-видимому дорогимъ грузомъ для Индійца на противоположномъ концѣ каюка. Нельзя было не удивляться знанію мѣстности Сасантара, среди раскиданныхъ по теченію рѣки валуновъ и карчей, мелей и водоворотовъ, иногда цѣлыхъ каскадовъ, образуемыхъ въ разныхъ мѣстахъ капризнымъ, неровнымъ Гудсономъ. Каждый кустикъ, каждый выступъ берега служилъ уже вѣрнымъ указателемъ для Индійца: услы-

шавъ малѣйшій шумъ, онъ ухѣрялъ уже быстроту своего плаванья, бралъ то вѣтвь, то направо, входилъ въ рукавъ и, избѣжавъ такимъ образомъ или препятствiя, или даже опасности, вымывалъ снова въ рѣку, не переставая держаться ея направленiя къ предгорьямъ сѣвернымъ, откуда она вытекала.

Вдругъ въ противоположномъ концѣ каюка раздался стонъ, и за нимъ болѣзненный голосъ произнесъ едва внятно: «воды и воздуху...»

Сасантаръ слышалъ, причалилъ къ берегу, положилъ весла, подползъ къ своему живому еще грузу, открылъ плащъ, въ которомъ былъ завернутъ полу-мертвый Мейтонъ, привелъ его я, прислонивъ къ стѣнкѣ каюка, наполнилъ изъ рѣки пригоршней.

Одинъ мѣсяцъ, выплывшій уже изъ-за мрачныхъ тѣней прилежащихъ скалъ, былъ свидѣтелемъ добраго дѣла краснаго бѣлому и щедро сыналъ искры серебра на благотворительную руку Индiйца и полу-мертвое лицо страдающаго.

Сасантаръ поплылъ дальше.

«Братъ-бѣлый, закройся, если самъ сможешь, не то пособию я; сырость — смерть для больнаго.»

Молча, съ трудомъ завернулся Мейтонъ; Сасантаръ сталъ грести сильнѣе.

Ночь дѣлалась темнѣе, берега Гудсона круче и скалистѣе, водопады и водовороты опаснѣе, самые рукава, которыми объѣзжалъ Сасантаръ, отъ напора рѣки становились быстрѣе; но Сасантаръ и не думалъ объ отдыхѣ. Въ одинъ изъ объѣздовъ по прилежащему озеру, которое было покрыто множествомъ лѣсистыхъ остро-

вовъ, Сасантаръ замѣтилъ нѣсколько пустыхъ каюковъ и огни, мелькавшіе между деревьями. Довольно было этого открытія, чтобы удвоить вниманіе опытнаго Индійца. «Они!» подумалъ Сасантаръ, и прежде чѣмъ толпа дикарей, привлеченная шумомъ веселья, успѣла сбѣжать изъ лѣсу на встрѣчу къ товарищу, онъ прісталъ уже къ берегу.

«Откуда, Сасантаръ? что заоздалъ? съ чѣмъ пріѣхалъ? на долго ли?» спрашивали наперерывъ Индійцы, оступивъ земляка своего, и каждый спѣшилъ посоветить ему привязать каюкъ и вынуть изъ него Мейтона.

— Осторожнѣе, осторожнѣе, дѣти Ленапа! каждый волосъ этого человѣка дороже для меня жизни — онъ мой благодѣтель.

Огонь горѣлъ сильнѣе; Сасантаръ, обсушивая свои мокасины, сидѣлъ уже въ кружку товарищей и, по-временамъ, показывая пальцемъ на больного Мейтона, рассказывалъ его исторію. Вниманіе дикарей расло съ каждымъ словомъ; но когда Сасантаръ дошелъ до последней сцены въ погребѣ и описалъ всю безчеловѣчность поступка Ибоке, то многіе изъ дикарей не выдержали, вскочили съ мѣстъ и, замахавъ томгаунами, огласили лѣсъ обычнымъ крикомъ неистовства: «смерть! смерть духу зла! онъ хуже всякаго Гурона. Сасантаръ, веди насъ!..»

— Друзья мои, напрасно!

«Отчего? Развѣ съ нимъ нельзя сладить? раны у него сто рукъ, сто ножей, сто томгауковъ въ каждой рукѣ?»

— Нѣтъ, друзья — не то, не то: не сила и оружіе дѣлаютъ добро и зло среди бѣлыхъ; смыслъ и хитрость управляютъ всѣмъ, а передъ любимъ изъ нихъ всѣ наши красные съ прозвищемъ лисицъ и змѣй простѣе и добрѣе голубей и горлицъ. Горній духъ далъ имъ тѣло бѣлье и ху бѣлаго, онъ назначилъ имъ быть купцами, воннами, владѣльцами, даже земледѣльцами, но чужими руками только... Какъ псы ухаживаютъ они за своими женами, какъ волки обращаются съ своими невольниками, неутомимы, какъ бы крылья воршуна носили ихъ, жады, хотъ проглотить всю землю, многолюдны, какъ листья лиственницы. Горній духъ далъ имъ языкъ хитрѣ дикой кошки, сердце — то трусливѣ кролика, то смѣлѣ львиного; хитрость лисицы, руки длиннѣ лапъ мыши. Языкомъ своимъ они заговариваютъ уши Индійцевъ, за смѣлость платятъ даже долларами, хитростью приобрѣли всѣ блага земли, а руками охватили весь міръ, отъ соленыхъ водъ до большаго озера. Горній духъ далъ имъ много, но они хотятъ еще больше — таковы бѣлые... Есть и между ними тихіе, хотъ бы этотъ, продолжалъ Сасантаръ, указавъ на Мейтона: безъ клочки кроткой горлицы, кротче дѣвы Делаварки; но онъ одинъ изъ немногихъ, и судьба его, какъ видите, между своими братьями — не лучше тѣхъ черныхъ, что чернѣ медвѣдей лѣсовъ Канады — служатъ вѣчно бѣлымъ, трудятся какъ бобры и стонутъ въ неволѣ вмѣстѣ съ буйволами и пестрыми быками. Я сжался надъ нимъ, спасъ его, какъ онъ нѣкогда спасъ меня и сжался надо мною. Когда война съ Ирокойцами отняла у меня и домъ, и жену, и мать, когда

я самъ безъ приюта, безъ оружія, раненый едва притащился въ землю Энгисовъ, онъ призрѣлъ меня, укрылъ, согрѣлъ, вылечилъ и далъ наконецъ средства выгоднымъ торгомъ собрать васъ и отмстить врагу, отмстить смерть жены и матери... О! тогда еще поклялся я клятвой, которую слышалъ горній духъ, заплатить ему за добро добромъ, и заплачу, хоть бы это стоило мнѣ жизни; не даромъ я вамъ называлъ его моимъ благодѣтелемъ... Сасантаръ умолкъ, не сводя глазъ съ Мейтона, который въ половину въ забытьи, въ половину очнувшись, бредилъ прошедшимъ, повторяя безпрерывно то имя жены своей, то дочери.

Индіицы, считая этотъ бредъ молитвой или религіознымъ вдохновеніемъ, съ благоговѣніемъ внимали ему. Одинъ только Сасантаръ понималъ его тайный смыслъ и, не объясняя товарищамъ, въ душѣ ему сочувствовалъ.

Мистеръ Кноксъ не любилъ горя, да и кто жь его любить?... Надобно сказать, что и горе шло это: и за исключеніемъ развѣ только преждевременной смерти мистрисъ Кноксъ, онъ не зналъ ни утратъ, ни неудачъ, ни неприятностей. До-сихъ-поръ самое большое разстройство въ его жизни составлялъ неудавшійся яблочный пирогъ, или пролитая крышка сливокъ, но и этого роду несчастья предупредительность миссъ Мейтонъ всегда умѣла поправить и вознаградить чѣмъ-нибудь другимъ, да и самъ мистеръ Кноксъ просилъ ее одинъ разъ навсегда, что если и случится что-нибудь

подобное, такъ ужь не говорить ему. Послѣ такого предрасположенія къ безмятежной жизни и ненарушимо-му благополучію, можете себѣ представить, каково было мистеру Кноксу, въ одно время, въ одинъ день, въ одну минуту почти, услышать столько горестныхъ извѣстій и испытать даже на себѣ ихъ плачевныя послѣдствія. Слухъ о смерти свояка огорчилъ его; тупая грусть малютки Райи, которую онъ любилъ какъ родную дочь, возбудила въ немъ тысячу тревожныхъ опасеній, а эпитимья, наложенная общиной, и безпрестанныя жалобы миссъ Мейтонъ на боль въ лѣвой ногѣ, просто ужь доконали его. Кромѣ-того, сверхъ видимаго горя явилось и какое-то новое предубѣжденіе въ умѣ мистера Кнокса, что роковымъ случаемъ началась только цѣпь испытаній и наказаній, среди которыхъ пятипудовой тюкъ хлопчатой бумаги росъ мнѣмчскимъ камнемъ Сизифа. Положимъ, что мистеру Кноксу, какъ доброму христіанину, не приходила въ голову языческая метафора, но его спихивъ отъ того было не легче: онъ кряхтѣлъ, потягивался и ожидалъ всего дурнаго въ будущемъ. Во время ужина, мистеръ Кноксъ послѣ рыбы холодной не выпилъ обычнаго стакана мадеры; миссъ Мейтонъ напомнила ему о томъ, но худо сдѣлала: мистеръ Кноксъ смутился, поблѣднѣлъ и съ полнымъ убѣжденіемъ, что не къ добру случилось ему въ первый разъ въ жизни позабыть о мадерѣ, всталъ встревоженный изъ-за стола и вышелъ въ свою комнату. Еще грустиѣе сдѣлалось мистеру Кноксу: какъ сидѣть одному, въ своемъ кабинетѣ, тогда какъ другіе въ столовой и еще ужинають!... Мистеръ Кноксъ,

съ горемъ по-поламъ, вернулся, сълъ снова за столъ и принялся кушать ватрушки, хотя далеко не съ прежнимъ аппетитомъ и не сводя глазъ съ маленькой Райи.

Райя была блѣдна, молчалива и не по-дѣтски понимала всю тягость своего положенія, какъ сирота въ этомъ мѣрѣ грустила и горевала. Миссъ Мейтонъ, тоже отбросивъ тонъ и церемоніи привилегированной хозяйки дома, скучала и, по привычкѣ только, перекадывала непочатое блюдо «фруктовъ». Мистеръ Кноксъ, какъ уже извѣстно, ѣлъ безъ аппетита и съ участіемъ не сводилъ глазъ съ Райи. Одинъ только мистеръ Нечюръ, какъ пріятель и вмѣстѣ докторъ, приглашенный къ ужину, занималъ всѣхъ разговоромъ, обращаясь то къ хозяйну, то къ хозяйкѣ; но какъ всѣ его разсказы не шли дальше червяковъ и лягушекъ, а мистеру Кноксу было не до нихъ, какъ и миссъ Мейтонъ, которая въ-добавокъ еще боялась послѣднихъ, то всѣ краснорѣчивыя разсужденія ученаго мужа о болотныхъ атмосферологахъ оставались при немъ и нисколько не оживляли грустнаго общества.

Мистеръ Нечюръ обратился къ маленькой Райѣ:

«Миссъ Райя, любите ли вы бабочекъ?»

• — Люблю, мистеръ Нечюръ.

«Настоящихъ?»

— Нѣтъ, мнѣ ихъ жаль мучить, а крашенныхъ, изъ бумаги и соломы.

«Слышите, слышите, сестрица?» сказалъ съ участіемъ мистеръ Кноксъ: «крашенныхъ, изъ бумаги и соломы... Купите, завтра же купите ихъ Райѣ.»

— Если встрѣчу разнощика съ игрушками...

«Надобно встрѣтить, непременно встрѣтить...
Встрѣтите, сестрица...

Миссъ Мейтонъ, какъ ни любила тоже побаловать свою племянницу, но не безъ досады выслушала повтореніе требованія братца и, не возражая, схватилась съ оханьемъ и стонами за свою большую ногу.

«Понимаю, понимаю: у васъ болитъ нога, сестрица. Ну, такъ я самъ пойду и навѣрное ужь встрѣчу...»

И мистеръ Кноксъ съ улыбкой взглянулъ на маленькую Райю.

«А напрасно не любите вы настоящихъ!» продолжалъ мистеръ Нечюръ: «подъ стекломъ, въ ящичкѣ, въ порядкѣ, по родамъ и видамъ, это прекрасно. Да и какое же тутъ мученье — сидѣть на булавкѣ... Развѣ вамъ не объяснялъ вашъ учитель необходимости иногда маленькихъ обидъ этимъ милымъ животнымъ?»

— Никогда, мистеръ Нечюръ, да я и не повѣршла бы, что можно мучить и убивать для чего бы то ни было кого-нибудь. Это Индійцы такъ дѣлаютъ, мистеръ Нечюръ; они... они...

Малютка не досказала и, заплакавъ, спрятала головку въ платье миссъ Мейтонъ.

«Ахъ, мистеръ Нечюръ, вы вѣчно съ вашими бачками надѣлаете бѣды!...»

— Да нельзя же, мистеръ Кноксъ; польза науки...

«Послѣ объ этомъ, послѣ, мистеръ Нечюръ! вы напомнили Райѣ...»

— Опять-таки. Да хоть вы-то не напоминайте, сестрица...

«Братецъ!...»

— Не обижайтесь, сестрица. Вы знаете все... Займитесь пока ею, а мы пойдемъ на террасу. Я предупреджу мистера Нечюра насчетъ того... насчетъ смерти... насчетъ... Ахъ ты Боже мой! и меня сбили съ толку...

Дверь растворилась; вошелъ разстроенный, блѣдный Фультонъ.

— Ну, слава Богу! воскликнулъ мистеръ Кноксъ, обрадовавшись отъ души приходу Фультона: хоть одинъ свѣжій человекъ. Что новенькаго? Мистеръ Фультонъ, садитесь милости просимъ; ужинъ непочатой. Ну, что ваше открытiе? приняли ли его?...

«Отказали!...» мрачно отвѣчалъ Фультонъ и съ слезъ задумавшись за столъ.

— Отказали? повторилъ мистеръ Кноксъ.

«Вездѣ -- и назвали сумасшедшимъ...» продолжалъ Фультонъ.

— Я этого ожидалъ, прибавилъ Нечюръ: во-первыхъ, это невозможно...

«Довольно и перваго, если бы оно было справедливо!» перебилъ съ досадою Фультонъ: «и то не правда; возможно, но только не тутъ, а во всякомъ другомъ государствѣ, гдѣ лучше понимаютъ пользу и болѣе цѣнятъ трудъ ученаго. Да и что говорю я, какое еще это государство? Толпа торгашей... Просиулись тоже, дерутся, а посмотри — такъ и сами не знаютъ, точно ли возстали изъ-за дѣла свободы, или изъ однихъ только торговыхъ выгодъ. Такъ и тутъ: дуракамъ даешь возможность задушить всякую постороннюю коммерческую дѣятельность, даешь средства захватить въ руки все-

мирную торговлю — не слушаютъ, не понимаютъ, не знаютъ, знать не хотятъ... Привыкли ползать на своихъ каракатицахъ; сажай ихъ хоть въ воздушныя колесницы — не поѣдутъ, упрутся, потому что воздухъ не ихъ стихія... Сказали бы ужь лучше, потому что умъ и духъ изобрѣтенія не ваше достояніе...

Фультонъ разгорячился, ударилъ кулакомъ по столу, всталъ, но вставая опрокинулъ стулъ.

— Это что такое? закричала миссъ Мейтонъ и тоже вскочила съ мѣста: — куда вы это зашли, мистеръ Фультонъ? Въ таверну, въ рыбной рынокъ? а?... Вбѣжалъ какъ полоумный, хоть бы поклонился, хоть бы слово сказалъ пріѣтное, — раскричался, расходился, разбѣянился... Что это за обращеніе?... Кто научилъ васъ? кто вамъ далъ право вольничать не въ своемъ домѣ, стучать кулаками, ронять стулья?... Нѣтъ, ужь это слишкомъ ... Братецъ! Да что же это? вы молчите, братецъ!...

«Открытіе, сестрица; онъ сдѣлалъ открытіе.»

— Да что мнѣ до его открытія? Сумасшествіе! глупость, вздоръ!... И по-дѣломъ, если не приняли: отъ невѣжи, наглеца, можетъ ли быть что-нибудь путное?... Ну, что же, братецъ, что же вы? Такъ и оставите это дѣло? не вступитесь за вашу сестру, за приличіе, за честь и спокойствіе дома накатчика — нѣтъ? нѣтъ?... Такъ я же сама расправлюсь. Мистеръ Фультонъ, извольте идти вонъ. Да, да, вонъ... Эй! Кас-торка, Пижонка, люди, негры! кто тамъ? Сюда!... Идите же вонъ, мистеръ, идите... Не то, я должна буду прибѣгнуть...

И, не докончивъ угрозы, миссъ Мейтонъ схватила за руку Фультона и повела его къ двери.

Давно уже Райя, переставъ плакать, смотрѣла съ сожалѣніемъ на бѣднаго своего учителя и съ досадою на тетку; но послѣдняя выходка незаслуженнаго, грубаго изгнанія возмутила ее. Она вспомнила дружбу Фультона съ ея отцомъ, привязанность его къ ней, нѣжное, снисходительное участіе въ ея играхъ и шалостяхъ, и во дѣтскому, самому невинному духу рыцарства рѣшилась заступиться за своего учителя. Быстро встала она съ своего стула, подбѣжала къ Фультону, взяла его за другую руку и пошла вмѣстѣ съ нимъ къ двери.

«Ты куда, Райя?» спросила миссъ Мейтонъ, дрожа всѣмъ тѣломъ и остановившись.

— Съ нимъ, отвѣчала невинно малютка. — Папенька никогда не велѣлъ мнѣ разставаться съ вами; онъ хоть и умеръ, а я всё-таки его одного буду слушаться.

Послѣднія слова были обращены къ Фультону и сказаны такимъ рѣшительнымъ тономъ, что и мистеръ Кноксъ встревожился. Миссъ Мейтонъ хотѣла было выдержать характеръ, пугнувъ Райю приказаніемъ идти въ свою комнату; но мистеръ Кноксъ вступилъ наконецъ въ свои права хозяина, и прикрикнувъ въ свою очередь на сестрицу:

— Не ей, миссъ, не ей, а вамъ не угодно ли идти въ вашу комнату, въ амбаръ, въ чуланъ, на кухню, куда угодно...

«На кухню, братецъ?»

— Да, на кухню.

«Скорѣе въ адъ!» въ неистовствѣ простионала миссъ Мейтонъ и выбѣжала, ковыляя, изъ столовой.

Множество было причинъ, по которымъ миссъ Мейтонъ не благоволила къ Фультону: и его необходимость, и неумѣнье обращаться съ дамами, и несознаніе ея высокихъ достоинствъ, какъ искуснѣйшей хозяйки и кухарки, и наконецъ баловство малютки Райи; но самую главною изъ нихъ была неудавшаяся нѣкогда попытка пльвить жестокаго... Законная причина, и кто обвинить миссъ Мейтонъ? кто упрекнетъ ее въ несправедливости?... Сорока-лѣтнія, отцвѣтшія дѣвушки! вы крайней-мѣрѣ не дадите въ обиду вашей подруги, вы вѣрно за нее?...

Погода была прекрасная; все общество, за исключеніемъ разогорчившейся миссъ Мейтонъ, вышло, по обыкновенію, послѣ ужина на террасу насладиться свѣжестью вечерняго воздуха. Мистеръ Кноксъ, какъ-бы въ первый разъ почувствовавшій права и достоинства полнаго хозяина, развеселился необыкновенно и шутилъ съ мистеромъ Нечюромъ, смѣялся и подманивалъ его ѣхать въ лѣса Канады для ученыхъ наблюденій и пополненія его медицинской флоры. Въ противоположномъ углу террасы сидѣлъ Фультонъ съ своей защитницей и, не думая уже о неудачахъ дня и новомъ оскорбленіи миссъ Мейтонъ, утѣшалъ Райю, и болѣе, кажется, самого себя, разрѣшеніемъ тысячи вопросовъ, которыми закидывала его умная, острая и позабывшая тоже на время о своемъ горѣ, малютка.

«Мистеръ Фультонъ! мистеръ Фультонъ! скажите,

пожалуйста, отъ чего мускиты кусаютъ только пріѣзжихъ, а насъ нѣтъ?»

— Кусаютъ и насъ, да мы привыкли и не обращаемъ на это вниманіе.

«Нѣтъ! нѣтъ!» перебила Райя: «я какъ-то сидѣла съ нашей родственницей изъ стараго Йорка: ее такъ и облепили, меня хотъ бы одинъ тронулъ — отъ чего это?»

И, не давъ отвѣчать Фультону, Райя продолжала: «Эхъ, мистеръ Фультонъ! чѣмъ изобрѣтать ваши пароходы, вы бы подумали лучше о средствахъ противъ мускитовъ, скарбовъ и мышей, и повѣрьте, васъ бы и поняли и приняли бы ваше открытіе.

Не будь сдѣлано послѣднее замѣчаніе со всею наивностью ребенка, Фультонъ былъ бы готовъ обидѣться; но на этотъ разъ, взглянувъ на Райю, на ея дѣтское, невинное выраженіе лица, даже свромное участіе ребенка, высказанное въ глазахъ, онъ улыбнулся и, подыгрываясь подъ тонъ своей ученицы, отвѣчалъ шутя:

— Непремѣнно, Райя, сдѣлаю что вамъ угодно, уничтожу мускитовъ; только вы не напоминайте мнѣ о моихъ пароходахъ.

«Отъ чего?» спросила Райя, переимѣнивъ тотчасъ же тонъ шутливый на серьезный: «Отъ чего же? Развѣ я васъ обидѣла, обгорчила? развѣ вамъ непріятно говорить о пароходахъ, и отъ чего со мною только?... Бѣдная Райя! бывало прежде рассказывали тебѣ все, каждую бездѣлицу, каждую новость, а теперь... теперь... запрещаютъ... и...»

И Райя заплакала.

Фультонъ вскочилъ, какъ съ горячихъ угольевъ :

— Буду, буду, милая Райя, рассказывать по-прежнему, кричалъ онъ цѣлуя маленькія ручки своей ученицы : расскажу сейчасъ же, что хотите — о мушкетахъ, жукахъ, о пароходахъ, все, все что угодно; только не плачьте, не плачьте, милая Райя... Такъ о пароходахъ? Слушайте же...

Райя успокоилась. Фультонъ взялъ рабочую корзину, паломаль нѣсколько тростинокъ которымъ оплетена была терраса, сѣлъ снова на прежнее мѣсто и сталъ объяснять своей ученицѣ устройство парохода:

«Простая вещь, миссъ Райя. Положимъ, эта корзина основаніе парохода, какъ-бы основаніе корабля; вотъ это бока, вотъ это корма, это носъ. Здѣсь у кораблей большая мачта, отъ нея тысяча веревокъ, тысяча парусовъ, вѣтеръ дуетъ въ нихъ, и корабль идетъ. У меня на этомъ же мѣстѣ большая труба — вотъ эта камышина; но не отъ нее плыветъ пароходъ: это простая труба для дыму, какъ бы вывѣска — это пароходъ... Дѣло все внизу. Вотъ здѣсь котель; дайте вашъ наперстокъ... Ахъ, жаль что не миссъ Мейтонъ! какъ-разъ бы впору хотъ настоящему пароходу... Вотъ это котель, въ котлѣ вода, подъ котломъ огонь; вода кипитъ, какъ въ самоварѣ, наръ бьетъ клубомъ, летитъ, разлетѣлся бы — не тутъ-то было... Гдѣ ящичекъ для нитокъ?... Это золотникъ, это паровой ящикъ, тюрьма для пара, гдѣ паръ въ заточеньи, куда входитъ онъ, а выходитъ... Игольникъ! дайте игольникъ; развернемъ, — онъ выходитъ вотъ въ эту половину игольника: это цилиндръ. Въ немъ такой же вкладной, —

дайте другую половину: это норшень; тутъ... крышку долой! пожалуйста тростинку: это стержень; сверху другую, внизу третью: это коромысло; привяжемъ его къ... юрнеткѣ... куда не шло стекло... у насъ зато есть шатунъ; его прикрѣпимъ хоть къ вашей вертушкѣ или мотовилкѣ, какъ вы ее называете: это будетъ нашъ валъ; къ нему съ боковъ два круглые креста изъ камышу: это два колеса гребныя... Теперь къ дѣлу. Изъ котла паръ идетъ въ ящикъ, изъ ящика въ цилиндръ, рвется вылетѣть и толкаетъ норшень, тотъ стержень, стержень коромысло, коромысло шатунъ, шатунъ валъ, валъ колеса, и пароходъ пошелъ... Ту-ту-ту... какъ-бы тысяча весель и вѣтровъ двигали нмъ...»

— Ахъ, какая славная игрушка, мистеръ Фултонъ! подарите мнѣ ее!... закричала Райя, и выхватила изъ рукъ изобрѣтателя первый плодъ его изобрѣтенія — дѣдушку пароходовъ.

Фултонъ ничего не слышалъ, не видѣлъ и не чувствовалъ; слово «игрушка,» хоть и изъ устъ ребенка, какъ громомъ поразило его. Онъ грустно задумался, вздохнулъ и, опустивъ голову, пригорюнился.

«Да, прекрасная вещь!» сказалъ мистеръ Нечпоръ, подойдя къ столу и обращаясь къ мистеру Кноксу: «но жаль, что точно не болѣе, какъ игрушка.»

Фултонъ всталъ и, не простясь, ушелъ домой.

Во всю длину двора противъ задняго фасада дома, тянулся амбаръ мистера Ибоке — его домашнее глав-

ное складочное мѣсто, его сокровищница всего богатства и достоянія. Архитектура амбара была чисто голландская — если есть такой орденъ архитектуры; по-крайней-мѣрѣ наружный видъ зданія носилъ на себѣ всѣ слѣды еще альдермановской эпохи Нью-Йорка. Стѣны были каменные, раскрашенные подъ цвѣтъ кирпича съ бѣлыми полосками, въ равномъ разстояніи одна отъ другой; крыша съ выстувомъ и рядомъ зубцовъ острыхъ сверху и книзу; на крышѣ тысячи жируэтокъ съ разными изображеніями, начиная отъ пѣтуха до силуэта, кажется, самого хозяина, — словомъ, всѣ отличительные признаки амбара зажиточнаго купца голландскаго, на которые не разъ опиралась гордость мистера Ибоке, какъ на лучшія доказательства его не-жидовскаго происхожденія. Но душа этого заведенія, тайный ключъ къ нему, лучшій проводникъ во всѣ углы его и закоулки, былъ Робинъ, первый негръ Ибоке, сторожъ амбарный. Гордо окидывалъ онъ взоромъ непринужденнаго ему владѣнія, рассказывалъ о впускѣ и выпускѣ товаровъ, указывалъ и пересчитывалъ съ особенною важностью мѣшки корицы, манса и тростника сахарнаго, судилъ и рядилъ о прибыли и убыли хозяина, — коротче, распоряжался на словахъ чужимъ добромъ какъ-бы собственнымъ. Зато и берѣгъ его какъ свое собственное, вѣрнѣе и лучше всякой собаки, потому лучше, что въ его исправленіи должности было много доброй воли и охоты, что рѣдкость въ породѣ черныхъ. Но особеннымъ наслажденіемъ для Робина было спать въ томъ же самомъ амбарѣ, и его ложе, его мѣсто торжест-

веннаго отдыха — былъ уголь съ тюками хлопчатой бумаги. Кого, казалось, не испугали бы желѣзные обручи, въ которыхъ, какъ въ шнуровкѣ, затягивались толсто-брюхіе франты, всякій остановился бы или слѣзь по-крайней-мѣрѣ испытать ихъ каменную твердость: но Робинъ прощалъ имъ этотъ недостатокъ, зато любовался ихъ гладкостью и увлекался просторомъ. Укладывался Робинъ тоже не даругъ: войдя въ амбаръ прежде всего онъ выбиралъ именно одинъ изъ тюковъ, болѣею частию не высокій, но непременно всякій день другой, и, зная ихъ всѣхъ на-перечетъ, и мѣсто, гдѣ стоялъ каждый, онъ дѣлалъ это павзустъ, какъ-бы пробуя иногда самого себя, угадаетъ ли счастливаго избраницка и попадетъ ли на него прямо. Потомъ взлѣзалъ на рядъ другихъ тюковъ, забивался въ самый отдаленный уголь и оттуда уже начиналъ переваливаться, покатываться съ тюка на тюкъ, безопасно, роскошно, съ зажмуренными глазами, съ пріятнымъ замираніемъ сердца, съ упоеніемъ, словомъ, какого не доставили бы ему и семь кроватей Магометова рая, до предназначеннаго заранѣе тюка. Тутъ Робинъ обыкновенно успокоивался, пробовалъ заснуть и, если не спалось, то снова начиналъ, тѣмъ же порядкомъ, отъ противнаго только, свою продѣлку, повторяя ее до тѣхъ поръ, пока наконецъ въ утомленьи не засыпалъ сномъ мертвымъ. Главное, что никто не зналъ, какъ и гдѣ спитъ Робинъ и эта тайна много прибавляла сладостнаго къ его невинному удовольствію. «Одинъ Робинъ только такъ спитъ» думалъ онъ и засыпалъ вдвое крѣпче.

«Нынче, счетомъ на пятнадцатомъ, т. е. на второмъ

отъ края, свѣжаго привоза» сказалъ съ самодовольствіемъ, войдя въ амбаръ, Робинъ и взлѣзъ на тюки.

Скинувъ бѣлый мѣшокъ, который одинъ только Ибоке могъ называть ливрейнымъ платьемъ своей прислуги, Робинъ окинулъ всю внутренность амбара, легъ, вытянулъ ноги, руки, голову и покотился.

«Разъ, два, три, пять, семь, девять... Рано еще...» подумалъ Робинъ и, не достигнувъ до назначеннаго тюка, не останавливаясь, покотился назадъ.

Болѣе десяти минутъ наслаждался уже Робинъ; безъ отдыха, безъ остановки, съ одного почерку разъ двадцать окруживъ свое хлопчато-бумажное царство, наконецъ утомившись сказалъ шопотомъ: «довольно...» И, собравъ послѣднія силы, зажмуривъ глаза, въ забытій почти, покотился прямо; не далеко было до завѣтнаго... «Пятый, четвертый, третій отъ краю... Вотъ онъ!» бредилъ уже Робинъ; не тутъ-то было... Бухъ!... И Робинъ растянулся на плитахъ пола, ошеломленный и паденьемъ и мыслью: куда дѣвался тюкъ?

Мистеръ Ибоке самъ навьючивалъ Кюкса во время отсутствія и безъ вѣдома Робина, и тюкъ испытанья былъ тюкомъ и паденья. Его-то не досчитывался Робинъ вмѣстѣ съ ребрами, помятыми на-порядкахъ.

За дверьми постучались. Робинъ не отозвался.

«Робинъ! Робинъ! ты здѣсь Робинъ? Зоветъ масса.»

Робинъ хотѣлъ встать, но не могъ, крикнулъ и закричалъ съ досадою:

— Да войди, кто тамъ, дверь не заперта... Охъ! проклятый тюкъ! проклятая привычка!

Вошелъ тоже негръ, но младшій и служившій подъ командой у Робина.

«Что съ тобою, Робинъ?» спросилъ съ участіемъ Скарба.

— Что съ тобою... да что съ тобою!.. Вотъ, Скарба, учись, какъ надобно служить господамъ... Охъ!... десять лѣтъ валяюсь по плитамъ, сплю на камняхъ... Ой! Ой! Ребра обломать, бока всѣ измять, встать не могу, а хоть бы когда-нибудь слово подумалъ сказать дурное... Ой! Ой! Ой...

«Да вольно же тебѣ, Робинъ! Столько разбитыхъ тюковъ подъ руками, постеля знатная...»

— Знатная?... Чтобы ее чортъ... чтобы я сталъ портить добро хозяйское?... Ни за что... Скарба, помоги встать пожалуйста; поподчую въ Мери-Макенсъ...

Скарба подсобилъ, Робинъ поднялся.

— Ну, что надобно? спросилъ онъ, перемѣнивъ тотчасъ же дружескій тонъ на повелительный.

«Мнѣ ничего» отвѣчалъ Скарба тоже поднявъ голосъ нотою выше изъ услужливаго въ грубой: «а масса...»

— Что масса?

«Зоветь тебя.»

— Такъ-такъ и скажи, скотина!...

«Такая-же...»

— Что?... закричалъ въ досадѣ Робинъ и, замахнувшись на своего подчиненнаго, чуть-было не полетѣлъ снова на полъ. — Не бойсь, не бойсь, Скарба! я это такъ, ничего... Доведи меня до ступа*): тамъ самъ

*) Передняя голландскихъ домовъ въ Нью-Йоркѣ.

какъ-нибудь доплетусь; завтра по-утру приходи къ Кино; водка чудесная...

Скарба новель Робина; но совсѣмъ не лакомыя обещанія дѣлали его услужливымъ: другое шевелилось въ головѣ Скарбы. Начиная съ того, что онъ, дорогою шатаясь, шаталъ и Робина то вправо, то влѣво, такъ, что Робинъ, боясь, чтобъ не сочли ихъ пьяными, умолялъ шти тверже. Потомъ, подойдя къ самому ступу, Скарба спотыкнулся шарочно и толкнулъ Робина; разбитый, слабый Робинъ упалъ и остался на первой ступенькѣ, будучи не въ силахъ подняться. Скарба захоталъ и исчезъ за строениями.

Крикъ и проклятья провожали бѣглеца, но на прасно; наконецъ Робинъ пересталъ и кричать отъ страху скликнуть свидѣтелей, между которыми опаснѣйшимъ могъ явиться и самъ мистеръ Ибоке.

Мистеръ Ибоке ходилъ въ это время по комнатѣ въ сильномъ волненіи, разсуждалъ самъ съ собою и, не ограничиваясь мыслями, втихомолку бросалъ по нѣскольку отрывистыхъ фразъ на воздухъ, и дополнял ихъ размахами бича, который былъ у него въ рукахъ, какъ-бы въ доказательство, что онъ только-что вернулся изъ отдѣленія своихъ невольниковъ.

«Да это можетъ подорвать меня, насъ, всю коммерцію, весь Нью-Йоркъ!... Глупое изобрѣтеніе!

И мистеръ Ибоке остановился.

«Нѣтъ, неглупое, а вредное, потому, потому, потому..»

И мистеръ Ибоке, перекинувъ бичъ въ лѣвую руку, правой принялся высчитывать по пальцамъ и про себя причины вреда изобрѣтенія.

«Каковъ Пенсильванецъ, учитель рисованья, нешковая блуза, доморощенный механикъ! А! каковъ мистеръ Фультонъ! — Нѣтъ, голубчикъ, Ибоке крутилъ и не такихъ еще нововводителей: когда Франклинъ выдумалъ свои громовые отводы и спасалъ сотни плантацій, фабрикъ, домовъ, Ибоке не пропустилъ случая, — скупилъ всю платину, и многу сохраненіе обошлось дороже самого заведенія. Такъ понагрѣли руки, нечего сказать... А то, вишь, хочеть одинъ! нѣтъ, Пенсильванецъ! затѣвать, такъ затѣвать вмѣстѣ; не то, все къ черту!»

Послѣ энергическаго восланианья мистеръ Ибоке махнулъ бичомъ и прошелся раза три по комнатѣ. «Ну, а какъ не удастся? Ну какъ да рано еще, чертъ возьми, что тогда? Э! Что за пароходы! поѣздикъ, повозимъ и на простыхъ судахъ, — куда же ихъ дѣвать?... Впрочемъ потолкуемъ, посудимъ, можетъ быть.. Да что это пойдетъ Робинъ? какъ нарочно запренастился...

И мистеръ Ибоке пошелъ самъ отыскивать своего старшаго негра.

Старшій былъ хуже всякаго младшаго и лежалъ почти безъ чувствъ на порогѣ стуна.

Первое, что пришло въ голову мистеру Ибоке, когда онъ наткнулся на Робина, было убѣжденіе, что онъ пьянъ, потомъ сомнѣніе не боленъ ли онъ, и наконецъ даже жалость, если онъ умеръ. Ибоке любилъ Робина и въ доказательство, а главное въ разрѣшеніе всѣхъ своихъ догадокъ, сострадательный колокъ вытянулъ, что было силы, вдоль спины бичомъ своего негра.

Робинъ вскочилъ и, увидѣвъ господина, выздоровѣлъ,

сталъ даже перемишать ногами, какъ борзый, рѣзвый конь, готовый летѣть всюду по волѣ своего всадника.

«Что это значить? Ты пьянъ, боленъ, умерь буд-то?»

— Живъ, здоровъ и трезвъ. Что угодно, масса?

«Такъ что же ты валяешься?»

— Виновать, масса... Виновать: изъ почтенья... изъ страха... услышалъ что идешь... такъ ужъ заранѣ бухъ въ ноги... замедилъ, опоздалъ... Виновать, масса...

И Робинъ снова повалился на полъ. Робинъ рисковалъ не встать, но колонъ, довольный мнимымъ признаньемъ и почтительностью своего невольника, самъ поднималъ его, и, потрепавъ по плечу, по которому сейчасъ билъ, сказалъ ласково:

«Ничего, Робинъ, ничего; служи только мнѣ, какъ служилъ до сихъ поръ, исправно, вѣрно, и тебѣ будетъ хорошо; — не то, каналья, замучаю на плантаціи... Береги меня, сторожи мой домъ, добро, хозяйство; — не то, бестія, умрешь подъ налками... Самъ посуди, Робинъ, милый мой Робинъ, что вы все безъ меня? прудъ безъ воды, тѣло безъ души. Я замлачу — вы завоюете, я немножко похудѣю — вы уже изсохнете, мнѣ ѣсть захочется — вы какъ волки заголодаете, я захворю — вы умрете, я умру — вы... вы... ну, то-то же! смотри, понимай это, животное...»

И Ибоке съ улыбкой, съ нѣжностью трепалъ по толстымъ губамъ негра.

«Робинъ! знаешь ты мистера Кюкса?»

— Свояжка вашего блага невольника, покойнаго?

«Ну, да, свояка мистера Мейтома.»

— Знаю, масса.

«Сходи сперва къ нему, спроси, гдѣ живетъ мистеръ Фультонъ; потомъ отправься къ Фультону и пригласи его ко мнѣ.»

— Мистера Фультона? да я и его знаю.

«Знаешь?»

— Не его, а его черную бестию, его негра.

«Хорошо, хорошо, милый Робинъ! пригласи же его ко мнѣ. Слышишь ли, тварь!»

— Слышу, слышу... то есть, не его тварь, а самого мистера Фультона?

«Ну...»

Робина не было уже; но эхо отъ бича колона раздавалось еще подъ сводомъ стуна.

Болѣе полу-часа сидѣлъ уже Фультонъ у мистера Ибоке, а хитрый Жидъ не рѣшился еще прямо объясниться съ нимъ насчетъ дѣла, по которому звалъ его: вертѣлся между обняжковъ и намѣжковъ, переходилъ отъ самой дружеской обходительности къ самымъ чопорнымъ церемоніямъ, отъ тона пріятеля къ тону снѣсиваго покровителя, а всё-еще былъ далекъ назвать вещь по имени.

«Да что же это такое?» спросилъ наконецъ прямодушный Фультонъ, выведенный изъ терпѣнья: «чего вы хотите отъ меня? что за бѣда, если я былъ у Кадвалдра?»

— Ничего, мистеръ Фультонъ, ничего; но прежде чѣмъ къ морскому министру, я думаю, не мѣшало бы притти посоветоваться къ опытному моряку...

«Да къ кому же?»

— Хоть бы ко мнѣ...

«Вы опытный морякъ? ... Мистеръ Ибоке, я и не подозрѣвалъ этого.»

— Да, опытный морякъ, мистеръ Фультонъ, и моего каюка ни разу еще не захлестывало волной, ни разу не забрасывало на-мель... Вы думаете, что я человекъ темный, вовсе несвѣдущій въ дѣлахъ ученыхъ, — положимъ такъ; но я по-крайней-мѣрѣ знаю, что можетъ быть полезно или нѣтъ, какое изъ изслѣдованій и открытій вашихъ наукъ можно приспособить къ практикѣ, короче, какая спекуляція, придуманная умнымъ, ученымъ человекомъ въ кабинетѣ, пойдетъ на рынокъ, на фабрику, на плантаціи, на биржѣ. Какъ я это знаю, другой вопросъ: можетъ-быть какъ тернёфъ — чутьемъ... благородная, умная порода! брось знаковую вещь хоть въ уккусное море, почуетъ и найдетъ...

— Да мое открытіе, мистеръ Ибоке, вовсе не спекуляція.

«А что же?»

— Это... это...

И Фультонъ замаялся, не зная, какимъ языкомъ объяснить тернёфу пользу, важность, величіе, все грандіозо его изобрѣтенія.

«Говорите, говорите, мистеръ Фультонъ: что же такое ваши пароходы?... Вы молчите, вы затрудняетесь, вамъ, можетъ-быть, не угодно, ну, такъ я вамъ скажу что такое они: судёнушки, мистеръ Фультонъ, кораблики вовсе немудреные; но, во-первыхъ, они ско-

рѣе ходять, чѣмъ всѣ другіе; потомъ, по вѣтру и противъ вѣтру, а главное, съ пятью, шестью матросами, стоятъ дешевле: стало-быть, и въ производствѣ, и въ содержаніи сокращаютъ трудъ, время, и дѣлаютъ сообщеніе постояннымъ. Такъ взглянуть на нихъ люди промышленные, люди неученые, но смысловые; ихъ не обморочишь... На всѣ ваши фразы, краснорѣчивыя описанія, теоретическіе доводы — они станутъ высчитывать, сколько пойдетъ у нихъ матеріаловъ, жѣла, лѣсу, канатовъ, жалованья корабельной прислугѣ: меньше чѣмъ прежде, или съ большею прибылью послѣ, — хорошо, честь вамъ и слава, ваше открытіе примется; а какъ вы до него добились, по какимъ законамъ вашей науки, какъ высоко стоитъ оно въ общемъ движеніи ума человѣческаго и его совершенствованья, гениіи ли вы наконецъ, — до этого имъ нѣтъ дѣла. Такъ ли, мистеръ Фультонъ? правъ ли я?

— К несчастью, отвѣчалъ покраснѣвъ ученый и опустилъ голову.

«Теперь дальше, продолжалъ Ибоке, не обративъ вниманіе на отвѣтъ и не прежнимъ уже тономъ, а съ примѣсью насмѣшки и чванства. — Положимъ, что вы гениіи, великій человекъ, вы изобрѣли пароходы, вы ихъ создали; но что жъ въ томъ толку? вы ихъ создали для кабинета... Пускай цѣлыя флотиліи ихъ плаваютъ у васъ тамъ; каминъ, если есть еще, превращенъ въ печь и котлы, вся посуда, какая нашлась — въ основы пароходовъ, а табачный дымъ замѣнилъ смолу пара; вы курите, дышите, но вѣдь только-что дышите... Вы дразните себя, носитесь на крыльяхъ вашего вообра-

женія изъ страны въ страну, изъ края въ край, но не сожалѣнію, не трогаясь съ мѣста, не сходя съ изломаннаго стула, среди бѣдности, горестной дѣйствительности, невозможности осуществить на дѣлѣ вашу золотую, гениальную мечту. «Нужны средства къ осуществленію, необходимо пособіе; кому же ближе какъ не правительству принять участіе?..» сказали вы себѣ наконецъ и пошли къ правительству. Хорошо, почти бы такъ; но жаль опять, что наше правительство, какъ сорока съ подстриженными крыльями — и радо бы летѣть, да не тутъ-то было, хочеть и прикидывается будто не хочеть... Вамъ отказалъ Кадваладръ, не принявъ, не согласился, притворился даже, что васъ не понявъ, а послушали бы, что говорилъ мнѣ... Но что бы ни было, вамъ отъ того не легче, вы остались при своемъ проектѣ, не дальше... Оно, конечно, можно было бы вамъ обратиться тоже къ кому-нибудь изъ насъ, къ людямъ зажиточнымъ, торговымъ; но кто же захочеть рискнуть капиталомъ на предпріятіе, которое Богъ-вѣсть удастся ли еще, и въ такое тяжелое время? Да и что будешь дѣлать потомъ съ своими кораблями и судами? мѣнять ихъ, ломать, переименовывать — плохая вещь; вотъ тутъ и пріостановится каждый; оно бы, знаете, почему и не помочь горю? и радъ бы другой, да какъ подумаешь, что придется разстаться съ тѣмъ, что обстроивалъ, мастерилъ, по крошкамъ собиралъ, потомъ и кровью, да еще Богъ не благословитъ новинку, — такъ-такъ и область холодомъ, страшно станеть, и поневолѣ скажешь: «Нѣтъ, мистеръ Фультонъ! и жаль васъ, да нечего дѣлать -- нельзя...»

Последнія слова удивили и разсердили Фультона: «Да кто же его проситъ?» подумалъ онъ». И съ видомъ неудовольствія всталъ и взялъ шляпу.

«Вы ужь уходите? куда же?»

— Туда, куда и вчера — отъ Кадваладра: домой, проклинать и міръ, и людей, и мое роковое открытіе... Но мнѣ одно странно, мистеръ Ибоке: къ министру пришелъ я самъ, безъ зову; но вы пригласили меня — зачѣмъ?...

«А во сколько времени можете вы построить пароходъ?»

Фультонъ не зналъ, что подумать, какъ понять этотъ странный оборотъ разговора, и, какъ сконуженный школьникъ, отвѣчалъ второпяхъ:

— Въ шесть, въ семь мѣсяцовъ, не скорѣе.

«Такъ, какъ же вы такъ скоро хотите рѣшить сдѣлку объ немъ?.. Присядьте, мистеръ Фультонъ.»

Фультонъ смутился еще больше и, невольно повинуясь, сѣлъ.

«Я это такъ только спросилъ, мистеръ Фультонъ, для вашей же пользы; горячиться не должно; и не то, чтобы уже хотѣлъ дѣлать съ вами сдѣлку въ моеи положеніи, при всемъ желаніи я не могу...»

Фультонъ вставалъ. Ибоке, какъ-бы не замѣчая, продолжалъ:

«Я не могу быть вамъ полезенъ, но...»

Фультонъ садился.

«Но я могу вамъ дать...»

Фультонъ сѣлъ.

«Могу дать совѣтъ...»

Фультонъ вскочилъ.

«Но такой совѣтъ» продолжалъ Ибоке, взявъ за руки Фультона и усаживая его почти насильно: «такой совѣтъ, мистеръ Фультонъ, отъ котораго зависить исполненіе вашего предпріятія. Навѣрное, мистеръ Фультонъ, навѣрное... Поѣзжайте въ Старый-Свѣтъ; тамъ теперь сходятъ съ ума на открытіяхъ...

— Какимъ образомъ? гдѣ средства? на чемъ?...

«Ну, этой бѣдѣ я могу пособить, я отправлю васъ; поѣзжайте только... Фультонъ молча протянулъ руку въ знакъ признательности; Ибоке пожалъ ее и, замѣтивъ удачное впечатлѣніе своего предложенія, продолжалъ съ тономъ искренняго участія:

«Поѣзжайте, молодой человѣкъ, поѣзжайте; ищите себѣ ходу въ лучшемъ мірѣ; бросьте эту неблагодарную Америку: здѣсь васъ не оцѣнятъ, изъ упрямства не согласятся воспользоваться вашимъ изобрѣтеніемъ, изъ корысти задушатъ его. Пусть оно представитъ тысячу выгодъ для общества; но на нихъ не обратятъ вниманія торгаши - монополисты, въ рукахъ которыхъ это общество, потому что рады, напротивъ, всѣмъ невыгодамъ, дороговизнѣ, затрудненіямъ, какъ средствамъ ихъ незаконнаго обогащенія, и въ этихъ-то півкахъ нашей республики, которыя сосутъ кровь ея, вы только встрѣтите враговъ себѣ, ненавистниковъ и преслѣдователей. Торопитесь, мой милый Фультонъ, пока еще они не провѣдали объ васъ: узнаютъ — не пустятъ и въ Старый-Свѣтъ, изъ опасенія, чтобы и тамъ не повредили вы имъ; задержать, оклеветаютъ, очернятъ, подкупятъ кого только надобно будетъ, пожертвуютъ многимъ,

чтобы только уничтожить васъ. Люди злы, но не всѣ... Издержки, расходы поѣздки, повторяю вамъ, я возьму на себя. Пусть говорятъ что страненъ Ибоке, но страненъ своимъ желаніемъ добра и блага каждому; по-крайней-мѣрѣ вы не упрекнете меня въ холодности и равнодушіи. Съ перваго взгляда я полюбилъ васъ, и докажу вамъ это на дѣлѣ.

Фультонъ слова благодарилъ, почти безъ словъ, плакалъ, жалъ руки, кланялся, обнималъ мнимаго своего патрона, и вышелъ наконецъ отъ него веселъ и счастливъ, какимъ давно ужъ не былъ.

«Ей-Богу, честивѣ и добрѣ трудно надуть!» сказалъ Ибоке, когда дверь захлопнулась за Фультономъ: я только-что отстраняю вредъ, боюсь пока, чтобы онъ не напалъ на какого-нибудь добрячка, чтобы здѣсь кто-нибудь не далъ ему ходу; ну, а послѣ какъ случится, пойдемъ можетъ-быть и дальше...»

И мистеръ Ибоке, нахлобучивъ свою шляпу, взялъ палку и вышелъ вслѣдъ за Фультономъ.

Не продолжительны были сборы Фультона, да онъ ихъ почти и не дѣлалъ: всѣ хлопоты отправления взялъ на себя, какъ извѣстно, мистеръ Ибоке, обязавъ Фультона однимъ только — сдѣлать вещь тише и скромнѣе, уѣхать тайно и не простясь, если можно.

«К чему огласка, мистеръ Фультонъ?» говорилъ мистеръ Ибоке на другой день, завернувъ къ нему съ вечерней службы накатчиковъ: «что за проводы! лишніи

только слезы. Если бы у васъ даже были родня и близкіе, а то вамъ-то ужъ нѣтъ никакого повода разглашать о вашемъ отъѣздѣ, и, пожалуйста, помните одно: узнаютъ — помѣшаютъ... Чѣмъ скрытнѣе, неожиданнѣе выберетесь вы, тѣмъ усиѣшнѣе достигнете цѣли. Ну, такъ-то, до завтрашняго утра! Я зайду за вами, мы отправимся вмѣстѣ въ пристань; я передамъ васъ моему шкиперу на корабль, и съ Богомъ...»

— Все это такъ, думалъ Фультонъ: никому не скажу, отъ всѣхъ скрою, даже и отъ Нечюра; но чтобы я не простился съ Райей, съ моею ученицей, любимицей, которая, бывало, выслушивала всѣ мои планы, проекты, фантазіи, и одна только не смѣялась надъ ними.. нѣтъ, патронъ, несмотря на все мое уваженіе къ вамъ этому не бывать...

И Фультонъ, разставшись съ мистеромъ Ибоке, отправился на квартиру Кнокса.

Въ цвѣтникѣ сада, среди амарантовъ и лилій, между куколъ, дѣтскихъ приборовъ, цѣлыхъ сервизовъ, въ которыхъ такъ изобрѣтательно всегда дѣятельное, всегда трудящееся общество накатчиковъ, сидѣла Райя и въ первый разъ безъ слезъ и грусти одна хлопотала въ своемъ игрушечномъ мірѣ. Прежніе любимцы: Жидъ безногій, щеголь нью-йоркскій, щеголиха и даже только-что купленные, мистеромъ Кноксомъ, птички и бабочки были въ отставкѣ и уступили мѣсто новой игрушкѣ, которую смастерилъ Фультонъ наканунѣ. Все вниманіе Райи было обращено на нее: она перевязывала, прикрѣпляла, подклеивала расшатавшіяся части, и, наконецъ, окончивъ работу, поставила модель

парохода на траву и съ радостнымъ крикомъ: «пойдетъ!» вскочила съ мѣста.

Прошло нѣсколько мгновеній; Райя не сводила глазъ съ игрушки, потомъ вдругъ задумалась, опустила голову и, садясь снова на траву, сказала съ грустью: «нѣтъ, не пойдетъ!...»

Болѣе полу-часу стоялъ уже Фультонъ, спрятавшись въ кустахъ жантианы и слѣдя за каждымъ движеніемъ своей ученицы. Ни дѣтскія изліянія радости, ни самыя малѣйшіе признаки нетерпѣнія и неудовольствія, ничто не ускользало отъ вниманія учителя. Близость отъѣзда и необходимость разлуки съ маноткой, которую онъ такъ любилъ, съ которой такъ свылся, усмиряли еще болѣе это участіе, и Фультонъ любовался Райей въ послѣдній разъ, какъ бы съ желаніемъ сохранить въ памяти образъ юнаго друга съ которымъ такъ часто дѣлился своими мыслями и чувствами.

«Пойдетъ и не пойдетъ!» Оба восклицанія Райи отозвались въ душѣ Фультона. Послѣднее «не пойдетъ» шавъало точно такую же грусть на его душу, съ какою было произнесено Райей.

«Не пойдетъ, не пойдетъ!» повторялъ онъ, раздвигая кусты пунцовыхъ жантианъ, и показываясь изъ за нихъ: «отчего же не пойдетъ, милая Райя?»

И, подойдя къ ней, онъ толкнулъ корзинку: «видите, летитъ даже, дайте только силы.»

— Ахъ! это вы? какъ я испугалась! зачѣмъ же вы сломали?...

И Райя подняла модель парохода, но безъ трубы и одного колеса гребнаго.

— Что я теперь буду дѣлать? какъ поправлю?..

«Поправимъ, Райя, поправимъ, а Богъ-дасть сдѣлаемъ и новую, побольше...»

— Новую?... Зачѣмъ же ломать эту, мою любимую игрушку?... Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Фультонъ, не игрушку... мою любимую... Да какъ же назвать ее? неужели это не игрушка?...

Фультонъ улыбнулся и не отвѣчалъ на вопросъ ма-лютки.

— Что же вы молчите, мистеръ Фультонъ? Прекрасно! напугалъ, поѣшалъ, сломалъ, смѣется, и еще не отвѣчаетъ... Зачѣмъ же вы пришли, мистеръ Фультонъ?

«Я пришелъ проститься съ вами, Райя.»

— Какъ проститься? Только-что повернулись, и хотите идти, хотите...

«Проститься надолго, Райя, навсегда, можетъ быть...»

— Навсегда? спросила Райя встревожившись и ударяя на каждой буквѣ этого слова: навсегда... Что это значить, мистеръ Фультонъ? ●

«Я ѣду, Райя...»

— Ёдете... навсегда?... И вашенька уѣхалъ навсегда, и его нѣтъ больше, и его убили... Какъ навсегда?... Это значить, что я и васъ не увижу больше, и васъ убьютъ, и васъ не будетъ... Нѣтъ! нѣтъ, мистеръ Фультонъ... Это не то, не можетъ быть... я васъ не понимаю...

И Райя бросилась на шею къ Фультону.

Фультонъ.

«Да развѣ вы меня такъ любите, Райя?»

Райя откинула головку, взглянула прямо въ глаза Фультону и снова прижалась къ нему.

«Такъ-то держать слово?» сказалъ кто-то вблизи: Прекрасно! прекрасно! Можно надѣяться, можно ожидать уснѣха.»

Фультонъ и Райя обернулись: передъ ними стоялъ мистеръ Ибоке.

«Объщались никому не говорить объ отъѣздѣ» продолжалъ Ибоке: «а выболтали ребенку... Нечего сказать, мистеръ Фультонъ, язычокъ у васъ, Богъ съ нимъ, не на привязи... И что это за нѣжности? И чего смотритъ этотъ колпакъ, мистеръ Кноксъ, эта дура, миссъ Мейтонъ? дѣвчонка спозаранку вышаетъ на шею къ мужчинамъ, а имъ и дѣла нѣтъ!.. Ничѣмъ не занимается, только-что шалитъ, дурачится и съ этихъ лѣтъ ужъ начинаетъ кокетничать... Постой, голубушка, я не даромъ твой попечитель, я возьму тебя въ...»

Фраза осталась неконченною. Разсерженная Райя схватила безногаго Жюда за голову, пустила имъ въ лицо своего попечителя и тотчасъ же исчезла.

Ибоке и Фультонъ бросились за малюткой, хотя съ различными побужденьями: но, добѣжавъ до террасы, оба остановились въ одно время.

«Вы куда?»

— А вы?

«Наказать негодную.»

— Я не позволю...

«Мистеръ Фультонъ, я не спрошусь вашего позво-

ленія : я патрунъ и распорядитель судьбы ея, я попечитель Райи.»

Фультонъ молчалъ.

«Нѣчего вамъ, нѣчего мѣшаться не въ свое дѣло» продолжалъ Ибоке: «извольте идти домой и готовиться къ отъезду; шкиперъ ждать не станетъ.»

— Я не поѣду, если вы не дадите мнѣ слова не трогать малютки.

«Мистеръ Фультонъ!»

— Чтѣ хотите, не вѣду...

«Я не буду ее наказывать.»

— Слово!

«Извольте... негодная дѣвчовка!»

— Бѣдная малютка!..

И поссорившіеся разошлись въ разныя стороны, Ибоке къ Кноксу, Фультонъ домой

Грустно было Фультону и дома. Судьба Райи снова тревожила его больше собственной. Странность правъ мистера Ибоке на малютку, его неровное обращеніе, переходы отъ ласки къ грубости, отъ искренности къ скрытности наводили тысячу сомнѣній. Фультонъ, приготовливаясь къ дальнему пути, легъ-было спать, но не могъ: цѣлую ночь продумалъ, прогоревалъ о своей любимицѣ и только развлекся, разсѣялся нѣсколько на другой день утромъ подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, на палубѣ корабля, который уже несъ его, съ его планами; проектами, ожиданіями, какъ новаго Камозенса, въ страну надеждъ, къ предѣламъ Стараго Свѣта.

Фультонъ уѣхалъ.

★

«Представьте себя, сестрица, отъ кого я получила известіе» говорилъ мистеръ Кнокъ, входя съ письмомъ въ рукахъ въ комнату миссъ Мейтонъ: «отгадайте-ко; это будетъ очень любопытно.»

— Помилуйте, братецъ, какъ это возможно...

«Попробуйте однако же, сестрица... Отъ человека, который десять лѣтъ тому назадъ ходилъ къ намъ каждый день въ домъ, былъ любимъ и обласканъ, на котораго вы нападали часто, бранили, преслѣдовали, котораго вы между прочимъ никогда люб...»

— Ахъ знаю, знаю, братецъ, отъ мистера Дика — проповѣдника въ Бальтиморѣ.

Вмѣсто отвѣта, мистеръ Кнокъ покачалъ отрицательно головою и заложилъ руку съ письмомъ назадъ.

— Такъ отъ кого же бы это? спросила въ свою очередь заинтересованная миссъ Мейтонъ: не вспомню, братецъ, память изменила... Ахъ Боже мой, да неужели же?... Нѣтъ этого быть не можетъ... онъ умеръ, пропалъ безъ вѣсти... вотъ десять лѣтъ, какъ объ немъ нѣтъ ни слуху ни духу...

«А о комъ бы это, сестрица?»

— Ахъ ты Господи мой! Да неужели же это известіе объ мистерѣ Фультонѣ?...

Мистеръ Кнокъ улыбнулся и, вмѣсто отвѣта, поставилъ письмо подъ самый носъ миссъ Мейтонъ.

— Что же это, братецъ?

«Прочтите, сестрица.»

Да я ничего не вижу.

«Ну какъ этого не видѣть, сестрица, какъ не разобратъ? подпись пречеткая; ну смотрите: «Вамъ пре-

данный всей душою по гробъ Робертъ Фультонъ.»

— Неужели? вскричала миссъ Мейтонъ.

И хотѣла-было еще разъ взглянуть на подпись, но и она и мистеръ Кноксъ не замѣтили, какъ исчезло письмо. Въ углу сидѣла Райя, не семилѣтняя малютка, а Райя дѣвушка, невѣста, и съ жадностью читала его.

Десять лѣтъ прошли въ семействѣ Кнокса, если не быстро, какъ одинъ день, то по-крайней-мѣрѣ однообразно, какъ каждый часъ этого дня. Самую большую перемѣну въ физической и нравственной Экономіи мистера Кнокса составляла лысина, но и ту парикъ закрылъ отъ нескромныхъ взглядовъ. Бѣлъ и пылъ онъ по-прежнему, былъ добръ и веселъ, какъ всегда, плясалъ и вертелся въ общинѣ такъ отчаянно, что никто и не подумалъ бы искать разницы между прежнимъ и настоящимъ его усердіемъ въ отправленіи обряда накатчиковъ; словомъ, время какъ-бы прошло мимо мистера Кнокса. Миссъ Мейтонъ тоже по-видимому не измѣнилась нисколько, несмотря на желтую горячку, самую жестокую оспу, а главное, потерю зубовъ — всѣхъ безъ исключенія. Послѣ болѣзни, по свойству мѣстности и нью-йоркскаго климата, она только-что поздоровѣла больше; оспа, хотя огорчила ее, но немного поживилась около лица и безъ того изрытаго морщинами; зубы замѣнились вставными и исполняли свою службу, если не лучше, то вѣрно ужь не хуже натуральныхъ. Послѣдній только, коренной, мучилъ ее долго, дралъ десны и безбожно царапалъ языкъ; миссъ Мейтонъ ждала пока онъ выпадетъ, ждала, но не дождалась и

вырвала съ рѣшительностью, съ самоотверженіемъ, которыя, какъ и прежде, составляли отличительныя черты ея характера. Одна только Райя испытала перемѣну и вліяніе времени этихъ десяти лѣтъ; но, во-первыхъ, тоже по естественному порядку вещей, и во-вторыхъ, вѣроятно не къ худшему. Изъ милаго прелестнаго ребенка она развилась прекраснѣйшей дѣвушкой, очаровательнымъ, лучшимъ цвѣтомъ своего пола. Мало однихъ черныхъ глазъ, дышащихъ любовью, коралловыхъ губокъ, созданныхъ для поцѣлуевъ, свѣжаго румянца молодости, стройнаго стана, роскошныхъ формъ, короче, однихъ тѣлесныхъ качествъ, чтобы имѣть право такъ высоко оцѣнить женщину: душевныя достоинства всегда берутъ верхъ, а онѣ въ Райѣ шли еще дальше ея красоты наружной. И не болѣзненная мягкость сердца, не простодушная, и безотвѣтная кротость, составляли ея добродѣтели; подобныя свойства были бы слишкомъ не на-мѣстѣ въ душѣ дочери мулатки; напротивъ, твердость воли, сила характера, вотъ что рѣзко отличало Райю. Доброта ея высказывалась не слезами и словами, а рядомъ самопожертвованій, на которыя она всегда была готова; ея чувствительность, при всей раздражительности, умѣрялась сознаніемъ и умомъ, который въ свою очередь давалъ мѣсто сердцу, и сердцу горячему, пылкому, способному одними чувствами разрушить всѣ расчеты того же ума въ другомъ, если они клонились не къ доброй цѣли. Раздражительность Райи переходила иногда въ настойчивость, даже своего роду упрямство, но тогда, когда сердце по истинниту добра не соглашалось на уступку; и не-разъ въ взро-

свой уже воспитанницѣ миссъ Мейтонъ, въ минуту защиты бѣдныхъ невольниковъ, или въ спорѣхъ объ излишней строгости тетки, являлся тотъ же самый добрый, чувствительный ребенокъ, защитившій своего учителя, или въ питомцѣ мистера Ибоке — та же съ сознаниемъ своего достоинства малютка, та же оскорбленная Райя, которая пустила куклой въ своего попечителя. Образъ жизни Райи въ сущности своей нисколько не измѣнился, за исключеніемъ только несноснаго для нея попечительства мистера Ибоке. Требованія, капризы, вѣщательство хитраго старика въ ея образованіе, занятія, даже странныя преслѣдованія, которыя со стороны могли бы показаться преслѣдованіями ревности и уродливой страсти, — все это вѣсть выводило ее изъ терпѣнья; но и тутъ во всѣхъ стычкахъ и спорахъ она всё-таки умѣла брать верхъ, на-отрѣзъ не соглашалась съ предложеніями и совѣтами и открыто презирать двусмысленные намѣки Ибоке. Старикъ выходилъ изъ себя, но не могъ ничего сдѣлать; убѣжденіямъ и ласкамъ, хоть рѣдко, однако было еще мѣсто; угрозы не существовали для Райи. Райя училась чему хотѣла, большею частію по прежнимъ книгамъ, занималась тѣми же самыми рукодѣльями, какими и всегда гуляла и разсѣивалась въ томъ же самомъ саду, гдѣ рѣзвилась и бѣгала, когда была еще малюткой. Оттого міръ ея дѣтства не разставался съ нею; ея воспоминанія о немъ жили въ живыхъ предметахъ: каждая бездѣлица, каждый цвѣтокъ, каждый уголокъ комнаты болѣе или менѣе наводилъ ее на мысль о прошедшемъ; даже игрушки, а съ ними и дѣтскія шалости, даво

уже оставленные, иногда какъ бы сбрасывали съ себя свою десяти-лѣтнюю давность — оживали и двигались впередъ всю цѣпью пріятныхъ воспоминаній. И первымъ звѣномъ этой волшебной цѣпи былъ невольво тотъ человекъ, который, несмотря на различіе возраста, отношеній, привычекъ, занятій, принималъ участіе и въ этихъ даже дѣтскихъ играхъ — которому Райя была обязана первыми мыслями, идеями и если не всѣми впечатлѣніями, то по-крайней-мѣрѣ направленіемъ ихъ, — который лелѣялъ ея чувства, не мямъ ихъ, какъ недовѣтшіе цвѣтки, дѣлилъ съ нею всѣ радости и горе, и былъ наконецъ ея первымъ, лучшимъ другомъ. И десять лѣтъ прошли, длинная десять лѣтъ, но не изгладили воспоминаній о такомъ человекѣ, не могли изгладить ихъ. Райя, какъ бы вчера разсталась съ Фультономъ.

«Бѣдный Фультонъ!» сказала она, окончивъ чтеніе письма и положивъ его на столъ: «вездѣ неудачи...»

— Неудачи, Райя?

«Неудачи, сестрица,» отвѣчалъ мистеръ Кнокъ, увидѣвъ, что Райя задумалась, разсуждала сама съ собою, и нисколько не обращала вниманія на вопросъ тѣтки.

«Жилъ въ Англіи» продолжала Райя: «по пустому.»

— Въ Англіи, Райя?

«Въ Англіи, сестрица.»

«Во Франціи, также...»

— И во Франціи, Райя?

«И во Франціи, сестрица...»

«И въ Бельгіи — вездѣ тотъ же отказъ...»

— И въ Бельгіи, Райя?

«И въ Бельгiи, сестрица, и въ Бельгiи...»

— Я не ожидала» сказала вдругъ Райя, перемѣнивъ тонъ и послѣ нѣкотораго молчанiя, что и въ наше время могутъ являться несчастные Коломбы...

«Несчастные Коломбы, Райя?»

— Да, Коломбы, сестрица, Коломбы... Какой вздоръ, Райя! гдѣ ты тамъ нашла Коломбовъ? Въ письмѣ нѣтъ ни слова о Коломбахъ... Сидить и бредить, а я за вею... Нѣтъ, сестрица, не Коломбы...

— Да что же это такое? перебила плачевно миссъ Мейтонъ: сами читаютъ, спорятъ, разсуждаютъ между собой, а мнѣ и слова не скажутъ путемъ. Да прочти же, Райя, да прочти же, братецъ...

И схвативъ письмо со стола, миссъ Мейтонъ пода-ла его обоимъ, какъ бы не зная, кто изъ нихъ будетъ добрѣе и согласится удовлетворить ея любопытству.

«Я прочту вамъ послѣ, тѣтишка...»

— Да что читать, сестрица! Я разскажу вамъ лучше въ немногихъ словахъ... Ну, что же вамъ сказать... Вотъ мистеръ Фультонъ уѣхалъ... потомъ прiѣхалъ... жилъ въ Лондонѣ, теперь живетъ въ Парижѣ... Ну, вотъ и живетъ въ Парижѣ... скучно ему жить въ Парижѣ... онъ и хочетъ уѣхать изъ Парижа... А куда хочетъ уѣхать? Ну, извѣстно куда, откуда прiѣхалъ. Опять къ намъ, сюда въ Нью-Йоркъ... А куда ужъ отсюда, ни я не знаю, ни въ письмѣ ничего не сказано...

«Ахъ, дядюшка! перебила Райя: вы не разсказали самаго главнаго, что Фультонъ несчастливъ, что судьба преслѣдовала его вездѣ, что нигдѣ не приняли его

проекта, — гнали, грозилась, отталкивали, а въ Парижѣ, въ одно время съ другими жертвами революціи и мучениками науки, чуть было не повели на эшафотъ...»

— Ну, да! ну, да!... на эшафотъ... бормоталъ мистеръ Кноксъ.

«А самое важное, тётинька, продолжала Райя: что мистеръ Фультонъ, собравшись ѣхать въ Нью-Йоркъ съ ничтожными средствами, не знаетъ, къ кому здѣсь пріютиться, гдѣ приклонить голову, у кого пристать, хоть на первый разъ...»

— Да, да, да, да... перебилъ мистеръ Кчоксъ: вотъ это точно статья важная; но я не позабылъ о ней, Райя; а знаешь...

«Можно бы у насъ,» сказала миссъ Мейтонъ; «но это будетъ не прилично, кажется...»

— Ну вотъ, слышишь, Райя; я этого-то и ожидалъ.
«Отъ чего же, тётинька?»

— Помилуй, Райя, чтѣ ты это? Изъ честнаго дому общника, накатчика, сдѣлать гостинницу, притомъ, домъ заѣзжій для посторонняго, чужаго?..

«Ахъ, тётинька! да какой же онъ чужой? Фультонъ самый короткій нашъ знакомый, почти родной.»

— Ну, да! ужъ такъ, родной... Я это знала... И не говори объ этомъ, Райя. Какъ это можно? что скажутъ? что подумаютъ?...

«Что угодно» перебилъ мистеръ Кноксъ: я приглашу къ себѣ Фультона.»

Рѣшительность и твердость, съ которыми были произнесены слова мистера Кнокса, нѣсколько озадачили

миссъ Мейтонъ; она уступила, но не болѣе какъ въ тонѣ голоса, и продолжала по обыкновенію спорить:

— Да куда же пригласите вы? гдѣ помѣстите его, братецъ?

«Я уступлю мою спальню» сказала Райя.

— Я столовую... воскликнулъ торжественно мистеръ Кноксъ.

«А гдѣ будешь сама спать? а гдѣ будемъ, братецъ, обѣдать, ужинать, завтракать, полдничать, вечерять, чай пить, закусывать, лакомиться?»

И миссъ Мейтонъ вытянула безконечную дробь глаголовъ, которыми выражаются различные моменты дѣятельности желудка американскаго и дѣлають честь его аппетиту.

Хладнокровно выдержалъ натискъ мистеръ Кноксъ, и, спокойнѣе чѣмъ Леонидъ подѣ Фермоплами, сказалъ: «гдѣ придется»...

Это «гдѣ придется» стоило знаменитой фразы спартавскаго героя: «у Плутона».

— О чемъ это такъ горячо? что не поладили? спрашивалъ мистеръ Ибоке, входя и покашливая: Здравствуйте, мистеръ Кноксъ, здравствуйте, миссъ Мейтонъ, Райя, здравствуйте...

Мистеръ Кноксъ поклонился сухо, миссъ Мейтонъ привѣтно, Райя отвернулась.

— О чемъ же вы это спорите?

«Такъ, мистеръ Ибоке, ни о чемъ; дѣла семейныя... Просимъ въ столовую...»

— Да, вотъ теперъ въ столовую, перебила миссъ Мейтонъ, не угомонившись еще отъ вспышки: а какъ отда-

дите ее въ жильѣ Фультону, куда будете приглашать гостей почтенныхъ и общниковъ? Онъ вамъ какъ-разъ сдѣлаеть изъ нее мастерскую, а можетъ быть что-нибудь еще и хуже...

«Сестрица, сестрица! что вы это?»

— Кто это? кто?... спросилъ съ любонитствомъ Ибоке: кому хотите вы отдать въ жильѣ столовую?...

«Никому, мистеръ Ибоке; это только такъ, въ разговорѣ.»

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не скрывать! перебила миссъ Мейтонъ: скажите-ко патрупу, скажите, онъ вѣрно оправдаеть меня, а можетъ-быть и пособить еще горю; у него домъ-то попросторнѣ нашего... Мистеру Фультону, мистеръ Ибоке...

— Какому это мистеру Фультону?

«Извѣстному» отвѣчалъ раздосадованный мистеръ Кноксъ и не зная, что отвѣчать.

«Какой же это Фультонъ?» продолжалъ Ибоке, какъ бы припоминая, а между-тѣмъ за дверью еще, подслушавъ по привычкѣ разговоръ, вспомнилъ уже его... «Ахъ! это тотъ прожектёръ, сумасшедшій, а нѣкоторые думаютъ, что даже просто плутъ, шарлатанъ, что ушелъ изъ тюрьмы въ Лондонъ, сорвался съ висѣлицы въ Парижъ...»

— Да, да, тотъ самый! перебила съ негодованьемъ Райя и вскочивъ съ своего мѣста: лгите больше, выдумывайте, мистеръ Ибоке... Сорвался съ висѣлицы! А вы какъ попадете, мистеръ Ибоке, такъ ужь не сорветесь; такъ вамъ и висѣть...

И Райя, покраснѣвъ до ушей, дрожа всѣмъ тѣломъ, отошла къ окну.

Мистеръ Ибоке закусилъ съ досады губу, сдѣлалъ было шагъ къ Райѣ, но вдругъ опомнился, кашлянулъ и спросилъ, какъ бы не обративъ вниманія на выходку Райи:

«Ну такъ что жъ этотъ мистеръ Фультонъ? въ чемъ же затрудненіе насчетъ его?»

«Да вотъ въ чемъ» патрунъ, заговорила миссъ Мейтонъ, въ духѣ адвоката за всѣхъ, въ томъ числѣ и за Фултона: «онъ бѣдный человекъ, не имѣетъ пристанища, странствовалъ, шатался по бѣлому свѣту, теперь возвращается на родину, и, пока устроится, пока найдетъ чѣмъ жить, не знаетъ куда пріютиться. Такъ ли, Райя?... Такъ вотъ братецъ хочетъ помѣстить его къ себѣ въ домъ, въ столовую. Такъ ли братецъ?... Ну, а я говорю что этого нельзя — такъ ли... Тѣбу ты пропасть! вѣдь это говорю я, такъ что же спрашивать... Совсѣмъ сбилась съ толку... Извините, патрунъ, извините...»

— Ничего, ничего, миссъ Мейтонъ, я васъ понимаю и не вижу никакихъ затрудненій...

«Какъ никакихъ затрудненій? такъ неужели же въ самомъ дѣлѣ отдать столовую?»

— Кто вамъ говорить о столовой?.. Я предлагаю свои услуги: въ моемъ домѣ будетъ гдѣ помѣститься; мы съ нимъ старые знакомые, сочтемся...

«Приметь ли еще онъ ваши услуги?» спросила Райя съ прежнимъ тономъ негодованія, вышиваясь въ разговоръ.

— Не знаю, принималъ прежде по-крайней-мѣрѣ... отвѣчалъ съ улыбкой Ибоке.

«Но не теперь, мистеръ Ибоке... И нищій не уживется съ клеветою подъ одною крышею, а за Фультона я ручаюсь.» :

— Можетъ-быть, можетъ-быть, миссъ Райя: вы его лучше знаете, вы старые друзья... Впрочемъ я сдѣлалъ только предложеніе; угодно принять его, очень радъ, нѣтъ — я скажу вамъ, какъ его защитницъ, представительницъ, другу, какъ бы самому мистеру Фультону: сожалѣю... Прощайте, мистеръ Кноксъ, миссъ Мейтонъ...

— Куда же вы такъ скоро?...

— Дѣла, миссъ, дѣла; нельзя же. Я только захелъ по дорогѣ освѣдомиться о здоровьѣ моей шитомицы, и очень радъ, что она по обыкновенію, слава Богу... Прощайте, Райя.

Послѣднія слова мистеръ Ибоке процѣдилъ сквозь зубы и, взглянувъ еще разъ изподлобья на Райю, вышелъ.

Миссъ Мейтонъ смотрѣла въ дверь, Кноксъ въ столовую, Райя въ окно — всѣ трое въ разныя стороны и всѣ трое молчали.

Посѣщеніе Ибоке рѣдко не оканчивалось безмелюною; но въ полномъ смыслѣ живою картиною всего семейства мистера Кнокса, въ которой самъ мистеръ Кноксъ занималъ если не живописнѣйшую, то по-крайней-мѣрѣ утѣшительную позицію — по направленію къ столовой, и первый разрушалъ всегда очарованіе, онъ

тическіи обманъ глаза, первый ломалъ печать безмолвія громозвучнымъ: «нора ужинать» или «обѣдать».

Живая картина отправилась ужинать...

Если семейство мистера Кнокса не испытало на себѣ никакихъ измѣненій, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что и вся Сѣверная Америка оставалась въ прежнемъ видѣ.

Война съ Англіею давно уже кончилась. Вся Европа признала независимость Соединенныхъ Штатовъ, вошла въ политическія и торговыя сношенія съ юною республикою, какъ съ самобытнымъ уже государствомъ, съ участіемъ смотрѣла на ея возрастающую силу и была готова пожертвовать многимъ, съ ущербомъ даже своихъ собственныхъ выгодъ, чтобъ убѣдить себя же въ искренности расположенія, какъ доброй матери къ своей любезной подростшей дочери. Больше было нѣкого убѣждать: остальной міръ молчалъ и не зналъ, что дѣлалось между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Внутреннее устройство республики шло не менѣе быстро. Форма правленія, законы, права, какъ самыхъ частей и словій республики, такъ и сосѣдственныхъ и подвластныхъ племенъ, опредѣлились ясно, положительно и на везыблемыхъ основаніяхъ. Нравы, обычаи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже языкъ и религіозныя вѣрованія стали переливаться въ новыя формы. При этой переливкѣ, какъ и вообще при всякомъ преобразованіи, явились уже странныя замашки оригинальности, которыми и понынѣ такъ рѣзко отличаются общества аме-

риканскія; но и въ самой этой оригинальности обнаруживалось только стремленіе, весьма понятное въ колѣдѣ народѣ — жить, дѣйствовать и думать по-своему, короче, стремленіе къ той независимости, которую купилъ онъ дорогою цѣною крови, пожертвованій и тысячи подвиговъ. Конечно, общій духъ нововведеній встрѣчалъ защитниковъ и стараго; весь Нью-Йоркъ сначала не охотно сбрасывалъ парикъ и пудермантель альдермановской древности; но зато впоследствии лучше всѣхъ поддержалъ славу новаго народа, новой республики. Оставались фанатики стараго быта и порядка вещей, но, во-первыхъ, въ тѣхъ только кастахъ и сословіяхъ, которыя и прежде не принимали слѣшкомъ дѣятельнаго участія въ обществѣ, какъ, напримѣръ, квакеры, накатчики, паписты, раписты, словомъ, отдѣльныя общины сектаторовъ, и во-вторыхъ, въ той только степени, въ какой допускала эту настойчивость и упорство терпимость вновь преобразовавшейся республики. Жаль, что эта терпимость была иногда чересчуръ снисходительна, и что среди всеобщаго очищенія нравовъ, какъ выражались американскіе публицисты того времени, среди толпы Аристидовъ, среди новыхъ Аѳинъ, были Греки и изъ Жидовъ, и такіе, какъ мистеръ Ибоке.

«Послушай, Робинъ!» говорилъ онъ мрачно ходя по своей комнатѣ, спустя нѣсколько дней послѣ тѣхъ дней въ домѣ Кнокса: «гдѣ этотъ мулатъ, лѣнтяй, который былъ у тебя въ школѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ? Ну, знаешь этотъ, что привезенъ съ массачусетской план-

таин, родственникъ еще покойному мистеру Мейтону, братъ его жены?...

— Знаю, знаю, масса. Какъ же! гвяти и шьяница еще, какихъ мало...

«Ну, гдѣ же онъ?»

— Все здѣсь, масса, вмѣстѣ съ домашними новольниками.

«Такъ послушай, Робинъ, за первую вину, за первый разъ что напьется онъ шьянъ, отдауй его палками — не даромъ же я членъ общества трезвости и плачу за васъ канальевъ штрафы...»

— Да онъ и теперь навѣрное шьянъ: такъ сейчасъ же масса?

«Болванъ!» закричалъ Ибоке, и по привычкѣ замахнулся, какъ бы бичомъ, но бича уже не было въ рукахъ, какъ прежде: приличіе не позволяло, и обезоруженный колонъ удовольствовался небольшою оплеухой: «Скотина эдакая! Развѣ не знаешь закона, что въ горедѣ бить нельзя, особливо васъ ословъ?... Молитесь Богу за Франклина... Отправь его на мызу Сигетъ-Ширъ и тамъ... Понимаешь, животное?..»

— Понимаю, масса.

«Выколотишь хорошенько; не уймется — въ работу; не пособитъ и это — на одну воду безъ хлѣба; пускай хоть околѣетъ каналья... Я вамъ докажу, миссъ Райя, заново возитъ ся съ Ибоке не на васъ, такъ на вашей родецькѣ, а ужъ онъ выместитъ...»

Последняя фраза была въ рѣдѣ энергическаго солилока, и Робинъ, въ предположеніи, что ему и слушать

не должно тайныхъ думъ своего господина, хотѣлъ-было идти; но мистеръ Ибоке остановилъ его.

«Постой, постой, Робинъ! не все еще. Теперь дѣло о тебѣ, о твоей памяти...»

Робинъ не дослышалъ второй фразы и задрожалъ отъ первой.

«Чего ты? чего испугался? продолжалъ Ибоке съ улыбкой: дѣло не о сплнѣ твоей, а о памяти.»

— Нѣтъ ее масса... нѣтъ! ушла, пропала... Я не виноватъ масса... старъ сталъ...

И Робинъ повалился въ ноги.

«Дурачей! вставай! чего ты валяешься? не вспомнишь, такъ бѣда не большая: съизнова узнаешь; главное въ томъ, чтобъ не звать и не спать; какъ-только прїѣдетъ, тотчасъ же дать знать...»

— Кто масса? приказывай; глазъ не сомкну, птицы не пропущу...

«Вотъ видишь ли что: сюда, въ Нью-Йоркъ, долженъ прїѣхать на дняхъ тотъ самый мистеръ Фультонъ, котораго я же отправилъ лѣтъ десять назадъ въ старый свѣтъ.»

— Масса, масса! перебилъ въ восхищеніи Робинъ: да если это не другой, а тотъ самый, такъ я на него, какъ теперь гляжу. Еще онъ былъ у тебя, масса, сидѣлъ долго, говорилъ, спорилъ, потомъ плакалъ, радовался и вышло веселый, въ припрыжку ночью, какъ бы его позвали въ кабакъ къ Кимо... Да и Негра-то его я знаю, да и день-то мнѣ памятенъ...

«А чѣмъ?...»

— Масса побилъ меня изъ своихъ рукъ... отвѣчать

не смутясь Робинъ, хотя вспомнилъ вовсе не барскую шлость, а свою исторію хлопчато-бумажнаго царства.

«Ну, такъ, такъ-то, Робинъ» началъ снова мистеръ Ибоке, разодоженный отвѣтомъ Негра: «ты малый у меня славный, служишь мнѣ исправно, не посрамись же и въ этомъ дѣлѣ. Ходи каждое утро и вечеръ въ пристань, начиная съ нынѣшняго, осматривай исподтишка всѣ уйтгольскія лодки, вглядывайся во всѣхъ прѣѣзжихъ, и только-что подмѣтишь какъ-нибудь нашего знакомаго, тотчасъ дай мнѣ знать. Ошибиться нельзя; но если въ десять лѣтъ онъ и перемѣнился, то Негра-то его ты всегда узнаешь. Вѣдь ваша порода не мѣняется — линяетъ только, а рожа все та же. Понимаешь ли?»

— Понимаю, масса; племя наше прочно...

«Скотина! то же шутить... Ступай, одѣнься теперь, черномазая морда, въ желтую ливрею съ золотыми галунами, слышишь? Пойдешь за мной и понесешь вотъ этотъ мѣшокъ... Юдаянѣ нищему правительству нищаго народа!»

Последнія слова были тоже въ родѣ обращенія къ публикѣ и къ тому правительству и народу, которыхъ не любилъ Ибоке, но которымъ долженъ былъ служить по необходимости, если не вѣрю и правдою, то, по крайней мѣрѣ, карманомъ.

Народъ кишѣлъ на улицѣ Бродвѣ, великолѣпнѣйшей, наилучше застроенной, любимой нью-йоркскими жителями. Рыдваны стараго еще фасону, голландскія лифѣйки, летучія тильбюри, новомодные тарантасы перемѣнивались, перекрещивали другъ другу дорогу,

сѣзжались, разсѣзжались, спознали нѣтъ стороны въ-сторону; толпы пѣшеходовъ сдвигали одна другую; цѣлыя группы, семьи, пары уступали мѣсто одинокимъ гражданамъ широкихъ тротуаровъ; записной фронтъ въ длинномомъ фракѣ съ зашитыми висками толкалъ квакера, или сдвигалъ передъ нимъ шляпу, несмотря на то, что другъ челоуѣчества никогда не снималъ своей; торговка догоняла шеголиху, съ которой разошлась въ цѣпѣ, мясникъ — териѣфа, украшаго кусокъ мяса, полицейскій сторожъ — уличнаго шута, какъ нарушителя благочинія города, и за ними рядъ разношниковъ, Негровъ, Индѣйцевъ, путешественниковъ съ корзинами, узлами, тачками, съ чемодами, съ крикомъ, шумомъ, разирасами, — словомъ, со всѣми условіями и принадлежностями дополнительной массы нью-йоркскаго челоуѣчества.

Картина Бродвѣ была живая и разнообразная, и каждый, взглянувъ на нее, увидѣлъ бы неперемѣнно, какъ въ зеркалѣ, всю мятущуюся дѣятельную жизнь юной республики. Молча и медленно, среди общаго говора, быстроты и движенія, шелъ мистеръ Иболе, въ сопровожденіи своего невольника, и корчилъ мастерски свою роль тоже одного изъ обыкновенныхъ посѣтителей Бродвѣ — роль скромнаго накатчика. Придерживался западной стороны улицы, гдѣ гуляли наиболѣе люди лучшаго тону, невольно составившагося уже несмотря на предполагаемое равенство сословій, онъ шелъ опустивъ голову, ни съ кѣмъ не раскланивался, не заговаривая, и оставался только передъ лицами, которыми торжественно, во всеувидѣніе, раздавалъ милостыню. Поравнявшись съ каждакъ-нибудь магази-

ношъ, или разнощикомъ, онъ какъ-бы печально обращался, подходящъ или входилъ, покупалъ нѣсколько бездѣлицъ, не торгуясь, не требуя сдачи, свертывалъ ихъ небрежно и молча навьючивалъ ими своего Негра. Встрѣчясь съ какинъ-нибудь агентомъ республики, или сборщикомъ подаяній на какое-нибудь общественное заведеніе, или увидѣвъ гдѣ-нибудь въ углу просто кружку сборную, онъ не разспрашивалъ, не развѣдывалъ для чего и какъ, скромно подзывалъ къ себѣ Робина, бралъ пригоршни флориновъ и сыпалъ ими щедро, безъ вниманія, какъ-бы не давая себѣ отчета въ своемъ добромъ дѣлѣ. Короче, мистеръ Ибоке прошелъ изъ конца въ конецъ всю улицу Бродвѣ, и выдержалъ превосходно свой характеръ мнимаго друга республики и благодѣтеля человечества, и только повернувъ уже къ пристани, почти къ безлюдному углу набережной, и совершенно убѣдившись, что не было опасныхъ свидѣтелей, съ живостью шопотомъ спросилъ Негра: «что? осталось что-нибудь, Робинъ?»

— Немного, масса.»

«Дай сюда; сочтемъ...»

И оглянувшись еще разъ, принялся считать торопливо: «Десять, пятнадцать, двадцать флориновъ... три, шесть, девять, двѣнадцать долларовъ... канальство! ста флориновъ и тридцати долларовъ какъ не бывало... Подлецы! подлецы! грабятъ честныхъ людей...»

И мистеръ Ибоке, спрятавъ остальные деньги въ карманъ, въ досадѣ пошелъ по набережной.

«Робинъ! вотъ здѣсь ты останешься послѣ; тутъ пристраютъ обыкновенно купеческія суда, французскія и

англійскія, здѣсь лодки уайтгалоровъ... Понимаешь ли?»

— Понимаю, масса.

«Какъ стемнѣетъ, разумѣется, снимешь ливрею, свяжешь ее въ узелокъ: оно и не такъ бросается въ глаза, и платье бережется. Слышишь?»

— Слушаю, масса...

Ибоке и слуга шли нѣсколько времени молча; но, повернувъ на-уголъ схода, Ибоке заговорилъ слова:

«Робинъ! кто это тамъ у самого дока? у тебя глаза какъ у канадской рыси: не разглядишь ли?»

— Мужчины и двѣ женщины, масса.

«Дуракъ!»

— Мистеръ Кноксъ, миссъ Мейтонъ и миссъ Райя...

«А! любезные! вы что тутъ дѣлаете?»

И мистеръ Ибоке пошелъ къ доку. Дѣйствительно, это былъ Кноксъ съ сестрою и съ племянницею. Прекрасный вечеръ и какъ-бы необходимость непремѣнная взглянуть каждый день на Бродвѣ — вытаскили его изъ дому; но къ пристани пошелъ онъ просто ужъ по капризу своей любимой племянницы, не зная самъ и даже не разспрашивая для чего она туда его тащить. Миссъ Мейтонъ, ковыляя съ своей короткой ногой, тоже была не довольна черезъ чуръ отдаленной прогулкою, но поневолѣ должна была уступить просьбамъ Райи. Одна Райя знала цѣль этой прогулки, и взоры ея носились далеко по голубой поверхности воды, казалось; хотѣли высмотрѣть между лѣсомъ кораблей, мелькавшихъ въ вечернемъ туманѣ, завѣтный корабль ея друга... Въ пылкой, мечтательной дѣвушкѣ понятнѣе это чувство

дружбы и любви, излюбленной воспоминаніями, сроченной иногда десятками лѣтъ разлуки. О, Боже мой! сколько есть портретовъ, стиховъ, статуй, которые съ ума сводили дѣвушекъ безъ оригиналовъ, съ которыхъ они были писаны, безъ поэтовъ и скульпторовъ, которые ихъ создали.

Мистеръ Ибоке, подойдя къ семьѣ Кнокса, привѣтствовалъ ее обыкновенной формулой: «здравствуйте, мистеръ Кноксъ, здравствуйте, миссъ Мейтонъ... Райя, здравствуйте...» и вслѣдъ за тѣмъ вопросъ: «что вы тутъ дѣлаете, мистеръ Кноксъ?»

— А вотъ не знаю, отвѣчалъ Кноксъ, показавъ пальцемъ на племянницу: я смотрю на эту треску, и думаю какой бы изъ нее могъ быть славный шоуеръ...

«А! такъ это миссъ Райя привела васъ сюда!... Мечтательница! для нее кажется ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ скользить взоромъ по этой точно безграничной степи водъ, теряться въ ея необъятности, вторить чувствами, біеніемъ сердца приливу и отливу волнъ... Райя, вы влюблены въ море?... Впрочемъ я очень благодаренъ вашей мечтательности» продолжалъ Ибоке съ самодовольствіемъ оттачивая новую фразу: «она доставила мнѣ удовольствіе встрѣтить васъ и чѣмъ-нибудь напомнить объ удовольствіяхъ земнаго міра... Робинъ! подай дамамъ эти покупки... На что же вы смотрите, безъ шутокъ, Райя?»

— На корабли, отвѣчала отрывисто Райя.

«Эти корабли пойдутъ всѣ мимо, ни одинъ не развернетъ въ Нью-Йоркъ.»

Ибоке вралъ, чтобы только носердить Райя; но Райя не осталась въ долгу.

— Мнѣ-то что за-дѣло до этого? я не торгашъ, не купецъ, не Жидъ; я не интересуюсь ими: они могутъ идти куда имъ угодно...

«Конечно, конечно, Райя... Да и что такое простые корабли? это такъ пошло, обыкновенно. Вотъ какъ пріѣдетъ сюда Фультонъ, да настроитъ намъ пароходовъ, да они пойдутъ по-морю, такъ будетъ чѣмъ любоваться вамъ.»

— И не мнѣ одной, мистеръ Ибоке; и они бы давно вошли, если бъ не пронырство и хитрости людей неблагонамѣренныхъ, которые готовы вредить всякому добродѣлу.

Отвѣтъ Райи, сдѣланный просто, безъ всякихъ намековъ, даже противъ обыкновенія, съ кротостью, озадачилъ Ибоке лучше всякой насмѣшки и болзости. Ему показалось, что Райя все знаетъ, не понималъ отъ кого и какимъ образомъ, хотѣлъ-было что-то спутить, но не вышло: замолчалъ, сконфузился и подошелъ къ Кноксу.

«Онъ не пріѣдетъ и нынче!» сказала Райя вдругъ отвернувшись отъ моря: «дяднѣшка, пойдите домой...»

И взявъ за-руку Кнокса, повела его къ спуску, тоже не думая, что отнимаетъ и послѣдній шить у мистера Ибоке.

Ибоке кусалъ губы.

«Пойдемте, пойдите, братецъ...» кричала, ковыляя, миссъ Мейтонъ.

— Да иду же, сестрица...

«А вы, мистеръ Ибоке, не съ нами?»

— Нѣтъ миссъ...

«Ну, такъ прощайте.»

И миссъ Мейтонъ догнала, наконецъ, сошедшихъ уже съ пристани мистера Клокса и Райю.

Ибоке бѣжался, оставшись одинъ съ Негромъ, проклиналъ себя, Райю, Мейтоновъ, цѣлый міръ, ломалъ руки, топалъ ногами и, наконецъ, не зная на комъ выместить свою досаду, схватилъ за-ухо Робина и потащилъ его до мѣста, гдѣ назначилъ караулить прїездъ Фультона.

Юная республика засыпала, и потому не могла видѣть великодушнаго постушка одного изъ своихъ свободныхъ гражданъ.

Райя пошла спать еще до ужина, отговорившись усталостью и головною болью; простившись съ своей помощницею, она осталась одна въ комнатѣ.

Давно, а можетъ-быть еще и ни разу, не чувствовала она такъ сильно своего грустнаго положенія одинокой сироты въ этомъ мірѣ. Ссоры и безпрестанныя стычки съ Ибоке выводили ее изъ терпѣнія, совѣты и замѣчанія тетки наскучали, даже предупредительность и ласки мистера Клокса становились ей приторными; не ихъ жаждало юное сердце дѣвушки, не на нихъ отозвалось бы оно всею силою семнадцати-лѣтняго жара. Периодическіе приливы и отливы родственной нежности, поцѣлуй, пожатія рукъ, улыбки, какъ каррикатура упометельныхъ выраженій чувствъ болѣе сильныхъ,

привязанности болѣе страстной, могли только раздражать и сердить пылкую Райю. Она искала сама не зная чего, томилась душою, тоже безъ сознанья, тосковала, плакала, легла-было спать — не засыпала, взяла книгу — не читалось; наконецъ, почти разсердившись сама на себя, вскочила, накинула шаль и пошла безотчетно, машинально, къ углу, гдѣ лежали въ пыли ея переломанныя игрушки и куклы.

«Стану играть... Почему не играть?... Кто теперь увидитъ?...» сказала вдругъ Райя и отъ одной уже этой мысли развеселилась.

«Ахъ, какая смѣшная уточка! и теперь безъ ноги еще смѣшише, — точно тѣтенька Мейтонъ...»

И Райя взяла въ руки свою тѣтеньку...

«А! старый пріятель! ты пострадалъ въ последнемъ сраженіи. Ну, да досталось же и твоему собрату... Храбрый Жидъ! тебя надобно на покой, ты отслужилъ службу...»

И Райя отставила куклу.

«Сколько лѣтъ этой лисицѣ? кажется, столько же, сколько и мнѣ... мало мистеру Ибоке, а все смотреть такъ же хитро, такъ же изъ подлобыя... Вошь, мистеръ Ибоке!...»

И Райя швырнула ногой бумажную лисицу.

«Пожалуйте сюда, пожалуйста, мистеръ Нечпоръ... Какъ? вы ходите собирать травы, составлять вангъ гербаріумъ?... нутка, ну...»

И Райя потянула за-нось деревяннаго осла, навозоченнаго мѣшками зелени и фруктовъ.

Райя не шадла ни Жидъ, ни лисы, ни уточки, ни

тетни, ни осла, ни натуралиста, смѣялась, острила, бросала, разбирала, но вдругъ остановилась.

«Это что такое?... что это за лукошко?... съ дудочками, вѣточками... наперстокъ!... игольникъ!... А я ихъ такъ искала... лорнетка .. Ахъ!»

И Райя, вдругъ замолчавъ, перемѣнившись въ лицѣ, вытащила корзинку, которая нѣкогда была моделью парохода.

Тысячи различныхъ ощущеній заволновались въ груди Райи, рядъ игривыхъ воспоминаній смѣнялся слова тоскливымъ чувствомъ, безпечность — участвомъ, шутовство — грустью, насмѣшка — укоромъ.

«И я позабыла объ ней» сказала какъ бы съ упрекомъ сама себѣ Райя: «позабыла о томъ, кто подарилъ мнѣ ее.»

И поднявъ игрушку съ полу, слула съ нея пыль, поправила, что было испорчено и временемъ и небрежностью, припомнила и прежнюю ея форму и объясненіе учителя и, наконецъ, поставивъ на столъ, не сводя глазъ съ заветнаго подарка, Райя задумалась о томъ, кто сдѣлалъ его.

Ночь прошла въ мечтаніяхъ. Райя не предвидѣла, что въ ту же самую ночь могли и осуществиться они въ самой неожиданной, пріятной для нея дѣйствительности.

Четыре лихихъ уайтгалера причалили къ набережной и высадили трехъ пассажировъ: одинъ былъ еще молодецъ, другой пожилыхъ лѣтъ, третій изъ породы черныхъ. Въ ту же самую ночь Робинъ, какъ сумасшедшій, прибѣжалъ къ Ибоке и разбудилъ его мавъ-

стиемъ о прїѣздѣ Фультона и съ нимъ, если не самого короля французскаго, то по-крайней-мѣрѣ Лафайета, или кого-нибудь другаго изъ знаменитыхъ генераловъ.

«Такой крикунъ, масса...» говорилъ запылавшійся Негръ: «бульгъ, шумма... Все мы, да я, такъ и лѣзетъ видѣться въ виски уайтгалеру.

— Да кто, скотина? сиранивалъ въ просянъ Ибоке.

«Да этотъ же все генераль, масса... Да ты знаешь ли кто я?» кричалъ онъ понукая уайтгалера: «да и Французъ... Да мы дали вамъ свободу, да безъ васъ вы бы о-сю-шору возили жиръ китовый у Англичанъ, да они бы васъ забили, заколотили, замучили, какъ вы мучаете черныхъ... А масса! слышишь? какъ врагъ? мучаете черныхъ... Да мы васъ спасли, да вы насъ на рукахъ должны носить, да ставить ли намъ памятники, колонны, да...»

— Да замолчишь ли ты, скотина? закричалъ изволецъ Ибоке, выведенный изъ терпѣнья, и вскочилъ съ постели.

«Виновать, масса, виновать! Ты самъ велѣлъ разбудить себя, когда онъ прїѣдетъ...»

— Да, кто, болванъ?

«Фультонъ, масса, Фультонъ.»

— Прїѣхалъ? Когда?

«Да еще уайтгалера, я думаю, не отчалили.»

— А! прїѣхалъ!... ну, такъ и говори...

И мистеръ Ибоке совершенно очнулся, какъ-бы не спалъ, прошелся раза три по комнатѣ, выпилъ стаканъ холодной воды, подумалъ нѣсколько времени и по-

дойдя къ Робину такъ близко, что тотъ пошатнулся бы, да не сдвинулся, спросилъ его отрывисто:

«Робинъ, хочешь ли на волю?»

— Масса...

И Робинъ въ волненіи, растопыривъ, какъ-бы произвольно, уши, прищурилъ глаза, оскаливъ зубы, короче, съ экспрессіею англійскаго бульдога, котораго хотять пустить гулять, остановился и не могъ выговорить ни слова.

«Ну что, масса, отвѣчай, хочешь ли на волю?...»

— Ухъ... Ухъ, масса!

Восклицанье это походило болѣе на радостный лай собачи, чѣмъ на человѣческое изъясненіе удовольствія, и Робинъ, повалившись въ ноги Ибоке, ползалъ вокругъ нихъ, гладилъ и осыпалъ ихъ поцѣлуями.

«Встань, встань дурачокъ, говорилъ Ибоке ласково, поднимая Негра: волю-то дамъ, да вѣдь надобно еще отбыть службу...»

— Что хочешь, масса... въ огонь и въ воду, хоть въ адъ, я не знаю что тамъ будетъ; но хуже, какъ...

И Робинъ снова остановился.

«Ну! ну! досказывай... что хуже? гдѣ хуже? не бойсь у меня?... Неблагодарное животное, волчья породы, отродье змѣиное, племя крокодила...»

И съ каждымъ ругательствомъ, при каждой разстановкѣ, Ибоке билъ въ тактъ по лицу Негра. Робинъ сложилъ руки, вытянулся, опустилъ голову и, какъ приговоренный къ смерти, какъ-бы веревка висѣлими уже терла его шею, не трогался съ мѣста.

«Что молчишь? говори, старая обезьяна!»

— Виновать... престоналъ Робинъ.

«Ну, виновать, такъ ужъ такъ и быть, прощай», сказалъ Ибоке, и переставъ бить Негра, продолжалъ тономъ увѣщательнымъ: «самъ видишь, что сказалъ не ловко, сознаешься? ну то-же! помирися... Дурачокъ ты, дурачокъ, Робинъ!... тебѣ ли еще не житье? Обласкаешь, говоришь со мною, отличишь отъ всѣхъ, распоряжаешься, командуешь, одѣтъ, обутъ и... и... сытъ... А? каково? сытъ... понимаешь ли ты?»

Понимаю, масса, понимаю — сытъ...

«Не то, не то, дуралей!... Понимаешь ли ты, что я бы самъ пошелъ въ Негры, чтобъ только не хлопотать о себѣ: пускай бы другіе хлопотали... Вотъ твое счастье въ чемъ,— спокойно, беззаботно, весело, ни до чего нѣтъ дѣла; а что побранять, побьютъ, повѣсятъ — экая бѣда! зато послѣ похвалятъ, цоласкаютъ, помилуютъ; а если и похоронятъ, такъ всё-таки другіе же: самому заботой меньше... Впрочемъ самъ ты человекъ умный, дѣлай какъ знаешь: нелюбо тебѣ, изволь, дай волю, но-прежде исполни мою... И не то, чтобы я требовалъ... Боже упаси! Съ тѣхъ поръ какъ ты сдѣлался такимъ вольнодумцемъ, гдѣ намъ приказывать! а я прошу по-пріятельски, изъ дружбы, Робинъ... Дай, дай руку. Ну! жми крѣпче.. Вотъ такъ, вотъ такъ, Робинъ...»

Робинъ жалъ какъ-бы кусокъ раскаленнаго желѣза.

«Во-первыхъ, Робинъ, началъ снова Ибоке: «ты знаешь, что Фультонъ пріѣхалъ; ты знаешь, кто такой Фультонъ; ты видѣлъ Фультона; ты долженъ быть Фультономъ... Да, вторымъ Фультономъ... Гдѣ онъ бываетъ, съ кѣмъ говорить, что дѣлаетъ, что думаетъ, ты

все долженъ знать, Робинъ; ты долженъ быть стражемъ Фультона, слѣдить за каждымъ его шагомъ, словомъ, дѣломъ, мыслью, быть его тѣнью — слышишь?»

— Буду самъ безъ тѣни, масса, если надобно.

«Во-вторыхъ, увѣдомлять меня обо всемъ подробно, каждый день, каждый часъ.»

— Каждую минуту, масса.

«И въ-третьихъ, Робинъ, никому ни пол-слова...»

— Ни самому себѣ, масса.

«Теперь прямо въ дружбу къ Неграмъ Кнокса. Фультонъ вѣроятно останется въ его домѣ.»

— Масса?

«Что?»

— А воля?

«А служба?»

— Прощай, масса.

«Прощай, Робинъ.

— Кажется, не обманеть, если слажу... подумаль Робинъ и вышелъ.

«Кажется, сладить, хоть и обману... скавалъ Ибоке и легъ спать.

Робинъ ошибался, Ибоке не ошибался ни за себя, ни за него.

Между-тѣмъ, тотъ, о которомъ такъ много хлопотали, за чью голову мистеръ Ибоке назначилъ уже, какъ говорится, цѣну, и цѣну дорогую для Робина, ничего не зная, пришелъ преспокойно на другой день, утромъ рано, въ домъ мистера Кнокса и удивилъ всѣхъ неожиданностью своего появленія. Живыя доказательства памяти и дружбы, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки,

и совѣстливья затрудненія со стороны Фультона въ предлагаемомъ на время пожитіи, сдѣлали самый выгодный для него эффектъ. Не говоря о Райнъ и мистеръ Кноксъ, даже миссъ Мейтонъ, увлеченная печальностью свиданья и позабывъ свое постоянное недоброежелательство къ Фультону, начала уговаривать его остаться и жить пока съ ними. Сама взялась убирать назначенную для него комнату, припомнила нѣкоторыя изъ его прихотей, старалась предупредить и угодить имъ, короче, меньше чѣмъ въ пол-часа, Фультонъ былъ пристроенъ, какъ нельзя лучше, какъ-бы не выѣзжалъ изъ Нью-Йорка, не выходилъ изъ дому Кнокса. Начались разспросы и рассказы безъ конца. Въ десять лѣтъ накопилось ихъ таки-порядкомъ; но Фультону было приятно удовлетворять имъ за искренность и навность, съ которыми они дѣлались, а вторые лѣлись сами собою: участие и вниманіе слушателей одушевляли его. Въ обыкновенный часъ мистеръ Кноксъ и миссъ Мейтонъ отправились въ модельню, Райнъ и Фультонъ остались одни. Бесѣда сдѣлалась еще живѣе, свободнѣе; дѣло шло о передачѣ чувствъ, а оба собесѣдника достаточно были взволнованы и тронуты, каждый въ свою очередь, и потому не все говорилъ одинъ, а другой слушалъ, высказывались оба, а иногда и оба вдругъ.

«Я васъ не позабыла, мистеръ Фультонъ, не могла забыть; я бы умерла кажется, если бы позабыла...»

— Я былъ несчастливъ Райнъ, испыталъ много горя въ эти десять лѣтъ; но мнѣ становилось всегда легче, когда воспоминаніе о моемъ юномъ другѣ навѣивало меня... Я пошлю мой персидъ въ Фрацію, пошлю всѣ

ужасы революціи, которая взвела на эшафотъ столько великихъ людей, — для меня, какъ ученаго, самаго великаго — взвела Лавуазье... Помню, какъ и меня не великаго, тащили, какъ чародѣя на плаху... Представительствомъ Франклина я былъ спасенъ; но и на смерть я шелъ безъ боязни; самъ не знаю, что укрѣпляло меня; помню одно только, что въ виду уже гильотины, я задумался: мнѣ пришла въ голову моя родина, мое дѣтство, молодость, моя жизнь прошлая, и среди вереницы этихъ отраднхъ воспоминаній — вы, какъ лучшая глава этой жизни, какъ утѣшительное создане, какъ ангель мой хранитель, явились мнѣ, и я пошелъ на смерть, повторяю вамъ, не думая о смерти...

«Боже мой! зачѣмъ я не могла идти рядомъ...»

— Я бы не допустилъ васъ, мой юный другъ.

«Я бы не спросилась васъ, мой добрый наставникъ...»

— Райя...

«Да, да, не спросилась бы, и умерла съ вами вмѣстѣ.»

Мистеръ Кнокъ и миссъ Мейтонъ вернулись.

«Братецъ!»

— Сестрица!

«А что вы думаете?»

— Ничего...

«Ничего? Ну, а насчетъ этого; посмотрите - ка...»

И миссъ Мейтонъ показала пальцемъ на Райю и Фультона.

«Видъ мнѣ кажется, что они ужь не дѣти, не учитель и ученица... А? какъ вы думаете?»

— Отъ чего же сестрица? они могутъ быть по-прежнему: мистеръ Фультонъ учителемъ, Райя учени-

Фультона.

пей. И тотъ и другой вѣрно не откажутся: мистеръ Фультонъ, хотите быть учителемъ? а ты, Райя, хочешь быть ученицей по-прежнему?...

«Охотно.»

— Ахъ, пожалуйста... Учите меня, мистеръ Фультонъ; позвольте дядишка, тетивыла... Я все перезабыла, отъ всего отстала... карандашъ валится изъ рукъ, кисть не повинуется... Ахъ, мистеръ Фультонъ, учите меня живописи ..

«Очень радъ, миссъ Райя.»

— Рады?... Такъ живописи...

«Такъ живописи... подтвердилъ рѣшительно мистеръ Кноксъ и пошелъ куда давно уже манылъ его вкусный шодеръ.»

Уроки пошли своимъ порядкомъ и точно по-прежнему, безъ старанья и успѣховъ ученицы и съ большею еще снисходительностью, чѣмъ когда-либо, со стороны учителя. Название только было живописныхъ классовъ, въ сущности, эти опредѣленные часы, и съ дозволенія добрыхъ воспитателей, были часами невиннаго, хотя и украденнаго, блаженства двухъ заранѣе нарѣченныхъ судьбою счастливыхъ. Да и до живописи ли было молодымъ людямъ?.. Когда два чудныхъ, полныхъ жизни глаза одушевлялись вниманіемъ, когда слеза участья, возбужденнаго разговоромъ о какомъ-нибудь трогательномъ случаѣ, текла по смуглой, зарумяненной щекѣ, когда коралловые губки, дрожа, дышали пощелуемъ, готовые наградить имъ героя этого случая, а этотъ герой былъ иногда самъ рассказчикъ, — о! тогда не-неволь позабывалось названіе классовъ, кисть выпадала изъ

рукъ и морской видъ съ натуры, передъ которымъ растаялъ бы Вернетъ, оставался даже неподмалеваннымъ. Волны моря стихали передъ волненіями чувствъ, теплота воздуха усиливала только пламя ощущеній, даль горизонта терялась въ туманѣ неясныхъ надеждъ — ученица слушала еще, хотя учитель давно уже переставалъ рассказывать.

Самую жалкую ролю въ этихъ классахъ натуральныхъ разыгрывали складной мольбертъ и нескладная помощница. По назначенію своему и распоряженію миссъ Мейтонъ, послѣдняя должна была быть и подругой, собесѣдницей, и горничной, и дуэнной Райн: — скучныя обязанности! И Фультонъ изъ состраданія кажется создалъ для нея новую должность: — Эффи растирала краски. . . .

Не все время, однако же, не всю дѣятельность Фультона поглощала усилившаяся привязанность къ Райн: прежняя мысль, какъ старая, безотвязная любовница, тоже не отказывалась отъ правъ своихъ. Не даромъ столько думъ, столько лѣтъ, столько горя принесъ онъ ей въ жертву, испыталъ гоненія, насмѣшки, презрѣніе — страдалъ за нее, страдалъ, но не унывалъ и не отчаявался. «Вздоръ!» говорилъ онъ еще на палубѣ корабля, въ виду уже нью-йоркской пристани, на одинъ шагъ отъ своей переродившейся родины — Америки: «вздоръ, надобно только вытерпѣть, выстрадать, и потомъ сдѣлать дѣло. Не можетъ быть, чтобъ и этотъ ушлый народъ былъ чуждъ и холоденъ къ благу, совершенствованію и процвѣтанію общества? чтобъ это общество не доняло своей собственной пользы и вы-

*

годъ , чтобъ эта родина не приняла скитавшагося, гонимаго и отвергнутаго всѣми ея сына, съ его послѣднимъ приношеніемъ, съ даромъ ума и творчества, съ плодомъ труда и воображенія?... Она не призрѣла меня десять лѣтъ тому назадъ, не приняла моего открытія, не поняла его... Но до того ли ей самой было?... А теперь... теперь...

И Фультонъ только-что успѣлъ ступить ногой на твердую землю, расцѣловать ее по обычаю, только-что взглянулъ на друзей и знакомыхъ, какъ уже тотчасъ сообразилъ, какимъ образомъ дать ходъ своему изобретенію и началъ дѣйствовать въ его пользу.

Проектъ разсматривался на конгрессѣ. Были сомнѣваніи между членами, но недоброжелателей не было. Каждый, напротивъ, съ живымъ участіемъ, не просто съ любопытствомъ, готовъ былъ пожертвовать охотно частью своей собственности, доходовъ, жалованья, что бы увидѣть окончательные результаты и убѣдиться въ пользѣ открытія. Переговоры уже шли о суммѣ необходимой для исполненія предпріятія. Намаченіе дѣлалось щедрое, но не утверждалось еще, потому что ждали президента. Нѣсколько разъ справлялся Фультонъ объ отвѣтѣ, но рѣшительнаго еще не было. Наконецъ конгрессъ самъ пригласилъ его въ Вашингтонъ и объявилъ ему согласіе, вмѣстѣ съ патентомъ на званіе почетнаго гражданина республики, званіе, стоявшее дороже всякаго другаго поощренія.

Фультонъ вернулся въ Нью-Йоркъ торжествующимъ.

«Здравствуйте, мистеръ Фультонъ, здравствуйте!» кричала весело Райя, вбѣгая одна къ нему въ комнату:

Привхали?... Наслы-те! Ну, какъ я рада... Что дѣла? что проектъ?...

И Райя пожала крѣпко руку Фультона. Потомъ увидѣвъ вдругъ нѣшки разсыпанныхъ долларовъ, вскрикнула въ изумленіи:

«Боже мой! Боже мой! Откуда такая куча денегъ? Кто далъ вамъ, мистеръ Фультонъ?...»

— Богъ, Райя, вашими молитвами за мое долгое терпѣніе...

«Куда же это столько?»

— На постройку парохода.

«Такъ много?»

— Райя! пойдутъ милліоны, пока мое открытіе выручитъ издержки и умножитъ наконецъ груды золота грудами...

«Ахъ, мистеръ Фультонъ! не говорите съ такимъ жаромъ о деньгахъ. Вы дѣлаетесь точно, какъ Ибоке... Что за деньги?...»

— Точно, Райя, вы правы: не деньги, а выше денегъ, умъ и образованность, — вотъ что раздвинуть, разнесутъ мои пароходы.

«Посмотримъ.»

— Не пыньче, не тотчасъ же, Райя...

«А какъ придетъ время.... Ну это могло бы сдѣлаться и безъ вашихъ пароходовъ.»

— Райя!

«Да, да, мистеръ Фультонъ; не хорошо прежде времени хвастать.»

Фультонъ нахмурился, Райя катала доллары по столу. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

«Вы разсердились на меня, Фультонъ?» сказала наконецъ Райя, и нѣсколько долларовъ повалилось на полъ.

— Вы меня огорчили, Райя, въ лучшую минуту моей жизни. Богъ съ вами!...

И Фультонъ нагнулся поднять упавшіе доллары.

«Не поднимайте! не поднимайте! Не-то...»

И Райя, схвативъ одинъ изъ мѣшковъ, готова была разсыпать весь на полу.

— Разсыпьте, разсыпьте, Райя... Они виноваты... Ваша вспыльчивость должна же удовлетвориться...

Райя покраснѣла.

— Лучшій день въ моей жизни, продолжалъ грустно Фультонъ:—конецъ десяти-лѣтней пытки, страдашій, неудачъ, гоненій! ты пришелъ, вмѣстѣ съ радостями, восхищеніемъ, высокимъ сознаниемъ въ моемъ предвзначеніи, съ благороднымъ чувствомъ внутренняго достоинства; но я не могу наслаждаться тобою, не долженъ радоваться, не долженъ восхищаться, не смѣю дѣлиться ощущеніями съ любимымъ мной другомъ; онъ отталкиваетъ меня, укоряетъ, ищетъ моихъ слабостей, недостатковъ, смѣется надъ ними, упрекаетъ .. Онъ не хочетъ... Видно нѣтъ радости безъ горя, наслажденія безъ отравы, дружбы безъ упрека... Вернись же назадъ, лучшій день моей жизни! нѣтъ не нуженъ ты безъ участія друга, безъ любви...

«Моей? моей?» перебила Райя и прижала на грудь Фультона: «нѣтъ! не уйдетъ лучшій день жизни, не уйдетъ... Райя любитъ Фультона...»

Слезы покатылись градомъ; дыханіе стѣснилось; Райя почти въ забытій осталась на рукахъ тронутаго Фультона.

— Боже! ты собралъ для меня всѣ радости вдругъ. ты наградишь меня двойнымъ счастьемъ: я люблю и любимъ...

Дверь отворилась; вошелъ Ибоке, за нимъ миссъ Мейтонъ и мистеръ Кнокъ. Райя и Фультонъ вскочили.

«Не безпокойтесь, не безпокойтесь. Вы такъ были счастливы...» сказалъ Ибоке, обратившись къ Райѣ и Фультону: «пожалуйста, мистеръ Фультонъ, миссъ Райя, будьте по прежнему... А вы, мистеръ Кнокъ, миссъ Мейтонъ, полюбуйтесь... Вы всѣ прекрасно, господа, исполняли ваши обязанности: вы, миссъ Райя, невинной воспитанницы, вы, мистеръ Кнокъ и Мейтонъ, строгихъ воспитателей, а вы, ученый, великій изобрѣтатель, обязанность нравственнаго наставника... Пора мнѣ подумать о своей, пора... Пойдемте, Райя... Трудное дѣло, продолжалъ онъ! подавая руку: трудное—долгъ попечителя... ну, да какъ-нибудь, съ помощію Божіею, стараніемъ, поменьку сладимъ... Не даромъ же вашъ покойный батюшка, который и самъ почти выросъ, жилъ и только-что не умеръ на моихъ рукахъ, довѣрилъ мнѣ васъ и утвердилъ попечительство законнымъ актомъ. Память покойнаго должна быть уважена, и всего болѣе съ моей и вашей стороны. Я далъ ему слово сберечь васъ, а вы мнѣ пособите сдержать его—должны пособить... Пойдемте же...»

Последнія только слова произнесены были съ вѣсомъ, остальные съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ и кротостью. Казалось, что самое доброе, родственное чувство одушевляло Ибоке, если бы обстоятельства случая и печальность его появленія, а главное—выраженіе

лица, отвратительныя ужаски и злая улыбка не убѣждали въ противномъ. И каждый, зная его права, подкрѣпленныя законами, зная, что можетъ сдѣлать онъ, и догадывался, что сдѣлаетъ... Всѣ были блѣды, молчали и не трогались съ мѣста, кромѣ Райи, которую, какъ на пытку, выводилъ уже мистеръ Ибоке изъ дому ея воспитателей.

«Ну, Робинъ! послѣднюю услугу, не службу, помни... говорилъ Ибоке, входя въ свою комнату: и потомъ волю... Знаешь миссъ Райю?»

— Знаю.

«Знаешь, гдѣ она?»

Робинъ показалъ на запертую комнату.

«Ну... вотъ ключъ. Лошадей, въ карету и на плантацію...»

— А не захочетъ, масса?

Ибоке замахнулся.

— Понимаю, понимаю, масса...

И Робинъ выходилъ уже.

«Постой, постой, на какую же?... Въ Кентуки, на самую дальнюю»

Робинъ исчезъ. Ночью увезли Райю.

«Любить же покушать этотъ свободный народецъ американскій, нечего сказать!» говорилъ маркизъ Камбурле, выходя изъ своего номера въ общую столовую. А этотъ маркизъ былъ не кто иной, какъ товарищъ Фультона на возвратномъ пути изъ Европы, — тотъ самый пассажиръ, который высадился съ нимъ въ одно время

въ Нью-Йоркскую пристань, — короче, французскій король Робина.

Біографія Камбурле была вся не долга: промотавшійся дворянинъ гасконскій еще вѣка Лудовика XV, недовольный въ царствованіе Лудовика XVI, гражданинъ эпохи революціи, рыцарь съ девизомъ равенства, братства и свободы, и потомъ снова недовольный черезчуръ растрепанною свободою, снова маркизь, и наконецъ эмигрантъ Америки.

Маркизь сошелъ въ столовую къ общему завтраку болѣе изъ любопытства, изъ нравственной, необходимой для него потребности въ обществѣ, чѣмъ изъ физической — ѣсть. Его желудокъ не могъ еще привыкнуть къ раннимъ періодамъ дѣятельности желудковъ американскихъ, держался своихъ французскихъ обычаевъ, питался поутру кофе съ маленькой тортинкой хлеба, или чашкой молока, или наконецъ стаканомъ свѣжей воды, изъ которой одно пылкое воображеніе Француза могло сдѣлать не только питье, но даже и утреннюю пищу. Но кого не увлекать общій духъ; но-крайней-мѣрѣ духъ фаршированной индейки? И маркизь Камбурле, увидѣвъ честную компанію собесѣдниковъ, рядъ чисто покрытыхъ приборовъ и десятки самыхъ разнообразныхъ лакомыхъ блюдъ, невольно измѣнилъ для соблазнительницы — индейки и привычекъ, и національности, и приблизился вѣстѣ съ другими къ столу.

Застучали ножи, вилки, ложки, тарелки, началась самая быстрая, дѣятельная работа, — начался завтракъ.

«Чортъ возьми! какъ скоро ѣдятъ эти либералы!» кричалъ маркизь и совался съ вилкой къ каждому блюду.

— Спасайте еероль; есть еще средство... сказалъ сосѣдъ направо. Маркизь къ ней: не тутъ-то было, собесѣдникъ напротивъ, уже махалъ хвостикомъ рыбы, какъ-бы поддразнивая маркиза. Маркизь къ бекасу, къ единственному оставшемуся бекасу между жарящими — поздно: улетѣлъ, какъ-бы и въ жаренномъ видѣ не отвыкшій отъ быстроты полету. Положеніе маркиза становилось часъ-отъ-часу затруднительнѣе, а шипетить какъ нарочно сильнѣе; тутъ только таркизь воцѣлъ всю египетскую мудрость своей народной поговорки: *que l'appétit vient en mangeant*, особливо когда вѣдять другіе, и съ стѣсненнымъ сердцемъ подошли къ себѣ масляницу; но и та, увы! была пустая...

«Чортъ возьми! можно ли чище и скорѣе?... Это не люди — огры: они проглотятъ землю и запылятъ океаномъ въ-минуту...»

И маркизь, поглаживая по пустому брюху, отошелъ къ окну, въ самый уголъ комнаты.

— Вилочъ! вилочъ! раздалось по столовой.

«Это зачѣмъ? подумалъ маркизь; и съ стоическимъ терпѣніемъ ждалъ конца требованія, съ вѣтвой въ душѣ, что если хоть одна бестія изъ трактирной прислуги осмѣлится подать ему вилку—бросить ее въ рожу хоть самому трактирщику, несмотря на то, что онъ можетъ — быть отставной членъ мѣстнаго нью-Йоркскаго правленія, или командиръ баталіона милиціи.

«Это будетъ просто обида, насмѣшка, самая наглая насмѣшка; я накажу за нее...» бормоталъ про себя маркизь и забивался дальше и дальше въ уголъ.

Подали вилочъ. Всѣ собесѣдники съ жадностью

бросились на нихъ, и вооружившись, какъ трезубцами Нептуна, сыны океана разсѣлись, кто гдѣ попало, въ разныхъ углахъ, у оконъ, посреди залы, и принялись тержественно, публично, безстыдно ковырять въ зубахъ, и чистить ногти.

Кровь хлынула въ голову щепетильнаго маркиза...

Длительно шла операція, вообще очищенья, если къ чисткѣ зубовъ и ногтей прибавить еще уборку прибора, столовъ, крошекъ, пустыхъ блюдъ и наконецъ метенье самой комнаты. При этомъ каждый, преимущественно изъ чистившихъ зубы и ногти, старался принять самую свободную, независимую позу, каждый преспокойно клалъ свои ноги на столъ, на окно, на стулъ предсѣдателя собесѣдника, и нисколько не думалъ, не затруднялся тѣмъ, что каблукъ его чесалъ затылокъ сосѣда, но-крайней-мѣрѣ никакъ не больше, сколько тотъ, толкая въ свою очередь въ спинку стула и вмѣстѣ въ спинку другаго.

Маркизь страдалъ и не вѣрилъ глазамъ своимъ, что онъ въ обществѣ людей — не только людей благовоспитанныхъ. Когда человекъ бываетъ раздраженъ, въ минуту досады и непріятнаго расположенія духа, ему невольно приходятъ въ голову воспоминанія лучшаго, утѣшительнаго, даже иногда самаго сладостнаго и упоительнаго, и, какъ на зло, какъ-бы для того чтобъ поддразнить маркиза, несмотря на его плебейское труженничество, проклятая память нарисовала ему самую восхитительную картину церемоній, вѣжливости, щепетильной учтивости, чопорнаго этикета Франціи. Маркизь

страдалъ и думалъ, какъ бы только выбраться. Но и тутъ задернутыя и перешитыя ноги составляли непреодолимое препятствіе. Маркизь вспомнилъ цѣпи изъ рукъ и ногъ воздушныхъ нѣмѣ въ балетѣ Мелисерта, и обрекъ себя на пытку, пока раздвинутся самъ собою естественныя, живыя и истинно республиканскія баррикады. Но собесѣдники и не думали. Отчистивъ ногти и зубы, каждый вытащилъ изъ кармана по куску табаку и, забивъ его за щеку, принялся жевать.

Начался кейфъ образованнаго американскаго общества, передъ которымъ кейфъ рабочаго, празднаго, извѣннаго Турка показался бы поэзіею. Тамъ точно есть эта поэзія, здѣсь было только жеванье. Восклищаніе («аллахъ!») имя Аллахъ, о которомъ какъ бы не перестаетъ помышлять правосѣрный мусульманинъ нарушаетъ иногда его безмолвное созерцаніе: — кеситіе сыновъ Вашингтона нарушалось однимъ только словомъ, поминутно повторяемымъ, это слово — его мечта, помышленіе, пружина дѣятельности, свѣтильникъ жизни; оно не сходило съ языка его ни дома, ни на улицѣ, ни въ трактирѣ, ни въ конторѣ, ни на балѣ; онь произноситъ его сидя, ходя, стоя, здороваясь, прощаясь, днемъ, ночью, на морѣ, на сушѣ: это слово — это «долларъ.» И долларъ, съ причетомъ чиселъ десяти, ста, тысячи, переходилъ изъ устъ въ уста, раскатывался дробью, звенѣлъ колокольчикомъ, шипѣлъ, трещалъ, какъ соль на угольяхъ, — все съ помощью удивительнаго англо-американскаго произношенія, и накрывалъ собою свистъ плевковъ, шумъ и рокотъ паншьяна, монотонную, калмыцкую, верблюжью музыку жеванья.

Маркизь былъ какъ въ чадѣ, стоялъ, какъ жертва безъ движенія. Картина свободной, общественной жизни Американцевъ отуманила его, и никакія воспоминанія безпорядковъ, нештовства, нарушенія приличій, ужасовъ, толпы савкюлотовъ и пуасардокъ не мирили его съ нею: онъ былъ убѣжденъ, что всѣ эти юные ресубликанцы, по-крайней-мѣрѣ на лицо находившіеся въ трактирѣ, хуже всѣхъ террористовъ имѣтъ, и пѣялъ на Вашингтона, пѣялъ на судьбу, за то, что такъ рано дали имъ свободу: «Это звѣри еще» говорилъ онъ про себя: «животные; они жуютъ жвачку» и хотѣлъ было отвернуться къ окну, но вдругъ одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ шлевокъ попалъ въ него и въ одну минуту перервалъ нить его учено-политическихъ соображеній. Маркизь взбѣсился; гордость Француза заговорила, оскорбленное достоинство тоже, и онъ бросился на-угадъ къ виноватому. Тутъ ужь не было ни препятствій, ни невозможности, ни ногъ, ни баррикадъ. Маркизь летѣлъ прямо, быстро, толкалъ, ронялъ всѣхъ безъ разбору и остановился по одному только соображенію, не зная навѣрное, противъ черной рожи вновь отпущеннаго на волю негра.

Маркизь никакъ не ожидалъ встрѣтить подобнаго противника, невольно простылъ отъ гнѣва, взглянулъ съ презрѣніемъ на струсившаго негра и, положивъ руку на шпагу, съ хвастовствомъ Гасконца сказалъ торжественно: «онъ не знаетъ ея» и вышелъ изъ трактира.

Всѣ засмѣялись, несмотря на то, что между смѣющимися были и лежаціе на полу; нѣкоторые выбѣжали на улицу и провожали рыцаря шлепка громкимъ ашлодисментомъ; но онъ не слышалъ и не видѣлъ ничего, шелъ

безъ оглядки, прямо, не зная дороги, улицъ, съ единственныиъ напѣреніемъ найти главнаго виновника своихъ невпріятностей и наказать его за все, включительно и за плевокъ негра.

«Нѣтъ, господинъ механикъ» говорилъ онъ поворачивая на-обумъ въ улицу Бродвѣ: «вы мнѣ приплатите за всѣхъ . . . Вы меня изманили ѣхать въ эту благословенную сторонушку: вы мнѣ насылили золотыя горы; вы насказали мнѣ чудесь изъ Тысячи-одной Ночи: образованнѣйшее, умнѣйшее, дѣятельнѣйшее, просвѣщеннѣйшее общество . . . Чтобъ его чортъ взялъ и съ вами!»

И маркизъ наткнулся на коробку разнощика :

«Любезный, скажите гдѣ дорога къ пристани?»

— Ужъ вѣрно не черезъ мою коробку! отвѣчалъ дерзко разнощикъ — типъ, прототипъ американскихъ янки и разнощиковъ — и толкнулъ маркиза поворачиваясь съ своимъ скарбомъ.

«Скотина! санкилотъ!» (закричалъ маркизъ и пошелъ дальше.

Вдали показалась сухошавая, длинная фигура, въ черномъ суконномъ балахонѣ, въ бѣлыхъ шелковыхъ чулкахъ, въ башмакахъ съ пряжками, съ огромнымъ костылемъ, въ еще огромнѣйшей шляпѣ, — словомъ, въ полномъ вооруженіи со всѣми атрибутами фигура кватера. Спокойное лицо, даже черезъ-чуръ спокойное, почти безсмысленное по выраженію, но-крайней-мѣрѣ тихая, чинная поступь и вообще скромность движеній выгодною предрасположили маркиза, и онъ рѣшился вторить свой вопросъ: «гдѣ пристань?»

— Приставь, другъ мой? отвѣчалъ квакеръ тошенькимъ голоскомъ! ты хочешь знать, гдѣ пристань? Тамъ, гдѣ пристають обыкновенно...

И другъ челоуѣчества отправился дальше.

Во всякомъ другомъ случаѣ отвѣтъ квакера показался бы пошлой, школьничьей штукой; но здѣсь самое искреннее простодушіе подсказало его, и какъ ни былъ разсерженъ маркизь, но не выдержалъ, расхохотался и долго еще смотрѣлъ вслѣдъ Саломону — квакеру, такъ премудро разрѣшившему его задачу. Будь это придуманная шутка, никогда бы не удалось ей такъ распотѣшить маркиза, какъ и вообще всякому подготовленному фарсу распотѣшить кого бы то ни было; но нечаянность, хладнокровіе, а главное — наивность, съ которой говорилъ другъ челоуѣчества, сдѣлали полный эффектъ, и маркизь не только уже не сердился болѣе, но, позабывъ всѣ непріятности, огорченія, обиды утра, шелъ по Бродвѣ веселый и даже пригѣвая.

Игривость и безпечность характера Француза не ограничилась однимъ мурлыканьемъ подъ-носъ: маркизь увлекся, и на половинѣ улицы уже нѣлъ громко, со всѣмъ энтузіазмомъ героя *темныхъ ночей*:

«Ça ira, ça ira,

« Les coquins on les pendra...»

Вдругъ послышался ропотъ между проходящими, потомъ шумъ, и наконецъ въ разныхъ мѣстахъ громозвучное: «молчать!» Маркизь никакъ не догадывался, что энергическое запрещеніе относилось къ нему, и продолжалъ идти и пѣть. Толпа сгустилась, окружила маркиза, и изъ среды ея выступило нѣчто въ родѣ че-

ловка и будочника въ кожаномъ шиваѣ съ огромной палкой, окованной желѣзомъ, прямо къ маркизу и перегородило ему дорогу.

Что это значить? спросилъ встревоженный маркизь.

«Стой!» вмѣсто отвѣта раздалось изъ устъ стражи американскаго благочинія.

— Я не хочу стоять, хочу идти; пустите меня.

«Прежде найдемъ въ управу.»

— Зачѣмъ?

«За тѣмъ что ты нарушитель общественнаго порядка, поешь среди улицы. . .»

— Я дома, почтенный сторожъ, только-что вышелъ, одна нога еще вовъ тамъ, посмотрите. . . Развѣ нельзя пѣть у себя дома!.. въ своей комнаткѣ, въ углуку, за стѣнкой, за ширмочками. . .»

«Нигдѣ. . . возразилъ рѣшительно сторожъ и схватилъ за руку маркиза. Маркизь снова вышелъ изъ себя; Французъ смѣнилъ Гасконца, отъ вырвадся, выхватилъ шпагу и закричалъ: такъ это-то свобода Американская? . . . Ахъ вы! Турки! Алжирцы! Татары! Готеноты. . . прочь! прочь съ дороги! всѣхъ переволою васъ. . .»

И махая шпагой направо и налево, расталкивая испуганнаго неприятеля, пробиваясь сквозь него, маркизь наконецъ вышелъ побѣдителемъ.

По всей улицѣ переходилъ стукъ кованыхъ наложъ по мостовой, какъ знакъ всеобщей полицейской тревоги, толпа сторожей сбѣжалась со всѣхъ концовъ, приняли всѣ нѣры обыкновеннаго оцѣлесіи; но тихо: герей

повернуть въ Желчужскую Улицу и исчезъ изъ виду, — но не для всѣхъ: одинъ человекъ, не перестававшій слѣдить за каждымъ его движеніемъ въ Бродвѣ, слѣдилъ за нимъ и тутъ. Маркизь прибавлялъ шагу, преслѣдователь не отставалъ; маркизь шелъ тише, и тотъ также; наконецъ маркизь, встревожившись, снова остановился и спросилъ сперва про себя: «что надобно отъ меня этому Индійцу?» и потомъ громко: «Послушайте любезный; вы, можетъ-быть, хотите меня съѣсть?»

Индіецъ, не отвѣчая на вопросъ, протянулъ руку и сказалъ торжественно:

«Бѣлый! будемъ друзьями . . .»

Маркизь изумился; но, не отказываясь отъ руки, пожалъ ее и спросилъ въ свою очередь съ сомнѣніемъ:

— Любезный мой красный, какъ такъ скоро?

«Дѣти земли» отвѣчалъ прежнимъ тономъ Индіецъ: «родятся друзьями; но духъ зла вооружилъ, расторгъ ихъ, поссорилъ между собою, но не навсегда, и не сами же дѣти праха должны содѣйствовать духу зла въ его ухищреніяхъ; напротивъ того, когда опасность грозитъ бѣлому, долгъ краснаго подать ему руку помощи; когда плѣнь, или смерть нависнутъ тучей надъ главою краснаго, пускай бѣлый защититъ его. Силы злобы и утѣшенья готовы были нынче охватить тебя своими желѣзными цѣпями, — ты расторгъ, разрушилъ ихъ самъ своимъ мужествомъ, но и томгаукъ Сасантара былъ на-готовѣ: онъ упалъ бы громомъ на главы утѣшителей и уничтожилъ бы ихъ . . .»

И Сасантаръ такъ махнулъ своимъ топоромъ по воздуху, что маркизь невольно попятился назадъ.

Фультонъ.

«Бѣлый братъ» продолжалъ Индіецъ: «не удалось мнѣ быть твоимъ защитникомъ, но земля Энгисовъ полна несправедливостей, — на каждомъ шагу онѣ встрѣтятъ тебя, и тогда знай, бѣлый братъ, что есть земля красныхъ, что въ ней живетъ другъ твой, готовый на все для тебя услуги: найди его и требуй, и клянусь солнцемъ, водами, скалами и лѣсами моей родины, Сасантаръ не отступится отъ слова.

Сасантаръ повернулся и хотѣлъ-было идти, какъ вдругъ маркизъ остановилъ его за руку и сказалъ съ умилениемъ:

— Великодушный красный братъ, ты общаешь мнѣ всевозможныя услуги: окажи одну и самую для меня теперь важную?

«Требуй, бѣлый братъ.»

— Красный братъ, покажи дорогу къ пристани.

Индіецъ взглянулъ пристально на маркиза, и, не сказавъ ни слова, пошелъ впередъ, давъ знакъ рукою блѣдному брату слѣдовать за нимъ.

Во всякое время пристань нью-Йоркская могла бы назваться самою красивою, выгоднѣйшею, дѣятельною, разнообразнѣйшею и наиболѣе оживленною и по устройству и по удобству бухтъ, и по разнообразности пристающихъ экипажей, и по массѣ народа, который не перестаетъ вить съ утра до ночи и на берегу, и на палубахъ кораблей; но теперь новая причина, новое явленіе еще болѣе содѣйствовало ея оживленію. Въ устьѣ Гудсона, у самаго впаденія его въ море, строился парходъ-неслыханное чудо морское, диво-корабль, какъ его называли, въ виду всѣхъ, безъ тайны, на открытомъ

нѣсть, передъ глазами толпы любопытныхъ, не сходившихъ съ временной веревки. Работы шли быстро; самъ Фультонъ управлялъ ими и своею дѣятельностью, казалось, хотѣлъ заглушить и старыя непріятности и новое горе, новую рану на сердцѣ — разлуку съ Райей. Съ ранняго утра являлся уже онъ съ своими чертежами, инструментами, снарядами, будилъ толпу опытныхъ работниковъ, принимался за дѣло и оканчивалъ его только съ позднимъ вечеромъ. Великая вещь здравый смыслъ, сметка и ловкость опытнаго практика - механика! Но когда наука управляетъ трудомъ, тогда успѣхъ еще бываетъ быстрѣе и вѣрнѣе — и не на удачу, не на авось, а какъ необходимый результатъ расчета и соображенія. И Фультонъ былъ этимъ ученымъ двигателемъ работъ, душою своею механическою операціи, главнымъ дѣятелемъ и въ осуществленіи своего гениальнаго изобрѣтенія. Являлись недоразумѣнія, сомнѣнія со стороны ремесленниковъ, и самое скучное — это разспросы, пересуды, толки, а иногда и частыя пражданой толпы; но Фультонъ не задерживался ими, разрушалъ и тѣ и другіе спокойнымъ, здравымъ объясненіемъ, а иногда собственнымъ опытомъ, своими руками, въ виду сомнѣвавшихся работниковъ и подшучивавшихъ зѣвакъ приставки, подтверждалъ истину своихъ выводовъ и дѣлалъ возможнымъ, въ чемъ сомнѣвались, и ничуть не сгибавалъ, надъ чѣмъ подшучивали. Словомъ, предпріятіе такого рода и могло только исполниться подъ вліяніемъ того человѣка, который зналъ и ключъ къ нему и вѣдалъ весь объемъ его; первый пароходъ Фультона долженъ былъ и создаться самимъ Фультономъ.

Вечерело. Работники хлопотали около вала; но последнее единодушное «хола-хо!» дало знать, что и валъ уже былъ навѣшенъ, замки задвинуты и урочная работа кончена.

«Питеръ! Дай мнѣ вѣроть» сказалъ Фультонъ, подойдя къ колесу гребному: «возьми самъ другой: мнѣ хочется насадить хоть одно нынче...»

— Въ двоемъ-то?... Помилуй, мастеръ, да сладимъ ли мы?...

«Ну, кто захочетъ, пристанетъ; хоть одно колесо, да должно быть на мѣстѣ.»

— Да завтра, мастеръ.

«Нынче, Питеръ.»

И Фультонъ подвернулъ вѣроть. Питеръ сдѣлалъ нехотя тоже; машина шевелилась; остальные работники не выдержали, кинулись на подмогу, и меньше чѣмъ въ нѣтъ минутъ колесо повисло на валу совершенно выровненное и укрѣпленное.

«Спасибо, друзья! спасибо! Теперь по домамъ.»

— По домамъ? спросилъ протяжно Питеръ: а другое?

«Да ужь до завтра, Питеръ.»

— До завтра? Какъ бы не такъ до завтра... Да я не Питеръ, не первый корабельный плотникъ нью-йоркской верфи, если дамъ хоть одну ночь простоять съ однимъ колесомъ твоей штукѣ... Что это, развѣ тачка какая?... Хоть и уродъ, а всё-таки корабль... Ну...

— Ну, такъ что жь, Питеръ? спросили прочіе работники.

«А вотъ что...»

И Питеръ пошелъ съ воротомъ къ другому колесу; работники за нимъ, и еще скорѣе чѣмъ первое было насажено и другое.

Работники разошлись; толпа зрителей также; Фультонъ остался одинъ. Основа парохода, его будущей славы, рисовалась передъ нимъ, онъ смотрѣлъ на него, но думалъ не объ немъ, — не о славѣ думалъ онъ, а грустилъ о своемъ любимомъ другѣ, о Райѣ.

Не бывъ ничуть мечтателемъ, Фультонъ только въ послѣднее время постигъ всю цѣну истиннаго, чувствительнаго друга, котораго нашелъ въ Райѣ; и не простая уже дружба, не привычка какъ-бы по условію дѣлиться чувствами, привлекала его къ ней, а неограниченная потребность этой нравственной переливки души въ душу, сердца въ сердце съ существомъ, признаннымъ за достойнѣйшее, — короче, самая чистая любовь, безусловная привязанность одушевляли Фультона къ Райѣ.

Но вдругъ неожиданныя, самыя горькія, непреодолимыя обстоятельства въ лучшую минуту счастья, расторгли, разрознили ихъ, и Фультонъ, несмотря на всю развлекающую свою дѣятельность, на самыя хлопотливыя занятія, тосковалъ по ней, какъ-бы по міру блаженства, по потерянному раю, входъ въ который показала ему судьба и потомъ обманула, задвинула, скрыла надолго, можетъ-быть навсегда. Фультонъ смотрѣлъ на море и горько плакалъ.

«Вотъ онъ! Вотъ онъ!» раздалось сзади: «благодарю васъ красный другъ... Послушайте, бѣлый другъ, что это вы со мною сдѣлали?»

Фультонъ не слышалъ словъ, но почувствовалъ дружескій ударъ по плечу и обернулся.

— А! маркизъ! это вы?... Что угодно?

«Во-первыхъ, васъ убить, мой добрый механикъ...»

— Ну, а потомъ развѣ можетъ быть еще что-нибудь?

«Ничего, ничего, мой добрый механикъ; вы всегда славно отыгрываетесь, и вѣрно точно также деретесь. Кто былъ вашимъ шефмейстеромъ?»

— Ни кто, маркизъ, да и почему это?... Мы съ вами такъ давно не видались; скажите лучше, какъ вамъ понравился Нью-Йоркъ?

«En gard! En gard!» закричалъ маркизъ, и отскочивъ сталъ въ позицію: «вы мнѣ бросили перчатку...»

— Какимъ образомъ, маркизъ? Я васъ не понимаю..

«А такимъ же, господинъ механикъ, что вы меня привезли въ этотъ пакостный, гнусный, свинскій городишко Нью-Йоркъ, да еще и подшучиваете...»

— А! такъ вамъ не понравился нашъ Нью-Йоркъ? сказалъ Фультонъ, невольно развеселившись, когда взглянулъ на важественную позитуру маркиза: понимаю... Ну такъ что жъ? это первый только еще городъ новаго свѣта; поѣдьте дальше, въ другіе штаты, въ Вашингтонъ, въ Цинциннати, въ Новый-Орлеанъ, гдѣ такая бездна бойцевъ и дуэлистовъ, гдѣ обрѣжутъ вамъ носъ и уши прежде нежели вы вынете вану швагу... Поѣдьте къ Индійцамъ даже, если хотите; кстати, у васъ есть, кажется, уже знакомый, пріятель, братъ между ними (И Фультонъ показалъ на Сасантара) ... Поѣдьте куда угодно, маркизъ...

«Никуда, мой добрый механикъ!...» Перебилъ маркизъ и, снявшись съ позиціи, подошелъ снова по-приятельски къ Фультону: «никуда, кромѣ Европы.»

— И это можно; но не советую тебѣ, маркизъ; подождите...

«Не вашихъ ли пароходовъ?»

— А почему и вѣтъ?... И скорѣе, и вѣрнѣе, а главное — дешевле.

«Дешевле, мой добрый механикъ?... Бау, бау на пароходъ... Нельзя ли поскорѣе только, потому что на все житье-бытье, прїездъ и выѣздъ, у меня осталось двадцать пять жидовскихъ вашихъ долларовъ и тридцать христіанскихъ нашихъ франковъ... Пожалуйста поскорѣе, мой добрый механикъ, не задержите. Не то, проживусь, вамъ же будетъ хуже — вы привезли меня, вы же и отвезете... Да нельзя ли завтра?... Пароходъ готовъ, кажется; есть гдѣ сѣсть, не потонетъ... Чего же еще больше?»

Болтовнѣ маркиза не было бы конца, какъ и снисходительности слушателя, если бы Индіецъ, до того времени смотрѣвшій попеременно то на пароходъ, то на Фультона, не подошелъ къ послѣднему и не спросилъ его своимъ обыкновеннымъ вѣлѣрчивымъ тономъ:

«Ты создалъ это чудо, бѣлый?»

— Когда создамъ еще, тебѣ пока одно начало.

«Въ тебѣ живетъ высшій духъ, бѣлый; ты будешь боготъ водъ, боготъ озеръ великихъ.»

Фультонъ зналъ обыкновенный образъ выраженія Индійцевъ, привыкъ къ нему, самъ нѣсколько разъ подъ перомъ подыгрывался; но пророческій тонъ Сасантара

сдѣлалъ и на него сильное впечатлѣніе. Фультонъ потупилъ взоры и не отвѣчалъ ни слова.

«Страна здѣшнихъ Энгисовъ, или ихъ заводныхъ праотцевъ, родила тебя, бѣлый?» спросилъ снова Индіецъ: «Что ты давно живешь здѣсь, я это знаю, я тебя помню еще до кровавой битвы съ Энгитесами, послѣ которой сынъ Делавара навсегда зарылъ свой томаукъ въ прахъ земли для вѣчнаго мира. Ты не узнаешь, бѣлый, забывая краснаго? а помнишь ли ты твоего брата изъ бѣлыхъ, тихаго, какъ лань, добраго, кроткаго, какъ голубя, съ которымъ ты часто выливался сердцемъ, утѣшалъ его, велъ рѣчи о предвѣчномъ смыслѣ, а я, Сасантаръ, присутствовалъ при вашихъ добрыхъ, кроткихъ, а иногда мудрыхъ совѣщаніяхъ? помнишь ли общаго брата нашего джова Мейтома?»

— Того, что умеръ, отца Райи? спросилъ съ живостію Фультонъ.

«Умеръ... повторилъ съ горькой улыбкой Сасантаръ: умеръ... Не все то живетъ жизнью, что живетъ, но и не все то умираетъ, что исчезаетъ... Быть предъ глазами не значитъ еще жить; быть за глазами не значитъ умереть... Бѣлый избранникъ высшаго духа, пойдѣмъ со мной: сердце Сасантара хочетъ сбросить гору тяжкой тайны...»

И взявъ подъ руку Фультона, Сасантаръ селелъ съ нимъ внизъ съ пристаи.

Остановившись у гранитнаго прилавка, онъ началъ разспрашивать Фультона подробно о томъ, гдѣ онъ былъ до-сихъ-поръ, когда вернулся, что предпринималъ, что хочетъ предпринять, гдѣ живетъ, съ кѣмъ, каковыя

разомъ, — и нечувствительно отъ него перешелъ къ разпросамъ и объ Райѣ. Раскрашенное лицо Индійца выражало тысячу пріятныхъ ощущеній, и всѣ онѣ двигались, смѣняли одно другое быстро, мгновенно, во время разсказа Фультона о томъ, что добрая дочь, несмотря на многіе, длинныя годы, не позабыла, не разлюбила високолю памяти отца, что напротивъ отраднѣйшимъ воспоминаемъ для нея были минуты нѣжности и любви отцовской, минуты дѣтства, въ которыя жило еще для нея убѣжденіе, — что она не круглая сирота въ этомъ мірѣ. Увлеченный Фультонъ говорилъ съ жаромъ, съ чувствомъ, и кончилъ тѣмъ, что Райя, не зная подробныхъ обстоятельствъ смерти отца своего, желала бы отъ кого бы то ни было узнать объ нихъ, узнать мѣсто, гдѣ лежитъ прахъ покойнаго и окропить его слезами самой пылкой, самой нѣжной любви дочери къ отцу.

— О! дорого бы дала бѣдная Райя за это отрадное извѣстіе! говорилъ Фультонъ почти рыдая: кажется, жизнию заплатила бы за вѣсть о могилѣ праха для нее завѣтнаго...

«Такъ отдай же вотъ эту вѣсточку!» перебилъ Сасантаръ тоже растрогавшись: «отдай ее, этой доброй дочери... Она много плакала; пусть осушить своимъ слезы лучомъ радости...»

И Сасантаръ, снявъ съ шнура на груди свернутую записку, подалъ ее Фультону.

Фультонъ хотѣлъ-было спрятать не прочитавъ; но Индеецъ нетерпѣливо взялъ у него назадъ записку и развернувъ сказалъ въ волненіи: «прочти, прочти, бѣлый братъ; вѣсть и для тебя не прискорбная...»

Фультонъ прочелъ, вспыхнулъ и закричалъ въ восторгъ: «Живъ! онъ живъ!»... и снова пробивалъ въ слухъ записку:

«Райя! я живъ еще... Твой отецъ Джонъ Мейтонъ.»

— Да, живъ, живъ еще, какъ общій бѣдный братъ! повторялъ съ радостной улыбкой Индеецъ: ядовитая змѣя ужалила его; но добрый сынъ Делавера высосалъ отраву, омылъ благотворною влагой озеро своихъ тяжелую рану, утѣшалъ, успокоилъ больного и спасъ бѣлаго для бѣлыхъ его близкихъ и братьевъ... Десять разъ пелена снѣговая долины делаварскихъ снѣжилась коврами зеленого мауса, десять разъ расцвѣтали поля и ливы наши; сколько зеренъ въ пригоршнѣ порока, столько разъ отецъ страдающій умолялъ меня подать вѣсть о немъ его дочери. Долго не склонялся я, долго медлилъ я, зная вредъ, зная силу ядовитого боевара, и теперь, можетъ-быть, безъ смысла дѣйствую; но горестъ отца и горестъ, по твоимъ рѣчамъ, дочери преклонили скалу непреклонную, источили слезу сострадательную, добились слова у камня, вырвали вѣсть отрадную... Отдай ее, отдай доброй дочери и утѣшь безутѣшную...

Фультонъ взялъ снова записку, слова свернулъ ее, хотѣлъ положить въ карманъ, но вдругъ, какъ-бы вспомнивъ что-то, остановился, поблѣднѣлъ и возвращая назадъ, сказалъ дрожащимъ голосомъ:

«Не могу... не могу, добрый Сасантаръ...»

— Передать радостную вѣсть... лоскутокъ бумаги?...

«Нельзя, Сасантаръ. Райн нѣтъ, увезли. Гдѣ она — я не знаю.»

— Куда? куда? кричалъ въ волненіи Сасантаръ: кто увезъ Райнъ? кто смѣлъ? и ты допустилъ бѣлый братъ? Кто? кто? скажи мнѣ...

«Другъ дѣда ея, другъ отца, патрунъ, попечитель, благодѣтель, Ибоке.»

— Ибоке!... повторилъ задыхаясь Сасантаръ: Ибоке... Врагъ отца, его убійца, грабитель... Ибоке!... О, я найду тебя, змѣя! я вырву изъ-подъ жала даже твою новую жертву...

И Сасантаръ скрылся.

Фультошъ, сильно встревоженный, едва дошелъ домой и позабылъ о своемъ пріятелѣ маркизѣ, который въ продолженіи всей сцены, съ убѣжденіемъ, что и свой, не только-что чужая, тайна сушить мозгъ и сердце, стоялъ отвернувшись на дистанціи ничего не слышать и не слушать. Онъ оглянулся, но тогда когда, уже ушли и Фультошъ и Индіецъ. Нечего было дѣлать: не зная дороги, ругнувъ еще раза два новый свѣтъ, маркизъ взмолился на палубу парохода и заснулъ мечтая о старомъ.

Врядъ ли есть въ цѣломъ мірѣ другой край восхитительнѣе штата Кентуккского. Среди красоты и величія мѣстности, которыми вообще отличаются всѣ страны новаго свѣта, природа, кажется, задала себѣ задачу сосредоточить все прекрасное, и разрѣшила ее въ очаровательномъ Кентукки. Но люди и тутъ нашли средства уничтожить всѣ пріятныя впечатлѣнія рай

Сѣверной-Америки: на роскошнѣйшемъ царствѣ природы они настромли своихъ возмутительныхъ плантацій, цвѣтистую, не тронутую еще землю обагрили кровью и потоми несчастныхъ невольниковъ, и изъ раскинутыхъ повсюду щедрою рукою даровъ природы сдѣлали источникъ своей корысти и насильственного обогащенія. Днемъ и ночью сирадъ жилищъ, гдѣ тѣсно помѣщались загнанныя семьи невольниковъ, отравлялъ благовопія цвѣтничковъ естественныхъ; днемъ и ночью стоны и крики несчастныхъ жертвъ, бичеванья надсмотрщиковъ заглушали пѣсни вольныхъ нѣдковъ полей: природа пѣла, торжествовала — человечество, только страдало... Никто и не думалъ о защитѣ правъ его, вопросъ о невольничествѣ былъ не только спорнымъ пунктомъ публицистовъ американскихъ, но и до сихъ поръ еще служитъ поводомъ гоненій, самыхъ тягостныхъ испытаній и преслѣдованій для его отиѣнителей.

Не было шага земли, не обращеннаго въ плантаціи: вездѣ, на каждой полянѣ, въ каждой простѣтѣ лѣса чертѣлись грязныя, низкія хижины Негровъ, и среди ихъ нѣсколько шире, помѣстительнѣе, какъ притоны дикихъ звѣрей, возвышались жилища самихъ колонновъ. Отъ нихъ уже расходились безчисленными паутиннами самыя плантаціи — природныя клады колониальныхъ продуктовъ, рѣдко огороженные и ничѣмъ незащищенные отъ бурь и вѣтровъ.

Плантація одного только мистера Ибоке составляла въ этомъ случаѣ исключеніе, и, какъ-бы въ доказательство, что онъ былъ нѣкогда самовольнымъ дольникомъ франклиновскаго изобрѣтенія, — громовые и градовые от-

воды видѣлись на каждомъ шагу. Были еще и другія отличія, кой-гдѣ мелькавшія: висѣлицы съ готовыми веревками станки для сѣченья, колодки для бѣглыхъ... Но самъ мистеръ Ибоке, казалось, нисколько не былъ виноватъ въ ихъ существованіи, обыкновенно приказывая хоть припрятывать ихъ по-крайней-мѣрѣ, и только одна неосторожность прикащиковъ и надсмотрщиковъ оставила иногда какъ-бы напоказъ эти живыя доказательства его человѣколюбія и добраго обращенія съ Неграми.

Утро было упоительное. Бамбукъ и сикоморъ росли уже повсюду свои благовонія; прогалины лѣсовъ зазеленѣлись бархатомъ дерна; цвѣтники каприфолій серебрились еще жемчужною росой; стада буйволовъ и оленей бродили безопасно въ лѣсахъ; вереницы колибри, одна другой красивѣе, пестрѣе, какъ радужныя блески вились надъ кустами розъ, и смышленный дятель съ черными и бѣлыми перьями, съ розовой головкой, постукивалъ уже въ ближній клень, спокойно, беззаботно, ни на что не обращая вниманія, хоть и было бы на что... Въ то же самое время проснулись и плантаціи, и цѣлое племя Негровъ — старыя и малыя, жены и дѣти такъ же начали свое утро, зашевелились, забарахтались въ тростникахъ сахарныхъ и колосьяхъ манса и застрадали, застонали снова подъ ударами неумолимыхъ своихъ палачей.

Одна, съ тяжкимъ горемъ на сердцѣ, въ самомъ отдаленномъ углу волчьей норы ея патруна, сидѣла Райя и невольно, привлеченная играми маленькихъ Негровъ на полянѣ, смотрѣла на нихъ разсѣянно.

Безъ шуму рѣзались малютки, уразившись отъ своихъ надсмотрщиковъ, исподтишка, какъ-бы со страхомъ къ побоямъ, которые ожидали ихъ за самовольную отлучку; они бѣгали, прыгали, кувырвались, но безпрестанно озирались, тревожились какъ стадо маленькихъ обезьянъ, которыхъ всугнули, но не поймали, и они шалить еще, но природѣ, но уже съ оглядкой.

Вдругъ Квитка, одинъ изъ маленькихъ Негровъ, осмотрѣвшись прежде внимательно во всѣ стороны, сказалъ по-тихоньку своимъ товарищамъ: «сыграемъ, братцы, въ веревочку.»

— Пожалуй, въ веревочку!... отвѣчали другіе малютки тоже вполголоса.

«Кто же масса?»

— Я, я, я... сказали многіе.

«Нѣтъ, я!» перебилъ одинъ: «я его часто вижу, онъ драгъ меня за уши; я масса.»

И право колона плантаціи осталось за претендентомъ.

«Я дядя Робинъ, главный приващикъ.»

— Я твой помощникъ.

«И я, и я, и я!» сказали снова многіе.»

— А кто же будетъ виноватымъ Негромъ? спросилъ Квитка, зачинщикъ игры.

Всѣ, поглядывая другъ на друга, молчали.

— Никто не хочетъ быть? Ну такъ я буду, сказалъ снова Квитка: я видѣлъ, какъ цовѣсили моего старшаго брата... Вѣшайте меня...

Тутъ выступилъ колонъ, началъ всѣхъ бить палкой, безъ разбору, какъ это водилось и въ натурѣ. Малют-

ки разбѣгались и сбѣгались съ криками: «масса! масса!» Наконецъ мнимый масса подошелъ къ виноватому, и, толкнувъ его ногой, сказалъ хриплымъ басомъ, передразнивая настоящаго колона: Ты все спишь, негодяй... лѣвишься, отлыниваешь, въ третій разъ замѣченъ въ побѣгахъ, отморозилъ ноги, обрубилъ себѣ пальцы! Что мнѣ въ тебѣ, калѣкъ? Даромъ будешь только ѣсть... Робинъ! повѣсить каналью!...

И самъ отошелъ въ-сторону.

Тутъ началась церемонія. Негритенокъ Робинъ потребовалъ веревку; всѣ засуетились; начали снимать съ себя поцски, связывать ихъ, потомъ сдѣлали петлю, надели ее на осужденнаго, привязали другой конецъ къ суку сикмора, подставили чурбанчикъ, взвели на него жертву, натянули веревку и отошли въ молчаніи, въ-которые съ сожалѣньемъ, другіе передразнивая радость и зѣвскій хохотъ настоящихъ исполнителей казни.

Вдругъ раздался крикъ: «вотъ они гдѣ!» И бить надсмотрщика грянулъ среди малютокъ... Мгновенье, и всѣ исчезли; но одинъ въ суетахъ заделъ ногой за чурбанъ, чурбанъ пошатнулся, упалъ, и висѣльщикъ Квитка повисъ дѣйствительно.

Надсмотрщикъ и не обратилъ вниманія на несчастнаго и пошелъ вслѣдъ за бѣглецами. Но Райя, стоя у окна, видѣла все, окинула глазомъ свой рабочій столикъ, схватила ножницы, бросилась изъ дому прямо къ сикмору, одной рукой поддержала малютку, другой перерѣзала слуронъ и спасла жертву — не болѣе какъ игры, но игры, которую создамо воображеніе дѣтей

пораженное уже всеми ужасами невольничьего быта ихъ родни, отцовъ и матерей.

Пробили съ работы. Толпа невольниковъ расходилась по домамъ. Мимо оковъ дому колона шла Негритянка съ сыномъ; малютка остановилъ мать: «вотъ здѣсь, мама; здѣсь она стояла у окна и смотрѣла на нашу игру.»

Мать взглянула на окно, потомъ на небо, потомъ на сына, обняла его и пошла дальше...

Райя плакала и благодарила Бога.

Райя жила на плантаціяхъ самымъ горькимъ, самымъ скучнымъ образомъ. Одна, оставленная всеми, не имѣя слова извѣстія о своихъ близкихъ родственникахъ, еще менѣе о Фультопѣ, она проводила все время или въ слезахъ, или въ занятіяхъ болѣе чѣмъ механическихкихъ и однообразныхъ: кроила, шила платья бѣднымъ Неграмъ и Негритянкамъ въ видѣ добраго дѣла, ходила гулять, но не далѣе прилежащаго лѣсу, и то всегда подъ надзоромъ Робина, или кого-нибудь другаго изъ клеветовъ ея помещителя, просила-было бумаги, красокъ, карандашей, думая хоть срисовываньемъ окрестностей развлечь сколько-нибудь грусть и скуку, но получивъ отказъ, осталась при одномъ простомъ разсматриваніи однихъ и тѣхъ же видовъ, которые, несмотря на всю свою очаровательность, должны же были когда-нибудь приглядѣться и въ свою очередь наскучить. Но самымъ неприятнымъ, самымъ тягостнымъ обстоятельствомъ въ жизни Райи на плантаціяхъ, были пощивенія мистера Ибоке, которыя должна была выдерживать бѣдная заключенница каждый день по-утру и вечеромъ по нѣскольку часовъ сряду. Райя бѣжала,

бы на край свѣта, отъ докучливыхъ совѣтовъ, объясненій мистера Ибоке и въ добавокъ еще новаго роду странности — приливовъ страсти и нѣжничанья, которыми надоедалъ ей иногда отвратительный старикъ. Любовь не любовь, а что-то въ родѣ звѣриной склонности волновало мистера Ибоке.

«Что наша птичка, Робинъ? спрашивалъ онъ, обернувшись съ обыкновеннаго осмотра плантацій: «что, какова она?»

— Ничего, масса, сидитъ въ клеткѣ.

«Скотина! въ клеткѣ... Развѣ она не на волю, не гуляетъ?»

— Мало гуляетъ, масса; мало живетъ волей.

«Ну-такъ, такъ и отвѣчай, болванъ!»

И мистеръ Ибоке прошелъ нѣсколько шаговъ молча.

«Робинъ! послушай: мнѣ хочется взглянуть на нее; поди и предупреди, что я буду... Нѣтъ, не ходи.. Я самъ пойду... Нечаянность, неожиданность можетъ быть расположить лучше жестокою; я не дамъ ей и опомниться, обдумать, что говорить, что отвѣчать, какъ разрушить мои надежды: я нападу вдругъ, врасплохъ, озадачу, сконфузу ее... и потомъ ласки, потомъ нѣжности, услуги.. и потомъ.. потомъ... Ахъ, Робинъ! Робинъ! Я знаю только двухъ женщинъ въ моей жизни, для которыхъ готовъ былъ бы пожертвовать этой жизнью, которыхъ любилъ, ласкалъ, уважалъ больше всего въ мѣрѣ: это мать мою, Сарру, и сестру, Юдину. Эта женщина, эта дѣвушка, эта Райя, — Робинъ: третья... Нѣтъ, Робинъ; поди предупреди ее... Она разсердится, обидится нечаяннымъ приходомъ, разбра-

идеть меня, оттолкнеть, прогнать... Поди, поди скверно... Ну, что же ты пойдешь? Пошелъ, пошелъ, бованъ, скотина!..

И влюбленный Ибоке толкалъ въ шею Негра.

«Придетъ масса» сказалъ громко Робинъ, входя въ комнату Райи, а про себя прибавилъ: «масса съ ума сошелъ», и вышелъ.

Явился Ибоке.

«Здравствуйте, миссъ Рай... Вы разсердились уже? За что? Развѣ я сказалъ вамъ что-нибудь неприятное?»

— Нѣтъ, мистеръ Ибоке, ничего... такъ.. я не очень здорова...

И Райя отвернулась съ досадою.

«Вы скучны, Райя, недовольны чѣмъ-нибудь? Скажите: я тотчасъ...»

— Напротивъ, напротивъ, мистеръ Ибоке. Я очень довольна.. Я сдѣлала нынѣе доброе дѣло, такое дѣло, послѣ котораго всегда бываетъ счастье. Да вотъ оно: вотъ, на лицо...

Дверь растворилась, приближалъ Квитко и бросился прямо на шею къ Райи, сталъ обнимать, целовать ее, ласкаться, какъ ко второй матери, которая вторично дала жизнь ему:

«Она беспокоитъ васъ, Райя» сказалъ мистеръ Ибоке съ участіемъ къ ней и съ презрѣніемъ къ манотѣ, и уже взялъ-было его за руку, чтобы отсунуть прочь; но Райя удержала.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ, мистеръ Ибоке? Оставьте его, прошу васъ... Онъ такъ милъ, такъ жалокъ, бѣдненькій! представьте, что случилось съ нимъ...

И Райя рассказала всю исторію Квитки со всеми подробностями, со всею живостью, свойственною ея характеру, со вѣстимъ участіемъ добраго сердца. Ибоке заслушалъ со вниманіемъ и, подыгрываясь сколько могъ водъ тонъ Райи, смягчая голосъ, сказалъ какъбы въ видѣ шуточки:

«Напрасно, напрасно, Райя. Вы ихъ балуете: за-чѣмъ было слышать съ веревки?.. По-дѣломъ; не бѣгай отъ работы, не дразни колона.»

Кровь хлынула въ голову Райи; но, боясь повредить малюткѣ, она притворилась спокойною, и, какъ-бы не слышавъ добросердечнаго выговора Ибоке, заиклась снова Квиткой.

Во время ласкъ и обниманій Квитко взглянулъ на злое лицо Ибоке, и будто бы испугавшись его, прижался еще ближе къ Райѣ, и въ то же время всунулъ ей записку въ руки, зная одинъ только, отъ кого и когда получилъ ее.

Райя смутилась; но то же опасеніе за Квитку напомнило ей присутствіе Ибоке, и тотчасъ привело ее въ себя; она оправилась; сжала записку въ рукѣ и, не подавъ ни малѣйшаго виду, ничѣмъ неизмѣняя своему маленькому дружку, начала снова его ласкать и улаживать за нимъ. Ибоке видѣлъ ласки, видѣлъ нѣжное обращеніе Райи съ Квиткою и кусалъ съ досады губы.

Странная мысль бродила въ головѣ старика: онъ завидовалъ, онъ бы отдалъ все, чтобъ быть на мѣстѣ Квитки...

Райя ни на что не обращала вниманія и, какъ-бы на зло старика, прижала къ себѣ малютку и съ нѣжностью

поцаловала его. Ибоже взбѣсился, вскопчилъ и вышелъ изъ комнаты.

Оставшись одна съ Квиткой, Райя развернула записку, прочла и съ крикомъ: «онъ живъ! онъ живъ еще!» бросилась къ двери. Движеніе было безотчетное; но Райя казалось, что она видитъ уже отца своего и бѣжала обнять его.

— Живъ! живъ! кричалъ тоже Квитко: какъ же, живъ! Онъ говорилъ со мною...

И Квитко бѣжалъ вслѣдъ за Райей.

«Гдѣ онъ? гдѣ? Скажи мнѣ Квитко.»

И Райя остановилась.

— Здѣсь на плантаціи, не далеко; такой добрый, ласковый, высокій, красный, съ перьями. Здѣсь, здѣсь онъ; я его видѣлъ...

«Кого? Квитко. Кого?»

— Да Индіица...

«Индіица» повторила Райя: «а не его.»

И Райя съ грустью вернулась на прежнее мѣсто.

«Что же ты стала вдругъ скучная?» спросилъ Квитко: «онъ придетъ, обѣщался... вотъ только-что стемнѣеть... Подожди немного...»

Наступила ночь. Робинъ, по-обыкновенію, исполнивъ всѣ приказанія своего господина, обошелъ дозоромъ плантаціи, потомъ самый домъ колона, всѣ выходы и входы, и готовился уже идти спать, запирая послѣднюю калитку, какъ вдругъ кто-то сильно постучался, и Робинъ, отворивъ, обомлѣлъ передъ Сасаптаромъ. Онъ не узналъ Индіица; но довольно было и его суроваго взгляду, крашеннаго лица и исполнскаго росту, чтобы испугать и не такого труса, каковъ былъ Робинъ.

Робинъ хотѣлъ-было бѣжать.

«Стой, черный! или на мѣсть...» глухо сказала Сасантаръ и схватила за руку Негра.

Робинъ хотѣлъ-было вскрикнуть, раскрылъ ротъ уже; но томгаукъ свистнулъ, Негръ свалился, и простонавъ умеръ.

Сасантаръ пошелъ дальше, прямо въ домъ и, по рассказамъ Квитки, тотчасъ же отыскала комнату Райи.

«Гдѣ онъ? гдѣ?» спрашивала Райя въ волнении, увидѣвъ Сасантара.

— После, добрая дочь добраго отца, после. Я спасъ его: дай спасти и тебя прежде. Медлить некогда: удавъ найдетъ знакомый слѣдъ крови, а я ее пролилъ... Довѣрься мнѣ; другъ отца не будетъ врагомъ дочери — бѣги со мною, Райя....

Темнота ночи благопріятствовала спасенію Райи.

Съ возвращеніемъ Райи все ожгло въ домѣ мистера Кнокса. Существованіе Джона Мейтона, вся ложь Ибоке, плутни, хитрости, обманы, самые отвратительныя его поступки были уже не тайной, и мистеръ Кноксъ торжественно объявилъ себя единственнымъ распорядителемъ судьбы Райи, до прибытія, по-прайней-шврѣ, Джона Мейтона и формальнаго уничтоженія попечительства Ибоке. Онъ поклялся шуудеромъ, самымъ любимымъ своимъ кушаньемъ, пока не уступить никому правъ своихъ на Райю и первымъ актомъ своего распорядительства положилъ свадьбу Райи съ

Фультономъ. Очень погорячился мистеръ Кноксъ, нечего сказать, но нельзя же было: во-первыхъ, онъ горячился, а въ-этомъ состояніи духа и Богъ-знаетъ что дѣлается; во-вторыхъ, надобно же было пожалеть и дѣтей, какъ называлъ мистеръ Кноксъ Райна и Фультона, и та же самая добрая, близорукая снисходительность, которая нѣкогда оставила ихъ по прежнему учителемъ и ученицей, сладила и ихъ свадьбу.

Замѣтилъ-было кто-то, что приличнѣе подождать прибытія Джона Мейтона и при немъ, съ его благословенія и согласія, обвинчать нарѣченныкъ! но ужь тутъ миссъ Мейтонъ (кто поверитъ, миссъ Мейтонъ?) вступилась въ свои права и высчитала тысячу и одну причину, по которымъ медлить было вѣчно, и самую главную, что дешевой дешевле матерія, а миссъ Мейтонъ во все не хотѣлось выдать замужъ Райна, какъ племяннику пакатчика, въ одномъ чепцѣ и рубашкѣ. Вследствие чего свадьба была рѣшена, и миссъ Мейтонъ не сходила съ тротуаровъ Бродвѣ, оттаптывая и послѣднюю свою ногу въ безпрестанныхъ путешествіяхъ изъ лавки въ лавку, изъ магазина въ магазинъ, отъ разнощика къ разнощику.

«Послушайте, послушайте, — но чѣмъ аршинъ?... спросила миссъ Мейтонъ и съ жадностью схватилась за штучку розоваго атласа. Купецъ взглянулъ пристально на покупщицу, какъ-бы хотѣвъ увидѣть на лицѣ ея, съ кѣмъ имѣетъ дѣло; но увы! рибини ушитоюман всякое выраженіе, и купецъ, въ неизвѣстности, съ отчаянья запросилъ въ три-дорога.

«Повилуйте, почтеннѣйшій! да это дороже парчи...

Вы съ меня запрашиваете какъ-будто съ какой-нибудь Швабии. Это ни на что не похоже...

— Извините, миссъ; теперь вижу, что вы природная Американка... Аршинъ атласу стѣитъ полтора доллара.

«Ну, вотъ это цѣна человѣческая. Отрѣжьте пятнадцать аршинъ... Какъ вы думаете, къ-лицу?»

И миссъ Мейтонъ обернувшись къ свѣту, примѣривала полотнище материн. Купецъ смотрѣлъ съ недоумѣнностью.

«Да не ко мнѣ, не ко мнѣ, почтеннѣйшій; а вотъ къ моей племянницѣ.

— О, совершенно! совершенно, миссъ! атласъ чудесный... къ-лицу, непременно къ-лицу...

И купецъ не кончилъ бы своихъ увѣреній и похвалъ, если бъ въ эту минуту одинъ изъ давно уже дожидавшихся покупателей не взялъ его за руку и не оказалъ съ нетерпѣнностью: «Да дождусь ли я отъ васъ сдачи? Чертъ возьми, какъ вы медленны!...»

Миссъ Мейтонъ обернулась и узнала тотчасъ же по выговору, по манеру, отчаяннаго Француза, а читатель, и не оборачиваясь, узнаетъ маркиза Камбурле.

«Сдачи!» повторилъ онъ рѣшительно.

— А какую вамъ, мистеръ, сдачу?...

«А ту, что слѣдуетъ...»

— Ну, это еще вопросъ; слѣдуетъ ли вамъ... отвѣчалъ дерзко купецъ и отвернулся отъ маркиза.

Свѣту не взвидѣлъ маркизъ: «Какой вопросъ? Какой вопросъ? Да развѣ я вамъ не далъ ассигнаци въ три доллара за перчатки, который всего стѣитъ

вошь этой цѣны? Да не сами ли же выговорили? да не вы ли же брали? А? Отвѣчайте мнѣ, отвѣчайте же...»

И маркизь трепалъ за рукавъ купца, который, не оборачиваясь, моталъ головою отрицательно.

«Это плутни, мошенничество, разбой, грабительство!» кричалъ маркизь: «Господа, заступитесь за меня; я иностранецъ, чужеземецъ, Французъ... Господа, господа!»

И маркизь, не выпуская рукава лавочника, обращался ко всей публикѣ. Наконецъ явился заступникъ.

Райя видѣла все, и, возмущенная безчестнымъ поступкомъ своего соотечественника, подошла съ негодованіемъ и сказала:

— Я свидѣтельница, что мистеръ далъ вамъ три доллара и не получалъ еще сдачи...

«Возможно ли? «вскрикнулъ купецъ: «какая забывчивость... Извините... извините...» И, отсчитывая слѣдующіе полтора доллара, продолжалъ обращаться къ Райѣ: «благодарю, благодарю, миссъ, за ваше вниманіе, и ко мнѣ и вотъ къ этому Фран...»

— Французу! Французу! перебилъ введенный изъ терпѣнія маркизь: да, я Французъ, одинъ изъ тѣхъ Французовъ, которые обязаны вы всѣмъ, неблаго- дарное, торгошническое, жидовское племя!... Пог- одите, погодите; дайте срокъ добратъся нѣтъ только до Парижа: я расчиту васъ этому замлятому защитнику вашему, этому всемірному либералу — я посчитаюсь съ Лафайетомъ...

«Ахъ ты, мать моя! какъ онъ расчитушился!» пере-

была шовотомъ миссъ Мейтонъ: «пойдемъ поскорѣе, Райя; не то онъ и на насъ вскинется...»

И старушка, ковыляя, торопливо вышла изъ лавки, въ сопровожденіи Райи.

— А женщины! женщины! продолжалъ маркизъ въ энтузіазмѣ и собирался тоже идти вслѣдъ за дамами: женщины вездѣ женщины... Не уничтожите вы ихъ Турки, Татары, Ирокойцы, не уничтожите ихъ любезности, доброты, обходительности... Не выдержала, заступилась, вмѣшалась... Oh! la belle, la généreuse Américaine!...

И маркизъ вышелъ повторяя: «Oh! la belle, la généreuse Américaine» такъ громко, что и Райя и миссъ Мейтонъ слышали.

«Райя! Райя! Это онъ; слышишь?... Опять кричать, слышишь... Онъ преслѣдуетъ насъ...»

И миссъ Мейтонъ улепетывала.

— Нейдите такъ скоро, тетенька. Улица полна народу; на насъ станутъ пальцами показывать...

«Помилуй, Райя! онъ кричи...»

— Oh! la belle, la généreuse Américaine...

«Кричить... Слышишь?...»

И миссъ Мейтонъ летѣла что есть духу.

«Ахъ ты Боже мой! Спасите, расшиблаесь...»

И миссъ Мейтонъ отскочила, какъ мячъ, ударившись въ брюхо одного изъ двухъ мужчинъ, которые шли рядомъ, прямо ей на встрѣчу.

«Миссъ Мейтонъ!»

— Мистеръ Фультонъ!

«Сестрица!»

— Братецъ!... о счастье! Спасите! Не узнала... извините...

И миссъ Мейтонъ среди благо дня на улицѣ прижалась къ мистеру Кноксу.

— Не у меня, сестрица, не у меня просите извиненья... Мистеръ Фультонъ, какъ ваше брюхо? О, судьба! судьба! Хотя черезъ десять лѣтъ, а привела же она васъ расквитаться въ-чистую... Да и чего же вы такъ испугались сестрица?... ..

«Братецъ... На насъ... напалъ...»

— Oh! la belle, la généreuse Américaine!... радalomъ надъ самымъ ухомъ миссъ Мейтонъ.

«Ухъ! ухъ! братецъ... братецъ...»

— А! господниъ механикъ, здоровы ли вы?

«Маркизь, здравствуйте»

— Вы знакомы?

«Вы знаете?»

— Маркизь Камбурле... Моя невеста...

«Маркизь Камбурле!» протяжно повторила миссъ Мейтонъ.

— Ваша невеста? спросилъ съ поспѣшностью маркизь и прибавилъ шопотомъ: которая, мой добрый механикъ? Фультонъ не выдержалъ и показалъ на миссъ Мейтонъ...

«Возможно ли? Oh! la belle, la charmante Américaine...»

И маркизь принялся раскланиваться? передъ миссъ Мейтонъ, не переставая бормотать: Я давно искалъ случая... Я имѣлъ въ виду... Я горѣлъ желаніемъ, потерпѣніемъ... Я... я...

— Безъ церемоній, маркизь, безъ церемоній. Вотъ мой домъ — пойдете обѣдать...

«А чистить ногти будутъ?» спросилъ маркизь на ухо Фультона.

— Будутъ.

«Вилками?»

— Вилками.

— До другаго разу, милостивый государь, извините, право, не могу... Вилками!... Не могу... *Mes dames* — мое почтение... *Gh! la belle, la généreuse Américaine...*

И маркизь исчезъ.

«Да какой же онъ вѣжливый, ловкій, обходительный!» говорила миссъ Мейтонъ, входя въ свою комнату: «не чета этому жениху—какъ нарочно будто-бы такъ и выставилъ... Этакій неучъ! Какъ-таки нисколько не переѣхалъ! какимъ поѣхалъ, такимъ и прѣхалъ; хоть бы что-нибудь... Нѣтъ ужь, милая Райя, не будь ты, ни что бы въ мірѣ не заставило меня убивать здоровье, время, на устройство этой свадьбы.»

Такъ оканчивала большею частью миссъ Мейтонъ все свои хлопоты и заботы насчетъ предстоящаго счастья ея племянницы, совершенно исключая изъ этого дѣла мистера Фультона, и начинала ихъ на другой день, какъ ни въ чемъ не бывало, съ прежнею ревностью и пожертвованіемъ времени и здоровья, и жалобами на большую ногу. Съ нетерпѣніемъ ждали молодые люди конца этихъ томительныхъ приготовленій; мистеръ Кноксъ бранилъ ихъ тоже въ душѣ, какъ несносную отсрочку свадебныхъ обѣдовъ, которые были у него въ перспективѣ; но въ одно утро, миссъ Мейтонъ, вернув-

инсь съ покупокъ, потынула нахвонецъ всѣхъ радостнымъ кликомъ: «Свадьба! свадьба! все готово, хоть-сейчасъ...»

Семейная тайна сдѣлалась всеобщимъ слухомъ; только и толковали въ околоткѣ, что о свадьбѣ въ домѣ Кнокса—кто съ удовольствіемъ, кто съ укоромъ, особливо между общинниками, по-крайней-мѣрѣ всѣ съ участіемъ; даже и проповѣдникъ Гиль радовался ей и готовилъ уже знаменитѣйшую проповѣдь на случай.

«Свадьба... свадьба.. «повторялъ съ улыбкой Ибоке, возвращаясь какъ-то домой изъ молельни:—«не слышкомъ ли вы поторопились, мистеръ Кноксъ? Какъ бы не пришлось отложить, или того хуже развѣнчать... Хе, хе, хе, хе... Эй, Робинъ... Да бишь вѣдь его нѣтъ на свѣтъ... Вотъ еще порядокъ, устройство въ нашей сторонушкѣ: пришли, схватили, убили человѣка — кто, за что, про что—никому и дѣла нѣтъ. Хоть раскричаться—снять законы... А нашъ братъ попадись, такъ тотчасъ къ отвѣту: богатъ, дескать — откупитесь, а республикѣ деньги нужны... Или хоть бы это: выдумали, что человѣкъ живъ, когда десять лѣтъ онъ считался за мертваго; да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ ожилъ, такъ ужъ десять-то лѣтъ уморили его и для міра, и для общества, и въ личныхъ правахъ и вещественныхъ. Хе, хе, хе, хе... Да и гдѣ же быть живымъ? Это такъ выдумка, схитрили; какой-нибудь услужливый приказный научилъ штукъ... Ну, вы меня, госнода, арбуете штукой, а я васъ попробую чѣмъ-нибудь надѣлать. . Эй, эй! ну да кто нибудь... Эхъ, жаль нѣтъ Робина! на эти дѣла онъ былъ мастеръ.»

Вошелъ молодой Негръ.

«Охъ, да какой же еще ты зеленый, молодой!.. продолжалъ Ибоке, искоса поглядывая на Негра: «Ты давно здѣсь въ дворѣ?»»

— Нѣтъ.

«А прежде гдѣ былъ, на плантаціяхъ?»

— Нѣтъ.

«На пристани?»

— Нѣтъ.

«Такъ гдѣ жь?»

— Да я и вовсе не былъ твоимъ прежде, масса.

«Кто жь твой господинъ?»

— А тотъ колдунъ, что строитъ корабль съ дымомъ.

«Фультонъ? Такъ какъ же ты отъ него попался ко мнѣ?»

— Смащилъ Робинъ, да и самому скучно стало: все учить грамотѣ, читать, да писать...

«Читать и писать?... спросилъ съ живостью Ибоке.

— Какъ же! Уже одного такъ выучилъ, что безъ складовъ и водъ диктовку такъ и валяетъ... Ну, Цезарь, какъ тамъ хочеть, а я Богъ съ нимъ... свазалъ, да и тягу.

«О! да какой ты молодецъ!.. Bravo! bravo! Ну, и я тебѣ докажу, что у меня житье по-лучше фультоновскаго. Азбукой мучить не буду, водки всегда вдоволь; одно только — служи... Да и служба-то такая пустая, и только мнѣ одному, а не какижъ-нибудь хозяйкамъ, да надсмотрщикамъ. А какъ тебя звать, мой милый?»

— Сократомъ...

«Сократомъ? Прекрасно! Ну, такъ вотъ что, Сократъ: знаешь ли ты, что твой прежній господинъ женится?»

— Какъ же, знаю, и Цезаря хочется отнустить на волю только-что обвиняется...

«Ну, хорошо; пусть погодить еще... Такъ вотъ что, мой милый Сократъ, ты долженъ мнѣ узнать кавѣрное, когда будетъ свадьба — день, часъ, минуту... И служба-то вся прелегкая: гулять, да разузнавать. Видь ты любишь гулять?»

— Люблю.

«Ну вотъ видишь ли?... Такъ ты только-что пронохашь, тотчасъ же меня увидь. Только-что вѣста выйдеть, или женихъ явится — не просто, ну, а знаешь, такъ, какъ надо быть на свадьбѣ, ты прямо по мнѣ: тамъ ужь моя будетъ забота, а тебѣ главное: уи-енько, никому ни гуфу, съ толкомъ, и позѣръ не будешь раскаиваться, что бѣжалъ отъ Фультона... А насчетъ грамотейства — мы тоже съ тобой сматеримъ славную штуку... Ну, да объ этомъ послѣ; а теперь пока ладъ вотъ это...»

— Ну, а если неудача масса, если я опоздаю, или прозѣваю?»

«Ничего; я велю тебя повѣсить...»

— Ну, такъ не будетъ неудачи; я не прозѣваю, и не опоздаю...

«И прекрасно. Такъ отправляйся же.»

Негръ вышелъ. Ибоже отперъ комодку и сталъ перерывать въ ней старыя, запыленыя бумаги. Но вдругъ, отыскавъ одну, онъ вскрикнулъ въ восхищеніи: «Вотъ

она! вотъ она! Нашлась завѣтная... Ну, теперь, господа, посмотрите, кто изъ насъ кого пересилить... Не вѣста! Счастливица! Красавица! Жестокая! Гордая! Недоступная!... Она будетъ моею... Ха! ха! ха! моею... Ха, ха, ха!.. Нѣтъ! нѣтъ! терезь-чурь-любо, не выговарю... да еще кто-нибудь и подслушаетъ... будетъ моею повольницею...

Последнее слово Ибоне прошилъ сквозъ зубы и, положивъ бумагу въ карманъ, въ великомъ сталъ ходить по комнатѣ.

Наступило воскресенье; наступилъ наконецъ, назначенный день свадьбы. Мистеръ Кноксъ всталъ вѣсѣ раньше, отыскалъ свой длиннополый бархатный сюртукъ, въ которомъ еще самъ нѣкогда вѣшался, надѣлъ его, прицепилъ страсовыя пряжки къ башмакамъ, бантики къ подвязкамъ, выставилъ огрѣмѣвшее жабо, и въ этомъ щегольскомъ нарядѣ отправился по обыкновенію на кухню. Не доходя еще до плиты, обоняніе мистера Кнокса было поражено тѣмъ-то необыкновеннымъ; онъ остановился, думая отгадать издали, выставялъ голову, пошевеливалъ ноздрями, — все напрасно.

«Да ужь не мучьтесь, мистеръ, сказала Фанни — супер-кухарка Кнокса: «ни за что не отгадаете; только и была одна на рынѣ, и ту ужь не знаю, какъ захватила; посмотрите-ко, съ вану голову...»

— Неужели голова обезьяны? воскликнулъ мистеръ Кноксъ: Ахъ, точно голова обезьяны!.. восхитительная голова обезьяны!.. И мистеръ Кноксъ, взявъ ее за ухо съ уполовинка Фанни, помоталъ умышленно нѣсколько мгновений въ воздухъ и потомъ осторожно опустилъ въ котель.

«Ну, Фанни, только ты одна и можешь так неожиданно, предупредительно, умно и мило потѣшить мистера Кнокса; но знай Фанни, что и Кноксъ, твой добрый, внимательный господинъ, но гробъ не позабудетъ этой услуги... На первый случай дай мнѣ поцеловать тебя въ лобъ...: умный лобъ, хозяйскій лобъ!... Спасибо Фанни, спасибо... Теперь къ дѣлу; все водвину на ноги: пусть торопятся съ свадьбой; прежде часъ-другой можно бы промѣшкать, а теперь съ головою обезьяны шутить нечего... Живо тамъ! Эй шевелся!..»

И мистеръ Кноксъ кричалъ, шумѣлъ на провозу, чтобы все разстаканывали проворнѣе, пошукалъ миссъ Мейтонъ, Райю, послалъ уже за Фультономъ и самъ наконецъ отправился за проповѣдникомъ не переставая твердить всю дорогу: «съ головою обезьяны шутить нечего».

«Ну, ушелъ, слава Богу!» говорила Эсси, иногда одвывая своей барышнѣ: «и что это случилось съ ними! — Торопить всѣхъ, туркаетъ; свозаранку одвывая, да и сиди сложа руки...»

— Эхъ, Эсси! Ты говоришь много... Не тотъ конецъ...

«Виновата, миссъ... Да и вы что-то сердиты нынче; ужъ это не отъ дядюшки ли перешло къ вамъ?..»

— Эсси, перестань болтать...

Эсси умолкла. Райя, опустивъ руки, какъ статуя безъ движенія осталась, сидя передъ зеркаломъ. Эсси начинала жалѣть, что ушелъ мистеръ Кноксъ...

«Вы сердиты на меня, миссъ? вы случны, Райя?»

— Я видѣла дурной сонъ, Эсси, видѣла плантаціи...
Мнѣ грустно, Эсси....

«Въ этаній день, миссъ...»

— Ахъ, Эсси! день еще не конченъ...»

«Полноте, миссъ: что за предчувствія!...»

— Эсси — онъ не даромъ....»

«Полноте, полноте, миссъ; одвѣйтесь-ко; не то въ самомъ дѣлѣ онездаетъ. Вотъ покрывало, вотъ вѣнокъ лилій; наколите его сами — я не слажу....»

Райя взяла машинально вѣнокъ, приложила его къ головѣ, взглянула въ зеркало и вдругъ, выронивъ его изъ рукъ, сказала въ волненіи: «какъ я черна ныльче... видно, что квартирушка...»

И сама встала.

— Что вы сдѣлали, миссъ? вѣнокъ разсыпался...

«Прежде нежели благоволили его: я этого ожидала...»

И Райя заплакала.

— Помилуйте, миссъ! какъ вамъ не стыдно плакать, горевать и изъ-за чего же?... Да и въ какую минуту?... Миссъ! миссъ! Да что это вы? Подумайте сами, что скажутъ; еще иной, пожалуй, сочинить, что васъ насильно выдаютъ замужъ... Каково же слышать вашему дядюшкѣ, тетенькѣ, каково будетъ бѣдному мистеру Фултону?...»

«Эсси! Эсси! одвѣаться...»

— Вотъ такъ-то бы давид! сказала Эсси, и кое-какъ смастеривъ снова вѣнокъ, принялась его сама нашивать. Во все время Райя молчала и, не поднимая головы, сидѣла какъ приговоренная къ смерти.

Всѣ приглашенные на свадьбу, какъ изъ родственниковъ, такъ и знакомыхъ, сходились уже поменьше. Каждый сначала старался быть какъ можно меньше замѣтнымъ, выбиралъ самое отдаленное мѣсто въ углу комнаты; но когда уголь уже замѣщался, то несколько послѣдніе дѣлались первыми, проталкивались сквозь толпу, переходили въ другіе углы и мало-по-малу такимъ образомъ, по мѣрѣ увеличенія числа гостей, наполнялась вся комната и наконецъ наполнилась. Одно только мѣсто оставалось незанятымъ — мѣсто, назначенное для проповѣдника, и пустой наложъ защищала его отъ натисковъ посѣтителей. Объ женихѣ и невестѣ и не думали, вѣроятно сюрпризомъ предполагая помѣстить ихъ гдѣ найдутъ удобнымъ и приличнымъ. Всѣ приглашенные были уже болыною частью на лѣво; явился и женихъ; одного только не было хозяина съ проповѣдникомъ; но вдругъ раздалось громозвучное: «съ головой обезьяны шутить нечего...» И мистеръ Кноксъ въ сопровожденіи мистера Гила, вошли торжественно. Вслѣдъ затѣмъ шепнулъ кто-то: «невеста!» и толпа, раздвинувшись, дала дорогу Райѣ.

Въ смущеніи, разстроенная шла Райя по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Фультонъ; неприятное чувство съ самаго утра волновало ее, и несмотря на все желаніе, она не могла отъ него освободиться. Казалось, присутствіе Фультона нѣсколько оживило ее, и она спѣшила къ нему какъ-бы подъ защиту, какъ-бы думая на рукѣ друга отдохнуть отъ тревоги чувствъ; но въ это самое мгновеніе голова какого-то Негра мелькнула у нея передъ глазами и напомнила ей роковой сомъ со всеми страшны-

ми картинами, которыхъ она была свидѣтельницей въ натурѣ, со всѣми ужасами, которыхъ и самое пылкое воображеніе не могло бы преувеличить. Райя, встревоженная, блѣдная, смутясь еще больше и едва дошла до Фультона. Всѣ замѣтили волненіе Райи, стали-было перешоптываться, перемигиваться между собою, но мистеръ Гиль, давъ знакъ рукой, прекратилъ и шопоть, и говоръ и перемигиванья, и взошелъ торжественно на кафедру.

Утвердившись на возвышеніи, мистеръ Гиль поднялъ голову вверхъ, какъ вдругъ вся толпа, въ эту минуту привлеченная необыкновеннымъ шумомъ за дверью, отвернулась отъ него и попятилась назадъ съ появленіемъ новыхъ неожиданныхъ гостей и слушателей. Вошелъ мистеръ Ибоке, съ двумя судьями и нѣсколькими стражами американскаго благочинія.

Проповѣдникъ смолкъ и исчезъ за наобемъ.

«Господинъ судья!» сказалъ Ибоке, потупивъ глаза въ землю: «извольте приступить къ исполненію вашей законной обязанности.»

Судья, посмотрѣвъ во всѣ стороны и увидѣвъ пустой залой, отправился прямо къ нему.

Вынувъ изъ кармана исписанный листъ бумаги, онъ развернулъ его съ важностью и, откашлявшись, началъ читать громко и съ разстановкою.

«По предъявленію мистера Ибоке, именитаго гражданина нью-йоркскаго, о побѣгѣ съ плантаціи его, принадлежащей ему квартеруни — дѣвicy Райи, дочери его же мулатки Эмы, и по представленіи всѣхъ законныхъ актовъ о правахъ мистера Ибоке, мѣстное нью-

Йоркское правительство; рассмотрѣвъ ихъ, приступило къ разслѣданію, по которому оказалось ниже-слѣдующее: во-первыхъ, что оная квартирушка действительно находится въ бѣгахъ; во-вторыхъ, что она проживаетъ тайно у своихъ родственниковъ, мистера Кнокса и миссъ Мейтонъ, и въ-третьихъ, готовится вступить въ самовольный бракъ съ механикомъ мистеромъ Фультономъ. На что уголовный нью-Йоркскій судъ, руководствуясь законами республики, положилъ резолюцію ниже-слѣдующее: во-первыхъ, возвратитъ помянутую бѣглую квартирушку Райю, законному ея владѣльцу, мистеру Ибоке; во-вторыхъ, съ мистера Кнокса и миссъ Мейтонъ, какъ съ противозаконныхъ укрывателей, взыскать во-мно въ пятьсотъ долларовъ вкупно, а мистера Фультона, какъ ближайшаго соумышленника и притомъ известнаго также правительству со стороны поблажки черныхъ и обученію оныхъ грамотѣ, читать и писать, посадить на мѣсяць въ тюрьму. Все сіе, немедленно исполнивъ, довести по командѣ.)

Всѣ стояли въ ужасѣ, потупивъ взоры.

Одинъ только Ибоке торжествовалъ среди всеобщаго унынія и, окинувъ съ злобной улыбкой все собраніе, обратясь къ судѣ, сказалъ значительно:

«Я раздѣлю вашъ трудъ, мистеръ Джюстъ. Я исполню самъ часть обязанности...»

И, думая подойти къ Райѣ, наткнулся почти на бездушный трупъ несчастной. Ни сколько не смутившись однако же, онъ кликнулъ своего Негра, поднялъ Райю съ полу и вынесъ ее изъ помываты.

Судьи вывели Фультона.

Мистеръ Норморъ вояхель за нимъ со слезами, во-силщяя: О, дивная природа, дивныя кризолиты! и въ васъ есть смѣшенья; есть мулатки, квартерунки, но нѣтъ законовъ о квартерункахъ и мулаткахъ!..

«Что такое это?» кричалъ маркизъ въ благородномъ негодованіи: «Квартерунка, мулатка, негрятянка — не тѣ ли же люди? Безчеловѣчная нація! въ тебѣ одной существуетъ только это различіе...»

Маркизъ хотѣлъ было прибавить еще нѣсколько сильныхъ эпитетовъ къ юной націи, но у самыхъ дверей мелькнула алебарда одного изъ знакомыхъ уже ему американскихъ будочниковъ, и онъ счелъ за безопаснѣйшее выйти изъ дому молча.

Толпа разбрелась; домъ опустѣлъ, какъ рынокъ ночью, и хозяинъ дома прошелъ даже противъ обыкновенія мимо столовой, не вспомнивъ о головѣ обезьяны.

Мистеръ Кноксъ брался уже за ручку двери кабинета, какъ вдругъ кто-то сзади дружески тронулъ его по плечу и сказалъ кротко: «Опять горе, братъ, опять несчастье!»

Мистеръ Кноксъ обернулся: передъ нимъ стоялъ Са-сантаръ.

«Опять змѣя» продолжалъ Индіецъ прежнимъ тономъ: «проползла въ цвѣтникъ твоего счастья и отравила своимъ ядомъ твои любимыя цвѣты... Опять бѣлый братъ, опять!»

— Опять, красный братъ, опять...

«И мудрость ваша, высшій смыслъ порядка и устройства, помогли разлиться ея отравъ? «О! послѣ этого вы бѣлы братья, но не чисты... И

красный пособить вашимъ законамъ уличить наконецъ злодѣя и низложить якара *) хребтомъ внизъ.... Прощай, не увывай; Сасантаръ не измѣнитъ братству и клятвѣ... Только горлицѣ подавайте надежду...»

И съ этимъ послѣднимъ намѣкомъ, вѣроятно, на несчастную Райю, великодушный Индѣецъ вышелъ.

Непроходимы лѣса равнины магокской; изрѣдка только шумъ тискакета **) подъ ногами Индѣйца, или выстрѣлъ привычнаго звѣролова Американца, или страшный крикъ вѣщуна обезьяны нарушаютъ царственное, вѣковое безмолвіе. Наружный видъ ихъ болѣе чѣмъ величественъ: столѣтніе клены, пальмы - веерники, кокосы необъятной величины, перевиваются гирляндами самыхъ пестрыхъ, живописныхъ лианъ; купы тростниковъ тискакета и булеона ***) задвигаютъ просвѣты между вѣтвей; арки лозъ пакури и дикаго винограда сметають самыя деревья, и на всемъ пространствѣ ни одного пробитаго пути, ни одной знакомой тропинки. Каждый смѣлый охотникъ, или заблудшійся странникъ самъ прокладываетъ ихъ, и горе ему потерять изъ виду и послѣдняго напутчика—солнце, хотя тоже не слишкомъ вѣрнаго указателя въ странахъ тропическихъ, гдѣ лучи его сыплются перпендикулярно. Опасность никогда не выбраться изъ безконечнаго лабиринта, умереть съ-голоду, или отравиться по незнанью среди самаго

*) Мѣстное названіе крокодила алигатора.

**) Тростникъ

***) Дерево, изъ котораго Индѣйцы дѣлають корзины

обильнаго, казалось бы, растительнаго царства и въ свою очередь быть растерзану звѣрми, гоняясь за ними изъ необходимой потребности утолить свой голодъ — вотъ что угрожаетъ на каждомъ шагу въ непроходимыхъ лѣсахъ равнины магокской. Но человекъ любитъ играть своею жизнью, безопасно идетъ по отпечатывавшимся слѣдамъ лапъ аллигатора, шлетъ смѣлый выстрѣлъ въ отвѣтъ на страшный ревъ жагара, спорить за добычу, за убитаго попугая съ ядовитымъ крестомъ, и одинъ выходитъ противъ цѣлаго стада кабановъ, изъ которыхъ каждый въ нѣсколько разъ его сильнѣе. И не изъ корысти, не изъ жадности только драгоценнаго приобрѣтенія, рискуетъ онъ своею жизнью: кромѣ удали, свойственнаго ему молодечества, иногда загнанный обстоятельствами, горькой участью въ лѣса магоменіе, отъ скуки, грусти и отчаянія онъ ищетъ и находитъ развлеченіе въ этомъ рискѣ, онъ тѣшитъ себя подвергая жизнь свою часто неизбѣжной гибели.

«Погоди, погоди Джонъ—*горе на сердце!*» говорилъ шопотомъ молодой Индіецъ своему товарищу, смявъ съ нимъ на вѣтвяхъ высокаго кокоса: «погоди, дай прежде разбиться стаду...»

Прошло нѣсколько мгновеній; охотники молчали; но окрестный кустарникъ трещалъ отъ проходившаго стада пекари. *)

«Теперь можно, Джонъ» шепнулъ снова Индіецъ и самъ прицѣлился.

Джонъ выстрѣлилъ; Индіецъ за нимъ, и пара пека-

---

*) Особая порода кабановъ Новаго Свѣта.

ри свалилась, зарядная снова, выстрелила, и съ тем же удачею. Испуганное неожиданнѣмъ громомъ, стадо шарахнулось и раскинулось по лѣсу. Три кабана остались мертвыми, четвертый былъ раненъ и, кажется, догадавшись, откуда была смерть и тревога, ждалъ только, пока спустится съ дерева непріятель. Охотники сошли и, ничего не ожидая, устремились прямо на добычу. Кабанъ одетившись, замоталъ головою, выставилъ ножомъ свой клыкъ, и бросился на перваго. Индіецъ отскочилъ, кабанъ сбилъ съ ногъ другаго охотника, поднялъ его, подъ себя и впрямилъ полосовать клыкомъ. Гибель была неизбежна, смерть висѣла на волоскѣ; но Индіецъ не потерпѣлъ присутствія духа, какъ-бы думая больше о товарищѣ, чѣмъ о себѣ, подбѣжалъ къ кабану, взмахнулъ томгаукомъ, ударилъ и свалилъ мертвыя зѣбра на раненнаго охотника.

«Стани, Агва, стани скорѣе... дай хоть вздохнуть свободно... Ну!»

Индіецъ, подкрикивая: «О! о-о!» стаскивалъ кабана.

«Да что же ты, соколиный глазъ?.. Ни какъ онъ завязилъ клыкъ въ ногѣ? я ужъ и не чувствую.. Ну!»

Индіецъ хватилъ разомъ, и кусокъ оторванной кожи отлетѣлъ вмѣстѣ съ опрокинутымъ зѣбремъ. Джомъ хромая всталъ.

Прошло уже съ часъ времени; охотники сидѣли около огня и, поджаривая вкусную кабанину, ужинали и разговаривали между собой.

«Славная была облава, нечего сказать!» говорилъ Индіецъ, поглядывая съ удовольствіемъ на раскинутую

вокруг добычу: четыре пекари, шесть карьякъ, *) двѣ перакки **) и каія большія, красивыя! Посмотри: перья одни чего стоятъ? и Сасатаръ скажетъ за нихъ спасибо.»

— Ты забылъ, Агва-соколный глазъ, перебилъ Джонъ-горе на сердце: про этихъ двухъ соболей; это въ подарокъ моей мамоткѣ....

И Джонъ-горе на сердце грустно задумался.

«Братъ-горе на сердце, ты все скучешь? или пекари помнятъ больно... Что же дѣлать мнѣ? самому тебя жаль, да я боюсь сильной руки....»

— Если бъ ты не спасъ меня отъ гибели, я и за смерть, можетъ-быть, сказалъ бы ему спасибо...

«Что ты это, Джонъ? Горевать опять, тосковать?.. Узнаешь сильная рука — ни тебя ни меня не похвалятъ...»

Джонъ-горе на сердце, который былъ никто иной какъ Джонъ Мейтонъ, задумался еще больше, сталъ еще грустнѣе, и не отвѣчалъ ни слова на увѣщаніе товарища.

Тяжки были десять лѣтъ жизни добровольнаго изгнанія Джона Мейтона. Первое время прошло еще въ однихъ только физическихъ страданіяхъ; но болѣзмъ миновалась, наступила эпоха тупаго, бессмысленнаго коснѣнія. Сначала Джонъ и не понималъ хорошенько ни новости своего положенія, ни отношеній, ни міра, ни страны, ни людей, гдѣ онъ, зачѣмъ, для чего, какъ?.. Всѣ эти вопросы отзывались несвязными звуками только-что вернувшейся жизни, но не проснувшейся еще

*) Порода сайгъ Нового Свѣта.

**) Попугай.

души. Несчастнѣйшій страдалецъ жить машинально, автоматомъ среди толпы дикарей и былъ далеко ниже ихъ степенью умственнаго и нравственнаго развитія. Сасантаръ ни на минуту не терявшій его изъ виду, боялся даже за него, боялся что горе и болѣзнь свели съ ума Джона, пробовалъ—было слегка наводить его на прежнее, но напрасно: каждый разъ самый вздорный отвѣтъ, иногда даже несносная, самая бессмысленная шутка разрушала всѣ его попытки. Наконецъ великодушный Индѣецъ прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ: въ одну изъ прогулокъ по озеру онъ напомнилъ ему тотъ случай жизни, когда они возвращались съ нимъ съ мѣховаго торга, оба рисковали жизнью, одинъ утоная, другой спасая, и оживилъ свой рассказъ роковымъ воспоминаніемъ о смерти жены его Эмы и плачевной участи малютки Райи. Ударъ нанесенъ мѣтко: цѣлый міръ воспоминаній, страданій, гора раскрылся передъ Джономъ; все заговорило о прошломъ, Джонъ проснулся для жизни, но чуть—было снова и растаялъ съ нею: не подхвати во время Сасантаръ—волны озера поглотили бы страдальца. — Джонъ вернулся домой Джономъ, жалкимъ, бѣднымъ Джономъ, съ сознаніемъ своей горькой участи, съ тоскою по милымъ сердцу, съ жалобами, съ мольбами возвратитъ его къ нимъ. Припадокъ сумасшествія смѣнился болѣзненнымъ уныніемъ и грустью, которыя казалось, на всю жизнь уже овладѣли несчастнымъ. Сасантаръ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ, ни на минуту не терялъ его изъ виду, не исполнялъ его просьбъ, потому что зналъ всю ихъ несообразность, зналъ, на что способенъ Ибоке, зналъ, что онъ снова ослѣпитъ его, овладѣетъ имъ, и снова употре-

бить всё средства чтобы погубить его. «А средства за вѣ камелеонѣ безчисленны, какъ переливы цвѣта его кожи.» Такъ заключалъ обыкновенно мудрый Индїецъ всё свои убѣжденія и думалъ объ одномъ: только какъ бы разсѣять тоску своего друга; затѣвалъ разныя занятія, приучалъ его къ новому образу жизни индїйской, катался съ нимъ по озерамъ, предпринималъ для него самыя отдаленныя путешествія въ страны новыя и любопытныя, все съ тою же цѣлью—разсѣять брата Джона, но тщетно: та же грусть томилла его, и ни что, казалось, кромѣ смерти, не могло вырвать ее изъ его сердца. Джонъ любилъ еще опасную забаву, любилъ охоту, но именно, кажется, за эту опасность, надѣясь когда-нибудь найти въ ней свою гибель и разстаться наконецъ съ ненавистною для него жизнью. Но предусмотрительность друга подмѣтила и это побужденіе и наказала строго всѣмъ, начиная съ самого себя считать каждый волосъ Джона дороже собственной жизни.

«Братъ Джонъ!» сказалъ молодой Индїецъ, срѣзавъ кусокъ какого-то растенія, и раздвоивъ его по-поламъ: «приложи вотъ это къ ранѣ: благодатный сокъ бамры *) исцѣлитъ и раны сердца, не только что тѣла.

Джонъ въ задумчивости не обратилъ вниманія на предложеніе Индїйца.

«Что же ты, братъ Джонъ? не хочешь, или не любишь меня, или ждешь чтобъ Сасантаръ взглянулъ на меня неласково?»

Джонъ очнулся, и, не отвѣчая ни слова, машинально сталъ прикладывать листья цѣлебнаго растенія.

*) Мѣстное названіе, кажется, аллон.

«Не такъ, не такъ, братъ Джонъ!.. Двѣ стороны: добра и зла, вреда и пользы; одна колетъ, другая лечитъ; вотъ этой...»

И Индіецъ самъ привязалъ раздвоенные листья къ больной ногѣ Джона.

«Ну, теперь тѣло твое облегчено, успокоено, нѣтъ опасности: зачѣмъ же душа остается все тревожнѣе, какъ эти вѣтки лианы, мрачною, какъ эта куша лѣса?.. Скажи Джонъ, что томитъ ее?»

— Горе, Агва...

«Взяли у тебя домъ, землю, добро твое, разлучили съ отцомъ, съ матерью, отняли жену наконецъ?»

— Жену и дочь, Агва...

«О! о! Тяжка разлука, тяжка утрата любимыхъ сердцу?.. И теперь еще Огайя помнитъ дѣло мести Агвы за смерть его Тары.»

Индіецъ съѣлъ противъ Джона и, ни мало не требуя поощренія со стороны слушателя, началъ рассказъ изъ своей жизни:

«Зной сжигалъ нашу землю, иссушилъ прилежащія озера, источилъ влажныя части какусовъ, снегъ окрестъ всю равнину. Ураганъ кончилъ начатое — и стада алчныхъ ягуаровъ*), выбѣжавшія изъ лѣсовъ, дали знать, что и тамъ нѣтъ спасенья, и мы легли вмѣстѣ съ бокирами**), вмѣстѣ съ наймансами***), въ раскаленныхъ стѣнахъ нашихъ хижинокъ въ ожиданіи благодатной влаги съ неба. Но не дождемъ, а молніей налетѣли на насъ

*) Мѣстное названіе американскихъ тигровъ

**) Божь, или удавъ.

***) Мѣстное названіе крокодаловъ

Огайцы и, пользуясь нашимъ горемъ, и безъ того полуживыхъ, стали мучить и добивать. Я былъ одинъ съ малюткой, за двѣ весны только схоронивъ прахъ жены моей, лежалъ больной и безъ вниманія къ опасности, къ окружающей гибели, любовался моей Тарой, утѣшался ея ласками, помлъ молокомъ уцѣлѣвшаго кокоса. Тара была восхитительна, ютилась ко мнѣ, уживалась, обнимала меня, цаловала. — О, Джонъ! Джонъ! Какъ-теперь смотрю на нее... Вдругъ вбѣжалъ Огайецъ... «Одинъ...» подумалъ я и схватился за томгаукъ. Но этотъ одинъ былъ только вѣстникомъ гибели. — Ихъ вбѣжало много... Я легъ и прикрылъ Тару. Одинъ изъ Огайцевъ замахнулся ножомъ... «бей! но посмотри кого»... И я открылъ Тару: я хотѣлъ умиловить ягуара... Ножъ былъ въ груди моей и, какъ въ предсмертномъ снѣ мнѣ видѣлся Огайецъ съ разможенной Тарой въ рукахъ... Я очнулся: на груди моей лежала Тара, но Тара безъ жизни.

«Прошла засуха, земля оживилась, все ожило, встали и мы, дѣти Лѣнапа. По обыкновенію мириться, сдѣлываться съ врагомъ, зарыли томгаукъ, и кто кого слабѣе, тотъ къ тому пошелъ въ услугу. Засуха крѣпко встопицала насъ, и мы сдѣлались данниками Огайцевъ; я даже пошелъ въ рабы къ моему личному врагу; но въ душѣ была месть, а не служба... Три раза пахло солнцемъ землю, три раза влага небесная освѣжала ее; Агва служилъ Огайцу, какъ чернѣйшій служитъ бѣлому. Агва медилъ, потому что выбиралъ, и наконецъ выбралъ жертву, любимую дочь Огайца... Когда не было отца дома, не было другихъ дѣтей, не было ни кого близъ

внхъ, Агва принесъ Лимѣ корзину смоквы, сладкой смоквы, которую такъ любила Лима, но... Агва отвернулся... слышалъ стоны Лимы... страданія... Вбѣжалъ отецъ и засталъ Лиму почти уже мертвою: два черные скорпіона впились въ ея бывшее тѣло... Она умерла, простонавъ: «Агва!». Агва слышалъ и исчезъ...»

— Злодѣй ты! злодѣй! воскликнулъ Джонъ, возмущенный разсказомъ Индійца: что ты сдѣлалъ?...

«Я отмстилъ смерть Тары...»

— Ты не братья мнѣ послѣ этого! перебилъ Джонъ: лучше въ берлогъ съ ягуаромъ, чѣмъ съ тобой подъ однимъ небомъ...

И Джонъ хотѣлъ-было встать, но Агва удержалъ его.

«Съ кровавой тѣнью дочери Тары мнѣ будетъ сручше въ берлогъ ягуара... Ты останься здѣсь — твоя жива еще.»

И Индеецъ скрылся.

Прошла ночь; разсвѣло. Джонъ проснулся — передъ нимъ стоялъ Сасантаръ.

Джонъ не вѣрилъ глазамъ своимъ.

«Вставай!» сказалъ мрачно Сасантаръ: «я исполню на-конецъ твою просьбу; торопись, не то Кита-хія *) втянетъ въ себя голубя...»

Друзья вышли изъ лѣсу, и человекъ слова понесъ ихъ по Гудсону, но не вверхъ уже, какъ нѣкогда, а внизъ по теченью къ Нью-Йорку.

---

*) Мѣстное названіе удава.

Срокъ заключенія Фультона приходилъ уже къ концу, но Фультонъ не радовался. Ни предстоящая свобода, ни возможность снова приступить къ работамъ и окончить свой подвигъ и доказать наконецъ этой неблагодарной, несправедливой родинѣ, что онъ, можетъ быть, одинъ изъ достойнѣйшихъ ея дѣтей, ни что не занимало Фультона. Одна мысль, одно чувство поглощало все его существованіе — чувство грусти по утраченному, любимому созданію; Фультонъ сказалъ себѣ въ душѣ, что не можетъ жить безъ Райи и, не задерживаясь, готовъ былъ смѣнить тюрьму на могилу:

«Нѣтъ, Нечюръ, нѣтъ! не утѣшай меня» говорилъ онъ своему добровольному товарищу заключенія: «грустно когда не мечта, а лучшее предназначеніе человѣка не достигается... Я не дитя, не восторженникъ, не влюбленный студентъ, но и не изношенный по чувствамъ человѣкъ, не истертая твоя реторта... Я искалъ созданья, которое было бы моимъ другомъ, искалъ женщины съ душою, съ сердцемъ, съ умомъ, съ привязанностью ко мнѣ, съ которой хотѣлъ быть счастливымъ, прожить всю жизнь, раздѣлить всѣ радости, все горе, дополнить мое существованіе, какъ гражданина этой несправедливой родины, назначеніемъ мужа, отца, семьянина, всѣмъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ, чтобъ быть человѣкомъ вполне, и достигъ уже до цѣли, былъ на рубежѣ моихъ желаній, нашелъ это созданіе, эту женщину, и у меня отняли ее, и кто же отнялъ? эта же родина, облеченная въ свои зѣринные законы...»

Вошелъ Цезарь.

«Что Райя, Цезарь?»

— Плачешь, масса.

«Она здѣсь еще?»

— Не на долго, масса...

«Не на долго?...»

— Ибоке, масса, грозится сослать на плантаціи...

«На плантаціи?... Звѣрь!...»

— Ибоке, масса, продолжалъ Цезарь сквозь слезы: все пристасть къ ней, все хочетъ, чтобъ она была весела, не плакала, хочетъ, чтобъ она его лю...

«Что? что? Говори, говори, Цезарь...»

— Ничего масса, ничего... хочетъ, чтобы она его не бранила...

Цезарь жгаль, и не въ первый разъ, боясь разстроить еще болѣе своего господина, и зная черезъ предвѣщаго товарища, Сократа, настоящее положеніе Райи, скрывалъ его отъ Фультона. Да и у кого бы достало духу передать весь ужасъ обращенія Ибоке съ своей жертвой? Жизнь на плантаціи была еще только началомъ пытки. Райя, не видя конца своимъ страданіямъ, не имѣя надежды, въ отчаяніи ждала тоже смерти, какъ Блага выше.

«Грѣшу, о Господи, грѣшу!» говорила она, окончивая какъ-то свою вечернюю молитву: «но развѣ Ты не посылаешь иногда смерти Твоимъ мученикамъ? развѣ мои мученія ничего уже не значать? развѣ я нисколько не мученица?... О Господи! прости, но услышь мою грѣшную молитву...

Вечеръ былъ сумрачный; тучи бродили, громъ раскатывался, молніи мелькали, разыгрывалась буря. Райя сѣла у окна, и въ залумчивости, взглянувъ въ даль

по Гудсону, безотчетно увлеклась вниманьемъ за од-
нимъ челвоюкомъ, который выбивался къ устью.

«Она выбьется еще, можетъ-быть, а я умиъ лѣтъ!»
сказала Райя и горько заплакала.

Дверь растворилась съ шумомъ, вышелъ Ибоне и,
обратившись къ Райя, сказалъ грубо: «будь готова; ты
пойдешь со мною...»

— Съ тобою?... Никуда!... отвѣчала съ презрѣ-
ньемъ Райя и встала съ своего мѣста: — одна, хоть въ
могилу, и тѣмъ скорѣе тѣмъ лучше...

«Змѣинное отродье! другая бы раба радовалась та-
кой чести господина, а ты... неугомонная... вся въ
мать! Погоди же, я и съ тебя собою спѣсь, какъ сбилъ
съ нее... никогда...»

— Смертью?... перебила Райя: я только и молно
объ ней...

«Нѣтъ по смертию, смерть для добрыхъ рабовъ, для
злыхъ есть еще жизнь, но жизнь мукъ и слезъ... Го-
товься покинуть жизнью матеря...»

— Чудовище!

И Райя, закрывъ лицо руками, въ слезахъ упала на
стуль.

«И она также падала,» продолжалъ Ибоне: «и она пла-
кала, упрашивала, молила... ее не слушали и вѣсли на
работу; разъ понесли еще живую, принесли павалъ
мертвую...» Райя не дослушала, Райя почти была въ
безпамятствѣ.

Ибоне вдругъ какъ-бы переродился, бормотая къ
Райя, сталъ на колѣни, схватилъ ея руку, осыпалъ по-

цѣлулин и кричалъ уже не зѣбронъ-колономъ, а страстныиъ любовникомъ.

«Прости меня, прости, Райя... я огорчилъ тебя, оскорбилъ, разстроилъ, напомнилъ самую тяжкую утрату, напомнилъ смерть матери... Я не виноватъ къ ней... Я навледалъ на себя... Зачѣмъ? не знаю... И какой демонъ вѣчно толкаетъ трогать эту струну... Райя! Райя! Ты виновата, ты раздражаешь меня... Нѣтъ, нѣтъ! Я, я одинъ преступникъ. Прости, прости Райя...»

Райя выдернула руку.

«Ты сердншься, Райя? ты отталкиваешь меня?» продолжалъ Ибоке умоляющимъ голосомъ: «Райя, не презирай меня... Я не такъ дурень, не такъ золъ, какъ оклеветали меня люди... Я много дѣлалъ добра, готовъ еще дѣлать, готовъ сдѣлать все изъ одного ласковаго слова... О, Райя! для тебя, для твоей любви, отдаю жизнь, свободу, богатства, земли! Тамъ прахъ твоей матери: владѣй ими... я удеслятерю ихъ, умножу, все найду, добуду для тебя, найду прахъ отца твоего, только люби меня... Отдайся мнѣ...»

Райя вспыхнула отъ негодованія.

«Ты любишь меня, Райя?...»

— Я ненавижу тебя...

Ибоке всталъ.

— Я ненавижу тебя, повторила Райя, нажимая на каждое слово: ненавижу какъ убійцу моей матери... Не отпирайся... Богъ и люди знаютъ все... Ненавижу, какъ грабителя отца. Не хитри, не обманывай: оги живъ еще и придетъ самъ уличить тебя... Ненавижу,

как моего учителя: при свидетелях, на глазах мира, ты разрушил мое счастье, оторвал меня от невесты, от руки жениха и его сдвинул страдальцем, участником моей горькой участи, — и хочешь, чтобы я полюбила тебя?...

«И будешь любить!» перебил Ибоке: «хуже — не любя будешь моей любовницей... Блестит, идет же на плантацию...»

И, схватив полумертвую Райю за руку, Ибоке потащил ее из комнаты. Райя застонала, но в то же время раздался и шум за дверью; замок щелкнул; вбѣжали Мейтонъ и Сасантаръ.

«Дочь моя!»

— Батюшка!...

«Мейтонъ! Сасантаръ!...»

И Ибоке, выпустив Райю, остолбенѣлъ отъ ужасу.

Была полночь. Въ кабинетъ Ибоке стоялъ столъ, на столѣ свѣча, чернила, перо, нависшая уже бумага, и томгаукъ; за столомъ сидѣлъ Ибоке; напротивъ Сасантаръ.

«Возьми свой топоръ, старый знакомый, если хочешь, чтобы я подписывалъ. Онъ мнѣ не шутишка и всегда говорилъ Ибоке стараясь казаться спокойнымъ и даже веселымъ, хотя блѣдность лица и изрѣдка пробѣгавшая дрожь по телу далеко убѣждали въ противномъ: «и что за индійскія всё привычки?»

— Советую и тебѣ быть вѣрнымъ обычаю твоихъ праотцевъ: наши клали томгаукъ, когда скрѣпляли печатью грамоту, и кто нарушалъ ее, тому рубили руку...

Ибоке вздрогнулъ, но какъ-бы не слышать послѣднихъ словъ и съ бѣльшимъ еще вниманіемъ медленно подписывалъ бумагу.

«Ну, дядя Сасантаръ!» сказалъ онъ наконецъ положивъ перо: «все готово, скрѣпиль.»

Сасантаръ всталъ, посмотрѣлъ пристально и прочелъ съ разстановкой: «Къ своей кунчей крѣпости руку приложилъ мистеръ Измаиль Ибоке.»

«О да какъ славно читаетъ дядя Сасантаръ! а кто выучилъ?»

— Плутни вашей братьи... отычалъ презрительно Индіецъ, и свернувъ бумагу, положилъ ее за поясъ.

«Постой же, постой, дядя Сасантаръ; надо кончить въ чистую разсчитать.»

— Какой разсчитать?

«А какъ же? Развѣ я даромъ отдамъ Райю Фульто-ну? вѣдь она моя квартирушка...»

— Безсовѣстный человекъ! ограбилъ отца, и его же дочь ему же продаешь за деньги!..

«Да не ему, а Фультону... Понимаешь ли, Индіецъ, постороннему человекъ; и какъ ты хочешь, а подавай сто долларовъ; даромъ же возьмешь. Не то все поверну опять вверхъ дномъ. Самъ проваду, а ужъ она будетъ невольницей; уничтожу кунчую, — тогда правитель-ство ничѣмъ не угомонишь; подавай, закричитъ, квартирушку Райю: она на лицѣ за имѣніемъ Ибоке...»

— Да если и самого-то Ибоке, перебилъ Сасантаръ, не считать, какъ контрабандиста, вора, грабителя, дѣлателя самовольныхъ денегъ, нагнѣнника, убійцу...

«Помилуй, помилуй, Сасантаръ! Вѣдь рѣшено уже

между нами не поминать объ этомъ, и доказательства, бумаги всѣ положено сжечь...»

— Положено; но они не сожжены еще...

«Такъ что же?»

— Ничего, не страшай... Я не знаю кому страшнѣе...

Ибоке видѣлъ, что храбростью не возьмешь съ Сасантаромъ, попробовалъ на шутку:

«Такъ, какъ же Сасантаръ? мнѣ и не получить ужъ видно моихъ ста долларовъ? Ну, Богъ съ вами, я подарю ихъ вамъ!... Скажи же Фультону, что это ему на разживу отъ меня, вмѣстѣ съ желюю, которую я же выкедилъ, подарилъ ему...»

Поблѣднѣлъ съ досады Индѣецъ и, оторвавъ мѣшочекъ отъ пояса съ своими собственными деньгами, бросилъ его на столъ.

«На, черная душа! не наде твоихъ подарковъ... Возьми; отъ тебя же собраны они за нечистое дѣло, — пусть и вернутся въ нечистую яму...»

— Да, да, Сасантарушко! вездѣ гуляютъ мои денежки. Нечего сказать, поразсорилъ я ихъ таки на порядкахъ! одинъ ты что перебралъ у меня и какъ весело зато, когда они опять возвращаются къ своему старому хозяину...

Индѣецъ не слышалъ уже выхода жидовскаго сребролюбя, взялъ свой томгаукъ и вышелъ. Ибоке считалъ деньги, всыпалъ ихъ снова въ мѣшочекъ, и засвѣтивъ фонарь отправился въ свою кладовую.

«Все не прочтѣе,» говорилъ онъ, отпирая огромный желѣзный сундукъ, который опустилъ отъ любопыт-

ныхъ воровъ въ самый дальній подвалъ своего дома: Все не прочно въ этомъ мѣстѣ; одѣ только вы петлины, милыя денежки... Вы не измѣните; для васъ все измѣнить... Наскочили врасплохъ — не то, думаютъ, дажь бы я имъ такъ круто повернуть дѣломъ! А денежки на чтѣ?... Да нѣтъ, жаль бы стало; и то истратилъ много за старые грѣхи...»

И Ибоке, свѣсясь въ сундукъ, сталъ считать монхи, не обративъ вниманія на подпорку, которая перержавѣла отъ времени и гнулаь подъ тяжестью крыши.

«Вотъ этотъ, смотри, какъ поубавился, говорилъ онъ съ сожалѣньемъ посматривая на одиъ изъ кѣшкочъ; а этотъ и вовсе пусть бѣднешькій... Тебя цѣлкомъ почти съелъ за пріятеля Фан-Эстена: видишь, выковырять я, что онъ охотникъ до грибовъ и ѣсть всѣкѣ безъ разбору, а умеръ — меня же сдѣлалъ наследникомъ, какъ добраго своего прикащика... Чтѣ жъ? я и точно былъ у него исправнымъ слугою: зачѣмъ было проговариваться, что и завѣщанье ужъ подписано?... Самъ соблазнилъ... За то и покушалъ грибокочъ...»

И Ибоке страшно ухмыльнулся.

«А ты, толстенькій съ прародителями нью-Йоркскими, съ рыцарями голландскими, арабскими, всесвѣтными, не всегда чистыми, честными, вѣрными, часто исколочеными, изрѣзанными!... Ничего, ничего, знай толстѣй, набивайся; нынче нуженъ итогъ храбрости, а не блескъ и личные подвиги...»

Ибоке, перевернувъ нѣсколько кѣшкочъ, нашелъ какой-то узелъ и, развязавъ его, заговорилъ снова:

«Ба, ба, ба, ба! Это что за рѣдкость? чтѣ за ро-

сможу?... Откуда Богъ далъ такой богатый ошейничекъ?... Какой жемчугъ! какія груши!... Какъ это ко мнѣ попалъ?... А! подруга Юдики украла и утопилась... Помню, помню... было отъ чего... Ужь если тониться, такъ вотъ въ этакой водѣ... А какое зерно, какъ на подборъ! да всѣсь-то, всѣсь одинъ чего стѣтъ...»

И Ибоке, потряхивая на рукѣ жемчугъ съ жидовской сварожкой, хотѣлъ угадать на-вѣрное цѣну его и угадавъ какъ бы мысленно, положилъ ожерелье уже не въ узелъ, а въ особенный ящикъ и приперъ его нѣсколькими мѣшками денегъ, прибавивъ съ улыбкой: «васъ куда хочешь, любезные, хотъ въ караульщики; на все годитесь денежки...»

И Ибоке снова веревель къ деньгамъ, считалъ ихъ перекладывая, припоминалъ исторію пріобрѣтенія, гладилъ, побрякивалъ, прислушивался, цаловалъ, наслаждался, казалось позабылъ весь міръ, людей, себя, свою бѣду, свѣжую еще неудачу, все, все, словомъ былъ въ восторгѣ, въ уноеніи сребролюбца... Вдругъ подпорка хрупнула, сломилась, обломки выскочили, и желѣзная крыша рухнула всей своею тяжестью и прихлопнула скрягу въ его золотомъ грѣбѣ.

Черезъ нѣсколько дней нашли Ибоке мертвымъ въ томъ же самомъ подвалѣ, въ которомъ онъ нѣкогда мучилъ свою жертву Джона Мейтона. — Прибой крыши проткнулъ его насквозь. Несчастный былъ еще долго, видно, въ памяти, думалъ спастись, но спасая себя, спасалъ какъ-бы и своего идола: два мѣшка червонцевъ такъ и остались въ его закостенѣвшихъ объятіяхъ.

Пристань кишѣла народомъ; всѣ сословія, мужчины, женщины, старики, дѣти, Американцы, чужеземцы, Негры, Индійцы, все пришли взглянуть на первое отправленіе парохода. Въ ближайшихъ корабляхъ, шкунахъ, лодкахъ, индійскихъ челнокахъ, съѣхались пассажиры, лодочники, гребцы, дикари, уйтгалеры изъ всѣхъ окрестностей Нью-Йорка, съ разныхъ сторонъ и съ любопытствомъ, нѣкоторые съ недоумчивостью смотрѣли тоже на новаго гражданина морей.

Одинъ у самой пристани, какъ истинное чудо и по своей формѣ и по своей необычности, стоялъ пароходъ и чуть выйдя на легкомъ волненіи, какъ-бы ждалъ когда его пустятъ и избавятъ отъ скучнаго любопытства, можетъ-быть, даже насмѣшекъ, и дадутъ ему наконецъ волю доказать права свои и даже преимущества другимъ одностѣйнымъ братьямъ. На боку, въ золотыхъ буквахъ красовалась кличка парохода, но имени изобрѣтателя: «*Фультонъ*».

Работники суетились, дымъ чернымъ изъ трубы, въ мютахъ шипѣло, паръ набирался, всѣ догадывались, что пароходъ пойдетъ скоро.

Поодаль нѣсколько отъ общей толпы стоялъ небольшой кружокъ знакомыхъ и родни Фультона, и болѣе чѣмъ самъ изобрѣтатель, можетъ-быть, принималъ участіе въ отправленіи парохода и даже боялся стыда и сраму вслучаѣ неудачи. Напрасно Фультонъ усвоивалъ недоумчивыхъ, доказывалъ имъ невозможность этой неудачи, утвердительно объяснялъ всю вѣрность своего предпріятія, мастерское приспособленіе и времени и работниковъ, и самыхъ подробностей изобрѣ-

тепѣя къ устоянному его ходу; но на всѣ убѣжденія Фультова былъ одинъ отвѣтъ: «ну, а если не пойдетъ?..»

Ударилъ первый звонокъ.

«Поехель?» спросила миссъ Мейтенъ.

— Да! отвѣчалъ рѣшительно Кюасъ.

«Кажется... почти... посмотрите... шевелится...» съ сомнѣніемъ шепнулъ Нечоръ.

— Нѣтъ еще, сказала съ нетерпѣніемъ Райя и на-крыла всѣ толки.

«Ну, матушка, осрамить насъ твой муженекъ, если да онъ сядетъ!...»

— Ахъ тетенька! ужь вы по-крайней-мѣрѣ не говорите....

«Сядетъ...»

— Тетенька...

«Что такое? что?» спросилъ снова подошедшій Фультонъ.

«Да вотъ...»

— Ну что да вотъ?... Я говорила, что все готова сдѣлать для того только чтобы онъ пошелъ...

«Посмотримъ, посмотримъ!» сказалъ Фультонъ: «сей-часъ будетъ проба вашей готовности и желанья быть хоть чѣмъ-нибудь мнѣ полезну въ моемъ изобрѣтеніи...»

Ударилъ второй звонокъ.

Время было садиться; Фультонъ пошелъ звать гостей. Обходилъ толпы, ряды, сгруппировавшіеся уже кружки зрителей, обращался, приглашалъ каждаго: — всѣ какъ-будто цеременились, требовали объясненій, за-вѣреній, и выслушавъ ихъ, отказывались въ-чистую не только ѣхать, но даже и незавтракать на пароходѣ.

Нѣкоторые были столько по-крайней-мѣрѣ внимательны къ изобрѣтателю, что избавляли его заблаговременно отъ неприятности отказа, и посмѣивая, какъ-бы заняты своими мыслями, своимъ дѣломъ, отходили и скрывались въ толпѣ; но большая часть безъ разирасовъ, не дослушавъ даже приглашенія, отворачивались, или пятились въ страхъ назадъ.

Фультонъ потерялъ все терпѣнiе, обидѣлся въ душѣ и пошелъ къ своимъ.

«Ну тѣтенка, посмотришь вашу готовность!» сказалъ онъ обращаясь къ миссъ Мейтонъ: «посмотришь ваму смѣлость! пожалуйте-ко на пароходъ...»

— Извольте... отвѣчала плачевнымъ голосомъ миссъ Мейтонъ и, какъ жертва, отправилась къ трану.

Но здѣсь не пароходъ уже, а тѣснота самаго трана испугала ее... «Что я буду дѣлать съ ногой?» сказала она плачевнымъ голосомъ: «какъ занесу ее...» Потомъ попробовала, покачалась на одной ножкѣ, затряслась, чуть-было не упала и, вскрикнувъ въ отчаянiи: «Ни за что!...» вернулась рѣшительно назадъ.

«Неужели же ничего?» спросилъ въ огорченiи Фультонъ.»

— Завтракать, пожалуй, пойду...

И Кноксъ отправился.

«А Райя, жена моя Райя, неужели и она?... Да гдѣ же Райя?...»

И Фультонъ оглянулся.

Веселая, безпечная, всегда смѣлая, Райя была уже на пароходѣ и махала платкомъ.

«Завтракать, племянникъ, завтракать скорѣ!... Да

позови же, смотри, при третьемъ звонкѣ, чтобы мнѣ не остаться...» И Кноксъ свалился въ каюту.

— Есть хоть одинъ мужчина, слава Богу, хоть плѣнный завтракъ! сказала Фультонъ со смѣхомъ уже подходя къ Райѣ: наважу же я его за все племя трусовъ... И Фультонъ свистнулъ.

Дымъ за клубился, клапанъ взвизгнулъ, колеса зашатались, застучали, и пароходъ пошелъ — только нѣна раскидывалась серебрянымъ хвостомъ, только дымъ разстилался черными тучами.

На палубѣ стоялъ Фультонъ, обнявши Райю въ восторгѣ, въ мѣрѣ блаженства, въ вѣнцѣ своей славы.

Пароходъ исчезъ. Толпа разошлась, пристань снова опустѣла; остались только два человека.

«Я говорилъ ему, Джонъ,» сказалъ одинъ изъ нихъ смотря еще вдаль по теченію Гудсона: «я говорилъ, что онъ будетъ богомъ водъ, богомъ озеръ великихъ, и слова мои исполнятся. Онъ сдѣлалъ чудо...»

— Да, Сасантаръ, да, чудо!... Но его не было бы, кажется, безъ моей Райи, а Райи безъ тебя...

Индіецъ взглянулъ на Мейтона; друзья замлакали, обнялись и долго еще молча въ слезахъ стояли у пристани.

П. Каменскій.

КОМАРЪ.

Лошадка возъ везла куда-то на базаръ;
Съ тяжелой кладью возъ; лошадка приустала,
А на возу сидѣлъ Комаръ;
Въ немъ жалость къ лошади пришла.
Быть такъ, сказалъ Комаръ, тебя я облегчу
Чтобъ ты подъ бременемъ тяжелымъ не упала,
И съ воза я слечу.
Слетѣлъ Комаръ, жужжить, летаетъ,
Свою умѣренность и жалость прославляетъ,
И то, какъ былъ тяжелъ,
И то, какъ онъ слетѣлъ.

Пигмейкинъ, критикъ, тоже мечтаетъ
Что тягота однихъ, другихъ онъ облегчаетъ...
Заносчивъ и хвастливъ!... Комаръ всегда таковъ,
Хоть былъ бы изъ числа — Журнальныхъ Комаровъ.

Б. Федоровъ.

ЖАЛОБА.

Не стало силъ, не стало воли.
Куда я скроюсь отъ страстей,
Отъ горькихъ слезъ, отъ тайной боли,
Отъ страшной немощи моей?

Дорогой жизни одиноко .
Нести проклятіе свое
И звать, что чуждо и далеко.
Для всѣхъ страданіе мое;

Съ душою пламенной и вѣжливой
Родной души не находить,
Въ разбитомъ сердцѣ стоить мятежный
Холоднымъ смѣхомъ заглушить;

Просить, алкать духовной пищи,
 Искать любви, искать друзей,
 И объ участіи, какъ нищій,
 Молить безчувственныхъ людей;

Чужія ласки злобно видѣть,
 Своихъ ни съ кѣмъ не раздѣлить,
 И тамъ безумно ненавидѣть,
 Гдѣ такъ хотѣлось бы любить;

Раскрыть холодныя объятія,
 Друзей на праздникъ сердца звать,
 И съ воплемъ дикаго проклятѣя
 Холодный воздухъ обнимать;

На сходку съ братьями своими
 Принести страданія чужу,
 И тутъ быть лишнимъ между ними
 И тутъ быть снова одному;

И тутъ мѣшать, суровымъ взглядомъ
 Бесѣду душъ остановить,
 И грудь наполнивъ желчнымъ ядомъ
 Съ чужаго пира уходить;

И вновь, какъ Парія презрѣнный,
 Влачить томительные дни
 И видѣть съ завистью смущенной,
 Какъ дружбу враздвуютъ они;

О это страшно, это больно:
Все сердце бѣдное въ клочкахъ,
И грѣшной жалобой невольно
Взываетъ къ Богу въ небесахъ.

И всё тяжеле мое бремя,
Больше чувство нищеты,
Всё глубже медленное время
Хоронить скудныя мечты.

Эдуардъ Губеръ.

МЕЧТА.

СТИХОТВОРЕНІЕ, ПИСАННОЕ НА ПАРХОДѢ «КОНСТАНТИНЪ» ■
ПОСВЯЩЕННОЕ МАТЕРИ МОЕЙ К.....Ъ А. И. К.....Й.

Волна катится за волною
И пароходъ летитъ стрѣлой;
Тебя одной лишь вѣтъ со мною,
Тебя лишь вѣтъ, моею родной.
Съ чужимъ я радость раздѣляю,
Но мысли заняты тобой,
Тобою жить одной желаю,
Тебя любить — вотъ жребій мой.

Зачѣмъ, родная, ты не съ нами?
Ты тамъ въ кругу семьи родной,
Быть-можетъ, мрачными мечтами
Тревожишь тихій свой покой.
Тебя веселье не прельщаетъ,
Не для тебя оно дано,
Но счастье тамъ лишь обитаетъ,
Гдѣ сердце чувствъ не лишено.

Князь Кузусевъ.

СМЕРТЬ ДАНТА.

(Дантъ, изгнанный изъ отечества, скитаясь по всей Итали, на шелъ себя наконецъ послѣднее убѣжище во владѣнiяхъ Герцога Равенны, котораго дочь, прелестную Франческу, убитую ревнивымъ мужемъ, столь трогательно описалъ въ V пѣсни своего «Ада». Многіе стихи, вложенные здѣсь въ уста Данта, почерпнуты изъ его великолѣпной поэмы, въ которой отражается весь характеръ пѣвца закаленный ужасами среднихъ вѣковъ, но вывѣтъ съ тѣмъ растворенный нѣжностію самыхъ утонченныхъ чувствъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВЪ РАВЕННѢ, ВЪ ЧЕРТОГАХЪ ВЛАДѢТЕЛЯ

ГВИДА ДА ПОЛЛЕНТА.

ДАНТЪ (умирающій на ложѣ), ПОЛЛЕНТА.

ДАНТЪ.

Пѣвца изгнанника послѣдній покровитель,
Поллента! — я иду въ ту мирную обитель,
Которую отъ бурь давно себя желалъ:
Для гостя твоего послѣдній часъ насталъ!
Ты Данта не отвергъ, ты старцу въ утѣшенъе
Смерть Данта.

1

Скитавшемуся былъ... принижи благодаренье; —
Да наградишь тебя небесный нашъ Отецъ!

Поллента.

Нѣтъ, нѣтъ, твоихъ друзей, божественный пѣвецъ,
Еще не оставляй! — тебѣ вѣнки лавровы
Италія плететь, — сограждане готовы
Тебя со славою принять въ родимый градъ! —

Дантъ.

Ужъ поздно! мертвого они не воскресятъ!...
.....

Приподыми меня, Поллента, дай мнѣ руку,
Хочу я воздухомъ мою развязать муку;
Веди ослабшаго, ... я сяду близъ окна, ...
Дорога изъ него къ Флоренціи видна; ...
Вотъ такъ, благодарю. *(Садится).*

Поллента.

О чемъ мечтаешь ты?

Дантъ.

Вы изменили мнѣ любимымъ мечтамъ!...
.....

Когда я шѣлъ, землей и небомъ вдохновенный,
Высокій гимнъ Творцу, былъ голосомъ вселенной
Къ жестокой родинѣ любовью я горѣлъ,
И въ славѣ я искалъ изгнанію предѣлъ,
Мечталъ, возною открыть стезю къ отчизнѣ,
И упокоить тамъ остатокъ бурной жизни!...
Тогда бѣ, въ тотъ свѣтлый храмъ, гдѣ смертный грѣхъ
омылъ

Водой крещенія, — я въ торжество вступилъ,
И надъ купелью бы пришла вѣнчанъ мой... гдѣ я? . .
Ахъ, я въ Равеннѣ!...

Поллента.

Дантъ! или во мнѣ злодѣя

Ты здѣсь нашелъ? —

Дантъ.

Прости мой благородный другъ! —

Ахъ, рѣчь невольную, в горе и недугъ
Изъ сердца выжалъ! — дѣтъ, нѣтъ, мнѣ страданья
Ты облегчилъ; но другъ, не знаешь ты изгнанья,
И на престолѣ ты его не испыталъ;
Я жъ — во Италии считался узналъ,
Какъ солонъ хлѣбъ чужой, и какъ крута дорога
На чуждое крыльцо! — Поллента, много, много
Я странникомъ терпѣлъ, на старца не сердись!

Поллента.

Друзьями вѣчно быть взаимно мы кланись.

Дантъ.

Такъ, ты одинъ мнѣ другъ! — Флоренція, съ тобою
Я усы всѣ разторгъ; ты, адскою враждою,
Непримиримая, всю жизнь мою гнала,
И въ ранній, чуждый гробъ, безкровнаго свела!
Ты мнѣ не родина! — не признаю тебя!
Не твой нѣвецъ, не сынъ, здѣсь въ землю дагу я!
Не погребешь меня, — я, жертвою руношъ,
Твой камень гробовой съ моею ногою сроду!..
Поллента, поклонись не выдавать мой прахъ!

Поллента.

Не выдашь Дантъ!

Дантъ.

Клянись!

Поллента.

Или въ помѣхъ словахъ

Ты сомнѣваешься?

Дантъ.

Клянись!

Поллента.

Клянусь святыней.

ДАНТЬ.

Но клятва на тебя, не на одного, — на смиръ,
 На внука, правнукакъ, на родъ всемъ лежать,
 И горе племени, когда ей измѣнить! —
 Клянись за весь твой родъ. —

ПОЛЛЕНТА.

Клянусь всемогущимъ Богомъ!

ДАНТЬ.

Теперь спокосъ я. Поллента, объ убогого
 Ты въ счастье не забылъ, все далъ ему что могъ;
 Прими же отъ пѣвца, отъ странника, въ залогъ
 Признательности все, что съ жизнью оставлю —
 Мои творенія! — тебѣ ихъ завѣщаю.
 Сей свитокъ сохрани, онъ съ Дантомъ не упретъ,
 И скоро вся къ тебѣ Италия придетъ,
 Какъ къ свѣжему ключу, здѣсь черпать вдохновенья,
 И будутъ ей мои бракуломъ видѣнья!

ПОЛЛЕНТА.

О Дантъ, бессмертный Дантъ! — ахъ, ежели знаешь
 Тебѣ моленій гласъ, и если этотъ домъ
 Приютомъ былъ тебѣ, забвеніемъ страдацій,
 Не отвергай, молю, отцевскихъ завѣщаній!...
 Ты самъ отецъ, о Дантъ!

ДАНТЬ.

Что хочешь? говори.

ПОЛЛЕНТА.

Еще ты живъ! и вотъ твой свитокъ... ахъ, сотри
 Любовь, судьбу и смерть, воспѣтыя тобою,
 Франчески дочери!...

ДАНТЬ.

Безумный!

ПОЛЛЕНТА (*бросаясь къ ногамъ его*).

Предъ тобою

Здѣсь повергаюсь я, пѣвецъ, какъ предъ судомъ

Всего потомства. — Дантъ! ахъ сжался надъ отцомъ,
 Несчастной дочери, не разглашай позора,
 Изъ ада выведи, оставь безъ приговора!
 Она мнѣ стоила столь многихъ горькихъ слезъ!
 Когда бъ ты зналъ ее!...

Дантъ.

Поллента! много слезъ

Я пролилъ самъ въ часы подземнаго свиданья;
 Какъ трупы падаютъ упалъ я отъ рыданья,
 Увидя тѣнь ея! — тебѣ прощаю я
 Безумную мольбу; Франческа — дочь твоя!
 Возстань; — яль ты мечталъ, я могъ безъ вдохновеній
 Духовный міръ воспѣть, и видѣть безъ видѣній?
 Пройти сквозь Адъ и Рай, живымъ въ толпѣ тѣней,
 И мертвый хладный міръ создать въ душѣ моей?...
 Поллента, — я не Богъ! взгляни, я умираю,
 Какъ смертный; хладный трупъ — вотъ все что оставляю;
 Но нѣкогда сей трупъ былъ духомъ оживленъ
 Божественнымъ, былъ имъ въ святилище введенъ,
 И не мои слова въ устахъ моихъ гремѣли!
 Когда бъ не истину они запечатѣли —
 Тогда бъ страшилса жизнь межъ тѣми потерять,
 Которые сей вѣкъ минувшимъ будутъ звать!

Поллента.

Безмолвствую, о Дантъ! въ слезахъ благоговѣю!

Дантъ.

Но время! смерть въ очахъ! я гасну, я хладю!
 Дай руку мнѣ, сожми, ... прости... не забывай!
 Богъ, Искушитель мой! — прими меня въ твой рай!
 (*умираетъ.*)

ВИДѢНІЕ ІЕЗЕКІИЛЯ.

Десница Вышняго коснулась меня —
И, такова была Его святая воля,
Ведомый Божьимъ Духомъ, я
Одинъ оставленъ Имъ средь вола
Пустыннаго и полного костей:
Останки бранные людей,
Лице земли онѣ покрыли;
Ихъ много было тамъ и сухи онѣ были.
И Божій Духъ вокругъ нихъ меня водилъ
«Сынъ человѣческій! «Онъ громко спросилъ:

«Возмогутъ ли ожить, страхувши прахъ могильный,
«Всѣ кости, зримыя Тобою, или итъ?»

Тѣ знаешь Ты, Господь! мой былъ отвѣтъ.

Вторично провѣщаль Всесильный:

«Сынъ человѣческій! пророчествуй костямъ:

«Внемлите! простираеть къ вамъ

«Адонан - Господь божественное слово:

«Красой тѣлесною васъ облеку я снова,

«Я мощь вамъ прежнюю отдамъ,

«Я Духа низпошлю Святаго

«И оживёте вы, и въ тотъ великій часъ

«Познаете, что я Господь!»

И ивѣкій гласъ

Услышаль я, когда слова мои раздались.

И основанія земли поколебались,

И видѣль я: передо мной

Вдругъ кости всѣ, одна съ другой,

Кость съ костью совокуплялись,

И быстро плоть одѣла ихъ;

Но жизнь еще не проявлялась въ нихъ.

И въ третій разъ къ небесному глаголу

Я преклонилъ благоговѣйный слухъ:

«Сынъ человѣческій! скажи, да прійдетъ долу

«Отъ вѣтровъ четырехъ могучій жизни духъ,

«Да возрожденіемъ его повѣютъ крылы

«На сихъ невольниковъ могилы,

«Да нынѣ оживуть они —

«И Господа - Адонан

«Исполнится опредѣленье!»

И я прорекъ, какъ Богъ мнѣ повелѣлъ.

Смотрю: въ единое мгновенье
На хладныхъ мертвецовъ Духъ Божій низлетѣлъ,
Дыханьемъ жизни ихъ согрѣлъ —
И, ею полные, въ одеждѣ обновленья,
Толпой несметною воскресли чада глѣбья!

Москва. 1839.

• *И. Бороздина.*

107 25 18

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.
A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.
Please return promptly.

